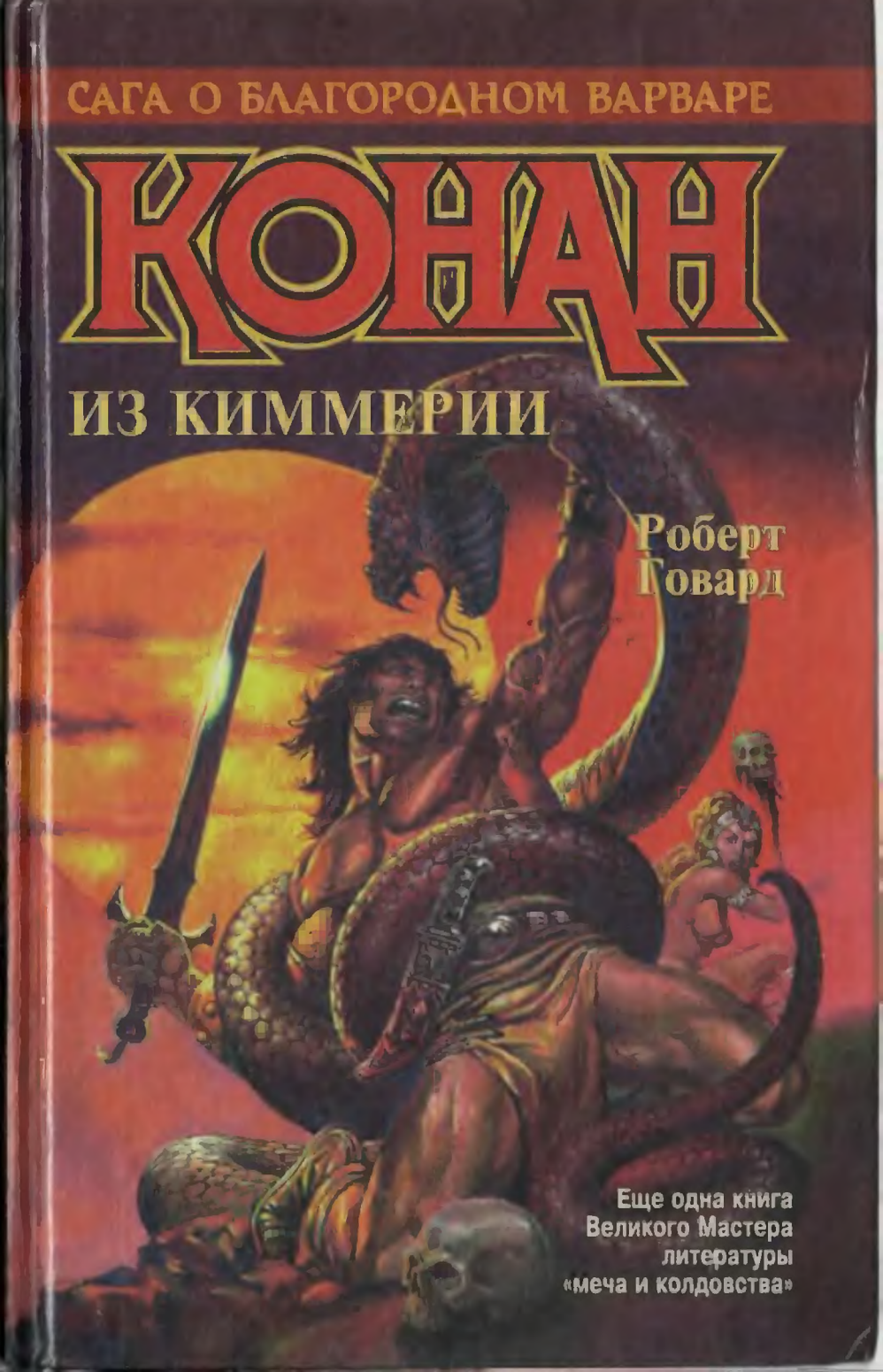
САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

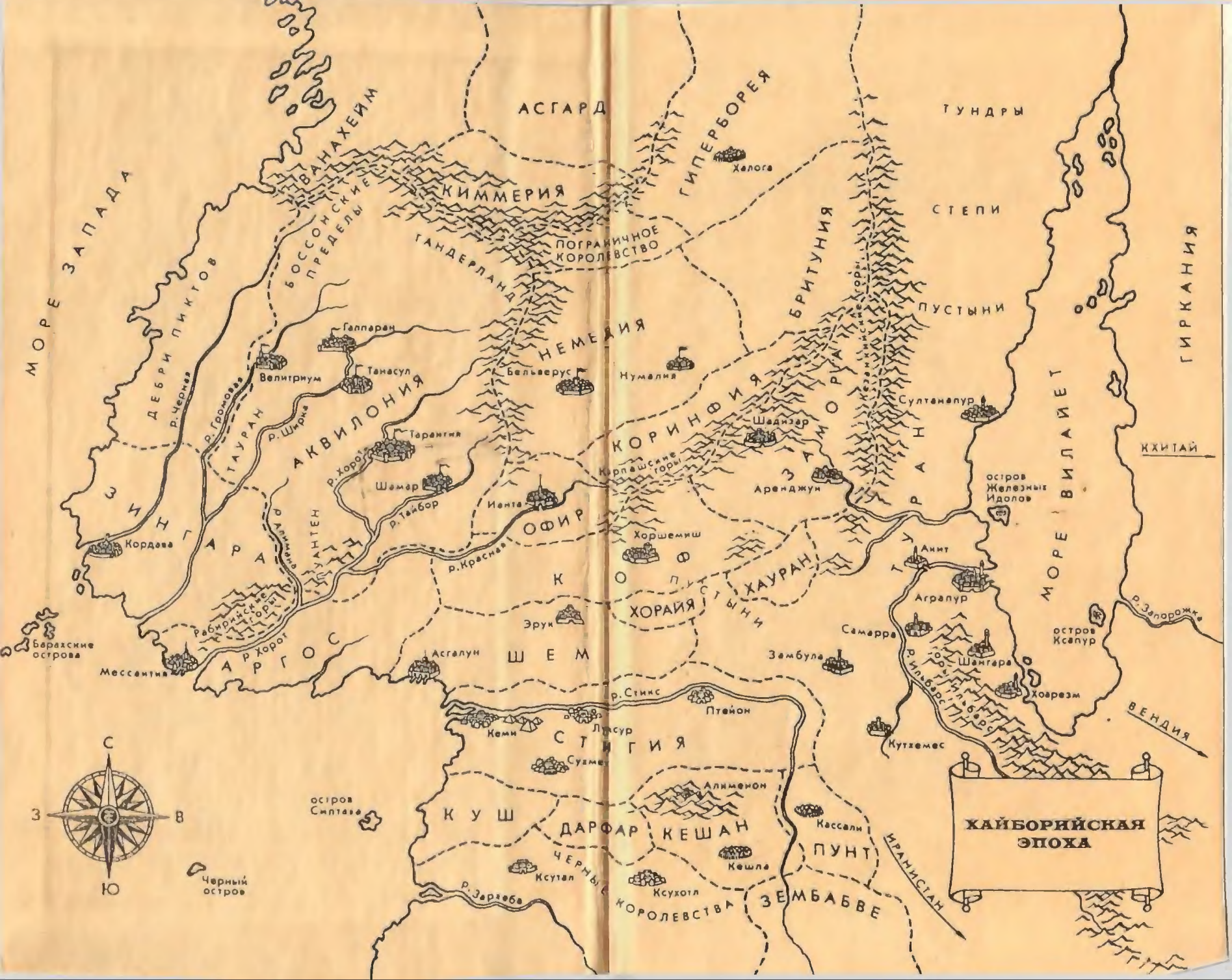
КОНАН

ИЗ КИММЕРИИ

Роберт Говард



Еще одна книга
Великого Мастера
литературы
«меча и колдовства»


ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА
МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАРД
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
КИММЕРИЯ
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ГАНДЕРЛАНД
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ДЕБРИ ПИКТОВ
ЗИНГАРА
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
БРИТУНИЯ
НЕМЕДИЯ
АКВИЛОНИЯ
КОРИНФИЯ
ЗАМОРА
ТАУРАН
ОФИР
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
ШЕМ
АРГОС
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
ЗЕМБАБВЕ
ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА
ИРАНИСТАН
ВЕНДИЯ
КХИТАЙ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
Халога
Галлаван
Велитриум
Танасул
Бельверус
Нумалия
Султанапур
Шадизар
Тарантия
Шамар
Иента
Аренджун
остров Железных Идолов
Кордава
Хоршемиш
Анит
Агралур
Эрук
Самарра
остров Ксапур
Асгалун
Замбула
Шангара
Мессантия
Птейон
Хорезм
Кутхемес
Кеми
Луксур
Суэмет
Алиманон
Кассали
Кешла
Ксутал
Ксухотл
остров Сиптака
Черный остров
Барахские острова
Рабирийские горы
Карпашские горы
р. Черная
р. Громова
р. Ширка
р. Хорот
р. Тайбор
р. Красная
р. Алимана
р. Стикс
р. Ильбарс
р. Запорожка
р. Зарэеба
С
З
В
Ю

НОВЫЕ ДОРОГИ ЖДУТ!

КОНАН

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ИЗ КИММЕРИИ

Роберт
Говард

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США
Г 57

Говард Р.
Г 57 Конан из Киммерии: Сборник / Пер. с англ. — СПб.: Азбука—Терра, 1996. — 608 с.
ISBN 5-7684-0181-4

Эта книга — сборник лучших произведений Мастера фэнтези Роберта Ирвина Говарда об удивительных приключениях варвара Конана.

ISBN 5-7684-0181-4 © «Азбука» — «Терра», состав., 1996

Мир Хайборийской эры

... И создал творец новый мир для Эно,
ибо тесно тому было в старом мире.
Апокриф

Вот так всегда и бывает. Когда героям становится тесно в реальном мире, их создатели сотворяют для них новые. Так поступали Лукиан и Лапте, Рабле и Свифт и многие другие. С тридцатых годов XX века двери в такие миры стали открываться все чаще, в основном в жанре научной фантастики и фэнтези, а после того, как в конце пятидесятых распахнулись врата в величественное Средиземье Толкиена, все новые раскрываются ежегодно, а то и по нескольку раз в год.

Миры, в которые ведут эти двери, могут оказаться крохотными и огромными, тусклыми и яркими, неопределенно-расплывчатыми или выписанными до последней мелочи. Иные забываешь почти сразу, другие запоминаешь навсегда, словно реальные страны, в которых побывал и в которые тянет вернуться.

Когда в декабрьском номере журнала «Weird Tales» за 1932 год появилась первая повесть о варваре-киммерийце Конане «Феникс на мече», никто еще не подозревал, что двадцатишестилетний американский писатель Роберт Ирвин Говард сотворил для своего героя именно такой мир.

Всего четыре года вел читателей по просторам этого мира автор. В 1936 году Говард трагически погиб. Но мир «Конана» остался.

В нем странствуют миллионы читателей. Кинематографисты запечатлевают его на пленке. Художники изображают его на иллюстрациях и составляют его карты. И, что очень редко можно встретить в истории литературы, десятки других писателей продолжают эпопею приключений Конана.

Откроем же книгу, как маг отверзает Портал, Врата Иной Реальности. Войдем в нее.

... Ванахейм и Асгард соседствуют с Гипербореей и Киммерией. Рядом с Пустошами Пиктов тянутся Боссонские Топи. В степях Турана течет в море Вилайет река Запорожка и по ней гуляет казацкая вольница. А на берегах далекого Стикса грозные жрецы зловещего Сэта поклоняются ему в подземных покоях огромных пирамид... Смешалось все: народы, страны, эпохи. Словно опорной ребенок взял разрезную картинку «Джиг-со» — «Сложи так» — сложил ее шиворот-навыворот. Чушь какая-то. Несуразица.

А может быть, не такая уж и чушь?

Попробуем разобраться. И, прежде всего, займемся принципами конструирования вымышленных миров.

Во-первых, можно перенести героя на другое небесное тело. Лукиан описал путешествие на Луну, Сирано де Бержерак — империи Луны и Солнца. Метод был взят на вооружение научной фантастикой, и теперь трудно отыскать неосвоенную ею планету в нашей Вселенной. Правда, авторы фэнтези редко прибегали к этому приему.

Во-вторых, можно использовать иные измерения, от четвертого и вплоть до астрального. Никто не знает, что это такое, но тем и лучше.

Отсюда уже лишь один шаг до миров типа «Где-то, когда-то», существующих неизвестно где и неизвестно когда. При всей неопределенности этих параметров, такие миры могут быть вполне конкретными, выписанными до мельчайших подробностей. Недаром именно к ним относятся Средиземье и Земноморье.

Ну, а если переместиться не в пространстве, а во времени? Научная фантастика предпочитает в этом случае будущее, а фэнтези — прошлое. И вот тут в случае тщательной научной его реконструкции появится «Тезей» Мэри Рено, а в случае реконструкции фантастической — «Конан».

Итак, место действия — наша планета. Время действия — пятнадцать тысяч лет назад.

На самом-то деле это конец последнего оледенения. До возникновения первых городов и государств пройдет около семи тысяч лет. Но ведь реконструкция фантастическая!

У Говарда Европа и Азия еще не отделены от Африки. Британские острова составляют с материком одно целое. Северное и Балтийское моря еще не образовались. Нет ни Средиземного, ни Красного морей. Отсутствуют Мраморное, Черное, Аральское. Только на месте Каспия с юга на север протянулось узкое, напоминающее рифт море Вилайет.

Вся эта территория заселена самыми разными народами. Процветают рабовладельческие и феодальные государства. Люди поклоняются Митре и Иштар, Асуре и Сэту. Еще жива память о поглощенных морем Атлантиде и Му. Помнят и древнюю империю магов Ахерон, владевшую всей Европой и рухнувшую под натиском пришельцев с запада, гиборийцев. От их имени и образовано название эпохи Конана — Хайборийская Эра (Huborian age).

Откуда же Говард берет это имя?

У Аполлония Родосского в «Аргонавтике» есть упоминание о «гипербореях далеких», но вероятнее всего, что это ошибка переписчика, выпустившего слог в слове «гиперборей».

Западным краем ойкумены у греков были Столпы Геракла, Иберия, которую они часто смешивали с Гипербореей. Именно из Гипербореи-Иберии, из Тартееса отплыл Геракл на запад, к острову Гесперид, за золотыми яблоками.

К моменту создания «Конана» Говард уже написал ряд повестей о древних кельтах и пиктах. «У меня только одно увлечение, — писал он. — И оно полностью захватывает меня и сейчас... Речь идет о моем интересе к народу, который называют пиктами». Слив в одном слове кельтскую Иберию и Гиперборею Запада, он сотворяет Гиборию (Хайборию).

Если верить И. Чубахе, автору послесловия к сборнику «Конан-варвар» («СМАРТ», 1991 г.), то «Говард пристрастился к чтению: Сабатини, Берроуз, Гарольд Лемб... журналы «Аргози», «Ол-стори». Кажется, о существовании других изданий он и не подозревал». Откуда же у Говарда такие знания по истории древнего мира?

Поверим лучше другу Говарда, писателю Г. Ф. Лавкрафту. В статье «Памяти Роберта Ирвина Говарда» он пишет: «Как читатель он [Говард] предпочитал серьезные научные труды, относящиеся к столь далеким друг от друга областям, как история юго-запада Америки, Британии и Ирландии или Востока и Африки в доисторические времена».

Правда, И. Чубаха писал о юношеских годах Говарда, а Лавкрафт несколько преувеличил серьезность научных трудов, читавшихся писателем. Так что, подводя итог, скажем, что Роберт Говард был неплохим историком-самоучкой.

Так для чего же вся эта историческая и географическая путаница?

Ответ прост.

Автору нужен был именно такой «невероятный мир», чтобы его герой чувствовал себя в нем просторно и при-

вольно. И этого Говард добился в полной мере. Он создал мир внешне невероятный и непротиворечивый внутренне. Хайборийцы и шемиты, стигийцы и народы Востока прекрасно уживаются в нем. Что с того, что одни поклоняются персидскому Митре, другие — вавилонской Иштар, третьи — индийскому Асуре, а стигийцы чтят Темного Сэта, вопреки традиции ставшему змееглавым. Что с того, что названия одних стран взяты автором прямо из мифологии, другие целиком придуманы, а третьи...

Вот и поговорим о топонимике гиборийской эры.

На Крайнем Севере таятся таинственные страны Ванахейм и Асгард. Это «Дом Ванов» и «Город Асов» в мифах древних скандинавов. Взятая из греческой мифологии Гиперборея, «Страна живущих дальше северных ветров», примыкает к ним с востока. Южнее, граница и с Ванахеймом и с Асгардом, протянулась гористая Киммерия, страна теней и ночи. Но это не позднегреческая Праскифия, расположенная в южных степях России, а Киммерия древних, на далеком северо-западе, где, по словам Одиссея, расположен вход в царство Аида и никогда не видят солнца живущие в тумане киммерийцы.

Дальше на юг тянутся вдоль берега моря Запада Пустоши Пиктов. Море Запада — это будущая Атлантика. Под его волнами покоится поглощенная морем Атлантида, которая у Говарда не напоминает ни традиционную платоновскую, ни оккультную Скотта Эллиота, ни фантастическую Бульвер-Литтона. Это просто погибшая прародина народов Запада, так же, как говардовская Му в Тихом океане лишь очень отдаленно напоминает континент Му у Черчуорда, взорвавшийся и затонувший в результате разрушения огромных подземных полостей.

С Пустошами Пиктов граничат на востоке былые владения исчезнувшей империи Ахерон. В мифах древних греков это имя означает «Источник зла». Название столицы Ахерона, Шифон, взято оттуда же. Оно принадлежало чудовищному змию. Теперь на территории былого царства черных магов располагается несколько государств, важнейшим из которых является Аквилония. Ее королем и становится Конан.

С востока Аквилонию отделяют от Пустошей Пиктов Боссонские топи. Северная часть ее называется Гандерланд, а южная — Пуантен или Пуантания.

С Гандерландом все ясно. На старогерманском это значит «Страна людей, занимающихся псовой охотой». Бос-

сонам в старых хрониках именуется будущая Нормандия. А вот Аквилония, Пуантен...

Больше всего это похоже на «слова-кошельки» Льюиса Кэрролла.

«Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве»... Только, в отличие от «Алисы», у Говарда «кошельками» становятся топонимы. Мы уже проследили происхождение названия «Гиборию». Что же до Аквилонии, то на первый взгляд она названа по имени ветра. «Страна Аквилона». Но только на первый взгляд. Расположение ее на континенте совпадает с современной Францией. И вполне вероятно, что Говард просто сливает Аквилон с Аквитанией. А уж Пуантен-то наверняка представляет собой контаминацию той же Аквитании с Пуатье. Правда, словно спохватившись, Говард маскирует это сходство тем, что помещает на территории Аквилонии города, чьи имена звучат совершенно не по-европейски. Если столица страны, Тарантия, еще напоминает Тарент, то тут же мы находим Танасул, Гальпаран, Шамар...

На востоке с Аквилонией граничит Немедия — гибрид воинственного королевства Немел из кельтских легенд с исторической Нумидией. За ней, гранича с Гиперборей, простирается Бритуния, прародина бриттов до их вторжения на запад. «Уния» в этом названии намекает на союз племен бриттов.

На юго-западе, соответствуя современной Испании, находится Зингара, что значит «Страна цыган». Крупнейший ее город — Кордава.

Вот тут-то мы и сталкиваемся с другим приемом Говарда. Меняя одну или несколько букв в названиях вполне исторически реальных городов, он создает архаическое звучание этих названий. И первый пример — Кордова — Кордава.

К юго-западу от Зингары мы находим Аргос, обязанный своим именем не столько своему древнегреческому тезке, сколько мореплавателям-аргонавтам, ибо это морская торговая республика. Имена ее граждан вполне романские, а главный порт — Мессантия — носит древнейшее название сицилийской Мессины.

За Аргосом, на землях, которым будет суждено впоследствии скрыться под волнами Средиземного моря, Говард размещает сказочные царства — Офир и Котх (иначе Коф). Первое он берет прямо из Библии, второе — из «Тысячи и одной ночи». Столице первого он выдумывает певучее на-

звание Ианта, столицей второго делает хеттский Кархемиш, изменяя лишь «а» на «о», а «х» на «ш».

Простирающийся с запада на восток от Артоса до Турана Шем — это, конечно, страна шемитов, то есть семитов, а в названии прибрежного города Асгалун легко угадывается библейский Аскалон. Шем отделяет Коф на севере, от Стигии на юге.

Стигия, мрачная страна фанатичных поклонников зловещего змееголового Сэта, естественно, является в мире гиборийской эры эквивалентом Древнего Египта в период его расцвета. И неважно, что Нил называется Стиксом и течет с юга на север лишь в верхнем своем течении, а потом круто поворачивает на запад и впадает в Море Запада. Средиземного-то моря покуда еще нет, а впадать куда-то все равно надо. Зато название «Стикс» — Река Смерти в греческой мифологии — усиливает атмосферу страха в этой стране культа мертвых, а заодно напоминает и о греческой колонизации Египта. Правда, названия стигийских городов у Говарда не слишком удачны. В Луксуре без труда узнается Луксор, а вот словом «Кеми», ставшим у автора именем портового города, древние египтяне называли всю свою страну, и значило это «Черная земля». Имя южного стигийского города Сухмет — лишь искажение имени львиноголовой богини Сохмет.

К югу от Стигии расположены выходящий к берегу моря Запада Куш (так в Древнем Египте называли Нубию), населенный людоедами Дарфар и полудикий Кешан, обращенный к верхнему течению Стикса. За Стиксом находится Пунт, очевидно, тот самый легендарный Пунт, куда посылали по Красному морю экспедиции фараоны Египта. Но ведь Красного моря тоже пока еще не существует, и Пунт граничит на востоке с Тураном, а на юге с царством Зембабве, в котором легко угадать Зимбабве.

На юг от Куша, Дарфара и Кешана простираются земли Черных королевств, в том числе Атлы и Амазона. Говард, очевидно, был сторонником модной тогда теории Фробениуса, утверждавшего, что высокая культура древней Африки была принесена туда беглецами-атлантами после гибели Южной Атлантиды. Отсюда и Атла, и названия городов этих земель: Кеутал и Ксухотл. Что же до Амазона, то хотя традиция помещает амазонок у Черного моря, рядом со скифами, известно, что именно у владык негритянских царств в Центральной Африке была гвардия, составленная

из женщин-воинов, а власть передавалась по женской, а не по мужской линии.

Теперь снова вернемся на север, а точнее, на северо-восток. Там, примыкая на западе к Офиру и Немедии, а на востоке — к Бритунии, лежит небольшая страна Коринтия с грядой Карпашских гор. Это, конечно, Карпаты, а вот имя самой Коринтии соединило и древнегреческий Коринф, и Оринтию — так одно время называли север Балканского полуострова от Иллирии до Македонии.

Гранича с Коринтией с востока и соседствуя с Кофом на юге, протянулась до Кезанкийских гор страна Замора, имя которой, как и названия ее городов — Шадизар и Аренджун, не имеет аналогий и является, по-видимому, собственным изобретением Говарда. Зато расположенные у южной границы Кофа маленькие королевства Хорайя и Хауран носят названия, напоминающие древнетюркские и персидские формы.

Между Кезанкийскими горами и морем Вилайет от Зембабве и Иранистана на юге и до пустынь, степей и тундр севера протянулся Туран. В его западной части, рядом с пустынями и горами, отделяющими эту страну от Шема и Стигии, среди пальмовых рощ стоят полностью выдуманные автором города Замбула и Кутхемес. На побережье моря Вилайет и у реки Ильбарс («Тигриной»), за которой высятся горы того же названия, можно найти и поселения с сирийскими названиями — Акит, Самарра (правда, без второго «р», что приближает звучание к тюркскому), и города с именами, несущими тюрко-индийские элементы — Султанапур, то есть «Крепость султана», Аграпур, что значит «Крепость на холме», и даже Хоарезм, в котором слились сирийский Хоар (Хавар) и среднеазиатский Хорезм. Наиболее странным кажется название самого моря. Ведь «Вилайет» по-турецки означает «провинция», «губернаторство». Но, возможно, Говард хотел таким образом подчеркнуть претензии Турана на полную власть над этим морем.

От Ильбарса начинается дорога на Иранистан, от гор на юге моря Вилайет — дорога в далекую Вендию. С востока в южную часть Вилайета впадает река Запорожка или, иначе, Запороска, в имени которой автор соединяет Запорожье и росов, то есть русских. Казацкая вольница раздольно гуляет по ней, тревожа покой могущественного Турана. За степями Запорожья начинаются земли Гиркании и лежит дорога в Кхитай, к краю мира у моря Востока.

На юго-восток от Турана встают горы Иранистана, «Страны Ирана». Там обитают племена горцев иракзаев («Людей Ирака») и афгулов, отважных воинов и грабителей. А за покрытой вечными снегами грядой Гималийских (читай: «Гималайских») гор простирается Вендия, омываемая морем Юга.

Вендия — это, конечно, Индия. Крупнейшее из древнеиндийских государств называлось Виндхья, а уж название столицы Вендии, Айодхья, взято прямо из «Махабхараты».

Таков мир гиборийской эры в изображении Говарда.

А люди, живущие в этом мире?

Пожалуй, единственный человек, носящий кельтское имя и поминающий кельтского бога Крема, — это сам Конан. В странах северо-запада преобладают римские и германские имена. Однако их можно встретить даже в Кофе и Хауране. В Аргосе они итальянизированы, в Зингаре больше напоминают по форме испанские. И быть бы им всем добрыми христианами, да вот беда: до рождения Христа еще целых тринадцать тысячелетий. Поэтому они поклоняются персидскому Митре, но иные из них молятся древневавилонской Иштар, а то и вендийскому Асуре.

Имена жителей Турам и Иранистана тюркские и арабские. В Вендии — индийские. А вот имена жителей Стигии почти не упоминаются, кроме имен жрецов Сэта. Все они почему-то включают в себя ту или иную форму имени бога Тота. Тот-Амон, Тутотмес, Тотмекр... И даже в далекой Замбуле жрец вендийского божества Ханумана носит вполне стигийское имя Тотразмекх.

Черные маги, основные противники Конана, носят, как правило, «атлантические» имена: Тзота-Ланти, Ксальтотун.

Изредка появляются имена неожиданные. Так, Тараск Немедийский носит баскское имя чудовища, опустошавшего, по легенде, юг Франции. Арам Бакш, хозяин зловещего постоялого двора в Замбуле — парфянин. Имя царицы Хаурана Тамирис — это слегка измененное имя скифской повелительницы амазонок Томирис, а ее сестра-близнец, ведьма с красным полумесяцем на груди — тезка библейской Саломеи. У Варданеса из Заморы имя персидское. А Ольгерд Владислав, бывший предводитель запорожцев, вероятнее всего, обрусевший варяг или литвин.

И только одну ошибку допускает Говард. Черные корсары не могли дать Конану прозвище «Амра» — Лев. Слово это арабское. Негры же назвали бы его «Симба». Так они

продолжают называть льва даже в тех районах Африки, которые испытали сильное и длительное арабское влияние.

Вот, пожалуй, и все об именах и названиях.

В чем-то мир «Конана» сродни миру «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, миру, где мирно соседствуют великаны и люди, а обычная французская деревушка, монастырь или городок, расположение которых общеизвестно, могут оказаться во владениях короля дипсодов. Но, в отличие от этого мира, он создан с иной целью. Его почва — не почва для сатиры и аллегорий великого француза. Это почва мира для Приключения.

Создавая такой мир, можно, конечно, по примеру Толкиена тщательно и любовно придумать его космогонию и мифологию, историю и географию, языки и письменности. Можно дать имя каждой горной вершине, каждому лесу, речке, заливу и озеру и нанести их на карту. Можно выписать мир как монументальное полотно, но с изяществом миниатюры и точностью фотографии. По этому пути шли Урсула Ле Гуин в «Волшебнике Земноморья», Роберт Сильверберг в «Замке Лорда Валентайна» и многие другие. Более того, еще в 1914 году некий Нелло Венето выпустил в Италии ничтожным тиражом в сто экземпляров трехтомный труд о фантастической стране Эллоне, населенной совершенно невероятными существами, приложив к нему 23 карты, 66 талантливо выполненных иллюстраций, а также учебник эллонского языка и его словарь в 24 000 слов.

Говард не ставил перед собой подобной задачи.

Двадцать одну историю о Конане успел он написать за последние четыре года своей жизни, отразив в них путь подростка-варвара, вора, корсара, воина и, наконец, короля. Но всегда — человека. И притом человека действия.

Действие — вот лейтмотив этих историй. Оно стремительно, почти молниеносно. Меч и мужество против злого колдовства. Меч и мужество против несправедливости, предательства и угнетения. А если ломается меч, остается сила тела и духа. Но прежде всего действие. Действие, а не эпическое деяние.

Для такой пьесы не нужны монументальные реалистические декорации. Правда, пустая сцена шекспировского театра с табличками «Лес», «Дворец», «Поле битвы» тоже не годится. И Говард создает свои декорации, яркие, условные, фантастические, словно к фьябам Карло Гоцци.

Это и есть мир «Конана».

Сергей Троицкий

Письмо Роберта Говарда

10 Марта 1936 года

Дорогой мистер Миллер!

Я польщен Вашим и доктора Кларка интересом к Конану. Я благодарен Вам за то, что Вы взяли на себя труд составить описание жизни моего варвара и нарисовать карту его мира. И жизнеописание, и карта на удивление точны, если принять во внимание ту небольшую информацию, которой Вы располагали. Оригинальная карта — имеется в виду та, которую я нарисовал сам, когда только начал писать о Конане, — вероятно, где-то валяется. Я попробую ее отыскать, чтобы Вы взглянули на нее. К сожалению, на ней Вы найдете только страны западнее моря Вилайет и севернее Куша. У меня не было времени изобразить южные и восточные государства, несмотря на довольно ясное представление об их географическом положении. Когда я пишу о них, то позволяю себе некоторые вольности, ибо представляю себе народы западных хайборийских стран так, как в средневековой Европе представляли Африку и Азию. Когда я пишу о хайборийском Западе, то чувствую себя связанным неколебимыми рамками и канонами, в то время как при описании других частей древнего мира я даю своей фантазии полный простор. Полно и четко разработанная география, а также этимология, таят в себе угрозу сковать автора по рукам и ногам, когда уже все предопределено и ничего не изменить. Так что о Востоке и Западе я не могу сказать ничего определенного или остановиться на какой-то одной картинке.

Что касается Куша, то это одно из черных королевств к югу от Стигии, которое, чтобы быть точным, дало свое имя всему побережью к северу от него. Поэтому, когда человек хайборийской эры говорит о Куше, он подразумевает под этим, как правило, не само королевство, а черное

побережье в целом, и легко может случиться так, что «кушитом» он назовет любого, у кого черная кожа, не разбираясь, кто он в действительности — кешани, дарфари, пунтиец или в самом деле кушит. Это легко объясняется тем, что кушиты были первыми черными, с кем познакомились хайборийцы — бараханские пираты, которые нападали на чернокожих и грабили.

Какова дальнейшая судьба Конана? Честно говоря, я и сам этого пока не знаю. Описывая его приключения, я постоянно испытываю такое чувство, будто он сам мне все рассказывает. Поэтому у моих произведений нет настоящего хронологического порядка. Когда бродяга говорит о своей беспокойной жизни, он обычно не придерживается определенной последовательности. Он вспоминает лица и события, отстоящие друг от друга и по времени, и территориально.

Ваше описание жизни Конана выглядит примерно так же, как и я себе ее представляю. Конану едва исполнилось 17 лет, когда он предстает читателю в «Слоновой башне». Он еще не совсем взрослый, однако гораздо более зрелый человек, чем юноша его возраста из цивилизованных областей.

Конан родился на поле боя во время битвы между его родом и грабительской ордой. Страна, которую его клан считал своей, лежала к северо-западу от Киммерии. Кровь Конана была смешанной, но по рождению и по духу он киммериец. Его дед принадлежал к южному киммерийскому роду, покинул родной очаг из-за кровной мести и после долгих скитаний прибился к одному из кланов севера. Перед тем, как покинуть свою прежнюю родину, в юности, он участвовал в многочисленных разбойничьих набегах в хайборийские пределы. Может быть, рассказы деда пробудили в мальчике Конане потребность увидеть эти земли собственными глазами?

В жизни Конана много такого, чего я и сам толком не знаю. Я, например, не знаю, когда он впервые столкнулся с цивилизованными, если их можно так назвать, людьми. Может быть, в Венарии или, возможно, еще задолго до этого он нанес дружеский визит какому-нибудь пограничному городу. В Венарии Конан в свои 15 лет был уже противником, достойным внимания — довольно рослым и 170 фунтов весом.

Между Венарией и его жизнью в городе воров лежит временной промежуток примерно в один год, за это время

он вернулся на север к своему племени, а после предпринял свою первую вылазку за пределы Киммерии. Как это произошло, я точно не знаю, во всяком случае, он провел несколько месяцев у одного племени под названием «эсир». Вместе с ними он сражался против вониров и гипербореев. Наверное, в это время в нем и проснулась ненависть к последним, которую он не смог преодолеть до конца своей жизни. Он попал к гипербореям в плен, однако ему удалось бежать на юг, и он прибыл в Замору как раз вовремя, к самому своему дебюту в развлекательной литературе.

Я не могу сказать определенно, произошло ли приключение с Багряным Жрецом именно в Заморе. Описанное мною противоборство политических группировок говорит против этого, потому что в Заморе царил деспотический абсолютизм, в условиях которого какие-либо политические движения были бы просто немыслимы. Я держусь того мнения, что этот город был одним из небольших городов-государств где-то к западу от Заморы, куда Конан явился, покинув город воров.

Хронологическая последовательность его приключений примерно такова, как Вы и мистер Кларк описали, только с той поправкой, что они заняли несколько меньший объем времени. Конану было сорок, когда он надел корону Аквилонии.

У моего варвара не было потомков мужского пола, поскольку он не удосужился найти время и, соблюдая все формальности, сделать какую-нибудь женщину королевой, а его сыновья от наложниц (их у него было внушительное количество) не могли считаться наследниками престола.

Царствовал Конан, я думаю, много лет. Будучи королем Аквилонии в бурное время, когда хайборийская цивилизация достигла своего наивысшего развития и каждый правитель мечтал о предельном расширении своей державы. Конан воевал сначала только обороняясь, но под конец из чувства самосохранения он, наверное, был вынужден перейти к нападению. Я не знаю, удалось ли ему создать мировую державу, или же эта попытка привела варвара к гибели.

Он много пережил, не только до того, как сел на трон, но и после, когда стал королем. Он посетил Кхитай и Гирканию и еще менее известные области к северу и к югу от них, а также безымянный континент в западном полушарии. Сколько еще приключений Конана появится в печати, нельзя точно предсказать.

Большой интерес вызвали Ваши замыслы относительно находок на полуострове Ямал. Я слышу об этом впервые. Без сомнения, Конан вступал в контакт с народом, который развил эту культуру, или, по крайней мере, с предками этого племени.

Я надеюсь, что «Хайборийская эра» и далее будет находить отклик в Вашем сердце.

К письму я прилагаю копию своей карты. Да, кстати, Наполи представляет Конана довольно хорошо, несмотря на то, что он то и дело придает ему южные черты, которые не подходят этому типу лица. Но это важно не настолько, чтобы об этом волноваться.

Я надеюсь, что полностью ответил на Ваши вопросы. Помните, я всегда буду рад обсудить любые вопросы, касающиеся жизни Конана, хайборийской истории и географии.

Еще раз большое спасибо за Ваш интерес.

С лучшими пожеланиями Вам и доктору Кларку, сердечно Ваш

Роберт Говард

Хайборийская эра

Это эссе Говард написал в те годы, когда только приступил к созданию цикла историй о Конане. Он сочинил псевдоисторию некоего доисторического времени, которая служит фоном для всех его рассказов об этом герое. Говард вовсе не имел в виду изложить нечто, что принималось бы всерьез, как подлинно научная история. В предисловии он писал:

«Ничто в этой статье не должно восприниматься как попытка создать теорию, которая полемизирует с известными исторической науке фактами. Моя статья — всего лишь более подробное изображение фона, на котором происходит действие серии выдуманных приключений. Когда несколько лет назад я начал писать цикл повестей о Конане, я и выдумал эту «историю» его эпохи и народов, населявших землю, чтобы моя сага приобрела некоторый налет реальности. Я задумал это так, что «факты» и сам дух этой псевдоистории облегчат мне задачу представить себе Конана человеком из плоти и крови и таким показывать его читателю, а не малевать железобетонного героя очередного сериала. Когда я писал о нем и его приключениях, случавшихся в различных государствах той эпохи, я придерживался «фактов» и характера выдуманной мною эры точно так же, как автор исторического романа придерживается подлинной истории. Предлагаемая читателю «история» была моей путеводной нитью для всех приключений серии о Конане».

О той эпохе, которую немедийские хронисты называют допотопной, нам известно крайне мало, за исключением, быть может, последнего отрезка времени, но даже и он скрыт вуалью легенд и домыслов. Абрис истории проступает сквозь это покрывало с того момента, как пали цивилизации, процветавшие до потопа. Среди них главенствовали королевства Камелия, Валузия, Верулия, Гондар, Тула и Коммория. Люди, населявшие эти страны, говорили

на родственных языках, что позволяет высказывать предположение об их общих предках. Существовали и другие государства, с не менее развитой цивилизацией, население которых, однако, принадлежало к другим, очевидно, более древним, расам.

Варварами той эпохи были пикты, которые населяли группу островов далеко в западном океане; атланты, родиной которых был небольшой континент, расположенный между островами пиктов и огромным континентом Турией; и лемурийцы, считавшие своим домом цепь больших островов в восточном полушарии.

Здесь имеется немало белых пятен. Королевства — очаги древней цивилизации — несмотря на свое огромное влияние, занимали лишь очень незначительную часть планеты. Валузия была самым западным государством на континенте Гурия, Грондар — самым восточным. Еще восточнее Грондара, народ которого был менее развит и менее цивилизован, чем в других королевствах, простирались дикие суровые земли, по большей части пустыни. Лишь в немногих из этих бесплодных областей, в джунглях и в горах жили разрозненные кланы и племена примитивных туземцев. Далеко на юге находилась загадочная цивилизация, которая не имела ничего общего с культурой Турии, и, вероятнее всего, происхождение ее было дочеловеческим. Дальневосточное побережье континента было заселено иной расой, человеческой, но тоже таинственной и нетурийской, с которой время от времени вступали в контакт лемурийцы. Эти люди, скорее всего, происходили с малоизвестного безымянного континента, расположенного много восточнее лемурийских островов.

Цивилизация Турии угасала; армии ее королевств состояли по большей части из наемников-варваров. Пикты, атланты и лемурийцы занимали в ней посты генералов, политиков и — нередко — правителей. О раздорах между отдельными государствами и войнах между Валузией и Комморией, как и о захватнических походах, с помощью которых атланты основали на континенте свое королевство, мы больше узнаем из легенд, чем из исторических описаний.

Затем мир был потрясен грандиозным катаклизмом. Атлантида и Лемурия были поглощены Океаном, а острова пиктов поднялись из вод и стали вершинами гор нового континента. Части турийского континента исчезли под вол-

нами или сформировали во впадинах большие внутренние моря. Бурная вулканическая деятельность и страшные землетрясения превратили в ничто роскошные города. Исчезали целые народы.

Варварам пришлось несколько легче, чем цивилизованным расам. Население островов пиктов также было уничтожено, однако уцелела большая колония пиктов, которые переселились в горы на южной границе с Валузией, чтобы прикрывать свою родину в случае возможной агрессии. Пережило катаклизм и континентальное королевство атлантов, и тысячи сородичей континентальных атлантов прибыли туда на кораблях, спасаясь из своей затонувшей страны в поисках убежища. Множество лемурийцев бежали на восточное побережье турийского континента, которое сравнительно дешево отделалось. Но там они были порабощены древней расой, уже жившей на этом берегу, и вся их история на тысячелетия превратилась в историю беспросветного рабства.

На западной части континента благодаря изменившимся условиям жизни появились новые, необычные растения и животные. Густые джунгли покрывали равнины, широкие реки проложили себе русла к морю, поднялись крутые горы, и моря захлестнули руины древних городов в плодородных равнинах. Из затонувших областей неисчислимое множество зверей и дикарей — в том числе человекообразных обезьян — хлынуло на континентальное королевство атлантов. Несмотря на то, что атланты были вынуждены постоянно сражаться за свою жизнь, им все же удалось сохранить свой прежний статус достаточно развитой варварской цивилизации. Лишенные месторождений металлов, они обрабатывали камень, как их далекие предки, и уже достигли поистине удивительной ловкости и искусности, когда их развивающаяся культура встретилась с могущественным народом пиктов. Пикты тоже были вынужденно отброшены к каменному веку, но во всем, что касалось политики и войны, они развивались быстрее. Они были лишены творческой жилки, которая имелась у склонных к искусству атлантов. Это были толстокожие, практичные, крепкие, бесстрашные люди. Они не оставили после себя ни рисунков, ни резьбы по слоновой кости, как их враги, но зато было найдено впоследствии огромное количество на удивление хорошего каменного оружия, изготовленного ими.

Два этих государства новой каменной эры сражались друг с другом, и после ряда кровопролитных войн атланты, значительно сократившиеся в численности, впали в глубочайшее варварство; эволюция же пиктов остановилась.

Спустя пять столетий после катаклизма варварские королевства исчезли окончательно. На их месте мы видим теперь один дикарский народ (пиктов), который ведет непрекращающиеся войны против другого дикарского народа (атлантов). Пикты имели ряд преимуществ: большую численность и единство, в то время как атланты были раздроблены на небольшие кланы, лишь слабо связанные между собой. Таков был в то время запад.

На дальнем востоке, отрезанном от всего остального мира появлением гигантских гор и образованием сети озер, лемурийцы сохранялись лишь в качестве рабов под властью одной из древних рас. Далекий же юг теряется под покровом таинственности. Не затронутая катаклизмом, его история продолжает оставаться дочеловеческой. Из других цивилизованных народов турийского континента сохранились в невысоких горах юго-востока остатки земри — невалузийского народа. Тут и там, рассеянные по миру, встречаются племена обезьяноподобных дикарей, которые вообще ничего не знают ни о расцвете, ни о падении древней цивилизации. На далеком севере, однако, постепенно зарождается новый род людей.

Во время катаклизма кучка дикарей, развитие которых недалеко ушло от уровня неандертальцев, бежала в сторону севера, спасаясь от гибели. В странах, покрытых снегом, куда они попали, существовали, правда, уже человекообразные виды снежных обезьян — это были огромные косматые белые звери, рожденные этим суровым климатом. Дикари победили их и прогнали за северный полярный круг, где те, как полагали пришельцы, и нашли свою смерть. Однако в действительности последнего не произошло, поскольку снежные обезьяны покорили и эту, еще более суровую, среду и вполне там процветали.

После того как пикто-атлантийские войны окончательно уничтожили то, что, возможно, привело бы к развитию новой культуры, еще один, более слабый, катаклизм изменил лик изначального континента. Он создал на месте цепи озер внутреннее море, которое еще больше отделило восток от запада; а землетрясения, наводнения и вулканическая

деятельность довершили то, что начали варвары своими межплеменными войнами.

На тысячу лет после этого западный мир превратился в дикую местность, покрытую джунглями, озерами и бурными реками. Между заросшими лесом горами северо-запада кочевали толпы человекообразных обезьян. У них не было речи, они не знали огня и не использовали орудий труда. Это были потомки атлантов, которые погрузились в беспорядочное животное существование обитателей джунглей, откуда их предки выбирались с таким трудом. На юго-западе существовали рассеянные кланы обитателей пещер, у которых имелся примитивный язык. Они сохранили название пиктов, но у них это слово служило просто для наименования человека — то есть их самих, чтобы отделять самих себя от настоящих зверей, с которыми они сражались за жизнь и пропитание. Это имя было единственной связью между ними и их предками. Ни одичавшие пикты, ни скатившиеся к состоянию обезьяны атланты не имели никаких связей с другими племенами и народами.

Далеко на востоке лемурийцы, приниженные своим нечеловеческим рабством до звериного состояния, поднялись и уничтожили своих господ. Теперь среди руин странной цивилизации жили дикари. Те из представителей этой непонятной культуры, кто избежал мести своих бывших рабов, бежали на запад. Они напали на загадочное, дочеловеческое царство, завоевали его, навязали ему свою культуру, которая, благодаря контактам с древними расами, несколько модифицировалась. Это новое королевство было названо Стигией. Остатки старых жителей этой земли уцелели после завоевания и даже были весьма почитаемы, в то время как их раса была уничтожена.

Здесь и там в мире у небольших групп дикарей замечается некий прогресс, но достижения его разрозненны и беспорядочны. На севере стали подниматься новые племена. Эти люди называли себя хайборийцами или хайбори; богом их был Бори — Великий Владыка, который, согласно легенде, был более могуч, чем король, выведший свой народ в северные пределы в дни великого катаклизма. О нем еще вспоминали древние саги.

Эти племена распространились по всему северу и вторглись в страны, расположенные южнее. До сей поры они

еще не имели контактов с другими расами. Они вели войны между собой. За пять тысяч лет сформировалось племя северных людей. Они были высокого роста, со светлыми волосами и серыми глазами. Они были воинственны, полны жизненных сил и в то же время не лишены способностей к поэзии и искусствам. Большей частью средства к существованию доставляла им охота, хотя некоторые, более южные, племена уже несколько столетий разводили скот. Но было и исключение из правила их почти полной (до определенной поры) изоляции от остального человечества. Один человек, который отправился в путь далеко на север, возвратился с известием, что в ледяной пустыне, почитавшейся пустой и безжизненной, обитает большое племя обезьяноподобных людей, которые — он клялся в этом — отличаются от зверей и которых их предки выгнали из менее суровой страны, захватив ее для себя. Он настаивал на большом военном походе против этих человеко-зверей за полярный круг, чтобы истребить их. Эти звери — в чем он тоже поклялся — превратились в настоящих людей. Его высмеяли. Но тем не менее небольшей отряд молодых воинов в поисках приключений отправился с ним в поход. Ни один из них назад не вернулся.

Постепенно все племена хайборийцев переселялись южнее и с увеличением их населения избрали именно это направление для миграций. Последующая эпоха стала эрой путешествий и завоеваний. По всему миру началось передвижение и переселение племен, и панорама постоянно менялась.

Поглядим на этот мир спустя еще пять сотен лет. Племена светловолосых хайборийцев передвинулись к югу и западу, они завоевали или уничтожили множество маленьких кланов. Благодаря тому, что они смешивались с покоренными народами, потомки древних завоевателей приобрели черты изменения расы, и эти новые расы были тут же сметены с пути новыми племенами, переселявшимися в те края, мощно и равнодушно, как метла сметает мусор. При этом они снова смешались и еще сильнее слились со старыми племенами.

Но до сих пор еще захватчики не вступали в контакт с древними народами. На юго-востоке пришельцы из племен земри — которые снова поднялись и стали многочисленны

благодаря притоку свежей крови от смешанных браков с аборигенами — вновь попытались создать хотя бы отголоски своей прежней древней культуры. На западе обезьяноподобные атланты вновь начали длинное восхождение. Они давным-давно уже забыли прежнее свое бытие в качестве людей. Ничего не зная об иных стадиях развития, они начали свой путь наверх без помощи и без вдохновляющих воспоминаний. Пикты на юге оставались дикарями и являли собой очевидную насмешку над законами природы, не развиваясь и не деградируя. Еще дальше к югу существовало древнее таинственное королевство Стигия. У ее восточных границ текли кланы диких кочевников, известных в те времена как Сыновья Шема.

Соседом пиктов в большой долине Цингг, охраняемой мощными горами, был безымянный примитивный народец, который в конце концов, как предполагают, породнился с шемитами.

Еще одно обстоятельство дало новый толчок к миграции племен хайборийцев: одно из этих племен открыло для себя строительные возможности камня. Постепенно возникло первое хайборийское государство — суровое варварское королевство Гиперборея, началом которого послужили грубо сляпанные крепости из скальных блоков, наваленных друг на друга. Их задачей было отражать нападение других племен. Люди этого племени вскоре отказались от своих палаток из лошадиных шкур и переселились в каменные дома, которые хотя и были неуклюжи, но зато долговечны. Защищенные таким образом, они стали сильны. Немного еще есть событий, достойных упоминания, при описании дикого королевства Гипербореи, народ которой столь внезапно отказался от своей кочевой жизни и начал сооружать себе жилища из камня, обнося их толстыми стенами, — раса, почти не знавшая каменного века и по чистой случайности познавшая первые основы архитектуры.

Появление этого государства вынудило к переселению многие другие племена, которые были разбиты в войне или же просто не находились в дружественных отношениях со своими родичами, проживающими в замках. Они пустились в долгое странствие, в результате которого обошли почти полсвета. И вот на северные племена напали гигантские белокурые дикари, которые по уровню своего развития недалеко ушли от обезьяны.

История последующих тысячи лет — это история возвышения хайборийцев, воинственные племена которых занимали доминирующее положение на западе. Примитивные королевства обретали форму. Светловолосые захватчики напали на пиктов и прогнали их в пустынные области запада. Потомки атлантов, которые без всякой помощи опять развились до стадии примитивного варварства, еще не вступали в контакт с хайборийцами. Далеко на востоке появилась своеобразная, странная полуцивилизация лемурийцев. На юге хайборийцы основали королевство Коф на границе с пустынями, известными как Страна Шема, и дикари этой страны уже поднялись над стадией варварства — частично благодаря связям с хайборийцами, частично же благодаря стигийцам, которых они грабили на протяжении столетий. Белокурые дикари дальнего севера возросли и численностью, и силой, так что северные хайборийские племена были вынуждены переселиться южнее. Старое королевство Гиперборея было завоевано одним из этих северных племен, однако сохранило свое прежнее название. К юго-востоку от Гипербореи появилось королевство народа земри, названное Замора. На юго-востоке одно из племен пиктов вторглось в плодородную долину Цингта, подчинило себе местный народ, занимающийся сельским хозяйством, и осталось жить среди него. Это смешанное племя было позднее завоевано соседним родом хайборийцев, и из этого нового сплава народов выросло королевство Цингара, или Зингара.

Окончательно государства сформировались еще пятьсот лет спустя. Царства хайборийцев — Аквилония, Немедия, Бритуния, Гиперборея, Коф, Офир, Аргос, Коринфия и еще одно, которое именовали Пограничным, — владычествовали над западным миром. Замора лежит к востоку, а Зингара — к юго-западу от этих государств. Населения этих двух царств сходны между собой смуглой кожей и экзотическими обычаями, однако не являлись родственными. Далеко на юге дремлет Стигия, еще не затронутая чужеземной агрессией. Жители Шема уже сбросили стигийское иго, чтобы променять его на менее жестокую зависимость от Кофа. Темные владыки гнали их южнее великих потоков Стикса и Нила, которые вытекают из окутанных покровом тайны Нижних Стран, образуют множество петель и изгибов и исчезают в песках

Шема, чтобы донести свои воды до моря. Севернее Аквилонии, самого западного из хайборийских государств, жили киммерийцы, дикие варвары, которых завоеватели не сумели себе подчинить, но которые, однако, благодаря столкновениям с ними очень быстро развились. Это были потомки атлантов, эволюция которых прогрессировала куда стремительнее, чем у их древних врагов, пиктов, продолжавших жить в дикости западнее Аквилонии.

В последующие пятьсот лет хайборийские народы создали такую мощную цивилизацию, что одно только знакомство с ней было способно вырвать дикие племена из оков примитивности. Самым могущественным было королевство Аквилония, но остальные вполне могли соперничать с ним в силе и великолепии. Хайборийцы были на удивление неоднородной расой. На первоначальную основу их рода наложились впоследствии черты гундеров — племени из Гундерланда, северной провинции Аквилонии. Это, однако, не ослабило род хайборийцев. Они по-прежнему доминировали в западном мире, несмотря на возвышение варваров пустынных земель.

На севере золотоволосые, голубоглазые варвары, потомки белых арктических дикарей, выгнали из снежных стран остатки хайборийских племен, за исключением старого королевства Гиперборея, которое сумело противостоять их натиску. Их страна называлась Нордхейм, и они делились на рыжеволосых ваниров из Ванахейма и желтоволосых эзиров из Азгарда.

На сцене истории вновь появляются лемурийцы — под именем гирканцев. Столетиями пробивались они к западу, и теперь одно из их племен обосновалось на южных берегах большого внутреннего моря Вилайет и основало там королевство Туран. Между морем Вилайет и восточной границей с другими королевствами простираются необозримые степи, а с севера и юга — пустыни. Негирканские обитатели этих областей раздроблены и ведут кочевой образ жизни без каких-либо племенных союзов. На юге они связаны с шемитами, и лишь изредка встречаются следы хайборийской крови. Ближе к концу описываемого периода и другие гирканские племена вторглись к западу от северного побережья внутреннего моря и столкнулись там с восточными пограничными постами гиперборийцев.

Бросим беглый взгляд на другие народности этой эпохи. Преобладающие среди населения Земли хайборийцы внеш-

не не являются больше светловолосыми и сероглазыми. Они смешались с другими расами. Люди из Кофа и — в меньшей степени — также из Артоса имеют отчетливо узнаваемые шемитские и даже стигийские черты. Аргосситы имеют также признаки близкого смешения с зингарийцами. Восточные бритунцы завязали связи с темнокожими заморийцами, а люди из южной Аквилонии — с коричневыми зингарийцами, вплоть до того, что в южной провинции этой страны преобладают черные волосы и карие глаза. Старое королевство Гиперборея, несмотря на свою изоляцию, также влило немало чужеземной крови в свои жилы благодаря обычаю похищать женщин из других племен — гирканок, эзирянок, заморнек. Только в провинции Гундерланд, где не было рабства, род хайборийцев до сих пор сохранился в чистоте. Варвары также оставались неизменными: киммерийцы высоки ростом, сильны, у них темные волосы и синие или серые глаза. Люди из Нордхейма сходны с ними фигурой, но кожа у них более светлая, глаза голубые и волосы рыжие или белокурые. Пикты также остались тем типом людей, который всегда их характеризовал: невысокого роста, очень смуглые, черноглазые и черноволосые. Гирканцы — смуглые люди и по большей части рослые и стройные, хотя постепенно в их среде появились люди приземистые, с миндалевидными глазами. Это случилось благодаря смешению со странным племенем умных, низкорослых туземцев, которые обитали в горах восточнее озера Вилайет и были покорены гирканцами во время их миграции на запад. Шемиты чаще всего среднего роста, однако в тех случаях, когда преобладает стигийская кровь, могут быть огромны, широкоплечи, крепко сбиты, темноглазы, с иссиня-черными волосами и горбатыми носами. Стигийцы высоки, темны, у них тонкие черты лица — то есть к этому типу относятся представители стигийской аристократии. Низшие касты произошли от смешения негроидной, стигийской, шемитской и даже хайборийской крови. Южнее Стигии находятся могущественные черные царства амазонок, кушитов, атлантов и гибридное государство Зембабве.

Между Аквилонией и местом обитания дикарей-пиктов находится плодородная Боссонитская низменность, где живут потомки туземной расы, которые к началу хайборийской миграции были покорены одним из племен хайборийцев. Этот смешанный народ никогда не достигал того

уровня цивилизации, который характерен для чистокровных хайборийцев, и был отодвинут последними на самые окраины цивилизованного мира. Боссониты среднего телосложения, у них не очень смуглая кожа, карие или серые глаза. Они занимаются большей частью земледелием, живут в больших деревнях под защитой стен и считаются подданными Аквилонии. Их низменная равнина простирается от внешнего королевства на севере до Зингары на юго-занаде и образует нечто вроде буфера между Аквилонией и киммерийцами, а также и пиктами. Они отважные защитники, а столетия ведения войн против варваров севера и запада научили их обороне, которую не способно сломить ни одно прямое нападение.

Таким был мир во времена киммерийца Конана.

... Пятьсот лет спустя (т. е. после правления Корана Великого) хайборийская цивилизация была стерта с лица земли. Ее падение было уникально в том смысле, что вызвал его не внутренний распад, а лишь растущая мощь варваров и гирканцев. Эти-то народы и уничтожили хайборийскую культуру в самом пике ее расцвета.

Впрочем, одной из причин — хоть и косвенных — падения древней цивилизации стала жадность королей Аквилонии. Они без конца воевали с соседями, стараясь расширить границы своей империи. Зингара, Аргос и Офир были открыто аннексированы, а с ними и западные города Шема, которые, как и их восточные собратья, только что сбросили ярмо Кофа. Сам же Коф вкупе с Коринфией и племенами восточного Шема был принужден платить Аквилонии дань и оказывать ей военную помощь. В то время с новой силой вспыхнула старая вражда между Аквилонией и Гипербореей: эта последняя двинула свои войска навстречу армиям западного соседа-соперника. Равнины Пограничного Королевства стали ареной великой и яростной битвы, в которой войска северян были наголову разгромлены и отступили назад в свои заснеженные твердыни, и победоносные аквилонцы их не преследовали.

Между тем Немедия, столетиями успешно противостоявшая западному королевству, вовлекла Британию, Замору и — втайне — Коф в союз, поставивший своей Целью сокрушить разраставшуюся империю. Но прежде чем их армии успели встретиться на поле брани, на востоке объ-

явился новый враг: это гирканцы, пробуя силу, предприняли первый серьезный натиск на западный мир. Туранские всадники, усиленные искателями приключений с восточного побережья моря Вилайет, пронеслись через Замору и опустошили восточную Коринфию. Однако на равнинах Бритунии их встретили аквилонцы и, разбив в пух и прах, отшвырнули назад на восток. При этом был сломан хребет только что образовавшегося союза: в последующих войнах Немедия держала оборону. От случая к случаю ей помогали Бритуния, Гиперборея и — как всегда тайно — Коф.

Разгром гирканцев показал всему миру истинную мощь западного королевства, чьи великолепные армии были еще усилены наемниками, многие из которых были набраны из чужеземцев — в Зингаре, а также среди варваров — пиктов и шемитов.

Вскоре у гирканцев была отвоевана Замора, но ее народ обнаружил, что восточные хозяева попросту сменились западными, и все. В Заморе расквартировали аквилонских солдат — не только ради защиты разоренной страны, но и для удержания жителей в покорности.

Гирканцам, однако, урок пошел не впрок. Еще трижды обрушивались нашествия на границы Заморы и земли Шема, и трижды их отбрасывали аквилонцы — хотя туранские армии разрастались все это время, питаемые полчищами закованных в сталь всадников, что прибывали и прибывали с востока, двигаясь вдоль южного побережья внутреннего моря.

Сила, которой суждено было сбросить с тронов королей Аквилонии, возрастала на западе, а не на востоке.

Вдоль киммерийских границ шли бесконечные стычки между черноволосыми воинами этой страны и воителями Северных Стран. Жители Асгарда использовали передышки в войнах с Ванахеймом для нападений на Гиперборею, все дальше отодвигая границу и уничтожая город за городом. Киммерийцы без разбора дрались также с пиктами и боссонцами и время от времени вторгались в саму Аквилонию, — но это были не завоевательные войны, скорее, просто грабительские набеги.

А вот в Пиктских Дебрях удивительным образом росли и население, и военная мощь. По странному капризу судьбы, пикты вступили на путь создания собственной империи в результате усилий всего одного человека, и притом чужеплеменника. Этим человеком был Арус, немедийский

священнослужитель и прирожденный реформатор. Что именно заставило его обратить внимание на пиктов, нам в точности не известно, однако история свидетельствует: однажды он решился отправиться в дебри Запада и смягчить жестокие нравы язычников, разъясняя и вводя в тех местах кроткий культ Митры. Аруса не устрашили даже жуткие истории о том, что случалось с путешественниками и торговцами, дерзавшими отправиться туда прежде. И судьба ему улыбнулась: одинокий и безоружный, он достиг-таки народа, к которому стремился, — и не был тотчас заколот копьями, как ему предрекали.

Контакты с хайборийской цивилизацией всегда были благодетельными для пиктов — несмотря на то, что пикты всегда яростно сопротивлялись этим контактам. В частности, они научились изготавливать грубые поделки из меди и олова. Их собственная страна не была богата металлом, и ради олова, например, они устраивали набеги в горы Зингары либо выменивали его на шкуры, китовый ус, моржовый клык и прочие немногие вещи, которыми торгуют дикари. Кроме того, пикты перестали довольствоваться пещерами и убежищами на деревьях: теперь они жили в шатрах и неуклюжих домиках, выстроенных в подражание боссонским. Кормились они по-прежнему охотой, ибо их родные леса так и кишели разнообразнейшей дичью, а реки и море — рыбой. Хотя они и научились выращивать хлеб, сеяли они его от случая к случаю, предпочитая воровать зерно у соседей — зингарцев и боссонцев. Пинты жили кланами, большей частью враждовавшими друг с другом. Их законы были просты и весьма кровожадны. И совершенно необъяснимы с точки зрения цивилизованного человека, вроде Аруса из Немедии. Пинты не поддерживали непосредственных контактов с хайборийцами, поскольку бессонны расположились между ними наподобие буфера: тем не менее Арус счел, что они были способны к развитию, и последующие события подтвердили правоту его умозаключения — хотя и не таким образом, как хотелось бы ему самому.

... Арусу повезло: судьба столкнула его с вождем, которого природа одарила необычайно ясным умом. Звали его Горм. Современному человеку понять Горма столь же трудно, как Чингисхана, Османа, Аттилу или иных, рожденных в дикой стране среди необразованных варваров и, тем не менее, наделенных духом завоевания и основания империй...

Арус сумел объясниться с вождем на ломаном боссонском, поясняя ему цель своего путешествия. Весьма озадаченный, Горм все же позволил ему избегнуть расправы и жить среди племени — едва ли не впервые за всю историю своего народа. Изучив язык, Арус взялся за дело, стараясь изменить хотя бы самые лютые обычаи пиктов: человеческие жертвоприношения, кровную месть и сожжение пленников живыми. Он обращался к Горму с пламенными речами — и обрел в нем заинтересованного, пусть и невосприимчивого слушателя. Воображение живо рисует нам эту сцену: черноволосый вождь, облаченный в тигриную шкуру и ожерелье из человеческих зубов, сидит на корточках, на земляном полу хижины с плетеными стенами, сосредоточенно внимая красноречию жреца. А жрец, облаченный в шелковые одеяния немедийского священнослужителя, усаженный на раздобытую ради него резную, укрытую мехами колоду красного дерева, жестикулирует изящными белыми руками, излагая вечные истины и законы — учение Митры...

Вне сомнения, Арус с укором указывал вождю на ряды черепов, украшавшие стены хижины, и призывал Горма прощать своих врагов, вместо того чтобы таким образом поступать с их выбеленными временем костями. Арус был достойнейшим представителем народа, чей врожденный артистизм был отточен столетиями цивилизованной жизни. За Гормом же стояло сто тысяч лет необузданной дикости. Поступь тигра была в его бесшумной походке, хватка гориллы — в хватке его рук с черными от въевшейся грязи ногтями, и во взгляде его горел тот же огонь, что светится в глазах леопарда.

Арус был человеком практичным. Он постарался заинтересовать дикаря соображениями материальной выгоды. Повествуя о величии Митры, он красочно описывал мощь и роскошь хайборийских королевств — ибо что, если не труды и учение Митры, возвышало их и утверждало во славе? Он рассказывал Горму о городах и плодородных равнинах, о мраморных стенах и железных колесницах, о башнях, увенчанных драгоценными камнями, и о всадниках в сверкающей броне, мчащихся в битву. А Горм, ведомый безошибочным инстинктом варвара, пропускал мимо ушей все, что касалось богов и их учений, и жадно вбирал рассказы о земном могуществе, столь живо описанном чужаком. И вот таким образом в жалкой лачуге с плетеными

стенами и земляным полом, где на колоде красного дерева сидел жрец в шелковых одеяниях, а перед ним — смуглокожий вождь в тигровых шкурах, — вот таким образом и именно там был заложен первый камень в основание империи.

Как уже говорилось, Арус был человеком практичным. Живя среди пиктов, он обнаружил множество способов, коими образованная личность может облагодетельствовать человечество — хотя бы это человечество было облачено в тигровые шкуры и носило ожерелья из зубов своих собратьев. Как и все жрецы Митры, он был исполнен разнообразных познаний. Так, он обнаружил под пиктскими холмами обширные залежи железной руды и научил дикарей добывать ее, плавить железо и ковать из него разнообразные орудия в счастливой надежде, что это будут орудия пахоты и жатвы. Пихты были обязаны Арусу и иными нововведениями, главнейшими же его делами стали следующие. Он заронил в душу Горма желание повидать страны цивилизованного мира; он обучил пиктов ковке железа; и, наконец, он впервые установил контакт между ними и цивилизацией. По просьбе вождя он вывел его и сколько-то его воинов через Боссонские Пределы, где на них изумленно глазели честные поселяне, во внешний блистающий мир.

Без сомнения, Арус считал, что прямо-таки налево и направо обращает пиктов в свою веру, ибо они слушали с интересом, не торопясь рубить его медными топорами. Наивно было, однако, рассчитывать, чтобы пикты с охотой приняли учение, предписывавшее им прощать своих врагов, чтобы они променяли тропу войны на честную жизнь, исполненную тяжкой повседневной работы. Мы уже знаем, что пикту была чужда артистическая утонченность; самая натура его требовала войны и кровопролития. Внимая рассказам жреца о величии и славе цивилизованных народов, меднокожие слушатели задумывались не о догмах его религии, но о той добыче, которую они могли бы взять в описываемых им богатых городах и блещущих странах. Когда он рассказывал им, как Митра помог тому или иному королю опрокинуть врагов, они меньше всего обращали внимания на чудеса Митры, внимательно вслушиваясь в описания боевых порядков, доспехов рыцарей, маневров лучников и копейщиков. Пикты внимали жрецу, и их темные глаза были зорки, а лица — непроницаемы.

Они делали что считали нужным, и не очень об этом распространялись. И Арусу поистине льстил тот напряженный интерес, с которым они принимали его наставления касательно выплавки железа и сродных с этим искусств.

До его пришествия они крали стальное оружие и доспехи у боссонцев и зингарцев и сами пробовали выделывать грубое оружие из меди и бронзы. Теперь им поистине открылся новый мир; спустя очень малое время по всей стране эхом разносился звон молотов о наковальни. А Горм, пользуясь этим вновь приобретенным искусством, начал постепенно распространять свою власть на соседние кланы, прибирая их к рукам кого силой, кого — хитростью и дипломатией. И надо отметить, что по части дипломатии среди варваров ему не было равных.

Снабженные охранным свидетельством, пикты теперь свободно путешествовали в Аквилонию и назад. И, возвращаясь, доставляли все новые сведения о выделке доспехов и ковке мечей. Более того: они вступали в наемные армии Аквилонии, вызывая не поддающееся онисанию отвращение у храбрых боссонцев. Аквилонские короли подумывали стравить пиктов с киммерийцами и тем самым, вполне вероятно, уничтожить угрозу, исходившую от обоих. Но они были слишком заняты своей захватнической политикой на юге и востоке, чтобы всерьез обращать внимание на малоизвестные земли Запада, откуда являлись все новые коренастые воины и нанимались на службу.

Отслужив, эти воины возвращались в родные чащобы, принося с собой добротные познания о воинском искусстве цивилизованных стран — и презрение к цивилизации, неизбежно порождаемое близким знакомством с нею. И вот в пиктских холмах забили барабаны, с высоких вершин потянулся дым сигнальных костров, между тем в тысячах кузниц ковали и ковали сталь полудикие кузнецы.

Тем временем вооруженные налеты и интриги — слишком хитроумные и разнообразные, чтобы пытаться хоть кратко перечислить их здесь, — сделали Горма верховным вождем и приблизили его власть к королевской в большей степени, чем это бывало у пиктов в течение тысячелетий. Он ждал долго, он был уже немолод; но пришло время, и он двинулся к границам — и не с торговлей, но с войной.

Слишком поздно понял Арус свою ошибку, понял, что так и не сумел достучаться до души дикаря, где таилась

копившаяся веками необузданная свирепость. Все его убедительное красноречие нисколько не потревожило сознание пиктов. Горм теперь носил вместо тигровых шкур посеребренную кольчугу, но внутренне он был совершенно прежним — вечный варвар, которому нет дела до теологии и философии, варвар, чьи инстинкты неизбежно сосредоточены на насилии и войне.

Огнем и мечом проломили пикты границу Боссонии... Вместо вчерашней толпы в тигровых шкурах, размахивавшей медными топорами, в бой шли воины в чешуйчатых бронях, с острым стальным оружием в руках. Что же до Аруса — какой-то пьяный пикт раскроил ему череп, как раз когда тот пытался исправить невольные плоды своих трудов. Горм, впрочем, не остался неблагодарным. По его приказу могильный холм жреца увенчали черепом его убийцы.

Мрачная ирония судьбы: столь варварского украшения удостоились камни, скрывавшие тело Аруса — человека, которому насилие и кровная месть были противны более всего на свете...

И все-таки нового оружия и кольчуг оказалось недостаточно для скорой победы. Еще долгие годы мужество боссонцев и их превосходство в вооружении, а также помощь имперских войск Аквилонии сдерживали нашествие. Тем временем приходили и уходили гирканцы, а к империи была присоединена Замора...

Однако потом неожиданная измена расстроила сопротивление боссонцев. Но прежде чем перейти к ее описанию, уместно хотя бы вкратце обозреть Аквилонскую Империю. Аквилония всегда была богатой страной; завоевания сделали ее богатства неисчислимыми. Там, где прежде господствовал простой и суровый быт, воспитывавший выносливых и закаленных людей, воцарилась пышная роскошь. Впрочем, вырождение еще не успело коснуться ни королей, ни народа. Разодетые в шелка и золотую парчу, они оставались расой мужественной и жизнеспособной. Вот только прежнюю простоту нравов сменило высокомерие. Все с большим презрением взирали аквилонцы на слабейшие народы, облагая покоренных все более тяжелыми данями. С Аргосом, Зингарой, Офиром, Заморой и шемитскими странами обращались, как с порабощенными провинциями. Особенно это возмущало гордых зингарцев, и они то и дело восставали, несмотря на то что восстания подавлялись — и подавлялись жестоко.

Коф практически подчинялся Аквилонии, состоя под ее «защитой» против гирканцев. Но вот Немедию западной империи покорить так и не удалось — хотя все победы немедийцев были чисто оборонительного свойства и были одержаны с помощью армии Гипербореи. Единственными на тот период неудачами империи были: провал попыток присоединить Немедию — разгром одной из армий, посланных в Асгард. Как гирканцы оказались неспособны противостоять ударам тяжелой кавалерии аквилонцев, так и эти последние, вступив в заснеженные края, не устояли в рукопашной перед яростью северян. Однако завоевания Аквилонии большей частью были направлены в сторону Нилуса (или, иначе, Стикса): в кровавом бою была уничтожена армия Стигии, а стигийский король принужден — хотя бы единовременно — откупиться, чтобы спасти свою страну от нашествия. Бритуния была ослаблена в ходе нескольких стремительных войн, последовавших одна за другой. Началась подготовка к тому, чтобы наконец-то поработить старинного врага — Немедию.

Уже двинулись вперед сверкающие доспехами армии, многократно усиленные наемниками; казалось, их натиску суждено было превратить независимость Немедии в воспоминания. Но как раз тут и разгорелась свара между аквилонцами и их союзниками боссонцами.

Расширение империи с неизбежностью привело к тому, что аквилонцы сделались заносчивы и нетерпимы. Они взяли привычку осмеивать более простодушных и безыскусных боссонцев, и между ними родилась обоюдная нелюбовь. Аквилонцы презирали боссонцев, и тех возмущало подобное обращение с ними хозяев, ибо теперь те в открытую называли себя таковыми и поступали с боссонцами, точно с завоеванными подданными, устанавливая непомерные налоги и заставляя участвовать в своих захватнических войнах — войнах, с которых боссонцы не имели почти никаких выгод. В результате в Боссонии едва-едва хватало воинов для охраны границ. Вот и вышло так, что, прослышав о зверствах, чинимых на их родине пиктами, целые отряды боссонцев ушли с немедийской войны и быстрым маршем переправились на западные границы, где они дали смуглокожим захватчикам большое сражение и отогнали их прочь.

Случилось, однако, что уход боссонцев послужил непосредственной причиной поражения, нанесенного аквилонцам немедийцами, отчаянно защищавшими свой дом. Что,

в свою очередь, навлекло на боссонцев жестокий гнев тогдашних императоров, нетерпимых и близоруких, как, впрочем, и все вообще императоры. Аквилонские полки были тайно стянуты к границам Боссонских Пределов. Местных вождей пригласили поприсутствовать на великом совете; и, под видом намечаемой экспедиции против пиктов, отряды свирепых шемитских солдат были размещены среди ничего не подозревавших поселян. Безоружных вождей предательски перебили, шемиты накинулись на их ошеломленные войска с факелами и саблями, а закованные в железо имперские палки обрушились на мирный народ. Страна была разорена на всем протяжении; уйдя наконец от границ, аквилонские армии оставили после себя опустошение и разгром...

И вот тогда-то, никем более не сдерживаемые, через лишенную защиты границу в полную мощь ринулись пикты. И это был не набег — это было согласное движение целого народа, движение, ведомое вождями, служившими в аквилонских войсках, движение, задуманное и направляемое Гормом. Горм был уже стар, но его яростное стремление к цели с годами не притупилось ничуть. И в этот раз на их пути не было крепких деревень, окруженных стенами и населенных бесстрашными лучниками, способными сдерживать вражеское нашествие до подхода имперских войск. Остатки боссонцев были вмиг сметены, и прежде, нежели могли быть переброшены на запад имперские легионы, вновь занятые войной с немедийцами, обезумевшие от крови варвары вломились в самое Аквилонию, грабя и сметая все на своем пути. Зингара тотчас воспользовалась возможностью и скинула ярмо, и ее примеру не замедлили последовать Коринфия и Шем. Многочисленные отряды наемников и вассалов поднимали бунт и уходили назад в родные пределы и, конечно, опять-таки жгли и грабили по дороге. Пикты же неостановимо двигались на восток, втаптывая в землю войско за войском. Аквилонцы, лишившиеся поддержки боссонских лучников, мало что могли противопоставить ливню стрел, который обрушивали на них варвары. Со всех концов империи отзывались легионы и направлялись навстречу нашествию, между тем как из западных дебрей накатывала орда за ордой, и казалось, что их источник неиссякаем. И тут, посреди воцарившегося хаоса, на равнину со своих гор хлынули киммерийцы — и довершили разгром. Они грабили города, опустошали страну и

возвращались в горы с добычей. Пинты, напротив, занимали захваченные земли. Вот так, в огне и крови, рухнула Аквилонская Империя...

В это время из голубых далей востока опять явились гирканцы: отвод имперских легионов из Заморы побудил их к решительным действиям. Замора уступала их натиску, сделавшись легкой добычей, и в самом большом из захваченных городов гирканский король устроил свою столицу. Та волна завоевателей явилась из старинного гирканского королевства — Турана, расположенного на берегах внутреннего моря; однако с севера двигалась еще одна орда, и притом более опасная. Всадники, закованные в сталь, миновали северную оконечность моря Вилайет, промчались по западным пустыням, внедрились в степи и, гоня перед собою туземцев, обрушились наконец на западные королевства. Эти новоприбывшие на первых порах отнюдь не считали туранцев своими союзниками, но, напротив, дрались с ними точно так же, как и с хайборийцами. Вот так кишели и резались между собой волны восточных воителей, покуда всех их не объединил под своей властью великий вождь, явившийся с самого побережья Восточного океана. Аквилонской армии, могущей воспротивиться, более не существовало, и завоеватели не ведали поражений. Они наводнили и поработили Бритунию, разорили южную Гиперборею и Коринфию. Они ворвались в Киммерийские горы, гоня черноволосых варваров прочь; но там, в горах, где кавалерия не могла действовать в полную силу, киммерийцы встали насмерть — и лишь беспорядочное отступление, довершившее день кровавой битвы, спасло гирканское войско от полного уничтожения.

А покуда происходили все эти события, королевства Шема покорили своего прежнего хозяина — Коф, но потерпели поражение при попытке вторгнуться в Стигию. И едва успели шемиты управиться с разорением Кофа, как на них самих налетели гирканцы — и оказались правителями пожестче, чем когда-либо были хайборийцы. Тем временем пикты сделались полными хозяевами Аквилонии, практически поглотив прежнее население. Когда же они перешли границу Зингары — тысячи зингарцев, спасаясь от резни, хлынули в Аргос и там сдались на милость двигавшихся к западу гирканцев, которые и поселили их в Заморе как своих подданных. Следом за зингарскими беглецами в Аргос вошли завоеватели-пикты, и страну объял

кровавый кошмар. Потом пикты вступили в Офир и столкнулись там с гирканцами: эти последние, захватив Шем, разбили на берегах Нилуса стигийскую армию и продвинулись на юг вплоть до черных королевств Амазонии, а тысячи пленников, приведенных оттуда, расселили между шемитскими племенами. Если бы не яростный натиск пиктов, сдерживавших их на западе, гирканцы, вероятно, довершили бы покорение Стигии и присоединили ее к своей растущей империи.

Немедия, в свое время так и не уступившая хайборийцам, едва держалась, зажатая между владыками Востока и меченосцами запада, пока с севера не пришло племя асов, покинувших свою занесенную снегом страну. Придя в королевство, асы подались в наемники — и оказались необычайно умелыми воинами: не только отбросили прочь гирканцев, но и сумели остановить натиск пиктов, все еще двигавшихся на восток.

Удивительное зрелище являл собой тогдашний мир. Громадная, дикая, варварская империя пиктов простиралась от берегов Ванахейма на севере до южных побережий Зингары. В восточном же направлении она включала всю Аквилонию, кроме самой северной провинции — Гандерланда, расположенного в горах. Гандерланд пережил падение империи и, став самостоятельным королевством, все еще сохранял независимость. Пиктская империя включала также Аргос, Офир, западные земли Кофа и Шема.

Империи варваров противостояла империя гирканцев. На севере ее лежали разоренные границы Гипербореи, а на юге — Шем, Замора, Бритуния, Пограничные Королевства, большая часть Кофа и весь восточный Шем — до самых пустынь.

Границы Киммерии остались нетронутыми. Ни пикты, ни гирканцы не сумели сломить воинственных варваров. Немедия, где верховодили наемники-асы, тоже успешно противостояла нашествиям. Таким образом, Киммерия, Немедия и Северные Страны до некоторой степени разделяли два народа-завоевателя, зато Коф превратился в арену непрекращавшейся битвы между пиктами и гирканцами. Порою восточным воителям удавалось очистить от варваров все королевство; но проходило некоторое время — города и веси вновь оказывались в руках западных пришельцев. На далеком юге Стигия, потрясенная гирканским вторжением, страдала от бесконечных нашествий из Черных Ко-

ролевств. А на дальнем севере не ведали покоя нордические племена, то и дело сражавшиеся с киммерийцами и сами тревожившие границы Гипербореи...

Горм пал от руки Хьяльмара, вождя немедийских асов. Горму к тому времени исполнилось уже чуть не сто лет. С тех пор, как из уст Аруса он впервые услышал слово «империя», минуло семьдесят пять лет — долгий срок в жизни отдельного человека, но в истории народов — краткий миг. За это время Горм сколотил из бродячих дикарских кланов империю и опрокинул цивилизацию. Родившийся в мазанке под соломенной крышей, под старость он сиживал на золотых тронах и угощался говядиной с золотых блюд, что подносили ему нагие рабыни — дочери свергнутых королей. Ни завоевания, ни приобретенное богатство не изменили пикта; из руин разграбленной цивилизации, как феникс, восстала новая культура. Смуглые руки, уничтожившие искусство побежденных, никогда не пытались ему подражать. Сидя в роскошных руинах поверженных дворцов и облачив свое закаленное тело в шелка, сдернутые с низложенных королей, пикт остался вечным варваром — свирепым, примитивным, озабоченным лишь основными жизненными потребностями. Он не менялся сам и не изменял своим первобытным инстинктам, призывавшим его к грабежу и войне; в его мире не было места ни для искусств, ни для культурного развития человечества...

А вот асы, обосновавшиеся в Немедии, оказались не таковы. Вскорости они многое восприняли от своих цивилизованных союзников — но и сами, будучи обладателями чужой и очень жизнеспособной культуры, многое изменили и привнесли.

Последовал недолгий период, в течение которого гирканцы и пикты грызлись друг с другом на развалинах покоренного ими мира. Но потом начались оледенения и великое переселение нордических племен. Северные народы отступали перед надвигавшимися ледниками, выталкивая родственные кланы дальше на юг. Асы заняли древнее королевство Гиперборею и, перебравшись через его руины, вплотную сошлись с гирканцами. Немедия к тому времени вполне уже превратилась в нордическую державу; правили в ней потомки асов-наемников. Под напором выходцев с севера снялись с насиженных мест киммерийцы, и ни армии, ни укрепленные города не могли им противостоять. Они наводнили и смели королевство Гандерланд и двинулись

через древнюю Аквилонию, неудержимо прорубая себе путь сквозь пиктские орды. Они разбили немедийцев и разграбили некоторые их города, но не остановились. Опрокинув на границах Британии гирканскую армию, они продвигались все дальше на восток.

А позади них, наводняя все новые страны, двигались орды асов и ванов, и пиктская империя содрогалась от их ударов. Немедия была повержена, и полуцивилизованные северяне бежали от своих более диких соплеменников. Покинутые города Немедии лежали в руинах. Беженцы-северяне (унаследовавшие имя прежнего королевства, так что термин «немедийцы» далее подразумевает именно их) вошли в древние земли Кофа, изгнали оттуда и гирканцев, и пиктов и помогли народу Шема скинуть гирканское ярмо. По всему западному миру власть гирканцев и пиктов трещала под напором более молодого, свирепого народа. Отряд асов изгнал восточных всадников из Британии и сам обосновался в этой стране, приняв ее имя. А северяне, завоевавшие Гиперборею, так яростно наседали на своих восточных врагов, что эти смуглокожие потомки жителей Лемурии, неудержимо выталкиваемые в сторону моря Вилайет, отступили назад в степи.

Тем временем киммерийцы, мигрируя к юго-востоку, уничтожили древнее гирканское королевство Туран и поселились на юго-западных берегах внутреннего моря. Итак, мощь восточных завоевателей была сломлена. Неспособные более противостоять натиску киммерийцев и северян, при отступлении они разрушили все свои города, перебили пленных, которым не по силам были дальние переходы, а затем, гоня перед собою тысячи рабов, удалились назад в таинственные пределы Востока. Обогнув северную оконечность моря Вилайет, они исчезли из истории Запада на долгие тысячелетия, чтобы много позже вновь появиться под именем гуннов, монголов, татар и турок. Вместе с ними ушли тысячи зингарцев и заморийцев, которые затем бок о бок осели далеко на востоке и, смешиваясь в течение веков, положили начало новому народу цыган.

Одновременно с этим племя отчаянных ванов просочилось на юг вдоль пиктского побережья. Опустошив древнюю Зингару, они добрались до Стигии, которая, изнемогая под властью аристократов, едва выдерживала удары с юга, где лежали Черные Королевства. Рыжеволосые ваны возглавили восстание рабов, сбросили дотоле правивший

класс — и сами составили касту завоевателей. Они поработили самые северные из Черных Королевств и положили начало огромной южной империи, названной ими Египтом. Ранние фараоны этой страны гордились своим происхождением от рыжеволосых ванов, явившихся с севера.

Таким образом, северные варвары верховодили уже повсюду в западном мире. Пикты все еще удерживали Аквилонию, часть Зингары и западное побережье континента. Но восточнее, до самого Вилайета, от Полярного круга до страны Шем, единственными обитателями были кочевые нордические племена — за вычетом киммерийцев, обосновавшихся в прежнем королевстве Туран. Городов не осталось нигде, кроме Шема и Стигии: волны завоевателей — пиктов, гирканцев, киммерийцев — сравняли всех их с землей, а доминировавшие некогда хайборийцы вовсе исчезли, едва успев влить свою кровь в жилы новых народов. Язык варваров сохранил некоторые названия земель и племен, и они пережили столетия, постепенно обрастая путаными легендами и сказаниями — покамест вся история Хайборийской эры не покрылась прочной паутиной вымысла и мифа. Так, в речи цыган сохранились названия Зингары и Заморы; асы, подчинившие Немедию, прозвались немедийцами, и это имя фигурировало впоследствии в ирландской истории; северяне же, осевшие в Британии, были позже названы британийцами, британами и, наконец, бриттами.

Единой, сплоченной Нордической империи не существовало. Каждое племя по-прежнему возглавлял свой собственный вождь или король, и яростная вражда меж племенами не прекращалась. К чему могло все это в конце концов привести — осталось навеки неизвестно. Ибо новая чудовищная судорога Земли, породившая современные очертания земель и морей, обратила все в хаос. Громадные участки западного побережья погрузились в воду. Ванахейм и западный Асгард — уже сотни лет к тому времени безлюдные и покрытые ледниками — исчезли в морских волнах. Океан ворвался в горы западной Киммерии, образовав современное Северное море. Полузатопленные горы превратились в острова, позже известные как Англия, Шотландия и Ирландия. Волны перекатывались там, где прежде шумели Пиктские Дебри и расстилались Боссонские Пределы. На севере образовалось Балтийское море, разделившее Асгард на полуострова, получившие названия

Норвегии, Швеции и Дании. А на далеком юге стигийский континент откололся от остального мира, причем линия разлома пролегла по реке Нилус в ее западном течении. Над Аргосом, западным Кофом и западными землями Шема плескался голубой залив океана, которому позже люди дали наименование Средиземного моря. Однако погружение происходило не всюду. Западнее Стигии из моря поднялась обширная суша, составившая западную половину Африканского континента.

Вздыбившаяся земля воздвигла громадные горные цепи в центральной части северного континента. При этом погибли целые племена северян, а уцелевшие отступили к востоку. Однако территория вокруг медленно высыхавшего внутреннего моря была вовсе не затронута катаклизмом, и там, на западных берегах, нордические племена мирно занимались скотоводством, более или менее уживаясь с киммерийскими соседями и постепенно смешиваясь с ними. На западе остатки пиктов, отброшенные катастрофой назад в каменный век, вновь начали распространяться, являя невероятную жизнеспособность своей расы, пока, в позднейшую эпоху, их не опрокинула западная миграция киммерийцев и северян. Но это случилось спустя столь долгое время после катаклизма, что о прежних империях повествовали только смутные, лишенные смысла легенды.

Эта последняя миграция стала уже достоянием письменной истории, и ее события нет нужды заново излагать. Причиной же, вызвавшей ее, был рост населения. Степи к западу от внутреннего моря, которое, сильно усохшее, в последующие эпохи было известно как Каснийское, оказались перенаселены в такой мере, что миграция сделалась экономической необходимостью. Племена двинулись на юг, на север и на запад — в земли, называемые теперь Индией, Малой Азией, Центральной и Западной Европой.

В эти страны они пришли под именем ариев. Первобытные арии были представлены несколькими племенами. Иные можно опознать и сегодня, иные же — давно позабыты. Светловолосые ахейцы, галлы и бритты, к примеру, суть потомки чистокровных асов. Немедийцы ирландских легенд — не кто иные, как немедийские асы. Датчане — потомки чистокровных ванов, а готы — предки остальных скандинавских и германских племен, в том числе и англосаксов — потомки смешанной расы, у истоков которой стояли юны, асы и киммерийцы. Гэлы — предки ирландцев

и нагорных шотландцев — ведут свое происхождение от чистокровных киммерийских кланов. Кимрские (валлийские) племена Британии — смешанная киммеро-нордическая раса, переселившаяся на острова прежде чисто нордических бриттов, породила легенду о гэльском первородстве. Кимры, сражавшиеся против Рима, были тех же кровей, как и гиммеры ассирийцев и греков и гоммеры древних евреев. А некоторые киммерийские кланы ушли на восток, на ту сторону высшего внутреннего моря, и спустя несколько веков, приняв в себя гирканскую кровь, вернулись на запад под названием скифов. Первопредки гэлов оставили свое имя современному Крыму.

Древние шумеры не имели никакого родства с западной расой. Они были смешанным народом гиркано-шемитского происхождения — потомки тех, кого не смогли увести с собой отступавшие завоеватели. Многим племенам Шема удалось избежать того плена, и от чистокровных шемитов, а также от тех, что смешались с хайборийцами или северянами, произошли арабы, израильтяне и иные ярко выраженные семиты. Ханааниты, или горные семиты, ведут свое происхождение от шемитов, смешавшихся с жителями Куша, которых расселили среди них хозяева-гирканцы; типичный пример такого народа — эламиты. Невысокие, плотно сбитые этруски — основа римской расы — были потомками народа, объединившего в себе черты стигийцев, гирканцев и пиктов и жившего первоначально в древнем королевстве Коф. Гирканцы же, отступившие к восточному побережью континента, дали начало позднейшим племенам татар, гуннов, монголов и турок.

Происхождение иных народов современного мира может быть аналогичным образом прослежено. История почти каждого из них уходит во мглу позабытой Хайборийской эры — много дальше и глубже, чем сами они порою осознают...

1936 год

СЛОНОВАЯ БАШНЯ

Глава 1

Коптящие факелы бросали лишь хмурый свет в Глотке, где кутили, справляя свои ночные карнавалы, ворюги востока. В Глотке они могли шуметь и пьянствовать, сколько их душе угодно, ибо почтенные граждане избегали бывать в этом квартале, и ночные сторожа, подкупленные не совсем чистыми деньгами, не перегружали своим вниманием этот район. По узким, немощеным переулкам, мимо дурнопахнущих куч нечистот и вонючих луж бродили, качаясь, орущие, буянящие пьяницы. Сталь вспыхивала в тени, где был слышен пронзительный смех женщин, а кроме того звон оружия и немного более тихий шум стычек. Свет пробивался из разбитых окон и широко распахнутых дверей. Запах перегара и потных тел сочился из этих дверей, звон кружек, стук кулаков по нестроганным доскам столов, и — как удар в лицо — разрозненные отрывки непристойных песен.

В одном из подобных кабаков было особенно оживленно. Сдавленный и пронзительный хохот гремел под низким, черным от копоти потолком. Здесь собирались висельники всех видов и родов в лохмотьях и обносках — но и в роскошнейших богатых одеяниях. Карманники с их ловкими пальцами кутили здесь, беспощадные похитители людей, искусные скалолазы — покорители фасадов зданий, хвастливые наемные убийцы со своими потаскушками, женщины, ярко раскрашенные дешевой косметикой, с пронзительными голосами. Отпетые жулики чувствовали себя здесь как дома и составляли большую часть публики — темноволосые, черноглазые заморанцы с кинжалом в рукаве и ложью в сердце. А кроме них — волки из полдюжины чужеземных стран, и среди них огромный гиперборец, молчаливый, опасный, с могучим двуручным мечом

на боку — ибо в Глотке мужчины носили свое оружие открыто. Кроме того, был здесь фальшивомонетчик из Шема с горбатым носом и узенькой иссиня-черной бородкой. Косоглазая бритунская девка сидела на коленях гандера с светло-каштановыми волосами — он был из бродяжничающих наемников, и сейчас находился в бессрочном отпуске, который взял у разбитой армии. И жирный висельник, чьи сальные шутки вызывали громовой хохот, — по профессии он был похитителем людей. Он явился из далекого Кофа, чтобы принести заморанцам — которые рождались с такой ловкостью в этого рода ремесле, какая ему и не снилась — искусство красть женщин. Этот человек оборвал описание красоты одной из намеченных жертв, чтобы сделать смачный глоток вина. Затем он обтер губы и произнес:

— Клянусь Бэлом, богом всех воров, я покажу вам, как надо красть женщин! Еще до рассвета я перетащу эту юную штучку через заморанскую границу, где ее уже поджидает караван. Три сотни серебряных обещал мне один офирский князь за прекрасную молодую бритунийку из лучшего дома. Я целые недели потратил переодетым в лохмотья нищего, выглядывая в пограничных городах что-нибудь подходящее. Да, она и впрямь девчушка как с картинки! — Он причмокнул губами, отсылая воздушный поцелуй. — И я знаю высоких господ в Шеме, которые отдали бы за нее даже тайну Слоновой Башни, — пробормотал он напоследок, прежде чем снова обратиться к своему пиву.

Его подергали за рукав, и он повернул голову, мрачно нахмурившись, оттого что ему помешали. Рослый, крепко сложенный молодой парень стоял возле него. В этом месте он казался таким же лишним, как волк среди вшивых крыс в сточной канаве. Дешевая куртка не скрывала крепкого торса, широких плеч, могучей груди, узких бедер и мускулистых рук. Лицо его загорело на солнце до черноты, синие глаза пылали. Густая грива черных, нечесаных волос падала на высокий лоб. В кожаных ножнах на поясе он носил меч.

Кофитянин непроизвольно отшатнулся назад, ибо парень не принадлежал ни к одной из известных ему цивилизованных рас.

— Ты говорил о Слоновой Башне, — сказал чужак на языке Заморы, однако с чужеземным акцентом. — Я много слыхал об этой башне. Что за тайна?

Поведение чужака не показалось кофитянину угрожающим, кроме того, мужество похитителя подогревалось обильно потребленным пивом и вниманием его теперешних слушателей. Он весь надулся, дабы придать себе значимости.

— Тайна Слоновой Башни? — вскричал он. — Да ведь каждому болвану известно, что Яра, жрец, владелец могущественного колдовского камня, именуемого Сердцем Слона, живет там. В этом камне — тайна его колдовской силы.

Варвар коротко поразмыслил над этими словами.

— Видал я и башню, — сказал он. — Она стоит в большом саду над городом. Высокие стены окружают его, однако стражников я ни одного не видел. Не так-то трудно будет взобраться на стену. Почему же никто еще не стащил этот таинственный камень?

С открытым ртом кофитянин уставился на этого наивного чужеземца, затем разразился насмешливым хохотом, который подхватили и остальные.

— Послушайте только этого дикаря! — громыхал он. — Он хочет спереть камешек Яры. Слушай ты, парень, — сказал он и повернулся к молодому человеку. — Положим, ты, конечно, варвар, откуда-нибудь там с севера...

— Я киммериец, — заявил чужак не совсем дружески. Ответ и тон мало что сказали кофитянину. Он происходил из королевства, лежащего далеко на юге у шемских границ, и мало что знал о народах севера.

— Тогда навостри уши и немножко поучись! — сказал он и указал пивной кружкой на немного смущенного парня. — Знай же, что в Заморе и в первую очередь в этом городе живет больше искусных воров, чем где-либо в этом мире, больше даже, чем в самом Кофе. Если бы смертный человек мог украсть этот драгоценный камень, то можешь быть уверен, он давно бы уже попал в чужие руки. Говоришь, простое дело вскарабкаться на стену, но едва ты успеешь туда забраться, как сразу об этом пожалеешь. Хорошая есть причина, коли сторожа по ночам не обходят этот сад, то есть сторожа-люди. Однако сторожевая комната внизу в башне всегда полна народу, и даже если тебе и удастся невредимым пройти мимо тех, кто ночью держит под наблюдением сад, не сводя с него глаз — или что там у них вместо глаз, — тебе придется с боем пробиваться через караулку мимо сторожей-людей,

чтобы добраться до побрякушки, которая хранится где-то там, в башне, наверху.

— Но если кому-нибудь повезет пройти через сад, почему бы ему не попытаться добраться до камня через верхнюю часть башни, — возразил киммериец. — Этим он бы избежал встречи со стражниками.

И снова кофитянин уставился на него, разинув рот.

— Нет, вы послушайте его! — крикнул он насмешливо. — Варвар у нас орел, который может взлететь над ограждением башни, усаженным драгоценными камнями! — Он снова бросил взгляд на киммерийца. — Да разве ты не знаешь, что эта башня пятьдесят и еще сто футов в высоту и ее круглые стены еще глаже, чем отполированное стекло?

Варвар с пылающим взором огляделся вокруг. Грохочущий смех, поднявшийся после издевательского замечания, немного смутил его. Сам он не видел никакого основания для веселья, и он был еще слишком неопытен для этого цивилизованного мира, чтобы понимать все его ухищрения. Цивилизованные люди скорее могли бы позволить себе быть невежливыми, чем дикарь, ибо им довольно трудно бывает представить себе опасность оказаться с раскроенным черепом за невежливые слова. Он был смущен и раздосадован, и, без сомнения, отступил бы в смятении, не говоря ни слова, не продолжай кофитянин его задирать.

— Иди-иди! Расскажи этим беднягам, которые чуть-чуть больше занимались своим воровским ремеслом, чем ты прожил лет, как ты собираешься добыть себе камушек!

— Всегда найдется путь, если мужество равно потребности, — раздраженно возразил киммериец.

Кофитянин принял эти слова как персональное оскорбление. Его лицо залилось краской.

— Что?! — взревел он. — Ты посмел обругать нас в глаза трусами? Убирайся! С глаз моих! — Он наградил Конана сильным тычком.

— Ты берешь на себя слишком много воли насмешничать надо мной. Да еще поднял на меня руку? — процедил варвар сквозь зубы. Он больше не мог обуздывать быстро возраставшую ярость. Он ответил на тычок ударом ладони, который сбросил насмешника на грубо выструганный стол. Пиво плеснуло через край кружки. Кофитянин злобно зарычал и вытащил меч.

— Собака дикарь! — загремел он. — За это я вырежу сердце из твоей груди!

Блеснула сталь. Сидящие вокруг поспешно бросились искать безопасное местечко. В спешке они опрокинули единственную горевшую в комнате свечу. Кабак погрузился в темноту. Треск опрокидываемых скамеек, топот ног, вопли и проклятия — вот что было слышно, — пыхтение обоих задир и, наконец, пронзительный крик боли, пронзивший гвалт и сумятицу. Когда свечу снова запалили, оказалось, что большинство гостей исчезли, сбежав через дверь и разбитое окно, остальные забрались под столы и за винные бочки. Варвар тоже покинул заведение. В центре комнаты лежал окровавленный труп кофитянина. С безошибочным варварским инстинктом киммериец отыскал обидчика в темноте и, воспользовавшись всеобщей суматохой, прикончил.

Глава 2

Свет факелов и шумное веселье гуляк остались позади. Киммериец избавился от своей рваной куртки и теперь шагал сквозь ночь совершенно голый, если не считать набедренной повязки и высоких шнурованных сандалий. Он скользил с гибкостью тигра, его стальные мускулы играли под загорелой кожей.

Конан достиг той части города, что прилегала к храмам. Они поблескивали в свете звезд со своими мраморными снежно-белыми колоннами, золотыми куполами и серебряными арками порталов, эти ларцы бесчисленных чужих божеств Заморы. Конан не слишком ломал себе над ними голову. Он знал, что религия Заморы, как и все прочее у народа, издавна изведавшего блага цивилизации, сложна и понять ее нелегко, и что свое изначальное естество она давно затеряла в лабиринте обрядов и обычаев. Много часов провёл он на открытых площадях, внимая увещеваниям теологов и учителей, и после этого запутался еще больше, чем прежде. Но в одном отныне он был убежден твердо: ни один из этих философов не пребывал в здравом рассудке.

Его родные боги были просты и понять их было несложно. Кром был верховным среди них. Он жил на

высокой горе, откуда насылал испытания и смерть. Бесполезно было молить о чем-либо Крома, ибо он был мрачным, диким богом и презирал трусов. Но мальчика при рождении он наделил мужеством, волей и силой убивать врагов. Это было, по воззрениям варваров, все, чего следовало ожидать от бога.

Сандалии Конана не издавали ни малейшего шума, ступая по блестящим камням мостовой. Ни одного стражника не было видно, ибо даже воры из Глотки избегали храмы, где — как кругом болтают — всякого, кто ступал в них с нечистыми намерениями, ждала ужасная судьба. Впереди Конан видел Слоновую Башню, устремлявшуюся к небу. Он спрашивал себя, откуда она получила свое имя. Никто этого, казалось, не знал. Сам он еще никогда не видел слона, однако знал, если только правильно понял, что это чудовищно огромный зверь с одним хвостом спереди и одним сзади. Во всяком случае, так рассказывал ему путешественник-шемит и при том клялся, что тысячами видел таких зверюг в стране гирканцев. Но нужно, конечно, еще не упускать из виду, что все шемиты большие любители соврать. В Заморе, по крайней мере, никаких слонов не водилось.

Холодно поблескивая, башня, казалось, хотела схватить звезды. В солнечном свете она так ослепляла, что только немногие переносили прямой взгляд на нее. Шептали, что она целиком построена из серебра. Она имела форму цилиндра, была высотой в сто пятьдесят футов, и драгоценные камни мерцали в свете звезд — они были густо утыканы в верхний край или в заграждение, что опоясывало башню. Башня стояла посреди сада, раскинутого высоко над городом, и легкий ветерок раскачивал ветви чужеземных деревьев. Могучая стена окружала сад, и с внешней стороны стены вокруг находилась низкая, не очень широкая полоска земли, которая также была отгорожена стеной. Ни один луч света не вырывался из башни. Она явно не имела оконных отверстий, по меньшей мере, их не было над внутренней стеной. Только сверкающие камни высоко наверху разбрасывали холодное сияние.

Под нижней внешней стеной рос густой кустарник. Киммериец проскользнул поближе и остановился, чтобы получше разглядеть всю картину. Хотя стена была довольна высока, одним прыжком он наверняка мог бы уцепиться пальцами за край стены, а дальше оставались детские

игрушки — подтянуться и перебраться через нее. Он не сомневался, что и внешнюю стену может одолеть подобным же образом. Но он заколебался при мысли о неизведанных жутких опасностях, которые, как он предполагал, подкарауливают его в саду. Здешние люди казались ему чужими и полными загадок. Они были совсем другого рода, чем киммериец, они были даже не той крови, что более западные народы — бритунцы, немедийцы, кофитяне и аквилонцы, о тайнах цивилизации которых он уже многократно был наслышан. Люди в Заморе произошли от одной старой, очень старой цивилизации, и, насколько он успел с ними познакомиться, они казались ему до основания испорченными и развращенными.

Он подумал о Яре, верховном жреце, который плел свое темное чародейство в башне из драгоценных каменьев. Волосы киммерийца поднялись дыбом, когда на ум ему пришла одна история, выболтанная придворным пажом в изрядном подпитии — как Яра засмеялся в лицо одному мирно настроенному принцу и преподнес ему пылающий дьявольский драгоценный камень. Ослепляющие лучи вырвались из этого страшного камня и окутали принца. С криком опустился тот на пол и обуглился, превратившись в черный комок, который в конце концов обернулся пауком и принялся торопливо шнырять по покою, пока Яра не раздавил его подошвой.

Не часто покидал Яра свою колдовскую башню, а когда делал это, то явно только для того, чтобы ввергнуть в несчастье какого-нибудь человека и даже целый народ своей черной магией. Король Заморы боялся его пуще смерти. Он был постоянно пьян, ибо не мог смиренно переносить этот чудовищный страх. Яра был очень стар — поговаривали, будто он живет несчетные столетия и будет жить вечность, и все это с помощью магии камня, повсеместно именуемого Сердцем Слона — по той же причине, по какой высокое строение получило имя Слоновой Башни.

Погруженный в мысли такого рода, киммериец поспешно прижался к стене, когда уловил размеренные шаги в саду. Вместе с шагами он уловил также слабое позвякивание металла. Так что все-таки хотя бы один стражник ходит вокруг сада. Варвар ждал, пока тот не вернется, закончив обход, но опустилась ничем не прерываемая тишина.

Наконец любопытство пересилило. Киммериец подскочил, ухватился за край стены и подтянулся вверх на одной руке. Затем плашмя лег на стену и посмотрел вниз, на полоску земли между обеими стенами. Тут не росло никаких кустов, только непосредственно перед самой внутренней стеной он увидел несколько заботливо подстриженных кустиков. Звездный свет падал на ухоженные газоны. Где-то плескал фонтан.

Конан осторожно спустился. Он вытащил меч из ножен и огляделся. Беспокойство дикаря, который стоит незащищенным под ярким светом звезд, наполняло его, и поэтому он быстро пробрался в тень стены за поворот, пока не оказался рядом с теми кустами, что приметил прежде. Ловкими, быстрыми шагами он пробежал, низко пригнувшись к ним, и почти что споткнулся о нечто, лежавшее, скорчившись, возле кустов.

Быстрый взгляд в обе стороны — по меньшей мере в пределах видимости не имелось ни одного врага. Конан наклонился над фигурой. Острые глаза разглядели в свете звезд крепко сбитого мужчину в серебристом доспехе и шлеме с гребнем заморанской королевской гвардии. Щит и пика лежали рядом с ним. Конан установил, что солдат был задушен. Варвар беспокойно огляделся по сторонам. Ему стало ясно, что это был тот стражник, шаги которого он слышал с той стороны стены. Прошло всего немного времени, и тем не менее неизвестная рука схватила из темноты солдата за горло и лишила его жизни.

Напряженные глаза Конана внезапно уловили движение в кустах подле стены. Держа ладонь на рукояти меча, он прокрался туда. При этом он издавал шума не больше, чем пантера, скользящая в ночи. Тем не менее человек, на которого Конан хотел напасть внезапно, услышал его. Киммериец увидел на стене могучую тень и почувствовал облегчение — тень имела человеческие очертания. Незнакомец резко развернулся с хриплым выдохом, в котором была паника, и явно хотел наброситься на своего противника. Но, когда свет звезд отразился от Конанова клинка, тот вновь отшатнулся. Прошло напряженное мгновение ожидания — каждый выжидал, что будет делать второй, оба готовые немедленно перейти к обороне.

— Ты не солдат, — прошипел, наконец, незнакомец. — Ты вор, как и я.

— А кто ты? — недоверчиво спросил киммериец.

— Таурус из Немедии.

Киммериец опустил меч.

— Я наслышан о тебе. Тебя называют королем воров. Тихий смешок послужил ответом. Таурус был ростом с киммерийца, но тяжелее. Он был довольно-таки толст и обладал большим брюхом, однако каждое его движение выдавало невероятную ловкость и стальную силу. Его острые глаза оживленно блестели в свете звезд. Он был бос и имел при себе свернутую веревку, тонкую, но прочную, с узлами на равных расстояниях.

— А ты кто? — прошептал он.

— Конан из Киммерии, — ответил варвар. — Я хочу отыскать дорогу к драгоценности Яры, которую именуют еще Сердцем Слона.

Конан почувствовал, как толстое брюхо заколыхалось от смеха, но в этом хохоте не было издевки.

— Клянусь Взлом, богом всех воров! — прошипел Таурус. — Я полагал, что кроме меня ни в ком не достанет мужества отважиться на *такое*. Эти заморанцы называют себя ворами — фу! Конан, мне нравится твоя наглость. Еще никогда я никому не позволял выходить со мной вместе на охоту, но клянусь Бэлом, если тебе хочется, попробуем вместе проделать это приключение.

— Так ты здесь тоже в погоне за камнем?

— А ты что думал? Месяц я потратил на разработку плана. А ты, как я думаю, действуешь под влиянием секундного порыва, я прав?

— Да, — пробурчал Конан. — Это ты убил солдата?

— Разумеется. Я перелез через стену, когда он патрулировал другую сторону сада. Спрятался в кустиках. Он услышал меня или по крайней мере, ему почудилось, что он что-то слышит. Когда он пробегал мимо, было совсем не трудно прыгнуть на него со спины и перекрыть ему воздух. Как и большинство людей, он в темноте наполовину слеп. Хороший вор должен иметь глаза, как у кошки.

— Ты допустил ошибку, — сказал Конан.

Глаза Тауруса зло блеснули.

— Я? Ошибку? Не может быть!

— Ты должен был оттащить труп в кусты...

— ... сказал подмастерье мастеру. Смена караула только в полночь. Если бы кто-нибудь начал его искать и обнаружил бы труп, он побежал бы прямой дорожкой к Яре, чтобы поднять тревогу. Между тем у нас было бы довольно

времени, чтобы унести отсюда ноги. А вот если бы они его не нашли, они обыскали бы каждый куст и загнали нас в ловушку, как крыс.

— Ты прав, — признал Конан.

— Так что теперь слушай. Мы только транжирим время с этой проклятой болтовней. Во внутреннем саду нет стражников — я хочу сказать, людей. Но в любом случае там бродят твари, которые куда смертоноснее. Их присутствие заставило меня ломать себе голову долгое время, но под конец я нашел способ устранить их.

— А что солдаты внизу, под башней?

— Старик Яра гнездится наверху. Туда мы попадем и назад тоже вернемся, я надеюсь. Не спрашивай меня сейчас как! Я предусмотрел и позаботился только об одной возможности. Мы заберемся сверху и оттуда свалимся на колдуна и придушим его, прежде чем он успеет положить нас одним из своих проклятых чародейств. То есть мы попытаемся это сделать. Либо мы окончим свои дни в обличии пауков и жаб, которых он раздавит сапогом, либо огромная власть и необъятное богатство — наши. Все хорошие воры должны идти на риск.

— Я готов к этому, — заявил Конан и стряхнул с ног сандалии.

— Тогда за мной!

Таурус повернулся, прыгнул, схватился за край стены и подтянулся наверх. Подвижность этого человека была неправдоподобной, если только подумать о его сложении. Со стороны это выглядело так, словно он почти взлетел на вершину стены. Конан последовал за ним и распростерся рядом. Они объяснялись только еле слышным шепотом.

— Я не вижу огней, — пробормотал Конан.

Нижняя часть башни не отличалась по виду от верхней половины, той, что была видна снаружи стены, — гладкий, блестящий цилиндр и никаких отверстий.

— Имеются окна и двери, очень искусно скрытые в стене, — тихо объяснил ему Таурус, — однако они закрыты. Солдаты дышат воздухом, который поступает сверху.

Сад был морем смутных теней, кустарники и низкие деревья с длинными ветвями тихо колебались внизу. Конан ощущал, как снизу исходит подстерегающая их угроза, ловил на себе пылающий взор невидимых глаз, и слабый запах касался его ноздрей, от которого у него тотчас же волоски на затылке поднялись. Он непроизвольно

заскрежетал зубами, как охотничья собака, поймавшая запах отвратительного врага.

— За мной! — выдохнул Таурус. — Находись постоянно за мной, если тебе дорога твоя жизнь!

Прежде чем легко спрыгнуть в траву внутреннего сада, Таурус достал из-за пояса нечто, что выглядело как медная трубка. Конан приземлился рядом с ним, держа меч наготове. Таурус тесно прижал его к стене и не двигался, только сделал шажок вперед. Его поведение выдавало напряженное ожидание, и его взгляд, как и взгляд Конана, был направлен на тонущий в тени кустарник, находившийся на удалении в несколько шагов. Внезапно он заколебался, хотя не было ни дуновения ветерка. И вот уже блеснули между подвижных теней два больших глаза, а за ними в темноте еще и еще.

— Львы! — пробормотал Конан.

— Правильно. Днем их держат в подвальных помещениях под башней. Поэтому-то ни одного человека в этом саду и нет.

Конан быстро пересчитал глаза.

— Я вижу пять, однако, вероятно, в кустах еще несколько. Они могут напасть каждый миг.

— Тихо! — прошипел Таурус. Осторожным движением он отделился от стены, точно ступал по сырым яйцам, и поднял тонкую медную трубку. Конан чуял поблизости огромные слюнявые пасти (хотя не мог их видеть) и хвосты с кисточками, беспокойно хлещущие по светлым бокам. В воздухе сгущалось напряжение. Киммериец покрепче ухватился за рукоять меча. Каждое мгновение он ожидал атаки огромных сильных тел. Тут Таурус поднял к губам медную трубочку и сильно выдохнул. Желтый порошок дождем брызнул из нижнего отверстия трубки и быстро разделился на густые желто-зеленые облачка, которые опустились на кустарник и скрыли из виду сверкающие глаза.

Поспешно примчался Таурус назад, к стене. Конан, ничего не понимая, воззрился на кусты. Плотное облако полностью окутало их. Ни единого, ни малейшего шороха не доносилось оттуда.

— Что это еще за пыль? — тревожно спросил киммериец.

— Смерть! — шепнул немедиец. — Если поднимется ветер и подует в нашу сторону, нам нужно будет немед-

ленно перепрыгивать через стену. Но нет, еще безветрие, а облако скоро рассеется. Нам нужно всего лишь переждать, пока оно исчезнет окончательно. Вдохнуть его — верная гибель.

Вскоре только несколько желтоватых теней, как призраки, колебались в воздухе. Наконец рассеялись и они, и Таурус сделал знак своему спутнику следовать за ним. Они проскользнули к кустам. Конан громко втянул в себя воздух. Пять могучих тел неподвижно лежали в тени, огонь свирепых глаз потух навсегда. Сладковатый, одурманивающий аромат еще висел в воздухе.

— Они погибли, не издав ни малейшего звука! — проговорил киммериец, пораженный. — Таурус, что за порошок такой?

— Это измельченные цветки черного лотоса, произрастающего только в непроходимых джунглях Кхитая, где живут лишь бритоголовые желтолицые жрецы Юуна. Запах этих цветков смертелен.

Киммериец опустился на колени возле сильных животных, чтобы удостовериться, что они в действительности более не в состоянии причинить кому-либо зло. Он потряс головой. Магия чужеземных стран была для варвара с севера жуткой и непонятной.

— Почему бы нё убрать солдат из башни точно таким же способом? — спросил он.

— Потому что это был весь порошок, какой я сумел раздобыть. Даже эту малость получить в руки было деянием, достойным величайшего вора всех времен и народов. Я стянул его из одного каравана, направляющегося в Стигию. Он лежал в золотом мешочке между колец свернувшейся огромной змеи, которая должна была охранять его, и не разбудил ее. Но идем же, во имя Бэла! Или мы всю ночь будем только языком молоть?

Они пробрались сквозь кустарник к блестящему подножью башни, и тут Таурус, сохраняя молчание, развернул свою веревку с узлами, на одном конце которой имелся крепкий железный крюк. Конан сообразил, что тот намеревался предпринять, и не задал ни одного вопроса, когда немедиец взял веревку под крюком и раскрутил его над головой. Киммериец прижался ухом к гладкой стене, чтобы прислушаться, однако ничего не уловил. Солдаты в караулке явно даже не набредали на мысль, что в саду могут находиться взломщики. Немедиец тоже не слышал больше

никаких шорохов, кроме ночного ветерка, который легонько поигрывал ветвями деревьев и кустов. Но внутреннее беспокойство охватило варвара. Быть может, вездесущий запах львов был тому виной.

Таурус без всяких видимых усилий зашвырнул веревку в высоту. Крюк взлетел, описав странное вращающееся движение, и исчез за краем башни, усыпанным драгоценностями. Он явно прочно зацепился там, поскольку не подался ни при осторожном, ни при сильном рывке веревки, и держался надежно.

— Повезло с первого раза, — возликовал Таурус, — я...

Варварский инстинкт внезапно подбросил Конана и заставил его вихрем обернуться назад. Он ничего не слышал, ибо смерть приблизилась к ним совершенно беззвучно. Один взгляд — и киммериец бегло заметил огромное желто-коричневое тело, вырисовывающееся на фоне звезд и уже приготовившееся к смертельному броску. Ни один человек, выросший в неге цивилизации, не смог бы отреагировать так быстро, как варвар. Меч сверкнул, как ледяной кристалл в свете звезд, и всю отчаянную силу могучих мышц вложил Конан в удар. И вот уже человек и зверь сплелись на земле.

Яростно, однако почти беззвучно ругаясь, Таурус нагнулся над телами дерущихся и увидел, что его спутник пытается высвободиться из-под чудовищной туши, бессильно навалившейся на него. Второй взгляд — удивленный — и немедиец обнаружил, что лев мертв, голова его рассечена. Он схватил труп и совместными с варваром усилиями ему удалось откатить льва в сторону и освободить киммерийца. Конан поднялся на ноги. Меч, с которого еще стекала кровь, он крепко сжимал в руке.

— Ты ранен? — хрипло спросил Таурус, все еще потрясенный быстротой, с которой разыгралась эта неожиданная битва.

— Нет, клянусь Кромом! — заверил его варвар. — Но я редко бывал так близко к смерти. Почему же проклятая бестия не зарычала, прежде чем напасть?

— В этом саду все необычно, — проворчал Таурус. — Львы наносят удар безмолвно — как и все в этом месте, полном призраков. Ну, идем же теперь! Битва не была совершенно бесшумной. Солдаты могли что-нибудь все же услышать, если они не дрыхнут или не напились. Эта тварь, должно быть, бродила в другой части сада и таким образом

избежала смерти от яда. Но других львов здесь нет, не сомневаюсь. Нам нужно теперь забраться наверх как можно быстрее — и я, разумеется, только зря израсходую дыхание речи, если стану спрашивать киммерийца, умеет ли он лазать по скалам.

— Если веревка выдержит мой вес, — проворчал Конан и вытер меч о траву.

— Выдерживает три моих, — ответил Таурус. — Она сплетена из волос мертвых женщин; чьи косы я выкрадывал из гробниц в час полуночи. А чтобы придать ей еще больше крепости, я окунул ее в смертельное молоко дерева анчар. Я залезу первым, следуй за мной, не отставая.

Немедиец схватился за веревку и обвил ее ногой. Как кошка, вскарабкался он наверх, заставив в очередной раз забыть тучность своего массивного торса. Киммериец последовал за ним. Веревка раскачивалась и крутилась, но это не мешало двоим ворам, оба они уже имели за спиной куда более сложные опыты успешного покорения отвесных скал и стен. Усеянный драгоценностями край башни сверкал высоко над ними. Он немного выдавался в стороны над отвесными стенами, так что веревка свисала с него на расстоянии примерно фута от стены, что значительно облегчало восхождение.

Все выше и выше забирались они, так бесшумно, как это только было возможно. Огни города все шире расстилались перед их взором, и звезды казались тусклыми под блеском драгоценностей на парапете крыши. Таурус уже добрался до них, подтянулся и перелез через парапет. Конан немного задержался, он был захвачен зрелищем огромных драгоценных камней, сверканье которых остро резало ему глаза. То были бриллианты, рубины, смарагды, сапфиры, бирюза, лунные камни, и все они плотно сидели рядом друг с другом в мерцающем серебре. Издалека многоцветные огни сливались в одно пульсирующее белое пыланье, но теперь, вблизи, они блистали всеми оттенками и цветами радуги и почти приковали своим блеском.

— Да здесь сказочное богатство, Таурус! — задохнулся Конан, но немедиец подтолкнул его:

— Давай быстрей! Если мы заберем себе Сердце, все остальное тоже будет нашим.

Конан перелез через сверкающее ограждение. Крыша башни находилась на несколько футов под парапетом. Она была плоской и сделанной из темно-синего, выложенного

золотом материала. Свет звезд отражался от нее, так что в целом она была похожа на гигантский сапфир, осыпанный золотой пыльцой. Почти напротив того места, где они забрались через парапет, находилась своего рода будочка, или каморка, выстроенная прямо на крыше. Она была сделана из того же серебристого материала, что и стены башни, и вся сплошь усеяна маленькими драгоценными камнями, образующими разнообразные узоры. Дверь была золотая, покрытая орнаментом в виде чешуй и осколками драгоценностей, которые сверкали, как лед.

Конан бросил взгляд на переливающееся море огней далеко внизу, а потом взглянул на Тауруса. Немедиец втянул наверх свою веревку и смотал ее в моток. Он указал варвару место, где зацепился крюк — опору нашло только острие «кошки» пониже огромного, светящегося драгоценного камня на внутренней стороне ограждения.

— Нам опять повезло, — пробормотал он. — Вполне могло случиться так, что наш общий вес мог вырвать камень из опоры. Ну, за мной, настоящие трудности начинаются только сейчас. Мы с тобой в логове змеи и еще не знаем, где она сама.

Как тигры на охоте, они двинулись по темному полу и остановились перед сверкающей дверцей. Таурус осторожно попытался ее отворить. Она подалась без сопротивления. Оба вора напряженно всматривались, готовые ко всему. Через плечо немедийца Конан осматривался. Стены, потолок, пол были усыпаны большими белыми драгоценными камнями, которые, казалось, изливали огонь и освещали весь покой ярким светом. Ни одного живого существа здесь не было.

— Прежде чем мы вторгнемся в логово змеи, нам нужно, вероятно, еще удостовериться, как там дела внизу. Глянь-ка через ограждение во все стороны. Если увидишь в саду солдат или вообще что-нибудь подозрительное, тотчас дай мне знать! Я подожду тебя здесь, в этом покое.

Конан счел эту меру предосторожности излишней и в его настороженной душе проснулось легкое подозрение относительно его спутника, однако он сделал то, что приказал Таурус. Когда он отвернулся, немедиец заскочил в комнатку и притворил за собой дверцу. Конан совершил осторожный обход вокруг ограждения, не заметив в глубине сада под башней в колышущемся море листьев ни

малейшего подозрительного движения. Он возвратился к дверце — и внезапно из глубины комнатки донесся придушенный крик.

Киммериец испуганно сделал большой прыжок к дверце, когда она распахнулась, и оттуда, озаренный холодным мерцанием, вывалился Таурус. Он шатался, раскрывал рот, но лишь сухое шипение вырывалось из его горла. Пытаясь найти опору, он хватался за золотую дверцу, зашатался, споткнулся и во весь рост рухнул на пол, прижимая ладони к горлу. Дверца сама собой закрылась за ним.

Конан, пригнувшийся, словно пантера, в тот мимолетный миг, пока дверь была открыта, не увидел в помещении за спиной насмерть пораженного немедийца ничего подозрительного — разве что тень, мелькнувшую по гладкому полу. Но это мог быть просто обман зрения. Ничто не выскочило на крышу из комнатки, преследуя немедийца. Конан склонился над лежащим.

Широко раскрытыми, остекленевшими глазами, которые казались неверящими и смятенными, уставился Таурус в высоту. Его пальцы впились в горло, он издавал невнятные булькающие звуки. И вдруг замер. Пораженный киммериец тут же понял, что Таурус мертв, и у него появилось чувство, что Таурус так и умер, даже не поняв до конца, какая же смерть его постигла, какая гибель дотянулась до него когтями из темноты. Конан растерянно уставился на золотую дверцу, скрывающую столь ужасную тайну. В пустом помещении за ней, среди мерцающих стен, усыпанных самоцветами, смерть так скоро и так загадочно одолела короля воров, как это случилось в саду со львами.

Варвар задумчиво потрогал полуобнаженный труп в поисках ранений. Но единственным следом внешнего воздействия были три крошечные ранки на могучем затылке — они выглядели так, словно три иголки глубоко вонзились в кожу и тут же быстро были выдернуты обратно. Едва заметные края ранок почернели, и от них исходил слабый запах тления. «Отравленные метательные иглы? — размышлял Конан. — Но тогда снаряды остались бы в ране».

Осторожно скользнул Конан к золотой дверце, толкнул ее и заглянул в комнатку. Она была пуста. Единственное, что казалось там живым, были светящиеся драгоценные камни, освещавшие ее. В центре потолка взгляд Конана скользнул по удивительному орнаменту. Он был восьми-

угольным, черным, и в центре узора четыре самоцвета горели красным огнем, совершенно иначе, чем белое сияние камней вокруг. На противоположной стороне находилась еще одна дверь, похожая на ту, возле которой стоял Конан, но без узора в виде чешуй. Пришла ли смерть оттуда и ушла ли обратно за эту дверь, после того как нанесла удар?

Конан закрыл за собой дверь и вошел в комнату. Его босые ступни не издавали ни единого шороха на хрустальном полу. Здесь не имелось ни стульев, ни столов, только четыре дивана, шелковая обшивка которых была заткана золотыми нитями, сплетающимися в странный узор в виде змей. Кроме того, имелись обитые серебром сундуки из красного дерева. Некоторые были снабжены тяжелыми золотыми замками, резные крышки других были откинуты, выставляя напоказ хранившиеся в них сокровища — драгоценные камни всех родов, смешанные и наваленные кучей.

Конан беззвучно выругался. В эту ночь его удивленному взору предстало богатств больше, чем он предполагал найти во всем мире. Он был готов вспорхнуть при мысли о том, какой же ценности окажется тот драгоценный камень, за которым он охóтился.

Теперь Конан находился в центре комнаты и, пригнувшись, двигался дальше, настороженно вытянув вперед меч, когда второй раз за эту ночь бесшумная смерть набросилась на свою жертву. Пролетевшая тень, скользнувшая над блестящим полом, была единственным предупреждением, и только инстинктивный прыжок в сторону спас Конану жизнь. Он мимоходом увидел волосатое черное создание, словно вышедшее из кошмарного сна, пролетевшее над ним с лязганьем ядовитых зубов. Что-то капнуло на обнаженные плечи и кожа будто бы вспыхнула адским пламенем. Высоко подняв меч, Конан отскочил назад и увидел, что чудовище приземлилось на пол, повернулось и с пугающей ловкостью приближается к нему. Это был гигантский черный паук, какой мог привидеться только в кошмарном сне.

Он был размером со взрослую свинью, и восемь жирных волосатых ног несли бесформенное туловище над полом с поразительной быстротой. Четыре злобно сверкающих глаза горели чужеродным рассудком, на клыках поблескивали капли — должно быть, смертельный яд — он уже оставил свой след, когда бестия промахнулась и только капнула на плечи киммерийца, горевшие теперь болью.

Вот, стало быть, какова смерть, обрушившаяся на немедийца из своего гнездовья на потолке. Какие же они были идиоты, раз не подумали, что верхние помещения будут охраняться так же тщательно, как и нижние!

Эти мысли пронеслись в голове Конана, когда чудовище снова прыгнуло на него. На этот раз он высоко подскочил, и паук пролетел у него под ногами. Но он мгновенно развернулся, готовясь к новой атаке. Конан бросился в сторону и нанес удар, как кошка. Меч перерубил одну из лап, и вновь киммериец лишь на волосок избежал смерти, когда чудовище повернулось и зубы его громко лязгнули. Однако теперь бестия больше не гонялась за киммерийцем. Она пробежала по хрустальному полу и помчалась по стене к потолку, наверх. Там она съежилась, и красные глаза злобно засверкали. Затем без предупреждения она пролетела по воздуху и протянула за собой толстую серую нить. Конан уклонился от неуклюжего тела и успел еще пригнуться как раз вовремя, чтобы не коснуться паутины. Он понял, что собирается делать чудовище, и прыгнул к двери, но паук оказался проворнее. Он метнул липкую нить к двери и отрезал Конану путь к отступлению. Конан не осмеливался разрубить паука мечом, поскольку не сомневался, что клинок застрянет в теле чудовища, и прежде чем человек успеет его освободить, зверюга вонзит ему в кожу свои зубы.

Началась отчаянная игра, где дьявольской ловкости и изворотливости паука противостояли разум и реакция человека. Бестия больше не бегала по полу и не предпринимала прямых атак, не носилась она больше и по воздуху, нет, она принялась метаться по потолку и стенам, стараясь поймать свою жертву клейкими серыми нитями, которые паук выбрасывал с чудовищной меткостью. Эти нити были толщиной с корабельные тросы. Конану было ясно, что как только они коснутся его в первый раз, всей его силищи не хватит, чтобы освободиться до того, как чудовище нанесет удар.

Если не считать прерывистого дыхания человека, легкого шуршания босых ног по отполированному полу и непрерывного клацанья зубов чудовища, смертельный танец разворачивался в совершенной тишине. Серые нити, свернувшись, валялись на полу, свисали петлями со стен, тянулись над ларцами с сокровищами и шелковыми диванами, болтались гирляндами с утыканного самоцветами потолка. Благодаря острым глазам и врожденной ловкости Конан

до сих пор ухитрялся уворачиваться от паутины, хотя липкие нити не раз пролетали совсем близко от него. Он знал, что долго ему не продержаться. Ему приходилось постоянно помнить о тех, что свисали с потолка, и о тех, что лежали букетами на полу. Рано или поздно одна из этих веревок змеей захлестнет его, и он, беспомощный, спеленутый, как мумия, будет преподнесен чудовищу на блюдечке.

Паучина промчался по полу комнатки и протянул за собой серую нить. Конан перескочил через диван. Нечисть тут же развернулась и понеслась вверх по стене. Нить извивалась за ним и билась, рассекая воздух, точно живое существо, и задела щиколотку Конана. Киммериец схватился за петлю, отчаянно дергая ее, и тут же приклеился ладонями. Веревка держала его эластичными тисками, словно превратившись в пиявку. Волосатое отродье дьявола снова сбежало по стене вниз, готовое обрушиться на пойманную добычу. В своем отчаянии варвар изо всех сил ухватился за ларь с сокровищами и бросил его в паука. Необычный метательный снаряд придавил туловище паука к стене. Послышался отвратительный треск. Брызнули кровь и зеленоватая слизь, и размозженное тело вместе с разбитым в щепы сундуком повалилось на пол. Сверкающие драгоценности, переливающиеся всеми красками, лежали вместе с раздавленным черным туловом. Волосатые лапы еще судорожно подергивались среди изысканнейшей роскоши, и умирающие глазки пылали багрянцем среди блеска рубинов.

Конан огляделся, но никаких кошмарных тварей больше не показывалось. Так что он принялся без помех освобождаться от липких нитей, упорно цеплявшихся за его руки и щиколотки. Наконец, он был свободен. Конан поднял меч и осторожно стал пробираться к двери среди серых петель и свернувшихся паутинных нитей, лежащих на полу. Какие ужасы ожидали его за второй дверцей — об этом он даже подозревать не мог. Горячая кровь бежала по его жилам. Он зашел так далеко, он столько препятствий преодолел, что теперь и помыслить не хотел об отступлении. Это приключение он доведет до страшного финала и отыщет могущественный драгоценный камень. Он был уверен в том, что среди самоцветов этой комнатки Сердца Слона не было.

Он убрал от внутренней дверцы липкие нити и установил, что и этот вход — куда бы он ни вел — тоже не заперт. Конан задавался вопросом, заметили ли солдаты

его вторжение. Ну, теперь он находится высоко над их головами, и если правда то, что рассказывают, так они давно привыкли к жутким звукам, доносящимся сверху.

Теперь его занимали мысли о Яре, и он шкурой ощущал себя не особенно хорошо, когда открывал вторую золотую дверь. Но увидел лишь ведущую вниз серебряную лестницу, освещенную чем-то таким, чего он не мог разглядеть. Крепко сжимая меч, Конан осторожно стал спускаться по ступенькам. Не услышав ни единого звука, он добрался, наконец, до двери из резной слоновой кости, инкрустированной кровавиком. Он прижался ухом, однако оттуда не доносилось ни шороха. Но примечательные тонкие облачка курений тихо струились из-под нижнего края двери. Странный аромат источали они — Конанов нос никогда прежде не вдыхал ничего подобного. Серебряная лестница уводила дальше в глубину и исчезала во мраке. И снизу не доносилось ни малейшего звука. У Конана возникло неприятное чувство — будто в этой башне, где гнездятся привидения и ужасы, он единственный живой человек.

Глава 3

Осторожно надавил Конан на дверь из слоновой кости. Она беззвучно подалась внутрь. Как воин на чужой территории, готовый к немедленному бою или немедленному бегству, стоял Конан на переливающемся пороге. Перед ним расстилался огромный золотой покой со сводчатым потолком и стенами из зеленого жада. Пол был выложен слоновой костью и местами укрыт толстыми коврами. Из курильницы, стоящей на золотом треножнике, поднимался пахучий дым, а за ним на своего рода мраморном ложе покоился идол. Широко раскрытыми глазами рассматривал его Конан. Зеленое создание имело туловище обнаженного мужчины, но голова... такая голова могла возникнуть только в поврежденном рассудке художника. Для человеческого тела она была чересчур велика и не имела в себе вообще ничего человеческого. Конан уставился на широкие, морщинистые уши, изогнутый хобот, длинные белые бивни справа и слева от него, острия которых были упрятаны в золотые шары. Глаза идола были закрыты, точно во сне.

Стало быть, этот идол и был причиной тому, что строение прозывали Слоновой Башней, ибо голова этого... создания выглядела в точности так, как расписывал слоновью внешность Конану бродяга-шемит. Это вот и был божок Яры, и драгоценная побрякушка наверняка находится здесь же, спрятанная на идоле, либо внутри него, иначе почему бы тогда называть его Сердцем Слона?

Но когда Конан, не сводя взора со статуи, осторожно шагнул к ней, она внезапно раскрыла глаза!

Киммериец оцепенел.

Так это не изображение! Это живое существо, и он, Конан, угодил прямехонько к нему в ловушку!

Сковавший его ужас был виной тому, что он не обрушил на эту тварь в тот же миг свой клинок. Человек цивилизованный в его положении начал бы искать сомнительного прибежища в мысли, что он повредился в уме. Одиако Конан никогда не набрел бы на такую идею — не доверять своему рассудку. Он знал, что здесь ему предстал демон Древнего Мира, и это осознание наполняло его таким ужасом, что он только и мог, что стоять и неподвижно смотреть на это существо.

Хобот поднялся и пошарил вокруг себя. Топазовые глазки, не видя, уставились в пустоту. Как только Конан сообразил, что существо слепо, оцепенение отпустило его, и он принялся тихонько пятиться к двери. Однако существо со слоновой головой явно обладало отличным слухом. Хобот вытянулся в сторону Конана. И вновь ужас сковал киммерийца. Но тут создание заговорило странно звенящим, лепечущим голосом, на ровной ноте, без единой интонации. Возможно, подумал варвар, причиной тому его пасть, не приспособленная для человеческой речи.

— Кто ты? Ты вновь пришел терзать меня, Яра? Неужто не будет предела твоей алчности? О Иаг-каша, неужто нет конца моим мучениям?

Слезы покатились из слепых очей. Конан бросил взгляд на тело, простертое на мраморном ложе. И тут он разглядел, что это ужасное существо совершенно не может встать, чтобы напасть на него. Он увидел шрамы, оставленные, должно быть, пыточными тисками и раскаленным железом. Каким бы черствым человеком ни был варвар, его потрясли эти чудовищные обрубки рук и ног, которые, как подсказывал ему инстинкт, когда-то были такими же совершенными, как его собственные молодые руки и ноги. И

внезапно глубочайшее сострадание подавило и его ужас, и все его прежнее отвращение. Что это было за создание, Конан не знал, однако свидетельства страдания, которое тому пришлось вытерпеть, были столь чудовищны и впечатляющи, что у киммерийца — непостижимо для него самого — сжалось сердце. Он ощутил космическую трагедию и содрогнулся от стыда, точно на его плечи взвалили бремя вины целой расы.

— Не Яра я вовсе, — сказал он. — Я всего лишь вор. Я ничего не сделаю тебе.

— Подойди ко мне, дабы мог я прикоснуться к тебе, — запинаясь, попросило существо. И Конан без всякого страха приблизился, позабыв о мече в своей руке. Чуткий хобот вновь простерся к нему и осторожно ощупал лицо и плечи киммерийца, как это делают слепцы, желая составить для себя картину, и прикосновение было нежным, точно у любящей женщины.

— Ты не дьявольской расы, как Яра, — пробормотало существо. — Чистая дикость пустынных земель слепила тебя. В былые века знавал я народ твой, но имя иное тогда он носил, нежели ныне, и из забытых древних времен воспоминание это, когда иным был лик мира, и башни, исполненные роскоши, устремлялись в небо. Кровь на руках твоих.

— После сражения с пауком в клетушке наверху и со львом внизу, в саду, — отозвался варвар.

— Но в эту ночь убил ты и человека, — сказало существо с головой слона. — И чую смерть я на вершине башни. Я чую: ведомо мне.

— Да, — прошептал Конан. — Король воров погиб от укуса чудовищного паука!

— Так... так! — Странный нечеловеческий голос перешел к своеобразному, лишенному интонаций речитативу. — Смерть в харчевне, что ворам приют, смерть на крыше — чую я, ведомо мне. И третью смерть чародейство несет, о коем не грезилось Яре — о чары избавления, о зеленые боги Иага!

И вновь покатились слезы из топазовых глаз, а изуродованное тело содрогнулось, раздираемое противоречивыми чувствами. Конан в растерянности уставился на существо.

Когда оно начало успокаиваться, нежные, невидящие глаза устремились на Конана. Хоботом оно сделало знак подойти ближе.

— Внемли мне, о человек! — сказало необыкновенное существо. — В глазах твоих я отвратителен, я чудовище. Можешь не возражать, то знаю я. Однако, быть может, и ты таковым показался бы мне, если бы мог я тебя увидеть. Есть множество миров на этом свете, и жизнь принимает многообразные формы. Не бог я и не демон. Я из плоти и крови, как и ты, пусть даже и частично иного рода, и уж наверняка моя плоть облекает иные формы, чем у тебя.

Я очень стар, о человек из диких земель. Много, бесконечно много лет назад явился я на эту планету вместе с другими собратьями моими из нашего мира, зеленой планеты Иаг, что вечно ходит по краю этой Вселенной. Могучие крылья, что несли нас по космосу быстрее, чем луч света, пронесли нас сквозь Вселенную. Мы вели войну против королей Иага, побеждены мы были, и изгнали нас. Никогда мы не сможем возвратиться в отечество наше, даже если и будет нам разрешено, ибо крылья наши погибли и отпали с наших плеч. Так влачили мы здесь существование, отдаленные от жизни, расцветшей на земле, и приходилось сражаться нам с ужасными тварями, что в ту пору топтали лик земли тяжелой поступью. Со временем столь страшились нас уже, что покой наш не нарушался в мрачных джунглях востока, где мы нашли себе новое жилище.

И видели мы, как люди появились, поднявшись над стадией обезьян, и воздвигли прекрасные города Валузии, Камелии, Киммерии и сестер их. И видели мы, как пали они под натиском диких атлантов, и пиктов, и лемурийцев. И видели мы, как вздулись моря и поглотили их воды Атлантиду и Лемурию, и острова Пиктов, и великолепные грады. И видели мы, как те с островов Пиктов и Атлантиды, кто пережил катастрофу, вновь основали царства, но уже в каменной эре, и как пали и они в кровавых войнах. И видели мы, как скатились пикты в бездну варварства и как атланты опустились еще ниже и возвратились к стадии обезьян. И видели мы, как новые дикари с ледяного севера волна за волною устремлялись на юг в захватнических походах, как основали они новые цивилизации и заложили новые царства — Немедию, Коф, Аквилонию и прочие. И видели мы, как твой народ, что некогда был атлантами, восстал под новым именем из тех обезьян, что влачили дни свои в джунглях. И видели мы,

как выходцы из Лемурии, устоявшие перед катаклизмом, поднялись из примитивной стадии и, образовав народ гирканцев, двинулись на запад. И видели мы, как эта дьявольская раса, уцелевшие потомки древнейшей культуры тех еще времен, что были прежде погружения Атлантиды на дно морское, — как вновь устремились они к вершинам цивилизации и власти и основали это проклятое королевство Замора.

Все это видели мы, не помогая космическому бегу времен и событий и не препятствуя ему. Один за другим умирали мои друзья, ибо мы, пришельцы с Иага, не бессмертны, хоть длительность жизни нашей сравнима со сроком жизни планет и созвездий. В конце концов лишь я один еще оставался. Среди рухнувших храмов поросшего непроходимыми джунглями Кхитая грезил я о древних временах, и старая раса желтокожих чтила меня, как бога. И тогда пришел Яра, искушенный в темном знании, что было наследием тех времен, когда Атлантиду еще не поглотили воды, — сквозь годы варварства пронесли это знание, передавая из рук в руки.

Поначалу уселся он у ног моих и испросил мудрости. Но не удовольствовался он тем, чему я учил его, ибо то была Белая Магия, в то время как его интересовала Черная, дабы обратить королей в рабов и удовлетворить свое дьявольское честолюбие. Но не учил я его мрачным тайнам, что без моего желания стали ведомы мне за долгие эпохи моей жизни.

Но умнее был он, чем я предполагал. С помощью листа из рукописи, добытого в старом склепе темной Стигии, он вынудил меня открыть ему тайну, что иначе никогда не сошла бы с уст моих. Используя власть, добытую таким образом, он превратил меня в своего раба. Ах, боги Иага, сколь горьким стал мой жребий с того часа!

Из густых джунглей Кхитая, где серые обезьяны танцевали по свистку желтолицых жрецов, где на моем алтаре постоянно лежали подношения вином и фруктами, угнал он меня прочь. И не смог я больше быть богом для добросердечного народа джунглей — нет, с той поры я стал невольником дьявола в человеческом обличии. — И слезы вновь заструились из его слепых глаз. — Он запер меня в этой башне, которую я воздвиг по его приказу за одну ночь. Тисками и раскаленным железом пытал он меня и ослепил неземным мучением, коего тебе не понять. В муке

своей давно бы я отнял у себя жизнь, если б только это было возможно. Но он заставляет меня жить — изувеченного, изуродованного, слепого, сломленного, дабы мог я исполнять ужасные его приказы. Три сотни лет вершу я с этого мраморного ложа все, что велит он мне, и черню душу мою космическими прегрешениями, и пятнаю мудрость свою чудовищными преступлениями, ибо нет у меня иного выбора. Но не все мои старые тайны сумел он вырвать у меня. Последняя моя дань будет чарами крови и камня.

Я чувствую, что конец мой близок. Ты станешь десницей судьбы. Возьми, прошу тебя, драгоценный камень, что видишь здесь на алтаре!

Конан повернулся к алтарю из золота и слоновой кости, на который указывало существо с головой слона, и поднял огромный драгоценный камень, прозрачный, словно кроваво-красный хрусталь. Это, должно быть, и было легендарное Сердце Слона.

— Теперь приступим к чарам, самым могущественным чарам, подобные коим не переживала еще прежде земля никогда и не переживет и впредь за миллионы и миллионы тысячелетий. Кровью жизни моей заклинаю я, кровью, что с зеленой груди Иога... Возьми же меч свой, о человек, и вырежь сердце мое. И сожми его так сильно, чтобы кровь потекла на красный камень. А затем идти тебе вниз по ступеням сим в покой эбенового дерева, где Яра предается греховным мечтаниям желтого лотоса. Позови его по имени, и проснется он. И положи камень этот пред ним и скажи: «Иаг-коша посылает тебе последний дар свой и последнее свое чародейство». После этого ты должен тотчас удалиться из башни. Не страшись, ничто не преградит тебе пути! Жизнь человека — не совсем то, что жизнь тех, кто с Иага, и смерть, какой знают ее люди, — не то, что смерть того, кто с Иага. Освободи же меня из этой клетки искалеченного, слепого мяса, и вновь стану я Иогой с Иага, увенчанный утром, сияющий, и будут у меня крылья, чтобы летать, и ноги, чтобы плясать, и глаза, чтобы глядеть, и руки, чтобы брать!

В нерешительности приблизился Конан к чужому существу, и Иаг-коша, или Иога, который, несомненно, ощутил его колебания, показал ему, куда он должен вонзить меч. Конан закусил губы и глубоко вонзил меч в грудь чужеземца.

Кровь хлынула на меч и руки. Иога еще раз содрогнулся, а затем остался лежать неподвижно. Удостоверившись в том, что жизнь — по меньшей мере то, что варвар понимал под этим словом — покинула странное тело, Конан принялся за свое кровавое дело и вынул на свет божий то, что, без сомнения, было сердцем Иоги, хотя оно ни в коей мере не походило на человеческое. Он занес еще пульсирующий орган над сверкающим камнем и сжал его обеими руками, пока кровавый дождь не полился на драгоценность. К удивлению Конана, кровь не стекала вниз, а впитывалась в камень, словно в губку.

Осторожно взял Конан камень в руку и покинул необыкновенный покой. Он не оглядывался назад, ступая на серебряную лестницу. Инстинктивно чувствовал он, что изменения, происходящие с фигурой на мраморном ложе, не предназначены для взора глаз человеческих.

Он закрыл за собой дверь из слоновой кости и, не мешкая, сбежал вниз по ступенькам. Ни мгновения он не думал о том, не пренебречь ли ему указаниями. У двери из эбенового дерева, центр которой украшал — или уродовал — серебряный череп, он остановился и толкнул ее. Он заглянул внутрь, в покой, отделанный черным деревом и гагатом*, и увидел, что на черном шелковом диване лежит рослый, тощий человек. Глаза Яры, жреца и чародея, были раскрыты и затуманены курениями желтого лотоса. В бесконечные дали, в бездонные пропасти по ту сторону любого человеческого представления, казалось, глядел он.

— Яра! — крикнул Конан, точно судья, возглашающий приговор. — Проснись!

И тут же глаза прояснились, холодными и жестокими были они, как у грифа. Высокая, закутанная в шелка фигура поднялась и мрачно посмотрела на киммерийца.

— Собака! — зашипел он, как кобра. — Чего ты здесь ищешь?

— Тот, кто посылает тебе этот драгоценный камень, просил меня направить к тебе такие слова: «Иаг-коша шлет тебе свой последний дар и последнее свое чародейство».

Яра отшатнулся. Его смуглое лицо посерело, как зола. Драгоценный камень не был больше кристально прозрачным. Его темная глубина пульсировала, и странные дымные

---

* Гагат (по Пыляеву, 1896) — черный янтарь.

волны, меняя цвет, клубились над его гладкой поверхностью. Точно притягиваемый гипнозом, склонился Яра над столом, взял камень обеими руками и вгляделся в его затуманенную глубину, словно камень был магнитом, вытягивающим его дрожащую душу из тела. Конан разглядывал его и поначалу не верил своим глазам. Ибо когда Яра поднялся с дивана, он предстал человеком огромного роста, но теперь варвар видел, что голова Яры едва достигала ему по плечо. Конан заморгал, недоумевая, и впервые за эту ночь усомнился в своем рассудке. Но затем вместе с шоком пришло осознание, что жрец съеживается и становится все меньше прямо на глазах.

С ощущением нереальности воззрился Конан на происходящее. Он сомневался в себе самом, хотя ему было в высшей степени ясно, что здесь он стал свидетелем драмы могущественных космических сил, которые не мог представить себе ни один смертный.

Теперь Яра был не больше ребенка, затем он, как младенец, лег на стол, но все еще обхватывал руками камень. И внезапно чародей осознал свою участь. Он вскочил, выпустил камень, однако продолжал уменьшаться, и Конан видел, как крошечная фигурка дико мечется по плите стола из черного дерева. Она жестикулировала маленькими ручками и вопила голоском, идущим в сравнение разве что с комариным писком.

Теперь он съежился так сильно, что крупный драгоценный камень казался рядом с ним горой. Конан заметил, что миниатюрное существо прикладывает ладошки к глазам, словно желая защититься от ослепительного света, и, шатаясь, пытается укрыться в безопасном месте. Конан ощущал, как чужеродная магнетическая сила притягивает Яру к камню. Трижды обегал он камень по сиирали, и все больше сужалась спираль. Трижды пытался он повернуться и бежать прочь по столу, но затем с криком, прозвучавшим для наблюдателя лишь слабым писком, жрец выбросил руки вверх и помчался прямо к огненному шару.

Конан ниже склонился над ним и увидел, что теперь Яра карабкается вверх по гладкой изогнутой поверхности, — в нормальных условиях это было бы невозможным делом, ибо кому из людей удалось бы взобраться на круглую хрустальную гору? И вот жрец стоит наверху. Он уронил руки и отчаянно прокричал — что — это слышали только боги. И внезапно он провалился прямо в сердце камня, как человек,

тонущий в пучине моря, и Конан видел, как дымные волны сомкнулись над его головой. И внезапно драгоценный камень вновь стал хрустально-прозрачным, и Конан стал свидетелем спектакля, разыгравшегося внутри кроваво-красного каменного сердца, хотя все это выглядело таким крошечным, словно киммериец смотрел из дальней дали. Зеленая светящаяся фигура с могучими крыльями, с телом человека и головой слона — больше не искалеченная и не ослепленная — разом показалась в этом сердце. Яра воздел руки и побежал так быстро, как только мог. Но мститель преследовал его. А потом большой драгоценный камень взорвался радужными струями, как мыльный пузырь, и теперь эбеновая плита стала пуста — так же пуста (в этом Конан был каким-то образом уверен), как мраморное ложе в покоях наверху, где лежал труп странного космического существа, называвшего себя Иаг-коша, или Иога.

Киммериец повернулся и побежал из комнаты вниз по серебряной лестнице. Он был так растерян, что даже не подумал покинуть башню таким образом, каким попал в нее. И он, торопясь, мчался по ступенькам винтовой лестницы и пришел в покой, расположенный у подножья башни. Там он резко остановился — ведь это была караулка, полная солдат. Он увидел сверкание их серебряных лат, мерцание рукоятей мечей, украшенных драгоценными камнями. Они сидели, сгорбившись, за столом, где находились еще остатки трапезы, и темные перья султанов на их шлемах трепетали. Они лежали среди игральных костей и выскользнувших из рук кубков на запятнанном вином полу из ляпис-лазури. Все они были мертвы. Иога сдержал обещание. Чародейство то было, упавшая ли тень могучих зеленых крыльев положила конец пиршеству солдат — этого Конан не мог сказать. Но ничто не преграждало ему дороги. Серебряная дверь была открыта для него, и сквозь проем уже мерцало утро.

Конан вышел в сад. Утренний ветерок принес ему терпкий запах свежей зелени, и он очнулся, словно после сна. Он неуверенно повернулся к таинственной башне, которую только что оставил. Был ли он, Конан, заколдован, или рассудок сыграл с ним злую шутку? Не приснилось ли ему все то, что он, как ему казалось, испытал этой ночью? Пока он задумчиво созерцал башню, она начала шататься. Усыпанная драгоценностями балюстрада еще раз сверкнула в свете юного дня, прежде чем все строение рассыпалось на сверкающие осколки.

БОГ ИЗ ЧАШИ

Стражник Арус дрожащими руками стиснул свой арбалет. Арус почувствовал, как его прошиб холодный пот, когда он увидел на полированном полу страшно изуродованный труп. Встретить смерть в уединенном месте, в полночь — *это не слишком успокаивает.*

Стражник стоял в бесконечно прямом коридоре, освещенном свечами в нишах на стене. Стены были затянуты черным бархатом, а между бархатными занавесами в нишах их украшали щиты и перекрещенное оружие диковинного вида. Тут и там, неясно отражаясь в черных зеркалах, стояли фигуры странных богов — статуи, вырезанные из камня или редких пород деревьев, отлитые в бронзе, железе или серебре.

Арус содрогнулся. Несмотря на то, что вот уже много месяцев он исполнял здесь роль ночного сторожа, он до сих пор еще не мог привыкнуть к этому невероятному музею, дому редкостей и антиквариата, дому, который называют замком Каллиана Публико, где выставлены на обозрение раритеты со всего мира. И вот в полуночном одиночестве стоит он, Арус, в этом огромном безмолвном зале и смотрит на распростертый на полу труп могущественного и богатого человека, которому принадлежал замок.

Даже стражник, при всей его ограниченности, отметил, как удивительно отличается это тело от того человека, который, надменный и всевластный, с глазами, полными жизни, выехал отсюда с грохотом в своей позолоченной карете на Паллианову дорогу. Люди, ненавидящие Каллиана Публико, едва ли узнали бы его сейчас, когда он лежал, словно разбитая бочка из-под ворвани. Роскошный плащ почти сорван, пурпурная туника перекручена, лицо потемнело, язык высунут из широко раскрытого рта. Полные руки воздеты, словно в жесте отчаяния. На толстых пальцах сверкают перстни с драгоценными камнями.

— Почему же они не сняли с него перстни? — пробормотал стражник в беспокойстве. Он вздрогнул и замер, и волосы на затылке у него встали дыбом. Сквозь шелковый занавес, скрывавший один из множества дверных проемов, выступила чья-то фигура.

Арус увидел молодого человека сильного телосложения, обнаженного — если не считать набедренной повязки и высоких, до колен, шнурованных сандалий. Кожа его была такой загорелой, что, казалось, солнце пустыни навсегда сожгло ее. Арус с тревогой осмотрел его широкие плечи, крепкую грудь и мускулистые руки. Один взгляд на угрюмое лицо и высокий лоб — и стражнику стало ясно, что этот человек не немедиец. Из-под пышной гривы путаных черных волос горели опасные синие глаза. В кожаных ножнах на поясе висел длинный меч.

Арус почувствовал, как мурашки побежали у него по коже. Он обхватил свой арбалет и задумался о том, не имеет ли смысла без излишних проволочек всадить болт прямо чужаку в грудь, но затем ему пришло на ум — а что будет, если первый выстрел не окажется смертельным?

Чужак рассматривал труп скорее с любопытством, чем с удивлением.

— Почему вы убили его? — нервно спросил Арус.

Незнакомец покачал головой.

— Я его не убивал, — возразил он, выговаривая немедийские слова с варварским акцентом. — А кто он?

— Каллиан Публико, — ответил Арус и слегка отодвинулся.

Искра интереса промелькнула в синих глазах.

— Хозяин этого дома?

— Да. — Осторожно двигаясь назад, Арус добрался до стены. Теперь он схватил шелковый шнур и сильно дернул. На улице пронзительно зазвенел колокол, из тех, что можно увидеть перед всеми магазинами и общественными зданиями. Они служили затем, чтоб поднимать тревогу.

Незнакомец вздрогнул.

— Зачем вы это сделали? На звон сбегутся стражники.

— Я стражник, негодяй! — заявил Арус, собрав все свое мужество. — Стойте, где стоите! Если вы только двинетесь, я всажу вам болт прямо в сердце!

Он тронул коловорот арбалета пальцем. Острие болта было направлено прямо на широкую грудь его собеседника. Незнакомец нахмурился, и выражение его лица стало еще

более мрачным. Он не выказывал страха, скорее, казалось, он размышлял, последовать ли приказу или лучше все-таки рискнуть и напасть самому. Арус облизал пересохшие губы. Кровь застыла у него в жилах, когда он увидел, как решение с убийственной жестокостью проступает в холодных глазах незнакомца.

Но вдруг он услышал, как дергают дверь, как галдят голоса. С облегчением он перевел дыхание. Словно загнанный зверь, смотрел чужак на людей, числом около полдюжины, которые вошли в помещение. Все они, кроме одного, были одеты в багряные куртки нумалийской стражи. Все без исключения были вооружены короткими мечами и чем-то средним между пикой и боевым топором на длинном древке.

— За каким дьяволом звонили? — спросил тот, что стоял впереди. Холодные серые глаза и тонкие острые черты лица, а также дорогой плащ выделяли его из толпы одетых в униформу солдат.

— Во имя Митры, господин Деметрио! — вскричал Арус. — Сегодня, кажется, удача по-настоящему щедра ко мне. Я даже не смел и надеяться, что поднятая мною тревога так быстро достигнет слуха стражников, и тем более, что среди них окажетесь вы.

— Я делал обход вместе с Дионусом, — сказал Деметрио. — Мы как раз проходили мимо замка, когда зазвонил колокол. Но что это? Иштар! Сам владелец замка!

— Он самый, — подтвердил Арус. — Убит таинственным образом. В мои обязанности входит совершать обход всего дома в течение ночи, потому что, как вам, несомненно, известно, здесь хранятся несметные сокровища. Каллиан Публико имел щедрых меценатов — ученых, принцев, собирателей редкостей. Итак, совсем недавно я проверил ворота и установил, что они только прикрыты, но не заперты. Эти ворота снабжены таким замком, который может быть открыт или закрыт только снаружи. Ключ от него был только у Каллиана Публико — тот самый, что висит у него на поясе.

Я сразу заподозрил, что что-то неладно, потому что Каллиан всегда запирает дверь на ключ, когда уходит из замка, а я не видел его с тех пор, как он вечером уехал на свою загородную виллу. У меня был ключ, я открыл замок, вошел и нашел тело там, где вы его видите. Я его не трогал.

— Так-так. — Острые глаза Деметрио разглядывали мрачного незнакомца. — А это кто?

— Конечно, убийца, — воскликнул Арус. — Это он вошел в ту дверь. Он, несомненно, варвар с севера, наверное, гипербореец или боссоньер.

— Кто вы? — спросил Деметрио.

— Я Конан, киммериец, — ответил варвар.

— Вы убили этого человека?

Киммериец качнул головой.

— Отвечайте! — резко сказал Деметрио.

В ледяных синих глазах полыхнула злость.

— Я же не собака, чтоб так со мной разговаривать!

— А, так он еще и бесстыжий, — заворчал один из спутников Деметрио, высокий человек, носящий знаки префекта стражи. — Какой заносчивый юноша! Я вытрясу из него всю его дерзость! Эй, ты! Почему ты прикончил здесь этого человека?

— Подожди, Дионус, — остановил его Деметрио. — Молодой человек, — обратился он к Конану. — Я инквизитор города Нумалия. Лучше расскажите мне, почему вы здесь, и если вы не убийца, докажите это.

Киммериец колебался. Он не был испуган, но немного смутился, что неудивительно для варвара, столкнувшегося со сложной системой управления, которая была ему непонятна.

— Пока он думает, скажите мне, — обратился Деметрио к Арусу, — лично ли вы видели, что Каллиан Публико покинул дом сегодня вечером?

— Нет. Господин обычно уже уезжает к тому моменту, как начинается мое дежурство. Большие ворота были закрыты и заперты на замок.

— Он мог вернуться назад, в дом, так, чтоб вы этого не заметили?

— Это, конечно, возможно, но маловероятно. Он, несомненно, вернулся бы со своей виллы в карете, потому что дорога длинная, а кто может представить себе Каллиана Публико, идущего пешком? Если бы я даже находился на другом конце замка, я услышал бы стук колес по мостовой, а я его не слышал.

— А раньше дверь запиралась по вечерам?

— В этом я могу присягнуть. Я по многу раз за ночь проверяю все двери. Ворота были заперты снаружи еще час назад — я тогда посмотрел на них в последний раз, перед тем как нашел их открытыми.

— И вы не слышали криков или шума борьбы?

— Нет, господин. Но это и неудивительно, потому что стены замка настолько толстые, что не пропускают ни малейшего звука.

— Зачем тратить столько сил на эти вопросы и рассуждения? — перебил его дородный префект. — Вот убийца, он в наших руках, в этом сомнений нет. Доставим его на судебный двор. Я получу от него признание, даже если мне придется переломать ему все кости.

Деметрио обернулся к варвару.

— Теперь вы знаете, что может ожидать вас. Что вы нам скажете?

— Тот, кто осмелится тронуть меня, очень быстро воссоединится со своими праотцами прямо в аду! — Варвар скрипнул зубами, и глаза его блеснули жестоким огнем.

— Зачем же вы пришли сюда, если у вас не было намерения убить его, — продолжал свои расспросы Деметрио.

— Чтобы украсть, — нехотя ответил Конан.

— Что украсть?

Киммериец помедлил.

— Что-нибудь поесть.

— Ложь! — резко сказал Деметрио. — Вам хорошо известно, что здесь нет никакой провизии. Говорите правду или...

Варвар положил ладонь на рукоять меча. Это движение было таким же угрожающим, как рычание тигра.

— Приказывайте этим трусам, которые вас боятся, — проворчал он. — А не мне! Я не изнеженный немедиец, который пресмыкается перед вашими наемными псами. Я убивал людей получше вас за меньшее.

Дионус уже открыл было рот, чтобы яростно рявкнуть на варвара, но почему-то снова закрыл его. Стражники переминались с ноги на ногу и выжидающе поглядывали на Деметрио. Они онемели, услыхав, как кто-то осмеливается разговаривать со всемогущей стражей подобным образом, и были уверены, что сейчас Деметрио отдаст приказ арестовать варвара. Но Деметрио такого приказа не отдал. Арус переводил взгляд с одного на другого и спрашивал себя, что же сейчас происходит в многомудрых мозгах благородного господина. Может быть, высокое начальство страшится необузданной дикости киммерийца, или же оно действительно сомневается в его виновности?

— Я не обвиняю вас в смерти Каллиана, — жестко сказал Деметрио. — Но вы сами должны признать, что очевидность говорит против вас. Как вы проникли в замок?

— Я спрятался в тени летнего домика за этим зданием, — неохотно ответил киммериец.— Когда этот пес, — он ткнул в Аруса большим пальцем, — прошел мимо и свернул за угол, я добежал до стены и забрался наверх...

— Ложь! — воскликнул Арус. — Ни один человек не может забраться по этой гладкой стене!

— Вы никогда не видели, как киммерийцы лазают по отвесным скалам? — прервал Деметрио ночного сторожа с явным неодобрением. — Этот допрос веду я. Продолжайте, Конан!

— На углу там скульптуры, — снова заговорил киммериец. — Было совсем несложно попасть наверх. Я как раз добрался до крыши, когда этот пес вторично обошел дом. Я нашел створчатую дверь, такую, с железным засовом, запертую изнутри. Я на нее налег пле...

Арус, который знал, насколько прочен был засов, глотнул воздуха и отвернулся от варвара, а тот посмотрел на него еще более мрачно и продолжал:

— Я вошел через эту дверь и попал в маленькую комнатку. Но там я задерживаться не стал, а двинулся в сторону лестницы.

— Откуда вы знали, где находится лестница? Только домочадцы Каллиана и его богатые меценаты имеют доступ в верхние покои.

Конан угрюмо замолчал.

— Что вы сделали, когда оказались у лестницы? — спросил Деметрио.

— Спустился вниз, — невнятно ответил киммериец. — Она привела меня в покой, который находится за этой занавешенной дверью. На лестнице я слышал, как открывается какая-то другая дверь. Когда я прокрался за занавес, я увидел, что этот пес наклонился над убитым.

— Почему вы вышли к нему из вашего укрытия?

— Потому что сначала я принял его за второго вора, который, может быть, собирается украсть то, что я... — Киммериец поспешно прервал себя.

— То, что вы хотели бы присвоить сами, — закончил вместо него Деметрио. — Вы не стали тратить времени на верхние помещения, где хранятся драгоценнейшие

раритеты. Любой, кто хорошо ориентируется в замке, мог направить вас сюда, чтобы вы взяли что-нибудь стоящее!

— И убил Каллиана Публико! — крикнул Дионус. — Во имя Митры! Да он это, он! Взять его! Еще до утра мы получим от него признание.

Диким прыжком Конан отскочил назад и выхватил свой меч из ножен с такой поспешностью, что острый клинок зазвенел.

— Назад, если вы хоть немного дорожите своей ничтожной жизнью! — зарычал он. — Если у вас достает мужества, бедные магазинные охранники, шиковать, хватая девок и устраивая им порку, чтобы заставить их говорить, то можете не воображать, что вам удастся наложить свои жирные лапы на мужчину с севера! А если ты, пес, — он обернулся к ночному сторожу, — не уберешь свои лапы с коловорота, ты очень скоро почувствуешь брюхом, крепко ли я бью ногами.

— Остановитесь! — сказал Деметрио. — Дионус, отзовите своих псов! Я еще не убедился в том, что он имеет отношение к этому убийству. — Деметрио склонился к Дионусу и шепнул ему что-то, чего Арус не разобрал. Он только предположил, что это был какой-то трюк, чтобы заставить Конана отдать свой меч.

— Ладно, — проворчал Дионус. — Назад. Но не спускать с него глаз!

— Дайте мне ваш меч, — потребовал Деметрио у Конана.

— Возьмите, если сможете! — ответил киммериец.

Инквизитор пожал плечами.

— Хорошо. Но не пытайтесь бежать. Солдаты с арбалетами охраняют дом.

Варвар опустил клинок, не теряя, однако, бдительности. Деметрио осмотрел убитого.

— Задушен, — пробормотал он. — Зачем было душить его, когда удар мечом и быстрее, и вернее? Эти киммерийцы рождаются с мечом в руке. Я никогда еще не слышал, чтоб кто-нибудь из них убил человека таким способом.

— А может быть, он хотел отвести от себя подозрение, — предположил Дионус.

— Возможно.— Деметрио ощупал убитого умелыми пальцами. — Он мертв уже по меньшей мере полчаса. Если Конан проник в дом таким способом, как он говорит, он не мог прийти сюда и убить его до того, как здесь появился

Арус. Он, конечно, мог и солгать, он мог появиться здесь и раньше.

— Я взобрался на стену после того, как Арус сделал свой последний обход, — в бешенстве зарычал Конан.

— Это вы уже говорили. — Деметрио изучающе разглядывал шею убитого, которая была неестественно сплющена и посинела. Голова свисала косо, позвоночник был сломан. Деметрио в недоумении покачал головой. — Зачем убийце понадобился трос толщиной в руку? Что за страшная хватка сломала эту шею?

Он встал и шагнул к ближайшему дверному проему, который вел в маленький покой.

— Здесь сбит бюст с постамента возле двери, — сказал он, — а здесь поцарапан пол и занавес сорван... На Каллиана Публико напали в этой комнате. Вероятно, на короткое время ему удалось вырваться от убийцы или оторвать его от себя, когда он пытался спастись бегством. В любом случае, он выскочил в коридор, убийца последовал за ним и уже в коридоре прикончил его.

— Но если дикарь невиновен, то где же этот дьявол? — спросил префект.

— Невиновность киммерийца еще не доказана, — сказал инквизитор. — Но для начала общем помещение...

Он остановился, прислушиваясь. С улицы донесся грохот колес кареты. Грохот приближался, затем стих, словно обрубленный.

— Дионус! — распорядился Деметрио. — Отправь двух человек к карете! Пусть приведут сюда кучера.

— Судя по звуку, — сказал Арус, который хорошо изучил все уличные шумы, — я бы сказал, что эта карета остановилась перед домом Промеро, это напротив магазина шелковых товаров.

— Кто такой Промеро? — спросил Деметрио.

— Главный секретарь Каллиана Публико.

— Доставьте и его вместе с кучером, — приказал Деметрио.

Двое стражников двинулись прочь. Деметрио все еще изучал труп. Дионус, Арус и оставшиеся в комнате стражники не сводили глаз с Конана, который стоял неподвижно, с мечом в руке, как живое воплощение угрозы. Через некоторое время перед замком прозвучали шаги, и почти сразу же вслед за этим в дом вошли оба стражника и с ними плотный смуглый человек в кожаном шлеме и длинной куртке

кучера, который держал в руке кнут, и маленький перепуганный человечек, типичный представитель того рода людей, что выбиваются из среды ремесленников и становятся правой рукой богатого купца или торговца. Обнаружив на полу труп, человечек с криком отшатнулся.

— Ох, я же знал, что все это плохо кончится! — пролепетал он.

— Вы Промеро, главный секретарь, я полагаю, — сказал Деметрио. — А ты?

— Энаро, кучер Каллиана Публико.

— Вид твоего убитого хозяина, кажется, не слишком потряс тебя, — заметил Деметрио.

Темные глаза блеснули.

— А чего вы ждали? Кто-то сделал то, что я давно уже собирался сделать, да никак не мог решиться.

— Так, так! — пробормотал инквизитор. — Ты свободный человек?

В глазах Энаро мелькнула горечь, когда он распахнул свою куртку и показал выжженное на плече клеймо.

— Ты знал, что твой господин вернется сюда ночью?

— Нет. Вечером я пригнал карету, как обычно, к замку. Он сел, и я направил лошадей к его вилле. Но прежде чем мы выехали на Паллианову дорогу, он приказал мне возвращаться назад. Он показался мне очень взволнованным.

— И ты повез его обратно в замок?

— Нет. Он мне велел остановиться возле дома Промеро. Там он меня отпустил и приказал вернуться за ним вскоре, после полуночи.

— Сколько времени было тогда?

— Тогда только-только стемнело. Улицы были почти пусты.

— Что ты делал после этого?

— Я вернулся в барак, где живут рабы, и оставался там, пока не пришло время забрать моего господина из дома Промеро. Я поехал прямо туда. Ваши люди схватили меня, прежде чем я успел постучать в дверь Промеро и назвать себя.

— Ты не догадываешься, зачем Каллиан решил навестить Промеро?

— Он не разговаривает с рабами о своих делах.

Деметрио повернулся к Промеро:

— Что вы знаете об этом?

— Ничего.

Зубы секретаря стучали.

— Каллиан Публико входил в ваш дом, как уверяет кучер?

— Да, господин.

— Как долго он у вас оставался?

— Совсем недолго, а потом он собрался уходить.

— От вашего дома он отправился в замок?

— Не знаю! — Голос секретаря сорвался.

— Зачем он приходил к вам?

— Чтобы... чтобы обсудить дела.

— *Вы лжете!* — резко произнес Деметрио. — *Зачем он к вам приходил?*

— Не знаю! Не знаю! — истерически выкрикнул секретарь. — Я не имею к этому отношения...

— Заставьте его говорить, Дионус! — приказал Деметрио.

Дионус сделал знак одному из своих людей. С жестокой ухмылкой тот подошел к задержанным.

— Вы знаете, кто я такой? — угрожающе спросил он. Он поднял голову и уставился на свою жертву, которая шарахнулась в сторону.

— Вы Постумо, — испуганно ответил секретарь. — Во время допроса вы выдавили глаз одной девушке, которая не хотела выдать своего любовника.

Жилы на шее Постумо вздулись, лицо залила красная краска, когда он схватил жалкого человечка за ворот и так его повернул, что почти задушил беднягу.

— Говори, крыса! — зарычал он. — Отвечай инквизитору!

— Митра! Пощады... — пролепетал Промеро. — Я клянусь...

Постумо безжалостно ударил его по лицу, сперва слева, потом справа, швырнул его на пол и пнул ногой в пах.

— Пощады... — хрипел разбитый секретарь. — Я все... все скажу...

— Тогда вставай, скотина! — загремел Постумо. — Нечего тут разлеживаться и скулить!

Дионус тайком бросил взгляд на Конана, посмотреть, впечатляет ли его эта сцена.

— Теперь вы видите, что бывает с теми, кто бунтует против власти, — заметил он.

Полный презрения, Конан плюнул ему под ноги.

— Это слабак и дурак, — проворчал он. — Пусть только кто-нибудь из вас попробует схватить меня, и он получит возможность собирать свои кишки прямо с пола.

— Вы готовы говорить? — спросил Дионус секретаря.

— Я знаю только... — хрипло шепнул Промеро, с трудом поднявшись на ноги и скуля при этом, как побитая собака, — ... что Каллиан, вскоре после того как я вернулся домой (я оставил замок почти одновременно с ним), постучал в мою дверь и отослал карету. Он угрожал мне, говорил, что выгонит с работы, если я расскажу об этом. Я только бедный человек, господин, у меня нет ни друзей, ни связей. Не работай я у него, я умер бы от голода.

— Это ваше дело, — буркнул Деметрио. — Как долго он оставался у вас?

— Примерно за полчаса до полуночи он ушел от меня и упомянул, что направляется в замок, но потом вернется ко мне, когда сделает то, что задумал.

— А что он задумал?

Промеро медлил, но испуганный взгляд на Постумо, который угрожающе сжал кулак, быстро развязал ему язык.

— В замке было нечто, что он хотел исследовать.

— Но почему он делал это один и в такой тайне?

— Потому что эта вещь не была его собственностью. Она прибыла на рассвете вместе с караваном откуда-то с юга. Люди из этого каравана знали не больше, чем другие люди из другого каравана, откуда-то из Стигии — тем тоже поручили попечение над этой вещью. Она предназначается Карантесу из Ханумара, жрецу Ибиса. Те, кому это было поручено, заплатили караванщику за то, чтоб эта вещь была отдана Карантесу из рук в руки, лично, но этот висельник хотел двинуться прямо в Аквилонию, по дороге, которая минует Ханумар. Поэтому он решил, что может оставить ее в замке, пока Карантес за ней не пришлет.

Каллиан заявил, что он согласен, и обещал ему, что отправит слуг к Карантесу, чтобы передать ему посылку. Но после того, как караван ушел и я заговорил было о посыльных, Каллиан запретил мне это делать. Он сидел, размышляя, перед предметом, который оставили здесь те, кто приходил с караваном.

— И что это был за предмет?

— Нечто вроде саркофага, какие можно найти в старых гробницах Стигии. Только этот был круглый, вроде металлической чаши с крышкой. Он сделан из металла,

похожего на медь, но прочнее, на нем выбиты иероглифы, такие встречаются в старых усыпальницах Южной Стигии. Крышка была перевязана коваными медными веревками.

— Что же находилось в этой... чаше?

— Караванщик этого не знал. Сказал только, что тот, кто поручил ему эту вещь для дальнейшей передачи, упомянул, будто речь идет об уникальной реликвии, которую нашли в гробнице глубоко под пирамидой. Отправитель посылает ее жрецу Ибиса в знак глубочайшего почтения. Каллиан Публико полагал, что речь идет о диадеме королей-титанов того народа, который жил в темной стране еще до того, как туда пришли предки стигийцев. Он показал мне один орнамент на крышке, он в точности повторял форму диадемы, такой, как носили, согласно легендам, короли-титаны, в этом он готов был поклясться.

Он твердо решился открыть чашу, чтобы посмотреть, что она содержит. Он был одержим мыслью о легендарной диадеме, которая, как он знал из древних рукописей, украшена невообразимыми драгоценностями — их знала только Древняя Раса, — и один-единственный камень из этих сокровищ дороже, чем все сокровища этого мира.

Я отговаривал его. Однако незадолго до полуночи он один отправился к замку и спрятался в тени, пока стражник не ушел на противоположную сторону здания, затем открыл дверь ключом со своего пояса. Я тайком следил за ним от магазина шелковых товаров, пока он не исчез в замке. Тогда я вернулся домой. Если в чаше обнаружится и в самом деле диадема либо что-то другое, столь же ценное, он намеревался спрятать это «что-нибудь» в замке и быстро вернуться назад. Наутро он собирался поднять большой шум и кричать на всех углах, что воры вломились в его музей и стащили собственность Карантеса. Никто не будет знать, что он возвращался домой, — никто, кроме кучера и меня, а ни он, ни я не отважились бы выдать его.

— А сторож? — бросил Деметрио.

— Каллиан не хотел, чтобы тот его видел. Он планировал представить его сообщником вора и отдать его в руки правосудия, чтоб его распяли, — ответил Промеро.

Арус судорожно глотнул и смертельно побледнел, когда услышал это.

— Где саркофаг? — спросил Деметрио. Промеро указал. Инквизитор пробормотал: — Ага. Стало быть, прямо в том помещении, где на Каллиана и напали.

Промеро поднял свои тонкие ладони.

— Почему кто-то в Стигии решил послать Карантесу подарок? Статуи богов и редкостные мумии часто можно встретить на караванных путях, но кто может так глубоко почитать жреца Ибиса, чтобы делать ему такой дорогой подарок, — и притом как раз из Стигии, где до сих пор поклоняются подземному демону Сэту, который обитает в темных склепах. Бог Ибис победил Сэта, с тех пор как над землей загорелся рассвет, и Карантес всю жизнь числит жреца Сэта среди своих врагов. Здесь что-то странное.

— Покажите нам этот саркофаг, — приказал Деметрио. Промеро, помедлив, двинулся вперед. Все шли за ним, включая Конана, который явно не беспокоился об охране, не спускавшей с него глаз, и которым в настоящий момент владело исключительно любопытство.

Они прошли мимо откинутой в сторону занавески в комнату, которая была освещена слабее, чем коридор. По обе стороны находились двери, ведущие в другие покои. На стенах в ряд стояли легендарные изображения богов из далеких стран.

Промеро громко закричал:

— Смотрите! Чаша! Она открыта — и пуста!

В центре комнаты стоял странный черный цилиндр, высотой почти в четыре фута и в поперечнике достигавший трех футов. Тяжелая, покрытая иероглифами крышка лежала на полу рядом с молотком и зубилом. Деметрио заглянул в чашу и с удивлением принялся рассматривать странные письмена. Потом он повернулся к Конану:

— Вы пришли сюда, чтобы украсть это?

Варвар качнул головой.

— Как это может унести один человек?

— Веревки сорваны зубилом, — пробормотал Деметрио. — И в большой спешке. Вот следы молотка, ударившего по металлу рядом с веревкой. Мы можем предположить, что чашу раскрыл Каллиан. Кто-то прятался поблизости — вероятно, в складках занавеса. Когда Каллиан снял крышку, убийца прыгнул на него. А может быть, он убил Каллиана еще до того, и вскрыл чашу сам.

— Она вызывает у меня отвращение, — сказал секретарь, содрогаясь. — Она слишком древняя, чтобы быть священной. Кто видел металл, подобный этому? Он кажется еще прочнее, чем аквилонская сталь. И посмотрите, в некоторых местах он разъеден, видна ржавчина. А

здесь — здесь, на крышке! — Промеро указал дрожащим пальцем. — Вы можете сказать, что это?

Деметрио склонился ниже, чтобы лучше разобрать, какой узор выбит на крышке.

— Выглядит как нечто вроде короны, — пробормотал он.

— Нет! — вскричал Промеро. — Я предупреждал Каллиана, но он не хотел меня слушать! Это змея, кусающая себя за хвост. Знак Сэта, Древнего Змея, бога Стигии! Эта чаша чересчур старинная, чтоб быть делом человеческих рук, нет, это реликт тех времен, когда Сэт еще бродил по лику земли в человеческом обличии. Может быть, племя, вышедшее из его чресел, хранило кости своих королей в сосудах вроде этого.

— И вы хотите, вероятно, сказать, что эти сгнившие кости поднялись, удушили Каллиана Публико и затем отправились по своим делам?

— Но тот, кто нашел в этой чаше последний приют, мог быть и не человеком, — пугливо прошептал секретарь. — Какой человек поместился бы здесь?

Деметрио выругался.

— Если Конан не имеет на своей совести труп Каллиана, тогда убийца до сих пор находится где-то в этом здании. Дионус и Арус, вы останетесь здесь, со мной, и вы, трое задержанных, тоже. Остальным обыскать дом! Убийца — если он успел уйти, прежде чем Арус обнаружил труп, — мог выбраться только тем путем, каким проник сюда Конан, а в этом случае варвар встретил бы его, если, конечно, он говорит правду.

— Я никого здесь не видел, кроме этого пса, — проворчал Конан и ткнул в Аруса.

— Конечно, потому что вы и есть убийца! — сказал Дионус. — Мы зря теряем время, но для соблюдения всех формальностей устроим обыск. И если мы никого не найдем, я обещаю, что спалю вас на медленном огне. Вы хоть знаете законы, дикарь черноволосый? За убийство ремесленник приговаривается к рудникам, купец — к смерти через повешение, а знатный человек — к сожжению.

Вместо ответа Конан заскрежетал зубами.

Начался обыск. Те, кто остались в комнате, слышали шаги стражников у себя над головой, по лестнице, грохот передвигаемой мебели, хлопание дверей, перекликающиеся

голоса — стражники кричали друг другу из комнаты в комнату.

— Конан, вы знаете, что вас ждет, если они никого не найдут.

— Я не убивал его, — рявкнул киммериец. — Я проломил бы ему череп, если бы он нашел меня здесь, но я увидел его в первый раз, когда он уже был мертв.

— Но кто-то же направил вас сюда, чтоб вы что-то для него украли именно отсюда, — сказал Деметрио. — Ваше молчание ставит вас под подозрение. Одного факта вашего присутствия уже достаточно, чтоб отправить вас на рудники, независимо от того, будет доказана ваша вина или нет. Если вы чистосердечно и правдиво расскажете все, что вам известно, это спасет вас по меньшей мере от кола.

— Нет, — упрямо сказал варвар. — Я пришел сюда украсть заморанский бриллиантовый кубок. Один человек дал мне план замка и показал, где я смогу его найти. Он хранится вон там. — Конан показал. — В углублении в полу под медной статуей бога из Шема.

— Верно, — воскликнул Промеро. — Я думал, не более полдюжины человек во всем мире знают об этом тайнике.

— А когда бы вы его достали, — насмешливо заметил Дионус, — вы бы, конечно, не стали нести его тому, кто поручил вам это дело.

Синие глаза засверкали опасным огнем.

— Я же не собака, — проворчал варвар. — Я держу слово.

— Кто прислал вас сюда? — строго спросил Деметрио, но Конан молчал.

Стражники один за другим возвращались после обыска.

— В этом доме не прячется ни один человек, — заявили они. — Мы перерыли все. Мы нашли дверь в потолке, через которую вломился варвар, и засов, согнутый пополам. Если кто-то удрал этим путем, наши стражники увидели бы его перед домом, из которого он бежал, прежде чем пришли мы. Не говоря уж о том, что ему пришлось бы поставить друг на друга несколько столов и стульев, чтобы снизу дотянуться до двери в потолке. Но этого не было видно. Мог ли он уйти из дома не через ворота и еще до того, как Арус обошел здание?

— Нет, — ответил Деметрио. — Дверь была заперта изнутри, а ключей, которыми можно отпереть замок, всего

лишь два. Один у Аруса, а второй все еще висит на поясе Каллиана Публико.

Один из стражников неожиданно сказал:

— Мне кажется, я видел веревку, которой воспользовался убийца.

— Где она, идиот? — вспылил Деметрио.

— Прямо в соседней комнате, — ответил стражник. — Черная и толстая, обвитая вокруг мраморной колонны. Она висит слишком высоко, чтоб я мог дотянуться.

Он привел остальных в помещение, полное мраморных статуй, и указал на высокую колонну. Затем глаза его распахнулись и челюсть отвисла, прежде чем он смог выдавить из себя хотя бы звук.

— Она сбежала! — хрипло сказал он наконец.

— Ее здесь никогда и не было, — заметил Дионус с издевкой.

— Клянусь Митрой, она была здесь! Она была обвита вокруг колонны прямо под венком из листьев. Она была такая черная, там, наверху, что я не смог ее хорошенько рассмотреть, но она была там!

— Вы пьяны, — проворчал Деметрио и отвернулся. — Это слишком высоко, чтобы дотянуться туда, а по гладкой колонне никто бы не залез.

— А киммериец? — пробормотал кто-то.

— Возможно. Предположим, Конан задушил Каллиана, обмотал веревку вокруг колонны, пересек коридор и спрятался под лестницей. Как же ему удалось убрать ее уже после того, как вы увидели ее наверху? Он же постоянно был с нами с того момента, как Арус обнаружил труп. Нет, скажу я вам, к этой смерти Конан не имеет отношения. Я уверен, что настоящий убийца прикончил Каллиана для того, чтоб забрать нечто из чаши, и он прячется сейчас где-нибудь в укромном уголке зала. Если мы не сумеем его найти, нам снова придется поднять обвинение против варвара... а где Промеро?

Они вернулись в коридор к трупу. Дионус позвал Промеро, который, наконец, явился из комнаты, где находилась пустая чаша. Он дрожал всем телом, и лицо у него стало пепельным.

— В чем дело, милейший? — резко спросил Деметрио.

— Я нашел знак на дне чаши! — ответил секретарь, постукивая зубами. — Не древний иероглиф, а совсем свежую, только что выбитую надпись! Символ Тот-Амона, стигийско-

го чародея, смертельного врага Карантеса. Это он нашел чашу в страшных гробницах под пирамидами, где бродят духи! Боги Древней Эпохи умерли не так, как умирают люди, — они лишь погрузились в глубокий сон, и почитатели заключили их в саркофаги, чтоб чужая рука не потревожила их забытья! Тот-Амон посылал Карантесу смерть. Жадность Каллиана освободила этот Ужас — и он скрывается где-то совсем близко, подкрадывается к нам, быть может...

— Идиот, что он лепечет! — выругался Дионус и сильно ударил Промеро по губам тыльной стороной ладони. — Ну что, Деметрио, — он повернулся к инквизитору, — нам ничего не остается, как этого варвара...

Киммериец закричал. Он смотрел на дверь одной из комнат возле зала, где были собраны статуи.

— Смотрите! — кричал он. — Я видел, как что-то двигалось в комнате. Я видел это сквозь шторы. Что-то скользило по полу, словно темная тень.

— Ба! — фыркнул Постумо. — Мы же обыскали комнаты...

— Он видел, видел! — пронзительно завопил Промеро, и его горло перехватило от истерического возбуждения. — Этот дом проклят! Что-то вышло из саркофага и убило Каллиана Публико! Оно пряталось там, где не мог бы спрятаться ни один смертный, а теперь скрывается в той комнате! Митра, защити нас от сил мрака! — Он вцепился в рукав Дионуса. — Обыщите это помещение вторично, господин!

Префект в бешенстве отшвырнул от себя секретаря. Постумо сказал:

— Можете смело обыскать его самостоятельно, мой храбрец!

Он схватил Промеро за ворот и за пояс и потащил его, невзирая на вопли, к двери. Там он на мгновение задержался, а затем бросил его в комнату с такой силой, что секретарь остался лежать, наполовину оглушенный.

— Хватит! — рявкнул Дионус и перевел взгляд на молчаливого киммерийца. Префект поднял руку. Воздух, казалось, наполнился электричеством напряженного ожидания, когда опять заговорили голоса. В коридор ворвался стражник, таща за собой еще одно действующее лицо — стройного, роскошно одетого человека.

— Я видел, как он бродит вокруг, — заявил стражник, ожидая, что сейчас его похвалят. Вместо этого его угостили такой бранью, что волосы у него встали дыбом.

— Немедленно отпусти этого господина! — взревел префект. — Несчастный кретин! Ты что, не знаешь Астриаса Петаниуса, племянника губернатора?

Пораженный стражник отшатнулся, а щеголеватый молодой аристократ жеманно стряхнул пылинку со своего вышитого рукава.

— Поберегите ваши проклятия, мой добрый Дионус, — сказал он. — Стражник лишь выполнял свой долг, и я знаю это. Я возвращался с одного очень непринужденного праздника и шел пешком, чтобы проветриться. Но что это? Митра! Смерть?

— Да, милорд, — ответил префект. — У нас имеется подозреваемый, и, хотя его вина кажется Деметрио сомнительной, ему не избежать кола.

— Ярко выраженный висельник, — пробормотал юный аристократ с отвращением. — Как можно сомневаться в его виновности? Я еще никогда не видел такой гнусной физиономии!

— Но ты смотрел на меня весьма охотно, ты, нумедийская собака! — зарычал Конан. — Когда ты нанимал меня, чтоб я украл для тебя заморанский кубок! Праздник? Ха! Ты прятался в тени и ждал, чтоб я передал тебе добычу из рук в руки. Я не выдал бы тебя, если бы ты не почтил меня подобными выражениями. А теперь расскажи этим псам, как ты видел, что я забираюсь на стену, после того как стражник сделал свой последний обход, чтоб они знали, что у меня совершенно не было времени убивать эту жирную свинью.

Деметрио наблюдал за Астриасом, который делал вид что не замечает этого.

— Если то, что он говорит, правда, милорд, то он не может считаться убийцей, а мы можем без дальнейших проволочек перейти к делу о краже. Киммериец заработал десять лет принудительных работ за взлом, но, если вы замолвите за него доброе слово, мы найдем возможность для организации побега, и никто, кроме нас, об этом не будет знать. Я хорошо понимаю, вы не первый молодой аристократ, который пытается воспользоваться подобным средством, чтоб облегчить себе бремя карточных долгов или еще чего-то в том же роде, но вы можете рассчитывать на нашу скромность.

Конан выжидающе посмотрел на молодого аристократа, но Астриас пожал узкими плечами и приложил холеную белую ладонь к губам, скрывая зевок.

— Я не знаю его, — заверил он. — Он рехнулся, утверждая, что я его нанял. Пусть получит на всю катушку. Спина у него крепкая, работа на руднике пойдет ему на пользу.

Конан содрогнулся, словно наступил на гадюку. Глаза его сверкнули. Стражники предусмотрительно схватились за свое оружие и позволили себе расслабиться только тогда, когда киммериец опустил голову, словно в немом разочаровании. Арус не мог понять, наблюдает ли он за ними из-под густых черных бровей.

Варвар ударил без предупреждения, как кобра. Меч его блеснул при свете свечей. Астриас зашелся в крике, который замер, когда голова его слетела с плеч, разбрызгивая кровь, и лицо застыло, словно белая маска ужаса.

Деметрио вынул кинжал и занес его, собираясь нанести удар. Как кошка, Конан развернулся и размахнулся, собираясь вонзить острие меча в тело инквизитора. Инстинктивное движение, которое сделал Деметрио, пытаясь ответить на удар, только ускорило движение клинка. Он вошел в бедро. С криком боли Деметрио упал на колени.

Конан не собирался останавливаться. Поднятая Дионусом пика спасла голову префекта от удара, который бы ее, несомненно, раздробил. Пика слегка повернулась, когда на нее обрушился клинок, поверхностно задела голову и отрубила ухо. Потрясающая быстрота варвара парализовала стражников. Половина из них осталась бы лежать на полу, если бы дородный Постумо, скорее удачливый, чем ловкий, не схватил бы киммерийца за ту руку, в которой он держал меч. Левая рука Конана с высоты обрушилась на голову стражника, и Постумо выпустил его, прижимая ладони к кровавой дыре, где только что был его глаз.

Конан отскочил и остался стоять вне досягаемости направленной на него пики. Так он вырвался из кольца своих врагов. Арус поспешно склонился над своим арбалетом, заряжая его. Сильный удар в живот опрокинул его на пол, где он скорчился, хрипя, с позеленевшим лицом. Конан ударил его пяткой по губам, и ночной сторож снова закричал от новой боли.

Вопль, от которого кровь застыла в жилах, донесся из той комнаты, куда Постумо швырнул секретаря. Через шелковые занавеси входа, шатаясь, выбрался Промеро. Его сотрясали рыдания, и слезы катились по бледному лицу, капая с дрожащих губ.

Все, пораженные, уставились на него — Конан с окровавленным мечом в руке; стражники с поднятыми пиками; Деметрио, который корчился на полу, пытаясь остановить кровь, хлеставшую из раненого бедра; Дионус с рукой, прижатой к обрубку уха; Арус, который со стоном выплевывал выбитые зубы; даже Постумо прекратил завывать и обратил к нему уцелевший глаз.

Промеро добрался, качаясь на ходу, до коридора и рухнул перед ними на пол. Между пронзительным отрывистым хохотом, совершенно обезумев, он прохрипел:

— У бога длинная рука! Ха! Ха! Ха! Чертовски длинная!

Он коротко, жутко содрогнулся, замер и невидяще уставился в потолок.

— Мертв! — удивленно шепнул Дионус. Он забыл о своей собственной боли и о варваре, который стоял так близко к нему со своим окровавленным мечом, и склонился над трупом. Через некоторое время он снова выпрямился. Глаза его лезли из орбит.

— Ни одного, ни малейшего ранения. Митра! *Что там, в комнате?*

Ужас охватил всех, и люди с воплями помчались к воротам. Стражники побросали пики и начали рваться на улицу одновременно, так что при ретираде не обошлось без увечий. Арус последовал за ними, а полуослепший Постумо ковылял за ним и просил не бросать его одного. Он вцепился в стражников, но они оттолкнули его на пол и в своем страхе пробежались по нему. Он пополз вперед. Последним спасался Деметрио, все еще прижимающий плащ к сильно кровоточащей ране. Стражники, кучер, ночной сторож и инквизитор, раненые и уцелевшие, все они спешили прочь с криками на улицу, где стража, наблюдавшая за замком, была немедленно охвачена паникой и, не задавая лишних вопросов, ударилась в бегство.

Конан стоял в коридоре один, рядом с тремя мертвецами. Он поудобнее взял меч и направился в таинственную комнату. Дорогие шелковые занавеси покрывали стены, шелковые подушки и обтянутые шелком диваны повсюду стояли в изобилии. Из-за тяжелой позолоченной ширмы на киммерийца смотрело лицо.

Конан остолбенел, преисполненный удивления перед холодной классической красотой этого лика, подобного

которому он никогда еще не видел среди смертных. Ни слабость, ни сострадание, ни жестокость, ни доброта, ни какое-либо иное человеческое чувство не отражались в этих чертах. Этот лик мог бы быть маской бога, созданной рукой художника, если бы в нем не угадывалась жизнь — ледяная, чужая жизнь, какой Конан никогда не знал и постичь которую был не в состоянии. Он мимоходом подумал, какого скульптурного совершенства должно быть тело, спрятанное за ширмой, если лик блистает такой неземной красотой.

Но он мог разглядеть только изящной формы голову, которая слегка покачивалась из стороны в сторону. Полные губы раскрылись и выговорили одно-единственное слово, звенящее и вибрирующее, как колокольчик скрытого джунглями храма в далеком Кхитае. Оно принадлежало чужому наречию, забытому еще до того, как царства людей поднялись в своем блеске и величии, но Конан знал, что оно означало: «Подойди»!

И киммериец повиновался — отчаянным прыжком и свистящим ударом меча. Нечеловечески прекрасная голова слетела с плеч, ударилась о край ширмы и откатилась в сторону.

По спине Конана заструился пот, потому что ширма затряслась от содроганий тела, которое находилось за ней. Несчетное количество раз видел киммериец, как умирают люди, но он никогда не слышал о том, что человек способен так агонизировать. Существо, которое должно было быть наверняка мертво, билось и содрогалось с оглушительным скрежетом. Ширма шевелилась, раскачивалась и, наконец, опрокинулась с металлическим скрипом к ногам Конана. И тогда киммериец смог увидеть, что скрывалось за ней.

Теперь и его самого охватил ужас. Он помчался так быстро, как только мог, он не сбавлял скорости и не останавливался ни разу, пока башни Нумалии не исчезли далеко-далеко позади. Мысль о Сэте и детях Сэта, которые когда-то владычествовали на земле, а теперь дремлют в своих темных гробницах под черными пирамидами, была намного страшнее любого кошмара.

За позолоченной ширмой лежало не человеческое тело, а сверкающее, свернувшееся кольцами тело огромной змеи.

БАГРЯНЫЙ ЖРЕЦ

Глава 1

Во время одного из дворцовых празднеств Набонидус, Багряный Жрец, вежливо коснулся руки молодого аристократа Мурило. Мурило повернулся и встретил загадочный взгляд, подивившись скрытому в нем намеку. Они не обменялись ни единым словом. Набонидус изящно поклонился и всунул ему в руку золотую шкатулку. Молодой человек знал, что Набонидус не делает ничего, не имея на то причин: он извинился и под первым удобным предлогом поспешно вернулся к себе. Он раскрыл шкатулку и обнаружил там человеческое ухо. Быстрый взгляд на необычный шрам, пересекающий его, — и он уже знал, кто был его первоначальным владельцем. Пот выступил у него на лице, и он не сомневался больше в значении того взгляда, с которым Набонидус передал ему шкатулку.

Однако несмотря на свои напомаженные черные локоны и щегольскую наружность, Мурило не был безвольным трусом, который без борьбы кладет голову на плаху. Он не знал только, играет ли Набонидус с ним в кошки-мышки или же хочет дать ему шанс добровольно уйти в изгнание. Судя по тому, что он был еще жив и находился на свободе, ему давалось по меньшей мере несколько часов сроку — вероятно, для медитации. Но ему не требовалось никакой медитации для того, чтоб принять решение. Что ему было необходимо, так это орудие. И судьба создала для него такое орудие, которое в тот момент, когда молодой дворянин, сидя в своем доме, в квартале, застроенном мраморными дворцами с пурпурными башнями, дрожал и размышлял, предавалось своей деятельности в нищем районе между низкопробными кабаками и домами терпимости.

Жил-был жрец Анус, храм которого, стоящий на краю нищего квартала, повидал не только смиренное благоговение и молитвы прихожан. Жрец был жирный, откормленный, и был он не только укрывателем краденого, но и шпионом. Обе эти профессии были невероятно доходны, потому что та часть города, что находилась возле его храма, так называемый Лабиринт, представляла собой смешение извилистых переулков и грязных пивных, где встречались наиболее отчаянные головорезы со всего королевства. Самыми дерзкими и отпетыми из них были некий Гундер, бывший наемник, и один варвар киммериец. Однако жрец Анус коварно позаботился о том, чтоб Гундер был схвачен и публично повешен на рыночной площади. Киммерийцу посчастливилось бежать. По возвращении он узнал о предательстве жреца, явился ночью в храм Ануса и сделал жреца короче ровно на одну голову. Это вызвало в городе серьезные волнения. Поиски убийцы протекали безрезультатно, пока одна женщина не выдала его властям и не привела капитана с его отрядом к той норе, где варвар отсыпался после попойки.

Когда они попытались схватить его, он проснулся. Все еще пьяный, но полный дикой ярости, он повалил капитана и прорвался сквозь ряды нападающих. Он бы ушел от них, если бы выпитые в ту ночь крепкие напитки не затуманили бы ему мозги. Запутавшись и плохо соображая, он в страшной спешке промахнулся и, вместо того чтоб выскочить в раскрытую дверь, врезался в каменную стену так сильно, что потерял сознание. Когда оно к нему вернулось, он уже находился в самой надежной тюрьме города, прикованный к стене цепями, которые даже его варварские мускулы не в состоянии были порвать.

В эту камеру и пришел Мурило, замаскированный, закутанный в просторный черный плащ. Киммериец рассматривал его с большим интересом, поскольку принял его за палача, которого прислали за ним, чтоб повесить. Мурило, однако, быстро разъяснил недоразумение и начал разглядывать его с не меньшим интересом. Даже в полумраке тюрьмы, прикованный к стене, этот человек поражал своей примитивной мощью. Его крепкое тело соединяло в себе силу медведя с ловкостью и гибкостью пантеры. Под путаной черной гривой сверкали синие глаза, полные необузданной дикости.

— Вы хотите жить? — спросил Мурило.

Варвар заворчал, и интерес его к Мурило усилился.

— Если я помогу вам бежать, не сделаете ли вы мне одного одолжения? — спросил аристократ.

Киммериец молчал, но пронзительный взгляд говорил за него.

— Я хочу, чтоб вы убили для меня одного человека.

— Кого?

Мурило понизил голос до шепота:

— Набонидуса, королевского жреца!

Киммериец не выразил ни озабоченности, ни смущения. Он не знал, что такое трепет перед властями, с которым зачастую рождаются цивилизованные люди. Король или нищий — до этого ему не было никакого дела. Он не спросил даже, почему Мурило пришел именно к пему, когда вне тюрьмы шляется и без того достаточно головорезов, которые с радостью предложили бы свои услуги.

— Когда я должен бежать? — спросил он.

— Через час. Ночью в этой части подземелья останется только один часовой. Он подкуплен. Я его *уже* подкупил. Вот ключи от ваших цепей. Я открою замки, а после того, как я буду уже дома, часовой — его имя Атикус — отворит дверь вашей камеры. Вы свяжете его полосами (разорвите вашу куртку), чтобы стража, когда найдет его, поверила, что вы сбежали, пользуясь помощью извне, и пе стала бы его подозревать. Затем вы направитесь прямо к дому Багряного Жреца и убьете его. Оттуда идите к Крысиной Норе, где вас будет ждать человек с лошадью и мешком золота. С этим вам будет легко покинуть город и бежать из страны.

— Тогда снимайте цепи, — потребовал киммериец. — И позаботьтесь о том, чтобы охранник принес мне поесть. Клянусь Кромом, я не получил за целый день ничего, кроме кусочка скверного хлеба и воды. Я близок к истощению.

— Хорошо, сделаю. Но запомните — вы не должны бежать, пока я не успею добраться до дома.

Освобожденный от своих цепей, варвар поднялся и вытянул свои мускулистые руки, которые казались очень могучими в полумраке подземелья. Мурило был убежден: если есть на земле человек, способный сделать то, что ему требуется, то это киммериец. Он повторил. еще раз свои указания и покинул тюрьму, не забыв попутно поручить Атикусу принести заключенному кусок холодного мяса и кувшин вина. Он знал, что может доверять стражнику, и

не только из-за денег, которыми он оплатил его услуги, но из-за более существенных вещей, которые о нем знал Мурило.

Когда Мурило вернулся в свои покои, он полностью взял себя в руки. Набонидус будет действовать через короля, в этом он был уверен. А поскольку королевские солдаты еще не постучали в его двери, значит, жрец еще не успел поговорить с монархом. Это он сделает, без сомнения, утром — если доживет до утра.

Мурило не сомневался в том, что киммериец постарается выполнить его поручение. Удастся ли ему это — вот в чем вопрос. Уже не в первый раз предпринимается попытка убить Багряного Жреца — и до сих пор все покушавшиеся погибали страшной, не поддающейся описанию смертью. Но все они были людьми, выросшими в городах и не обладавшими волчьими инстинктами варвара. С того момента как Мурило раскрыл золотую шкатулку с отрезанным ухом, он вспомнил, как несколько часов назад из своих тайных источников узнал об аресте киммерийца и сразу же увидел в этом решение своей проблемы.

Он осушил бокал за здоровье человека по имени Конан и за его удачу, которая должна сопутствовать ему этой ночью. Но в тот момент, когда он вторично наполнял свой кубок, один из его шпионов принес ему известие о том, что Атикус арестован и сам брошен в темницу. Киммериец не бежал.

Мурило показалось, что кровь застыла в его жилах. В превратностях судьбы он видел могущественную руку Набонидуса, и в нем росло убеждение, что Багряный Жрец не просто человек, он чародей, который читает мысли своих жертв и тянет их за ниточки так, что они начинают плясать, словно марионетки. Он ощутил отчаяние и безнадежность. Он перепоясался мечом и спрятал его под просторным плащом. Так он покинул свой дом через потайной ход и торопливо зашагал по пустым улицам. Была как раз полночь, когда он добрался до дома Набонидуса, мрачной громадой высящегося в глубине сада за стеной, которая отгораживала его от соседних участков.

Стена была довольно высокой, но не непреодолимой. Набонидус поручил охрану своей персоны не каменным преградам. Страшиться нужно было не стен, а того, что

находилось за этими стенами. Что именно это было, Мурило точно не знал. Он слышал, что по меньшей мере по саду прогуливается огромный, очень опасный пес, который разорвал уже не одного взломщика, словно жалкого кролика. О том, что здесь еще может стоять на страже, Мурило даже подумать не мог. Те, кому удалось ненадолго посетить дом под предлогом деловых вопросов, рассказывали, что, несмотря на богатую обстановку дома, Набонидус живет очень просто и обходится минимальным количеством слуг. В самом деле, если Мурило только правильно вспоминает, они все упоминали, что видели только одного — крупного замкнутого человека по имени Джока. Второй, предположительно раб, был слышен где-то в доме, но кем бы он ни был, его никто не видел в лицо. Но самой большой загадкой этого полного тайн дома был сам Набонидус, которого ловкие интриги и хитросплетения политики сделали самым могущественным человеком в королевстве, и народ, канцлер, даже сам монарх плясали под его дудку.

Мурило вскарабкался по стене и прыгнул в сад, покрытый тенью деревьев и кустарников, которые тихо качались на ветру. Ни одного огня не светилось в окнах дома, встающего над садом черной скалой. Молодой аристократ поспешно, стараясь не шуметь, пошел мимо кустов. Каждый миг он ожидал услышать лай огромной собаки и увидеть, как она бросается на него из темноты. Он сомневался, что меч может много помочь ему в битве с таким врагом, однако это не заставило его повернуть назад. Он был уверен в том, что погибнуть под клыками этой твари ничуть не хуже, чем под секирой палача.

Неожиданно Мурило споткнулся обо что-то массивное, мягкое. Когда он наклонился пониже, в свете звезд он увидел лежащее у своих ног неподвижное тело. Это был труп собаки, которая должна была охранять сад, и в нем, несомненно, не теплилась больше жизнь. Шея пса была сломана, и раны указывали на то, что их оставили пальцы, в которых заключена страшная физическая сила. Мурило был убежден, что такое повреждение человек причинить не в состоянии. Вероятно, на пса напал зверь или монстр, который был еще более диким. Мурило бросил нервный взгляд на темные кусты, где могло скрываться неизвестно что, а потом, пожав плечами, тихим шагом направился к дому.

Уже первая дверь, которой Мурило коснулся, не была заперта. Он осторожно вошел, держа в руке меч, и увидел,

что находится в длинном коридоре. Помещение было освещено слабым светом, который пробивался сквозь занавеси в другом конце коридора. Тени играли на полу и на стенах. Во всем доме царила абсолютная тишина. Мурило проскользнул по коридору и остановился, чтобы прокрасться к занавеске на двери. Он увидел впереди освещенный покой: тяжелые бархатные шторы на окнах были опущены, так что ни малейшего луча света не вырывалось на улицу. Покой был пуст, но Мурило хватило одного мгновения, чтоб его передернуло от ужаса. Среди разбитой мебели и разорванных занавесей — свидетелей ужасной битвы — лежал труп человека. Он лежал на животе, однако голова его была так вывернута, что подбородок упирался в плечо. Лицо, искаженное жуткой ухмылкой, казалось, издевательски смотрит на оцепеневшего молодого аристократа.

В первый раз за эту ночь решимость покинула Мурило. Он бросил неуверенный взгляд на коридор, по которому пришел сюда, однако затем он подумал о плахе — и отказался от бегства. Он обогнул усмехающийся кошмар, лежавший на полу. Несмотря на то что он никогда не видел этого человека прежде, он узнал его по описанию других. Это был молчаливый слуга Набонидуса Джока.

И снова он остановился перед занавешенным дверным проемом и испытующе заглянул за занавес. Большой круглый зал открылся ему, опоясанный галереей примерно на середине между отполированным до зеркального блеска полом и высоким потолком. Этот зал был создан для королей. В середине стоял покрытый искусной резьбой махагоновый стол, заставленный сосудами с вином и деликатесами всех видов. Мурило замер. В широком кресле, которое было повернуто к нему спинкой, восседала фигура, одеяние которой было ему хорошо знакомо. Голова, скрытая так часто виденным багряным капюшоном плаща, была опущена в медитации. В королевском дворце Мурило сотни раз видел, как Набонидус сидит в этой позе.

Молодой человек проклял громкий стук своего сердца и с протянутым мечом скользнул в зал. Вся его фигура говорила о твердом намерении убить. Его жертва не двигалась, она еще, казалось, не слышала его приближения Дремал ли Багряный Жрец или это труп заснул вечным сном? Только один шаг отделял Мурило от врага, когда человек в кресле неожиданно поднялся и встал перед ним.

Кровь отхлынула от лица Мурило. Меч выскользнул из его внезапно ослабевших пальцев и со звоном упал на полированный пол. Страшный крик вырвался из его груди. Глухой стук падающего тела последовал за криком. И снова тишина воцарилась в доме Багряного Жреца.

Глава 2

Вскоре после того, как Мурило покинул тюрьму, в которую был заключен Конан, Атикус принес заключенному блюдо с едой, в том числе гигантскую бычью ляжку, и кувшин пива. Конан припал к ним с жадностью изголодавшегося, а Атикус отправился в последний обход по подземелью, желая убедиться в том, что все в порядке и никто не сможет увидеть заключенного во время побега. Пока он был занят всем этим, в тюрьме появился отряд стражников, который арестовал его. Мурило заблуждался, когда полагал, что этот арест стал последствием раскрытия плана побега. Он вообще не имел с побегом Конана никакой связи. Атикус был несколько небрежен в своих связях с «дном» общества, и его невнимательность принесла столь плачевные плоды.

Его место занял другой стражник, немного туповатый, но надежный человек, который никогда бы ни на шаг не отклонился со стези добродетели и выполнения своего долга. Он не обладал хорошо развитым воображением, зато был глубоко убежден в важности своей работы.

Когда Атикуса увели, новый стражник из чисто рутинных соображений сделал еще один обход подземелья. Когда он проходил мимо камеры Конана, его чувство справедливости было возмущено тем обстоятельством, что заключенный сидит в тюрьме, освобожденный от цепей, и с огромным удовольствием вгрызается в большую, хорошо прожаренную бычью ляжку. Стражник был этим настолько разгневан, что сделал серьезную ошибку, войдя в камеру, не потрудившись сперва позвать с собой солдат из других частей тюрьмы или, по меньшей мере, не поставив их в известность. Это была его первая ошибка в несении служебного долга и вместе с тем последняя. Конан ударил его обглоданным мослом по голове, забрал у него нож и ключи и без излишней спешки пустился в путь. Как упоминал Мурило, здесь по

ночам на часах стоял только один стражник. Киммериец покинул здание тюрьмы с помощью ключа, похищенного им, и оказался на улице. Все это происходило так, как намеревался устроить Мурило, так, словно его план претворялся в жизнь без всяких помех.

Свои последующие шаги Конан обдумывал в тени тюремных стен. Ему пришло в голову, что он ничем не обязан Мурило, поскольку освободился самостоятельно. С другой стороны, именно юный аристократ самолично снял с него цепи и позаботился о том, чтоб его хорошо накормили. Без этого побег был бы невозможен. Так что в конце концов киммериец пришел к выводу, что он все же обязан Мурило, а поскольку он был человеком, не привыкшим оставаться в долгу, то решил сдержать данное молодому аристократу обещание. Но сначала ему нужно позаботиться об одном личном деле.

Он сбросил драную куртку и в одной лишь набедренной повязке скользнул в ночь. Он нащупал нож, который забрал у стражника. Это было смертоносное оружие с широким, обоюдоострым клинком, примерно в девятнадцать дюймов длиной. По переулкам и темным площадям крался Конан, пока не добрался до той части города, которая и была его целью, — до Лабиринта. По его кривым переулочкам он шел с уверенностью старожила. Это был настоящий клубок темных улиц, грязных задних дворов и жутких лазеек и нор, полных таинственных звуков и разнообразных запахов. Улицы не были замощены, отбросы, нечистоты, жидкая грязь смешались здесь самым тошнотворным образом. Канав здесь также не было. Отходы и грязь просто выбрасывали из окон и дверей, они были свалены в смердящие кучи. Если при ходьбе не соблюдать осторожность, то очень легко может получиться так, что вы поскользнетесь и по колено увязнете в вонючей куче или утонете в луже жидкого дерьма, которая по своим размерам не уступает небольшому пруду. Не было здесь необычным делом и споткнуться о труп с перерезанной глоткой или разбитым вдребезги черепом. Добропорядочные граждане имели достаточные основания обходить Лабиринт стороной.

Никем не замеченный, Конан добрался до цели своего путешествия как раз в тот момент, когда личность, ради которой он и явился, выходила на улицу. Киммериец быстро спрятался в близлежащем дворе и увидел, как деви-

ца — та, что выдала его полиции, — выпроваживает нового возлюбленного из своей комнатки в первом этаже. Дверь закрылась. Молодой негодяй ощупью нашел скрипящую лестницу. Он был полностью погружен в свои мысли, которые, как и у большинства обитателей Лабиринта, были заняты вопросами незаконного присвоения чужого добра. Посреди лестницы он резко остановился, и волосы шевельнулись у него на голове. Что-то огромное, со сверкающими глазами, скорчилось в темноте на лестнице немного ниже его. Низкое рычание было последним, что он услышал в своей жизни, когда это чудовище бросилось на него и почти мгновенно острый клинок прикончил его. Он испустил придавленный крик и бессильно скатился вниз по ступенькам.

Варвар поднялся над ним, как призрак. Его глаза горели во мраке. Он знал, что крик и звук падения тела были услышаны, но жители Лабиринта из соображений собственной безопасности, давно уже взяли себе в привычку не проявлять внимания к подобным происшествиям. Позднее кто-нибудь из них наверняка высунет нос, чтобы посмотреть, что случилось, но совершенно ясно, что это произойдет не сейчас.

Конан поднялся по лестнице и остановился перед дверью, которую так хорошо знал. Девица была заперта изнутри, но он просунул клинок между дверью и косяком и сорвал щеколду. Он вошел, прикрыл за собой дверь и встал перед девицей, которая предала его.

Она сидела на разоренной постели, скрестив ноги. На ней была тонкая ночная сорочка. Девица смертельно побледнела и уставилась на него, как на привидение. Она слышала крик на лестнице и заметила покрытый кровью нож в руке варвара. Но она была слишком перепугана мыслью о своей собственной участи, чтоб найти время оплакивать кровавый жребий своего возлюбленного. Она стала умолять оставить ей жизнь, почти ничего не соображая от страха. Конан молчал. Он стоял перед ней, поглядывая на нее горящими глазами, и водил большим пальцем по острию своего кинжала.

Наконец, когда она прижалась к стене и в отчаянии хрипло попросила пощады, он схватил ее грязной рукой за белокурые локоны и сорвал с кровати. Он сунул кинжал обратно в ножны, зажал свою бьющуюся пленницу под мышкой и выскочил в окно. Как в большинстве домов такого рода, на высоте окна каждый этаж был опоясан

карнизом. Конан забрался в магазин и вылез на узкий карниз. Если бы кто-нибудь оказался сейчас поблизости, его удивленному взору предстал бы человек, который осторожно пробирается по карнизу первого этажа по наружной стене магазина с отчаянно отбивающейся, полуголой девкой под мышкой. Но даже этот гипотетический наблюдатель был бы ошеломлен не больше, чем сама девица.

Когда они добрались до места, Конан остановился и свободной рукой взялся за стену. В доме неожиданно поднялся крик. Следовательно, труп обнаружен. Пленница Конана ныла, скулила, вертелась и надоела ему еще больше. Киммериец посмотрел вниз, на грязь и нечистоты, прислушался к шуму в доме и к жалобам и мольбам девицы, а затем с большой меткостью уронил ее прямо в выгребную яму, в дерьмо. С довольной ухмылкой Конан наблюдал за ее отчаянными попытками выбраться наружу и наслаждался ее ядовитой бранью и угрозами. Он расхохотался и смеялся до тех пор, пока возросший шум в доме не напомнил ему о том, что пора уже идти убивать Набонидуса.

Глава 3

Мурило очнулся от громкого звона металла. Он застонал и, совершенно растерянный, сел. Вокруг царили теперь совершеннейшая тишина и мрак. В какой-то миг он испугался — ему показалось, что он ослеп. Но потом он вспомнил о том, что произошло, и мороз пошел у него по коже. Он осторожно ощупал вокруг себя руками и установил, что лежит на полу, сложенном ровно подогнанными каменными плитами, а дальнейшие исследования показали, что и стены построены таким же образом. Он поднялся и прислонился к стене. В отчаянии он пытался сообразить, где же он может находиться. В том, что это нечто вроде тюрьмы, не могло быть сомнений, но как долго и где он лежал — этого он не мог даже предположить. Он смутно припоминал лязг металла и спрашивал себя, была ли это в самом деле железная дверь тюрьмы, которая захлопнулась за его спиной, или же это означало, что палач уже пришел.

При этой мысли он содрогнулся всем телом. Он быстро двинулся на ощупь вдоль стены. Каждый миг он ждал, что сейчас стена закончится, но через некоторое время пришел

к выводу, что, вероятно, он идет по коридору. Он плотно прижался к стене, опасаясь люков в полу или других опасностей. Потом он почувствовал, что совсем близко в полной темноте кто-то стоит. Он абсолютно ничего не мог видеть, но, несмотря на то что ни одного предательского шороха не доносилось из мрака, какое-то шестое чувство предостерегало его. Мурило резко остановился. Волосы на затылке встали дыбом. Он был уверен в том, что нечто живое затаилось перед ним в темноте, — так же уверен, как в том, что он дышит.

Он думал, что сердце его остановится, когда голос прошептал с варварским акцентом:

— Мурило, это вы?

— Конан!

Слабея от облегчения, молодой аристократ пошарил в темноте, пока его руки не нащупали обнаженные плечи.

— Хорошо, что я узнал вас, — проворчал киммериец. — Я уже собирался заколоть вас, как свинью.

— Где мы, во имя Митры?

— В подвалах под домом Багряного Жреца, но почему...

— Сколько времени?

— Недавно была полночь.

Мурило потряс головой и постарался взять себя в руки.

— Что вы здесь делаете? — спросил варвар.

— Я пришел убить Набонидуса. Я узнал, что стражника в тюрьме сменили...

— И в самом деле, — буркнул Конан. — Новому я проломил череп и отправился гулять. Я пришел бы сюда пораньше, но мне нужно было уладить сперва одно личное дело. Ну что, приступим к нашему визиту?

Мурило заколебался.

— Конан, мы в замке Сатаны! Я пришел сюда посчитаться с врагом-человеком и нашел здесь волосатого дьявола из преисподней.

Конан глотнул. Он был пуглив не больше, чем раненый тигр, когда видел перед собой противника из простых смертных, но, как и все дикари, становился жертвой необъяснимого страха, когда сталкивался со сверхъестественным.

— Я пробрался в дом, — шептал Мурило, словно темнота могла его услышать. — В саду я споткнулся о зверски убитую собаку Набонидуса. В доме наткнулся на Джоку,

слугу жреца. Кто-то сломал ему шею. А потом я увидел и самого Набонидуса. Он сидел в кресле, одетый в свой обычный плащ. Сначала я даже подумал, что он мертв. Я подкрался к нему, собираясь ударить его мечом. Тогда он встал и повернулся ко мне. Боги мои! — Воспоминания об этом страшном мгновении лишили молодого аристократа дара речи. — Конан, — зашептал он снова, — передо мной стоял *не человек!* Фигурой, осанкой он походил на человека, но из-под багряного капюшона жреца мне ухмылялось и скалило зубы лицо, которое может возникнуть только в кошмарном сне. Оно было полностью покрыто волосами, из которых выглядывали светящиеся красные поросячьи глазки. Нос у него плоский, с огромными раздувающимися ноздрями. Он втягивал губы и обнажал желтые клыки. Руки, высовывающиеся из красных рукавов, были уродливы и тоже заросли шерстью. Все это я увидел в одно мгновение. Ужас охватил меня, и я потерял сознание.

— А потом? — беспокойно спросил киммериец.

— Я пришел в себя только несколько минут назад. Чудище, должно быть, бросило меня сюда. Конан, я давно уже подозревал, что Набонидус не совсем человек. Днем он принимает человеческий облик, а по ночам живет в своей истинной сущности.

— Похоже на то, — пробормотал киммериец. — Все знают, что бывают люди, которые по своему желанию могут превращаться в волков. Но зачем он убил свою собаку и своего слугу?

— Кто может знать, что происходит в голове у дьявола? — ответил Мурило. — Мы должны сейчас ограничиться тем, чтоб выбраться отсюда. Земное оружие не в состоянии уничтожить оборотня. Как вы вообще сюда попали?

— По каналу. Мне пришлось считаться с тем, что сад охраняется. Сточные каналы города имеют выход в одной шахте, которая как раз ведет сюда. Я надеялся, что дверь будет не заперта.

— Тогда давайте уйдем той дорогой, по которой вы пришли! — возбужденно воскликнул Мурило. — К дьяволу остальное! Как только эта змеиная нора останется позади, нам предстоит совсем небольшой риск, связанный с королевскими ищейками. Попробуем выбраться из этого города. Пойдемте!

— Безнадежно, — сказал Конан. — Дорога к каналу блокирована. Когда я залез в туннель, с потолка упала

решетка. Если бы я не оказался быстрее молнии, ее острия пригвоздили бы меня к полу, как червяка. Она не подалась ни на волос, когда я попытался ее поднять. Ее даже слон не сдвинет. Разве что заяц протиснется между прутьями.

Мурило выругался. Ему показалось, что железная рука сжала его сердце. Хотел бы он знать, есть ли в доме Набонидуса неохраняемый выход. Если бы Конан не оказался таким ловким, как настоящий хищник, подъемная решетка раздавила бы его. Без сомнения, его появление в туннеле привело в действие какой-то скрытый механизм, который должен был его остановить.

— Мы можем сделать только одно, — сказал Мурило, чувствуя, как холодный пот бежит у него по спине. — То есть искать другой выход. Хотя я убежден, что все они защищены решетками, но ведь у нас все равно нет выбора.

Варвар проворчал что-то в знак согласия, и оба на ощупь двинулись по коридору. Неожиданно Мурило, несмотря на то что все нервы его были напряжены, подумал о совершенно посторонней вещи.

— А как вы все-таки узнали меня в этой кромешной тьме? — спросил он.

— По запаху помады, которой вы мажете волосы. Я запомнил его, еще когда вы приходнли ко мне в тюрьму, — ответил Конан. — И здесь неожидаино снова-запахло ею, когда я сидел тут в темноте. Это меня и остановило, ведь я собирался напасть на вас.

Мурило потянул свой черный локон к носу. Он не уловил почти никакого запаха. У варвара, должно быть, чертовски острое обоняние.

Они пошли дальше, и Мурило инстинктивно протянул руку к мечу, но ему пришлось с сожалением убедиться в том, что ножны пусты. В этот момент они различили слабое свечение и почти сразу же оказались возле крутого поворота, из-за которого и исходил этот приглушенный свет. Они вместе подкрались к углу. Мурило, который прижался к своему спутнику, почувствовал, как тот замер. Но и сам он уже увидел *его* — полуобнаженного человека, который лежал в коридоре на полу за углом. Он был освещен лучом, падавшим из большого серебряного диска на противоположной стене. Распростертая фигура показалась Мурило на удивление знакомой, хотя лица, повернутого к полу, он видеть не мог. Неужели это возможно... Он сделал киммерийцу знак следовать за ним и проскользнул к лежащему,

чтобы наклониться над ним. Прежде чем он перевернул его на спину, ему пришлось подавить приступ тошноты. Не веря своем глазам, смотрел он на него, и с губ его срывались проклятия. Киммериец поглядел на него вопрошающе.

— Это Набонидус! Багряный Жрец! — крикнул Мурило. Его захлестывали мысли. — Но почему же... кто был там?..

Жрец застонал и пошевелился. С кошачьей ловкостью Конан нагнулся и занес свой нож. Мурило схватил его за руку.

— Подождите! Не убивайте его пока...

— Почему? — спросил варвар. — Он сбросил свою личину и спит. Хотите его разбудить, чтоб он разорвал нас в клочья?

— Нет, подождите! — настаивал Мурило и сделал над собой усилие, пытаясь привести свои мысли в порядок. — Посмотрите же! Он не спит! Разве вы не видите кровоподтек на его виске? Без сомнений, его оглушили. Он лежит здесь, наверное, несколько часов.

— А мне показалось, будто вы клялись, что видели его наверху в зверином обличии, — фыркнул Конан.

— Да, я говорил! Или... а, он пришел в себя. Уберите же нож, Конан! Я хочу докопаться до корней этой тайны, которая, кажется, еще чернее, чем я думал. Я хочу поговорить со жрецом, прежде чем вы его убьете.

Набонидус медленно поднес руку к своему посиневшему от удара виску. Что-то пробормотал. Открыл глаза. Какой-то миг они казались пустыми и бессмысленными, потом в них как будто толчками стало возвращаться сознание.

Он сел и посмотрел на обоих мужчин. Каким бы страшным ни был удар, лишивший его на время рассудка, сейчас этот рассудок заработал со своей привычной остротой. Глаза жреца быстро обежали всю сцену и остановились на лице Мурило.

— Вы решили почтить мой скромный дом своим посещением, мой молодой господин? — насмешливо произнес он и покосился на могучую фигуру, громоздившуюся за плечами Мурило. — И привели с собой наемного убийцу, как я погляжу. Вам что, не хватило длины ваших кинжалов, чтоб оборвать мою ничтожную жизнь?

— Хватит болтовни! — нетерпеливо сказал Мурило. — Как долго вы лежите здесь?

— Довольно странный вопрос к тому, кто только что пришел в себя, — ответил жрец. — Откуда я знаю, сколько сейчас времени? Я потерял сознание примерно за час до полуночи.

— Но кто же тогда там, наверху, был одет в ваш плащ?

— Это, конечно, Тхак, — пробормотал Набонидус и дернул лицом, прикоснувшись к своему синяку. — Да, это мог быть только Тхак. И в моем плаще? Вот пес!

Конан, который ничего не понимал, нетерпеливо зашаркал ногами и заворчал что-то на своем языке. Набонидус посмотрел на него с легкой усмешкой.

— Вашему человеку не терпится воткнуть мне нож в сердце, Мурило, — сказал он. — Я считал вас умнее и думал, что вы оцените мое предостережение и покинете город.

— Откуда я мог знать, что вы хотите предоставить мне такую возможность? — возразил Мурило. — И кроме того, все, к чему я привязан в жизни, находится здесь, в этом городе.

— Этот подонок — весьма подходящая компания для вас, — буркнул Набонидус. — Я уже давно держал вас под подозрением. Поэтому я и велел похитить этого дохлятика-писца. Но прежде чем умереть, он рассказал мне кое-что, и среди прочего он назвал имя одного молодого аристократа, который заплатил ему за возможность ознакомиться с некоторыми государственными тайнами, которые этот милый юноша продал затем вражеской державе. И вам не стыдно, совсем не стыдно, Мурило, — вор, который не хочет марать своих рук?

— У меня не больше оснований для стыда, чем у вас, вы, ненасытный грабитель! — тут же ответил Мурило. — Вы обираете целое королевство, чтоб потешить свою жадность. Вы надели маску самоотверженного государственного мужа и вынуждаете короля пожаловать вас — разумеется, для блага страны — неограниченной властью, сложить руки и жертвовать ради вашей беспредельной жажды личной власти будущим целого государства. Вы же просто жирная свинья, запустившая свое рыло в корыто со жратвой. Вы куда больший вор, чем я. А этот киммериец из нас троих самый честный, потому что он крадет и убивает, не делая из этого тайны.

— Ну, стало быть, мы трое прекрасно подходим друг другу, — заявил Набонидус с дружеской простотой. — И что теперь? Моя жизнь?

— Когда я увидел ухо исчезнувшего писца, я понял, что моя участь решена, — резко сказал Мурило. — Я решил, что вы настроите против меня короля. Я был прав?

— Совершенно, — ответил жрец. — Убрать с дороги маленького придворного писца очень просто, но попробуй я повторить этот номер с вами — и поднимется очень много пыли. Я намеревался утром рассказать королю небольшую пикантную историю, связанную с вами.

— Небольшую историю, которая стоила бы мне головы, — пробормотал Мурило. — Значит, король еще не в курсе моих дел с другими странами?

— Еще нет, — вздохнул Набонидус. — А теперь, когда я смотрю на вашего спутника с его столь нетерпеливым кинжалом, я вообще начинаю бояться, что я никогда не смогу порадовать короля этой славной историйкой.

— Вы должны знать, как выбраться из этой крысиной дыры, — сказал Мурило. — Разумеется, я готов заявить, что жизнь ваша будет сохранена, если вы поможете нам унести отсюда ноги и поклянетесь хранить молчание относительно моих мелких махинаций.

— Когда это жрецы держали слово? — вмешался Конан, который только теперь понял, о чем идет речь. — Давайте я все-таки перережу ему глотку. Я хотел бы поглядеть, какого цвета у него кровь. В Лабиринте болтают, будто сердце у него черное, значит, и кровь должна быть такая же...

— Замолчите! — прошипел Мурило. — Если он не покажет нам дороги из этой дыры, мы сгнием здесь. Ну, Набонидус, что вы думаете?

— Что думает волк, угодивший ногой в капкан? — Жрец рассмеялся. — Я полностью в вашей власти, а если мы хотим отсюда выбраться, один должен помогать другому. Я клянусь: если мы переживем это приключение, я забуду о ваших темных делах. Я клянусь в этом душой Митры!

— Мне этого довольно, — сказал Мурило. — Даже Багряный Жрец не посмеет нарушить эту клятву. Давайте уходить отсюда. Мой добрый друг попал сюда по туннелю, но подъемная решетка упала за его спиной и перегородила дорогу. Вы знаете, как поднять ее?

— Не из этого подземного хода, — ответил жрец. — Рычаг, который приводит в действие механизм, находится в помещении над туннелем. Есть еще одна дорога отсюда,

которую я вам покажу. Только скажите мне, как вы сюда попали?

Мурило рассказал ему все в кратких словах. Набонидус кивнул и решительно поднялся. Он захромал по коридору, который расширился, превратившись в просторное помещение, и подошел к серебряному диску. Когда он приблизился к диску, свет стал ярче, хотя огонек горел по-прежнему слабый, затененный. Возле диска они увидели узкую лестницу, которая вела наверх.

— Вот другой выход, — сказал Набонидус. — И я не думаю, чтоб дверь наверху была заперта. Но полагаю, что того, кто захочет войти через нее, ждет смерть куда более верная, чем если бы он сам перерезал себе горло. Посмотрите в этот диск!

То, что внешне выглядело как круглая серебряная пластина, было на самом деле встроенным в стену зеркалом. Сложная система медных труб имела выход в стене и наклонялась под нужным углом. Когда Мурило заглянул в эти трубы, он увидел бессчетное количество маленьких зеркал. Он сосредоточил свое внимание на самом большом зеркале и удивленно вскрикнул. Конан заглянул ему через плечо и проворчал что-то неразборчивое.

Создавалось впечатление, что они смотрели через окно в ярко освещенную комнату. На стенах висели широкие зеркала, а между ними — бархатные шторы. Под зеркалами стояли шелковые диваны и стулья, сделанные из эбенового дерева и слоновой кости. Из этого покоя вели двери, также скрытые шторами, а перед одной из дверей, той, что не была занавешена, сидело нечто черное, массивное, уродливо контрастирующее с роскошью этого зала. Мурило показалось, что кровь застыла в его жилах, когда он увидел страшилище, неподвижно глядящее, как ему чудилось, прямо ему в глаза. Он непроизвольно отшатнулся от зеркала, и Конан тут же всунул голову в трубы, прижимаясь подбородком к самому зеркалу. На своем варварском языке он произнес угрозу или вызов, что-то в этом роде.

— Во имя Митры, Набонидус, — прохрипел потрясенный Мурило, — что это?

— Это Тхак, — ответил жрец и осторожно провел пальцем по раненому виску. — Некоторые, вероятно, приняли бы его за обезьяну, но он отличается от настоящей обезьяны так же сильно, как и от настоящего человека. Подобные ему живут далеко отсюда, на востоке, в горах, проходящих

по восточной границе Заморы. Таких, как он, немного, но если они не вымрут, то, я полагаю, за следующие сотни тысячелетий они разовьются в настоящих людей. Это уже не обезьяны, какими были их предки, но еще не люди, которыми в будущем могут, вероятно, стать их потомки. Они обитают на крутых, почти недоступных вершинах гор. Им незнаком огонь, они не умеют шить себе одежду и белье, не используют оружие. Но они имеют нечто вроде связной речи, которая на слух напоминает клокочущие и хрюкающие звуки.

Я взял к себе Тхака, когда он только что родился. Он обучался намного быстрее и был гораздо восприимчивее, чем животное. Я использовал его как слугу и как телохранителя. Но я позабыл, что он все же нечто большее, чем просто зверь, который стал тенью меня самого. Совершенно явно, что он способен ненавидеть и что в конце концов в нем развилось нечто вроде тщеславия.

В любом случае он нанес мне удар, когда я менее всего ожидал этого. Сегодня ночью он словно с цепи сорвался. То есть, судя по его поведению, его можно было принять за взбесившегося зверя, однако я убежден, что в основе всего лежит долго и тщательно продуманный план.

Я услышал в саду шум драки и вышел посмотреть, потому что подумал, что это моя собака рвет вас на куски. Тут является Тхак. Забрызганный кровью, он вылез из куста. Прежде чем я понял, каковы его намерения, он подскочил ко мне с ужасным воплем и ударил меня так, что я потерял сознание. Больше я ничего не могу вспомнить. Я могу только предположить, что он по какому-то непонятному капризу своего получеловеческого разума снял с меня одежду и бросил в туннель еще живого. Из каких соображений — это только богам известно. Очевидно, когда он вышел из сада и ударил меня, собака была уже убита. И вне всяких сомнений, потом он убил Джоку, которого вы видели в доме мертвым. Джока пришел бы ко мне на помощь, несмотря на то что сила Тхака была ему хорошо известна. Джока всегда его ненавидел.

Мурило смотрел в зеркало на тварь, сидевшую перед дверью с терпением, достойным любого животного. Он ужасался при виде его огромных лап, которые так заросли шерстью, что казались покрытыми мехом. Существо было сильным, широким в кости, слегка сутулым. Багряное одеяние треснуло на его неестественно широких плечах, и таким

образом Мурило получил возможность увидеть, что и они покрыты густой черной шерстью. То, что выглядывало из-под красного капюшона, было, несомненно, звериной мордой, но тем не менее Мурило признал, что Набонидус был прав, когда говорил о Тхаке как о звере лишь отчасти. Что-то в красных мрачных глазах, в неуклюжей позе, во всем облике этого создания было такое, что поднимало его над животными. Это жуткое тело обладало разумом и душой, которые так сильно напоминали человеческие. Мурило был потрясен, когда заметил пусть еще слабое, смутное, но все же родство между человеком и этим уродливым монстром, и ему стало по-настоящему дурно при одной только мысли о том, из каких глубин первобытного звериного состояния с трудом поднялось человечество.

— Он же нас видит, — сказал Конан. — Почему он не хватает нас? Он мог бы с легкостью разбить это окно.

Мурило понял, что варвар принял зеркало за окно, в которое они попросту заглянули.

— Он нас не видит, — заверил его жрец. — Мы смотрим через это стекло в комнату, которая находится над нами. Дверь, которую, как мы видим, стережет Тхак, находится на верхнем конце этой лестницы. Благодаря такому расположению зеркал мы можем заглянуть в комнаты наверху. Вы видите вот это на стене? Маленькие зеркальца направляют изображение комнаты в эти трубы, затем, с помощью других зеркал, оно передается дальше и, наконец, в увеличенном виде отражается в большом зеркале.

Мурило подозревал, что жрец опередил свое время на столетия, когда изобретал и создавал эти механизмы. Конан, напротив, стал рассматривать все это как своеобразное колдовство и решил не ломать больше над этим устройством голову.

— Я проектировал подвал в качестве подземелья и погреба. Я уже не раз прятался здесь и наблюдал в зеркало, как те, кто приходили ко мне со злыми намерениями, встречали свою участь.

— Но почему Тхак следит за этой дверью? — спросил Мурило.

— Он должен был слышать, как закрылась подъемная решетка. Когда она поднимается, наверху это становится известно благодаря колокольчику. Он знает, что кто-то проник в туннель и теперь ждет его появления. О, он был прилежным учеником! Он видел, что случается с теми, кто

входит в дверь, если я при этом дергал за шнур на стене. И теперь он хочет проделать это со мной.

— Мы можем что-нибудь предпринять, пока он сидит здесь так терпеливо?

— Боюсь, что только наблюдать за ним. Пока он находится в этой комнате, мы не посмеем подняться по лестнице. Он обладает силой гориллы, и ему будет совсем нетрудно разорвать нас на куски. Но ему даже не придется напрягать мускулы. Достаточно просто потянуть за знакомый шнур на стене, чтоб отправить нас всех в вечность, как только мы откроем дверь.

— Каким образом?

— Я обещал помочь вам выбраться отсюда, — ответил жрец, — но отнюдь не раскрывать свои секреты.

Мурило хотел что-то сказать и внезапно замер. Чья-то рука украдкой отодвинула шторы одной из дверей, ведущей в другие покои. В комнату осторожно заглянуло смуглое лицо. Блестящие глаза с угрозой уставились на спину в красном одеянии.

— Петреус! — прошипел Набонидус. — Митра, воистину, собрание всех гарпий!

Из-за плеча первого показались лица других — смуглые, узкие лица, пылающие от возбуждения.

— Что им всем здесь нужно? — пробормотал Мурило и непроизвольно понизил голос, хотя он знал, что его не могут слышать наверху.

— Ну и как вы думаете, чего ищет Петреус со своими пылкими юными националистами в доме Багряного Жреца? — Набонидус рассмеялся. — Посмотрите только, с каким вожделением глазеют они на того, кого принимают за своего заклятого врага. Они стали жертвой того же недоразумения, что и вы. Вот будет потеха поглядеть на их рожи, когда они уразумеют что к чему.

Мурило молчал. Все происходящее казалось ему нереальным. У него было впечатление, что он смотрит пьесу в кукольном театре, или что он превратился в бестелесного духа, который, никем не замеченный, наблюдает за людьми.

Он увидел, как Петреус предостерегающе приложил палец к губам и кивнул заговорщикам. Мурило не понял, заметил ли Тхак вторжение. Человек-обезьяна не менял своей позы. Он сидел неподвижно, спиной к той двери, через которую проскользнули заговорщики.

— Они пришли с той же целью, что и вы, — прошептал Набонидус в ухо Мурило. — Только причины, побудившие их к этому, куда более патриотичны, чем просто себялюбие. Ну да, поскольку собака мертва, стало совсем нетрудно шляться по моему дому. Ох, какая возможность ликвидировать эту угрозу раз и навсегда! Если бы только на месте Тхака был я — один прыжок к стене, один только раз дернуть за шнур...

Петреус уже переступил порог, его спутники следовали за ним вплотную, кинжалы их блестели. Неожиданно Тхак поднялся и с быстротой молнии повернулся к ним. Вместо ненавистного, но знакомого лица Набонидуса они увидели жуткую образину, и это лишило их воли, как и Мурило несколько часов назад. С пронзительным воплем Петреус отшатнулся, и это повергло его сообщников в бегство. Они спотыкались, цеплялись друг за друга, а Тхак одним гигантским прыжком подскочил к стене и резко дернул за толстый шнур, который висел перед дверью.

Обе половины занавеса тут же полностью раздвинулись, и что-то просвистело в воздухе, излучая неопределенное серебристое сияние.

— Он вспомнил! — в восторге крикнул Набонидус. — Этот зверь уже наполовину человек! Он видел, как это делаю я, и он не забыл! Смотрите теперь! Смотрите!

Мурило заметил, что теперь дверной проем был закрыт тяжелой стеклянной пластиной. Сквозь нее он различал бледные лица заговорщиков. Петреус протянул руки, словно обороняясь от нападения Тхака, но затем он коснулся прозрачной преграды. Судя по его жесту, он что-то сказал, обращаясь к своим товарищам. Благодаря тому, что занавеси были раздвинуты, те, кто находился в подвале, могли наблюдать все, что происходило в комнате с непрошеными гостями. В паническом страхе они ринулись к двери, через которую, очевидно, вошли сюда, и остановились, как вкопанные, натолкнувшись на другую невидимую преграду.

— По рывку шнура эта комната была блокирована, — объяснил Набонидус, улыбаясь. — Это все очень просто. Стеклянные пластины двигаются по пазам в дверных косяках. Шнур приводит механизм в действие. Это возможно сделать, только находясь во внутреннем помещении. Совершенно исключено сдвинуть пластины, даже на волосок. Стекло абсолютно непробиваемо. Не раз его пытались разбить молотком, топором, причем с большой силой. А!

От ужаса люди, попавшие в ловушку, впали в истерику. Вслепую носились они от двери к двери, отчаянно молотили по ним кулаками и, казалось, грозили неподвижной, заросшей волосами фигуре, находившейся во внутреннем покое. Неожиданно один из них задрал голову и посмотрел на потолок. Судя по движению его губ, он испустил панический вопль, тыча рукой наверх.

— Когда пластины опускаются, высвобождаются Облака Уничтожения, — сказал Багряный Жрец с диким смешком. — Они состоят из пыльцы серого лотоса с болота мертвых из страны Кхитай.

В центре потолка висела гирлянда золотых цветов, которые раскрылись, как лепестки гигантской розы. Перед ними заколыхалось серое облако, которое быстро заполнило собой всю комнату. Сцена тут же стала иной. На смену истерике пришло безумие. Заговорщики шатались и спотыкались, как пьяные, двигаясь по кругу. Пена выступила на их губах, которые кривились в жутких ухмылках. Одержимые безумием, они набросились друг на друга с кинжалами, они кололи, резали, грызли друг друга зубами в кошмарном сумасшествии. У Мурило свело желудок, когда он наблюдал эту сцену. Ему оставалось только благодарить судьбу за то, что он не может слышать воя и рычания, которые, без сомнения, раздавались в комнате ужаса.

А вокруг несчастных торжествующе прыгал Тхак, размахивая руками. Набонидус, который стоял рядом с Мурило, хохотал, как сумасшедший.

— О, славный удар, Петреус! Выпусти ему кишки! А теперь твоя очередь, мой патриотически настроенный друг! Теперь все на пол, и пусть живые рвут мясо мертвых зубами!

Мурило отшатнулся. Киммериец за его спиной вполголоса ругался на своем жестком языке. Теперь одна только смерть царила в стеклянной комнате. С раскрытыми ртами и залитыми кровью лицами, которые безжизненно смотрели в потолок сквозь серые, слегка колеблющиеся облака, лежали заговорщики, безмолвные и совершенно не узнаваемые в одной кровавой куче.

Тхак сгорбился, как титанический гном, и бросился к стене, на которой висел шнур. На этот раз он потянул веревку не вверх, а в сторону.

— Открывает внешнюю дверь, — пояснил Набонидус. — Клянусь Митрой, он еще ближе к человеку, чем я

предполагал. Смотрите, как вытягивается запах из комнаты и идет свежий воздух. Он ждет, чтоб опасность не коснулась его самого. Теперь он поднимает остальные пластины. Он предусмотрителен. Он знает об опасных свойствах серого лотоса, который приносит безумие и смерть. Митра!

Мурило чуть не подпрыгнул: так резко прозвучал этот возглас.

— Наш единственный шанс! — объяснил Набонидус. — Если он оставит этот покой, хотя бы на короткий миг, мы сможем попытать счастья и подняться по лестнице!

Они напряженно следили за чудищем, которое вышло в раскрытую дверь и исчезло. После того как стеклянные пластины были подняты, шторы снова задернулись и скрыли покой смерти.

— Нужно рискнуть! — шепнул Набонидус. Мурило увидел капли пота на его лбу. — Вероятно, он избавляется от трупов, как это делал я. Скорей! Идите за мной! По лестнице!

Он побежал к ней и взлетел по ступенькам с легкостью, удивившей Мурило. Юный аристократ и варвар следовали за ним. Они услышали глубокий вздох облегчения, когда он рванул дверь на верхнем конце лестницы. Они вошли в большой покой, который уже видели с помощью зеркала. Тхака нигде не было.

— Он в той комнате, где убитые, — прошептал Мурило. — Закроем его там таким же способом, каким он запер там заговорщиков, — предложил он.

— Нет, нет! — возразил Набонидус, и необычайная бледность покрыла его лицо. — Мы не можем быть уверены, что он и впрямь находится там. И кроме того, он может вернуться, прежде чем мы дотянемся до шнура! Лучше идите за мной в коридор. Мне нужно непременно попасть в мои комнаты, чтобы добраться до оружия, которым я могу уничтожить его. Этот выход — единственный, где нет ловушек, и по нему мы можем пройти через эту часть дома.

Они быстро двинулись за ним через занавешенный дверной проем, расположенный против того, что вел в комнату смерти, и оказались в коридоре, в который выходило множество дверей. Дрожащими от спешки пальцами Набонидус проверял их одну за другой. Все они были заперты.

— Митра! — Жрец прислонился к стене. Лицо его посерело. — Двери закрыты, и Тхак забрал у меня ключи. Вот теперь мы действительно в ловушке.

Мурило был потрясен, потому что он никогда не ожидал увидеть жреца таким подавленным. Набонидусу пришлось собрать всю свою волю, чтоб вновь обрести самообладание.

— Эта бестия меня достанет, — обреченно сказал он. — Если бы вы, как я, видели, что Тхак делает с человеком... Храни нас Митра! Боюсь, нам придется вести борьбу теми скудными средствами, которые у нас имеются.

Он повел их назад, к занавешенному дверному проему, и заглянул в большой покой как раз в тот момент, когда Тхак выскочил из двери, расположенной напротив. Не было никаких сомнений — человек-зверь почувствовал что-то подозрительное. Его маленькие, плотно прилегающие к голове уши шевельнулись, он злобно осматривался сердито сверкающими глазками. Он бросился к двери и рванул в сторону шторы, чтоб заглянуть внутрь.

Набонидус отшатнулся. Он дрожал, как осиновый лист. В полном отчаянии он схватил Конана за плечо.

— Послушай, парень. Ты не отважишься выставить свой нож против его когтей?

Искра, вспыхнувшая в глазах Конана, была единственным ответом.

— Тогда быстро, — шепнул Багряный Жрец и толкнул его к шторам возле стены. — Он все равно скоро нас обнаружит, будет лучше, если мы опередим его. Когда он устремится на нас, ударь его ножом в спину, если сможешь. Мурило, вы покажетесь ему и сразу побежите по коридору. Митра знает, в рукопашной схватке шансов у нас нет, но если он погонится за вами, у нас появится возможность избежать смерти.

Мурило чувствовал, как кровь застывает у него в жилах, но он сцепил зубы и вышел в дверной проем. Тхак тут же резко развернулся на другом конце комнаты, смерил его взглядом и с убийственным ревом бросился на него. Его багряный капюшон упал и открыл бесформенный череп. Черные лапы и красный плащ были забрызганы кровью. Это был черно-красный кошмар, который мчался по комнате, оскалив зубы. Кривые ноги несли мощное тело с удивительной скоростью.

Мурило побежал назад, в коридор. Косматое чудовище гналось за ним по пятам. Но в тот момент, когда они проскочили мимо штор, сильная фигура появилась за их спинами и почти одновременно с тем всадила нож чудовищу между лопаток. Тхак яростно зарычал, когда сильный тол-

чок опрокинул его, и он вместе со своим противником рухнул на пол. И оба они сплелись на каменных плитах в жуткий клубок железа, клыков и когтей.

Мурило видел, что варвар обвил тело человека-обезьяны ногами и пытался таким образом удержаться на его спине. Чудовище со своей стороны старалось стряхнуть с себя врага, чтоб он оказался в пределах досягаемости его огромных клыков. В водовороте ударов и багровых лоскутьев они покатились по коридору. Они крутились так быстро, что Мурило не решался пустить в ход стул, который он прихватил в качестве оружия, из опасения ударить варвара. Теперь он заметил, что, несмотря на первую рану, которую Конан нанес из укрытия, и несмотря на то, что развевающиеся лохмотья путались в руках и ногах чудовища, силы Тхака не убывали. Он, не переставая, уволакивал киммерийца вперед, и это невзирая на многочисленные колотые раны, которые давно уже убили бы обычного человека. Клинок варвара погружался в тело, в плечи и затылок, и чудовище истекало кровью, но если кинжал Конана не нанесет ему в ближайшие секунды смертельного удара, нечеловеческая сила Тхака покончит с киммерийцем, а потом и с Набонидусом, и с ним, Мурило.

Конан дрался, как дикий зверь, в полном молчании, которое прерывалось только хрипом или рычанием. Черные когти чудовища, его железные пальцы царапали и рвали тело. Распахнутая пасть с острыми клыками неустанно тянулась к его горлу. Неожиданно Мурило улучил момент вступить, наконец, в бой и изо всех сил обрушил стул, так, что череп обыкновенного человека разлетелся бы под этим ударом. Но деревянный предмет сломался, стукнувшись о затылок Тхака. На мгновение чудовище ослабило свою хватку. Этот миг использовал Конан. Хрипя и заливаясь кровью, он бросился вперед и по самую рукоятку вонзил свой нож в сердце человека-обезьяны.

Судорожно вздрогнув, Тхак посмотрел на своего врага сверху вниз, затем рухнул. Его злобные зоркие глазки помутнели, мощные руки и ноги шевельнулись еще раз и застыли навсегда.

Конан, ошеломленный, залитый кровью, зашатался и вытер с глаз пот и кровь. Кровь капала с его ножа, с его пальцев, стекала по рукам и ногам, струилась по груди. Мурило схватил его, чтоб поддержать, но варвар недовольно оттолкнул его.

— Если я не могу больше сам держаться на ногах, значит, пришло время умирать, — процедил он сквозь запекшиеся губы. — Но я бы лучше выпил вина.

Набонидус разглядывал затихшую фигуру, словно не веря своим глазам. Черный, волосатый, жуткий человек-зверь, нелепый в лохмотьях багряного плаща, неподвижно лежал на полу. Но было в нем теперь больше человеческого, чем животного, и поэтому в том впечатлении, которое он производил, появилось что-то возвышенное.

Даже киммериец, казалось, заметил это, потому что он прохрипел:

— Я убил *человека, не зверя*. Я причислил бы его к храбрейшим из всех, чьи души мне доводилось отправить во мрак, и мои женщины пели бы о нем.

Набонидус поднял с пола связку ключей на золотой цепочке, которую Тхак выронил во время драки. Он сделал знак своим спутникам следовать за ним и направился к одному из покоев, отпер его, провел обоих через дверь. Как и во всех остальных помещениях дома, здесь ярко горел свет. Багряный Жрец взял сосуд с вином со стола и наполнил хрустальные бокалы. Когда его спутники жадно припали к вину, он проговорил:

— Что за ночь! Скоро утро. Что вы намерены предпринять теперь, друзья мои?

— Я хотел бы позаботиться о ранах Конана, если вы будете настолько любезны и дадите мне перевязочный материал, — заявил Мурило.

Набонидус кивнул и шагнул к двери. Что-то в том, как он держался, заставило Мурило присмотреться к нему пристальнее. Возле самой двери Багряный Жрец неожиданно резко повернулся. Лицо его изменилось. Глаза пылали прежним огнем, рот кривился в беззвучном смехе.

— Негодяями можем быть мы все трое! — И голос его прозвучал, как и прежде, насмешливо. — Но идиот вы один, Мурило.

— Что это значит? — пылко спросил молодой аристократ и хотел было двинуться к нему.

— Назад! — предостерег его Набонидус. — Еще шаг — и вам конец!

Мурило похолодел, когда увидел, что Багряный Жрец схватился за толстый шелковый шнур, который висел между штор сразу за дверью.

— Какое гнусное предательство! — крикнул юноша. — Вы же поклялись...

— Я поклялся ничего не говорить королю о ваших мелких махинациях! Но я не клялся не брать в руки этот предмет, раз уж мне представилась такая возможность. А вы что, решили, что я упущу подобный случай? В обычной ситуации я бы не решился убрать вас собственноручно, не получив заранее одобрения от короля. Но об этом же никто не узнает. Вы исчезнете в чане с негашеной известью вместе с Тхаком и этими кретинами-националистами. Что за ночь для меня! Хоть я и потерял нужных мне слуг, но то обстоятельство, что я избавился от очень неприятных врагов, перевешивает все! Так что стойте на месте! Я уже переступил порог, и вы не успеете добраться до меня, прежде чем я дерну за шнур и отправлю вас в преисподнюю — на сей раз не с помощью серого лотоса, но столь же эффективно. Почти в каждой из моих комнат имеется ловушка. И поэтому, Мурило, как только какой-нибудь идиот, вроде вас...,

Движением, слишком быстрым для того чтоб за ним мог уследить глаз, Конан схватил стул и запустил им в жреца. Набонидус инстинктивно вытянул вперед руки, пытаясь защититься, но было поздно. Снаряд разбил ему голову. Багряный Жрец зашатался и упал на пол лицом вниз. Вокруг него сразу образовалась темная лужа.

— А кровь у него, оказывается, просто красная, — разочарованно буркнул Конан.

Мурило провел дрожащей рукой по волосам, влажным от пота, и, слабея от облегчения, прислонился к столу.

— Светает, — прохрипел он. — Давайте уйдем отсюда, пока мы не попались в какие-нибудь другие ловушки! Если мы сможем перелезть через стену так, что нас не заметят, никто не приплетет нас к событиям, разыгравшимся в этом доме. Пускай власти сами ищут всему объяснение.

Он бросил еще один беглый взгляд на труп Багряного Жреца, лежавшего в луже крови, и пожал плечами.

— Он сам идиот, — пробормотал он. — Если бы не тратил время на то, чтоб издеваться над нами, запросто успел бы захлопнуть ловушку.

— Ну, — равнодушно отозвался киммериец, — он прошел по той дорожке, по которой рано или поздно проходят все подлецы. Я бы с удовольствием пошарил здесь на предмет добычи, но я нахожу, что самое умное для нас — это убраться отсюда как можно быстрее.

Когда сумрак сада остался позади и небо над ними посветлело, Мурило сказал;

— Багряный Жрец ушел в преисподнюю, так что я могу остаться среди моих прежних друзей и бояться мне больше нечего. Но что будет с вами? Обвинение в убийстве жреца из Лабиринта с вас не снято...

— Я сыт этим городом по горло, — ухмыльнулся киммериец. — Вы не упоминали часом о какой-то лошади, которая якобы ждет меня возле Крысиной Норы? Ужасно любопытно будет узнать, как быстро сумеет доскакать кобылка до другого королевства. На свете много дорог, с которыми я хотел бы познакомиться, прежде чем встану на тот путь, по которому прошел сегодня Набонидус.

В ЗАЛЕ МЕРТВЕЦОВ

Расселина была темной, хотя заходящее солнце окрасило западный горизонт полосами красного, желтого и зеленого. На этой цветной ленте заката острый глаз мог различить черные силуэты куполов и башен Шадизара Проклятого — города темноволосых женщин и загадочных башен, где вершат бесчинства чудовищные пауки. Шадизар — столица Заморы.

Когда сгустился сумрак ночи, на небосклоне показались первые звезды. И словно в ответ вспыхнули огни на далеких куполах и башнях. Но если свет звезд был бледен и слаб, то в окнах Шадизара он горел глубоким янтарным огнем, и невольно при взгляде на него возникали мысли о страшном и отвратительном.

Тихо было в расселине, если не считать стрекотания кузнечиков. Но внезапно тишину прервал строевой шаг. Отряд заморанских солдат — пять человек в простых железных шлемах и куртках с бронзовыми заклепками, предводительствуемые офицером в сверкающих бронзовых доспехах и шлеме, на котором развевался высокий плюмаж из конского волоса, — двигался по расселине. Бронзовые поножи раздвигали высокую густую траву, росшую на дне ущелья. Кожаные доспехи скрипели, оружие звенело. Трое солдат несли луки, двое других — копья. Короткие мечи висели у них на боку, щиты они забросили за спину. Офицер был вооружен длинным мечом и кинжалом.

Один из солдат сказал:

— Ежели мы схватим живым этого типа, Конана этого, что мы с ним будем делать?

— Отправим в Йезуд, чтобы бросить на растерзание богу-пауку, я так думаю, — ответил его товарищ. — Куда важнее другой вопрос: останемся ли мы вообще живы, чтобы получить обещанное вознаграждение?

— Да ведь ты вроде не боялся его? — насмешливо вставил третий.

— Я? — Солдат был обезоружен. — Я ничего не боюсь, даже смерти. Вопрос только, какой смерти. Этот вор — не цивилизованный человек, он дикий варвар, а силищи в нем на десятерых. Так что я сходил в магистрат, чтобы заверить там мою последнюю волю...

— Как утешительно, что по крайней мере твои наследники получат частично награду, — сказал другой. — Хотел бы я, чтоб и у меня достало ума об этом подумать.

— Ох, — проворчал тот, который заговорил первым. — Они уж найдут предлог надрать нас с денежками, даже если мы и схватим негодяя.

— Но префект обещал нам лично, — бросил ему другой. — Богатые купцы и дворяне, которых обчистил Конан, собрались вместе и выплатили вознаграждение из своего кармана. Я видел эти кошели. Они полны золота и так тяжелы, что один человек едва ли может поднять их. По всему видать, они пошли на это и не посмеют удержать оплату.

— Но предположим, что нам не удастся схватить его, — сказал второй солдат, выдвигая новый повод для размышлений. — Разве не упоминалось что-то насчет того, что за эту промашку нам придется расплатиться нашими головами? — Говорящий возвысил голос. — Капитан Нестор! Что будет с нашими головами, если...

— Попридержите языки, вы все! — фыркнул офицер. — Вас уже небось слышно даже в Аренджуне. Если Конан притаился хотя бы в миле от нас, он уже насторожился. Так что заткните глотки и заодно уж попытайтесь двигаться, хотя бы чуть-чуть меньше гремя оружием.

Офицер был широкоплеч, среднего роста. В дневном свете было бы видно, что глаза у него серые, а в светло-каштановых волосах проглядывает седина. Это был гандер из северной аквилонской провинции, на полторы тысячи миль к западу от Шадизара. От поручения доставить Конана живым или мертвым он был отнюдь не в восторге.

Префект предупредил его, что его ожидает суровая кара — быть может, даже плаха, — в том случае, если он вернется назад без преступника. Это был личный приказ короля — схватить поставленного вне закона. А король Заморы не разводил нежностей с теми государственными служащими, которые предавали его. Прошел слушок, что ранним вечером Конан отправился в сторону ущелья. Так

что командование Нестора поспешило дать ему несколько солдат, какие были в это время в казарме, и отправило в погоню.

Нестор не питал особого доверия к людям, сопровождавшим его. Он почитал их за болтливых хвастунов, которые при виде опасности возьмут ноги в руки и бросят его одного сражаться с варваром. Хотя он ни в коем случае не был трусом, но не обманывался в том, что касалось его шансов выстоять против дикого, огромного молодого варвара. Его доспехи вряд ли дадут ему преимущества, о которых стоило бы упоминать.

Когда закат догорел на западе небосклона, сгустилась темнота и стены ущелья стали казаться более крутыми и отвесными, а само ущелье — более тесным. Люди позади Нестора вновь начали переговариваться.

— Мне это вовсе не нравится, — пробормотал один. — Эта дорога ведет к развалинам Ларши Проклятой, где притаились духи старины, чтобы проглотить всякого, кто проходит мимо. И в этом городе, должно быть, находится Зал Мертвецов...

— Заткнись! — рявкнул Нестор и повернул голову. — Если...

В этот момент офицер споткнулся о веревку, свитую из связанных узлами полосок невыделанных шкур, и растянулся в траве во весь рост. Колышек, к которому была привязана веревка, выскочил из почвы, и теперь кожаная полоска свободно лежала в траве.

С треском и грохотом покатилась куча камней и земли и загремела вниз по левому склону ущелья. Когда Нестор вновь поднялся на ноги, обломок скалы величиной с человеческую голову с силой ударил в его кирасу и вновь швырнул на землю. Следующий обломок сорвал шлем с головы, и целый ливень маленьких камешков просыпался над ним. Позади него раздался дикий вопль и скрежет камня о металл. Затем все вновь стихло.

Нестор, качаясь, поднялся на ноги, прокашлялся, освобождая горло от проглоченной пыли, и повернул голову, чтобы посмотреть, что же произошло. В нескольких шагах позади него огромная лавина закупорила ущелье от стены до стены. Подойдя поближе, он увидел руку и ступню, торчащие из нагромождения обломков скал. Он начал звать своих людей, но ответа не получил. Он коснулся руки, высовывавшейся из кучи, и понял, что в этом теле больше

нет жизни. Обвал, вызванный рывком за кожаный ремень, поглотил весь его отряд.

Нестор глубоко вздохнул и осторожно подвигался, желая убедиться, что у него нет каких-либо повреждений. Очевидно, костей переломанных не было, хотя на нагрудном панцире виднелось несколько вмятин. Он отделался довольно счастливо — парой синяков. Пылающая ярость охватила его. Он поискал свой шлем и когда нашел его, в одиночку пустился в преследование. Не схватить вора — это было бы уже достаточно скверно, однако быть вынужденным еще и докладывать о гибели своего отряда — это, без сомнения, означало мучительную и не столь быструю смерть. Единственным его шансом было доставить Конана — или, по меньшей мере, его голову.

С мечом в руке Нестор ковылял по бесконечной извилистой дороге на дне ущелья. Сияние на небе сказало ему о том, что луна уже взошла. Он щурил глаза, потому что каждую минуту ожидал, что варвар выскочит на него из-за одного из бесчисленных поворотов ущелья. Стены становились все более отлогими и низкими. Справа и слева зияли расселины, и трава уступила место камням и осколкам скал, что очень затрудняло продвижение вперед. Но наконец ущелье кончилось, и после того, как Нестор взобрался по пологому склону, он оказался на возвышенности, окруженной далекими горами. На расстоянии примерно одного полета стрелы перед ним возвышались белые, как кость, в свете полной луны стены Ларши. Время прогрызло трещины и царапины в стенах, над которыми высились частью разрушенные крыши и башни.

Гандер остановился. Ларша, как рассказывают, невообразимо стара. Согласно легендам, она возникла уже во времена катаклизма, когда предки современных заморанцев, земри, основали свою полуцивилизацию, островок в море всеобщей дикости.

На шадизарских базарах болтали о смерти, что караулит в этих руинах. Насколько знал Нестор, еще ни одного из бесчисленных отважных безумцев, которые до сей поры пытали счастье в желании завладеть сокровищем, предположительно имевшимся там, больше никто никогда не видел. Поэтому также никто не ведал, какого рода опасность ожидает в Ларши непрошеного гостя.

Примерно десяток лет назад король Тиридат отправил в город роту самых отважных своих солдат при свете

белого дня, сам же ожидал их возвращения у стен. Он слышал крики и торопливый бег, по-видимому, спасающихся бегством солдат, а после — ничего. Люди, которые ждали вместе с королем у стен, бежали оттуда, и вместе с ними вынужден был бежать и Тиридат. До сих пор это была последняя попытка силой вырвать у Ларши ее тайну.

Хотя Нестор, как почти все наемники, в высшей степени был заинтересован в том, чтобы быстро получить богатство, он не действовал необдуманно. Долгие годы наемной службы в королевствах, расположенных между Заморой и его родиной, научили его предусмотрительности. Пока он перебирал в уме всевозможные опасности, нечто, внезапно мелькнувшее перед его взором, заставило его окаменеть. Тесно прижимаясь к стене, в ворота проскользнул человек. Хотя он был слишком далеко, чтобы в лунном свете можно было разглядеть его лицо, легко было узнать эти гибкие, как у пантеры, движения. Конан!

Ярость охватила Нестора. Больше он не размышлял и тоже двинулся к воротам. Ножны своего меча он придерживал, чтобы они не бились о поножи и не выдали его звяканьем. Но как бы тихо он ни двигался, острый слух варвара уловил шум. Конан резко повернулся, и меч его выскользнул из ножен. Когда он увидел, что преследует его всего лишь один-единственный человек, он замер в ожидании.

Приблизившись, Нестор разглядел своего противника. Варвар был добрых шести футов ростом, и шнурованная куртка не могла прикрыть его могучие плечи. Кожаный мешок висел у него на плече. Прямо обрезанные черные волосы обрамляли юношеское, однако суровое лицо.

Ни один из двоих не сказал ни слова. Нестор чуть помедлил, чтобы перевести дыхание и сбросить с себя плащ. В это мгновение Конан напал.

Два меча блеснули в лунном свете, и звон клинков нарушил гробовую тишину. Нестор был опытным бойцом, однако более длинные руки и невообразимая ловкость киммерийца сводили на нет это преимущество. Натиск Конана был первобытным и неудержимым, как смерч. Нестор ловко парировал удары, но шаг за шагом отступал назад. Полуприщуренными глазами наблюдал он за своим противником и ждал, пока сила его ударов не утомит Конана, однако варвар, казалось, не ведал усталости.

Обманным ударом Нестор распорол куртку Конана на груди, однако клинок даже не оставил царапины на коже. Быстрый, как молния, ответный выпад киммерийца скользнул по кирасе Нестора, и острие меча оставило глубокую борозду на бронзе.

Когда Нестор отклонился назад под следующим яростным натиском, он запнулся о камень. Конан ударил по шее гандера. Хорошо нацеленный удар, без сомнения, снес бы голову с туловища, однако вследствие того, что Нестор оступился, клинок вместо этого только попал по шлему и глубоко вошел в металл. Гандер упал на землю и растянулся во весь рост.

Конан глубоко вздохнул и с поднятым мечом подошел ближе. Его противник неподвижно лежал у его ног, и кровь струилась из-под разбитого шлема. По-юношески переоценивая себя, Конан был уверен, что удар прикончил его противника. Он сунул меч обратно в ножны и вновь повернулся к городу древних.

Киммериец приблизился к воротам. Они состояли из двух створок из дерева толщиной в фут, одетого бронзой, в высоту же достигали двух человеческих ростов. Тяжело дыша, Конан резко надавил на них изо всех сил, однако они не раскрылись. Наконец он вынул свой меч из ножен и забарабанил по бронзе. Насколько он был наслышан, древесина вся сгнила, однако бронзовый оклад был слишком толстым, чтобы его можно было прорубить мечом, не повредив при этом клинок. Кроме того, имелся более простой вход.

Примерно в тридцати шагах к северу от ворот стена рухнула, и на более низкой стороне возвышалась над землей не более, чем на двадцать футов, и кроме того, развалины снаружи лежали кучей, достигавшей примерно шести или семи футов по высоте рухнувшей стены.

Конан разбежался и взлетел по куче развалин вверх, затем подпрыгнул и вцепился в край стены. Кряхтя и не обращая внимания на ссадины и царапины, которые при этом получил, он подтянулся вверх. И вот он уже уселся на стену и смотрит вниз, на город.

Под ним расстилалась площадь, где буйная растительность бесконечно долгое время вела войну с плитами мостовой. Все эти камни треснули и поднялись над землей, на которой лежали теперь опрокинутые, а между ними произрастала трава, сорняки и скудные кустарники.

За этой площадью начинались руины бедняцкого квартала города. От убогих, низеньких глинобитных домиков не осталось ничего, кроме кучек земли. За ними же Конан заметил мерцающие в лунном свете белым сиянием каменные строения, сохранившиеся получше, — храмы и дворцы, дома знати и зажиточных купцов. И как это случается со многими древними руинами, над покинутым городом висела аура Зла, чего-то таинственного и зловещего.

Конан прислушался, огляделся по сторонам. Никакого движения. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было стрекотание кузнечиков.

Киммериец тоже слыхал кошмарные истории о проклятой Ларше. Хотя сверхъестественное будило в сердце варвара почти панический, первобытный ужас, все же ему придавала сил мысль о том, что и сверхъестественное существо, обрети оно только твердую форму, может быть убито обычным земным оружием, ничуть не хуже человека или животного. Он, Конан, не дошел еще до того, чтоб отказаться от поисков сокровища из-за каких-то там демонов, чудовищ или тем более людей.

Согласно преданиям, легендарное сокровище обязано было обретаться во дворце. Положив левую руку на меч в ножнах, юный взломщик спрыгнул со стены и быстро и бесшумно, как тень, двинулся к центру города, петляя по кривым улочкам.

Со всех сторон его окружали руины. Тут и там обломки очередного дома перекрывали проход по улице, и Конану приходилось перелезать через них или пускаться в обход. Луна теперь стояла высоко в небе и заливала развалины таинственным, призрачным светом. По правую руку от киммерийца высился храм, частью уже рухнувший; однако портик с четырьмя могучими мраморными колоннами сохранился. Выстроившись вдоль края крыши рядком, отвратительные мраморные скульптуры — это были изображения чудовищ — полудемонов, полуживотных, — казалось, вглядывались в глубины давным-давно забытых времен.

Конан попытался припомнить одну легенду, которую он — в отрывках — вынес из кабаков Глотки, а именно — как случилось, что Ларша погибла. Это было нечто вроде проклятия, наложенного на город разгневанным божеством, ибо оно было не в силах более взирать на прегрешения горожан, по сравнению с коими ужасные преступления и

грехи людей Шадизара могли бы показаться едва ли не чудом добродетели...

Киммериец постепенно подходил ближе к городскому центру, и вот тут-то нечто примечательное бросилось ему в глаза. С каждым шагом ему было все труднее отрывать сандалии от разбитых плит мостовой. Они прилипали к камню, точно к теплой смоле. Всякий раз, как он отдирал ногу, раздавался чмокающий звук. Конан остановился и пощупал почву. Она была покрыта бесцветным, липким, однако почти сухим слоем непонятно чего.

Не снимая ладони с рукояти меча, он огляделся по сторонам в лунном свете. Ни звука не доносилось до его ушей. Он продолжил свой путь, и вновь ему пришлось с усилием отрывать подошвы от мостовой. Он остановился, повернул голову. Конан мог бы поклясться, что слышит доносящиеся издалека точно такие же чмокающие звуки, которые производил он сам. Одно мгновение он думал, что это, быть может, было эхо его собственных шагов, но полуразрушенный храм он уже оставил позади, и ни справа, ни слева от него не вздымалось стен, способных отражать звук.

Он опять двинулся дальше и вскоре вновь замер. Он снова уловил этот чмокающий звук, и на сей раз он не прекратился, когда киммериец стоял совершенно неподвижно и тихо. Напротив, звук стал громче. Обостренные чувства варвара подсказали ему, что звуки эти зарождаются где-то прямехонько перед ним. Однако, поскольку на улице ничего подозрительного не наблюдалось, звук, вероятно, имел свой источник на одной из боковых улиц или в руинах.

Звук превратился в неописуемо тягучее, булькающее шипение. Железные нервы Конана были так натянуты, что грозили лопнуть, пока он ожидал, что вот-вот покажется то, что производит это шипение, — чем бы оно ни оказалось.

Наконец из-за ближайшего угла поднялась огромная слизистая масса, бледно-серая в лунном свете. Она скользила по улице и быстро приближалась, издавая этот чмокающий звук, сопровождающий ее передвижение. Передняя часть этой массы была снабжена двумя похожими на рога наростами, самое малое десяти футов в длину, которые торчали вверх, а под ними находилась вторая пара наростов, похожих на верхние, но покороче. Длинные рога клонились то в одну, то в другую сторону, и тут Конан увидел, что на конце каждого из них имелось по глазу.

Тварь была слизняком, похожим на улитку без раковины, которая оставляет позади себя слизистый след. Этот слизняк был примерно пятидесяти футов в длину, а в обхвате «талии» мог сравниться с Конаном. И кроме того, он двигался с такой скоростью, с какой человек бежит. До киммерийца долетел тошнотворный запах твари.

Ошеломленный, одно мгновение Конан стоял, как парализованный, и смотрел, как к нему приближается чудовищная туша резинообразного мяса. Улитка испустила звук, подобный удовлетворенному чмоканью губами, только во много раз сильнее.

Наконец варвар пришел в себя и отскочил в сторону. В тот же миг сквозь ночную тьму пролетела струя жидкости и плеснула как раз в то место, где только что стоял Конан. Крошечная капелька попала ему на спину и стала жечь, как огнем.

Киммериец повернулся и помчался назад по той же дороге, по которой пришел. Его длинные ноги так и мелькали в лунном свете. И снова ему приходилось перебираться через кучи развалин. Он слышал, как улитка гонится за ним по пятам. Может быть, она уже настигает его. Однако он не осмеливался повернуться, потому что боялся споткнуться среди нагромождения развалин. И тогда чудовище настигнет его еще прежде, чем он снова успеет подняться на ноги.

И вновь раздался звук плевка. Конан стремительно отпрыгнул в сторону. И на этот раз струя пролетела мимо него. Даже если ему удастся до самой стены сохранять расстояние между собой и слизняком, следующая струя, вероятно, попадет в цель.

Конан торопливо завернул за угол, чтобы между ним и улиткой образовалась парочка-другая препятствий. Он помчался по узкому, петляющему зигзагами переулочку, затем свернул за следующий угол. При этом он уже успел угодить в запутанный лабиринт улиц и заблудиться в нем, в чем он нисколько не сомневался, но теперь было важно лишь одно — свернуть как можно за большее количество углов, чтобы тем самым отнять у преследователя возможность поливать его ядовитыми струями. Чмокающие звуки и тошнотная вонь лучше всяких слов сказали ему, что зверюга все еще наступает ему на пятки. Быстро обернувшись, он увидел, как чудовище высунулось как раз из-за того угла, который он только что обогнул.

Все дальше и дальше шла эта дикая охота по путанице улиц древнего заброшенного города.

Если он не может бежать быстрее, чем слизняк, то, может быть, ему удастся утомить эту скотину. Человек — и варвар знал это — обладает большей выносливостью, чем большинство животных, если дело доходит до бега на значительные расстояния. Однако улитка явно не ведала усталости.

Что-то в том строении, мимо которого Конан теперь пробегал, показалось ему знакомым. И тут только ему стало ясно, что он приближается к полуразрушенному храму с сохранившимся портиком, который он приметил еще перед тем, как встретиться с улиткой. Быстрый взгляд — и он понял, что опытный скалолаз в состоянии покорить портик и оказаться на крыше.

Длинными прыжками он взлетел на кучу развалин частично рухнувшей храмовой стены. С камня на камень перепрыгивал он, пока не добрался до еще не тронутого временем участка стены прямо напротив длинного ряда скульптур, украшавших крышу. Он подпрыгнул и наконец осторожно перебрался на крышу. Теперь Конан мог только надеяться, что под его тяжестью она не рухнет окончательно. Дыры, достаточно большие, чтобы туда провалиться, он осторожно обходил. Шорохи и вонь улитки доносились до него с улицы. Она явно потеряла его след и не знала, в каком направлении ей теперь вести преследование. Тем не менее она тоже остановилась прямо перед храмом. Очень осторожно, поскольку он был уверен, что тварь может обнаружить его в лунном свете, Конан присел за одной из мраморных статуй и выглянул из-за плеча скульптуры вниз, на улицу.

Да, там расположилась огромная влажная серая масса, поблескивающая при луне. Глазки-рожки шныряли из стороны в сторону в поисках своей жертвы. Под ними более короткие щупальца качались взад-вперед над землей, словно пытаясь по запаху взять след киммерийца.

Конан был убежден, что она скоро обнаружит его следы. И не сомневался в том, что улитка так же запросто вползет на стены строения, как взобрался на них сам горец.

Он положил ладонь на каменную скульптуру, высившуюся перед ним, — кошмарное чудовище с телом человека, крыльями летучей мыши и змеиной головой, — и толкнул. Статуя закачалась, издавая скрежет.

Когда улитка услыхала это, глазки-щупальца тут же устремились кверху, в сторону крыши храма. Голова улит-

ки повернулась, и тело почти свилось в клубок. Затем голова приблизилась к фасаду храма, и улитка начала вползать по огромной мраморной колонне, находившейся как раз под той скульптурой, за которой, сжав зубы, сидел на корточках Конан.

Меча, думал варвар, будет недостаточно для такого монстра. Как все прочие низшие формы жизни, улитка будет жить с такими ранениями, которые означали бы верную смерть для существа более высшего порядка.

Голова улитки поднималась все выше. Глаза на щупальцах-рожках метались из стороны в сторону, как два кнута. При такой скорости голова чудовища достигнет края крыши, в то время как большая часть туловища все еще будет находиться на улице.

Конан теперь знал, что ему делать. Изо всех сил бросился он на скульптуру. Она оторвалась и грохнулась вниз. Вместо треска, сопровождающего при обычных условиях падение такой глыбы мрамора на каменные плиты, Конан услышал только хлюпанье, а затем приглушенный удар, когда голова и передняя часть туловища улитки упали вниз, на землю.

Конан осмелился бросить взгляд через край крыши. Он увидел, что статуя глубоко погрузилась в студнеобразное мясо слизняка, почти не высовываясь на поверхность. Огромная серая масса извивалась и сворачивалась, как червяк на крючке рыбака. От ударов мощного хвоста улитки портик задрожал. Где-то в глубине храма срывались в глубину камни. Конан невольно задался вопросом: а не рухнет ли все строение целиком, не погребет ли его под развалинами?

— Ну, я тебе покажу! — проскрежетал он сквозь зубы.

Он ощупывал скульптуры одну за другой подряд, пока не нашел еще одну, которая качалась и находилась при этом непосредственно над головой улитки. И Конан столкнул ее вниз, и она тоже со всплеском погрузилась в тело слизняка. Третья статуя пролетела мимо цели и разлетелась на куски на расколотых плитах мостовой. Четвертую статую, поменьше, которая стояла дальше, Конан просто поднял, и, хотя мускулы его чуть не лопнули, подтащил ее поближе и сбросил прямо улитке на голову.

Когда содрогания чудовища постепенно стали слабее, Конан опрокинул вниз для верности еще две скульптуры, прежде чем спускаться. И только когда тело слизняка перестало двигаться, он слез вниз и спустился на улицу.

Осторожно приблизился он к огромной, удивительно вонючей массе, держа меч в руке. Наконец он собрал все свое мужество и проткнул желеобразное мясо. Темная жидкость — сок жизни — хлынула из раны, и волнообразные судороги пробежали по влажной серой коже. Однако даже если отдельные части тела и обладали самостоятельной жизнью, слизняк был уже мертв.

Конан еще раз с дикой силой ударил по трупу мечом, когда чей-то голос заставил его резко обернуться. Голос этот произнес:

— На этот раз ты от меня не уйдешь!

Это был Нестор, приближавшийся с мечом в руке. Вместо шлема на голове его была окровавленная повязка. При взгляде на огромного слизняка он остановился, как вкопанный.

— Митра! Что это?

— Чудовище, которое влачило свое жуткое существование в Ларше, — ответил Конан на заморанском языке с варварским акцентом. — Оно гналось за мной через весь город, прежде чем я смог его прикончить. — Когда Нестор недоверчиво уставился на труп улитки, киммериец добавил: — А что тебе вообще тут нужно? И как часто придется мне убивать тебя, прежде чем ты останешься мертвым навеки?

— Скоро увидишь, насколько я мертв! — зарычал Нестор и поднял меч.

— А что с твоими солдатами?

— Они лежат мертвые под тем обвалом, который ты устроил. И ты скоро будешь таким же трупом...

— Идиот! — оборвал его Конан. — Зачем расточать силы на удары мечом, если здесь сокровищ больше, чем мы оба сможем унести, — то есть, конечно, если то, о чем мне толковали, правда. Руки у тебя на месте, так что присоединяйся ко мне, и мы славно разграбим этот город.

— Я должен исполнить свой долг и отомстить за своих людей! Защищайся, собака варвар!

— Клянусь Кромом, я буду сражаться, если ты так настаиваешь! — зарычал киммериец и высоко поднял меч. — Но подумай еще раз, парень! Если ты вернешься в Шадизар, тебя распнут на кресте, ведь ты потерял свой отряд, — даже если ты принесешь с собой мою голову, что я, однако, полагаю маловероятным. Если даже десятая

часть слухов о здешних сокровищах — правда, ты заполучишь добычу куда большую, чем сумел бы заработать, служи ты капитаном отряда наемников хоть сто лет.

Нестор онустил клинок и отступил назад на несколько шагов. Теперь он стоял безмолвно и раздумывал.

— И кроме того, — добавил Конан, — тебе никогда не сделать настоящих солдат из этих заморанских трусов!

Гандер вздохнул и сунул меч в ножны.

— Проклятье, ты прав! Пока мы с тобой не переживем это приключение, будем сражаться спина к спине и поделим добычу честно, согласен?

Он протянул Конану руку.

— Согласен. — Конан тоже вложил меч в ножны и тряхнул протянутую ему руку. — Если нам придется бежать порознь, встретимся у колодца Нинуса!

Королевский дворец Ларши стоял на большой площади посреди города. Это было единственное строение во всем городе, с которым время ничего не смогло поделать, и на то была весьма простая причина. А именно: весь дворец целиком был высечен из огромной монолитной скалы, что некогда придавало своеобразие облику плоского пустынного плато, где и был заложен город. Столь искусной была обработка этого необычного строения, что нужно было обладать острым зрением и хорошими познаниями в архитектуре, чтобы определить, что оно не было сооружено тем же способом, что и прочие здания, поскольку архитектор велел процарапать глубокие борозды на черной поверхности базальта, дабы стена выглядела так, словно ее сложили из каменных блоков.

На цыпочках подступили Конан и Нестор поближе и вгляделись в темные недра дворца.

— Нам нужен свет, — сказал гандер. — Мне бы не слишком хотелось угодить в щупальца такой улиточки, как ты прикончил.

— Я не чую никаких слизняков, — успокоил его киммериец, — однако запросто может статься, что у сокровища имеется другой сторож.

Он обернулся и срубил молодую елочку, пробившуюся сквозь треснувшие плиты мостовой. Затем он обрубил ветки и разломил тонкий ствол на несколько коротких обломков. Мечом он настругал лучины и выбил сталью о камень искры, запалившие лучину. Затем разлохматил волокнистые стволы двух обрубков и поджег их от лучины. Смолянистая

древесина ярко запылала. Он протянул один из импровизированных факелов Нестору, после чего каждый из кладоискателей сунул по половине оставшихся обрубков ствола себе за пояс. С мечами в руках ступили они во дворец.

Желтое пламя факелов отражалось в блестящих стенах из черного камня, однако под ногами у них лежала пыль слоем толщиной в дюйм. Несколько летучих мышей, свисавших с высеченных на потолке украшений, сердито запищали и, взмахивая крыльями, исчезли в темноте.

Чудовищные статуи стояли в нишах по обеим длинным стенам. Темные коридоры разветвлялись налево и направо. Оба взломщика оказались в тронном зале. Однако сам трон, высеченный из того же черного камня, что и весь остальной дворец, был невредим. Прочая мебель — диваны, деревянные сиденья — давно рассыпалась в прах. О ней напоминали только оклады, металлические украшения и полудрагоценные камни, которыми она когда-то была усеяна.

— Дворец, должно быть, уже целое тысячелетие как пустует, — прошептал Нестор.

Они прошли несколько помещений — вероятно, личные королевские покои, — однако, поскольку и здесь вся мебель сгнила, большего уяснить было нельзя. В конце концов они очутились перед запертой дверью. Конан поднес факел к ней поближе.

Это была толстая дверь в каменном арочном проеме, сделанная когда-то из массивного дерева и обложенная пластинами позеленевшей меди. Конан постучал по ней мечом. Клинок без труда проник внутрь. Древесная труха с шорохом заструилась на пол.

— Полностью истлела, — проворчал Нестор и пнул дверь ногой. Сапог прошел сквозь дерево почти с той же легкостью, что и меч Конана перед тем. Одна медная пластина упала на пол и с глухим дребезгом разбилась.

В несколько мгновений они превратили сгнившие брусья в труху. Пригнувшись, просунули факелы в отверстие, образованное таким способом. Засверкали серебро, золото, драгоценные камни...

Нестор пролез в дыру, однако тут же шарахнулся назад, да так неожиданно, что с силой налетел на Конана.

— Там люди! — прошипел он.

— Дай мне поглядеть! — Конан просунул в отверстие голову, поглядел налево, направо. — Да они мертвы. Идем же!

Оказавшись внутри, они принялись озираться, широко раскрыв глаза, пока факелы едва не обожгли им руки и не пришлось запалить новые. Семь воинов-гигантов, каждый не менее семи футов ростом, покоились в огромных креслах. Их головы были прислонены к высоким спинкам кресел. На них были доспехи давно позабытых времен. Медные шлемы с султанами из перьев и медные чешуйки на нагрудных панцирях позеленели от старости. Кожа их была коричневой и восковой, как у мумий, и седые бороды спускались почти до колен. Медные же пики и копья стояли, прислоненные к стене рядом, либо лежали на полу.

Посреди помещения высился алтарь из черного базальта — как и весь дворец. Возле алтаря на полу были выставлены несколько ларцов с сокровищами. Древесина ларцов рассыпалась в пыль, и драгоценности оказались разбросаны по полу.

Конан остановился возле одного из безжизненных воинов и потрогал его ступню острием меча. Тело воина не пошевелилось. Варвар пробормотал:

— Древние, должно быть, мумифицировали их, как это делают со своими мертвецами стигийские жрецы, — я так слыхал.

С нехорошим предчувствием Нестор глянул на семь безмолвных фигур. Слабого пламени факелов было недостаточно, чтобы рассеять угнетающую тьму черных стен и нависающего черного потолка.

Блок черного камня в центре комнаты — алтарь — доходил в высоту до бедра стоящему человеку. На его ровной полированной поверхности имелся инкрустированный узкими полосками слоновой кости узор — сплетающиеся круги и треугольники. Все вместе представляло собой семиконечную звезду. Между полосками узора остались символы письменности, Конану незнакомой. Он уже между делом научился читать по-заморански и даже писать, правда, довольно своеобразным слогом, знал он также письменность гирканского и коринфийского языков, однако иероглифов такого рода он никогда еще не видел.

Да и, кроме того, он, без сомнения, куда больше заинтересовался тем, что находилось на алтаре. А именно: на каждом зубце звезды в красноватом свете факелов мерцал большой драгоценный камень, размером больше куриного яйца, а в центре возвышалась зеленая статуэтка змеи с

поднятой головой. Она была, судя по всему, вырезана из нефрита.

Конан осветил факелом семь крупных камней.

— Я хочу вот это, — проворчал он. — За эту долю можешь взять себе все остальное.

— О нет! — возразил гандер. — Они куда дороже, чем все прочие сокровища, собранные в этой комнате, вместе взятые. Мне они тоже милее всего прочего.

Внезапно старинный алтарный покой наполнился напряжением, которое почти ощутимо потрескивало между обоими авантюристами. И каждый из двоих схватился свободной рукой за рукоять меча. Одно мгновение они безмолвно стояли друг против друга, сверкая глазами. Наконец Нестор предложил:

— Ну так давай их поделим, как мы и собирались поступить.

— Семь на два не делится, — поделился с ним Конан своими сомнениями. — Пусть решает жребий. Бросим монету. Победившему достаются семь камней, второй же может набрать из остального столько, сколько ему под силу унести. Согласен с таким дележом?

Конан поднял одну монету с того места, где когда-то стояли сундуки. Хотя, будучи вором, он успел перезнакомиться с золотыми монетами всех родов и видов, такая монета была ему совершенно в диковинку. На одной стороне ее было отчеканено изображение лица — человека ли, демона ли, или, быть может, совы, — этого он не смог бы сказать. Вторая сторона была покрыта иероглифами, вроде тех, что на алтаре.

Конан показал гандеру монету. Когда тот кивнул, он подбросил ее в воздух, поймал и выложил на левое запястье. Руку с монетой, прикрытой правой ладонью, он протянул к Нестору.

— Голова, — сказал гандер.

Конан убрал ладонь. Нестор склонился над монетой и зарычал:

— Проклятье Иштар на эту чертову штуку! Ты выиграл. Подержи секунду мой факел.

Принимая факел, Конан настороженно следил — не будет ли предательского движения. Однако Нестор всего лишь снял свой плащ и расстелил его на полу. Затем высыпал на него горстями золото и драгоценности, черпая из куч на полу.

— Бери не больше, чем сможешь унести без особого труда, — посоветовал ему Конан. — Мы еще не выбрались из города, и впереди долгая дорога назад, к Шадизару.

— Я так и поступлю, — заверил его гандер. Он связал углы плаща узлом и забросил этот импровизированный мешок за плечи. Затем протянул руку за своим факелом.

Конан отдал ему факел, прежде чем возвратиться к алтарю. Один за другим он выковырял зеленые камни и сунул их в кожаный мешок, висевший у него на плече. Затем принялся задумчиво созерцать зеленую змейку.

— За нее можно выручить хорошую цену, — пробубнил он и сунул ее тоже в свой мешок, оторвав от алтаря.

— Почему ты не берешь еще что-нибудь из остальных камешков и золота? — спросил Нестор. — Я уже взял все, что могу унести.

— Ты выискал себе все лучшее, — сказал Конан. — Да мне и не надо больше. Парень, с такой-то добычей я смогу купить целое королевство и все вино, какое мне только потребуется, и женщин, и...

Раздался шорох... и расхваставшийся варвар резко повернулся с ужасом в глазах. Семь воинов-мумий, сидящих возле стен, внезапно пробудились к жизни. Их головы вздернулись, рты закрылись, и мертвецы со свистом втянули воздух в свои иссохшие легкие. Суставы заскрипели, как ржавые петли, когда они схватили свои пики и копья и поднялись.

— Бежим! — взревел Нестор. Он швырнул в ближайшего гиганта факел и выхватил меч.

Факел ударился о грудь великана, упал на пол и погас. Конан, у которого обе руки были свободны, взял факел в левую руку и тоже извлек меч. Свет оставшегося факела слабо трепетал на патине древних-предревних медных доспехов, когда великаны окружили обоих мужчин.

Конан пригнулся под ударом пики и отбил в сторону древко одного из копий. Между ним и дверью гандер сражался с гигантом, желавшим отрезать Нестору дорогу к бегству. Нестор парировал удар и ответил на него диким выпадом, нацеленным в бедро противника. Великан зашатался, и Нестор нанес удар следующему. Острие пики скользнуло по его погнутому панцирю.

Гиганты двигались очень медленно, иначе они одолели бы кладоискателей при первом же натиске. Пригибаясь,

отпрыгивая в сторону, вертясь, избегал Конан ударов, которые должны были повергнуть его на пол. Снова и снова впивался его клинок в иссохшую плоть нападающих, похожую на ощупь на сгнившее дерево. Удары, которые давно уже убили бы живого человека, лишь заставляли этих тварей из другой эпохи шататься. Один из ударов отрубил противнику кисть руки, так что гигант потерял поднятую пику.

Затем Конан пригнулся под выпадом другой пики и всю свою силу вложил в атаку, направленную на щиколотку великана. Клинок перерубил ее наполовину, и оживший мертвец рухнул на пол.

— Бежим! — заревел Конан и перепрыгнул через упавшего.

Он и Нестор поспешно прорвались через отверстие в двери и пролетели по коридорам и залам. Одно мгновение Конан опасался, что они заблудятся, но затем он увидел впереди мерцание дневного света. Оба взломщика скатились по ступеням парадного входа. Позади себя они слышали торопливые шаги мумий. На небе уже показался первый сероватый отсвет близкого рассвета, и звезды поблекли.

— К стене! — прохрипел Нестор. — Полагаю, мы все же бегаем быстрее, чем они.

Когда они пересекли площадь, раскинувшуюся перед дворцом, Конан бросил взгляд назад.

— Гляди-ка! — крикнул он.

Один за другим выбегали гиганты из дворца и один за другим рассыпались в прах при свете зарождающегося дня. Медные шлемы, чешуйчатые доспехи, оружие и прочие металлические части с лязгом падали на землю.

— Да, здорово было, — сказал Нестор. — Но как нам попасть назад в Шадизар, да еще сделать так, чтобы нас не засадили за решетку? Будет уже ясный день, прежде чем мы прибудем в город.

Конан ухмыльнулся.

— Есть тут одна дорожка в городе, о которой только ворам и известно. Неподалеку от северо-восточного угла стены растет несколько деревцев. Если осторожно пробраться между ними, то в кустах на стене можно отыскать нечто вроде сточной канавы, — полагаю, она служила для

того, чтобы при сильных дождях отводить воду из города. Когда-то прежде ее заперли тяжелыми железными решетками, однако они с тех пор здорово проржавели. Если ты не слишком жирный, можно протиснуться. Выбираешься наружу прямехонько на свалке.

— Хорошо, — пробормотал Нестор, — я...

Низкий гул оборвал его слова. Земля поднялась, затряслась, заколебалась. Она бросила Нестора ничком, а киммерийца заставила оступиться.

— Осторожно! — закричал Конан.

Когда Нестор попытался подняться, киммериец схватил его за руку и потащил назад, на середину площади. Почти в тот же миг стены одного из домов обрушились совсем близко и рухнули на площадь как раз там, где только что находились оба приятеля. Однако даже оглушительный треск, с которым рухнуло здание, не мог потягаться с грохотом землетрясения.

— Давай-ка уходить! — закричал Нестор.

Они сориентировались по луне, стоявшей теперь низко на западной стороне небосклона, и, петляя, побежали по улицам. По обе стороны качались стены и колонны и с грохотом падали. Шум стоял оглушительный. Облака пыли вздымались, раздражая ноздри и заставляя беглецов кашлять.

Конан рывком остановился и поспешно отпрыгнул, чтобы его не придавил фасад рушащегося храма. Он зашатался, новый толчок землетрясения поднял почву под его ногами. Он перебрался через кучу руин, частью древних, частью свежих. Один раз только яростный прыжок позволил ему избежать встречи с падающей капителью колонны. Каменные и кирпичные обломки сыпались на него дождем. Один разорвал ему кожу на подбородке, другой так больно ударил его в колено, что он выругался, помянув всех богов всех стран, по которым успел пройти.

Наконец он добрался до городских стен, которые, однако, теперь превратились скорее в низкий вал из рассыпавшихся камней.

Чихая, кашляя, хрипя, Конан перебрался через бывшую стену и обернулся. Нестора нигде не было видно. Вероятно, одна из упавших стен погребла-таки его под собой, подумал Конан. Он прислушался, однако не услышал никаких криков о помощи.

Гул и грохот вздымающейся земли и падающих строений постепенно стихали. Последний луч луны блеснул в

огромном облаке пыли, окутавшем город. А потом поднялся утренний ветер и сдул эту пыль.

Некоторое время Конан сидел на остатках стены и тупо смотрел на Ларшу, или, по крайней мере, на то, что от нее осталось. Теперь она представляла собой совершенно иное зрелище, чем прежде. Больше там не высилось ни одного здания. Даже дворец-монолит из черного базальта, где они с Нестором нашли свои сокровища, превратился в кучу скальных обломков. Конан прикинул, нельзя ли будет потом как-нибудь вернуться ко дворцу, чтобы забрать оттуда остатки сокровищ... Но целой армии рабочих придется сперва разобрать развалины, прежде чем можно будет добраться до драгоценностей.

Вся Ларша превратилась в сплошное поле руин. Насколько он мог видеть в разгорающемся свете утра, нигде ничто не шевелилось. Только и можно было время от времени слышать гром там и тут, когда с развалин скатывался еще один камень.

Конан нащупал свой кожаный мешочек, чтобы удостовериться, что добыча еще при нем, а затем направился на запад, в Шадизар. Позади него солнце уже посылало на Землю свои первые лучи.

Следующим вечером Конан уже похвалялся в своем любимейшем кабаке, хозяином которого был некто Абулетес, — в Глотке. В низенькой, прокопченной до черноты комнатушке воняло потом и кислым вином. Тесно сгрудившись, сидели у столов воры и убийцы, пили вино и пиво, наслаждались игрой в кости или беседой, распевали песни, спорили и напропалую хвастались своими злодеяниями. Считалось просто скучным, если за весь вечер хотя бы один посетитель не будет убит во время какого-нибудь спора.

В задней части комнаты Конан отыскал свою теперешнюю возлюбленную, сидящую в одиночестве за маленьким столиком над кувшином вина. Ее звали Семирамис, она была крепко сбитой черноволосой женщиной, на много лет старше киммерийца.

— Эгей, Семирамис! — взревел Конан через все помещение и направился к ней. — А что я тебе покажу! Абулетес, кувшин твоего лучшего, кирианского. Мне дьявольски повезло!

Будь Конан постарше, осмотрительность удержала бы его от того, чтобы так громко хвалиться своей добычей, а тем более — показывать ее всем подряд. Но поскольку он был еще молод и неискушен, он вытряхнул содержимое мешочка с семью огромными зелеными камнями на столик перед Семирамис.

Драгоценные камни выкатились из мешочка, покатились по влажному от разлитого вина столу — и рассыпались в зеленый порошок, заблиставший в свете свечей.

Конан выронил мешочек и с открытым ртом уставился на стол, а кутилы, собравшиеся вокруг, взорвались громовым хохотом.

— Кром и Маннанан! — прошептал, наконец, киммериец. — Боюсь, что на этот раз я сам себя обманул. — Тут ему вспомнилась нефритовая змейка, которую он присовокупил к своей доле добычи. — Но у меня есть еще кое-что, чего мне будет достаточно, чтобы заплатить побольше, чем просто за кувшинчик самого лучшего вина.

Семирамис, терзаемая любопытством, жадно схватила мешочек, но тут же выронила его с воплем.

— Оно... оно двигается! — закричала она пронзительно.

— Че-чего-о?.. — протянул Конан, однако крик, раздавшийся от дверей, прервал его.

— Вот он! Хватайте его!

Жирный человек вошел в кабачок в сопровождении отряда ночных стражников, вооруженных алебардами. Прочие посетители кабака Абулетеса с демонстративным равнодушием созерцали воздух, точно они вообще никогда ничего не ведали ни о Конане, ни о прочих жуликах.

Жирный — явно один из городских сановников — протолкался к столу, за которым сидел Конан. Киммериец вырвал из ножен свой меч и прижался спиной к стене, обретя таким образом прикрытие. Его синие глаза опасно сверкнули, и зубы блеснули в мерцании свеч.

— Попытайтесь только схватить меня, вы, собаки! — зарычал он. — Я ничего не сделал против ваших глупых законов! — Уголком рта он шепнул Семирамис: — Возьми мешочек и проваливай! Если они меня схватят, он твой.

— Я... я боюсь! — захныкала женщина.

— Ого! — загремел толстяк и подступил ближе. — Ничего не сделал против наших законов, а? А как назвать ограбления наших зажиточных граждан? У нас есть доказательства, которых больше чем достаточно, чтобы

приговор сотни раз стоил тебе головы! А потом ты еще вдобавок и уничтожил солдат Нестора, а самого его уговорил разграбить руины Ларши! Как это называется? Мы схватили его, когда он был пьян и напропалую хвалился своими постыдными деяниями, однако он вновь ускользнул от нас. Ты, конечно, ничего подобного не совершал!

Когда ночные стражники образовали около Конана полукруг и направили острия алебард ему в грудь, толстяк заметил на столе мешочек.

— А это что — свеженаграбленное добро? Поглядим, что там такое...

Он сунул в мешочек руку. Несколько секунд шарил там. Затем его глаза расширились, он ужасно закричал и выдернул руку назад. Живая змея нефритового цвета обвилась вокруг его запястья и вонзила ядовитые зубы ему в ладонь.

В кабаке все наперебой закричали от ужаса. Один из ночных стражников отпрыгнул назад и растянулся на столе. Кувшины разбились, пиво и вино разлилось по доскам. Другой стражник попытался подхватить толстяка, когда тот зашатался и упал. Третий выронил алебарду и с воплем помчался к двери.

Паника охватила всех. Часть посетителей попыталась выскочить в дверь — все одновременно. Двое пошли друг на друга с кинжалами, вор сцепился со стражником, и оба покатились по полу. Одну из свечей опрокинули, затем другую, пока наконец не осталась лишь одна маленькая глиняная лампа, заправленная маслом и освещающая кабак слабым светом.

В сумраке Конан поднял на ноги Семирамис. Ударяя мечом плашмя, он расчистил дорогу к выходу. В темноте переулка они помчались, сворачивая за углы, чтобы сбить со следа возможных преследователей, прежде чем наконец у них не появился момент отдышаться.

— Этот город стал для меня чертовски жарким. Придется исчезать отсюда, — проворчал варвар. — Будь здорова, Семирамис!

— Ты разве не хочешь провести со мной еще одну, последнюю ночь?

— К сожалению, не могу. Мне нужно найти этого болвана Нестора. Если бы этот идиот, напившись, не стал хвастаться, законники не наступили бы мне на пятки так быстро. Он набрал там столько сокровищ, что едва мог их

утащить, в то время как у меня не осталось ничего. Может, я смогу его уговорить отдать мне половину, а если нет... — Он выразительно погладил ножны своего меча.

Семирамис вздохнула.

— Пока я жива, ты всегда найдешь в Шадизаре убежище. Подари мне хоть последний поцелуй!

Они коротко обнялись. Затем Конан исчез в ночи, словно тень.

По дороге в Коринфию, ведущей на запад от Шадизара, в трех полетах стрелы от городских стен находится колодец Нинуса. Рассказывают, что Нинус был богатым купцом, страдавшим от неизлечимой хвори. Во сне явилось ему божество и посулило исцеление, если он построит колодец на дороге, что ведет на запад от Шадизара, дабы путники могли утолить жажду и освежиться, прежде чем придут в город. Нинус соорудил колодец, однако никто не знает, исцелился ли он после этого от своей болезни или нет.

Спустя полчаса после бегства из кабака Абулетеса Конан нашел Нестора сидящим на краю знаменитого колодца.

— Ну, как поживают твои семь несравненных изумрудов? — осведомился Нестор.

Конан рассказал ему, что произошло с его частью добычи.

— Теперь, — сказал он, — поскольку я, благодаря твоему языку без костей, вынужден покинуть Шадизар и поскольку у меня не осталось ничего от моей доли, было бы только справедливо, если ты выделишь мне часть от твоей.

Нестор безрадостно рассмеялся.

— Моя доля? Мальчик, вот половина того, что у меня осталось. — Он вынул из пояса два золотых и один из них бросил Конану. — Я задолжал его тебе, ибо ты спас меня от падающей стены.

— Почему же так? Куда ты дел остальное богатство?

— Когда стражники прижали меня в том кабаке, мне удалось опрокинуть стол. Я пришиб этим пару парней. Затем я схватил свои блестящие побрякушки, завязанные в плащ, забросил его за плечи и помчался к двери. Одного из тех, кто хотел меня задержать, я сбил на землю, но другой вспорол мой плащ, и весь этот хлам пролился на пол сверкающим дождиком. Тут уже все — стражники, их

предводитель, завсегдатаи кабака — накинулись на золото и драгоценные камни. — Он поднял свой плащ, и указал на разрез длиною в два фута. — Поскольку я решил, что все это богатство будет мне ни к чему, если моя голова украсит копье над западными воротами, я предпочел унести ноги, пока никто меня не хватился. Когда я выбрался из города, то встряхнул плащ, однако все, что там еще оставалось, были эти два золотых, затерявшихся в складке.

Одно мгновение на лице у Конана была мрачная мина, но затем его губы дрогнули и рот растянулся в ухмылке. Из глотки вырвался оглушительный хохот. Когда он наконец снова взял себя в руки, то встряхнул головой.

— Какая чудная парочка кладоискателей — ты да я! — Боги неплохо подшутили над нами! Ах, какая шутка!

Нестор сухо рассмеялся.

— Я рад, что ты рассматриваешь дело с такой стороны. Но боюсь, в Шадизаре нам теперь показываться нельзя, если нам дорога жизнь.

— Что ты намерен предпринять?

— Отправлюсь на Восток, чтобы предложить свои услуги в Туране. Я слышал, что король Илдиз ищет хороших воинов, чтобы выковать настоящую армию из беспорядочной толпы своих солдат. Кто знает? Идем со мной, мальчик! Из тебя получится хороший солдат.

Конан покачал головой.

— Чтобы целый день вышагивать на плацу и слушать, как хорошо упитанный офицер вопит: вперед, марш! Пики наперевес! Нет, это не для меня. Я вот слышал, что на Западе еще есть что взять. Попытаю счастья там.

— Пусть хранят тебя твои варварские боги, — сказал Нестор. — Если ты передумаешь, спроси обо мне в казармах Аграпура. Будь здоров!

— Будь здоров! — ответил Конан. И, не тратя лишних слов, он пустился по дороге в Коринфию и вскоре пропал в темноте.

РУКА НЕРГАЛА*

Глава 1

ЧЕРНЫЕ ТЕНИ

— Кром!

Этот вопль слетел с уст молодого воина. Он вскинул голову, отбрасывая назад гриву спутанных черных волос, и взглянул на небо сверкающими синими глазами. От удивления они расширились. Нечто вроде суеверной дрожи пробежало по его до черноты загоревшему под пылающим солнцем пустыни телу, крепко сбитому, с широкими плечами, могучей грудью, узкими бедрами и длинными ногами. Не считая лоскута, которым воин обмотался, используя его в качестве набедренной повязки, и высоких шнурованных сандалий, он был совершенно обнажен.

Конан вступил в битву солдатом особого эскадрона конницы, но его лошадь, полученная еще от благородного Мурило в Коринфии, пала от стрелы при первой же атаке неприятеля, и, таким образом, юноша сражался пешим. Щит его разбился под ударами противника, поэтому воин отбросил его и бился, держа меч обеими руками.

С окрашенных багрянцем заката небес этой пустынной туранской степи, где жили лишь ветры, внезапно спустился ужас на поле битвы, где две огромные армии схлестнулись в жестокой борьбе. Здесь рубили и кололи лучшие боевые силы короля Туранского Илдиза, в армии которого наемником служил этот молодой человек. Вот уже пять часов, как они сражались с конными легионами Мунтассем-хана, мятежного наместника заморанских болот в северном Туране.

Описывая плавные круги, с неба спускались отвратительные существа, подобных которым варвар еще никогда прежде не видел и никогда не слыхивал во время своих

---

* Повесть дописана Л. Картером.

скитаний. Это были черные чудовища, подобные теням, несомые гигантскими кожистыми крыльями, точно некие огромные летучие мыши.

Обе армии, еще ничего не подозревая, продолжали сражаться. И только Конан, окруженный трупами зарубленных врагов, смотрел с низкого холма, как спускаются чудовища.

Одно мгновение он стоял, опершись на свой забрызганный кровью меч и уставившись на призрачные существа-тени — да, они впрямь казались скорее тенями, нежели чем-либо иным, прозрачными были они, подобными клубам черного дыма или духам гигантских летучих мышей-вампиров. Из их туманных фигур злобно посверкивали огненные зеленые глазки-щели.

И пока Конан наблюдал за ними, смятенный, с волосами, встающими на загривке дыбом, как у дикого зверя, чудовища, точно стервятники, опустились на поле битвы и набросились на сражающихся.

Крики боли, вопли ужаса пронзительно зазвучали в рядах боевых сил короля Илдиза, когда их атаковали черные тени. И где бы ни наносил свой удар туманный дьявол, оставались истекающие кровью трупы. Монстры падали с небес сотнями, и уставшие туранские солдаты расстроили ряды, а всадники, охваченные паникой, бросали свое оружие.

— Сражайтесь! Бейтесь же, псы! — яростно ревел высокий офицер, пытавшийся остановить бегство, сидя на огромной вороной кобыле. Конан мельком увидел блеск серебряной кольчуги под развевающимся голубым плащом, горбоносое, чернобородое лицо, величественное и суровое под остроконечным шлемом, на котором играло багровое солнце. Он узнал офицера. Это был генерал короля Илдиза, Бакра из Акифа.

С яростными проклятиями выхватил гордый главнокомандующий свою саблю и начал наносить вокруг себя удары плашмя. Быть может, ему бы удалось вновь сомкнуть ряды бегущих, если бы сзади на него не опустилась одна из этих дьявольских теней. Чудовищная тварь распустила свои тончайшие, как дым, крылья, и положила их на полководца в жутком объятии. Конан увидел лицо Бакры. Оно внезапно стало смертельно бледным, глаза застыли от ужаса — все это Конан разглядел сквозь окутывающие генерала крылья. Исказившиеся черты лица казались белой маской под покрывалом из тончайших черных кружев.

Лошадь генерала зашаталась, закатила глаза и рухнула. Но тень подняла Бакру с седла. Мгновение она несла его по воздуху, медленно взмахивая крыльями, а затем выронила исполосованное окровавленное тело в разорванной одежде. Лицо, которое Конан разглядел сквозь прозрачные туманно-черные крылья, превратилось теперь в кровавое месиво. Так завершилась карьера Бакры из Акифа.

И так завершилась эта битва.

Ряды туранцев точно безумие охватило после того, как они увидели, что лишились своего командира. Отважные ветераны, имеющие за плечами опыт не одной дюжины сражений, с воплями, как зеленые рекруты, помчались прочь с поля боя. Гордые аристократы, уподобляясь боязливым рабам, с воем ударились в бегство. А боевые силы мятежного наместника, оставшиеся невредимыми после атаки летающих теней, использовали свое преимущество, выигранное таким чудовищным образом. Битва проиграна — разве что одному-единственному непоколебимому человеку удастся собрать вокруг себя туранцев, подавая им личный пример.

И вот перед первыми из бегущих солдат внезапно поднялась такая свирепая и дикая фигура, что они тут же испуганно остановили свой панический бег.

— Стойте, подонки, не знающие отцов, или, клянусь Кромом, я угощу ваши трусливые утробы футом доброй стали!

Это был киммерийский наемник, с лицом каменной маски, выражающей смертельную угрозу. Дикие глаза под густыми черными бровями сверкали яростью, как вулканы. Почти голый, с головы до ног забрызганный кровью, с огромным двуручным мечом в могучем, покрытом шрамами кулаке, высился он перед ними. Его голос гремел низкими раскатами грома.

— Назад, если ваши ничтожные жизни еще что-нибудь значат для вас, вы, трусливые собаки, — я говорю: *назад,* или я вырву ваши кишки и размажу их у ваших ног! А, только попытайся поднять на меня саблю, гирканская свинья, и я голыми руками вырву сердце из твоей груди и вобью его тебе между зубов, прежде чем ты успеешь испустить дух! Разве вы бабы, чтоб бежать от теней? Еще совсем недавно вы были мужчинами — да, храбрыми, сражающимися туранскими воинами! Вы стояли против врага с обнаженным клинком и бились, не ведая страха. А теперь

вы вдруг бежите, как маленькие дети, перед ночной тенью! Ба! Кром, да я горжусь тем, что я варвар, — когда я вижу, как вы, изнеженные домоседы, зарываетесь в землю от роя жалких летучих мышей!

И на минуту он остановил их — но только на одну лишь краткую минуту. Чернокрылая тварь из ночного кошмара со свистом опустилась сверху на него, и он — даже он отшатнулся от ее зловещих крыльев теней и вони ее гнилостного дыхания.

Солдаты бежали, бросив Конана наедине с бестией. Но киммериец сражался. Он расставил ноги, взмахнул своим могучим мечом, повернулся и всю силу спины, плеч и крепких рук вложил в удар. Меч сверкнул свистящей дугой и разрубил фантастическое чудовище на две части. Но оно было, как Конан и предполагал, созданием, не имевшим твердого тела, ибо его меч не наткнулся ни на малейшее сопротивление. От рывка он потерял равновесие и упал на каменистую землю.

Над ним в воздухе заколыхалось чудовище. Клинок прорезал в облаке зияющую брешь — так, словно рука прошла сквозь дым и разогнала его. Но пока он еще смотрел на призрачную тень, туманное тело вновь срослось у него на глазах. Над ним пылали глаза — как зеленый мерцающий жар преисподней, исполненные пугающей издевки и нечеловеческие.

— Кром! — прохрипел Конан. Вероятно, это должно было быть проклятием, но прозвучало скорее молитвой.

Он попытался вновь поднять меч, но тот выскользнул из онемевших пальцев. Ибо, когда клинок вторгся в черную тень, он наполнился болезненным холодом, таким, как тот, что, должно быть, царит в бездне среди звезд.

Летучая мышь размахивала над ним широко распростертыми крыльями, словно издевательски потешаясь над своей поверженной жертвой и ее суеверным ужасом.

Бессильными руками Конан пошарил на теле, где полоска невыделанной кожи удерживала на талии импровизированную набедренную повязку. Возле кошеля с этого ремешка свисал тонкий кинжал. Его пальцы, все еще непослушные от обморожения, нащупали, однако, не рукоятку кинжала, а кошель, и коснулись при этом какого-то гладкого и теплого предмета, спрятанного внутри мешочка.

Внезапно Конан отдернул пальцы, когда покалывающий жар потек в него. Его пальцы погладили удивительный

амулет, который он нашел днем раньше, когда они разбили лагерь у Бахари. Прикосновение к гладкому камню высвободило странные силы.

Тварь, похожая на летучую мышь, разом отшатнулась от него. Еще мгновенье назад она подобралась так близко, что его тело содрогалось от неземного холода, излучаемого этим чудовищем. Теперь она, все быстрее взмахивая крыльями, почти в отчаянии улетала от него прочь.

Конан с трудом поднялся на колени. Он сражался со слабостью, сковавшей его тело. Сперва ужасающий холод от прикосновения чудовищной тени, затем покалывающий жар, растекающийся по обнаженному телу, — все это вместе было чересчур даже для его сил. Перед его глазами все расплылось. Рассудок помрачился. Он в ярости потряс головой, чтобы совладать с растерянностью, и осмотрелся.

— Митра! Кром и Митра! Неужто весь мир свихнулся?

Жуткая армия летающего кошмара прогнала с поля боя все войско генерала Бакры, а тех, кто не мог бежать достаточно быстро, уничтожила. Однако не тронула ухмыляющихся воинов Мунтассем-хана, точно солдаты Яралета и тенеподобные чудища были партнерами в нечестивом союзе черной магии.

Но теперь люди Яралета с криком помчались прочь от вампиров-теней. Обе армии в конце концов были рассеяны.

Неужели и вправду мир обезумел, в тоске спрашивал Конан у багрового неба.

Силы и рассудок теперь оставили киммерийца окончательно. Он погрузился в черное забытье.

Глава 2

ПОЛЕ БИТВЫ

Солнце нылало на горизонте горящим углем. Оно бросало мерцающий свет на тихое поле битвы, как красный глаз на безобразном лбу циклопа. Безмолвное, как смерть, усеянное останками бойцов, мрачно простиралось в последних солнечных лучах поле битвы. Тут и там среди мертвецов застыли лужи крови, и солнце отражалось в них.

Темные фигуры, таясь, шныряли в высокой траве и, повизгивая, обнюхивали сваленные в кучи и разбросанные

трупы. Угловатые плечи и отвратительные, похожие на собачьи, морды — степные гиены! Для них поле битвы означало богато накрытый стол.

А в небе парили отвратительные чернокрылые стервятники, желая тоже принять участие в трапезе. Мерзкие птицы набрасывались, шурша крыльями, на изуродованные тела. Но за исключением пожирателей падали, ничто не двигалось на кровавом поле. Оно было безмолвно, как сама смерть. Ни скрип колес боевых колесниц, ни звон бронзовой трубы не прерывали этой неземной тишины. Молчание смерти быстро последовало за грохотом битвы. Как призрачные посланцы судьбы, рои мышей медленно пролетели по небу на заросший камышом берег реки Незвайя, вздувшиеся воды которой тускло светились в последних закатных лучах.

На другой стороне далекого берега высилась огромная черная масса укрепленного города Яралет, как гора эбенового дерева в сумерках.

И все же одна фигура шевелилась на широком поле смерти, как карлик на фоне заходящего солнца. Это был юный киммериец с дикой черной гривой и горящими синими глазами. Черные крылья, сотканные из мертвящего холода межзвездных пространств, лишь слегка задели его. Жизнь теплилась в нем, и сознание к нему возвратилось. Он бродил по кровавому полю тут и там, немного приволакивая ногу, ибо в пылу схватки получил глубокую рану в бедро, которую заметил только сейчас и, как сумел, перевязал, когда вновь пришел в себя и захотел встать.

Осторожно, хотя и нетерпеливо, он нагибался то к одному, то к другому трупу, какими бы окровавленными они ни были. Он был облит кровью с головы до ног, а могучий длинный меч, который он тащил за собой, был красен почти до самой рукояти. Усталым, как собака, был Конан, и в горле у него пересохло. Все его тело болело от десятков ранений — большей частью это были незначительные ушибы, резаные ранки, царапины, если не считать серьезной раны на бедре, — и он тосковал по фляжке с вином и плитке сухарей.

Рыская среди трупов и приседая то перед одним мертвецом, то перед другим, он рычал, как голодный волк, и при этом ругался. Его втянули в эту туранскую войну наемником. Ничто не принадлежало ему, кроме его лошади, ставшей жертвой этой войны, да могучего меча, что

он держал в руке. Теперь, раз битва проиграна, война окончена и он остался один, покинутый среди вражеской страны, он, по крайней мере, надеялся облегчить свою участь, позаимствовав у павших доспехи получше, ибо тем они, без сомнения, не скоро понадобятся вновь. Кинжал, усыпанный драгоценными камнями, золотой браслет, серебряная кираса и тому подобные мелочи были бы для него очень кстати, поскольку с их помощью он купил бы себе путь из царства Мунтассем-хана и мог бы возвратиться в Замору с достаточным количеством звонких монет, чтобы чуток хорошо пожить.

Но кто-то уже ограбил мертвецов до него, то ли воры, пробравшиеся сюда из города, то ли солдаты, возвращавшиеся на поле, с которого бежали. В любом случае, не осталось больше ничего, что стоило бы взять с собой. Только обломки мечей валялись кругом, разбитые копья, погнутые шлемы и щиты. Конан окинул взором усеянную телами равнину и яростно выругался. Слишком долго он пролежал без сознания, даже мародеры успели за это время скрыться. Он был как одинокий волк, который в своей кровожадности убивает добычу за добычей, а когда для него наступает время вонзить в нее зубы, видит, что шакалы уже уволокли ее от него прочь. В этом случае это были всего лишь люди-шакалы.

Он прекратил свои бесполезные поиски и отказался от них с фатализмом истинного варвара. Теперь настало время изобрести какой-нибудь план. Нахмурив лоб и сдвинув брови, он размышлял, тревожно поглядывая на темнеющую степь. Угловатые башни Яралета с плоскими крышами, массивные и черные, вырисовывались на фоне умирающего заката. Тот, кто сражался под стягом короля Илдиза, не может надеяться найти там приют. Но поблизости не было никакого другого города, ни друга, ни врага. А столица Илдиза Аграпур — в сотнях миль южнее...

Погруженный в свои мысли, он не замечал приближения крупной черной фигуры, пока наконец до его ушей не донеслось слабое, почти дрожащее ржание. Он резко повернулся, не забывая при этом о раненой ноге, и угрожающе поднял меч. Усмехаясь, он опустил оружие, когда увидел, кто стоит перед ним.

— Кром! Ты меня здорово напугала! Так я не один тут остался в живых, а?

Конан с облегчением рассмеялся.

Большая вороная кобыла стояла, дрожа, перед варваром и смотрела на него испуганными глазами. Это была лошадь генерала Бакры, который сейчас лежал в луже крови мертвый где-то на этом поле битвы.

Животное снова заржало, услышав приветливый голос. Хотя Конан был невеликий знаток лошадей, но он все же видел, что кобыла была полностью разбита. Дышала она хрипло, шкура блестела от пота, длинные ноги дрожали от усталости. Дьявольские летучие мыши и на нее нагнали ужаса, мрачно подумал Конан. Он заговорил с ней ласковым голосом, попытался успокоить и осторожно подступал к ней все ближе, пока не смог погладить перепуганное животное и прогнать его страх.

На его далекой северной родине лошади были редки. Среди варваров киммерийских кланов, из которых он происходил, только по-настоящему богатые вожди владели лошадьми благородных кровей, либо же отважные воины, добывшие их себе в бою. Но, несмотря на неумение обращаться с этими животными, Конану удалось успокоить кобылу и забраться в седло. Он взял поводья и медленно поехал с поля битвы, ставшего теперь болотом чернильно-черной темноты в ночном мраке. Он сразу же почувствовал себя лучше. В седельных сумках были припасы, а имея сильную лошадь, он получал хороший шанс добраться до заморанских границ по пустынной тундре.

Глава 3

ИЛЬДИКО

Тихий, мучительный стон донесся до его слуха.

Конан дернул поводья и остановился. Он недоверчиво осмотрелся по сторонам в глубокой темноте. По коже побежали мурашки от суеверного страха при этом таинственном звуке. Затем он пожал плечами и испустил проклятье. Это вовсе не ночной призрак, не охотящийся пустынный гуль, это просто стон боли. И он означал, что на поле битвы был еще кто-то третий живой. А от живого можно ожидать, что он не ограблен.

Конан спрыгнул с седла и привязал поводья к ободу разбитого колеса. Стон донесся слева. Здесь, на краю поля

битвы, раненый запросто мог укрыться от острых глаз мародеров. Может быть, он, Конан, все же вернется в Замору с кошельком, полным самоцветов.

Киммериец наклонился к источнику стонов, которые действительно доносились с края равнины. Он раздвинул камыши, росшие скоплениями на берегу вяло текущей реки, и посмотрел вниз, на бледную фигуру, слабо шевелившуюся у его ног. Девушка.

Полураздетая, лежала она перед ним, на ее белом теле были видны бесчисленные легкие ранки и синяки. Кровь засохла на влажных прядях ее длинных черных волос, придавая им такой вид, словно с них свисает цепь рубинов. Боль глядела из ее блестящих глаз, неподвижно уставившихся в пустоту, и она стонала в горячечном забытье.

Киммериец посмотрел на нее сверху вниз, почти безразлично отметил точеную красоту ее фигуры и полную округлую грудь. Он пребывал в замешательстве. Что делает на поле битвы девушка, почти дитя? Она не была похожа на одну из тех потаскушек, что составляют обоз любой армии. Стройное, грациозное сложение говорило о хорошем, возможно, и благородном происхождении. Он в удивлении затряс головой, мотая черной гривой по тяжелым мускулистым плечам. Девушка у его ног пошевелилась.

— *Сердце... Сердце Таммуза... О господин!* — тихо вскрикнула она, беспокойно ворочая темноволосой головой из стороны в сторону. Несомненно, она бредила.

Конан пожал плечами. Его глаза на мгновение потемнели, приняв выражение, которое у кого-нибудь другого можно было бы счесть за сочувствие. Смертельно ранена, подумал он мрачно, и поднял меч, желая избавить несчастную от дальнейших мучений.

Когда клинок взлетел над ее белой грудью, она снова заплакала, как ребенок. Большой меч остановился в воздухе, и киммериец замер на миг в неподвижности, как бронзовая статуя.

Следуя внезапному порыву, он кинул меч обратно в ножны, наклонился и без труда поднял девушку на руки. Она слегка отбивалась и начинала стонать всякий раз, когда сознание, казалось, вновь возвращалось к ней.

С заботливой нежностью вынес он ее на поросший камышам берег и ласково уложил на сухой камыш. Затем зачерпнул речной воды и осторожно умыл ее лицо, промыл

раны. Даже мать не могла бы заботливее обращаться с ребенком.

Ее ранки оказались поверхностными повреждениями, большей частью кровоподтеками, за исключением резаной раны на лбу. И даже эта, хотя и сильно кровоточила, была какой угодно, только не смертельной. Конан пробурчал что-то с облегчением и окатил личико и лоб девушки чистой холодной водицей. Затем довольно неуклюже прижал ее голову к своей груди и влил немного воды между ее полураскрытых губ. Она закашлялась и немного подавилась, затем пришла в себя и уставилась на него темными звездами глаз, казавшихся все еще испуганными и смятенными.

— Кто... что... *летучие мыши!*

— Они исчезли, девочка, — сказал Конан хриплым голосом. — И тебе нечего бояться. Ты из Яралета?

— Да... да... Но кто вы?

— Конан-киммериец. Что могла забыть на поле битвы девочка вроде тебя? — спросил он.

Но она точно не слышала его — в задумчивости хмурила лоб и тихонько повторяла его имя.

— Конан... Конан... да, это имя! — удивленно устремила она взор на его загорелое, покрытое шрамами лицо. — Вы именно тот, кого меня послали разыскать. Как странно, что вам довелось найти меня!

— Да кто же послал тебя выслеживать меня, детка? — пробурчал он недоверчиво.

— Я Ильдико, бритунийка, рабыня в доме Аталиса-Видящего-Далеко, что живет там, в Яралете. Мой господин в великой тайне отправил меня на розыски. Я должна найти среди воинов короля Илдиза одного по имени Конан, киммерийского наемника, и незаметно доставить в город, в дом господина. Вы — тот человек, которого я должна найти!

— Впрямь? И чего же твой господин от меня хочет?

Девушка тряхнула темными волосами.

— Этого я не знаю. Но он велел мне вас заверить, что не замыслил против вас ничего дурного и что вы получите много золота, если пойдете со мной к нему.

— Золота, говоришь? — пробормотал он в раздумье. Он помог ей подняться на ноги и подхватил своей мускулистой лапой за узкие белые плечи, когда она зашаталась от слабости.

— Да, но я добралась до поля битвы, не успев раньше, чем началось сражение. Так что я спряталась в камышах

на берегу реки, чтобы сражающиеся не заметили меня. И тогда... появились летучие мыши! В одно мгновение они оказались повсюду! Они низвергались с небес на бойцов и убивали их чудовищным способом. Один всадник бежал от них в камыш и проехался, сам того не ведая, прямо по мне...

— Что с этим всадником?

— Мертв. — Она содрогнулась. — Одна из летучих мышей сорвала его с седла и бросила его труп в реку. Я потеряла сознание, ибо в своем ужасе лошадь ударила меня... — Она подняла руку и коснулась своего рассеченного лба.

— Тебе повезло, что она не пришибла тебя насмерть, — проворчал варвар. — Так что, детка, навестим твоего господина, чтобы узнать, чего он хочет от Конана и откуда ему известно мое имя.

— Вы пойдете? — переспросила она еле слышно. Он рассмеялся, вскочил на свою кобылу и крепкой рукой втянул девушку в седло впереди себя.

— А почему бы и нет? Я здесь один, во вражеской стране, а это означает, что у меня нет больше обязательств перед Илдизом, с тех пор как армия Бакры разбита. Так почему же я должен сомневаться, стоит ли мне знакомиться с человеком, который выбрал из десяти тысяч воинов именно меня и предлагает мне золото?

Они поскакали через брод по реке и по сумеречной равнине к Яралету, цитадели Мунтассем-хана. И сердце Конана, которое никогда не бывало счастливее, чем в преддверии новых приключений, яростно колотилось от ожидания.

Глава 4

В ДОМЕ АТАЛИСА

Необычное совещание состоялось в маленьком, освещенном свечами покое с бархатными драпировками в доме Аталиса, которого одни называли философом, другие — провидцем, а третьи — негодяем.

Эта загадочная личность была стройным человеком среднего роста, с впечатляющей головой ученого и лицом аскета,

и все же нечто в его гладком лице и острых глазах выдавало в нем искушенного купца. На нем была простого покроя хламида из дорогой ткани, а череп гладко выбрит, что характеризовало его как человека науки и искусства. Со своим посетителем он говорил тихим голосом. Третьему, окажись он здесь, вероятно, бросилась бы в глаза такая странность — во время беседы Аталис жестикулировал только левой рукой. Правая в неестественном положении лежала на коленях, и то и дело его умное, спокойное лицо искажала внезапная ужасная боль, и в тот же миг правая нога, скрытая хламидой, начинала мучительно выворачиваться в суставах.

Его гость был известен в городе Яралет как принц Тан, отпрыск древней и зажиточной туранской семьи. Принц был рослым, стройным, как тополь, человеком, он был молод и неоспоримо хорош собой. Прямая осанка и жесткое выражение холодных серых глаз не соответствовали его тщательно завитым, напомаженным локонам и чрезмерно роскошной, украшенной драгоценными камнями одежде.

Возле Аталиса — он сидел в кресле из темного дерева с высокой спинкой, на которой с педантичной тщательностью были вырезаны гримасничающие рожи,— стоял маленький эбеновый столик, инкрустированный желтой слоновой костью. На этом столике лежал огромный обломок зеленого кристалла размером с человеческую голову. Он источал таинственное сияние. Через неравные промежутки времени философ прерывал тихую беседу и заглядывал глубоко в недра сверкающего камня.

— Найдет ли она его? И пойдет ли он за ней следом? — в отчаянии вопрошал принц Тан.

— Он придет.

— Но каждое уходящее мгновение увеличивает опасность. Уже сейчас Мунтассем-хан может наблюдать за нами, и для нас опасно, если нас увидят вместе...

— Мунтассем-хан покоится в глубокой дреме сновидений, навеваемых лотосом, ибо тени Нергала поднялись к часу заката, — заверил его Аталис. — И мы должны пойти на риск, чем бы он ни обернулся, худом ли, благом ли, если мы хотим, чтобы город был наконец освобожден от этого кровопийцы! — Внезапно его черты исказила гримаса почти непереносимой муки, затем они вновь разгладились. Он яростно продолжал: — Вам слишком хорошо известно, о принц, как мало времени нам еще осталось. Отчаявшиеся люди должны прибегать к отчаянным средствам!

Внезапно и лицо принца Тана исказила паника, и он обратил на Аталиса глаза, разом ставшие такими же безжизненными, как холодный мрамор. Но с той же быстротой, с какой охватил его приступ, жизнь возвратилась в его взор. Бледный, истекающий потом, он откинулся на спинку кресла.

— Слишком... мало времени! — прохрипел он.

Невидимый гонг тихо ударил где-то в темном, тихом доме Аталиса-Видящего-Далеко. Аталис поднял левую руку, делая знак принцу, испуганно вытянувшемуся в кресле, оставаться на месте.

Мгновением позже одна из бархатных драпировок отодвинулась, и показалась потайная дверца. В дверном проеме стояла, точно кровавый призрак, могучая фигура киммерийца, с девушкой, в полубессознательном состоянии опиравшейся на его руку.

С тихим вскриком радости философ вскочил и бросился навстречу угрюмому варвару.

— Добро пожаловать... трижды добро пожаловать, Конан! Давайте же, входите! Вот вино... немного перекусить...

Он указал на столик у стены и забрал у Конана бессильно падающую девушку. Ноздри киммерийца расширились, как у изголодавшегося волка, когда он почуял запахи съестного. Однако — опять же совершенно как волк, опасающийся ловушки, — он обвел пылающими синими глазами улыбающегося философа, бледного принца, обшарил взглядом каждый уголок маленького покоя.

— О девчушке позаботьтесь. Лошадь побила ее копытами, но она все же передала ваше послание по назначению, — проворчал он. Не чинясь, он тяжелым шагом прошелся по комнате, налил густого красного вина в кубок и опорожнил его. Затем оторвал поджаристую ножку от куропатки и жадно зачавкал. Аталис потянул за шнур звонка и перепоручил девушку немому рабу, выступившему, как по колдовству, из-за другой драпировки.

— Ну, так в чем дело? — спросил киммериец. Он уселся на низенькую скамейку и вздрогнул, когда боль пронзила его, напомнив о зияющей ране на бедре. — Кто вы такой? Откуда знаете мое имя? И чего от меня хотите?

— Мы еще сможем побеседовать с вами и потом, — ответил Аталис. — Ешьте и пейте, затем передохните. Вы ранены...

— К Крому все эти проволочки! Говорить будем *сейчас!*

— Хорошо, хорошо, как хотите. Но вы должны мне позволить промыть и перевязать ваши раны, пока мы разговариваем.

Киммериец нетерпеливо передернул плечами и нехотя разрешил философу сделать то, чего тот потребовал. Пока Аталис промывал большую рану губкой, посыпал ее толстым слоем пахучего порошка и перевязывал чистыми полосами ткани, киммериец утолял голод, жадно поглощая тонко приправленное холодное жареное мясо и вливая в себя без устали красное вино.

— Я знаю вас, хотя мы никогда не встречались, — сказал Аталис мягко. — Я видел вас в хрустальном шаре, который вы видите здесь, на столе. В его глубине я могу видеть и слышать за сотни миль.

— Колдовство? — кислым тоном осведомился Конан, как всякий воин, презирая всю эту магическую дребедень.

— Если вам угодно называть это так. — Аталис улыбнулся своей располагающей улыбкой. — Но я не волшебник, а всего лишь искатель истины. Кое-кто называет меня философом...

Его улыбка исказилась, превратившись в жуткий оскал боли, и, чувствуя мурашки на коже, Конан увидел, как зашатался Аталис, когда его ногу свело ужасной судорогой.

— Кром! Вы что, больны, приятель?

Хрипя от боли, Аталис рухнул в свое кресло с высокой спинкой.

— Не болен... проклят. Этим дьяволом, который владычествует над нами со своим скипетром адской магии...

— Вы говорите о Мунтассем-хане?

Аталис устало кивнул.

— То, что я не волшебник, спасало мне жизнь до сей поры. Ибо наместник велел перебить всех магов в Яралете. Меня же, поскольку я только маленький философ, он оставил жить. Однако он подозревает, что я чуть-чуть разбираюсь в Черном Искусстве, и поэтому наградил меня этим смертельным проклятием. Оно пожирает мою плоть, терзает мои нервы и слишком скоро приведет меня к предсмертной агонии! — Он показал на свою неестественно вывернутую руку, неподвижно лежащую у него на коленях.

Принц Тан дикими глазами смотрел на Конана.

— И я тоже проклят этим отродьем преисподней, ибо мое положение — следующее за постом наместника, и он думает, что я алкаю его трона. Меня он мучает иным образом — терзая мозг, и все время меня охватывают приступы, отнимающие зрение у глаз, которые в конце концов лишат меня рассудка и превратят в бездушную, слепую, скулящую тварь!

— Кром! — тихо выругался Конан.

Философ сделал беспомощный жест.

— Вы — наша единственная надежда! Только вы можете спасти наш город от этого не ведающего пощады дьявола, мучающего и терзающего нас.

Конан уставился на него, ничего не понимая.

— Я? Но я-то не волшебник, приятель! Все, чего может добиться воин с обнаженной сталью, я совершить в состоянии, но чего я стою против Черного Искусства?

— Выслушайте меня, Конан из Киммерии! Я расскажу вам странную и ужасную повесть...

Глава 5

РУКА НЕРГАЛА

В городе Яралет, как рассказывал Аталис, при наступлении ночной темноты люди запирают на засовы двери и окна и, дрожа, прячутся в своих жилищах. Исполненные ужаса, они возносят молитвы перед изображениями своих домашних божеств, освещенных свечами, пока чистый ясный свет нового дня не польется от огненных лучей встающего солнца на темные городские башни.

Ни один лучник не охраняет ворот. Ни одного стражника нет на пустынных улицах. Воры не крадутся по узким переулкам, размалеванные продажные женщины не зазывают из темных дверных проемов. В Яралете равно страшатся теней ночи и подонки, и честные люди. Воры, попрошайки, наемные убийцы и разукрашенные девки ищут убежища в вонючих норах греха или в мрачных кабаках. С наступлением сумерек и до рассвета Яралет — город безмолвия, и безлюдны его темные улицы и переулки.

Не всегда было так. Некогда это был зажиточный город, где процветала торговля, где было множество лавок

и магазинов всех родов, и базаров, где было все, чего только пожелает сердце. Здешний люд был счастлив, ибо крепкая рука мудрого и добросердечного правителя Мунтассем-хана охраняла их. Он не облагал жителей слишком высокими налогами и правил справедливо и милостиво, и, кроме того, занимался своей личной коллекцией антиквариата и изучал все те древние редкости, которые занимали его острый ум исследователя. Среди купцов в караванах всегда имелись те, кому он давал поручение выискивать различные необычные ценности, которые они затем добывали для приватного собрания своего господина.

Но в одно мгновение он внезапно переменился, и страшная тень опустилась над Яралетом. Это было так, словно злые чары овладели наместником. Насколько прежде он был добр, настолько стал теперь жесток, и там, где он был великодушен, стал он алчен, и где был справедлив и милостив, стал ныне тираничен и неукротим.

И тогда его костоломы начали аресты — аристократы, богатые купцы, жрецы, чародеи — все они были брошены в подземелья дворца наместника, и никто их больше не видел.

Шептали, что один караван с далекого Юга привез кое-что из Стигии, где гнездятся демоны. Лишь немногие видели это «кое-что», и из этих немногих один, дрожа, рассказывал, что эта штука покрыта странными грубыми иероглифами, похожими на те, что можно видеть на пыльных гробницах древней Стигии. Очевидно было воздействие на наместника злых чар, и им овладели неведомые силы Черной Магии. Чудовищные силы спасли его от тех отчаявшихся патриотов, которые, во имя блага города, подготовили покушение на него. Ужасный алый свет пылает в окнах высокой башни его дворца. Поговаривают, что несколько пустых покоев там он превратил в храм мрачного кровожадного бога.

И ныне Ужас подстерегает на улицах ночного Яралета, точно сам дьявол вызвал его страшным заклятием из предела мертвых.

Что это такое — то, чего они страшатся в ночи, — испуганные горожане не могут объяснить в точности. Но это не плод пустого воображения — то, из-за чего они закладывают засовы окон и дверей. Шепчут, что рыскающих, похожих на летучих мышей существ видели в щелку ставен. Туманные твари, созданные из тени, — вот

что они такое, должно быть, каких человечество не знает, и каких рассудок медлит признать, охотнее ища убежища в безумии. Ходят слухи о разбитых дверях, об ужасных криках и нечеловеческих воплях, исторгаемых человеческим горлом, после чего воцаряется тяжелое, недоброе, полное молчание. И эти разбитые двери болтаются в петлях при свете встающего солнца, и дома, охраняемые ими, внезапно оказываются непостижимым образом опустевшими...

Это чудовищное «нечто» из Стигии была Рука Нергала.

— Она выглядит кистью с когтеобразными пальцами, вырезана из желтоватой слоновой кости и сплошь покрыта странными иероглифами забытого языка. Пальцы-когти охватывают мутный хрустальный шар. Я знаю, что наместник владеет этим шаром, ибо я видел это сам... — он сделал знак рукой, — в моем собственном кристалле. Ибо, хоть я и не маг, я все же немного обучался Искусству.

Конан беспокойно зашаркал ногами.

— И вы знаете еще что-нибудь об этой... штуке?

Аталис слабо улыбнулся.

— О, да. Старые надписи доносят до нас сведения о ней и могут поведать темные легенды ее кровавой истории. Слепой провидец, написавший «Книгу Скелоса», знал ее хорошо... «Рука Нергала» — называют ее с дрожью. Полагают, что она упала со звезды прямо на Закатные острова на самом дальнем Западе, много столетий назад, еще до того как король Кулл объединил под своим стягом Семь Царств. Невообразимо много времени протекло на Земле, с тех пор как первые бородатые рыбаки-пикты выудили ее из глубин и в удивлении уставились в ее пламя, полускрытое тенями.

Они пустили ее в торговый оборот, обменяв с жадным купцом из Атлантиды, и так она пустилась в путь по свету на Восток. Старые, седобородые чародеи Древней Тулы и темного Гондара испытывали ее чары в своих пурпурных и серебряных башнях. Люди-змеи Валузии, где бродят тени, заглядывали в ее пылающую глубину. С ее помощью Ком-Язот одолел Тридцать Королей, однако затем Рука обратилась против него и покончила с ним. «Книга Скелоса» сообщает, что поначалу Рука наделяет своего владельца невероятной властью, а затем приносит ему ужаснейшую гибель.

Только ровный голос философа нарушал тишину покоя, но черноволосому воину чудилось, как во сне, что он слышит далекий отзвук громыхающих боевых колесниц, звон

оружия, крики терзаемых владык, теряющих царства, что погибли, взорвавшись, в один миг...

— Когда весь Древний Мир был сотрясен Катаклизмом, и зеленое море захлестнуло разбитые башни погибшей Атлантиды, и царства одно за другим рассыпались в руины, было утеряно и Знание о Руке. Три тысячи лет дремала она, но когда воспряли молодые королевства Коф и Офир и постепенно поднялись из сумерек варварства, Рука вновь была найдена. Темные короли-чародеи мрачного Ахерона изучили ее тайны, и, когда отважные хайборийцы растоптали это ужасное царство, она оказалась на Юге, в таинственной Стигии, где кровавые жрецы этой черной страны использовали ее для чудовищных обрядов, о которых я не смею говорить. Она исчезла с лика земли, когда один из темных чародеев был убит, ибо была погребена вместе с ним, и, таким образом, человеческий глаз не видел ее много-много столетий... Однако теперь, кажется, ее нашли грабители могил, и каким-то образом она оказалась во владении Мунтассем-хана. Искушение абсолютной властью, которое она предлагает всем, кто считает ее своей собственностью, погубило его, как губило оно бесчисленное число других, подпавших под ее страшные чары. Я страшусь за все страны этого мира, киммериец, поскольку теперь рука демона пробудилась, и вновь начали бродить по земле мрачные силы...

Голос Аталиса смолк. Воцарилось молчание. Конан тоскливо пробурчал нечто нечленораздельное, чувствуя, как волосы у него на затылке встают дыбом.

— Ну так что... Кром! Что же мне со всем этим делать?

— Только вы один можете прекратить влияние этого чудовищного талисмана на дух наместника!

Горящие глаза расширились.

— Я? Но как?

— Вы владеете талисманом, противодействующим силе Руки.

— Я? Как вам пришла в голову эта идея? Я не держу никаких амулетов и тому подобного магического хлама...

Подняв руку, Аталис прервал его.

— Перед битвой вам не случалось найти какой-нибудь необычный предмет? — мягко спросил он.

Конан в изумлении глянул на него.

— Да, действительно, вчера вечером, когда мы разбили лагерь у Бахари... — Он сунул руку в мешочек и вынул оттуда гладкий, светящийся камень.

Философ и принц воззрились на него, затаив дыхание.

— *Сердце Таммуза!* Да, воистину, противодействующий талисман!

Камень действительно имел форму сердца и был размером с детский кулачок, это был золотистый янтарь или, может быть, редкий желтый жад. Он пылал мягким огнем в руке варвара, который внезапно с глубоким благоговением вспомнил, как пульсирующее тепло талисмана изгнало из его тела сверхъестественный холод теней.

— Идемте, Конан! Мы будем сопровождать вас. Существует потайной ход из этого покоя в аудиенц-зал наместника — подземный туннель, схожий с тем, по которому моя невольница Ильдико доставила вас сюда, проведя через весь город под улицами. Сердце Таммуза защитит вас. Под его защитой вы убьете Мунтассем-хана или уничтожите Руку Нергала. Нет никакой опасности, поскольку наместник погружен в глубокий магический сон, одолевающий его всякий раз, как он призывает тени Нергала, что он сделал на закате солнца, чтобы разбить туранскую армию короля Илдиза. Так что идемте!

Конан подошел к столику и осушил последний бокал вина. Затем пожал плечами, изрыгнул проклятье, помянув Крома, и последовал за хромым провидцем и стройным принцем в темный дверной проем, открывшийся за настенным ковром.

В несколько секунд они исчезли, и покой остался пустым и тихим, как гробница. Единственное движение исходило из мерцающего светом зеленого хрустального шара возле кресла. В его глубине была видна крошечная фигурка Мунтассем-хана, лежащего в оцепенении сна в своем огромном зале.

Глава 6

СЕРДЦЕ ТАММУЗА

Они шли по бесконечной темноте. Вода капала с потолка туннеля, высеченного в скале, и тут и там на полу сверкали красные крысиные глазки, прежде чем крысы с яростным писком разбегались, удирая в безопасное место от странных созданий, вторгшихся в их подземное царство.

Аталис шел впереди. Здоровой рукой он вел вдоль неровной стены туннеля.

— Я не стал бы обременять вас этой просьбой, мой юный друг, — прошептал он. — Но именно в ваши руки попало Сердце Таммуза, и я чувствую определенную причину — смысл — в его выборе. Существует сродство между противоборствующими силами, той темной силой, которую мы называем «Нергал», и силой Света, что для нас «Таммуз». Сердце пробудилось и потребовало — способом, о котором мы даже не имеем представления, — чтобы его нашли: ибо Рука тоже пробудилась и уже творила чудовищные злодейства. И поскольку силы, кажется, избрали вас для этого подвига, я отыскал вас... ш-ш!.. Сейчас мы уже находимся под дворцом. Мы почти у цели... — Он провел здоровой рукой по грубой поверхности скальной стены — то был конец туннеля. Огромный камень беззвучно скользнул в сторону. Навстречу им замерцал слабый свет.

Они стояли в конце огромного сумрачного зала, высокий купольный свод терялся в темноте. В середине зала, пустого, если не считать ряда массивных колонн, стоял пьедестал и на нем — тяжелый трон из черного мрамора. Там покоился... Мунтассем-хан.

Он был среднего возраста, однако худ и истощен. Белая, как бумага, нездоровая кожа обтянула кости лица, ставшего почти маской смерти — черепом, и темные круги залегли под запавшими глазами. Он скорее лежал, чем сидел, и прижимал к груди посох из слоновой кости, как скипетр. Навершие посоха было сработано в форме демонской костистой лапы. Она держала дымчатый кристалл, пульсирующий медленными вспышками пламени, как живое сердце. Из медной чаши возле трона поднимался дым с одурманивающим запахом. Он исходил от наркотического лотоса, испарения которого применяют чародеи, чтобы подчинить себе нергаловых демонов из тени. Аталис подергал Конана за руку.

— Смотрите — он еще спит! Сердце Таммуза защитит вас. Заберите у него руку из слоновой кости, и он лишится всей своей власти!

Конан пробурчал под нос согласие, довольно неохотное, и с обнаженным мечом в руке шагнул к трону. Было в этой истории нечто такое, что ему очень не нравилось. Слишком уж просто...

— А, господа мои. Я ждал вас.

С пьедестала Мунтассем-хан бросил им улыбку, в то время как они застыли, точно парализованные. Его голос прозвучал мягко, однако в нездоровых глазах пылал неистовый гнев. Он поднял скипетр из слоновой кости и сделал им знак...

Свет призрачно заморгал. И внезапно закричал хромой ясновидец, да так, что обоих его спутников дрожь пробрала до мозга костей. Его мышцы свело приступом непереносимой боли. Он упал на мраморные плиты, извиваясь от боли.

— Кром!

Принц Тан схватился за свою саблю, однако жест колдовской руки заставил его остановиться. Теперь глаза его были пусты и безжизненны. Холодный пот выступил на его побледневшем лбу. Он закричал пронзительно и рухнул на колени, отчаянно впиваясь ногтями в виски в попытке утихомирить ужасную боль, терзавшую его мозг.

— А вы, мой юный варвар!

Конан сделал прыжок. Он подскочил к врагу, точно пантера, наносящая удар. Движение сильного тела было таким стремительным, что его почти невозможно было разглядеть. Он был уже на первой ступеньке, прежде чем Мунтассем-хан успел хотя бы пошевелиться. Меч взлетел вверх, задрожал и выпал из обессилевших пальцев. Волна арктического холода сковала его руки и ноги. Она накатила из затуманенного драгоценного камня в когтях из слоновой кости. Конан хрипло хватал ртом воздух.

Сверкающие глаза Мунтассем-хана жгли его глаза. Лицо, похожее на маску мумии, исказило жуткое подобие улыбки.

— Сердце действительно охраняет, однако лишь того, кто умеет призывать его силу! — торжествовал наместник. Он засмеялся, когда киммериец тщетно пытался возвратить силу своему оледеневшему телу. Конан сжал зубы, яростно сопротивляясь ледяному потоку и смердящей черноте, медленно захлестывающих его из демонического кристалла. Сила истекала по капле из его тела, точно вино из дырявого сосуда. Он опустился на колени и распростерся у подножия пьедестала. Он чувствовал, как его сознание точно съежилось, превратилось в крошечную, заброшенную точечку света в бесконечной черноте. Последние вспышки его воли

трепетали, как пламя свечи на штормовом ветру. Со всем диким, непоколебимым упорством своей варварской натуры он, несмотря на очевидную безнадежность, продолжал сопротивляться...

Глава 7

СЕРДЦЕ И РУКА

Пронзительный женский вопль. При этом неожиданном звуке Мунтассем-хан вздрогнул. Его внимание отвлеклось от Конана — чародейский натиск на мгновение оборвался — и в это короткое мгновение из-за одной из колонн выскочила обнаженная стройная девушка со сверкающими темными глазами и копной темных вьющихся волос и подбежала к беспомощному киммерийцу.

Сквозь пелену гудения и тумана, в полубессознательном состоянии, Конан уставился на нее. Ильдико?

Стремительно упала она на колени возле него. Белая рука торопливо проскользнула в его кожаный кошелек и схватила Сердце Таммуза. Гибким движением вскочила она на ноги и швырнула противодействующий талисман в лицо Мунтассем-хану.

Амулет звучно ударил его между глаз. Взгляд наместника затуманился, он без сил поник на подушках своего черного трона. Рука Нергала выскользнула из обмякших пальцев и покатилась по мраморным ступеням.

В тот же момент — ибо талисман выпал из руки наместника — чары, терзавшие Аталиса и принца Тана непереносимой мукой, прервались. Бледными, изнуренными, потрясенными были они, но свободными и невредимыми. И могучая сила киммерийца возвратилась в его распростертое на полу тело. С проклятием он вскочил на ноги. Одной рукой он ухватился за круглое плечо Ильдико и оттолкнул ее подальше от опасного места, а другой поднял свой меч с мраморных плит. Он изготовился нанести удар.

Однако застыл, от удивления захлопав глазами. С каждой стороны от наместника лежало по талисману. И из обоих поднялись призрачные явления.

Из Руки Нергала высвободились мерцающие темным светом клубы, почти осязаемо источающие Зло — то было

сияние тьмы, подобное глянцу полированного эбенового дерева. Смердящая вонь преисподней была его нечестивым дыханием, и его прикосновение несло в себе непереносимый холод межзвездного пространства. Перед его приближением заколебалось оранжевое сияние коптящих факелов. Эта структура, похожая на сеть, разрасталась, ширилась, вытягивая все дальше змеиные щупальца светящейся черноты.

Но вот золотой венец лучей поднялся вокруг Сердца Таммуза. Он тоже разрастался и превратился в облако ослепительного янтарного огня. Жар тысяч гейзеров исходил от него, пожирая арктический холод, а лучи глубокого золотого света разрывали чернильно-черный призрак Нергала.

Обе космические силы набросились друг на друга и вступили в смертельную схватку. Неуверенным шагом Конан отступил перед этой битвой богов и присоединился к двум своим спутникам. Полные благоговейного ужаса, созерцали они сверхчеловеческую борьбу. Дрожа, обнаженная Ильдико прижалась к нему, и он обхватил ее рукой...

— Как ты попала сюда, девочка? — спросил он.

Она слабо улыбнулась одними глазами, в которых еще не исчез страх.

— Я пришла в себя после обморока и вошла в покои господина. Там было пусто. Но в его кристалле ясновидения я увидела ваши изображения — как вы прокрадываетесь в зал наместника. А потом наблюдала за тем, как он очнулся и чудовищно играл с вами — и когда я увидела, что вы беспомощны и полностью в его власти, я решила все поставить на Сердце...

— Ну и хорошо, что ты так поступила, — мрачно похвалил ее киммериец. Аталис взял его за руку.

— *Смотрите!*

Золотой туман Таммуза теперь превратился в гигантскую сверкающую фигуру непереносимо ослепительного света, в чем-то похожую на человека, но такую титаническую, как те колоссы, что эпохи назад были изваяны мастерами в скалах Шема.

Но и темный образ Нергала вырос до чудовищной величины. Теперь это было гигантское черное, как эбеновое дерево, Нечто, настолько отвратительное по форме, что напоминало скорее гигантскую обезьяну, чем человека. В туманных клочьях, из которых была слеплена его голова, изумрудно-зеленым огнем горели глаза.

Обе Силы бросились друг на друга с громоподобным, оглушительным треском, точно столкнувшиеся миры. Стены закачались под натиском титанического, космического единоборства. Воздух наполнился едким дымом. Искры, длиною в фут, трещали и вспыхивали, пролетая по сгустившемуся воздуху, когда грянули друг о друга золотой бог и тенеподобный черный демон.

Лучи невыносимо яркого света пронзили клубящиеся клочья тени. Молнии огромной мощи разорвали ее в крошечные клочки темноты, разгоняемые ветром. Краткий миг еще мрачная фигура окутывала и затемняла лучащееся золотое божество — но это длилось лишь последнее летучее мгновение. Затем раздался грохот, сотрясший землю, и чернота развеялась в объятиях непереносимого света — и исчезла. Еще секунду колебалась над пьедесталом светящаяся фигура, и ее пламя поглотило его, как кучу хвороста, — затем больше ничего не было видно.

Тишина царила теперь в аудиенц-зале Мунтассем-хана. Вместе с троном и пьедесталом в огне исчезли оба амулета — рассыпавшись ли на атомы под воздействием сражающихся космических сил, или же вновь возродившись где-то, чтобы ожидать пробуждения созданий, которые они хранили в себе и символами которых служили, — этого никто не мог сказать.

А труп на пьедестале? От него не осталось ничего, кроме горстки золы.

— Сердце всегда сильнее руки, — прошептал Аталис в тишине, такой полной, что замирало дыхание.

Сильной рукой Конан натянул поводья вороной кобылы. Она дрожала в нетерпении пуститься галопом, и копыта беспокойно постукивали по булыжной мостовой. Киммериец улыбнулся от уха до уха, его варварская кровь отзывалась на рвение благородного животного. Просторный плащ алого шелка ниспадал с его широких плеч, а там, где не было шелка, серебром сверкала в утреннем солнце новая кольчуга.

— Стало быть, вы полны решимости покинуть нас, Конан? — спросил принц Тан, облаченный в роскошные одежды нового наместника Яралета.

— Да. Ваша гвардия — слишком скучно для меня. Я жажду принять участие в новой войне, которую король

Илдиз хочет вести против горских племен. Недели ничегонеделания и горстки мира мне вполне хватило. Живите счастливо, Тан и Аталис!

Он резко дернул поводья, повернул вороную и проехал через внутренний дворик дома ясновидца. Аталис и принц дружески смотрели ему вслед.

— Как необычно, что наемник удовольствовался оплатой, меньшей, чем он мог бы получить, — заметил новый наместник. — Я предложил Конану ларец, полный золота, он мог бы провести с этим остаток своих дней в покое и удобстве. Но он только набил кошелек, выбрал себе оружие и одежду и оставил себе лошадь, которую нашел на поле боя. Слишком много золота — так он сказал — будет только мешать ему в дороге.

Аталис пожал плечами, затем с улыбкой показал на противоположную сторону двора. Из двери вышла стройная бритунийская девушка с длинными черными волосами. Она подошла к Конану, остановившему лошадь и склонившемуся в седле, чтобы поговорить с ней. Они обменялись несколькими словами, затем варвар потянулся вниз, обвил рукой ее узкую талию и поднял девушку на седло впереди себя. Она села боком, обеими руками обвила его шею и прижалась головой к его груди.

Конан повернулся к обоим наблюдателям, поднял руку в приветственном жесте и широко улыбнулся им, после чего ускакал, увозя с собой хорошенькую девушку.

Аталис рассмеялся:

— Есть все-таки люди, которые сражаются не только ради золота!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЕМОН

Глава 1

Рыбак ощупал рукоять своего ножа и проверил, как лезвие вынимается из ножен. Жест был инстинктивным, так как причина беспокойства вряд ли могла быть устранена с помощью ножа, даже такого зазубренного, кривого лезвия, которое одним ударом снизу вверх вспороло бы и человека. Ни человек, ни зверь не угрожали рыбаку в его одиночестве. Именно это полное отсутствие какого-нибудь живого существа на острове Ксапур, изобилующем диковинными строениями, напоминающими замки, угнетало рыбака.

Он только что вскарабкался на утесы, пробравшись сквозь джунгли, окружающие их, и теперь стоял среди немых свидетелей угасшей жизни. Под деревьями виднелись полуразрушенные колонны, вкривь и вкось тянулись остатки обвалившихся стен, а под ногами была широкая мостовая, растрескавшаяся, развороченная крепкими корнями деревьев.

Рыбак был типичным представителем того странного народа, происхождение которого терялось во мраке далекого прошлого. Они жили в примитивных рыбацких хижинах вдоль южного побережья моря Вилайет с незапамятных времен. Рыбак был плотно скроен, с длинными обезьяньими руками и мощной грудью, но с тощими бедрами и тонкими кривыми ногами. Его широкое лицо срезалось низким покатым лбом, волосы были густые и спутанные. Из одежды на нем был только пояс, на котором висел нож, и лохмотья, заменяющие набедренную повязку.

То, что рыбак оказался здесь, свидетельствовало о меньшей степени тупого безразличия, в котором пребывали его сородичи. Они редко посещали Ксапур. Остров был необитаем и почти забыт — просто один из мириады островов, которые рассеяны в огромном внутреннем море. Люди про-

звали остров «Ксапур Твердокаменный» из-за его руин — остатков какого-то древнего царства, исчезнувшего и забытого еще до нашествия на юг хайборнских завоевателей. Никто не знал создателей этих сооружений, хотя среди юетши еще существовали малоприятные полузабытые легенды, которые смутно намекали на какую-то неизмеримо древнюю связь между рыбаками и неизвестным островным царством.

Однако уже прошли тысячелетия с тех пор, как кто-нибудь из юетши понимал значение этих сказаний. Люди повторяли их теперь, как бессмысленные заклинания, которые их губы привыкли произносить по традиции. Ни один юетши не добирался до Ксапура по крайней мере уже сотню лет. Ближайшее побережье моря было тоже безлюдным, только страшные хищные звери населяли непроходимые тростниковые болота. Деревня рыбака была расположена на некотором расстоянии к югу от этих болот. Шторм отнес утлое суденышко далеко от привычных мест и выбросил на острые скалы острова. Крушение произошло этой ночью в ярких вспышках молний и реве волн. Сейчас на рассвете небо было чистое и голубое; в лучах восходящего солнца капли на мокрых листьях сверкали, как драгоценные камни.

Рыбак взобрался на утесы, к которым его прибило ночью, потому что в водовороте шторма видел над этим местом потрясающий по своей силе разветвленный разряд молнии с аспидно-черных небес. Толчок от удара потряс весь остров. Он сопровождался таким оглушительным треском, какой вряд ли был бы возможен при попадании молнии в дерево.

Смутное любопытство побудило юетши к исследованию, и теперь он обнаружил то, что искал. При этом им овладело беспокойное чувство; он, как животное, ощущал скрытую опасность.

Среди деревьев возвышалось разбитое куполообразное строение, сложенное из гигантских блоков особого, подобного железу, зеленого камня, встречающегося только на островах Вилайета. Казалось невероятным, что человеческие руки могли вытесать и сложить эти монолиты, и конечно же за пределами человеческих сил было разрушить это сооружение. Но удар молнии расколол многотонные блоки, как стекло, и превратил некоторые из них в зеленую пыль. В результате свод купола был снесен почти целиком.

Рыбак пробрался через обломки и огляделся. То, что он увидел, заставило его издать звук, похожий на мычание. Внутри разрушенного купола в зеленой пыли, среди кусков разбитой каменной кладки лежал человек. Он лежал на золотом блоке. Одежда человека состояла из чего-то вроде юбки, подпоясанной шагреневым поясом. Черные волосы, ниспадавшие ровно подстриженной гривой на массивные плечи, придерживались у висков узким золотым обручем. На обнаженной мускулистой груди лежал необычный кинжал с широким серповидным лезвием и обтянутой шагренью рукоятью, навершье которой было украшено драгоценностями. Кинжал во многом напоминал нож, который рыбак носил у бедра, но край клинка не был зазубрен и совершенно определенно сделан был гораздо искуснее.

У рыбака разгорелись глаза при виде удивительного оружия. Человек, конечно, был мертв, он был мертв уже много веков. Этот купол стал его гробницей. Рыбаку не пришло в голову удивиться поразительному искусству древних, которые сумели сохранить тело в таком чудесном состоянии, что оно совсем не было тронуто тлением, а мускулы на руках и ногах так же, как вся плоть под темной кожей, выглядели плотными и объемными, словно живые. Скудные мозги юетши не вмещали так много мыслей сразу. В этот момент его обуревало единственное желание иметь кинжал, изысканность формы которого он остро чувствовал, хотя вряд ли мог сформулировать это в словах. Глядя на волнистые линии тускло мерцающего лезвия, он забыл обо всем.

Рыбак сполз, цепляясь за обломки, внутрь развалин бывшего купола и схватил кинжал с груди лежащего. И в тот же миг произошло нечто невероятное и ужасное. Мускулистые темные руки конвульсивно вскинулись, а веки резко поднялись, открыв огромные черные магнетические глаза. Взгляд этих глаз подействовал на вздрогнувшего от испуга рыбака, как физический удар. Он отпрянул в смятении, выронив украшенный драгоценностями кинжал. Человек на возвышении с усилием приподнялся и сел, а рыбак широко открыл рот от изумления, только сейчас обнаружив невероятные размеры поднявшегося. Сузившиеся глаза притягивали юетши, в этих прищуренных орбитах он не находил ни дружелюбия, ни признательности; он видел в них только недобрый и враждебный огонь, подобный тому, что горит в глазах тигра.

Внезапно человек встал и склонился над юетши, всем своим видом выражая угрозу. В тупом сознании рыбака не было места тому страху, который мог охватить человеческое существо, оказавшееся свидетелем крушения фундаментальных законов природы. Когда огромные руки упали ему на плечи, он выхватил свой нож и одним махом ударил снизу вверх. Лезвие сломалось о перевитый мускулами живот незнакомца, как о стальную колонну, и тут же мощная шея рыбака треснула, словно гнилая хворостина, в руках гиганта.

Глава 2

Джихангир Аджа, властитель Хоарезма и хранитель прибрежной границы, вновь пробежал глазами богато украшенный пергаментный свиток с павлиньей яркой печатью и сардонически хмыкнул.

— Ну? — с грубоватой прямотой спросил его советник Газнави.

Джихангир пожал плечами. Это был красивый мужчина, для которого превыше всего была его гордыня. Родовитость и высокое положение давали ему все основания для спеси.

— Терпение царя подходит к концу, — сказал он. — В собственноручном послании он в резких выражениях сетует на то, что изволит называть моими неудачами в охране границы. Клянусь Таримом, если я не сумею нанести удар по этим степным разбойникам, в Хоарезме будет новый правитель.

Газнави в раздумий теребил свою посверкивающую сединой бороду. Издигерд, царь Турана, был могущественнейшим монархом на свете. В его дворце, расположенном в огромном портовом городе Аграпуре, хранились богатства, награбленные по всему миру. Его флотилии боевых галер под пурпурными парусами превратили Вилайет в Гирканское озеро. Темнокожий народ Заморы платил ему дань так же, как и восточные провинции Кофа. Далеко на запад, вплоть до Шушана, его правлению покорились Шемиты. Его армии переходили границы Стигии на юге и внедрялись в снежные просторы Гипербореи на севере, неся опустошение и разорение. Его конники на западе

предавали огню и мечу Бритунию, и Офир, и Коринфию, и даже добирались до границ Немедии. Его меченосцы в золоченых шлемах попирали врагов копытами своих лошадей, и по его приказу исчезали в пламени крепости и укрепленные города. На затоваренных невольничьих рынках Аграпура, Султанапура, Хоарезма, Шахидра и Хорусуна женщины продавались за три маленькие серебряные монеты — блондинки Бритунии, рыжеволосые стигийки, темноволосые заморанки, чернокожие кушитки и шемитки с оливковой кожей. Однако в то время как летучие конницы опрокидывали армии в дальних краях, на самых границах государства наглые проходимцы обирали его владения своими кровавыми и запятнанными копотью пожарищ руками.

В просторных степях между морем Вилайет и границами самых восточных хайборийских царств возникла новая народность. Ее начало было положено скрывающимися от правосудия преступниками, сборищем опустившихся людей, беглых рабов и солдат-дезертиров. На счету этих изгоев было много преступлений, они сошлись здесь из разных стран, некоторые родились в степях, другие бежали из западных королевств. Они назывались «козаки», что означает никудышные.

Проводя свою жизнь в диких открытых степях, свободные от каких-либо законов, кроме своего собственного кодекса чести, они стали народом, способным к открытому неповиновению Великому Монарху. Их непрерывные набеги на туранские границы оставались безнаказанными, так как козаки отступали обратно в свои степи всякий раз, когда терпели поражение. Вместе с пиратами Вилайета, которые во многом были той же породы, они опустошали побережье, вылавливая и грабя купеческие корабли, курсировавшие между Гирканскими портами.

— Как я могу уничтожить этих волков? — сокрушенно спросил Джихангир. — Если я буду преследовать их в глубь степей, то рискую быть отрезанным и разбитым. Скорее же всего они, ускользнув, сожгут город в мое отсутствие. Последнее время они обнаглели больше обычного.

— Это из-за нового атамана, который объявился среди них, — отвечал Газнави. — Ты знаешь, кого я имею в виду.

— Да, конечно! — живо откликнулся Джихангир. — Это дьявол Конан; он даже более дикий, чем козаки, к тому же он хитер и ловок, как горный лев.

— В основном эти его качества питает инстинкт дикого животного, а не умственные способности, — отвечал Газнави. — Другие козаки, по крайней мере, являются потомками цивилизованных людей. Он же варвар. Однако устранить его означало бы нанести им сокрушительный удар.

— Но как? — требовательно спросил Джихангир. — Он неоднократно уходил из расставленных ловушек, которые, казалось, обрекали его на верную смерть. Делал ли он это, руководясь инстинктом, или за счет смышлености, имеет второстепенное значение — главное, что он каждый раз ускользал от нас.

— До поры до времени. Для каждого зверя и каждого человека существует западня, которой он не избежит, — молвил Газнави. — Когда мы вели переговоры с козаками по поводу выкупа пленных, я имел возможность наблюдать этого Конана. Он весьма охоч до женщин и хорошей выпивки. Не привлечь ли нам твою пленницу Октавию? Прикажи привести ее сюда.

Джихангир хлопнул в ладоши, и бесстрастный евнух-кушит, словно идол из блестящего эбенового дерева в шелковых панталонах, склонился перед ним и, выслушав приказ, удалился выполнять поручение. Очень скоро он вернулся, ведя за руку высокую красивую девушку, чьи золотистые волосы, ясные глаза и светлая кожа не оставляли сомнений по поводу ее расы и чистоты крови. Ее короткая и открытая шелковая туника, подпоясанная на талии, подчеркивала изумительные контуры великолепной фигуры. Прекрасные глаза сверкали возмущением, а яркие губы были надуты, но плен научил ее покорности. Она стояла перед своим хозяином, опустив голову, пока он не сделал ей знак сесть на диван рядом с ним. После этого он вопросительно посмотрел на Газнави.

— Мы должны заманить Конана, увести его от остальных козаков, — коротко бросил советник. — Сейчас их военный лагерь разбит где-то в нижнем течении реки Запорожки. Она, как тебе хорошо известно, в этом месте заросла непроходимым тростником. Это настоящие болотистые джунгли, в которых завязла и распалась на отдельные отряды наша последняя экспедиция, закончившаяся тем, что эти неуловимые дьяволы разбили нас наголову.

— Я не намерен забывать об этом, — сказал Джихангир, скривившись.

— Есть необитаемый остров у побережья, — продолжал Газнави, — называется он Ксапур Твердокаменный, из-за нескольких древних развалин, расположенных на нем. У этого острова — одна особенность, которая делает его очень удобным для нашей цели. Там негде пристать, прямо из воды круто поднимаются утесы высотой примерно сто пятьдесят футов. Даже обезьяна не могла бы преодолеть их. Единственное место, где может пробраться наверх или спуститься человек, — это узкая тропа на западной стороне, напоминающая разрушенную лестницу, ступени которой высечены в скалах. Если бы мы сумели заманить Конана на этот остров одного, то, вероятно, не составило бы труда расстрелять его из луков, как льва на охоте.

— С таким же успехом можно желать луну с неба, — прервал нетерпеливо Джихангир. — Что ты предлагаешь? Послать ему гонца и умолять, чтобы он вскарабкался на утесы и ждал там нашего прихода?

— Именно так!

И видя на лице Джихангира изумление, Газнави продолжил:

— Мы попросим козаков начать переговоры по поводу пленных на границе степи у Форта Горн. Как обычно, мы подойдем с войсками и встанем лагерем под крепостью. Они также явятся вооруженные до зубов, и переговоры соответственно будут протекать с обычным недоверием и взаимной подозрительностью. Но на этот раз мы возьмем с собой, как будто случайно, твою красивую пленницу.

Октавия изменилась в лице и слушала с возрастающим интересом, видя, что советник кивнул в ее сторону.

— Она использует все свои уловки, чтобы привлечь внимание Конана. Не думаю, что это будет трудно. Дикому разбойнику она должна показаться ослепительным призраком красоты и очарования. Ее живость и величественная прекрасная фигура подействуют на него более притягательно, чем все куклоподобные красотки из твоего сераля, вместе взятые.

Октавия вскинулась, ее белые кулачки сжались, глаза засверкали. Ее била дрожь негодования на такое насилие и надругательство.

— Вы заставите меня играть роль потаскухи с этим варваром? — воскликнула она. — Я отказываюсь! Я не рыночная проститутка, чтобы ухмыляться и строить глазки всякому степному грабителю. Я дочь немедийского правителя...

— Ты была знатной немедийкой до того, как мои всадники умыкнули тебя, — цинично отвечал Джихангир. — Теперь ты всего лишь раба и будешь делать то, что тебе велят.

— Не буду! — бушевала она.

— Наоборот, — с нарочитой жестокостью вновь вступил в разговор Джихангир, — ты сделаешь это. Мне нравится план Газнави. Продолжай, первейший среди советников.

— Конан, возможно, захочет ее купить. Ты, конечно, откажешься продавать или менять ее на гирканских пленных. Тогда он может попытаться выкрасть ее или отбить силой — хотя я не думаю, чтобы даже он захотел нарушать заключенное для переговоров перемирие. В любом случае мы должны быть готовы ко всему, что он может выкинуть. Затем сразу после переговоров, чтобы не дать ему времени забыть о ней начисто, мы пошлем к нему гонца с белым флагом, обвиняя его в краже девчонки и требуя ее возвращения. Он может убить гонца, но зато будет думать, что она сбежала. Чуть позже мы пошлем в казачий лагерь шпиона — для этого подойдет какой-нибудь рыбак юетши, который передаст Конану, что Октавия прячется на Ксапуре. Если я не ошибаюсь в этом человеке, он отправится прямиком туда.

— Но мы не можем быть уверены, что он явится туда один, — возразил Джихангир.

— Неужели мужчина, стремящийся на свидание с желанной женщиной, возьмет с собой банду головорезов? — возразил Газнави. — Я думаю, что почти все шансы за то, что он будет один. Но, конечно, надо иметь в виду и другие варианты. Мы не будем ждать его на острове, где можем сами попасться в ловушку. Мы спрячемся в тростниковых зарослях болотистого мыса, который протягивается от берега на расстояние в тысячу ярдов от Ксапура. Если он приведет с собой большой отряд, мы дадим отбой и будем придумывать что-нибудь другое. В случае его появления в одиночку или с небольшой группой товарищей, мы захватим его. Надо только помнить, что его приход целиком зависит от обольстительных улыбок твоей рабыни и ее многозначительных взглядов.

— Я никогда не опущусь до такого позора! — Октавия была вне себя от ярости и унижения. — Я лучше умру!

— Ты не умрешь, моя прекрасная бунтовщица, — сказал Джихангир, — но подвергнешься очень болезненной и унизительной процедуре.

Он хлопнул в ладоши, и Октавия побледнела. На этот раз вошел не кушит, а шемит — с рельефной мускулатурой, среднего роста, с короткой курчавой иссиня-черной бородой.

— Есть работа для тебя, Гилзан, — сказал Джихангир. — Возьми эту дуреху и поиграй с ней немного. Только будь осторожнее, чтобы не повредить ее красоту.

С рычанием шемит схватил Октавию за руку и сжал ее железными пальцами. Вся решимость к сопротивлению оставила бедняжку. С жалобным криком она вырвалась от него и бросилась на колени перед своим неумолимым господином, в бессвязных рыданиях умоляя о пощаде.

Джихангир жестом отослал разочарованного палача и сказал Газнави:

— Если твой план удастся, я осыплю тебя золотом.

Глава 3

В предрассветной темноте непривычные звуки нарушили дремотную тишину, стоявшую над тростниковыми болотами и туманными водами побережья. Это была не сонная птица или рыщущий зверь. Источником шума был человек, продирающийся сквозь густые заросли тростника, который был так высок, что скрывал идущего с головой.

И это была женщина. Если бы кто-нибудь мог наблюдать ее в это время, то увидел бы, что она высока и светловолоса, а ее великолепные ноги и руки облеплены испачканной в грязи туникой. Октавия сбежала по-настоящему, каждая клеточка ее тела трепетала от возмутительного насилия и оскорбления, которые ей приходилось испытывать в плену, ставшем совершенно нестерпимым в последнее время.

Быть во власти Джихангира, само собой, не сладко. Однако тот с нарочитой дьявольской жестокостью отдал ее вельможе, чье имя было олицетворением идиотизма даже в Хоарезме.

Все упругое тело Октавии, полное жизни и огня, покрывалось мурашками и содрогалось при воспоминаниях. Отчаяние придало ей сил, и она выбралась из крепости Джелаль-хана по веревке, сплетенной из полос разорванного гобелена. Счастливый случай привел ее к привязанному коню. Она скакала всю ночь, и рассвет застал ее с павшей лошадью на болотистом берегу моря. Трепеща от

отвращения при мысли о возможности насильственного возвращения к позорному уделу, который готовил для нее Джелаль-хан, она углубилась в болота, ища укромного места от погони, которую она ожидала.

Когда вода поднялась до бедер, тростники расступились, и ее взору открылись неясные очертания острова. Широкая полоса воды лежала между ним и ею, но Октавия не колебалась. Пока можно было, она брела вперед, потом, когда вода поднялась до груди, она сильно оттолкнулась и бросилась в воду. Энергичными рывками она продвигалась все дальше от берега, и сразу было видно, сколько энергии и выносливости было в этой девушке.

Приблизившись к острову, она увидела, что его утесы, напоминающие крепость, вздымаются отвесно от воды. Наконец она достигла их, но не могла нащупать ни выступа под водой, чтобы встать, ни малейшей неровности на поверхности, за которую можно было бы уцепиться. Она продолжала плыть вдоль скал, пытаясь обогнуть их. Усталость начала одолевать ее, руки и ноги стали наливаться тяжестью. Ее руки наталкивались на совершенно гладкую стену, и вдруг она обнаружила углубление. Всхлипывая и вздыхая с облегчением, она выбралась из воды и прильнула к скале — промокшая белая богиня в тускнеющем свете звезд.

Под ногами у нее было что-то похожее на ступени, вырубленные в каменистом утесе, и Октавия стала карабкаться по ним вверх, стараясь слиться с камнями, так как до ее слуха вдруг донесся слабый плеск, видимо, укутанных чем-то весел. Девушка напрягла зрение и, как ей показалось, различила нечто бесформенное, перемещающееся от болотистого мыса, который она недавно оставила. Но было слишком далеко и темно, чтобы разобрать поточнее, к тому же слабый звук как будто прекратился, и Октавия продолжала взбираться наверх. Если это были ее преследователи, то лучшего выхода, чем спрятаться на острове, у нее не было. Октавия знала, что большинство островов у этого заболоченного побережья были необитаемыми. Возможно, здесь было пиратское логово, но даже пираты в ее положении были бы предпочтительнее тех животных, от которых она сбежала.

Торопливо карабкаясь наверх, девушка поймала себя на мысли о том, что невольно сравнивает своего бывшего господина с вожаком козаков, с которым — по принуждению — она бесстыдно флиртовала в шатрах лагеря у Форта

Горн, где гирканские господа договаривались со степными головорезами. Горящий взгляд варвара испугал и оскорбил Октавию, но эта первозданная стихийная свирепость явно выигрывала перед извращенностью Джелаль-хана — монстра, каких может порождать только чрезмерно богатая и пресыщенная цивилизация.

Вскарабкавшись наконец на самый верх, она перебралась через край обрыва и испуганно вглядывалась во вздымающуюся перед ней стену дающих густую тень деревьев, которые росли прямо у обрыва, подобно плотному кольцу черноты. Что-то прошумело у девушки над головой, и она сжалась от страха, хотя осознавала, что это всего лишь летучая мышь.

Не по душе ей были эти черные тени, но Октавия сжала зубы и пошла к ним, стараясь не думать о змеях. Ее босые ноги ступали бесшумно, утопая в мягком дерне под деревьями.

Как только она вошла в чащобу, ее объяла пугающая темнота. Октавия не сделала еще и дюжины шагов, как потеряла из виду и скалы и море за ними. Было бесполезно оглядываться и пытаться что-то рассмотреть. Еще через несколько шагов она безнадежно заплутала и перестала ориентироваться. Сквозь путаницу ветвей не просвечивали даже звезды. Октавия двигалась ощупью, слепо натыкаясь на деревья, и вдруг застыла как вкопанная.

Где-то впереди раздались ритмичные удары барабана. Меньше всего она ожидала услышать подобное в такое время и в таком месте. И тут ей пришлось забыть обо всем, так как девушка почувствовала чье-то присутствие рядом. Она не могла видеть, но явственно ощущала нечто, стоявшее непосредственно возле нее в темноте.

С подавленным криком Октавия отпрянула назад, и в тот же миг что-то, в чем даже в объявшей ее панике она узнала человеческую руку, обвилось вокруг ее талии. Она взвизгнула и изо всех своих молодых сил рванулась в диком желании высвободиться, но тот, кто схватил ее, вскинул ее вверх, как ребенка, с легкостью усмиряя неистовое сопротивление. Молчание, с которым принимались ее бешеные попытки вывернуться и протестующие вопли, еще усиливало ужас, нараставший и от ощущения, что ее несут сквозь темноту по направлению к отдаленному гулу барабана, который продолжал отбивать ритм и глухо рокотать.

Глава 4

Приближающийся рассвет чуть окрасил небо в красноватые тона, когда маленькая лодка с одиноким гребцом достигла утесов. Человек в лодке выглядел достаточно живописно. На голове у него была темно-красная повязка, свободные, огненного цвета штаны были перетянуты широким кушаком, за который была заткнута кривая восточная сабля в шагреневых ножнах. Сапоги из тисненной золотом кожи скорее подошли бы всаднику, а не рыбаку, но греб человек умело. Широко распахнутая белая шелковая рубаха обнажала мощную мускулистую грудь, коричневую от солнечного загара.

Выпуклые мускулы на бронзовых руках перекатывались, когда гребец играючи управлялся с веслами, в его движениях была кошачья легкость и гибкость. Вся его внешность и повадки свидетельствовали о неукротимой энергии и живости, что сразу бросалось в глаза. Выражение лица не было ни свирепым, ни угрюмым, хотя тлеющие, как угли под пеплом, глаза выдавали легко пробуждаемую жестокость. Это был Конан, который прибрел в вооруженный лагерь козаков, не имея при себе ничего, кроме головы на плечах и своего меча, и пробился с их помощью в атаманы.

Конан подгреб к выбитым в скалах ступеням так уверенно, как будто был знаком с местом, и причалил лодку под прикрытием большого камня. Потом, ни минуты не тратя на размышления, он стал подниматься по разрушенным ступеням. Конан был предельно насторожен, не потому, что знал об ожидающей его скрытой опасности, а просто чувство готовности встретить ее, обостренное той дикой жизнью, которую он вел, стало его второй природой.

То, что Газнави считал звериной интуицией или неким шестым чувством, было всего лишь прирожденным даром и дикарской смекалкой варвара. Никакой инстинкт не подсказывал сейчас Конану, что несколько человек наблюдали за ним из укрытия в зарослях болотистого побережья.

Пока он взбирался на утес, один из сидевших в засаде, затаив дыхание, украдкой поднял лук. Джихангир схватил его за руку и зашипел ему в ухо:

— Болван! Ты хочешь выдать нас? Неужели ты не видишь, что стрела не долетит? Дай ему подняться на остров. Он будет искать девушку. Это займет у него какое-то время. А вдруг он почувствовал наше присутствие или

разгадал наш замысел? Может, его бандиты спрятаны где-то здесь. Подождем. Через час, если ничего подозрительного не произойдет, мы подплывем к подножию лестницы и будем ждать его там. В случае его слишком долгого отсутствия кто-нибудь из нас пойдет наверх и сгонит его вниз. Но лучше бы этого избежать, потому что каждому понятно, что подобное преследование в зарослях будет стоить нам нескольких жизней. Я полагаю, самое разумное было бы подкараулить, когда он будет спускаться по ступеням. Здесь мы могли бы нашпиговать его стрелами с безопасного расстояния.

В это время ничего не подозревающий Конан нырнул в лес. Беззвучно ступая в своих мягких кожаных сапогах, он продвигался между деревьями, тщательно обшаривая взглядом каждую тень, готовый наткнуться на роскошную рыжеволосую красавицу, о которой он мечтал с тех пор, как увидел ее в шатре Джихангир-хана возле Форта Горн. Он бы возжелал ее, даже если бы она проявила к нему антипатию. Но ее загадочные улыбки и взгляды разожгли в киммерийце настоящую страсть. И теперь со всем неистовством своей буйной натуры, не знающей границ и законов, он желал эту белокожую золотоволосую женщину из цивилизованного мира.

Ему уже пришлось побывать на Ксапуре раньше. Менее чем месяц тому назад у него было здесь секретное совещание с пиратской шайкой. Он знал, что сейчас покажутся загадочные руины, благодаря которым остров и получил свое название. Конан размышлял на ходу, не найдет ли он девушку прячущейся среди них. Эти мысли внезапно были прерваны. Он остановился, как громом пораженный.

Перед ним среди деревьев поднималось то, что его разум отказывался воспринимать как возможное. Это была высокая темно-зеленая зубчатая стена с вздымающимися за ней башнями.

Конан застыл в недоумении, парализованный нереальностью того, что он видел. Любой на его месте, столкнувшись с подобной нелепицей, не укладывающейся ни в какие рамки мало-мальски разумного объяснения, потерял бы голову. Он не сомневался ни в своем зрении, ни в рассудке, но увязать концы с концами ему не удавалось. В этом было нечто чудовищное. Меньше месяца тому назад на этом месте среди деревьев стояли развалины. Могли ли человеческие руки воздвигнуть такое громадное сооружение и всего лишь

за две-три недели? Кроме того, пираты, которые непрестанно бороздили Вилайет, обязательно узнали бы о любых работах, тем более проводимых в таком гигантском масштабе, и, конечно, сообщили бы об этом козакам.

Объяснения этому явлению не было, тем не менее сооружение было налицо. Он, Конан, был на Ксапуре, и это фантастическое нагромождение, увенчанное башнями каменной кладки, тоже находилось на Ксапуре, и все, вместе взятое, было сумасшествием, и все же это была истинная реальность.

Он повернулся, чтобы дать ходу назад через джунгли, вниз по выдолбленным ступеням, за голубое море к отдаленной стоянке в устье Запорожки. В этот момент необъяснимой паники даже мысль о задержке вблизи внутреннего моря была невыносимой. Надо было рвануть от него как можно дальше, бросить все эти бивуаки и шайки, оставить степи и проложить тысячи миль между собой и голубым загадочным Востоком, где основные законы природы могут быть превращены в ничто черт знает каким колдовством.

Какое-то мгновение судьбы целых царств, которые зависели от этого пестро разодетого варвара, висели на волоске. И лишь совсем незначительная вещица перевесила чашу весов. Это был шелковый лоскут, висевший на кусте. Он привлек беспокойный взор Конана. Киммериец склонился над ним, ноздри его раздулись, а нервы затрепетали от этого еле заметного возбуждающего все его чувства знака. Клочок одежды был настолько мал, что скорее смутный инстинкт насторожил и задержал Конана над ним. Ему показалось даже, что он улавливает мучительно соблазнительный аромат молодого упругого тела, тут же воссоздавший перед ним светлый образ чудесной женщины, которую он видел в шатре Джихангира. Значит, рыбак не врал, и она была здесь!

Внезапно Конан увидел отпечаток на глинистой почве — единственный отпечаток босой ступни — длинной и худой. Однако это был след не женщины, а мужчины, и он был вдавлен глубже, чем можно было бы ожидать. Вывод напрашивался сам собой: мужчина, оставивший этот след, нес тяжесть, и что же это была за ноша, если не девушка, которую искал киммериец?

В молчании стоял Конан, разглядывая темные башни, громоздящиеся среди деревьев. В прищуре его глаз вспыхивали голубые искры. Желание обладать золотокудрой женщиной перехлестывалось лютой первобытной яростью

по отношению к тому, кто утащил ее. Его человеческая страсть подавила сверхъестественный страх, и, крадучись, как пантера на охоте, почти ползком Конан стал подбираться к крепости, стараясь укрыться под сенью зелени, дабы его не заметили с зубчатых стен.

Достигнув их, Конан убедился, что стены сложены из того же зеленого камня, что и бывшие руины, и смутное чувство чего-то знакомого овладело варваром. Словно перед ним предстало нечто никогда прежде невиданное, но являвшееся ему во сне или рисовавшееся в воображении. В конце концов он понял, в чем дело. Стены и башни были построены по тому же плану, что и развалины. Как будто разрушенные линии и плоскости вдруг поднялись и сомкнулись сами собой, нарастив то, чего недоставало, и все сооружение, как по мановению волшебной палочки, восстало в первоначальном виде.

Ни один звук не нарушал утренней тишины, когда Конан подкрался к подножию стены, круто вздымавшейся из гущи буйных зарослей. Растительность здесь, как и вообще в южной части внутреннего моря, была почти тропической. Конан вскарабкался, как кот, на самое большое дерево, ухватился за толстую плеть обеими руками и раскачался что было сил. В нужный момент он отпустил лиану и, как снаряд, выпущенный из катапульты, перелетел через парапет, приземлившись с кошачьей ловкостью за зубцами стены. Прокравшись по ней, он глянул вниз на улицы города.

Окружность стены была сравнительно невелика, но внутри нее помещалось поразительно много строений из того же зеленого камня. Это были трех- и четырехэтажные здания, в основном с плоскими крышами. Их архитектурный стиль был необычен и доведен до своеобразного совершенства. Улицы, подобно спицам колеса, сходились в центре, оставляя восьмиугольное огороженное пространство, где высоко вздымалось огромное сооружение, которое своими куполами и башнями доминировало над всем городом. Не было заметно никакого движения на улицах, никто не выглядывал из окон, хотя солнце уже поднялось. Здесь царила тишина, которая могла стоять только над мертвым опустевшим городом. Со стены вниз от того места, где стоял Конан, вели узкие каменные ступени; по ним киммериец и стал спускаться.

Дома так тесно жались к стене, что на полпути вниз по лестнице Конан обнаружил окно, находившееся всего на расстоянии вытянутой руки. Он задержался, чтобы загля-

нуть в него. Решеток на окне не было, и раздвинутые шелковые занавесы придерживались атласными шнурами. Конан заглянул в комнату, стены которой были затянуты темными бархатными гобеленами. Пол был покрыт толстыми коврами. Скамьи из полированного эбенового дерева и возвышение, устланное меховыми покрывалами, составляли обстановку помещения.

Конан собрался уже было продолжать свой спуск, когда услышал, как кто-то движется внизу по улице. До того, как неизвестный мог завернуть за угол и обнаружить незваного гостя на лестнице, Конан перескочил отделявшее его от окна пространство и очутился в комнате с обнаженной саблей в руке. Мгновение он стоял не дыша, затем, так как ничего не произошло, стал пробираться по коврам к двери, расположенной в нише. И тут один из занавесов откинулся, и за ним обнаружился убранный подушками альков, из которого томио взирала на варвара стройная темноволосая девушка. Взгляд ее был затуманен.

Конан напряженно уставился на нее, ожидая, что она вот-вот поднимет крик. Но девушка только подавила зевок, прикрыв рот изящной ладонью, поднялась и небрежно откинулась на драпировку, которую она придерживала одной рукой.

Без сомнения, незнакомка принадлежала к белой расе, хотя кожа ее была очень темной. Прямые, подстриженные ровным каре волосы были черны как ночь. Единственное ее убранство составлял лоскут шелка, обернутый вокруг весьма соблазнительных бедер.

Она заговорила, но язык был незнаком Конану, и киммериец отрицательно покачал головой. Тогда она снова зевнула, потянулась всем своим гибким телом и, не проявляя ни страха, ни удивления, перешла на язык, который Конан понимал. Это был диалект юетши, и звучал он удивительно архаично.

— Ты ищешь кого-то? — спросила девушка так безразлично, как будто внезапное появление вооруженного незнакомца в ее покоях было самым обычным делом.

— Кто ты? — спросил Конан в ответ.

— Я — Юатели, — отвечала она апатично. — Должно быть, я поздно пировала прошедшей ночью, и поэтому сейчас меня одолевает сон. Кто ты?

— Я — Конан, гетман козаков, — отвечал киммериец, внимательно следя за девушкой, считая ее поведение

притворством и ожидая, что она только и ждет момента, чтобы ускользнуть и поднять на ноги весь дом.

— Конан, — повторила она сонно. — Ты не дагон. Я полагаю, ты наемник. Много голов юетши ты срубил?

— Я не воюю с водяными крысами! — фыркнул он.

— Однако они совершенно ужасны, — пробормотала девушка. — Я помню об этом с тех пор, как они были нашими рабами. Они взбунтовались тогда, все сожгли и всех перебили. Только заклинания Косатраль Келя и позволили им приблизиться к стенам... — Она задумалась и смолкла, вперив в Конана недоуменный взгляд, в котором озадаченность боролась с сонливостью.

— Я забыла, — вновь невнятно проговорила девушка. — Они все же влезли на стены прошлой ночью. Были слышны крики, виднелся огонь, и люди тщетно звали Косатраля. — Она потрясла головой, словно пытаясь проснуться. — Но этого не могло быть, — пробормотала она, — потому что я жива, а я думала, что умерла. О! К дьяволу все это!

Она пересекла комнату и, взяв Конана за руку, потащила его к помосту. Он уступил ей в замешательстве и смущении. Девушка улыбнулась ему, как сонный ребенок, ее длинные шелковые ресницы опустились, закрыв затуманенные меркнущие глаза. Она запустила пальцы в густые черные лохмы киммерийца, словно желая удостовериться в его реальности.

— Это был сон, — позевывая, сказала она. — Возможно, все это мне приснилось. Мне кажется, я и сейчас сплю. Ну да все равно. Я не могу ничего вспомнить. Я забыла — чего-то я не могу понять, но чувствую, что меня еще больше одолевает сон, когда я пытаюсь думать. В любом случае это не имеет значения.

— Что ты имеешь в виду? — обеспокоенно спросил Конан. — Ты сказала, они перелезли через стены прошлой ночью? Кто?

— юетши. По крайней мере я так думала. Облако дыма скрыло все вокруг, но обнаженный, залитый кровью дьявол поймал меня за горло и всадил нож в грудь. О, ты не представляешь, как больно! Но это был сон, потому что, посмотри, здесь нет шрама. — Она вяло исследовала свою гладкую грудь и, опустившись Конану на колени, обвила его мощную шею своими мягкими гибкими руками.

— Я не могу вспомнить, — лепетала она, пристраивая свою темноволосую голову на могучей груди варвара. —

Все плывет, как в тумане. Ну и пусть, все равно. Ты не сон. Ты сильный. Давай жить, пока можем. Люби меня!

Конан прижал блестящую черноволосую голову к груди и стал укачивать девушку, осторожно поддерживая ее сильными руками. Потом он поцеловал ее в полные красные губы с неподдельным удовольствием.

— Ты сильный, — повторила она прерывающимся голосом. — Люби меня, люби...

Сонный лепет прервался, затуманенные глаза закрылись длинными ресницами, опустившимися на цветущие щеки, нежное тело расслабилось на руках Конана.

Он хмуро рассматривал ее. Казалось, она была частью миража, которым представлялся весь этот город, однако упругость и эластичность ее тела под испытующими пальцами киммерийца убеждали его, что он держит на руках живую настоящую девушку, а не тень мимолетного наваждения. Ничто больше не удерживало его, и он торопливо уложил девушку на возвышении. Ее сон был слишком глубок, чтобы быть естественным. Конан решил, что она, должно быть, одурманена каким-то наркотиком вроде черного лотоса Ксатала.

И тут он обнаружил еще одну вещь, которая поразила его. Среди мехов на помосте лежала великолепная пятнистая шкура, ее основной тон был чисто золотистым. Это была не качественная подделка, а шкура настоящего зверя, который, как Конан знал совершенно точно, вымер по крайней мере тысячу лет назад. Зверем этим был гигантский золотой леопард — чудесный образ хайборийских легенд, изображения которого многократно повторялись в рисунках и мраморных статуях древними художниками.

В замешательстве крутя головой, Конан вышел через арочную дверь в изгибающийся коридор. Тишина висела над домом, но снаружи чуткое ухо варвара уловило шум, как будто что-то поднималось по лестнице на стене, с которой Конан проник в здание. Секундой позже он вздрогнул, услышав, как нечто мягкое и тяжелое с глухим стуком опустилось на пол того помещения, которое он только что покинул. Быстро повернувшись, Конан побежал прочь, вдоль изогнутого прохода, пока что-то лежавшее на полу не заставило его остановиться.

Это было тело человека, лежавшего наполовину в коридоре, а частью в проходе, по-видимому обычно скрытом дверью, которая ничем не отличалась от панели стены.

Лежавший был мужчина, темнокожий и тощий, из одежды на нем была только шелковая набедренная повязка. Голова была выбрита. Черты лица — грубые и жестокие. Лежал человек так, будто смерть поразила его в тот момент, когда он появился из-за панели. Конан склонился над ним, пытаясь обнаружить причину смерти, но понял, что тот был лишь погружен в такой же глубокий сон, как и девушка в сказочном алькове.

Но почему же человек выбрал такое странное место для своего сна? Из раздумий о всех этих чудесах Конана вдруг вывел звук за спиной. Что-то продвигалось по коридору по направлению к киммерийцу. Он быстро огляделся. Коридор заканчивался большой дверью, которая, возможно, была заперта. Конан резко оттолкнул обмякшее тело в сторону и шагнул в проход, плотно задвинув за собой панель. Щелчок подтвердил, что она встала на место. Стоя в полной темноте, Конан услышал, как шаркающая поступь замерла как раз напротив двери, и холод пробежал у варвара по спине.

Это были не человеческие шаги и не поступь зверя.

Ни с чем подобным Конану до сих пор не приходилось сталкиваться.

На миг наступила тишина, потом послышался слабый скрип дерева о металл. Вытянув руку. Конан ощутил, как дрогнула и почти прогнулась внутрь дверь, словно к ней снаружи привалили что-то очень тяжелое. Пока он вытаскивал оружие, все затихло. Конан услышал странный чавкающий звук. Волосы встали дыбом на голове Конана. С обнаженной саблей в руке он начал торопливо пятиться прочь от двери, нащупывая ногами ступени, спотыкаясь и почти падая. Он находился на узкой лестнице, ведущей вниз.

В темноте он нащупывал путь, обшаривая по дороге стены и не находя больше никакого прохода в сторону. Как раз тогда, когда Конан решил, что находится уже глубоко под землей ниже уровня фундамента дома, ступени кончились и начался горизонтальный туннель.

Глава 5

Вдоль темного тоннеля, погруженного в глубокое безмолвие. Конан пробирался ощупью, ежеминутно опасаясь свалиться в какую-нибудь невидимую яму. Однако наконец

ноги вновь почувствовали ступени, по которым Конан стал подниматься, пока не наткнулся на дверь. Ему удалось нашарить металлическую щеколду. Отодвинув ее, он вышел в сумеречную очень высокую комнату совершенно невероятных размеров. Фантастические колонны тянулись вдоль испещренных пятнами стен. Они поддерживали потолок, который был одновременно полупрозрачным и темным, подобно облачному небу в полночь, что производило впечатление умопомрачительной высоты. Если бы хоть какой-нибудь свет просачивался сюда снаружи, все выглядело бы совсем иначе.

В зловещем полумраке Конан двигался по голому зеленому полу. Огромная комната имела правильную округлую форму, которая нарушалась только с одной стороны гигантскими бронзовыми створками высоченной двери. Напротив нее на возвышении у стены стоял медный трон, к которому вели широкие полукруглые ступени. И когда Конан, присмотревшись, понял, *что* свернулось кольцами на троне, он спешно ретировался, вскинув кривой меч.

Немного погодя, так как эта штука не двигалась, Конан приступил к более тщательному исследованию. На этот раз киммериец поднялся по стеклянным ступеням и стал рассматривать диковину. Это была гигантская змея, изваянная из какого-то желтовато-зеленого материала типа жадеита. Изображение было настолько реальным, что можно было различить каждое кольцо. Переливчатая окраска камня живо напоминала настоящую. Крупная клинообразная голова была наполовину укрыта блестящими витками, поэтому ни глаза, ни пасть не были видны.

Вдруг Конана осенило. Эта змея, вероятно, представляла одно из тех мрачных чудищ, которые в древние времена обитали в камышовых болотах на окраинах южного побережья Вилайета. Но, как и золотой леопард, они вымерли уже сотни лет тому назад. Конан уже видел грубые фигурки таких змей, правда, гораздо меньшего размера. Они встречались в молельных хижинах юетши среди других идолов. Описания подобных изваяний можно было встретить в Книге Скелоса, при составлении которой использовались сведения, заимствованные из доисторических источников.

Конана привел в восхищение чешуйчатый торс толщиной с его ляжку и, вероятно, колоссальной длины. Он не мог победить любопытства и положил руку на свернутые кольца. И как только его пальцы коснулись изваяния,

сердце в нем замерло, кровь застыла в жилах, а волосы встали дыбом. Под рукой оказалась не гладкая хрупкая поверхность стекла, металла или камня, но мягкая податливая и одновременно упругая масса чего-то живого. Он чувствовал под пальцами вялое биение инертной жизни.

Инстинктивно Конан отдернул руку, чуть не выронив меч. Ужас и отвращение обуяли его. Он бросился вниз по стеклянным ступеням, не спуская остекленевших от дикого страха глаз с мерзкого гада, который дремал на медном троне. Чудовище оставалось неподвижным.

Конан достиг бронзовой двери и толкнул ее. Сердце у него ушло в пятки, пот катился градом при мысли, что он может оказаться запертым с этой скользкой ползучей тварью. Но створки поддались, и он проскользнул между ними и захлопнул их за собой.

Теперь Конан оказался в широком коридоре с высокими задрапированными стенами. Проход тонул в таком же сумеречном полумраке, который делал неразличимыми отдаленные предметы. Это усилило тревогу, наводя на мысли о невидимых змеях, извивающихся в темноте. В этом нереальном свете казалось, что до двери в противоположном конце коридора надо бежать еще милю. Рядом с Конаном один из занавесов висел так, будто за ним был расположен ход, и, осторожно приподняв его, он действительно обнаружил узкую лесенку, ведущую наверх.

Пока Конан колебался, в большой комнате, только что покинутой им, послышалась шаркающая поступь, которую он слышал за задвинутой панелью. Неужели его преследовали и в тоннеле? Он стал торопливо подниматься по лестнице, предварительно сдвинув занавес на прежнее место.

Вскоре он вновь очутился в изогнутом коридоре и бросился в дверь, через которую вошел в него в первый раз. Два противоречивых желания руководили Конаном в его по видимости бесцельном метании: вырваться из здания с его тайнами и найти немедийскую девушку, которую, как он чувствовал, держали где-то в этом дворце, храме или черт те чем еще. Конан рассчитывал, что это и было большое строение под куполом, которое он видел в центре города. Скорее всего, здесь обретался правитель города, к которому, без сомнения, должны были привести пленную девушку.

Теперь киммериец был в комнате и собирался возвращаться дальше по уже пройденному пути, как вдруг услы-

шал голос, шедший из-за стены. В этой стене не было двери, но Конан приложил к ней ухо и отчетливо различил слова. И опять мороз побежал по коже. Язык был немедийский, но голос никак не напоминал человеческий. Он гулко отдавался и гудел, наподобие колокола, отбивающего удары в полночь.

«Не было жизни в Бездне, кроме той, что была заключена во мне, — благовестил колокол. — Не было ни света, ни движения, ни единого звука. Только толчок извне, из запределья был причиной начала моего движения, он направил мой путь вверх, в полной слепоте, без смысла, без чувств, непреклонно и непоколебимо. Я поднимался все выше через неизменные стратосферы вечной темноты, сквозь времена век за веком...»

Завороженный этим гулко резонирующим гласом, Конан скорчился, забыв обо всем на свете, пока гипнотическая сила этих слов не привела к странной трансформации явлений и ощущений. Он не заметил, как звук стал создавать иллюзию видения. Конан больше не слышал голоса, он воспринимал его только как отдаленные ритмические волны. Выведенный из своего времени и собственной индивидуальности, он наблюдал превращения существа, называемого Косатраль Колем, которое медленно и мучительно выползало из Мрака и Бездны многие века тому назад, чтобы воплотиться в субстанцию материального мира.

Но человеческое тело было слишком бренно, хрупко, непрочно и ничтожно, чтобы удержать ужасную сущность того, что было Косатраль Колем. Хотя он предстал наконец в облике человека, его плоть не была плотью, кости костями, а кровь кровью. Он стал вызовом природе, ее поношением, так как заставил жить, думать и действовать элементарное вещество, которое до этого никогда не знало и не должно было знать, что такое пульс и трепет живого существа.

Он шествовал по миру, как бог, поскольку не было оружия на земле, которое могло бы причинить ему вред. В своих странствиях он наткнулся на примитивный народ, населявший остров Дагонию. Ему доставляло удовольствие зажечь жалкий разум этих людишек. С его помощью они построили город Дагон, заселили его и стали поклоняться его создателю. Однако слуги божества вызывали суеверный страх. Он вызывал их из темных закоулков планеты, где еще таились эти мрачные пережитки забытых времен. От

его дворца в Дагоне к каждому дому в городе вел тоннель, через который его бритоголовые служители носили жертвы для ритуальных обрядов.

Несколькими веками позже на берегах моря появился по-звериному жестокий и примитивный народ. Они называли себя юетши, и как-то после особенно свирепой битвы они были побеждены и превращены в рабов. На протяжении жизни целого поколения после этого они умирали на алтарях Косатраля.

Его колдовство держало их в узде. Потом их жрец, странный мрачный человек, худой и долговязый, чье происхождение неизвестно было никому, исчез в пустыне, а когда вернулся, то принес с собой нож, сделанный из неземного материала. Он был выкован из вещества метеорита, прочертившего когда-то небо, подобно пылающей стреле, и упавшего далеко в долине. Рабы восстали и своими ножами-серпами перерезали дагонов, как овец. Против ножа из космического вещества чары Косатраля были бессильны. Пока на затянутых красным дымом улицах бушевала резня, самый мрачный акт этой жуткой драмы разыгрывался в таинственном куполе за большим залом с пестрыми, как змеиная шкура, стенами и медным троном на помосте.

Из этого купольного помещения жрец юетши вышел один. Он не стал убивать своего врага, так как хотел с помощью угроз освобождения чудовища удерживать своих бунтующих подданных в повиновении. Он оставил Косатраля лежать на золотом возвышении с магическим ножом поперек груди, который удерживал его в бессознательном состоянии до поры до времени, а может, до конца света.

Прошли годы, и жрец умер, башни опустевшего Дагона обвалились, сказания стали непонятными, а число Юетши сократилось благодаря чуме, моровой язве, голоду, стихийным бедствиям и войнам. Рассеянные остатки этого народа доживали в нищете и убожестве вдоль побережья.

Только пятнистый купол сопротивлялся разрушительному действию времени, до тех пор пока случайный разряд молнии и любопытство рыбака, поднявшего волшебный нож с груди божества, не прервали его сон. Косатраль Кель ожил и снова набрал силу и могущество. Ему было приятно восстановить город в том виде, в каком он был до разорения. С помощью черной магии он поднял башни из пыли забытых тысячелетий, а людей, которые были прахом уже вечность, заставил снова вернуться в жизнь.

Но народ, который испытал смерть, мог жить только отчасти. В темных закоулках их душ и сознания смерть сохранялась непобежденной. К ночи люди Дагона двигались, любили, ненавидели, пировали и вспоминали падение Дагона и бойню, которой они подверглись, только как смутный сон; они двигались в колдовском иллюзорном тумане, ощущая неестественность своего существования, но не пытаясь даже понять причину этого. С приходом дня они впадали в глубокий сон, с тем чтобы встать снова только к ночи, которая была сродни смерти.

Все это пронеслось ужасающими видениями перед внутренним взором Конана, пока он скорчившись сидел у драпированной стены. Киммериец почти тронулся рассудком. Всякая уверенность и здравомыслие были сметены, осталось только ощущение призрачной мрачной вселенной, которой постепенно овладевали загадочные, укутанные в покрывала фигуры, символизирующие некие скрытые силы, вызывающие суеверный страх. Сквозь колокольный гул вещающего гласа, который благовестил триумф над предписанными свыше законами несущей разум планеты, до слуха Конана донесся человеческий крик. Его сознание вернулось из полета сквозь сферы безумия. Это были женские истерические рыдания.

Непроизвольно Конан вскочил на ноги.

Глава 6

Джихангир Аджа ждал со все возрастающим нетерпением в своей лодке в гуще камыша. Уже прошло больше часа, а Конан не возвращался. Несомненно, он все еще обшаривал остров в поисках девушки, которая, как он думал, была спрятана здесь. Но тут в голову Аджи пришло другое соображение. Что, если гетман оставил своих приспешников где-то поблизости, и они, заподозрив неладное, прибудут, чтобы выяснить причину его долгого отсутствия? Джихангир отдал команду гребцам, и длинная лодка выплыла из камыша и заскользила к выбитым в скале ступеням.

Оставив полдюжины человек в лодке, он взял с собой остальных — десять мощных лучников Хоарезма, в остроконечных шлемах и тигровых шкурах. Как охотники, подкарауливающие отступление льва, они рассыпались под

деревьями со стрелами наизготове и натянутыми тетивами. Тишина царила над лесом, только большая зеленая птица, скорее всего попугай, сделала круг над головами, резко разрезая воздух широкими крыльями, и поспешно скрылась за деревьями. Внезапным жестом Джихангир остановил свой отряд, и они уставились, не веря своим глазам, на башни, показавшиеся впереди среди зелени.

— Тарим! — пробормотал Джихангир. — Пираты отстроили руины! Несомненно Конан здесь. Мы должны исследовать их. Укрепленный город так близко от континента! Пошли!

Со вновь обострившейся осторожностью они стали пробираться между деревьями. Роли переменились — из преследователей и охотников они превратились в шпионов.

И пока они крались по трудно проходимой чащобе, человек, которого они искали, находился к смерти гораздо ближе, чем если бы был под прицелом заостренных стрел...

До сознания Конана дошло, что гудящий, как колокол, голос за стеной смолк, и дрожь пробежала по его телу. Он стоял неподвижно, как статуя, со взглядом, застывшим на занавешенной двери, через которую, как он знал, сейчас должно было появиться самое ужасное.

В помещении было сумрачно и туманно, и волосы Конана встали дыбом по мере того, как он вглядывался. Из полумрака неотвратимо, как сам рок, перед ним вырастали голова и гигантские плечи. Звуков шагов не было слышно, но темная махина вырисовывалась все явственнее, пока Конан не различил мужскую фигуру. На человеке были сандалии, юбка и широкий шагреневый пояс. Его ровно подстриженные до плеч волосы были схвачены золотым обручем. Конан не мог оторвать глаз от фантастического размаха этих чудовищных плеч, необъятной ширины выпяченной груди, бугров, валов и узлов мускулов, покрывающих весь его торс и конечности. Лицо его было жестким, без тени милосердия или сострадания. Глаза представляли шары темного огня. И Конан знал, что перед ним стоял Косатраль Кель, пришедший из бездны бог Дагонии.

Ни одного слова не было произнесено. В словах не было необходимости. Косатраль простер свои огромные руки, и Конан, поднырнув под них, нанес удар в живот гиганта. И тут же отпрыгнул назад, в его глазах вспыхнуло изум-

ление. Острое лезвие зазвенело, ударившись о могучее тело, как о наковальню, и отскочило, не оставив на нем никакого следа. И сразу Косатраль надвинулся на него, как неотвратимый вал ярости.

После этого произошла очень короткая, но яростная схватка, полная неистовых корчей, когда тела и конечности скручивались и переплетались самым невероятным образом, и Конан вновь вывернулся и отпрыгнул в сторону. Каждая клеточка тела трепетала от непомерного напряжения. Там, где кожу задели жесткие пальцы, выступила кровь. В этом мимолетном столкновении киммериец испытал натиск титанического бешенства, будто удар некоего древнего природного закона. Человек не мог бы нанести ему такой урон, так исколошматить и контузить — на это был способен только оживший и наделенный ощущениями металл. Тело существа, которое противостояло ему, состояло из живого железа.

Косатраль угрожающе нависал над воином в темноте. Допустить, чтобы эти громадные пальцы сомкнулись, означало конец. Железную хватку не ослабила бы уже никакая сила в мире, до тех пор пока не оставила бы безвольное тело. В этом затемненном помещении человек боролся с чудовищем из снов, как в ночном кошмаре.

Отбросив свой бесполезный меч, Конан схватил тяжелую скамью и швырнул ее изо всех сил. Она была так массивна, что немногие могли бы даже приподнять ее, не то что использовать в качестве метательного орудия. Она разбилась в щепы о могучую грудь Косатраля. Гигант даже не пошатнулся. В выражении его лица стало еще меньше человеческого. Огненный нимб полыхал вокруг его устрашающей головы. Подобно движущейся башне, он стал приближаться.

В отчаянном прыжке Конан рванул целую секцию гобелена со стены и, раскрутив ее с еще большей силой, чем при броске скамьи, накинул на голову гиганта. С минуту Косатраль, запутавшись и ничего не видя, барахтался в облепившей его ткани, которая задержала его лучше, чем дерево или сталь. И в этот выигранный момент Конан подхватил свой кривой меч и вылетел в коридор. Не сбавляя скорости, он бросился в соседнюю комнату, захлопнул дверь и задвинул засов.

Повернувшись, он остолбенел, кровь бросилась ему в голову. На ворохе шелковых подушек, рассыпав золотые

волосы по обнаженным плечам и со взглядом, не выражающим ничего, кроме ужаса, скорчилась та женщина, которая так занимала его. Он почти забыл о кошмаре за спиной, но удар, расщепивший дверь, вернул его в чувство. Он подхватил девушку и одним прыжком оказался у противоположной двери. Она была слишком беспомощна от испуга, чтобы сопротивляться или, наоборот, помочь ему. Слабые жалобные стоны были единственной реакцией, на которую она оказалась способной.

Конан не стал терять время на отпирание двери. Сокрушительный удар кривого меча разрубил замок пополам, одновременно он увидел, как голова и плечи Косатраля проломили первую дверь. Колосс расправлялся с массивными панелями, словно они были картонные.

Конан помчался вверх по лестнице, без усилий неся на одном плече высокую девушку, как ребенка. У него не было секунды сообразить, куда он несется, лестница вывела его к двери в круглое купольное помещение. Косатраль поднимался за ним молча, как смертельный вихрь, и так же быстро.

Стены зала были из твердой стали, как и дверь. Конан захлопнул ее и задвинул большие болты, которыми она была снабжена. Ему пришла в голову догадка, что это помещение и есть комната Косатраля, где он запирался, чтобы спать в безопасности от чудищ, которых он высвободил из Преисподни, дабы они выполняли его приказания.

Он еле успел вдвинуть металлические стержни в гнезда, как громадная дверь затряслась и зашаталась под напором гиганта. Конан поежился. Здесь их ожидал конец, дальше бежать было некуда, в помещении не было ни других дверей, ни окон. Воздух и странный туманный полусвет, очевидно, просачивались в щели в куполе. В задумчивости он провел пальцем вдоль лезвия своего кривого меча. Теперь в укрытии к нему вернулось его хладнокровие. Он сделал все, на что была способна его натура, чтобы вырваться от чудовища; теперь, когда гигант сокрушит и эту дверь, он примет еще один бой с бесполезным мечом в руках, излив в атаке всю свою бешеную ярость и первобытную жажду жизни. Дикий взрыв энергии вряд ли спасет его, но он все равно пойдет на это, так как по своей природе не способен умереть без борьбы. Сейчас была минута передышки, и поэтому его спокойствие не стоило ему особых усилий и не было притворным.

Взгляд, который он обратил на свою светловолосую компаньонку, был полон восхищения и неподдельного чувства, как будто он собирался жить еще сотню лет. Он сбросил ее на пол довольно бесцеремонно, когда повернулся закрыть дверь, и она приподнялась на колени, машинально приводя в порядок свои рассыпанные локоны и то немногое, что на ней было надето. Горячие глаза Конана выразили одобрение, когда он опять окинул взглядом ее густые, струящиеся по плечам золотистые волосы, огромные глаза, молочно-белую кожу, гладкую и блестящую, что свидетельствовало об избытке здоровья, крепкие выпуклости ее бюста, контуры ее изящных бедер.

В этот момент дверь задрожала, а засовы заскрежетали и стали поддаваться.

Конан не стал оглядываться. Он знал, что дверь еще немного продержится.

— Мне сказали, что ты сбежала, — сказал киммериец. — Рыбак юетши сообщил, что ты прячешься здесь. Как тебя зовут?

— Октавия, — выдохнула она, непроизвольно приходя в себя.

Затем слова полились стремительным потоком. В отчаянии она вцепилась в Конана.

— О Митра! Что это за кошмар? Люди — темнокожие люди — один из них поймал меня в лесу и принес сюда. Они оттащили меня к... к этому... к этому существу... нет, я не знаю, что это такое. Он говорил со мной... он сказал... неужели я сошла с ума? Это сон?

Конан посмотрел на дверь, которая прогибалась внутрь, словно под ударами стенобитного орудия.

— Нет, — произнес он, — это не сон. Этот запор сейчас полетит к чертям. Странно, что демон должен взламывать дверь, как обычный человек, но, в конце концов, его сила сама по себе демонизм.

— Ты не можешь убить его? — умоляюще спросила она. — Ты такой сильный!

Конан был слишком честен, чтобы лгать ей.

— Если бы смертный мог убить его, он был бы уже мертв, — ответил варвар. — Я затупил лезвие об его брюхо.

Ее глаза помертвели.

— Значит, ты должен умереть, и я тоже — о Митра! — завопила она в безумном отчаянии, и Конан схватил

девушку за руки, опасаясь, что она сделает с собой что-нибудь непоправимое.

— Он сказал, что собирается сделать со мной! — задыхаясь, кричала она. — Убей меня! Убей меня своим мечом до того, как он разрушит дверь!

Конан посмотрел на нее и отрицательно мотнул головой.

— Я сделаю, что смогу, — сказал он. — Это не очень много, но у тебя появится шанс проскользнуть у демона за спиной по лестнице вниз. Потом беги на утесы. Моя лодка привязана у подножия лестницы. Если ты сумеешь выбраться из дворца, ты еще, возможно, спасешься. Все люди в этом городе спят.

Октавия уронила голову на руки. Конан взял свой кривой меч и встал перед гудящей дверью. Тому, кто наблюдал за Конаном в этот момент, не пришло бы в голову, что варвар ждет неизбежной смерти. Его глаза вспыхивали чуть ярче, а мускулы на руке, сжимающей рукоять меча, вздувались чуть сильнее, чем обычно, — вот и все.

Петли сорвались от ужасного удара, и дверь зашаталась, почти вываливаясь, удерживаемая только засовами. Но и эти стальные стержни прогибались, выкручивались и вылезали из своих гнезд. Конан наблюдал за этим почти безучастно, как зачарованный, будто даже завидуя нечеловеческой силе монстра.

И вдруг без видимого повода атака прекратилась. В наступившей тишине Конан услышал посторонние звуки на площадке снаружи — удары крыльев, невнятные голоса, напоминающие жалобный вой полуночного ветра в ветвях. Потом вновь все смолкло, но чувствовалось, что обстановка как-то переменилась. Обостренный инстинкт варвара подсказывал Конану, что владыка Дагона больше не стоит за дверью.

Киммериец заглянул в трещину, образовавшуюся между дверью и стальной стеной. Площадка перед дверью была пуста. Конан отодвинул деформированные болты и осторожно оттащил осевшую искореженную дверь в сторону. Косатраля на лестнице не было, но далеко внизу он услышал лязг металлической двери. Он не знал, готовил ли гигант новые козни или был отвлечен воем, но времени на предположения и разгадки не оставалось.

Конан окликнул Октавию. Заслышав новые ноты в его голосе, Октавия вскочила и, почти не осознавая, что делает, бросилась к нему.

— Что произошло? — ахнула девушка.

— Не стой, разговаривать некогда! — Конан схватил ее за руку. — Давай, быстро!

Возможность действовать преобразила его: глаза блестели, голос охрип от волнения.

— Нож! — пробормотал он вдруг, спохватившись уже на лестнице, куда в неистовой спешке почти насильно уволок девушку. — Магическое лезвие юетши! Он оставил его под куполом! Я... — его голос внезапно оборвался, так как он мысленно представил всю ситуацию очень четко. Этот купольный зал соединен с большой комнатой, где стоит медный трон... При мысли об этом Конана окатило с ног до головы горячей волной. Единственный путь под купол проходил через комнату с медным троном и отвратительной тварью, дремлющей на нем.

Но колебаться было не в характере киммерийца.

Не теряя ни секунды, они скатились вниз, пересекли помещение, спустились по следующей лестнице и вошли в большой темный зал с таинственными драпировками. Колосса нигде не было видно. Задержавшись у огромных бронзовых створок двери, Конан схватил Октавию за плечи и энергично тряхнул.

— Слушай! — отрывисто бросил он. — Я иду в комнату и запираю дверь. Стой здесь и слушай. Если появится Косатраль, зови меня. Если услышишь мой крик, беги, будто дьявол наступает тебе на пятки, что, возможно, так и будет. Используй ту дверь, на другом конце зала, потому что я не успею помочь тебе. Я иду за клинком юетши!

Прежде чем девушка успела открыть рот, чтобы воспротивиться, Конан проскользнул между створок двери и захлопнул их за собой. С большими предосторожностями он запер дверь, не замечая при этом, что запор можно было открыть и снаружи.

В туманном полумраке пристальный взгляд варвара различил зловещий медный трон; чешуйчатая тварь была еще там, заполняя сиденье своими отвратительными кольцами. Конан видел дверь за троном и знал, что она ведет в помещение под куполом. Но для того чтобы достичь ее, надо подняться на возвышение и пройти всего в нескольких футах от самого трона.

Ветерок, потянувший над зеленым полом, произвел бы больше шума, чем крадущиеся шаги Конана. Не спуская глаз со спящей рептилии, он достиг помоста и стал

подниматься по стеклянным ступеням. Змея не двигалась. Конан уже почти добрался до двери...

Запор на бронзовых дверях звякнул, и Конан бесшумно выругался, так как увидел, что Октавия входит в комнату. Девушка растерянно вглядывалась в темноту, а киммериец стоял, окаменев, не осмеливаясь крикнуть, чтобы предостеречь ее. Тут она увидела еле различимую фигуру варвара и бросилась к помосту с криком:

— Я пойду с тобой! Я боюсь оставаться одна! О!

И вдруг, вскинув руки, она издала ужасающий визг, так как впервые заметила обитателя трона. Клинообразная голова поднялась из колец и, раскачиваясь на поблескивающей шее, выдвинулась на целый ярд по направлению к девушке.

Затем кольцо за кольцом змея стала плавно стекать с трона. Уродливая голова угрожающе раскачивалась в сторону парализованной девушки.

Отчаянным прыжком Конан преодолел расстояние между собой и троном и изо всех сил взмахнул кривым мечом. Но движение змеи оказалось таким стремительным, что еще до того, как меч опустился, она взметнулась и со слепящей скоростью обвила около полдюжины колец вокруг его тела и конечностей. Наполовину остановленный удар не достиг своей цели, меч опустился на помост, глубоко надрезав чешуйчатое тело, но не разрубив его.

После этого он корчился на стеклянных ступенях, обвитый отвратительными скользкими кольцами, которые сжимались вокруг него, расплющивая мышцы, дробя кости, убивая его. Свободной еще у него оставалась только правая рука, но ему не удавалось выбрать положение, в котором он мог бы нанести смертельный удар. Конан знал, что одного удара должно быть достаточно, так как другого у него уже не будет. Со стоном, буквально треща от напряжения так, что жилы на висках готовы были лопнуть, а переплетения мускулов вздулись в судорожно дрожащие сжатые узлы, киммериец выпрямил ноги и выжал вверх почти всю махину сорокафутового монстра.

Мгновение Конан стоял пошатываясь на широко расставленных ногах, чувствуя, как его ребра вдавливаются во внутренности, а в глазах темнеет от напряжения. Кривой меч мерцал у него над головой, и наконец он обрушился, рассекая чешую, мышцы и позвонки. Один огромный извивающийся клубок змеиного тела неожиданно распался

на две части, которые, в свою очередь, распались на хлещущие, извивающиеся в смертной муке обрубки. Конан, шатаясь, двинулся прочь, стараясь избежать конвульсивных ударов чешуйчатого тела. Он совершенно выдохся, все плыло у него перед глазами, из носа текла кровь. Ничего не видя в кровавой пелене, он ощупью схватил Октавию и тряс ее, пока она не стала задыхаться.

— В следующий раз, когда я приказываю тебе оставаться на месте, — прохрипел он, — стой там!

У киммерийца слишком сильно кружилась голова, чтобы выслушивать оправдания. Взяв девушку за руку, как напроказившую школьницу, он повел ее в обход отвратительных обрубков, все еще хлопающих и извивающихся на полу. Где-то по пути ему показалось, что он слышит пронзительный человеческий крик, но в ушах у него еще шумело, поэтому он не был уверен в этом.

Дверь подалась под нажимом. Если Косатраль поместил змею сторожить предмет, которого он боялся, очевидно, он считал эту меру предосторожности вполне подходящей. Конан почти ждал, что какое-нибудь другое чудовище нападет на него, когда он откроет дверь.

Однако в сумрачном свете он увидел только неясный изгиб арки, тускло поблескивающий блок золота и слабо мерцающий полумесяц на нем.

Со вздохом облегчения он подхватил его и, не тратя времени на изучение и рассматривание, развернулся и помчался через комнату, вниз в большой зал по направлению к дальней двери, которая, как он чувствовал, вела наружу. Он был прав. Несколькими минутами позже он выскочил на молчаливые улицы, наполовину неся, наполовину сопровождая свою товарку. Никого не было видно, но за западной стеной раздавались крики, стенания и вопли, которые заставили Октавию задрожать. Конан подвел ее к юго-западной стене и без затруднений нашел каменную лестницу, которая вела наверх к сторожевым башням. Он прихватил толстый гобеленовый шнур в большом зале и теперь, достигнув парапета, сделал из мягкой крепкой веревки петлю и, усадив в нее девушку, опустил на землю. Затем, привязав конец к одному из зубцов он соскользнул по веревке вслед за ней. Для того чтобы покинуть остров, у них был один путь: лестница в скале с западной стороны. В этом направлении он и спешил, описывая широкий круг вокруг места, откуда слышались крики и звуки ужасных ударов.

Октавия ощущала, что страшная опасность скрывается в этих укрытых густой листвой дебрях. Дыхание у нее перехватило, сердце сильно забилось, и она тесно прижалась к своему защитнику. Но крики в лесу прекратились, и они не могли понять, в чем заключается опасность, пока не выбрались из леса и им не бросилась в глаза фигура, стоящая на краю утеса.

Джихангир Аджа избегнул судьбы, постигшей его воинов, когда железный гигант, внезапно вылезший из ворот, начал плющить, мять и рвать их на куски растащенного на волокна мяса, перемешанного с раздробленными костями. Когда он увидел, как ломаются мечи его лучников об это человекоподобное воплощение силы, он понял, что они столкнулись не с человеческим выродком. Он сразу кинулся прочь, укрываясь в дремучей чащобе, пока не стих шум кровопролития. Затем он прокрался назад к лестнице, но его гребцов внизу уже не было.

Они услышали вопли и, ожидая в нетерпении и тревоге, вдруг увидели на утесе над собой залитое кровью чудовище, размахивающее гигантскими руками в жутком восторге триумфа. Больше им некого было ждать. Когда Джихангир появился на скале, они как раз вплывали в камыши и докричаться до них уже не было возможности. Косатраль убрался — то ли вернулся в город, то ли рыскал по лесу в поисках человека, убежавшего от него за пределы стен.

Джихангир как раз готовился спуститься по лестнице и сесть в лодку Конана, когда увидел гетмана и девушку, выходящих из чащи. Леденящее кровь происшествие, почти разрушившее его планы, не изменило намерений Джихангира по отношению к вожаку козаков. Вид человека, которого он пришел убить, наполнил его радостью, вознаградившей за пережитое. Его удивило, что с ним была девушка, которую он отдал Джелаль-хану, но он не стал тратить время на нее. Подняв свой лук, он вложил стрелу и выстрелил. Конан присел, и стрела воткнулась в дерево. Смех обуял Конана.

— Собака! — насмешливо бросил варвар. — Ты не можешь попасть в меня. Я родился не для того, чтобы умереть от гирканской стали. А ну-ка! Попробуй еще раз, туранская свинья!

Джихангир оставил свои безуспешные попытки. Та стрела у него была последней. Он вытащил кривой меч и двинулся вперед, уверенный в своей безопасности, так как на нем был остроконечный шлем и мелкоячеистая кольчуга.

Конан встретил его на полпути слепящим выпадом меча. Кривые лезвия скрещивались, вновь взлетали, описывая сверкающие круги, слепили глаза. Октавия, наблюдающая схватку, не успела заметить, когда был нанесен решительный удар, но услышала его звук и увидела, что Джихангир падает, а из его бока, где клинок киммерийца, пробив кольчугу, застрял в позвоночнике, хлещет кровь.

Но вопль Октавии был вызван не смертью ее бывшего хозяина. Обламывая сучья и сгибая деревья, над ними вырос Косатраль Кель. Девушка не могла бежать, громкий стон сорвался с ее губ, колени у нее подкосились, и она упала ничком на дерн.

Конан, нагнувшийся над телом Аджи, не шевельнулся, чтобы скрыться. Перехватив красный от крови меч в левую руку, он вытащил серповидный нож юетши. Косатраль Кель вздымался над ним с поднятыми, как кувалды, руками. Но когда лезвие отразило солнечный луч, гигант внезапно отступил.

Однако кровь Конана взыграла. Он стремительно бросился вперед и всадил серповидное лезвие. Оно не отскочило и не изогнулось. Его острие вошло в темный металл, из которого состояло тело Косатраля, как нож мясника или топор в обычное тело. Из глубокого надреза потекла странная жидкость — кровь богов, и Косатраль издал крик, подобный погребальному звону большого колокола. Его устрашающие руки молотили все вокруг, но Конан, который был стремительнее, чем лучники, погибавшие под этими ужасными расплющивающими ударами, увертывался, колол и рубил вновь и вновь. Косатраль закачался и накренился, его крики рвали слух, как будто металлу был дан язык, выражающий боль, словно железо пронзительно визжало и скрежетало от муки.

Затем, развернувшись, он двинулся в лес, шатаясь и спотыкаясь, проламываясь через кусты и натыкаясь на деревья. И несмотря на то, что Конан преследовал его со скоростью, которую ему придавала жажда реванша, стены и башни Дагона выступили из-за деревьев раньше, чем он сумел всадить в гиганта кинжал еще раз.

И тут Косатраль снова развернулся, молотя воздух сокрушительными ударами, но Конан, распаленный до бешенства, не собирался отказываться от своего намерения. Как пантера в безвыходном положении сбивает с ног быка, так нырнул он под дубинообразные руки и всадил

по рукоять серповидное лезвие в то место, где у человека находится сердце.

Косатраль зашатался и упал. Он сохранял облик человека, пока был на ногах, но то, что грохнулось на землю, уже потеряло эту форму. Там, где раньше было подобие человеческого лица, теперь была гладкая поверхность, а металлические конечности плавились и изменялись на глазах... Конан, который не отступал перед живым Косатралем, отшатнулся, побелев, от него мертвого, не в силах наблюдать ужасные превращения. В своей смертной агонии Косатраль Кель снова становился субстанцией, которая ползла вверх из бездны в течение тысячелетий. Давясь от нестерпимого отвращения, Конан отвернулся, чтобы не быть свидетелем этого зрелища, и тут он обнаружил, что башни Дагона больше не просвечивали сквозь деревья. Они растаяли как дым — зубчатые стены, башни, огромные бронзовые ворота, бархат, золото, слоновая кость, темноволосые женщины и бритоголовые мужчины. С уходом сверхъестественной силы, вернувшей их к жизни, они вновь обратились в прах, которым действительно были в течение бесчисленных веков. Только остатки разрушенных колонн поднимались над обвалившимися стенами, разбитой мостовой и разрушенным куполом. Конан снова видел руины Ксапура, какими он помнил их по прежним временам.

Варвар-гетман некоторое время стоял, подобно статуе, будто в тумане, пытаясь понять хоть что-нибудь в космической трагедии мерцающей эфемерности. Потом, услышав собственный голос, прерывающийся от страха, Конан встряхнулся, как бы приходя в себя после тяжкого сна, бросил взгляд на останки этой вещи на земле, содрогнулся и повернул прочь к утесам и девушке, которая ждала его там.

Она со страхом вглядывалась под деревья и встретила его полузадушенным криком облегчения. Он стряхнул смутные чудовищные видения, которые на мгновение одолели его, и снова стал самим собой — бурным и любящим жизнь.

— Где он? — передернулась она.

— Убрался обратно в Ад, откуда и выполз, — отвечал он весело. — Почему ты не спустилась по ступеням и не удрала в моей лодке?

— Я не хотела тебя бросать... — начала девушка, но тут же оборвала себя и добавила довольно мрачно: — Мне некуда идти. Гирканийцы снова угонят меня в рабство, а пираты...

— А что ты скажешь о козаках? — предложил он.

— Неужели они лучше пиратов? — насмешливо спросила она.

Восхищение Конана только возросло при виде того, как хорошо восстановила она равновесие после пережитого ужаса. Ее высокомерие позабавило варвара.

— Кажется, ты так и думала в лагере у Горна, — ответил Конан. — Тогда-ты была достаточно бойка.

Алые губки искривились в презрении.

— Неужели ты думаешь, я была влюблена в тебя. Не воображай, что я стала бы позориться с таким варварским вместилищем пива и пожирателем мяса, как ты, если бы меня не обязали делать это. Мой хозяин, труп которого лежит там, заставил меня делать то, что я делала.

— О!

Конан казался удрученным. Затем он рассмеялся, не думая охлаждать свой пыл.

— Неважно. Теперь ты принадлежишь мне. Поцелуй меня.

— Ты осмеливаешься просить... — начала Октавия сердито и вдруг почувствовала, что ее ноги оторвались от земли, а сама она прижата к мускулистой груди гетмана. Она отбивалась от него неистово, вкладывая в это всю гибкую силу своей восхитительной юности, но Конан только бурно хохотал, опьяненный обладанием этого превосходного создания, извивающегося в его руках.

Он легко сминал ее атаки и пил нектар ее губ со всей необузданной страстью, на которую был способен, пока руки, отталкивающие его, не ослабели и конвульсивно не обвились вокруг его массивной шеи. Тогда Конан рассмеялся, глядя прямо в чистые глаза, поднятые на него, и сказал:

— Почему бы тебе не предпочесть вожака Свободного Народа воспитанной в городе собаке из Турана!

Октавия откинула свои рыжеватые локоны, еще трепеща каждым нервом от огненных поцелуев варвара. Не расплетая рук, она поддразнила:

— Ты считаешь себя равным Адже?

Конан рассмеялся и, держа девушку на руках, большими шагами двинулся к лестнице.

— Ты сможешь судить сама, — хвастливо бросил киммериец. — Я запалю Хоарезм как факел, чтобы он освещал путь к моему шатру.

АЛЫЕ КОГТИ

Глава 1
ЧЕРЕП НА СКАЛЕ

Женщина натянула поводья своего усталого коня. Тот остановился, широко расставив ноги, словно изящная уздечка красной кожи с золотыми кистями лежала на нем непомерной обузой. Женщина вынула ноги из серебряных стремян и соскользнула с позолоченного седла на землю. Привязав коня к молодому деревцу, она повернулась и принялась напряженно всматриваться в окружающий ландшафт — ладони прижаты к бедрам, лоб чуть нахмурен.

Местность не выглядела гостеприимной. Маленькое озерко, из которого только что напился конь, обступали огромные деревья. Густой подлесок ограничивал видимость: взгляд тщетно пытался пробиться сквозь мрачные сумерки под величественными кронами. Женщина едва заметно передернула великолепно очерченными плечами и тихо выругалась.

Она была высокого роста, с развитой грудью, а длинные ноги и тяжелые бедра идеально сочетались с узкими плечами. Ее фигура говорила о необыкновенной силе, в то же время каждой своей линией подчеркивая принадлежность к прекрасному полу. Она была женщиной во всем — с головы до пят, и это несмотря на манеры и одежду. Последняя в силу обстоятельств мало чем напоминала изящный наряд. Вместо юбки на ней были короткие широкие штаны из шелка, которые, не доходя до колен, резко сужались; обмотанный вокруг талии шелковый пояс на застежке не давал им сползти вниз. Сапоги мягкой кожи с ярко окрашенным верхом закрывали ноги почти до колен, а рубашка с глубоким вырезом, широким воротником и рукавами завершала костюм. У одного бедра висел прямой обоюдоострый меч, у другого — длинный кинжал. Густые непо-

слушные волосы цвета золота, грубо обрезанные у плеч, были схвачены алой лентой.

Естественная грация тела и яркий наряд в этом мрачном, первобытном лесу казались неуместными, почти нереальными. Ей скорее подошло бы окружение из морского простора, белых облаков и парящих чаек. Дерзкие, жадные глаза словно отражали морскую синеву. Иначе и быть не могло, ибо это была Валерия — воительница из «Ватаги Красных братьев», чьи дела и походы повсюду прославляют в своих песнях и балладах морские бродяги, стоит им только собраться где-нибудь теплой компанией.

Она попыталась отыскать в плотном лесном покрове брешь, чтобы увидеть хоть краешек неба, но в конце концов отказалась от этой затеи. С прекрасных губ сорвалось проклятие.

Оставив коня, женщина зашагала на восток, время от времени оглядываясь на озеро, чтобы выдержать направление. Тишина леса действовала угнетающе. Ни пения птиц в сплетенных высоко над головой ветвях, ни шороха в кустах — спутника хлопотливой жизни мелких зверюшек. Она прошла уже несколько лиг в этом царстве тишины, и ничто, кроме мягкой поступи ее ног, не нарушало векового покоя.

Валерия предусмотрительно утолила жажду у озерка, но сейчас проснулся голод, и она стала высматривать знакомые плоды, которыми питалась с тех пор, как иссякли запасы пищи в седельных сумках.

Но вот впереди показалась темная скала — будто чудовищный каменный зуб с поверхностью, изъеденной временем, она высилась посреди деревьев-исполинов. Ее вершина терялась в сплошной завесе листвы. Валерия на миг задумалась: судя по виду, скала насквозь прорезала зеленый покров и, значит, взобравшись на нее, можно будет узнать, далеко ли край этого леса... если только у него действительно есть хоть какой-нибудь предел: после стольких дней путешествия под темным сводом надежды выбраться на открытую местность почти не осталось.

Узкий кряж, протянувшийся по крутому склону, позволял без особых хлопот подняться к вершине. Одолев около пятидесяти ярдов, Валерия вплотную приблизилась к зеленому поясу. Мощные стволы высились чуть поодаль, но их нижние ветви, дотянувшись до склонов, оплетали скалу густой листвой. Валерия поднималась все выше, пробираясь

среди ветвей и листьев, уже потеряв из виду землю и не подозревая о том, что может ожидать ее через фут, как вдруг увидела голубой лоскуток неба; еще минута — и ее залили жаркие лучи солнца.

Она стояла на широком уступе, от ее ног убегали вдаль волны зеленого моря. С уступа кверху взметнулся острый шпиль, венчавший скалу, на которую она взобралась. Глядя на солнце, она несколько раз глубоко вздохнула и вдруг опустила голову: в сухих листьях, толстым ковром устилавших площадку, ее носок задел что-то твердое. Она быстро расшвыряла ногами листья, и ее глазам открылся человеческий скелет. Опытным взглядом женщина пробежала по выбеленным костям, но не нашла ни переломов, ни прочих признаков насилия. Выходит, человек умер естественной смертью, правда, оставалось неясным, зачем за этим надо было лезть на высокую скалу.

Валерия поднялась к вершине шпиля и, примостившись на крохотном козырьке, прижавшись к камню, окинула взглядом горизонт. Тесные ряды крон, напоминавшие с ее наблюдательного пункта неровный зеленый пол, сверху были так же непроницаемы, как и снизу. Даже озерко, возле которого она оставила коня, отсюда не было видно. Она посмотрела на север, откуда пришла, но увидела все тот же океан растительности, лишь у самого горизонта голубела размытая линия — напоминание о горной гряде, пройденной несколько дней назад еще до того, как ее поглотила эта зеленая пустыня.

За исключением полоски гор, на востоке и на западе — картина та же. Но стоило ей перевести взгляд на юг, как ее тело застыло в напряжении, дыхание перехватило. Уже через милю лес в той стороне начинал быстро редеть и, резко обрываясь, сменялся голой равниной, густо поросшей кактусами. А посреди ее высились стены и башни города. Не в силах сдержать изумления, Валерия вычурно выругалась. Увиденное превзошло самые смелые расчеты. Она не удивилась бы, окажись тут поселение людей: что-нибудь вроде скопления хижин — обычное стойбище чернокожих или похожие на груды каменных обломков жилища смуглых аборигенов, принадлежавших к неведомой расе, по преданиям, в незапамятные времена заселившей этот регион. Но обнаружить город здесь, за многие недели пути до ближайшего форпоста цивилизации — этого она ожидала меньше всего.

Валерия с трудом оторвала взгляд от неожиданного зрелища. Все еще хмурясь в нерешительности, она проворно спустилась на уступ. Пожалуй, в своем бегстве она зашла слишком далеко — далеко от лагеря наемников, расположенного посреди саванны у пограничного города Сухмет, где пестрое сборище отчаянных головорезов охраняло стигийские рубежи от набегов дикарей, красными волнами накатывавшихся из Дарфара. Ее бегство в совершенно незнакомую страну походило на бегство слепца. И сейчас она колебалась между сильным желанием, вернувшись к коню, отправиться прямо в город и инстинктом самосохранения, который подсказывал, что самое разумное — незаметно обогнуть его и в одиночестве продолжить путь.

Ход рассуждений прервал шорох сухих листьев за спиной. Она круто обернулась — в глазах блеск дикой кошки, рука на эфесе меча — и застыла, пораженная, уставившись на стоявшего перед ней воина.

Ростом едва ли не с великана, он обладал железными мускулами, буграми вздувшимися под гладкой, потемневшей под лучами солнца кожей. На нем была почти та же одежда, за той лишь разницей, что вместо пояса талию стягивал широкий кожаный ремень. Палаш и кинжал дополняли картину.

— Конан-киммериец! — воскликнула женщина. — Ты здесь откуда? Преследуешь меня?

Он грубо усмехнулся; голубые глаза варвара жадным взглядом окинули идеальные формы, задержавшись на прекрасных округлостях груди под легкой рубашкой и на полосе обнаженного тела между штанами и мягкими голенищами сапог; в его темных зрачках вспыхнул огонь, понятный любой женщине.

— Не догадываешься? — Он рассмеялся. — Или я недостаточно намекал на свои чувства с самой нашей первой встречи?

— Куда уж яснее — жеребцы все одинаковы! — Она презрительно передернула плечами. — Но я никак не ожидала встретить тебя здесь, вдали от мисок и пивных бочек Сухмета. Ты что же, в самом деле покинул ради меня лагерь Заралло? А может быть, тебя просто вышвырнули за воровство?

Он лишь расхохотался на ее оскорбительный тон и согнул руки — под кожей заходили бугры мускулов.

— У Заралло не хватило бы людей, чтобы выставить меня из лагеря. — Он широко ухмыльнулся. — Разумеется, я ушел сам. Ты, кстати, тоже не промах! Ты хотя бы знаешь, что, поцарапав стигийского начальника, ты потеряла расположение Заралло, а в Стигии тебя объявили вне закона?

— Знаю, — мрачно ответила она. — А что мне оставалось? Я ему повода не давала, так что нечего было на меня набрасываться.

— Ну да, — согласился Конан. — Будь я поблизости, сам перерезал бы ему горло. Но когда женщина живет в лагере воинов-мужчин, она должна быть готова к подобным наскокам.

Валерия в ярости топнула ногой и выругалась.

— Почему мужчины не оставят меня в покое, не дадут жить свободной — так, как живут сами?

— Ну, это как раз понятно! — И вновь его глаза жадно прошлись по ее телу. — Хорошо, что у тебя хватило ума сбежать из лагеря, иначе стигийцы содрали бы с тебя живой кожу. Брат убитого погнался за тобой и, я уверен, догнал бы. Он почти настиг тебя, когда мы встретились. У него была хорошая лошадь — гораздо лучше твоей. Еще несколько миль — и он перерезал бы тебе горло. — Киммериец умолк.

— Ну?

— Что ну? — Он сделал изумленное лицо.

— Что с ним случилось?

— Не догадываешься? — Он пожал плечами. — Конечно, я убил его — надо же и грифов подкармливать. Из-за этой заминки я едва не потерял твой след, пока ты переваливала через горы. А иначе догнал бы много раньше.

— И что думаешь делать? Потащишь меня в лагерь к Заралло? — Она недобро усмехнулась.

— Не мели ерунды! — отрезал он. — Уймись, девочка, и не гляди злючкой. Разве я похож на того стигийца, которого ты так неосторожно пощекотала ножичком? По-моему, нет.

— Бродяга с дырявыми карманами! — Она хотела уколоть его, но варвар только расхохотался.

— Ты бы на себя оглянулась! У самой не хватит денег даже на заплату на заднице. Кривись на здоровье, но меня не проведешь. Тебе прекрасно известно, что совсем недавно под моим началом было больше кораблей и людей, чем ты

имела за всю свою жизнь. А что до пустых карманов... так где ты видела морского бродягу, который дрожал бы над монетами? Того золота, что я просадил в портовых тавернах, хватило бы, чтобы набить им галеон. Да что я говорю — сама знаешь.

— И где же они — те грозные корабли и отважные корсары, которыми ты командовал? — усмехнулась Валерия.

— Большей частью — на дне моря! — беспечно ответил он. — Последний корабль потопили зингарцы недалеко от побережья Шема — вот почему я оказался в Вольном братстве Заралло. Но притопав в лагерь на границе с Дарфаром, я убедился, что меня подло надули. Жалованье — нищенское, вино — кислятина, о чернокожих красотках я вообще не говорю: какую ни возьми, так обязательно зубы подпилены, в носу — кольцо! Бр-р-р! А ты как очутилась у Заралло? Ведь от соленой воды до Сухмета путь не близкий!

— Красному Орто взбрело в голову затащить меня себе в постель, — угрюмо ответила она, опуская глаза. — Вот я и прыгнула как-то ночью за борт, когда мы стояли на якоре неподалеку от кушитского берега. А на берегу повстречала купца-шемита, который и сказал, что Заралло увел своих Вольных братьев на юг к границе с Дарфаром. Ничего лучшего не предвиделось, вот я и примкнула к каравану, идущему на восток, и в конце концов добралась до Сухмета.

— Надо было совсем рехнуться, чтобы искать спасения на юге, — задумчиво сказал киммериец. — А с другой стороны, ты поступила весьма благоразумно: никому и в голову не придет искать тебя здесь. Один брат убитого взял верный след, и то благодаря лишь случаю.

— Ну хорошо, что дальше? — решительным тоном потребовала Валерия.

— Повернем на запад. Мне приходилось забираться так далеко на юг, но чтобы еще и к востоку — такого пока не случалось. Через много дней пути мы выйдем на открытую саванну, где племена чернокожих пасут свои стада. У меня среди них есть друзья. Оттуда доберемся до побережья и найдем подходящий корабль. Я уже по горло сыт джунглями.

— Вот и прекрасно! — воскликнула она. — Счастливого пути! А у меня на этот счет свои соображения!

— Не будь дурой! — Впервые Конан повысил голос. — Мало ты плутала по этому лесу, хочешь еще?

— Почему бы и нет?

— Что-то задумала?

— Не твое дело! — отрезала она.

— Ошибаешься, — уже ровным тоном ответил он. — Не для того я забрался в такую глушь, чтобы возвращаться с пустыми руками. Подумай хорошенько, девочка. Я не желаю тебе зла.

Он сделал шаг вперед — она отпрыгнула и выхватила меч.

— Не прикасайся ко мне, пес! А то насажу на меч, как поросенка на вертел!

Он нехотя подчинился.

— Хочешь, чтобы я отобрал у тебя игрушку и отшлепал непослушную по попке?

— Слова! Одни слова! — Девушка в открытую издевалась над ним, в дерзких глазах солнечными лучиками по голубой воде плясали огоньки.

Она была права. Никто из живущих не смог бы разоружить Валерию из Братства голыми руками. Варвар нахмурился: его одолевали противоречивые чувства. Глупое упрямство девушки вызывало раздражение, в то же время присутствие духа восхищало его. Он сгорал от страсти: хотелось крепко прижать, стиснуть в своих железных объятиях ее соблазнительное тело, но больше всего он боялся причинить ей боль. Варвар буквально разрывался между грубым желанием и нежностью к ней. Он знал: еще один шаг — и ее меч пронзит его сердце. Слишком часто он наблюдал, с какой легкостью Валерия расправляется в пограничных стычках с врагами, чтобы иметь на этот счет какие-то сомнения. В бою она была стремительна и беспощадна, как тигрица. Конечно, можно вытащить палаш и выбить меч из ее рук, но сама мысль поднять оружие на женщину, пусть и без худых намерений, вызывала в его душе крайнее отвращение.

— Чтоб ты пропала со своим упрямством! — взорвался он. — Ну да я доберусь до тебя!

Не помня себя от ярости и страсти, он рванулся вперед, девушка изготовилась для смертельного удара, но вдруг развязка — неожиданная, страшная — прервала эту трагикомическую сцену.

— Что это?!

Голос принадлежал Валерии, но содрогнулись оба. Конан круто повернулся — огромный меч в руке, весь комок мускулов и нервов. Внезапно тишину леса разорвали жуткие вопли смертной муки, ужаса, агонии — это ржали их лошади. К этим звукам примешивался еще один — громкий хруст, словно кто-то перемалывал кости мощными челюстями.

— Львы пожирают наших лошадей! — воскликнула Валерия.

— Какие там львы! — Конан сверкнул глазами. — Или ты слышала львиное рычание?! Нет? Я тоже нет! И потом, лев не стал бы поднимать такой шум из-за какой-то лошади. Да еще этот хруст...

Киммериец начал быстро спускаться по естественному кряжу, Валерия — следом. Вражда была забыта, перед лицом таинственной опасности оба искателя приключений из противников моментально превратились в союзников. Едва они миновали лиственную завесу, как отчаянное ржание стихло.

— Я обнаружил твою лошадь у пруда, привязанную к дереву, — говорил он, ступая без малейшего шума — не удивительно, что его появление там, на скале, застало ее врасплох. — Я привязал свою рядом и пошел по следу твоих сапог... Тихо! Замри и слушай!

Они спустились чуть ниже зеленого пояса и сейчас, прильнув к скале, напряженно вглядывались в густой подлесок. Над их головами раскинулся сумрачный шатер из ветвей и листьев. Под ними скудный свет, пробившийся сквозь сплетенные заросли, окрашивал все в приглушенные зеленые тона. Стволы гигантских деревьев, высившихся менее чем в ста ярдах от скалы, призрачно темнели в полумраке.

— Лошади там, за молодым подлеском, — прошептал Конан, и в неподвижной тишине его голос ветерком прошелся среди ветвей. — Вот, слышишь?

И Валерия услышала. По ее спине пробежал холодок, не сознавая того, она положила свою белую руку на мускулистое загорелое плечо варвара. Со стороны зарослей вместе с хрустом костей и треском раздираемой плоти доносилось громкое чавканье — звуки ужасного пиршества.

— Лев не наделал бы столько шума, — прошептал Конан. — Кто-то пожирает наших лошадей, но только не лев... Великий Кром!

Внезапно чавканье смолкло. Конан выругался: некстати поднявшийся ветерок дул прямо в сторону невидимого убийцы.

— Идет! — едва слышно сказал Конан, приподнимая меч.

Молодые деревца дрожали, некоторые бешено раскачивались. Валерия, прижавшись к варвару, вцепилась в его руку. Незнакомая с обитателями джунглей она все же понимала, что ни одно из известных животных не смогло бы раскачивать крепкий подлесок так, точно оно пробиралось по тростниковым зарослям.

— Должно быть, не меньше слона, — пробормотал Конан, как бы отвечая на ее мысли. — Пусть только эта тварь... — Он вдруг осекся, пораженный.

Из чащи высунулась голова — настоящее порождение безумия и ночного кошмара! Оскаленная пасть открывала два ряда острых желтых клыков, отвратительная морда древнего ящера была вся изборождена морщинами. Глаза — как у питона, но в тысячу раз больше — не мигая смотрели на двух оцепеневших от ужаса людей на скале. С отвислого, в чешуйках, края огромной пасти на землю вперемежку со слюной стекала кровь.

Голова — намного больше, чем у аллигатора, была насажена на длинную чешуйчатую шею, из которой в несколько рядов торчали зазубренные шипы, а дальше, ломая ветки и деревья, неуклюже переваливалось туловище твари — исполинская туша с выпяченным, словно бочонок, брюхом на нелепо коротких ножках. Белесое брюхо едва не стлалось по земле, в то время как острия шипов на хребте торчали так высоко, что до них не дотянулся бы и самый рослый из людей. Длинный, усеянный шипами хвост волочился по земле.

— Вверх, живо! — крикнул Конан, толкнув девушку за спину. — Вряд ли оно лазает по скалам, но если встанет на задние лапы, то запросто до нас дотянется!

Круша деревья и кустарник чудовище двинулось к скале — к людям. Оба взлетели по откосу, точно гонимые ветром сухие листья. Уже на границе с зеленым поясом Валерия решилась оглянуться — их опасения оправдались: встав на дыбы, огромная тварь тянулась к ним раскрытой пастью. Сердце отважной женщины захлестнул ужас, кровь в жилах обратилась в лед. На задних лапах чудовище казалось еще огромнее, его плоская голова под-

пирала лиственный свод. Вдруг ей в запястье железными клещами впились пальцы Конана, она почувствовала, как ее тащат вверх, в спасительный покров и дальше — на солнечный свет. И вовремя! Не успели они взобраться на уступ, как чудовище с такой силой обрушилось передними лапами на скалу, что каменная глыба под их ногами задрожала.

За спинами беглецов раздался страшный треск. Не останавливаясь, они быстро оглянулись, и Валерия едва не закричала: словно в ночном кошмаре среди листвы торчала голова чудовища — в глазах безжалостный огонь, пасть широко раскрыта! Не помня себя, они взлетели на уступ. Гигантские челюсти с клацаньем сомкнулись чуть ниже их ног, и голова, погрузившись в зеленые волны, скрылась с глаз.

Заглянув в образовавшуюся брешь с обломанными по краям ветвями, царапавшими о скалу, они увидели зверя — тот сидел на задних лапах у подошвы склона, его глаза не мигая смотрели на людей.

Валерия содрогнулась.

— Как ты думаешь, долго он там будет торчать?

Конан легонько пнул выбеленный череп, шурша сухими листьями, тот откатился в сторону.

— Этот парень, как видно, взобрался сюда, чтобы укрыться от него... или от другого такого же. Похоже, он просто умер с голоду. Все кости целы. Скорее всего — это дракон, о них упоминается в легендах чернокожих. И если это так, — что очень похоже на правду, — то он не уйдет, пока мы оба не умрем.

Валерия в растерянности посмотрела на киммерийца — от ее прежней ярости не осталось и следа. Всеми силами она пыталась справиться с охватившим ее отчаянием. Ей незачем было доказывать свою храбрость, нередко доходившую до безрассудства: тысячу раз в самых беспощадных схватках на суше и на море, на скользких от крови палубах горящих кораблей, при штурме городских укреплений, на прибрежных пляжах, где головорезы из «Ватаги Красных братьев» отстаивали свое право на лидерство зубами, ножами и мечами, — везде она была не из последних. Но от неизбежной страшной участи стыла кровь. Глубокая рана от абордажной сабли по сравнению с этим представлялась царапиной: вот так сидеть на голой скале, сложа руки, бессильная что-либо изменить и покорно ждать, пока не сгинешь от голода, а внизу эта ископаемая тварь, каким-то

чудом сохранившаяся с допотопных времен, — от одной мысли об этом рыдания подкатывали к горлу.

— Ведь должен же он пить и есть — может, тогда уйдет? — высказала робкое предположение девушка.

— Для этого не надо уходить далеко, — отозвался Конан. — Он только что сожрал лошадей и теперь, как и все змеи, еще долго сможет обходиться без еды и питья. Спать после еды ему тоже не обязательно. Единственное, что нам на руку, так это то, что сюда ему нипочем не забраться.

Речь Конана звучала спокойно, без надрыва. Он был варваром, и невероятная выносливость дикаря, унаследованная от предков, органично сочеталась в нем и с низменной страстью к женщине и с бешеной яростью к врагам. Загнанный в угол, он проявлял хладнокровие, немыслимое с точки зрения цивилизованного человека.

— Может быть, нам перелезть на дерево и передвигаться по кронам вроде обезьян? — В ее голосе уже слышалось отчаяние.

Он покачал головой:

— Я уже думал об этом. В том месте, где ветки подступают к скале, они слишком тонкие и не выдержат нашего веса. А кроме того, сдается мне, что эта тварь может повалить любое из растущих здесь деревьев.

— Так что же — будем сидеть на задницах и ждать, пока не передохнем с голода, как этот? — в ярости крикнула она и пнула по черепу — стуча по камням, тот улетел вниз. — Лично я против. Вот спущусь сейчас и отрублю башку этой гадине!

Конан уселся на каменный зуб, торчащий у основания шпиля. Глядя снизу вверх, он залюбовался на морщинку гнева, на блеск в голубых глазах и на все ее сильное, жаждущее действия тело; однако, понимая, что в таком состоянии она способна на любое безрассудство, когда он заговорил, голос звучал ровно, даже чуть пренебрежительно.

— А ну сядь! — Схватив за руку, он рывком усадил ее себе на колено. Валерия так удивилась, что даже не подумала сопротивляться, а Конан, легко отобрав у девушки меч, отправил его обратно в ножны. — Угомонись! Ты лишь затупишь клинок о его панцирь. Да он заглотнет тебя целиком, а не то поведет своим шипастым хвостом — и выпустит наружу кишки. Понятно, что так или иначе, но выбираться надо, но только не через брюхо этой твари.

Она ничего не ответила, даже не сделала попытки сбросить его руку, успевшую обвить ее тонкую талию. Ее охватил страх, а это чувство было слишком ново для Валерии из «Ватаги Красных братьев». Итак, она по-прежнему, слегка понурившись, сидела на его коленях — товарищ по несчастью или... пленница? — сидела с таким покорным видом, что окажись рядом Заралло, по мнению которого Валерия явилась не иначе как из сераля князя Тьмы, тот был бы повержен в глубокий шок.

Конан рассеянно поигрывал локонами золотистых волос, словно без остатка отдавшись наслаждению от своей победы. Казалось, ничто не могло вывести его из равновесия: ни скелет у его ног, ни страшное чудовище внизу.

Пытливые глаза девушки, скользящие по листве, приметили на фоне общей зелени какие-то пятна. Это были плоды — большие пурпурные шары, висящие на ветках дерева с необычайно густой ярко-зеленой листвой. Она вдруг почувствовала голод и жажду, и если чувство голода еще можно было как-то подавить, то от сознания, что внизу, на пути к озеру ее подстерегает смерть, жажда только усиливалась.

— Пожалуй, голод нам пока что не грозит, — сказала Валерия. — Я вижу фрукты, и до них нетрудно дотянуться, — она указала на пурпурные шары.

Конан тоже взглянул на дерево.

— Точно, и после такой закуски нам уже будут не страшны зубы дракона, — проворчал он в ответ. — Чернокожие из Куша называют их яблоками Деркето. Деркето у них — Королева мертвецов. Если хлебнешь глоток сока или прольешь его на кожу, то не успеешь спуститься к нашему приятелю, как превратишься в труп.

— Ну да!

Девушка погрузилась в мрачное молчание. «Как ни крути, — угрюмо размышляла она, — а от судьбы не уйдешь. Неужели конец?» Она не видела ни малейшей возможности избежать смерти, а Конан, похоже, прочно завладел ее талией и ни о чем другом не помышляет. Если у него в голове и зреет план, то по виду никак этого не скажешь.

— Если уберешь с меня свои лапы и заберешься на шпиль, — в конце концов не выдержала она, — то увидишь нечто интересное.

Он бросил на нее вопросительный взгляд, затем, пожав литыми плечами, нехотя последовал ее совету. Обхватив

руками заостренную вершину, он посмотрел поверх деревьев.

Долгое время он молчал — неподвижный, весь устремленный вдаль, загорелое, мускулистое тело в лучах солнца отливало бронзой.

— Город, и весьма приличный, — наконец сказал он. — Не туда ли ты собиралась отправиться, спровадив меня на побережье?

— Я знала о нем еще до твоего появления. Но когда бежала из Сухмета, то и понятия не имела о его существовании.

— Кто бы мог подумать, что здесь окажется город? Вряд ли стигийцы забрались так глубоко в джунгли. Неужели он — творение рук чернокожих? И ни одного стада на равнине, земля не возделана, да и людей не видно.

— Да разве на таком расстоянии что-то увидишь!

В ответ он только пожал плечами и спрыгнул на уступ.

— В любом случае горожане нам помочь не смогут. А если б и могли, то вряд ли захотели бы. Жители Черных королевств враждебно относятся к чужестранцам. Как правило, все их гостеприимство умещается на острие копья.

Он осекся, точно вдруг потерял нить разговора. Сдвинув брови, Конан молча уставился на пурпурные шарики, слабо мерцающие на солнце среди листвы.

— Копье! — пробормотал он. — Ну и осел же я, что не додумался до этого раньше! Вот вам наглядный пример того, как хорошенькая женщина превращает нормального мужчину в последнего дурака!

— Ты это о чем? — оживилась Валерия.

Не удостоив ее ответом, Конан спустился до зеленого пояса и заглянул в брешь. Огромный зверь все в той же позе неподвижно сидел у подножия скалы, его тупое упрямство рептилии нагоняло тоску и страх. Вот так же, может быть, один из его предков десятки, сотни тысяч лет назад следил немигающим взглядом за первобытными людьми, загнанными на высокую скалу. Конан деловито выругался и принялся срезать ветки, стараясь дотянуться ножом как можно дальше. Волнение и шорох листвы пробудили чудовище от апатии. Оно встало на четыре лапы, ужасный хвост пришел в движение, ломая молодые деревца, словно сухой тростник. Конан настороженно следил за ним краем глаза, и как только Валерия вскрикнула, увидев, что дракон готовится встать на дыбы, варвар быстро вска-

рабкался на уступ вместе со своим трофеем. Всего веток было три — упругие, каждая около семи футов длины и толщиной с его большой палец. Вместе с ним он срезал несколько нитей гибких, тонких лиан.

— Для древков копий эти ветки слишком легкие, а лианы не толще бечевы, — пояснил он, кивнув на растительность внизу. — Ни те, ни другие не выдержат нашего веса, но сила — в единстве. Так говорили нам, киммерийцам, отступники из Аквилонии, когда явились в наши горы с намерением собрать войско, чтобы вторгнуться и покорить свою же родину. Но мы привыкли драться кланами и племенами.

— Может, объяснишь, что общего между твоей болтовней и этими палками? — спросила она.

— Имей терпение.

Собрав прутья в плотный пучок, он вставил с одного конца свой кинжал острием наружу и туго перевязал пучок в нескольких местах нитями лиан. Когда он закончил, перед ним лежало копье не менее грозное, чем настоящее, с таким же длинным и прочным древком.

— Нам-то в нем что за польза? — Она по-прежнему ничего не понимала и потому говорила раздраженно. — Сам же говорил, что его чешую не пробьешь.

— Ну, не везде же у него чешуя, — ответил Конан. — Есть много способов освежевать пантеру.

Снова спустившись к лиственному поясу, он приподнял копье и, как можно осторожнее проткнув острием одно из яблок Деркето, сразу отступил назад, чтобы пурпурные капли из сочащегося соком плода не попали на кожу. Подержав так некоторое время копье, он вынул острие и показал девушке голубую сталь — всю в темно-красных пятнах.

— Не знаю, поможет это или нет, — сказал он, — но на этом лезвии сейчас столько яда, что хватило бы свалить слона. Что ж, сейчас увидим.

Киммериец начал спуск. Валерия не отставала от него ни на шаг. Вот они уже недалеко от нижней границы зеленого пояса. Отведя острие подальше от себя и девушки, Конан высунул голову в брешь, проделанную в листве чудовищем, и обратился к тому с такой речью:

— Какого рожна ты еще дожидаешься, ты — полоумный недоносок бессильных родителей? — Для начала он выбрал одно из самых мягких своих обращений. — А ну живо подними свою уродливую башку, длинношеяя тварь,

если не хочешь, чтобы я спустился и выкосил мечом колючки у тебя на спине!

Он добавил еще кое-что. От его красноречия глаза Валерии полезли на лоб, лицо залила краска — и это несмотря на то, что по части ругани эта женщина прошла превосходную школу на палубе морского корсара. Чудовище тоже не осталось безучастным. Подобно тому, как непрерывное, надоедливое тявканье шавки сначала беспокоит, потом раздражает и в конечном счете приводит в бешенство солидных толстокожих молчунов, точно так же крикливые, резкие интонации человеческого голоса в одних животных будят страх, в других же — слепую ярость. Совершенно неожиданно с немыслимым для такой туши проворством зверь поднялся на задние лапы и жуткой мордой потянулся к человеку; крохотный мозг захватило одно желание: достать и уничтожить этого горластого пигмея, нарушившего вековечный покой древнего царства.

Однако Конан точно рассчитал расстояние: мощная голова зверя, с треском войдя в сплетение ветвей и листьев, остановилась за пять футов от людей. Чудовище разинуло огромную змеиную пасть, и в этот миг Конан вонзил копье в угол пасти прямо в челюстный сустав! Удар был нанесен сверху, обеими руками и со всей силы; длинное лезвие кинжала по самую рукоятку вошло в мякоть, сухожилия и кость.

Челюсти конвульсивно сомкнулись, и, потеряв равновесие, с огрызком древка в руках Конан начал заваливаться на бок. Его спасла Валерия: в самый последний момент она успела ухватиться за ремень варвара. Вцепившись в каменный выступ и вновь обретя устойчивость, он с ухмылкой пробормотал слова благодарности.

А внизу, будто пес с запорошенным перцем глазами, ползало по земле чудовище. Широко разевая клыкастую пасть, оно то раскачивало головой, то обхватывало ее передними лапами, то принималось возить ею по земле. Наконец, сумев каким-то образом зацепить лапой за обломок древка, оно выдернуло застрявший клинок. Затем чудовище подняло голову — пасть широко раскрыта, из раны потоком кровь — и уставилось на скалу с выражением такой осмысленной, такой лютой ненависти в глазах, что Валерия вся задрожала и схватилась за меч. Чешуйки на боках и на спине из ржаво-коричневых стали темно-красными, но что самое ужасное — чудовище подало голос!

Того, что изрыгала эта окровавленная пасть, ни Конан, ни Валерия никогда в жизни не слышали.

С диким, режущим слух ревом дракон бросил свое тело на скалу — цитадель врагов. Снова и снова ужасная голова устремлялась вверх, пытаясь пробиться за зеленый свод, хватая пастью ветви, листья, воздух. От мощных ударов исполинской туши скала содрогалась до самого основания. Встав на дыбы, чудовище обхватило ее передними лапами, пытаясь, словно дерево, выдернуть каменный зуб из земли.

При виде необузданной животной ярости кровь стыла в жилах Валерии, однако Конан оставался спокоен: варвар не испытывал ничего, кроме всепоглощающего интереса. С точки зрения варвара пропасть, разделявшая его и других людей от животных, была не так велика, как она представлялась Валерии. Для Конана беснующееся внизу чудовище являлось не более чем одной из форм жизни, лишь внешне отличавшееся от него самого. Наделяя зверя человеческими чертами характера, он видел в его ярости свой гнев, в рычании и вое — подобие той ругани и тех проклятий, которыми он осыпал его недавно. Благодаря смутному ощущению близкого родства со всеми дикими тварями, включая драконов, ему было неведомо чувство расслабляющего ужаса, захлестнувшее Валерию, впервые столкнувшуюся с первобытной свирепостью.

Конан невозмутимо сидел на камне, не сводя глаз со зверя, время от времени отмечая едва заметные перемены в голосе, движениях и цвете чешуи.

— Яд начинает действовать! — наконец убежденно сказал он.

— Я ничего не вижу. — Валерии казалась нелепой сама мысль, что какой-то плод, пусть и ядовитый для всего живого, может хоть как-то подействовать на эту гору беснующихся мускулов.

— Я слышу в голосе боль, — пояснил Конан. — Сначала была просто ярость от занозы в пасти. Сейчас его грызет яд, и зверь это чувствует. Видишь? Он споткнулся. Еще несколько минут — и он ослепнет... Ну, что я говорил?

Внезапно дракон опустился на все четыре лапы и, пошатываясь, с треском ломая подлесок, стал удаляться от скалы.

— Он вернется? — с тревогой спросила Валерия.

— Он пошел к озеру! — Конан вскочил на ноги — весь энергия и решимость. — Яд пробудил жажду. Быстро! Тварь скоро ослепнет, но сможет найти дорогу обратно по запаху и

если снова нас здесь учует, то будет сидеть под скалой, пока не издохнет. А на вопли одной могут сойтись и другие. Идем!

— Как, вниз?! — У Валерии аж подкосились ноги.

— Куда ж еще? Надо бежать в город. Там нам, может статься, отрубят головы, но это единственный шанс на спасение. Конечно, на пути могут попасться и другие драконы, но оставаться здесь — верная смерть! Если будем ждать, пока подохнет этот, то как бы потом не пришлось иметь дела с дюжиной его сородичей. За мной, да пошевеливайся!

Он заскользил вниз по откосу — легко и быстро, как обезьяна, останавливаясь лишь затем, чтобы помочь своей менее ловкой спутнице. И вновь Валерия была уязвлена: на этот раз той уверенностью, с какой варвар чувствовал себя на почти отвесном склоне, — а ведь она-то воображала, что ни среди корабельных вантов, ни на скалах она ни в чем не уступает мужчинам!

Они спустились в полумрак под лиственным покровом и скоро бесшумно скользнули на землю, хотя Валерия была убеждена, что удары ее сердца слышны едва ли не милю. Со стороны озера из-за густых зарослей доносились лакание вперемежку с бульканьем: дракон утолял жажду.

— Он вернется, как только зальет в брюхо достаточно воды, — прошептал Конан. — Могут пройти часы, прежде чем яд убьет его... если вообще убьет.

Где-то далеко за лесом садилось солнце. Весь в таинственных сумерках, в пятнах черных теней и размытых прогалин, лес словно затаился, готовя людям страшную участь. Сжав запястье Валерии, Конан заскользил прочь от подножия скалы. Он поднимал не больше шума, чем ветерок, овевающий стволы деревьев, но Валерии казалось, что топот ее сапог из мягкой кожи разносится по всему лесу.

— Не думаю, чтобы он мог идти по следу, — на бегу прошептал Конан, — но если ветер донесет наш запах, он нас обнаружит.

— О милосердный Митра, не дай ветру подняться! — выдохнула Валерия.

Лицо девушки смертельно-бледным овалом выделялось на фоне мрака. Свободной рукой она схватилась за меч, но прикосновение к рукоятке в шагреневой коже вызвало в ней лишь ощущение беспомощности.

Они все еще находились довольно далеко от кромки леса, как вдруг услышали за собой грозный топот и треск

ломающихся деревьев. Валерия закусила губу, чтобы сдержать рвущийся наружу крик.

— Он все-таки взял след! — в отчаянии прошептала она.

Конан покачал головой.

— Зверь не учуял нас у скалы и сейчас вслепую тычется по лесу в поисках запаха. Быстрей! Сейчас одно спасение — город! На дереве не спрячешься: он легко повалит любое. Только бы не поднялся ветер...

Не сбавляя шага, они крались вперед, и наконец лес впереди немного поредел. Позади остался непроглядный океан теней, и откуда-то из его глубин доносился зловещий шум: дракон не оставлял попыток набрести на запах своих врагов.

— Равнина... уже близко! — Она ловила воздух широко раскрытым ртом. — Еще немного — и мы будем...

— Великий Кром! — прорычал Конан.

— О милосердный Митра! — голос Валерии дрогнул.

С юга, быстро усиливаясь, поднимался ветер. Обтекая людей, он дул прямо в черные дебри за их спинами. И тут же лес содрогнулся от мощного рычания. Беспорядочное топанье и треск сменились непрерывным, все нарастающим грохотом: круша деревья и кустарник, дракон приближался к источнику ненавистного запаха.

— Бежим! — рявкнул Конан, глаза его сверкнули, как у загнанного волка. — Вдруг успеем!

Морящая обувь не очень-то пригодна для быстрого бега, а пиратский образ жизни не располагает к карьере бегуна. Уже через сотню ярдов Валерия начала задыхаться, она то и дело спотыкалась о торчащие из земли корни, а за их спинами глухой топот и треск перешел в громовые раскаты: чудовище из плотных зарослей вырвалось на прореженное пространство.

Железная рука Конана обхватила талию женщины, изящные ноги в кожаных сапогах едва касались земли. Влекомая своим гигантским спутником, она словно парила с такой скоростью, какую никогда не сумела бы развить сама. Если бы хоть на минуту пропал запах — скажем, утих бы ветер, но нет, тот упорно дул с юга, и, быстро оглянувшись, Конан увидел, как чудовище неотвратимо приближается подобно боевой галере впереди урагана. Тогда варвар отбросил Валерию с такой силой, что та, нелепо размахивая руками, улетела не меньше чем на дюжину шагов в сторону, где приземлилась на кучу сухих листьев у подножия мощного

ствола. Избавившись от девушки; киммериец круто обернулся навстречу рычащему титану.

Уверенный, что смерть — в считанных ярдах, готовая его пожрать, варвар поступил так, как подсказала ему мать-природа: с мечом в руке он бросился прямо к нависшей над ним жуткой пасти! Подпрыгнув, он со страшной силой опустил свой меч на морду чудовища, тонкие пластинки не выдержали, из рассеченного мяса хлынула кровь. И в тот же миг он получил такой удар, что пролетел кувырком пятьдесят ярдов — без многих чувств, с душой, чудом удержавшейся в теле.

Как он сумел подняться — то навсегда осталось тайной, непостижимой и для самого киммерийца. В мозгу занозой сидела одна мысль: как там Валерия — беспомощная, может, без сознания, в считанных ярдах в стороне от протопавшего мимо зверя; и не успел воздух со свистом ворваться в его глотку, как он уже стоял над ней, сжимая в руке верный меч.

Девушка лежала там же, куда он ее отбросил, делая лишь слабые попытки сесть. Ни острые шипы хвоста, ни всесокрушающие лапы ее не коснулись. Самому Конану, судя по всему, досталось от предплечья или передней лапы чудовища. От резкой боли наступающей агонии слепой зверь потерял интерес к жертвам, чей запах он вынюхивал огромными ноздрями, и с треском протопал дальше. Подобно лавине, сметая все на своем пути, он мчался по прямой, пока его опущенная к земле голова не врезалась в ствол гигантского дерева. От страшного удара дерево со скрежетом повалилось на землю, одновременно раздался жуткий треск — то лопнул череп зверя. Исполинское чудовище и дерево упали рядом, а люди, пораженные ужасным зрелищем, молча взирали, как дрожат листья, под которыми билась в предсмертной агонии доисторическая тварь. Затем все стихло.

Конан помог Валерии подняться, и оба, заваливаясь то направо, то налево, побежали прочь от страшного места. Через несколько минут лес кончился: перед ними, залитая сумрачным светом, лежала открытая равнина.

На мгновение прервав бег, Конан бросил взгляд назад на непроницаемую чащу леса. Ни щебета птиц, ни дрожания листьев. Угрюмый и молчаливый, лес стоял, как он стоял сотни тысяч лет назад задолго до появления человека.

— Вперед! — прохрипел Конан, хватая девушку за руку. — Еще не кончено! Что если другая тварь выйдет из леса и...

Продолжать было незачем...

Казалось, город слишком далеко, гораздо дальше, чем представлялось со скалы. Сердце Валерии молотом стучало в груди, еще минута — и она задохнется! Каждый миг она ждала, что вот сейчас раздастся треск и другое чудовище — само воплощение ночного ужаса — нависнет над ними громадной тушей. Но ничто не нарушало тишины зеленых зарослей.

Когда между беглецами и лесом пролегла первая миля, Валерия задышала ровнее. К ней стала возвращаться прежняя уверенность. Солнце село, и над равниной собиралась тьма; лишь звезды мерцали на небе, и в их неверном свете одинокие кактусы стояли причудливыми привидениями.

— Ни скота, ни возделанных полей, — пробормотал Конан. — Интересно, чем они тут живут?

— Может быть, скот развели на ночь по загонам? — высказала предположение Валерия. — А поля расположены по ту сторону города.

— Может быть, — проворчал он. — Хотя со скалы я ничего такого не заметил.

За городом взошла луна и залила окрестности своим желтоватым светом, четкой границей проступили зубчатые стены и башни. Девушку охватила дрожь. Протянувшийся черной ломаной полосой загадочный город выглядел мрачным и зловещим.

Похоже, нечто подобное испытывал и Конан. Варвар остановился и, оглядевшись, сказал:

— Дальше не пойдем. Ни к чему заявляться к их воротам ночью. Нас могут не впустить. К тому же нам не мешает отдохнуть — кто знает, как там встречают чужаков. А несколько часов хорошего сна — и опять можно будет хоть удирать, хоть драться.

Он направился к группе кактусов, росших по окружности, — обычное явление в южных пустынях. Прорубив в колючих зарослях узкий проход, он жестом пригласил Валерию войти.

— По крайней мере змеи нас здесь не достанут.

Она со страхом посмотрела назад — туда, где милях в шести глухой стеной встал лес.

— Что если драконы по ночам выходят из леса?

— Будем сторожить по очереди, — успокоил он ее, хотя из ответа не ясно было, что же все-таки делать, окажись это правдой.

Взгляд варвара был прикован к городу в нескольких милях от лагеря. Ни единого огонька на башнях, безмолвное, таинственное пятно черной громадой высилось в лунном сиянии на фоне иссиня-черного неба.

— Ложись и спи, — сказал Конан. — Я посторожу первым.

Она замялась, украдкой взглянула на него, но варвар уже сидел, скрестив ноги, у бреши в живой ограде, положив меч на колени и обратившись лицом к равнине, спиной — к девушке. Не сказав более ни слова, она легла на песок.

— Разбуди меня, когда луна будет в зените, — привычным повелительным тоном сказала она.

Он ничего не ответил, даже не обернулся. Последнее, что видела Валерия, прежде чем провалиться в сон, была его мускулистая фигура — неподвижная, словно отлитая из бронзы статуя в обрамлении из россыпи звезд.

Глава 2

В МЕРЦАНИИ ЗЕЛЕНЫХ КАМНЕЙ

Валерия проснулась внезапно, как от толчка; над равниной занимался бледный рассвет.

Она села, потирая кулаками глаза. Конан, сидя на корточках над срезанным кактусом, со знанием дела выдергивал из зеленой мякоти колючки.

— Ты так и не разбудил меня! — В голосе сквозило возмущение. — Из-за тебя я проспала всю ночь!

— Вчера ты сильно устала, — отвечал он. — Да и заду твоему порядком досталось за время путешествия: вы, пираты, не привычны к верховой езде.

— А сам-то ты кто?

— Ну, прежде чем стать пиратом, я был хозаром, а вся жизнь хозара проходит в седле. Я сплю вполуха, как пантера, которая в ожидании добычи затаилась у тропы на водопой. Пока глаза спят, мои уши видят все вокруг.

И в самом деле: огромный варвар выглядел таким же свежим, как если бы он всю ночь провел на мягком золоченом ложе. Удалив колючки, он срезал грубую кожицу и протянул девушке толстый сочный лист.

— Попробуй-ка, язык проглотишь. Для жителей пустынь кактус — это и еда и питье. Одно время мне довелось быть начальником в отряде пустынников-звагирцев, живущих разбоем на караванных путях, — от них и научился.

— И кем ты только не был! — воскликнула она с насмешкой, плохо скрывавшей неподдельное восхищение.

— Пожалуй, королем гиборейского королевства, — усмехнулся Конан, запихивая в рот огромный кусок кактуса. — Знаешь, иногда так хочется стать королем. Может быть, я им и стану... когда-нибудь. Чем я хуже других?

Она не нашлась что ответить, лишь покачала головой на невиданное нахальство варвара и занялась своей долей кактуса. К ее удивлению, вкус этой еды не был лишен приятности, а прохладный сок превосходно утолял жажду. Покончив с завтраком, Конан вытер о песок руки, встал, расчесал пальцами гриву черных волос и наконец, застегнув ремень с ножнами, сказал:

— Ну что ж, пошли. Если жители этого города намерены перерезать нам глотки, пусть сделают это сейчас, пока не наступила дневная жара.

Мрачная шутка сорвалась с языка неосознанно, но Валерии подумалось, что его слова вполне могут оказаться пророческими. Поднявшись, она в свою очередь надела пояс. Ночные страхи прошли. Ревущие драконы из синеющего в отдалении леса уже казались полузабытым сном. И когда она бок о бок с киммерийцем покидала стоянку, ее походку отличала самоуверенность и грация. Какие бы испытания ни ждали впереди, врагами, несомненно, окажутся мужчины. А за свою жизнь Валерия из «Ватаги Красных братьев» еще не сталкивалась ни с одним мужчиной, чей вид поверг бы ее в смятение.

Конан сверху вниз посмотрел на шагавшую рядом девушку — ее свободная, широкая поступь почти не отличалась от его энергичного шага.

— Ты скорее ходишь как горец, чем как моряк, — одобрительно заметил он. — Ты родом случайно не из Аквилонии? Даже солнце Дарфара не сожгло твою кожу. Ее белизне позавидовала бы не одна принцесса.

— Ты прав, Аквилония — моя родина. — Странно, но его комплименты уже не раздражали, наоборот — неподдельное восхищение варвара доставляло ей удовольствие. Если бы ее смену этой ночью отстоял кто другой, Валерия возмутилась бы: она всегда с яростью отвергала любые

поползновения мужчин встать на ее защиту или покровительствовать ей — и все из-за того, что она, видите ли, всего лишь слабая женщина. Но вот с ней точно так же обошелся этот мужчина, а Валерии почему-то было приятно. А кроме того, он не воспользовался случаем в минуту, когда она была испугана, слаба и, значит, не смогла бы дать отпор его желаниям. В конце концов морская воительница пришла к выводу, что ее спутник — личность во всех отношениях необычная.

Над городом вставало солнце, окрашивая башни в зловещий темно-красный свет.

— Ночью при луне они черные, — глухо проговорил Конан, по его лицу пробежало облачко, в глазах отразилось крайнее суеверие, присущее варварам. — А утром на солнце они почему-то красные, будто кровь. Не нравится мне этот город.

Однако они не сбавили шага, и тут Конан вдруг обнаружил еще кое-что: ни одна дорога не вела к городу с севера.

— Я не вижу на земле следов от копыт, — снова заговорил он. — Многие годы, если не века, ее не касался плуг, но посмотри, — он указал на полузасыпанную, полузаросшую кактусами канавку, — это было время, когда здесь занимались земледелием.

Валерия и сама уже обратила внимание на следы древней оросительной системы. В недоумении, она окинула взглядом равнину и нахмурилась: открытое пространство окружало город со всех сторон и, в свою очередь, упиралось в кромку леса, протянувшегося высоким плотным кольцом. Что скрывалось в лесной чаще, как далеко она еще простиралась — о том можно было только догадываться.

Валерия с тревогой посмотрела на город. Ни блеска шлемов или наконечников копий на укреплениях, ни призывных звуков труб, ни оклика стражи. Тишина — глухая и гнетущая, как и в лесу, — висела над башнями и минаретами.

Солнце стояло уже высоко, когда они подошли к воротам в северной стене и остановились в тени высокого вала. Бурые пятна ржавчины покрывали железные части массивного бронзового портала. Карнизы бойниц, створы ворот, шарниры — все густо заросло паутиной.

— Да их уже несколько лет не открывали! — воскликнула Валерия.

— Мертвый город! — глухо отозвался Конан. — Так вот почему заросли каналы, а земля не вспахана.

— Но кто его построил? Кто жил здесь? И куда они подевались? Почему все бросили?

— Кто знает? Возможно, здесь осел какой-нибудь опальный род, высланный из Стигии. Хотя... по виду стены и башни не походят на стигийские. Может быть, жителей вытеснили враги, или их выкосила чума.

— В таком случае их богатства по-прежнему должны пылиться в городской сокровищнице, — высказала предположение Валерия: в ней пробудился инстинкт стяжательства, свойственный ее профессии, усиленный к тому же женским любопытством. — Нельзя ли как-нибудь открыть ворота? Тогда можно было бы войти в город и поискать их.

Конан с сомнением окинул взглядом тяжелые створы, однако вышел на середину и, упершись в одну из них своим мощным плечом, нажал. Мускулы на икрах и бедрах вздулись буграми, по телу заструился пот. Варвар удвоил усилия — раздался жуткий скрежет ржавых шарниров, и ворота нехотя подались вовнутрь. Шумно дыша, Конан выпрямился и обнажил меч. Проворная Валерия первой заглянула в образовавшуюся щель и не смогла сдержать возгласа удивления.

Они ожидали увидеть улицу или дворик — ничего подобного! Ворота — точнее двери — открывались прямо в широкий, длинный зал, уходивший в глубину насколько хватало глаз. Исполинских пропорций, зал поражал воображение. Пол, вымощенный красной квадратной плиткой, едва заметно светился, словно отражая пламя факелов. Стены были сложены из какого-то блестящего зеленого минерала.

— Пусть меня назовут шемитом, если это не жадеит! — От удивления Конан тихонько выругался.

— Но чтобы столько и в одном месте! — возразила Валерия.

— Я пощипал довольно караванов, шедших из Кхитая, так что можешь мне верить — это жадеит.

В сводчатый лазуритовый потолок были вставлены гроздья больших зеленых камней, испускающих в полумраке ядовито-зеленое свечение.

— Огненные камни! — Несмотря на внешне бесстрастный вид, Конан был поражен. — Так называют их антийцы. Существует поверье, что это — окаменевшие глаза доисторических гадов, которых наши предки называли «золотыми змеями». В темноте они горят, будто кошачьи. Так что

ночью в этом зале светло, только, должно быть, это жуткое зрелище. А сейчас займемся поисками — вдруг да наткнемся на тайник с драгоценностями.

— Закрой дверь, — попросила Валерия. — У меня нет никакого желания удирать от дракона и в этом зале.

Конан ответил, ухмыльнувшись:

— Не думаю, чтобы драконы отважились покинуть свой лес.

Однако он выполнил просьбу девушки и, указав на разорванный засов, добавил:

— Когда я налег плечом, мне послышалось, будто что-то хрустнуло. Засов весь изъеден ржавчиной, как видно, его я и сломал. Но если люди покинули город, почему двери были заперты изнутри?

— Значит, они вышли другими воротами.

Валерия подумала, сколько, должно быть, минуло столетий с тех пор, как в этот зал в последний раз проникал дневной свет. Но она ошибалась. Огромный зал вдруг начал заполняться светом, и скоро они обнаружили его источник. В сводчатом потолке были прорезаны узкие щели-окна, прикрытые полупрозрачными пластинками какого-то кристалла. Зеленые камни в темных промежутках между окнами мигали, точно глаза разъяренных кошек. Под ногами мерцающий пол переливался всеми цветами и оттенками пламени. Они словно шагали по земле царства Мертвых под небом, усеянным злыми мигающими звездами.

Три галереи с балюстрадами протянулись одна над другой вдоль стен зала.

— Похоже на четырехэтажный дом, — пробурчал Конан. — В высоту зал до самой крыши. Длинный, как улица. Кажется, в той стене есть дверь.

Валерия пожала своими ослепительно-белыми плечами.

— Не спорю — твои глаза поострее моих, хотя, должна признаться, среди корсаров меня тоже не считали за слепую.

Они свернули в открытую дверь и прошли через несколько комнат — пол у всех был выложен, как и в большом зале, плитами; стены, украшенные золотым, серебряным или бронзовым фризом — из того же зеленого жадеита, мрамора, реже — из халцедона. Вкрапления зеленых камней источали с потолка все тот же призрачный мерцающий свет.

В некоторых комнатах освещение отсутствовало, их дверные проемы вставали непроницаемо-черным пятном,

словно бреши в потусторонний мир. Валерия и Конан проходили мимо них, все время держась светлых помещений.

В углах висела паутина, но на полу, на мраморных полах, сиденьях не ощущался присущий запустению слой пыли. То и дело встречались коврики, выполненные из кхитайского шелка, известного своей прочностью. И ни одной двери или окна, которые выходили бы на улицу, во двор или в сад. Каждая дверь неизменно вела в новую комнату или в зал.

— Где же у них тут улицы? — проворчала Валерия. — Похоже, по размерам этот дворец не уступит сералю короля Турана.

— Чума здесь ни при чем, — размышляя о своем, медленно проговорил Конан. — Иначе были бы скелеты. Что если их одолели частые набеги, и вот они собрались и ушли? Или...

— Что если тебе бросить свои гаданья?! — вдруг вспыхнула Валерия. — Все равно ничего не узнаем. Лучше посмотри на фризы. Тебе не кажется, что эти линии чем-то напоминают людей? Как ты думаешь, какой они расы?

Конан тщательно осмотрел рисунки и покачал головой.

— Никогда раньше таких не видел. Хотя... В них есть восточные черты — скорее всего, выходцы из Вендии или из Козалы.

— Ты что, был королем в Козале? — Насмешливый тон не мог скрыть острого любопытства.

— Нет. Но я был начальником в отряде афгулов — племени, населяющем Химелийские горы вдоль вендийской границы, а они держат сторону Козала. Но для чего козалцам понадобилось строить город так далеко от родных земель?

Фигуры на стене — мужчины и женщины, стройные, с кожей цвета оливков — были высечены со всей тщательностью, в глаза бросались необычные черты лиц, горделивая грация тел, проницательный взгляд. Резчик одел их в легкие, как паутинка, одеяния с обилием искусных украшений из драгоценных камней и металлов, изобразив во время пиршества, танцующими или в любовных сценах.

— Конечно, с востока, — уже решительней сказал Конан, — только не пойму, откуда именно. Похоже, их жизнь протекала до отвращения гладко, иначе мы нашли бы сцены сражений и поединков... Что там — ступени? Давай поднимемся.

Это была винтовая лестница, берущая начало в комнате, в которой они сейчас находились. Они поднялись на три

пролета и очутились в просторной комнате на четвертом этаже; потолки этого яруса были гораздо выше, чем на нижних трех. Сквозь окна-щели, прорезанные в потолке, в комнату падал свет; здесь, как и в зале, слабо посверкивали огненные камни. Из комнаты вели четыре двери, заглянув в три из них, они увидели уходящие вдаль анфилады комнат все в том же призрачном свете, четвертая выходила на галерею, протянувшуюся вдоль зала — гораздо меньшего по сравнению с тем, который они обследовали ранее.

— Будь они прокляты! — Валерия с мрачным видом опустилась на скамью из жадеита. — Люди, удравшие из этого проклятого города, похоже, захватили с собой все ценности. Я устала: бродишь, бродишь — и ничего, одни пустые комнаты!

— Весь верхний ярус освещен окнами в крыше. — Холодный, размеренный тон варвара подействовал на нее успокаивающе. — Значит, надо найти окно с видом на город. Давай осмотрим комнаты вон за той дверью.

— Вот ты и осматривай, — слабо огрызнулась девушка. — А я пока останусь здесь — ноги уже гудят.

Бесшумно, словно привидение, Конан растворился в проеме двери — напротив той, что вела на галерею, в то время как Валерия, сцепив пальцы на затылке, откинулась на спинку скамьи и с наслаждением вытянула ноги. Эти молчаливые комнаты и залы с гроздьями мерцающих камней над головой и кроваво-красным полом действовали на нее угнетающе. Единственное, чего ей сейчас хотелось, — это поскорее выбраться из лабиринта на улицу. Расслабившись, она целиком отдалась потоку мыслей. «Интересно, — рассеянно думала Валерия, — что за люди ступали по этим алым плиткам и сколько зла перевидели за сотни лет загадочно-мигающие под потолком зеленые камни?»

Легкий шорох пробудил ее от раздумий. Еще не осознав причины, она была уже на ногах, сжимая в руке меч, вся обратившись в слух: для Конана слишком рано, к тому же он всегда появлялся неслышно, точно призрак.

Звук исходил из-за двери, ведущей на галерею. Без малейшего шороха, как кошка ступая в сапогах мягкой кожи, она скользнула в дверь, пересекла балкон и, укрывшись за тяжелой колонной балюстрады, глянула вниз.

По залу крадучись двигался человек.

Появление живого существа в этом, казалось, уже века как брошенном дворце, сразило девушку: на миг захоло-

нуло сердце, прервалось дыхание. Очнувшись, она быстро присела за каменные перила и с напряженным вниманием — нервы как струны — горящими глазами стала следить за фигурой внизу.

Человек ничем не напоминал людей, чьи изображения она видела на стенах. Чуть выше среднего роста, очень смуглый, но не из племени чернокожих, он был совершенно голый, если не считать шелковой повязки, наполовину прикрывавшей мускулистые бедра, а также кожаного пояса шириной с запястье мужчины, стянувшего узкую талию. Прямые черные волосы, рассыпанные в беспорядке по плечам, придавали ему вид дикаря. На первый взгляд худой, но канаты и узлы мускулов, буграми выступающие под кожей рук и ног, все тело без той излишней плоти, что придает линиям плавность, а облику — гармонию, говорили о том, насколько обманчивым может оказаться поверхностное суждение. Убрав излишки, природа вылепила образ цельный, почти отталкивающий.

И все-таки больше всего воительницу поразила не внешность, а повадки человека. Он крался на полусогнутых ногах, припадая к полу и поминутно оглядываясь. В правой руке он сжимал рукоять кривого, широкого у острия клинка, и она видела, как дрожала эта рука от завладевших человеком чувств. Воин был испуган, трясся в тисках животного ужаса, и когда вновь оглянулся, из-под черных прядей блеснула пара широко раскрытых глаз.

Валерию он не заметил. Дальше и дальше скользил он на цыпочках через зал, пока не скрылся в открытых дверях. Минутой позже оттуда донесся слабый вскрик, и снова в воздухе повисла тишина.

Не в силах побороть любопытства, Валерия, пригнувшись, перебежала по галерее до двери, расположенной прямо над той, в которой скрылся человек. Не задумываясь, она вошла в дверь и очутилась на галерее поменьше, обегающей большую комнату.

Эта комната располагалась на третьем этаже, и ее потолок был не так высок, как в большом зале. Ее освещали только огненные камни, их зловещий зеленый свет не мог рассеять тьмы под галереей.

Глаза Валерии расширились. Человек, которого она заметила, находился там, внизу.

Он лежал на пурпурном ковре в центре комнаты — тело обмякло, руки раскинуты в стороны. Кривой меч — рядом.

Ей показалось странным, что он так долго лежит без движения. Но вот девушка вгляделась в ковер под неподвижной фигурой — и глаза ее сузились. Под телом и около него цвет ткани был иным, более ярким — алым.

Дрожа мелкой дрожью, она присела за ограждением, ее глаза пытливо изучали тени под галереей. Но бесполезно: тьма надежно скрывала свою тайну.

Внезапно на месте ужасной драмы появилось новое лицо — человек, почти копия первого, вошел через дверь напротив той, что вела в зал.

При виде распростертого на полу собрата глаза его сверкнули, и он тихо позвал: «Хикмек!» — но тот даже не шевельнулся.

Тогда он быстро прошел к ковру, нагнулся и, впившись пальцами в поникшее плечо, перевернул тело на свое колено. Из груди его вырвался сдавленный крик: голова лежавшего безвольно откинулась, обнажив горло, рассеченное от уха до уха.

Человек выпустил труп, и тот упал на залитый кровью ковер. Воин вскочил, весь дрожа, словно лист на ветру. От страха его лицо стало пепельно-серым. И вдруг, уже готовый рвануться прочь со страшного места, он застыл, превратился в камень, как завороженный глядя округлившимися глазами в дальний конец комнаты.

Там, во мраке под галереей, затеплился огонек — быстро разгораясь, он ничем не походил на мерцание зеленых камней. Валерия почувствовала, как зашевелились волосы у нее на голове: едва видимый в пульсирующем свечении, по воздуху плыл череп, и казалось, прямо от черепа — человеческого, но страшной, уродливой формы — исходит этот таинственный свет. Череп висел, как отсеченная голова, — возникший из ночи и тьмы, он на глазах обретал четкую форму... да, человеческий, но человека неведомой ей расы.

Воин стоял неподвижно — изваяние парализованного страхом, — не сводя глаз с жуткого видения. Вот череп качнулся от стены, и вместе с ним — неясная тень. Постепенно тень сгустилась и обрела человеческие очертания; на обнаженном торсе и конечностях мертвенно-белым цветом проступали кости. Голый череп в ореоле сияния ухмылялся жуткой улыбкой мертвеца, пустые глазницы насквозь пронзали живую, скованную страхом плоть. Воин не шелохнулся; меч, звякнув, выпал из онемевших пальцев, на лице застыла маска жертвы, обреченной на заклание силами Зла.

Валерия почувствовала, что не только страх парализует волю человека. В пульсирующем свечении присутствовало нечто сверхъестественное, неземное, что отнимало способность мыслить и действовать. Даже здесь, на галерее, будучи в полной безопасности, она, пусть и слегка, но поддалась воздействию зловещего, несущего угрозу разуму света.

Ужас, охвативший несчастную жертву, лишил ее последних сил; прижав ладони к глазам, человек рухнул на колени. Покорный неизбежной участи, он ждал удара клинка, мерцающего в руке видения — самой Смерти, занесшей над человеком свой меч.

Валерия, во власти первого порыва, поступила так, как ей подсказала ее изменчивая природа. Тигрицей перемахнув через перила, она как на подушечках опустилась за спиной призрака. От мягкого удара кожаных сапог тот круто обернулся, но не успел сделать и шага; сверкнула разящая сталь — и волна ликования и гнева захлестнула девушку: вместо пустоты клинок встретил мясо и кости смертного!

Раздался вскрик, заглушенный гортанным бульканьем, и рассеченное от плеча до середины груди видение повалилось на пол; светящийся череп откатился в сторону, открыв копну черных прямых волос и смуглое лицо, искаженное предсмертной мукой. Под страшным балахоном оказался обычный человек, во многом схожий с тем, что на коленях дожидался смерти.

При звуке удара тот, словно очнувшись, поднял голову и сейчас, пораженный, во все глаза смотрел на белокожую женщину, стоявшую над трупом с окровавленным мечом в руке.

Пошатываясь, он встал на ноги, что-то невнятно бормоча, — казалось, увиденное лишило его разума. К своему удивлению, Валерия все поняла: слова были знакомы — человек говорил на стигийском языке, хотя и с незнакомым выговором.

— Кто ты? Откуда? Зачем ты в Ксухотле? — И вдруг слова хлынули из него, как вода из прорванной плотины: — Но ты же друг — богиня или демон — какая разница! От твоего меча пал сам Пылающий Череп! Под ним скрывался человек — кто мог подумать? А мы-то считали его за демона, которого они заклинаниями вызвали из катакомб! Тихо! Слышишь?

Он оборвал словесный поток и вновь застыл, с напряженным вниманием вслушиваясь в тишину. Валерия замерла — безмолвие царило во дворце.

— Надо торопиться! — горячо зашептал человек ей в ухо. — Они сейчас к западу от Большого зала! Это здесь! Быть может, уже крадутся сюда!

Воин сомкнул пальцы на ее запястье, она попробовала высвободить руку — тщетно!

— Ты говоришь «они», кто это? — спросила девушка.

Он задержал на незнакомке взгляд, как бы удивляясь ее неосведомленности.

— «Они»? — Он запнулся. — Ну, те — из Ксоталана. Ты только что убила одного из них. Те, что живут у Восточных ворот.

— Так, значит, город населен?! — воскликнула она.

— Да, да! — От нестерпимого желания поскорее покинуть опасное место воин извивался всем телом и едва не подпрыгивал. — Идем! Нам надо поскорей вернуться в Техултли!

— Где это?

— Район у Западных ворот! — И, крепче сжав руку девушки, он повлек ее к двери, через которую вошел пятью минутами раньше. Его смуглый лоб усеяли крупные капли пота, глаза от страха блестели.

— Стой! Подожди! — Валерия вырвала руку из его клещей. — Не прикасайся ко мне, или я раскрою тебе череп! Что все это значит? Кто ты? И куда меня тащишь?

Огромным усилием воли человек взял себя в руки и, бросая по сторонам испуганные взгляды, заговорил срывающимся голосом, но так быстро, что она с трудом разбирала слова:

— Меня зовут Техотл. Я сам из Техултли. Мы с этим парнем, что лежит с перерезанным горлом, прокрались в Зал тишины, надеясь подстеречь и убить кого-нибудь из ксоталанцев, и потеряли друг друга. Тогда я вернулся сюда, но увидел, что мой приятель лежит на ковре, уже мертвый. Я знаю, это сделал Пылающий Череп, он бы и меня прирезал, если бы ты его не убила. Но думаю, он здесь не один. Наверняка из Ксоталана явятся другие. Боги — и те бледнеют при виде участи несчастных, попавших в лапы ксоталанских зверей живыми.

От одной мысли об этом незнакомец задрожал как в лихорадке, смуглая кожа словно покрылась пепельным нале-

том. Нахмурив лоб, Валерия задумалась. За малопонятными фразами таилось что-то важное, но суть ускользала от нее.

Она повернулась к черепу — тот по-прежнему испускал пульсирующий свет — и носком сапога потянулась было к нему, как вдруг человек, назвавшийся Техотлом, дико вскрикнув, прыгнул вперед.

— Не прикасайся! И не смотри на него! В нем — Безумие и Смерть! Только колдуны Ксоталана знают его тайну. Они нашли его в катакомбах среди останков жестоких королей, правивших Ксухотлом в мрачные дни прошлого, за сотни лет до нас. Тем, кто не познал великую тайну черепа, хватает взгляда на него, чтобы застыла в жилах кровь и затуманился разум. Раз прикоснувшись, человек сходит с ума и скоро угасает.

Валерия окинула воина недоверчивым взглядом. Худой и мускулистый, с сальными волосами, он не внушал доверия. В глазах наряду с огоньками затравленного зверя она уловила лихорадочный блеск — верный признак расстроенных нервов. И вместе с тем в его голосе звучало искреннее беспокойство.

— Пойдем! — чуть ли не жалобным тоном заговорил он и вновь потянулся к ее запястью, но вдруг, вспомнив угрозу, отдернул руку. — Ты не из здешних. Не знаю, как сюда попала, но будь ты богиня или демон, ты должна помочь Техултли. Там все узнаешь. Мне кажется, ты пришла из-за Большого леса — оттуда пришли наши предки. Но ты ведь друг, иначе не стала бы убивать нашего врага. Прошу тебя, поторопимся, пока ксоталанцы не обнаружили нас и не прирезали.

С неприятного, горящего нетерпением лица Техотла она перевела взгляд на череп — то едва тлевший, то снова разгоравшийся на плиточном полу возле трупа. Словно явившийся из ночного кошмара, во многом схожий с обычным, череп, однако, отличался каким-то особым зловещим уродством. При жизни его обладатель, должно быть, являл собой отталкивающий, даже страшный вид. При жизни? Ей почудилось, что череп продолжает жить какой-то своей, обособленной жизнью. Челюсти вдруг раздвинулись и с лязгом сомкнулись. Свечение усилилось, по черепу забегали живые огоньки, стало нарастать ощущение нереальности — да, это сон, тяжелый сон, вся жизнь всего лишь сон...

— Не смотри! Не смотри на череп! — донесся до нее, будто издалека, через пространство резкий голос Техотла.

Пучина, едва не поглотившая ее разум, начала быстро рассеиваться.

Валерия встряхнулась, точно львица. Зрение прояснилось. А Техотл между тем продолжал:

— При жизни он носил в себе мозг ужасного короля магов! Он и сейчас живет, получая силы и колдовской огонь из царства Тьмы.

Исторгнув страшное проклятие, Валерия рванулась вперед. Прошелестело лезвие — и череп разлетелся на десятки горящих осколков.

Где-то то ли в глубине комнаты, то ли в отдалении, то ли в уголках ее сознания раздался животный рев боли и ярости.

Рука Техотла почтительно коснулась ее пальцев, сжимавших рукоять меча; его губы невнятно шептали:

— Ты разрубила Череп! Разрушила чары! И никакие заклинания ксоталанцев уже не смогут его воскресить! А теперь уходим. *Быстро!*

— Но я не могу, — возразила она. — У меня здесь неподалеку друг, и мы договорились, что...

Она осеклась, увидев, как страшно исказилось его лицо, как остановился взгляд, устремленный поверх его плеча. Она круто повернулась и увидела четырех воинов: разом вбежав через четыре двери, те ринулись к двоим в середине комнаты.

Они ничем не отличались от других: такие же тощие, с узловатыми мускулами, те же прямые иссиня-черные волосы и тот же безумный огонь в широко раскрытых глазах. Одежда, оружие — все как у Техотла, с той лишь разницей, что на груди у всех был нарисован белый череп.

Не было ни вызова, ни боевого клича. Как жаждущие крови тигры, бросились ксоталанцы на врагов, горя желанием достать клинком до горла. Техотл встретил их с яростью обреченного. Уклонившись от палаша, он схватился с воином врукопашную, увлек на пол, где в полном молчании оба катались и рвали друг друга на части!

Трое оставшихся, с глазами красными, как у бешеных собак, налетели на Валерию.

Первого, кто оказался в пределах досягаемости ее меча, она убила сразу — не успел тот замахнуться, как упал с раскроенным черепом. Отбивая удар, она метнулась в сторону. Глаза девушки горели, на губах играла беспощадная улыбка. Вновь она была Валерией — воительницей из

«Ватаги Красных братьев», и шелест длинного прямого меча звучал ей слаще свадебной песни.

Вот ее меч блеснул мимо вражеского клинка, прорвал защиту и, вспоров дубленую кожу, на шесть дюймов погрузился в живот врага. Хватая ртом воздух, человек повалился на колени, но его рослый товарищ прыгнул вперед и с такой яростью стал наносить удар за ударом, что Валерия никак не могла выбрать момента, чтобы ответить. Она отступала, парируя удары, хладнокровно дожидаясь случая для решающего выпада. Все равно — этот стальной смерч долго не продлится. Рука устанет, ослабеет, ураган стихнет, и тогда она возьмет свое — вонзит клинок прямо в сердце. Валерия мельком увидела Техотла: оседлав врага, тот всеми силами пытался разжать мертвую хватку на своем запястье, чтобы всадить кинжал меж ребер ксоталанца.

Пот крупными каплями выступил на лбу нападавшего, глаза полыхали, как угли. Несмотря на яростный натиск, он не мог ни сломить, ни даже пробить оборону девушки. Но вот его дыхание стало прерывистым, удары — беспорядочными и уже не такими мощными. Она сделала шаг назад, вынуждая того сменить позицию, и вдруг почувствовала, как железные пальцы мертвой хваткой впились ей в бедро. Раненый на полу! Она совсем о нем забыла!

Привстав на колени, тот замкнул пальцы на ее ногах; его товарищ торжествующе заклекотал и начал пробираться по кругу, чтобы атаковать девушку слева. Она снова рванулась — все напрасно! Один удар вниз — и она освободилась бы от этих капканов, но в этот миг кривой клинок рослого воина раскроил бы ей череп. Вдруг левую ногу пронзила страшная боль: добравшись зубами до бедра, раненый, точно дикий зверь, впился в живую плоть.

Свободной рукой Валерия схватила того за длинные волосы и оторвала от себя, так что пылающие ненавистью глаза воззрились на нее снизу вверх. Рослый ксоталанец, исторгнув из груди яростный вопль, прыгнул вперед и что было сил обрушил на нее палаш. Она едва сумела отразить удар — плоской стороной меч ударил ее по голове, из глаз сыпанули искры, пол покачнулся. Вновь раздалось животное рычание, и вновь взметнулся меч, но внезапно за спиной ксоталанца выросла гигантская фигура, и молнией сверкнула сталь. Крик воина оборвался и, точно бык под топором, он повалился на пол — из раскроенного до горла черепа вывалились мозги.

— Конан! — только и выдохнула Валерия. Распаленная боем, она круто повернулась к раненому, ее сильная рука по-прежнему сжимала пучок его волос. — Умри, собака! — С тихим шелестом клинок очертил в воздухе дугу, и обезглавленное тело повалилось к ее ногам — из шеи струей била кровь. Отрубленную голову девушка зашвырнула в дальний угол.

— Что тут еще стряслось? — Расставив ноги, варвар стоял над трупом убитого воина. Не опуская широкого меча, он обегал комнату изумленным взглядом. Стряхивая с кожи красные капли, Техотл поднялся с бьющегося в агонии последнего из четверки ксоталанцев. Глубокая рана на его бедре сочилась кровью. Широко раскрытыми глазами он уставился на Конана.

— Ну, скажет мне кто-нибудь? — снова потребовал объяснений варвар: оставив девушку на несколько минут, он меньше всего ожидал застать ее в гуще смертельной схватки с какими-то полупризраками в этом, как он считал, заброшенном, необитаемом городе. Обойдя наугад несколько комнат наверху, Конан вернулся туда, где ее оставил, и, не найдя на месте, встревожился. Шум внезапно вспыхнувшей схватки, от которого у варвара чуть не лопнули барабанные перепонки, подсказал, где следует искать его подругу.

— Пять псов за один бой! — Глаза Техотла заблестели от восторга. — Целых пять мертвецов! Значит, в черный столб вобьют еще пять красных гвоздей! Хвала вам, боги крови!

Он простер дрожащие руки к потолку, но вдруг его лицо исказила злоба; он плюнул на трупы и, не в силах сдержать переполнявшей его радости, начал отплясывать на мертвых телах отвратительный победный танец. Его недавние союзники в замешательстве взирали на это днкое зрелище. Наконец Конан спросил на аквилонском:

— Кто этот ненормальный?

Валерия пожала плечами:

— Его зовут Техотл. Из его бормотания я поняла, что его клан живет в одном конце этого города сумасшедших, а те, что убиты, — из враждующего клана, который занимает противоположную часть. Пожалуй, нам лучше пойти с ним. Сам видишь — в отличие от своих врагов, он к нам явно расположен.

Техотл уже не плясал на трупах: словно собака склонив голову набок, он напряженно вслушивался в незнакомую

речь, его отталкивающие черты отражали происходящую в душе борьбу восторга от одержанной победы со страхом перед неизвестно откуда взявшимися чужаками.

— Прошу вас, идемте! — зашептал он. — Мы сделали доброе дело. Пять мертвых псов! Мой народ с благодарностью примет вас. Вам окажут великие почести! Только, заклинаю богами, скорей! До Техултли не так уж близко. Что, если ксоталанцы нагрянут сюда целым отрядом? Тогда не помогут даже ваши мечи.

— Хорошо. Веди! — проворчал Конан.

Техотл не мешкая ступил на лестницу, ведущую на галерею, и кивнул чужакам, приглашая тех следовать за собой, что они и сделали. Быстро поднявшись на галерею, он выбрал дверь в западной стене. Замелькали бесчисленные комнаты — одна за другой, очень похожие, где свет давали зеленые мерцающие камни или окна, прорезанные в потолке.

— Как думаешь, куда мы попали? — едва слышно прошептала Валерия.

— Одному Крому известно! — ответил Конан. — Прежде я встречал таких людей — на побережье озера Эвад, почти у самой границы с Кушем. Скорее всего, нечистокровные стигийцы — помесь какой-то расы, пришедшей в Стигию много веков назад с востока и породнившейся с коренным населением. Там их называют тлазитланцами. Хотя я сильно сомневаюсь, чтобы они смогли построить такой город.

По мере удаления от комнаты с мертвецами страх Техотла не исчезал, наоборот — он становился все сильнее. Техултлинец беспрерывно вертел головой, пытаясь уловить звуки возможной погони, и напряженно вглядывался в каждый дверной проем, мимо которых бесшумно скользили их тени.

Несмотря на сильный характер, Валерия не могла справиться с охватившей тело дрожью. Она никогда ничего не боялась, но полыхающий красным пол под ногами, мерцающие камни над головой, где их зеленый свет перемежался с черными тенями, крадущаяся поступь их до смерти перепуганного проводника — все это наполняло ее душу неясным мрачным предчувствием, ощущением затаившейся где-то поблизости опасности.

— Они могут поджидать нас на пути в Техултли! — предупредил Техотл. — Надо соблюдать осторожность, чтобы не угодить в засаду!

— Но почему бы нам не выбраться из этого проклятого дворца на улицу? — раздраженно спросила Валерия.

— В Ксухотле нет улиц, — ответил проводник, — нет ни площадей, ни открытых дворов. Весь город построен как один огромный дворец под одной крышей. Единственное, что как-то напоминает улицу, — так это большой зал, протянувшийся от Северных до Южных ворот. И выйти из города можно только через ворота, хотя... — он замялся, — вот уже пятьдесят лет, как ими никто не пользовался.

— Сколько времени вы здесь живете? — спросил Конан.

— Я родился в замке Техултли тридцать пять лет назад и ни разу не ступал за пределы города. Во имя богов, ступайте тише! Эти залы могут быть битком набиты врагами! Вот доберемся до места, там Ольмек сам все вам расскажет.

И в полной тишине, ступая по пылающему полу под мерное мигание зеленых огней, они двигались дальше, пока Валерии не начало казаться, что они пробираются покоями царства Теней, ведомые темнокожим длинноволосым гоблином.

Однако рядом был Конан — он напомнил о себе, остановив маленький отряд, когда они пересекали необычайно широкую комнату. По натуре Конан оставался варваром и потому обладал слухом дикаря, гораздо более острым, чем слух Техотла, пусть и отточенный в молчаливых коридорах дворца за время войны длиною в жизнь.

— Ты думаешь, мы можем напороться на твоих врагов?

— Они круглые сутки рыщут по этим комнатам... мы тоже сюда наведываемся. Залы и комнаты между Техултли и Ксоталаном — это пограничная территория, она ничья, Мы называем ее Залами Тишины. А почему ты спросил?

— Потому что в комнатах впереди затаились воины: я слышал звяканье стали о камень.

И снова Техотл задрожал с головы до пят, ему даже пришлось крепко сжать зубы, чтобы не выдать их стуком себя и чужаков.

— А вдруг это твои друзья? — предположила Валерия.

— Лучше не рисковать, — выдохнул он. С поразительной быстротой техултлинец свернул в сторону и растворился в дверном проеме левой стены, за ней оказалась комната, откуда вниз, прямо в кромешный мрак, вела винтовая лестница со ступеньками цвета слоновой кости.

— Она ведет в темный коридор под нами! — прошелестел голос проводника, на его лбу бисеринками блестели капли пота. — Нас могут подстерегать и там. Может быть, все это подстроено нарочно, чтобы заманить нас туда. Но если в верхних комнатах действительно засада, то это — наш единственный шанс. За мной, быстро!

Двигаясь неслышно, точно призраки, они спустились по ступеням и вышли к черной дыре — входу в коридор. На миг задержались, прислушиваясь, потом растаяли во мраке. Уже через несколько шагов у Валерии по коже поползли мурашки: ей каждую секунду казалось, что еще миг — и в ее тело войдет вражеский клинок. Если бы не железные пальцы Конана, сжимавшие ее запястье, разум захлестнуло бы чувство полного одиночества. Кошка, ступающая на бархатные подушечки своих пап, произвела бы больший шум, чем эти трое. Тьма была — хоть глаз выколи. Пальцами вытянутой руки девушка скользила по стене, иногда вместо камня встречая пустоту проема. Казалось, коридору не будет конца.

Внезапно все трое замерли, затаив дыхание: за их спинами послышался слабый звук. Валерия узнала его, и по ее спине волной пробежал холодок — в темноте чья-то рука осторожно открывала дверь. В коридор входили люди. И словно отвечая на немой вопрос, под ноги попалось что-то круглое, похожее на человеческий череп. Она запнулась — и предмет с ужасным стуком покатился по коридору.

— Бежим! — взвизгнул Техотл вне себя от страха, рванувшись вперед с прытью летающего привидения. Конан, как всегда, был рядом: схватив Валерию под мышку, он увлек ее за собой вслед за проводником. В темноте варвар видел не лучше девушки, но чутье дикаря подсказывало ему верный путь. Без его поддержки одна она давно упала бы или налетела на стену. Они мчались по коридору, а за их спинами — все ближе и ближе — топот десятка ног; и вдруг Техотл крикнул:

— Вот она — лестница! За мной!

Валерия едва не оступилась во тьме, но невидимая рука удержала ее. Вновь на запястье пальцы — уже проводника, ее куда-то тащат, почти несут — кругами, вверх по бесконечной лестнице.

Выпустив девушку, Конан повернулся для отпора; его инстинкты, слух подсказывали — враги близко. Вдруг он весь подобрался: к топоту человеческих ног примешивались иные, непонятные звуки.

Казалось, что-то извиваясь ползло вверх по ступеням — что-то скользкое, шуршащее, от одной близости которого стыла кровь в жилах. Конан с силой опустил огромный меч и почувствовал, как сталь, разрубив податливое тело — похоже, что живую плоть, — глубоко вошла в ступеньку лестницы. Его ног словно коснулся кусок льда, затем послышались точно тяжелые удары плети, и в воздух взвился предсмертный вопль человека.

В следующий миг Конан уже мчался вверх по винтовой лестнице. Но наконец ступеньки кончились, и он влетел в открытую дверь — Валерия и Техотл уже ждали его. Проводник тут же захлопнул дверь и наложил засов — первый увиденный Конаном после засова на городских воротах.

Покончив с дверью, Техотл помчался к стене напротив. В этой комнате было довольно света. Готовый нырнуть вслед за ним в темный проем, Конан оглянулся: под мощными, яростными ударами запертая дверь стонала и вся ходила ходуном.

Хотя Техотл по-прежнему не умерял ни прыти, ни осторожности, он чувствовал себя явно увереннее. У него был вид человека, добравшегося до знакомых мест, где по его первому зову на выручку придут друзья.

Но Конан своим вопросом вновь поверг его в ужас.

— Что это за тварь была там, на лестнице? — небрежно бросил на бегу варвар.

— Люди из Ксоталана, — не оглядываясь, быстро ответил проводник. — Я говорил: залы прямо кишат ими.

— То был не человек, — возразил варвар. — Тварь ползает и холодна как лед. Похоже, я чуть не рассек ее надвое. Скорее всего, она упала на наших преследователей и в ярости убила одного из них.

Голова Техотла откинулась назад; лицо вновь посерело, ноги невольно заработали быстрее.

— Это был Ледяной Змей! Чудовище, которое они своими заклинаниями вызвали из подземных катакомб себе в помощь. Какой он с виду, мы не знаем, но только много раз находили трупы наших, которых он подстерег во тьме. Во имя Сета — поторопимся! Если его пустят по нашему следу, он не отстанет до самых ворот в Техултли!

— Навряд ли, — проворчал Конан. — Слишком серьезную рану он получил от меня на лестнице.

— Быстрей! Быстрей! — только и простонал Техотл.

Они пробежали через несколько комнат, полных зеленого сумрака, пересекли широкий зал и остановились перед огромной бронзовой дверью.

Техотл облегченно вздохнул:

— Наконец-то! Техултли!

Глава 3

НАРОД, ЖИВУЩИЙ НЕНАВИСТЬЮ

Техотл постучал кулаком по двери и сразу повернулся, чтобы не терять из виду зал.

— Случалось, наших убивали у самой двери, когда они успокаивались, полагая, что находятся в полной безопасности, — сказал он.

— Почему нам не открывают? — Конан недовольно нахмурился.

— Они сейчас рассматривают нас через Око, — ответил Техотл. — Должно быть, их смущает ваш вид. — И уже громче: — Экселан! Откроешь ты или нет? Это же я — Техотл, а со мной друзья из большого мира за лесом!.. Они откроют, обязательно откроют! — успокоил он своих спутников.

— Не мешало бы им поторопиться, — мрачно изрек Конан. — Я слышу, как что-то ползет по полу комнаты, выходящей в зал.

Техотл снова подернулся пеплом и обрушил на дверь целый каскад ударов.

— Открывайте, олухи несчастные! — завопил он. — Ледяной Змей ползет за нами по пятам!

Он еще молотил кулаками по бронзе, как вдруг дверь бесшумно отворилась вовнутрь, и их глазам предстала тяжелая цепь, натянутая поперек проема, поверх которой ощетинились острия копий; глаза воинов секунду ощупывали нежданных гостей колючим взглядом. Наконец цепь упала, и Техотл, неистово сжав руки своих друзей, почти силком перевел их через порог. Дверь уже закрывалась, когда Конан, бросив взгляд через плечо, увидел в дальнем конце темного зала неясные очертания огромной змеи: словно нескончаемый поток мерзкой слизи, судорожно извиваясь, рептилия медленно выползала из противоположного

проема, отвратительная голова в красных пятнах бессмысленно раскачивалась из стороны в сторону... Дверь закрылась, и жуткое видение исчезло.

Они стояли в квадратной комнате, напоминавшей небольшую площадь. Поперек двери вновь наложили засовы и навесили цепь. Все сооружение было прекрасно продумано и могло бы устоять перед любым натиском. Вокруг стояло четверо человек стражи — такие же темнокожие и черноволосые, как и их проводник, у каждого в руке — копье, у бедра — меч. В стене у входа Конан заметил сложное приспособление из нескольких зеркал — как видно, то самое Око, о котором упоминал Техотл; зеркала были установлены таким образом, чтобы через вставленный в узкую прорезь плоский кристалл можно было, не обнаруживая себя, видеть все, что происходит снаружи. Четверо стражников в изумлении смотрели на незнакомцев, однако вопросов не задавали, а Техотл не счел нужным давать им какие-либо объяснения. Он двигался с небрежной уверенностью, словно в тот миг, когда шагнул через порог, разом сбросил с себя путы страха и нерешительности.

— Пошли! — отрывисто бросил он недавно обретенным друзьям.

Конан с сомнением посмотрел на засовы.

— А как насчет парней, что нас преследовали? Что если они надумают взломать дверь?

Техотл замотал головой.

— Они прекрасно знают, что невозможно взломать дверь Орла. И теперь хочешь — не хочешь, а придется им вместе со своим ползучим гадом убираться в Ксоталан. Пошли! Я проведу вас к правителям Техултли.

Один из стражников открыл дверь в стене напротив бронзовой, и они ступили в длинный зал, который, как и большинство комнат этого яруса, был освещен гроздьями мигающих зеленых камней и слабыми дневными лучами, падавшими сквозь узкие щели-окна в потолке. Однако в отличие от бесчисленных комнат, увиденных за этот долгий день, зал носил на себе следы обитания. Вышитые по бархату рисунки украшали глянцевые стены из жадеита, толстые ковры устилали алый пол, а на сиденья, скамьи и диваны были положены сатиновые подушки.

Зал оканчивался дверью с витиеватой резьбой, стражи перед ней не было. Техотл бесцеремонно толкнул дверь и ввел друзей в просторную комнату. Стоило им появиться,

как человек тридцать мужчин и женщин с изумленными возгласами повскакивали со скамей и кушеток.

Все, кроме одного, принадлежали к расе Техотла; женщины — такие же темнокожие, с тем же блеском в глазах — были, однако, по-своему красивы какой-то сумрачной, полумистической красотой. На груди все носили сандаловые вызолоченные пластинки, короткая шелковая юбка, которую удерживал усыпанный камнями пояс, не скрывала правильной линии бедер, а черная грива волос, грубо обрезанная у обнаженных плеч, была схвачена серебряным обручем.

На широком, из слоновой кости сиденье, установленном на массивном возвышении, сидели двое — мужчина и женщина, по виду несколько отличавшиеся от остальных. Он — настоящий гигант: невероятной ширины в плечах и с огромной, как у быка, грудной клеткой. Густая иссиня-черная борода ниспадала почти до пояса. Свободная одежда из пурпурного шелка при малейшем движении переливалась всеми оттенками крови, а рукав, упавший к локтю, обнажил руку в буграх мускулов. Лента, вся в сверкающих каменьях, стягивала того же цвета густые локоны.

При виде чужаков женщина, слабо вскрикнув, вскочила на ноги; ее изумленный взгляд, скользнув по Конану, остановился на Валерии, глаза с жгучим интересом рассматривали незнакомку. Высокого роста, гибкая и стройная, она, несомненно, была самой красивой женщиной из всех, присутствующих в зале. Одежды на ней было еще меньше, чем на других: вместо юбки — широкая полоса пурпурной с золотой нитью ткани, продетая под ремнем, концы которой едва достигали колен. Другая полоса, продетая со спины, довершала эту часть ее наряда, который она носила с невозмутимым бесстыдством. Нагрудные пластинки и обруч у висков украшала россыпь драгоценных камней. И было еще нечто, что отличало ее от темнокожих представительниц племени Техотла: в глазах женщины Конан не заметил блеска сумасшествия. После невольного вскрика она так и не произнесла ни слова, лишь стояла, вся подобравшись, сжав пальцы в кулаки, пристально глядя на Валерию.

Мужчина не поднялся.

— Принц Ольмек! — В низком поклоне, ладонями вверх Техотл простер к трону руки. — Я привел к тебе союзников. Они пришли к нам из мира по другую сторону леса. В комнате Тецоти моего друга Хикмека убил Пылающий Череп.

— Пылающий Череп! — прокатился по рядам техултлинцев судорожный шепоток.

— Да-да! Потом в ту комнату вошел я и увидел Хикмека на полу с перерезанным горлом. Не успел я убежать, как из стены выплыл Пылающий Череп. Я взглянул на него — и кровь застыла в жилах, леденящий холод пробрал меня до мозга костей. Я уже не мог ни бежать, ни биться, а только стоял и покорно ждал смертельного удара. И вдруг откуда ни возьмись появилась эта белокожая женщина и сразила его одним ударом меча! О милосердный Сет! Оказывается, под видом призрака скрывался ксоталанский пес! Белой краской он намалевал у себя на коже кости, а на голову надел живой череп древнего колдуна! Сейчас этот череп валяется там, разрубленный на куски, а пес, что таскал его на голове, — уже мертвец!

Лицо рассказчика раскраснелось, в глазах заплясали безумные огоньки, от восторга его голос срывался на крик. Среди слушателей раздались приглушенные проклятья и возгласы удивления.

— Погодите! — воскликнул Техотл. — Это еще не все! Только я успел перебросится с ней несколькими словами, как на нас напали четверо ксоталанцев. Одного я убил, и рана в бедре — памятка о том отчаянном поединке. Двоих убила женщина. Но в самый разгар, когда нам приходилось особенно туго, в схватку вступил ее товарищ и раскроил голову четвертого врага. О! Пять красных гвоздей — вот наше подношение к столбу мести!

Он указал на эбеновый столб, высившийся за пьедесталом. На черной поверхности виднелись сотни алых точек — шляпки гвоздей, вбитых в дерево.

— Пять красных гвоздей — жизни пяти ксоталанцев! — отчеканил Техотл, и в диком восторге, охватившем толпу, потонули остатки разума этих людей.

— Кто они? — Голос Ольмека — низкий и глубокий — походил на отдаленный рев быка. Никто из жителей Ксухотла не говорил в полный голос. Казалось, они с молоком матери впитали в себя тишину пустых залов и заброшенных комнат.

— Я Конан-киммериец, — отрывисто бросил варвар. — Со мной — Валерия из «Ватаги Красных братьев», пиратов из Аквилонии. Мы бежали из боевого отряда, стоящего на рубеже с Дарфаром далеко к северу отсюда, и сейчас пробираемся к побережью.

Заговорила женщина — необычайно громко, в спешке коверкая слова:

— Вам никогда не добраться до побережья! Из Ксухотла нет выхода. Остаток жизни вы проведете в этом городе!

— Что такое?! — зарычал Конан, кладя руку на эфес меча и поворачиваясь так, чтобы держать в поле зрения всех — и толпу и трон. — Уж не хотите ли сказать, что мы пленники?

— Вы нас не поняли, — вмешался Ольмек. — Мы — ваши друзья. Мы не станем удерживать вас против воли. Но, боюсь, есть обстоятельства, которые помешают вам покинуть Ксухотл.

Он бросил на девушку взгляд — быстрый как молния — и тут же опустил глаза.

— Мою женщину зовут Тасцела, — продолжал он. — Она — принцесса Техултли. Но довольно вопросов. Пусть нашим гостям принесут еду и напитки. Я думаю, за время длинного путешествия они порядком устали и проголодались.

Жестом он пригласил обоих искателей приключений за стол цвета слоновой кости. Обменявшись многозначительными взглядами, те сели. Киммериец подозревал подвох. Его голубые глаза перебегали с человека на человека, с предмета на предмет; кисть правой руки не поднималась выше пояса, держась поближе к ножнам. Предложение насытиться и выпить не уменьшило его подозрений. Время от времени его взгляд задерживался на Тасцеле, но принцесса, похоже, не замечала ничего, кроме его белокожей спутницы.

Техотл, перевязав рану на бедре шелковой лентой, тоже присел за стол — он с готовностью взял на себя обязанность прислуживать своим друзьям, как видно, считая за честь для себя удовлетворять малейшие их пожелания. Он тщательно осматривал еду и напитки, приносимые на золотых блюдах и в золотых сосудах, и прежде чем передать их гостям, пробовал сам. Пока те насыщались, Ольмек молча сидел на троне, пристально наблюдая за чужаками из-под густых черных бровей. Принцесса сидела рядом, обхватив лицо руками, локтями упершись в колени. Взгляд ее темных загадочных глаз был прикован к сильному, гибкому телу Валерии. За ее спиной мрачноватая, но не лишенная красоты девушка размеренно поднимала и опускала роскошное опахало из страусовых перьев.

Еда состояла из незнакомых фруктов экзотического вида, однако очень приятных на вкус; крепкое, красного цвета вино веселило кровь.

— Вы пришли издалека, — наконец вымолвил Ольмек. — Я читал книги отцов. Аквилония лежит за землями стигийцев и шемитов, за Аргосом и Зингарой, а Киммерия — еще дальше.

— Нам обоим не сидится на месте, — легкомысленно ответил Конан.

— Для меня загадка, как вы прошли через лес, — продолжал Ольмек. — В давние времена не больше половины от тысячи храбрых воинов смогли пробиться через его гиблые чащи.

— Мы натолкнулись там на жуткое чудовище размером с мастодонта, — небрежно обронил Конан, держа в руке кубок, в который Техотл с видимым удовольствием лил вино из кувшина. — Но после того, как мы с ним покончили, нас уже никто не тревожил.

Сосуд выскользнул из пальцев Техотла и со стуком, расплескивая красное вино, упал на пол. Смуглая кожа проводника в который уже раз превратилась в пепельно-серую. Ольмек вскочил на ноги — пораженный, он уставился на этих непонятных чужестранцев; толпа замерла в благоговейном ужасе. Некоторые опустились на колени, точно ноги отказывались им служить. Конан озадаченно посмотрел вокруг.

— Что это с вами? С чего вы вдруг поразевали рты?

— Ты... ты убил божественного дракона?!

— Божественного? Я убил чудовище, только и всего. А что прикажете делать, если вас хотят сожрать?

— Но драконы бессмертны! — воскликнул Ольмек. — Случалось, правда, что они убивали друг друга, но из людей еще ни один не убивал дракона. Наши предки были в той тысяче воинов, что пробивались через лес, и они не смогли одолеть чудовищ! Об их чешую мечи ломаются как палки!

— Если бы ваши предки догадались вымазать острия копий в ядовитом соке яблок Деркето, — проговорил Конан с полным ртом, — а потом ткнуть ими в глаза, рот или еще куда, где помягче, они бы увидели, что драконы не более бессмертны, чем телячья отбивная. Труп твари валяется у самой кромки леса. Если не верите, можете сходить и убедиться.

Ольмек тряхнул головой — без тени недоверия, все больше поражаясь отваге чужаков.

— Именно из-за драконов наши предки не пошли дальше Ксухотла, — сказал он. — Они не осмелились, миновав открытую равнину, снова углубиться в лес. Прежде чем они достигли города, чудовища пожрали множество людей.

— Так, значит, Ксухотл построили не они? — спросила Валерия.

— Ксухотл — древний город. Сколько он простоял до нас, не знал никто, даже его полувыродившееся коренное население.

— Ваш народ пришел с озера Эвад? — Конан окинул толпу быстрым взглядом.

— Да. Более полувека назад племя тлазитланцев восстало против владычества короля Стигии. Потерпев в решающем бою поражение, наши предки бежали на юг. Много недель они шли по прериям, пустыне, пробирались через горные хребты, пока наконец не попали в величественный лес — тысяча воинов, и с ними женщины и дети.

— И там, в лесу, на них обрушились драконы. Те, кого не разодрали в куски, кто спасся от клыков и когтей, в безумном страхе перед чудовищами бежали прочь. Скоро остатки людей уже были у кромки леса, и там их глазам, прямо посредине голой равнины, предстал город Ксухотл.

Они разбили лагерь у стен города, не решаясь покинуть открытое место: в наступившей ночи из леса доносился ужасный рев и треск ломаемых деревьев. Упустив остатки добычи, чудовища накинулись друг на друга. К счастью для людей, звери не осмелились выйти на равнину.

Жители города закрыли ворота, со стен в наших полетели стрелы. Тлазитланцев как бы заперли в огромную тюрьму: со всех сторон равнину окружала стена густого леса, углубиться в который посмел бы разве что сумасшедший.

Той ночью в лагерь из города прокрался раб — одной с нами крови. Он с отрядом других искателей приключений прошел лес еще будучи молодым, за много лет до того, как им прошли наши предки. Драконы сожрали всех его товарищей, а его горожане впустили и сделали своим рабом. Его звали Толкемек. — При звуках этого имени в десятках темных глаз вспыхнул огонь, с губ сорвались еле слышные грязные ругательства, кое-кто даже презрительно

плюнул. — Он обещал открыть воинам ворота. Взамен просил об одном: чтобы всех пленных отдали ему в руки.

На рассвете раб открыл ворота. Воины устремились вовнутрь, и залы Ксухотла окрасились кровью. В живых осталось лишь несколько сот горожан — жалкие остатки некогда могущественного народа. По словам Толкемека, они пришли с востока из древней Козалы — очень давно, когда предки тех, что сейчас населяют Козалу, ворвались в страну с юга и вытеснили коренное население с их исконных земель. Они долго скитались, пока не оказались однажды на этой голой, опоясанной лесом равнине с единственными в ту пору обитателями — племенем чернокожих.

Они обратили аборигенов в рабство и начали строить город. Все нужное привозили с гор на востоке: жадеит и мрамор, лазурит и золото, серебро и медь. Стада слонов давали слоновую кость. Когда город был построен, всех черных рабов убили. Колдуны выставили вокруг города страшную охрану: по найденным в лесу огромным костям они с помощью колдовства воссоздали драконов — облекли кости плотью, вдохнули в свои творения жизнь, и огромные твари, как и в древности, стали бродить по земле. А чтобы не вышли из леса и не напали на город, колдуны наложили на них особое заклятие.

В течение многих веков после того жизнь в Ксухотле текла без изменений: люди возделывали плодородную землю, всю равнину избороздила сеть ирригационных каналов. Так шло до тех пор, пока их мудрецы не додумались, как можно выращивать фрукты внутри города, при этом растения получали питание не из почвы, а прямо из воздуха. Поля забросили, вода из каналов ушла, а люди, все больше предаваясь праздности, постепенно превратились в вымирающую расу. Когда наши предки, прорвавшись сквозь лес, вступили на равнину, этот народ был уже обречен. К тому времени их колдуны давно умерли, искусство волшебства было забыто, а сами горожане в бою уже не владели толком ни мечом, ни колдовством.

Наши отцы перерезали всех жителей Ксухотла — всех, кроме последней сотни, которую отдали Толкемеку, их бывшему рабу; и еще немало дней и ночей по залам прокатывалось эхо отчаянных воплей — то кричали под изощренными пытками пленники бывшего раба.

Итак, тлазитланцы зажили на новом месте. Городом правили два брата — Техултли и Ксоталан, а с ними —

Толкемек. Толкемек взял в жены девушку из нашего племени, а поскольку он открыл ворота и знал много ремесел ксухотланцев, то разделил бремя власти с обоими братьями — вожаками восстания.

Жизнь наладилась, и все шло своим чередом. В течение нескольких лет ничто не нарушало покоя новых горожан. Все только и делали, что ели, пили, занимались любовью и растили детей. За ворота не выходили: Толкемек научил их, как выращивать плоды, не выходя из города, поэтому можно было не ковыряться в земле. Кроме того, с убийством последнего ксухотланца пало заклятие, наложенное колдунами на лесных чудовищ, и чуть ли не каждую ночь твари подбирались к воротам и оглашали окрестности своим жутким ревом. От их бесконечных поединков земля становилась красной, потоки крови наполняли сухие каналы. Вот тогда-то... — Король вдруг оборвал себя, не докончив фразы, помолчал немного, а когда снова заговорил, Конан и Валерия почувствовали, что прежде чем сказать, он тщательно взвешивает каждое слово.

— Пять лет прошли в мире. Затем... — Ольмек метнул взгляд на женщину рядом, — затем Ксоталан взял в жены девушку, любви которой добивались и Техултли и престарелый Толкемек. Обезумев от страсти, Техултли похитил ее у законного супруга. К слову сказать, девушка не особенно и возражала. Толкемек назло Ксоталану помогал его брату в этом грязном деле. Ксоталан потребовал вернуть ему жену, а совет племени оставил последнее слово за женщиной. Та решила остаться с Техултли. В неописуемой ярости Ксоталан вознамерился забрать ее силой, и сторонники обоих братьев сошлись в Большом зале на бой.

То был день великой скорби. С обеих сторон пролилась кровь. Так ссора переросла в непримиримую вражду, вражда — в открытую войну. Обозначились три группы: часть воинов возглавил Техултли, еще одну — Ксоталан, остальные примкнули к Толкемеку. Еще в мирное время они поделили между собой весь город. Техултли поселился в западных кварталах, Ксоталан — в восточных, а Толкемек вместе с многочисленным семейством обосновался у Южных ворот.

На почве ненависти, зависти и презрения пышным цветом расцвело насилие. Раз обнажив меч, очень трудно вложить его обратно в ножны, а поскольку за кровь нет иной платы, кроме крови, то за каждое убийство неминуемо наступало

отмщение. Техултли дрался с Ксоталаном, а Толкемек брал сторону то одного, то другого, то предавал обоих сразу, во всех случаях преследуя только собственную выгоду. В конце концов Техултли со своими людьми отступил в кварталы у Западных ворот, где мы сейчас и находимся. Ксухотл имеет форму овала. Замок Техултли, получивший название в честь своего принца, расположен в западной части этого овала. Все двери, соединяющие его с остальным городом, были заблокированы, оставили лишь по одной на каждом этаже, которые надежно укрепили, чтобы можно было без труда обороняться от возможного нападения. Потом наши предки спустились в катакомбы и возвели глухую стену, отделив западную часть подземелья, где захоронены останки коренных ксухотланцев и тлазитланцев, погибших в междоусобице. Они обустроились, как в осажденном замке, постоянно тревожа неприятеля дерзкими вылазками.

Сторонники Ксоталана точно так же укрепились в восточной части города, а Толкемек сделал нечто подобное с кварталами, примыкающими к Южным воротам. Таким образом, центральная часть города осталась незаселенной. Ее пустынные залы и комнаты превратились в поле боя, в место постоянной охоты за людьми и страха смерти.

Толкемек воевал на стороне обоих кланов попеременно. Это был сам демон в образе человека, в десять раз хуже и опаснее Ксоталана. Ему были известны многие тайны города, о которых он никому никогда не рассказывал. Разгадав надписи в подземных склепах, он выкрал у мертвецов их тайны — тайны давно ушедших королей и колдунов, забытые обессилевшими от праздности ксухотланцами, которых перебили наши предки. Но даже магия не спасла его, когда однажды ночью мы, соратники Техултли, штурмом овладели его замком и перерезали всех, кого там нашли. Самого Толкемека пытали много дней... — Жесткий голос рассказчика упал до мягкого шепота, лицо приняло отрешенное выражение, взгляд устремился вдаль, словно перед его глазами проходили сцены далекого прошлого, вид которых доставлял ему неизъяснимое наслаждение.

— Ах да, — снова обычным голосом заговорил Ольмек. — Мы не давали ему умереть, пока он не начал молить о смерти, как иные молят о встрече с любимой. Тогда мы вынесли его из комнаты пыток и живого швырнули в темницу на съедение крысам. Но ему каким-то чудом удалось выбраться из темницы, и он убрался в катакомбы. Там,

полагаю, и подох, потому как из подземелья замка Техултли есть только один выход — в замок Техултли, а здесь он не объявлялся. Его скелета тоже не нашли. Подверженные суевериям, однако, готовы поклясться, что призрак Толкемека до сих пор разгуливает по подземелью, завывая посреди разбросанных костей. Вот уже двенадцать лет как мы покончили с Толкемеком, а вражда между Техултли и Ксоталаном не затухает, и она не погаснет, пока в живых будет оставаться хотя бы один воин, одна женщина.

Минуло пятьдесят лет с того дня, когда Техултли похитил жену Ксоталана. И все полвека идет вражда. С этой враждой я родился. Все в этом зале, за исключением Тасцелы, родились с этой враждой. С ней, надеюсь, мы и умрем.

Мы — раса обреченных, совсем как те ксухотланцы, которых убили наши предки. Когда началась война, то в каждом лагере было по нескольку сот воинов. Сейчас же все жители Техултли — перед вами; вместе с четырьмя воинами у главных дверей нас всего сорок два человека. Сколько осталось ксоталанцев, я не знаю, но вряд ли больше. За последние пятнадцать лет у нас не родился ни один ребенок, и мы не видели ни одного у ксоталанцев.

Мы вымираем, но прежде чем умрет последний воин, мы сделаем все, чтобы вынудить из ксоталанцев как можно больше крови — столько, сколько позволит нам милость богов.

Глаза Ольмека зажглись ненавистью, и он еще долго говорил об их бесконечной вражде, о стычках в безмолвных комнатах и сумеречных залах, когда под потолком разливают свой пульсирующий свет зеленые камни, а под ногами адским пламенем полыхает пол — весь в темных пятнах крови из рассеченных вен. В этой бойне сгинуло целое поколение. Самого Ксоталана не было в живых: вот уже много лет, как он пал в ужасной схватке на лестнице из слоновой кости. Техултли тоже умер: он попал в плен, и обезумевшие от ярости ксоталанцы содрали с него живого кожу.

Бесстрастным голосом Ольмек повествовал об ужасных схватках в черных коридорах, о засадах на винтовых лестницах, входил в подробности кровавой резни. Огонь в его темных, глубоко посаженных глазах разгорался все сильнее по мере того, как он рассказывал о мучениях мужчин и женщин, с которых живьем сдирали кожу, которым ломали кости, разрывали на части их обнаженные тела; о жутких воплях истязаемых пленников и о предсмертных прокля-

тиях, вырывавшихся из окровавленных глоток. Пытки были настолько бесчеловечны, что даже варварскую душу киммерийца охватило отвращение. Не удивительно, что Техотл весь трясся при одной мысли о плене! И все-таки в надежде убить врага он отважился на вылазку — ненависть оказалась сильнее страха. Ольмек говорил еще и еще: о черной магии и колдовстве, о темных, загадочных силах, проникших в верхние этажи из ночного мрака катакомб, о сверхъестественных тварях, вызванных людьми из небытия для борьбы с врагами. В подобных делах ксоталанцы имели значительное преимущество, поскольку именно в восточной части подземелья были захоронены останки наиболее могущественных колдунов из прежних ксухотланцев, постигших все тонкости своего древнего ремесла.

Валерия с каким-то нездоровым интересом ловила каждое слово.

Наконец жажда мести превратилась в смысл жизни обоих кланов, в животную, непреодолимую потребность убивать. Вражда вытеснила все. Во вражде люди рождались и во вражде умирали. Они никогда не покидали своих укрепленных замков, за исключением тех случаев, когда с замирающим сердцем крались по залам Тишины, лежащим между противоборствующими крепостями, и все за тем, чтобы убить или быть убитыми. Иногда лазутчики возвращались с обезумевшими от страха пленниками, иногда лишь приносили ужасные свидетельства одержанной победы. Случалось, что они не возвращались вовсе, и тогда их рассеченные на куски, обезглавленные тела находили сваленными в кучу у бронзовых дверей. Во все это верилось с трудом: чтобы живые люди по собственной воле превратили свою жизнь в настоящий кошмар... Отрезанные от остального мира, загнанные в одну ловушку, они, как бешеные крысы, кидались друг на друга, крались по темным коридорам, куда не проникал луч солнца, гонимые одной мыслью: калечить, мучить, убивать!

Все время, пока говорил Ольмек, Валерия чувствовала на себе жгучий взгляд Тасцелы. Похоже, принцесса вообще не слушала Ольмека. Ее лицо оставалось неподвижным: шла ли речь о славных победах или горечи поражений, на нем не отражалась ни дикая ярость, ни жестокое ликование, от которого лица остальных техултлинцев теряли человеческие черты. Великая вражда, которой было одержимо это племя, для нее, похоже, не имела никакого значения.

Ее полное безразличие к жизни племени показалось Валерии едва ли не более отвратительным, чем неприкрытая жестокость Ольмека.

— Нам уже не уйти из города, — слышался Валерии его голос. — За последние пятьдесят лет ни один человек не выходил за его стены, кроме тех, кто... — Он снова оборвал себя на полуслове. — Даже оставив риск угодить в пасти драконов, тот, кто родился здесь, кто вырос среди стен, никогда не отважится покинуть город. Мы ни разу не ступали по голой земле, нам было бы не по себе под бескрайним небом, под палящими лучами солнца. Нет, мы родились в Ксухотле, и в Ксухотле мы умрем.

— Что ж, вольному воля, — сказал Конан. — Однако, с вашего разрешения, мы попытаемся управиться с драконами. Ваша вражда нас никоим образом не касается. Вы просто проводите нас до Западных ворот — там и расстанемся.

Пальцы Тасцелы сжались, она горячо заговорила, но вмешался Ольмек:

— Уже почти стемнело. Если вы в такое время выйдете на равнину, то наверняка падете жертвой драконов.

— Мы спали эту ночь на равнине под открытым небом, и твари нас не потревожили, — возразил киммериец.

Тасцела загадочно улыбнулась:

— У вас не хватит мужества, чтобы выйти из Ксухотла!

Глаза варвара сверкнули, в нем шевельнулась неприязнь к этой женщине, а та так и впилась взглядом в его спутницу.

— Да нет, пожалуй, хватит, — сказал Ольмек. — Не в этом дело. Выслушайте меня, Конан и Валерия. Мне думается, вас послали боги, чтобы мы наконец раз и навсегда смогли покончить с Ксоталаном. Вы оба — искусные воины. Почему бы вам не взять нашу сторону? Мы обладаем огромными богатствами: драгоценные камни в Ксухотле попадаются на глаза чаще, чем в иных городах булыжники. Кое-что ксухотланцы принесли с собой из Козалы. Кое-что, например огненные камни, нашли в горах на востоке. Помогите нам истребить ксоталанцев, и мы отсыпем вам столько камней, сколько сможете унести.

— А вы поможете нам победить драконов? — спросила Валерия. — С луками и отравленными стрелами хватит и тридцати человек, чтобы очистить от них лес.

— Согласен! — с готовностью воскликнул Ольмек. — Правда, мы, в основном, учились ближнему бою и подзабыли, как владеть луком, но не беда — научимся заново.

— Что скажешь? — взглянула на Конана Валерия.

— А что тут говорить? — с недоброй усмешкой ответил тот. — Мы ведь бродяги, у которых не отыщется за душой и стертой монеты. Какая разница, кого убивать. Ну пусть это будут ксоталанцы.

— Так вы согласны? — Ольмек даже привстал, а Техотл едва не закричал от радости.

— Да. А сейчас не худо бы найти пару лежанок, чтобы поспать и отдохнуть, а завтра со свежими силами приступим к работе.

Ольмек кивнул и махнул рукой. Техотл и одна из женщин направились к двери слева от жадеитового пьедестала. У двери Техотл сделал знак следовать за собой, и оба искателя приключений вошли в проем. Прежде чем раствориться в сумраке коридора, Валерия быстро оглянулась: опустив подбородок на сплетенные пальцы, принц Ольмек неподвижно сидел на троне, глядя им вслед. В его глазах пылал огонь жестокости и мести. Тасцела, откинувшись на спинку, нашептывала что-то своей угрюмой служанке Язале. Губы принцессы едва не касались уха девушки, склонившейся к плечу своей госпожи.

Этот ход оказался не таким широким, как прочие, зато довольно длинным. Но вот женщина остановилась, открыла дверь и шагнула в сторону, приглашая Валерию войти.

— Обожди-ка. — Конан обернулся к проводнику. — А где буду спать я?

Техотл указал на дверь в противоположной стене — следующую от той, что выходила в коридор напротив двери в комнату Валерии. Конан заколебался, словно у него были свои соображения на этот счет, но Валерия, ядовито улыбнувшись, захлопнула дверь перед его носом. Пробормотав нечто весьма неучтивое по адресу всей женской породы, варвар зашагал вслед за Техотлом дальше по коридору.

В богато украшенной комнате, отведенной киммерийцу на ночлег, сквозь окна-щели в потолке пробивался тусклый свет. Некоторые окна были шире других — достаточно широкие, чтобы в них пролез худощавый воин, конечно, при условии, что он разобьет стекло.

— Почему бы ксоталанцам не пройти по крышам и не проникнуть в замок через окна?

— Кристаллы небьющиеся, — ответил Техотл. — Кроме того, поверхность крыши очень неровная: в основном это шпили, купола и крутые коньки с гладкими стенами.

Он тут же выложил варвару немало полезного об устройстве «замка Техултли». В частности выяснилось, что, как и весь город, замок имеет четыре этажа, или яруса, с комнатами, залами и башнями, мощными столбами, торчащими над крышей. У каждого яруса — свое название, а вообще-то жители Ксухотла дали имена каждой комнате, лестнице, каждому залу — точно так же, как люди в обычных городах присваивают названия улицам и кварталам. Этажи в Техултли назывались так: ярус Орла, ярус Обезьяны, ярус Тигра и ярус Змеи — в перечисленном порядке. Ярус Орла — самый верхний из них, то есть четвертый.

— Кто такая Тасцела? — спросил Конан. — Супруга Ольмека?

Техотл вздрогнул и, прежде чем ответить, опасливо оглянулся.

— Она не супруга. Она — Тасцела! Она была женой Ксоталана — той самой женщиной, которую похитил Техултли, из-за чего и разгорелась вражда.

— Что ты болтаешь?! — возмутился Конан. — Да ведь она красива и выглядит молодо. Не хочешь ли сказать, что пятьдесят лет назад эта женщина была уже замужем?

— Ну да! Клянусь, когда тлазитланцы бежали с озера Эвад, она была уже вполне сформировавшейся женщиной. Лишь потому, что король Стигии захотел иметь ее своей наложницей, и взбунтовались Ксоталан с братом, потому им и пришлось бежать из родных мест. Она — колдунья и знает секрет вечной молодости.

— Как так?

Техотл снова вздрогнул.

— Не спрашивай! Я не смею. Все это слишком страшно даже для Ксухотла! — И, прижав палец к губам, он выскользнул из комнаты.

Глава 4

АРОМАТ ЧЕРНОГО ЛОТОСА

Валерия расстегнула пояс и, не доставая меча из ножен, положила оружие на кушетку. Увидев, что двери снабжены засовами, она спросила, куда они выходят.

— Те, что справа и слева, открываются в соседние комнаты, — ответила служанка. — А та, — она указала на обшитую медными полосами дверь напротив входной, — та дверь открывается в коридор, ведущий к лестнице, которая спускается в катакомбы. Ты не бойся — здесь вполне безопасно.

— А кто боится? — Валерия презрительно фыркнула. — Просто я должна кое-что знать о бухте, в которой довелось бросить якорь. Надеюсь, у тебя нет в мыслях улечься на полу у моей кушетки? Я не терплю, когда мне навязывают свое общество, по крайней мере — женщины. Разрешаю тебе удалиться.

Оставшись одна, отважная воительница первым делом закрыла на засовы все двери, затем, стянув кожаные сапоги, с наслаждением растянулась на мягком ложе. Она представила себе, как в эту минуту Конан у себя в комнате устраивается на ночлег, и тут же женское тщеславие дорисовало недостающие детали: хмурый вид, глухое рычание и мускулистое, разгоряченное мужское тело на широкой кушетке... в полном одиночестве! Она злорадно усмехнулась и сомкнула веки.

За городскими стенами на равнину спустилась ночь. В залах Ксухотла зеленые камни светились подобно глазам доисторических зверей. Где-то среди темных башен, точно неприкаянный дух, завывал ветер. А по сумрачным проходам ночными призраками крались неясные тени.

Валерия проснулась внезапно, как от толчка. В неверном свете зеленых камней она различила склонившегося над ней человека. На краткий миг ей показалось, что видение это — всего лишь продолжение сна. Ей снилось, что она лежит на той же кушетке в той же комнате, а над ней в медленном такте шевелил своими лепестками черный цветок — такой огромный, что закрывал собою потолок. Терпкий аромат цветка охватил Валерию, проник в каждую клеточку мозга, погружая тело в чувственную, восхитительную истому — слишком сладостную, чтобы быть сном. Вот волны аромата, несущего неизъяснимое блаженство, накрыли ее с головой... и вдруг что-то коснулось ее лица. Все чувства под воздействием дурмана были настолько обострены, что легкое касание показалось ударом хлыста. Вместе с пробуждением пришло ощущение реальности; и тогда вместо огромного уродливого цветка она увидела темнокожую женщину, стоящую у изголовья кушетки.

К Валерии вернулись чувства, и первым — гнев. Тень быстро повернулась, но прежде чем та успела сделать хотя

бы шаг, воительница вскочила на ноги и сомкнула пальцы вокруг смуглой руки. Женщина рванулась с яростью дикой кошки, но тут же затихла побежденная, почувствовав превосходство в силе. Валерия повернула пленницу к себе лицом и, свободной рукой схватив за подбородок, подняла голову и заглянула той прямо в глаза. Перед ней стояла мрачная Язала, служанка Тасцелы.

— Признавайся, что ты выделывала надо мной? Что у тебя в руке, покажи!

Язала ничего не ответила, лишь шарила по сторонам глазами, выискивая, куда бы забросить предмет. Тогда Валерия вывернула руку, и на пол упало что-то черное — большой, необычного вида цветок на темно-зеленом стебле; размером с человеческую голову, он, однако, не шел ни в какое сравнение с огромным видением наркотических грез.

— Черный лотос! — чуть слышно вскрикнула Валерия. — Цветок, чей запах навевает глубокий сон. Ты хотела меня одурманить! И не коснись лепесток моего лица... Зачем ты это сделала? Чего ты хочешь?

Язала не произнесла ни звука. Валерия с проклятием повернула ее спиной, заставила встать на колени и, вывернув руку, стала загибать ее кверху.

— Говори, не то я за себя не ручаюсь!

По мере того как загибалась рука, тело служанки все сильнее извивалось от нестерпимой боли, но в ответ она только отчаянно мотала головой.

— Дрянь! — Валерия оттолкнула от себя служанку, и та распростерлась на каменных плитах. Взглядом, полным ненависти, воительница окинула слабо шевелящееся тело. Она вспомнила горящие глаза Тасцелы, и в душу отважной женщины закрался страх, пробуждая к жизни тигриные инстинкты самосохранения. Этот народ переживал период упадка, а при таких обстоятельствах от них можно было ожидать чего угодно — любой низости или коварства, возведенных в ранг добродетели. Но сейчас Валерии уже казалось, что этими людьми управляют какие-то потусторонние силы, что-нибудь более ужасное и мерзкое, чем просто осознание обреченности своего народа. Чувство страха и гадливости по отношению к этому зловещему городу охватило воительницу. Его жителей никак нельзя было назвать нормальными, весьма сомнительно, можно ли их вообще назвать людьми. Во всех глазах полыхает огонь сумасшест-

вия — во всех, кроме жестоких, скрытных глаз Тасцелы, владевшей знанием более ужасным, чем само сумасшествие.

Валерия подняла голову, прислушалась. Залы Ксухотла хранили молчание, город словно вымер. Зеленые камни заливали комнату призрачным светом, в котором обращенные к воительнице глаза женщины на полу сверкали жутковатым блеском. Волна животного ужаса прокатилась по сильному телу Валерии, остатки жалости исчезли — осталась ярость.

— Зачем ты хотела меня одурманить? — Она ухватила в пучок черные волосы на затылке и, откинув назад голову служанки, впилась взглядом в темные глаза, опушенные длинными ресницами. — Тебя подослала Тасцела?

Молчание. Валерия грязно выругалась и что было сил ударила ладонью по одной щеке, по другой. Звуки ударов, отразившись от стен, прокатились по комнате. Язала даже не вскрикнула.

— Почему ты не кричишь? — Голос Валерии вздрагивал от ярости. — Боишься, что тебя услышат? Кого боишься? Тасцелу? Ольмека? Конана?

Язала не ответила. Стоя на коленях, злобными как у василиска глазами она смотрела на свою мучительницу. Упрямство неизбежно вызывает гнев. Повернувшись, Валерия оторвала от ближайшей портьеры пучок веревок.

— Грязная тварь! — процедила она сквозь зубы. — Я привяжу тебя голую поперек кушетки и буду сечь, пока не скажешь, чем ты здесь занималась и кто тебя подослал!

Ни слова мольбы, ни малейшей попытки сопротивления за то время, пока Валерия выполняла первую часть угрозы; упрямство жертвы только усиливало ее ярость. Затем некоторое время не было слышно ничего, кроме свиста и ударов шелковой плети по обнаженному телу. Язала не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой — так туго она была привязана к кушетке. Ее тело выгибалось и вздрагивало, голова моталась из стороны в сторону в такт ударам плети. Чтобы сдержать рвущийся наружу крик, она закусила губу, из которой уже стекала струйка крови.

Скрученные вместе нити впивались в тело почти бесшумно, лишь резкие, отрывистые звуки отсчитывали удары, но каждая нить оставляла на смуглой коже узкую красную полоску. Валерия трудилась со знанием дела, вкладывая в удары немалую силу своей тренированной руки; она истязала жертву с жестокостью, воспитанной за время жизни среди пиратов, где боль и пытка были явле-

нием обыденным, и с той циничной изобретательностью, которую способна проявить только женщина по отношению к женщине. Язале не пришлось бы так страдать — и физически и душевно, — если бы ее палачом был мужчина, пусть даже гораздо сильнее этой разъяренной воительницы.

Именно женская изощренность в конце концов сломила волю темнокожей служанки.

С окровавленных губ сорвалось рыдание. Валерия, замерев с поднятой рукой, убрала со лба влажный светлый локон.

— Хочешь что-то сказать? — Она недобро усмехнулась. — А то смотри, я не устала. Могу трудиться над тобой хоть до утра.

— Пощады! — прошептала женщина. — Я все скажу.

Валерия разрезала веревки у запястий и лодыжек, рывком поставила женщину на ноги. Язала безвольно опустилась на кушетку, вздрогнув от боли, когда иссеченное тело коснулось мягкого ложа. Согнув ногу, она склонилась к обнаженному бедру, левой рукой опершись о кушетку. Все члены ее била дрожь.

— Вина! — еле слышно прошептала она пересохшими губами, дрожащей рукой указав на золотой кувшин на столе. — Дай мне пить. Я совсем ослабела от боли. Потом скажу все.

Валерия взяла сосуд. Язала с трудом поднялась, чтобы принять его, медленно поднесла кувшин к губам — и вдруг плеснула содержимое прямо в лицо аквилонки! Валерия отпрянула, замотала головой, натирая кулаками веки, — лишь бы избавиться от жалящей боли в глазах. Словно сквозь туман она увидела, как Язала метнулась через комнату к обитой медными полосами двери, отомкнула засов и, распахнув дверь, исчезла в темном коридоре. Воительница бросилась следом — с мечом в руке и жаждой мести в сердце.

Но у Язалы было преимущество во времени, к тому же ее гнал животный ужас человека, которого едва не засекли до потери разума. Она свернула за угол — считанные ярды впереди Валерии, — когда же угол миновала аквилонка, ее глазам открылся пустой зал и в дальнем конце — черный провал дверного проема. Внезапно оттуда потянуло влажными гнилостными испарениями. Валерия содрогнулась. Должно быть, эта дверь вела в катакомбы. Так значит, Язала нашла убежище среди мертвых!

Валерия приблизилась к проему. Она увидела каменные ступени, уходящие вниз, в кромешную тьму. Судя по

запаху, эта лестница не имела выхода в нижние ярусы, а вела напрямую в подземелье под городом. Она поежилась при мысли о тысячах и тысячах трупов, лежащих в саванах в бесчисленных склепах там, внизу. У нее не было никакого желания пробираться на ощупь по этим каменным ступеням, в то время как Язале наверняка был известен каждый поворот, каждый закоулок в подземных туннелях.

Раздраженная неудачей, Валерия повернула было обратно, как вдруг снизу до нее донесся отчаянный крик. Казалось, он исходил из глубин тьмы, но слова можно было разобрать. Голос был женский — срывающийся на визг, страшный:

— Помогите! Помогите! Во имя Сета! А-а-а! ..

Все стихло, но через миг Валерии почудились отголоски дьявольского хихиканья.

По спине воительницы пробежал холодный ручеек. Что могло случиться с Язалой там, внизу, во мраке катакомб? Ведь наверняка это кричала она. Но что за опасность подстерегла ее? Или это уловка, чтобы отвязаться от погони? Ольмек заверил их, что катакомбы под Техотлом отгорожены от остального подземелья стеной, слишком прочной, чтоб сквозь нее мог прорваться враг. А кроме того, это мерзкое хихиканье — оно вообще мало похоже на смех человека.

Даже не задержавшись, чтобы закрыть дверь на лестницу, Валерия поспешила обратно по коридору. Скользнув в свою комнату, она сразу закрыла дверь на засов. Затем натянула сапоги и застегнула на талии пояс с ножнами. Решение было принято: прорваться в комнату Конана и, если тот еще жив, вдвоем — пусть с помощью оружия — выбираться из этого проклятого богами города.

Но только она подбежала к двери, как по коридорам и залам прокатился длинный вопль предсмертной муки, и вместе с ним — топот бегущих ног и звон мечей!

Глава 5

ДВАДЦАТЬ КРАСНЫХ ГВОЗДЕЙ

В караульном помещении, примыкавшем к главной двери этажа, известного под именем «ярус Орла», два воина вели неторопливый разговор. Они давно уже относились к

службе с прохладцей, но в силу привычки постоянно были настороже. Несмотря на то, что вот уже много лет ни одна сторона не отваживалась нападать на замки друг друга, вероятность такого приступа сохранялась.

— Эти чужаки — сильные союзники, — сказал один. — Думаю, Ольмек двинется на врага завтра.

Он говорил так, как говорил бы иной солдат на обычной войне. В крошечном мирке Ксухотла и горстка бойцов считалась армией, а пустынные залы между замками — обширным пространством, на котором велись военные действия.

Второй помолчал, размышляя.

— Допустим, мы сокрушим с их помощью Ксоталан, — наконец сказал он. — А что потом, Хатмек?

— Ну, вобьем за всех красные гвозди. Пленных четвертуем, сожжем или сдерем с них кожу.

— Это понятно. Дальше-то что? — настаивал тот, другой. — Когда всех перебьем? Ведь это страшно — жить, не имея врагов! Всю свою жизнь я ненавидел ксоталанцев и боролся с ними. И если исчезнет вражда, то что останется?

Хатмек пожал плечами. В своих мыслях он никогда не заходил дальше победы над врагом. Он просто не был способен заглядывать так далеко.

Внезапно оба застыли: за дверью послышался подозрительный шум.

— К двери, Хатмек! — шепнул воин товарищу. — Я загляну в Око.

С мечом в руке Хатмек приложил ухо к бронзовой двери в надежде что-нибудь услышать. Его товарищ посмотрел в зеркало — и содрогнулся. По ту сторону дверей плотной кучкой сбились враги — мрачные, темнолицые, они сжимали мечи в зубах. Но не это повергло воина в ужас: пальцами враги затыкали себе уши! Один из них, с разукрашенным перьями убором, имел при себе инструмент из нескольких дудочек. Вот он поднес его к губам, и только стражник открыл рот, чтобы поднять тревогу, как из отверстий полились резкие, режущие ухо звуки.

Крик замер в глотке техултлинца. Зловещая, визгливая мелодия, проникнув за металлическую дверь, заполнила уши стражников. Хатмек оцепенел, не в силах шевельнуться. Лицо воина омертвело: на нем отразился ужас. Другой стражник, находящийся дальше от источника звука, кожей ощутил надвигавшуюся опасность — угрозу разуму, которую несла с собой эта демоническая музыка. Словно где-то

под черепом невидимая паутина оплела мягкую ткань его мозга, и на волне сумасшествия подняли голову звериные инстинкты. Сжимая ладонями виски, воин рухнул на колени, но отчаянным усилием воли прорвался сквозь пелену чар и закричал истошно и дико, предупреждая своих об опасности.

Не успел затихнуть его крик, как мелодия изменилась: переросла в однотонный невыносимый вопль, острым ножом врезавшийся в барабанные перепонки. Страшная боль пронзила тело Хатмека; точно чья-то рука смахнула с его лица последние признаки разума — так порыв ветра задувает теплившийся огонек. В припадке безумия он сбросил на пол массивную цепь, рывком распахнул дверь, и прежде чем его товарищ успел его остановить, выбежал в зал. Не меньше дюжины лезвий ударили в жилистую плоть, и, топча мертвое тело, ксоталанцы валом повалили в комнату стражи; по коридорам и залам прокатилось эхо их торжествующего рева.

Голова звенела, перед глазами все плыло, но оставшийся в живых стражник вскочил, чтобы с копьем в руке встретить врага. Ужас перед колдовством, свидетелем которого он только что был, вытеснило осознание смертельной опасности: враг проник в Техултли! Это была его последняя мысль, ибо в тот миг, когда зазубренный наконечник его копья вошел в обтянутый смуглой кожей живот, меч ксоталанца раскроил его череп. И он уже не увидел, как поднятые по тревоге воины с глазами, одичавшими от ярости, бурным потоком вливались в смежные комнаты.

Эти вопли людей и звон стали и сбросили Конана с кушетки — голова ясна, в руке привычный меч. В три прыжка он очутился у двери, распахнул ее — и только выглянул в коридор, как на него с безумным блеском в глазах, задыхаясь, налетел Техотл.

— Ксоталанцы! — выпалил тот. — Прорвались через ворота!

Конан помчался по коридору, и тут в дверях своей комнаты показалась Валерия.

— Что тут стряслось? — крикнула она.

— Техотл говорит, что ксоталанцы в замке, — торопливо ответил варвар. — Судя по шуму, так оно и есть.

Вместе с техултлинцем, следующим по пятам, они ворвались в тронный зал, где их глазам предстало зрелище, по своему безумию превосходившее самый жестокий и кровавый кошмар. Два десятка мужчин и женщин с взлохма-

ченными черными волосами и намалеванными на груди белыми черепами схватились в смертельной схватке с жителями Техултли. Женщины сражались наравне с мужчинами, и на полу уже повсюду валялись трупы.

Ольмек в одной набедренной повязке дрался перед троном, и только в зале появились чужаки, как откуда-то из внутренней комнаты с мечом в руке выскользнула Тасцела.

Хатмек с товарищем были мертвы, и некому было сообщить техултлинцам, каким способом враг проник в их цитадель. Также никто не мог сказать, что заставило ксоталанцев отважиться на этот дерзкий штурм. Соратники Ольмека и не догадывались, что потери ксоталанцев были гораздо более ощутимыми, чем казалось со стороны — из Техултли. Глубокая рана их чешуйчатого союзника, гибель Пылающего Черепа и главное — новость, слетевшая с губ умирающего воина, о появлении загадочных белокожих, вставших на сторону противника, — все это повергло ксоталанцев в тягчайшее уныние, из которого в конце концов и выросла густо замешанная на отчаянии решимость: пусть в безнадежном, пусть в последнем бою, но унести с собой во Мрак как можно больше жизней своих извечных врагов.

Для техултлинцев нападение явилось полной неожиданностью — вот отчего бой кипел уже в тронном зале среди трупов их соратников. Но оправившись от первого страшного потрясения, они с не меньшей яростью пошли в атаку, к тому же на подмогу уже спешила стража с нижних этажей. Это была смертельная схватка бешеных волков — задыхающихся, ослепленных яростью, безжалостных. Волна нападавших то подкатывалась к возвышению с троном, то вновь отступала; клинки сверкали, в податливую плоть входила сталь, из перерезанных артерий била кровь, ноги топтали красный пол, на который повсюду натекли алые липкие лужи. Изящные столы слоновой кости валялись перевернутыми, стулья — разбиты в щепки, сорванные портьеры тяжелого бархата — все в красных пятнах. Настал решающий миг кровавой вражды длиной в полвека, и каждый в зале это понимал.

Однако конец был предрешен. По численности техултлинцы превосходили врагов едва ли не вдвое; это придавало им уверенности, а кроме того — разве не рядом с ними их несокрушимые белокожие союзники?

Последние ворвались в гущу свалки и прошлись по ней, как торнадо по зеленому молодняку. По силе с Конаном

могли сравниться разве что три тлазитланца вместе, и несмотря на вес, он был проворнее любого из них. Он прокладывал дорогу сквозь ураганы и смерчи толпы с хладнокровием матерого волка, окруженного сворой тявкающих дворняжек, оставляя за собой след из корчащихся полутрупов.

Валерия сражалась бок о бок с варваром, губы ее кривила жесткая усмешка, глаза горели. Она была сильнее среднего мужчины, быстрее любого из них и более жестока в схватке. В ее руке меч словно оживал. Там, где Конан сокрушал противника своим весом и мощью удара, ломая копья, разрубая черепа и панцири, Валерия брала хитростью. Прежде чем убить, она игрой меча ослепляла врага, сбивала его с толку, и тот в конечном счете становился легкой добычей. Уже который воин, взмахнув тяжелой сталью, чтобы рассечь надвое эту изящную фигурку, вдруг ощущал на своей шее прикосновение самого кончика ее клинка. Конан, возвышаясь неприступной башней, двигался среди сражающихся, рубя направо и налево; Валерия же легким призраком видась поблизости: появляясь и исчезая, нападала и отступала, мастерски выполняя свою часть дела. Раз за разом мечи свистели мимо, а их владельцы, вспоров воздух, умирали со сталью в сердце, кровью в горле и с издевательским смешком в ушах.

Ни пол, ни раны не принимались во внимание. Пять ксоталанских женщин пали с перерезанным горлом, прежде чем Конан и Валерия вступили в бой. Когда же женщина или мужчина падали на пол, всегда находился нож, чтобы полоснуть по горлу беззащитной жертвы, или обутая в тяжелую сандалию нога, готовая размозжить удачно подвернувшуюся голову.

От стены к стене, от двери к двери перекатывались волны схватки, временами выплескиваясь в смежные комнаты. И наконец в большом тронном зале остались одни техултлинцы да их светлокожие союзники. Словно чудом уцелевшие после Судного дня или кончины мира, стояли они с бледными лицами, тяжело дыша, мрачно глядя друг на друга поверх искромсанных трупов своих соратников и врагов. На широко расставленных ногах, на руках, сжимавших рукояти мечей, на разгоряченных телах — всюду виднелись алые струйки крови. Не хватало дыхания, чтобы воспеть победу, и лишь безумный, звериный вой вырывался

из пересохших глоток. Так не кричат люди в минуты торжества. Так воет стая бешеных волков, гордо стоявших посреди растерзанных недругов.

Поймав руку Валерии, Конан повернул девушку лицом к себе.

— У тебя нога в крови, — глухим голосом сказал он.

Она глянула вниз, лишь сейчас почувствовав жалящую боль. Должно быть, какой-нибудь умирающий в последнем усилии всадил нож ей в мякоть ноги.

— Ты тоже смотришься не краше мясника, — рассмеялась в ответ воительница.

Он смахнул с рук красные капли.

— Не мое. Ого! Смотри-ка ты, царапина — и здесь, и тут. Ну да ладно, ерунда. А вот твою лапку надо бы перевязать.

Твердо ступая среди хаоса из сломанной мебели, мертвецов и оружия, по направлению к ним шел Ольмек; его широкие обнаженные плечи были забрызганы кровью, иссиня-черная борода — заляпана алым. Глаза принца полыхали красным огнем — так в черной воде отражается пламя.

— Мы победили! — прохрипел он с изумлением, точно не веря сам себе. — Вражде — конец! Ксоталанские собаки сдохли!.. Ах да, кроме пленников, с которых предстоит еще снять шкуру. Все-таки до чего приятно смотреть на их застывшие морды! Двадцать мертвых псов! Двадцать красных гвоздей в черный столб!

— Позаботились бы лучше о раненых, — проворчал Конан, отворачиваясь. — Давай, кошечка, посмотрим твою лапку.

— Да подожди ты! — Она резко оттолкнула его от себя: в ее душе еще не стих огонь сражения. — Что если это не все? Может быть, это лишь часть, и они по собственной воле сделали вылазку?

Ольмек покачал головой:

— Они не стали бы дробить силы ради обычного набега. — Он прямо на глазах обретал прежнее царственное величие, однако без своей роскошной пурпурной мантии этот человек походил на принца не более, чем какой-нибудь отвратительного вида хищник. — Нет, голову даю на отсечение — мы перебили всех! Их оказалось меньше, чем я думал, и похоже, это был шаг отчаяния. Но как они проникли в Техултли?

Подошла Тасцела, на ходу вытирая меч об обнаженное плечо; в другой руке она держала предмет, который нашла рядом с трупом вождя ксоталанцев.

— Это флейты безумия, — сказала она. — Один из воинов сказал мне, что Хатмек сам открыл дверь перед ксоталанцами и что его зарезали на месте при штурме караульной комнаты. Тот воин выбежал из внутреннего зала и видел все своими глазами. Еще он слышал затухающие звуки непонятной, жуткой мелодии, от которой, по его словам, стыла душа. Толкемек много раз говорил мне об этих дудках; коренные ксухотланцы клялись, что инструмент спрятан где-то в катакомбах рядом с останками древнего колдуна, владевшего им при жизни. Очевидно, ксоталанские псы нашли его и узнали, как с ним обращаться.

— Вместо пустых разговоров лучше бы кто-нибудь сходил в Ксоталан да посмотрел бы на месте, не остался ли там кто еще, — сказал Конан. — Я бы пошел, если дадите людей.

Ольмек с сомнением окинул взглядом остатки своей армии. В живых осталось человек двадцать, из них некоторые, постанывая, лежали на полу. Все техулт линцы были в большей или меньшей степени изранены, одна Тасцела вышла из схватки без единой царапины. Вражеские мечи не коснулись ее, хотя принцесса сражалась с не меньшей отвагой, чем остальные воины.

— Кто хочет пойти с Конаном в Ксоталан? — громко спросил Ольмек.

Прихрамывая, вперед выступил Техотл. Глубокая рана у него на бедре сочилась кровью, грудь рассекала красная полоса.

— Я пойду!

— Тебе нельзя, — решительно возразил Конан. — Ты тоже не пойдешь, Валерия. Еще немного — и у тебя онемеет нога.

— Я пойду! — подал голос воин, зубами стягивающий узел повязки вокруг запястья.

— Хорошо, Янат. Отправляйся с киммерийцем. Ты тоже пойдешь, Топал, — Ольмек указал на другого воина, раны которого были незначительны. — Но прежде помогите перенести раненых на ложа — их надо побыстрей перевязать.

С этим делом управились быстро. В то время как они склонились над женщиной, оглушенной ударом булавы, борода Ольмека коснулась уха Топала. Конану почудилось, будто принц что-то прошептал, однако он не мог бы ут-

верждать наверняка. Спустя минуту он уже шел к выходу, оба воина — следом.

В дверях Конан оглянулся на следы недавней бойни: на тускло краснеющем полу валялись мертвецы; в кровавых пятнах ноги и руки скрючились в предсмертной агонии, на смуглых лицах застыла маска ненависти, остекленевшие глаза вперились в потолок, с которого огненные камни заливали жуткую сцену сумеречным, колдовским светом. Среди мертвых живые двигались бесцельно, неуверенно, точно в тумане. Конан услышал, как Ольмек подозвал женщину и приказал ей перевязать ногу Валерии. Воительница нехотя прошла за той в смежную комнату — она уже начала прихрамывать.

Соблюдая осторожность, два техултлинца вели Конана — сначала по залу за бронзовой дверью и дальше бесчисленными комнатами под мерцающим зеленым сиянием. И за весь путь — ни единой души, ни даже звука, кроме гулких шагов по каменным плитам. Миновали Большой зал, протянувшийся с севера на юг через весь город, и сразу от близости вражеской территории чувства воинов предельно обострились. Но напрасно настороженные взгляды обыскивали каждый закоулок, каждый сгусток тени: комнаты и залы были пусты. Наконец они вошли в широкий сумрачный зал и остановились перед бронзовой дверью — точной копией двери на ярусе Орла при входе в Техултли. От первого же легкого прикосновения пальцев дверь бесшумно ушла вовнутрь. С трепетным страхом смотрели воины на открывшуюся их глазам анфиладу комнат. Вот уже пятьдесят лет ни один техултлинец не входнл под этот свод... конечно, кроме тех несчастных, чья незавидная участь была предрешена. Попасть в Ксоталан — более ужасной кары богов жители западного замка не знали. Страх перед этим заставлял сжиматься их сердца с раннего детства. Для Ната и Топала ступить под этот портал было все равно что добровольно шагнуть в царство Тьмы.

Оба во власти инстинкта, они разом отшатнулись от страшной двери. Тогда Конан, плечом раздвинув проводников, вошел в Ксоталан.

Робко, едва не дрожа, техултлинцы шагнули следом. Каждый, коснувшись пола по ту сторону порога, на миг замирал, дико озираясь по сторонам. Но ничто, кроме их частого дыхания, не нарушало гнетущей тишины.

Они вошли в квадратную караульную комнату, вроде той, что была за входной дверью на ярусе Орла в Техултли; оттуда, как и в западном замке, широкий коридор вел в просторную комнату, по форме и размерам напоминавшую тронный зал Ольмека.

В начале коридора Конан остановился. Напряженно вслушиваясь, он в то же время перебегал взглядом с ковров на диваны, с диванов на портьеры, с портьер на черные проемы в стенах по сторонам. Вокруг — ни звука. Похоже, смежные комнаты также пусты. Сомнений нет: в Ксухотле больше не осталось ни одного ксоталанца.

— Пошли! — Он двинулся вперед. Но не успел пройти и дюжины шагов, как понял, что вместо двух с ним только один воин — Янат. Варвар круто обернулся и увидел Топала — объятый ужасом, тот словно прирос к месту; растопыренными руками он как бы пытался защитить себя от неминуемой, страшной опасности; взгляд его расширенных глаз был устремлен на диван, стоявший ярдов за двадцать в глубине коридора.

— Ну что там еще? — И вдруг Конан увидел то, что остановило техултлинца, и легкий озноб пробежал по могучей спине варвара. Из-за дивана торчала голова чудовища, судя по всему, рептилии — широкая, как у крокодила, с острыми изогнутыми клыками в верхней челюсти, выступавшими над нижней. Однако тварь была подозрительно неподвижна, в ее немигающих, остекленевших глазах зелеными точками отражались огненные гроздья под потолком.

Конан заглянул за кушетку. Там лежало уже окоченевшее тело огромной змеи. За всю свою богатую на приключения жизнь бродяги не видел он такого чудища. Казалось, тварь вобрала в себя самую отвратительную вонь, самый пронизывающий холод, какие только нашлись во чреве земли. Кожа не имела определенного цвета: он менялся в зависимости от того, под каким углом Конан смотрел на змею. Глубокая рана у головы указывала на причину смерти.

— Ледяной Змей! — в благоговейном ужасе прошептал Янат.

— Это та тварь, которую я рубанул на лестнице, — сказал Конан. — Она преследовала нас до самых бронзовых дверей, а потом, видимо, уползла сюда подыхать. И как только ксоталанцы управлялись с эдаким зверем?

Вздрогнув, техултлинец покачал головой.

— Его вызвали заклинаниями из черных туннелей, расположенных еще ниже катакомб. Они знали многое из того, чего не знали мы.

— В любом случае тварь мертва, а будь у ксоталанцев еще такие же, они наверняка прихватили бы их с собой в Техултли. Вперед!

Оба воина едва не наступали Конану на пятки, пока тот шел по коридору и потом, когда налег плечом на массивную дверь в серебряной чеканке.

— Если на этом этаже никто не попадется, — говорил он своим спутникам, — спустимся на нижние. Надо облазить Ксоталан с катакомб до крыши. Если Ксоталан ничем не отличается от Техултли, то на этом ярусе должно быть светло от... Великий Асура, что это?!

Они вошли в просторную тронную комнату, во всем похожую на тронный зал в Техултли. Такое же возвышение из жадеита с таким же сиденьем цвета слоновой кости, точно такие же диваны, ковры и гобелены на стенах. Не было только черного, в красных точках столба за тронным возвышением, однако зловещие свидетельства вражды были на месте.

Вдоль стены за троном, от края до края, сверху донизу, протянулись застекленные полки. А на полках, прекрасно сохранившиеся, рядами стояли сотни человеческих голов — бесстрастными глазами они смотрели на вошедших, как смотрели одним богам ведомо сколько лет и месяцев.

Топал глухо пробормотал слова проклятия, но Янат стоял молча, в его расширенных зрачках разгорался огонь сумасшествия. Конан нахмурился: он знал, что разум любого тлазитланца и так постоянно висит на волоске, а тут еще это зрелище.

Внезапно, выбросив вперед дрожащую руку, Янат указал на ужасные останки.

— Там голова моего брата! — прошептал он непослушными губами. — Рядом — младшего брата моего отца! А там дальше — старшего сына моей сестры!

Он вдруг заплакал, как плачут мужчины — без слез; низкие громкие рыдания сотрясали его сильное тело. Янат не прятал лица, напротив: не отрывая глаз, смотрел на выставленные рядами головы. Но вот рыдания стали резче, сменились жутким, визгливым хохотом, который в свою очередь перерос в нескончаемый невыносимый вопль. Последние искорки разума погасли — Янат сошел с ума!

Конан положил руку ему на плечо, и от этого дружеского прикосновения словно все злые силы, до той поры таившиеся в смутной душе тлазитланца, разом вырвались на свободу. Круто повернувшись, Янат с пронзительным криком замахнулся на киммерийца мечом! Конан парировал удар. Топал схватил безумца за руку, но тот каким-то чудом вывернулся и глубоко вонзил меч в тело товарища. Топал со стоном повалился на пол, а Янат — с выступившей в уголках рта пеной — завертелся в безумном танце; затем, подскочив к полкам, принялся крушить стекла стальным клинком.

Конан прыгнул на него со спины, думая застать врасплох и обезоружить, но маньяк вдруг повернулся и, вопя, как неприкаянная душа, набросился на варвара. Увидев, что разум уже не вернуть, киммериец отступил в сторону и, когда воин оказался рядом, взмахнул мечом. Разрубив ключицу, сталь глубоко ушла в грудь, и бедняга распростерся на плитах рядом со своей жертвой.

Конан склонился над Топалом — тот был при последнем издыхании. Из ужасной раны в боку толчками вытекала кровь. Воин был обречен.

— Топал, ты умираешь, — глухо сказал Конан. — Хочешь что-нибудь передать своим?

— Нагнись ко мне, — прохрипел техултлинец. Конан склонился ниже — и едва успел перехватить руку с ножом, нацеленным в его сердце!

— Кром! — выругался варвар. — Ты тоже спятил?!

— По приказу Ольмека! — выдохнул умирающий. — Не знаю почему. Когда переносили раненого, он прошептал, чтоб я убил тебя, когда пойдем обратно в Техултли... — И с именем своего клана на губах Топал испустил дух.

Конан сдвинул брови — он был явно озадачен. Все это отдавало каким-то массовым психозом. Или Ольмек тоже сошел с ума? А что, если все техултлинцы гораздо более безумны, чем ему казалось? В конце концов, пожав плечами, он зашагал по коридору к бронзовым дверям, оставив мертвых техултлинцев лежать под пронизывающим взглядом сотен остекленевших глаз их сородичей.

Возвращаясь по лабиринту, Конан не нуждался в проводнике. Его природный инстинкт безошибочно подсказывал дорогу, по которой они шли к Ксоталану. Варвар ступал так же осторожно, как и полчаса назад, сжимая в руке обнаженный меч, впиваясь взглядом в каждый затененный

угол, ибо сейчас он опасался не призраков убитых ксоталанцев — угроза исходила от его недавних союзников.

Он уже миновал Большой зал и шел комнатами западной части города, как вдруг услышал впереди странные звуки — словно кто-то с трудом, прерывисто и тяжело дыша, тащил что-то тяжелое по каменным плитам. Еще миг — и Конан увидел человека, который полз навстречу ему по полыхающему красным полу, за ним тянулся широкий кровавый след. Это был Техотл — глаза его уже подернулись туманом, ладонью он зажимал глубокую рану на груди, обильно сочащуюся кровью. Опираясь на другую руку и подтягивая тело, он рывками продвигался вперед.

— Конан, — прохрипел он, увидев киммерийца. — Конан! Ольмек взял себе желтоволосую женщину!

— Так вот почему он приказал убить меня! — пробормотал Конан, опускаясь перед Техотлом на колено; опытным глазом он сразу определил, что перед ним умирающий. — Похоже, Ольмек вовсе не такой сумасшедший, как я о нем думал.

Пальцы Техотла нашли руку киммерийца, сжали ее. В его беспросветной жизни техултлинца, в которой не осталось места ни любви, ни дружеской поддержке, чувства восхищения и привязанности по отношению к загадочным пришельцам из большого мира образовали маленький оазис человеческого тепла, крохотный огонек, благодаря которому он смог постичь добро и сострадание — понятия, которых начисто были лишены его товарищи, чьи души переполняли ненависть, сластолюбие и ненасытная потребность терзать живую плоть.

— Я хотел ему возразить, — в горле Техотла булькало, на губах пузырилась кровавая пена, — но он ударил меня мечом. Он думал, что убил меня, но мне удалось уползти оттуда. Милосердный Сет! Сколько же мне пришлось ползти! Берегись, Конан! Ольмек наверняка устроит тебе засаду. Убей его! Он не человек, он — зверь! Возьми Валерию и бегите! Не бойтесь леса. Ольмек с Тасцелой обманули вас. Драконы перебили друг друга много лет назад, остался только один — самый сильный. Двенадцать лет он бродил вокруг города. Если вы его убили, то вам ничто не угрожает. Дракон был для Ольмека богом, он поклонялся ему, скармливал ему людей — и молодых и старых: связанную жертву швыряли со стены поджидавшему внизу дракону. Торопись! Ольмек увел Валерию в комнату...

Техотл уронил голову на грудь, тело его обмякло: перед Конаном лежал труп.

Варвар вскочил на ноги — глаза, словно нылающие угли, в голове — полная ясность. Так вот какую игру затеял Ольмек: сначала с помощью чужаков сокрушить враждебное племя, а после!.. И он-то хорош — мог бы догадаться, что зреет под обезьяньим черепом этого чернобородого выродка!

...Забыв об осторожности, едва ли не бегом, Конан спешил в Техултли, на ходу вспоминая, сколько прежних союзников осталось в живых. Получалось, что после жестокой схватки в тронном зале уцелел двадцать один человек. С тех пор трое умерло, значит, осталось посчитаться с семнадцатью. В своей ярости Конану казалось, что он и голыми руками мог бы истребить все вражье племя.

Но вскоре природная хитрость дикаря взяла верх над природной яростью. Он вспомнил предупреждение Техотла о засаде. Скорее всего, принц так и сделал — на тот случай, если Топалу не удалось бы выполнить приказ. Наверняка Ольмек поджидает его где-нибудь на пути, которым небольшой отряд уходил в Ксоталан.

Конан поднял голову: сквозь кристалл узкого окна в потолке он разглядел мерцающие звезды — значит, рассвет еще не наступил. Выходит, весь этот водоворот событий уместился в несколько часов.

Свернув с прямого пути, Конан спустился по винтовой лестнице этажом ниже. Он не знал, в каком месте на этом уровне находится дверь — вход в замок, но был уверен, что сумеет ее отыскать. Оставалось неясным, как он управится с засовами, но одно он знал наверняка: все двери, ведущие в Техултли, заперты — хотя бы из осторожности, ставшей привычкой за полстолетия непримиримой вражды. Что ж, в любом случае больше ничего не остается.

Сжимая меч, он бесшумно скользил дальше по лабиринту затененных или залитых зеленым светом комнат и залов. Он был уже на подходе к замку, как вдруг его остановил негромкий звук. Он сразу узнал его — то было сдавленное мычание человека с кляпом во рту. Звук исходил откуда-то спереди и чуть левее. В этих наполненных тишиной комнатах малейший шорох разносился на удивление далеко.

Конан свернул и принялся разыскивать источник звука: тот время от времени повторялся, что значительно облегчало поиски. И вдруг он остановился, во все глаза глядя в дверной проем на зловещую картину. В комнате на низких стойках

была укреплена железная решетка, а на ней, с накрепко привязанными к прутьям руками и ногами, распростерлось тело человека-гиганта. Его голова упиралась в щетину железных игл, на треть окрашенных красным. Всю голову оплетала какая-то упряжь, приспособленная, однако, таким образом, чтобы кожаные ремни не могли защитить затылок от острых шипов. Вытянувшаяся в струну тонкая цепочка соединяла упряжь с необычным механизмом, прикрепленным к огромному железному шару, подвешенному над скрытой иссиня-черной бородой грудью пленника. До тех пор, пока тот силой воли оставался неподвижным, железный шар висел не шелохнувшись. Но каждый раз, когда боль в затылке вынуждала пленника приподнять голову, шар опускался на несколько дюймов. Проходило время, и напряженные шейные мускулы уже не могли удерживать голову в этом неестественном положении, и та вновь падала на шипы. Таким образом, медленно, дюйм за дюймом, но рано или поздно шар неизбежно должен был расплющить в лепешку того, кто был распластан на решетке. Изо рта жертвы торчал кляп, поверх которого, дико вращаясь, блестели черные воловьи глаза. Но вот их взгляд остановился на человеке в дверном проеме, опять послышалось мычание — и Конан отступил, пораженный: привязанный к решетке, лежал Ольмек, принц Техултли.

Глава 6

ВЗГЛЯД ТАСЦЕЛЫ

— Неужели для того, чтобы перевязать рану, надо было тащить меня в отдельную комнату? — спросила Валерия недовольно. — Почему этого нельзя было сделать в тронном зале?

Она сидела на кушетке. Раненая нога покоилась на подушках, а рядом стояла техултлинка, только что закончившая накладывать повязку из шелковых лент. Весь в красных подтеках меч Валерии лежал рядом.

Воительница нахмурилась. Женщина исполнила работу молча и старательно, однако Валерии не понравилось ни едва ощутимое поглаживание мягких пальцев, ни выражение ее смуглого лица.

— Остальных раненых разнесли по другим комнатам, — ответила женщина нежным голосом техултлинок, в

котором, однако, не чувствовалось ни нежности, ни еще меньше — кротости. Не более чем час назад, эта самая женщина на глазах Валерии всадила нож в грудь ксоталанки и выдавила глаз распростертому на полу ксоталанцу.

— Тела мертвецов спустят вниз в катакомбы, — продолжала та, — чтобы их призраки не бродили по комнатам.

— Ты веришь в призраков? — удивилась воительница.

— Я знаю, что по катакомбам бродит призрак Толкемека, — ответила та, содрогнувшись. — Я его видела однажды; я тогда спряталась в склепе, где покоятся останки королевы, а он прошел мимо — на вид старик, длинная седая борода, волосы, и глаза светятся в темноте. Это был Толкемек: я видела его еще ребенком, когда его пытали.

Ее голос упал до испуганного шепота:

— Ольмек смеется над подобными страхами, но я-то знаю, что по катакомбам бродит дух Толкемека! Говорят, что это крысы объедают свежие трупы... но призраки тоже едят такое мясо. Кто его знает, а только...

На кушетку упала широкая тень, и женщина испуганно вскинула голову. Валерия посмотрела вверх — над ней, пожирая ее взглядом, возвышался Ольмек. Принц очистил от крови руки, ноги, торс и смыл с бороды красные пятна, но так и не накинул мантию, и сейчас все его крупное темнокожее и безволосое тело являло собой воплощение силы — звериной, послушной лишь инстинктам матери-природы. В глубоко посаженных темных глазах пылал огонь животной страсти; чуть подрагивающие пальцы, теребящие густую иссиня-черную бороду, также говорили о многом.

Он перевел тяжелый взгляд на женщину, и та, быстро поднявшись, выскользнула из комнаты. В проеме двери она оглянулась — ее глаза были полны грязного любопытства, губы кривила циничная усмешка.

— Ну и поработала, — ворчливо проговорил принц, подходя к дивану и склоняясь над повязкой. — Дай-ка взглянуть...

С быстротой, удивительной для его грузного тела, он схватил меч и зашвырнул его в дальний угол комнаты. Следующим движением Ольмек обхватил огромными руками гибкое тело девушки.

Каким бы стремительным и неожиданным ни было это нападение, ответ последовал молниеносно: едва он успел

стиснуть ее в своих объятиях, как в изящной руке сверкнул нож, и острие нацелилось ему в горло. Скорее благодаря везению, чем мастерству, ему удалось перехватить ее запястье, и на кушетке разгорелась яростная борьба. Она пустила в ход кулаки, носки и пятки, колени, зубы и ногти, добавив всю изворотливость и силу своего совершенного тела, все искусство рукопашной борьбы, приобретенное за годы разбоя на суше и на море. Но ничто не могло противостоять его звериной силе. Кинжал она выронила в первый же миг схватки, а кроме как сталью причинить этой туше ощутимый урон оказалось невозможно.

Похотливый блеск в его черных зрачках не затухал, от их липкого взгляда в Валерии пробудился гнев, а злобно-насмешливая улыбка, которая угадывалась под лиловой порослью, только добавила масла в огонь. В его глазах, в улыбке отразился весь цинизм, вся жестокость, бурлившие под внешне пристойной маской этого извращенного, вырождающегося народа, и в первый раз за свою жизнь Валерия ощутила страх перед мужчиной. Ей казалось, что она борется с неиссякаемой первобытной силой: о его железные руки, как волны о скалы, разбивались все ее выпады. Она почувствовала, как в ее душе нарастает отчаяние. Он словно был невосприимчив к боли. И только раз, когда она с яростью вонзила крепкие зубы в его смуглую руку, да так, что выступила кровь, в нем пробудился зверь. Ладонью он закатил ей по виску такой удар, что искры сыпанули из глаз, а голова откинулась на плечо.

Во время схватки рубашка на ней разорвалась сверху донизу, и он, обезумев от страсти, принялся с изощренной жестокостью тереть жесткой густой бородой об ее обнаженные груди, от чего нежная кожа зарделась кровью, а с алых губ сорвались первые крики боли и бешеной ярости. Но все усилия были тщетны. Безоружную, задыхающуюся от ненависти, ее швырнули на кушетку; она стиснула зубы, в глазах застыло выражение пойманной в капкан тигрицы.

В следующий миг с Валерией на руках он уже быстро шел к выходу из комнаты. Она больше не сопротивлялась, и лишь огонь в глазах говорил о том, что она не побеждена, по крайней мере — дух ее не сломлен. Девушка не кричала: Конан был далеко, и нечего было надеяться, что кто-нибудь из техултлинцев отважится выступить против своего принца. Но почему тогда Ольмек идет словно

крадучись, повернув голову, как бы вслушиваясь в звуки погони; и почему он не пошел в тронный зал?

С девушкой на руках он вошел в противоположную дверь, миновал комнату и осторожно пошел по длинному, широкому коридору. И только Валерия убедилась, что Ольмек опасается неизвестных врагов, как, откинув голову, она пронзительно закричала во всю силу своих легких.

Ее тут же наградили оглушительной пощечиной, а Ольмек с быстрого шага перешел на неуклюжий бег.

Но ее крик был услышан. Раздался тихий возглас, и, едва не свернув себе шею, Валерия выглянула за спину принца и сквозь пелену слез и белых точек увидела Техотла, который прихрамывая шел следом.

Издав глухое рычание, Ольмек перекинул девушку под руку, и в этом неудобном и, несомненно, малопочтенном положении, прижатая железной рукой к могучему торсу, она, как капризный ребенок, извивалась, царапалась и лягалась, хотя и без заметного успеха.

— Ольмек! — В голосе Техотла слышалось осуждение. — Ты этого не сделаешь! Это подло! Она — женщина Конана! Она помогла нам победить ксоталанцев и...

Без единого слова, сжав пальцы свободной руки в огромный кулак, Ольмек нанес удар, и раненый без чувств рухнул на пол. Принц нагнулся и, не обращая внимания на отчаянную борьбу и проклятия пленницы, вытащил меч Техотла из ножен и вонзил острие клинка в грудь воина. Затем, бросив оружие, зашагал дальше по коридору. Он так и не заметил смуглого женского лица, украдкой смотревшего из-за гобелена ему в спину. С первым стоном Техотла оно исчезло. Превозмогая страшную боль, тот поднялся и, шатаясь как пьяный, выкликая слабым голосом имя Конана и спотыкаясь на каждом шагу, заковылял прочь.

Пройдя быстрым шагом в конец коридора, Ольмек очутился у винтовой лестницы, спустился этажом ниже, пересек несколько узких коридоров и наконец остановился в просторной комнате, двери в которой закрывали тяжелые портьеры — все, кроме одной: тяжелой бронзовой двери, похожей на главную дверь яруса Орла.

Указав на нее, Ольмек самодовольно проурчал:

— Вот, смотри! Эта дверь — один из четырех входов в Техултли. Впервые за пятьдесят лет здесь нет стражи: нам больше незачем ее охранять, ибо нет больше ксоталанцев!

— Ты забыл, что это во многом благодаря мне и Конану, грязный подонок! — презрительно выкрикнула Валерия, дрожа от ярости и стыда за совершенное над ее волей насилие. — Ты вероломный пес! За такие дела Конан перережет тебе глотку!

Ольмек решил не утруждать себя пустыми фразами, а потому не стал сообщать ей, что как ему, Ольмеку, думается, по его тайному приказу самому Конану к этому часу наверняка уже выпустили кишки. Принц так далеко зашел в своем цинизме, что ему было абсолютно наплевать, как отнесется к этому его белокожая пленница. Он пожирал ее глазами, подолгу задерживая обжигающий взгляд на тех местах, где в разорванную во время схватки ткань выглядывала нежная белая плоть.

— Забудь своего Конана, — хриплым голосом сказал он. — Отныне Ольмек — повелитель Ксухотла. Ксоталан повержен. Больше не будет смертей. Вместо войны мы посвятим наши жизни вину и любви. Но сначала — выпьем!

Он уселся на стол, инкрустированный пластинками из слоновой кости, и силой усадил ее себе на колени — словно темнокожий сатир, облапивший прекрасную белую нимфу. Не обращая внимания на ее отнюдь не нимфовые выражения, он крепко держал девушку, обвив одну руку вокруг гибкой талии, другой же, потянувшись через стол, достал кувшин с вином.

— Пей! — приказал он, сунув горлышко к ее губам и наклоняя кувшин.

Девушка откинула назад голову, и вино, омочив губы, пролилось на обнаженную грудь.

— Кажется, твоей гостье пришлось не по вкусу твое вино, Ольмек, — вдруг раздался сзади холодный, насмешливый голос.

Ольмек словно окоченел, в его полыхающие страстью глаза закрался страх. Он медленно повернул большую голову и помутненным взглядом уставился на Тасцелу, в небрежной позе стоявшую перед дверной портьерой, — ладонь левой руки на гладком бедре, другая рука отведена за спину. Валерия завертелась с удвоенной энергией, пытаясь вырваться наконец из железной хватки Ольмека, как вдруг ее взгляд случайно встретился со взглядом Тасцелы — и по спине воительницы пробежал холодок. Слишком многое пришлось познать гордой воительнице за эту ночь. Совсем недавно она впервые в жизни испытала

страх перед мужчиной; сейчас она поняла, что такое страх перед женщиной.

Ольмек словно прирос к столу, его смуглая кожа все сильнее покрывалась пепельно-серым налетом. Тасцела достала из-за спины руку, в которой держала небольших размеров золотой сосуд.

— Я так и думала, что ей не понравится твое вино, Ольмек, — промурлыкала принцесса, — и потому принесла немного своего — того самого, что когда-то захватила с собой с озера Эвад... Ты понимаешь меня, Ольмек?

На лбу принца выступили крупные капли пота, хватка его ослабела. Тотчас Валерия, вырвавшись из страшных лап, скользнула через стол. Но несмотря на то, что здравый смысл подсказывал ей немедленно покинуть комнату, она, точно в наваждении, не могла двинуться с места и молча наблюдала за развитием событий.

Вихляющей неспешной походкой, которая сама по себе уже являлась оскорблением, Тасцела приблизилась к принцу. Ее голос звучал вкрадчиво, нежно, но глаза ярко блестели. Тонкие, изящные пальцы пробежали по грубым волосам иссиня-черной бороды.

— Нельзя же быть таким эгоистом, Ольмек, — мягко, как бы с легким упреком сказала она, губы ее растянула улыбка, в глазах — сталь и холод. — Ты вознамерился оставить нашу гостью себе, хотя прекрасно знал, что я сама собиралась поразвлечь ее. Ты сильно провинился, Ольмек!

На миг маска приоткрылась, обнажив истинное лицо принцессы: ее глаза полыхнули огнем, тонкие черты исказил гнев, пальцы конвульсивно сжались, и с невероятной силой, неожиданной для этого стройного тела, она вырвала из густой бороды клок волос. И все-таки это внезапное проявление сверхъестественной силы наводило меньший ужас, чем всплеск дикой ярости, бушующей под внешне бесстрастными манерами принцессы.

Издав звериное рычание, Ольмек вскочил со стола; своей огромной медвежьей тушей он навис над хрупкой на вид женщиной, пальцы его рук судорожно сжимались и разжимались.

— Шлюха! — Громовые раскаты наполнили комнату. — Ведьма! Жаль, Техултли не убил тебя пятьдесят лет назад! Пошла прочь! Довольно я от тебя натерпелся! Белокожая девка — моя! Убирайся, пока я сам тебя не прирезал!

Принцесса тихо рассмеялась и швырнула пряди волос ему в лицо. В ее смехе было не больше жалости, чем в звоне мечей.

— Когда-то, Ольмек, ты говорил иначе, — насмешливо проворковала она. — Когда-то, в дни своей молодости, ты говорил мне слова любви. Да-да, помнится, много лет тому назад ты даже был моим любовником, и лишь благодаря любви ты, опьяненный черным лотосом, спал в моих объятиях... Тогда-то ты и отдал в мои руки цепи, которыми я поработила тебя. Ты знаешь, что не можешь противиться моей воле. Ты знаешь, что стоит мне всего лишь посмотреть тебе в глаза — с той колдовской силой, которой обучили меня стигийские жрецы, — и ты станешь беспомощен и кроток. Помнишь ту ночь, когда над нами, качаемый таинственным ветерком, благоухал черный лотос; и вот снова ты вдыхаешь его неземной аромат, он облаком окутывает тебя, очаровывает — и вот ты уже мой раб. Ты не можешь бороться со мной. Ты мой раб, как был рабом в ту ночь, и ты останешься моим рабом до конца дней своих, Ольмек из Ксухотла!

Ее голос упал до невнятного бормотания — словно журчание ручейка, бегущего неизвестно куда и откуда под звездным покровом ночи. Придвинувшись к принцу, она стала водить ладонями по его мощной груди. Глаза гиганта потухли, руки безвольно обвисли по бокам.

С жестокой, зловещей улыбкой Тасцела поднесла к его губам сосуд.

— Пей!

Отрешенный, с остановившимся взглядом принц подчинился приказу — и в тот же миг пелена спала с его глаз, и их захлестнула волна ярости, живого разума и неподдельного ужаса. Рот его широко раскрылся, но из пересохшего горла не вылетело ни звука. С полминуты он раскачивался на полусогнутых ногах и вдруг бесформенной массой повалился на пол.

Звук падения грузного тела вывел Валерию из состояния паралича. Круто повернувшись, она метнулась к двери, но в стремительном броске, который посрамил бы и пантеру, Тасцела преградила ей дорогу. Сжав пальцы в кулак, Валерия выбросила вперед руку, вложив в этот удар все силы своего тренированного тела. Будь перед ней мужчина, тот без чувств рухнул бы к ее ногам. Но, чуть прогнувшись своим гибким телом, Тасцела увернулась и пальцами обвила запястье девушки. Еще миг — и та же участь постигла левую руку. Удерживая оба запястья одной рукой, другой

Тасцела деловито связала их шнуром, который выдернула из пояса. До сих пор Валерия полагала, что за эту бесконечную ночь она испытала достаточно унижений, но стыд от грубого обращения Ольмека не шел ни в какое сравнение с тем чувством, от которого в беззвучных рыданиях сотрясалось сейчас ее тело. Валерия всегда была склонна презирать прочих представительниц своего пола, и встреча с женщиной, которая обращалась с ней играючи, точно с ребенком, явилась для ее израненной души слишком большим ударом. Она почти не сопротивлялась, пока Тасцела вела ее за шнур к стулу, пока, силой усадив ее, прикручивала связанные руки между колен к сиденью, и потом, когда привязывала ноги. Небрежно перешагнув через Ольмека, Тасцела направилась к бронзовой двери. Убрав засов, она распахнула дверь, за которой оказался длинный зал.

— В этот зал, — заметила она, впервые обращаясь к своей пленнице, — выходит комната, в прежние времена известная как пыточная. Когда мы заперлись в Техултли, то большинство орудий унесли с собой, но одно, слишком тяжелое, пришлось оставить. Оно и сейчас, как и в прежние времена, находится в рабочем состоянии и, думаю, подойдет как нельзя лучше.

Легко узнаваемый ужас появился в глазах принца. Тасцела вернулась к Ольмеку и, нагнувшись, стальной рукой схватила того за волосы.

— Он только парализован, и то на время, — как ни в чем не бывало пояснила она. — Он может слышать, думать и чувствовать... О да! Уж с этим-то у него все в порядке!

И с этим зловещим замечанием она направилась к двери, волоча за собой принца с такой легкостью, словно это был мешок тряпья. Глаза воительницы расширились от ужаса. Принцесса вышла в зал и, не останавливаясь, проследовала дальше, пока вместе с пленником не исчезла в дверном проеме, откуда вскоре вслед за этим донеслось звяканье железа.

Валерия тихо выругалась и попыталась разорвать веревки, но тщетно: опутавшие ее шнуры, внешне так похожие на нити, на деле оказались невероятно прочными.

Но вот наконец вернулась Тасцела; за ее спиной из смежной с залом комнаты раздавались приглушенные стоны. Она прикрыла за собой дверь, однако не стала накладывать на нее засов. Тасцелу не коснулась жесткая хватка привычки, точно так же, как и душе ее были чужды чувства и инстинкты, свойственные обычным людям.

За все это время Валерия не проронила ни звука; она лишь не отрывая глаз смотрела на женщину, чьи изящные руки держали сейчас ее судьбу.

Сжав в пучок золотистые волосы воительницы, Тасцела потянула руку вниз и заглянула той в лицо. Взгляд принцессы обдавал холодом, но блеск в темных глазах говорил о бушующих в ее душе страстях.

— Я удостаиваю тебя великой чести, — наконец изрекла она. — Ты поможешь возродить юность Тасцелы. Ты, кажется, удивлена? О да! Я выгляжу молодо, и все-таки я чувствую, как кровь в моих жилах замедляет свой бег, как к сердцу подбирается холод, я чувствую, как это случалось уже тысячу раз, дыхание старости. Да, я стара — так стара, что не помню своего детства. Но когда-то я тоже была юной девушкой, и меня любил стигийский жрец, который и передал мне секрет бессмертия и вечной молодости. Он потом умер... злые языки говорили — от яда. А я осталась жить в своем дворце на берегу озера Эвад, и быстротечные годы не коснулись меня. В конце концов меня возжелал король Стигии, но наше племя восстало, и в результате мы очутились здесь. Ольмек называл меня принцессой, но во мне нет ни капли королевской крови. Я стою выше, чем любая из принцесс. Я — Тасцела, чья юность возродится благодаря твоему восхитительному телу.

От ровного голоса Тасцелы язык Валерии прилип к гортани. Она кожей ощутила, что за всем этим кроется нечто более ужасное, чем упадок и вырождение народа Ксухотла.

Женщина отвязала от стула аквилонку, рывком поставила ее на ноги. И не страх перед необычайной силой, заключенной в руках принцессы, превратил Валерию в беспомощную жертву — то были глаза Тасцелы, в которых разгорался завораживающий, наводящий ужас огонь.

Глава 7

ТОТ, КТО ВЫШЕЛ ИЗ ТЬМЫ

— Ну вот и я!

Конан воззрился на человека, растянутого на решетке.

— Чего это ты здесь разлегся! Не нашлось другого места?

Из-под кляпа послышалось невнятное мычание, и, наклонившись, Конан выдернул тряпку изо рта принца. У того вырвался сдавленный рев: от резкого движения его голова приподнялась, и железный шар, качнувшись вниз, замер в каком-то дюйме от его широкой груди.

— Во имя Сета — осторожнее! — выдохнул Ольмек.

— Ну вот еще! — ухмыльнулся Конан. — С какой стати я должен волноваться о твоем здоровье? Жаль, у меня нет времени, а то бы я полюбовался, как эта железяка будет выдавливать из тебя кишки. Но, к сожалению, я тороплюсь. Где Валерия?

— Освободи меня! — взмолился Ольмек. — Я все скажу!

— Сначала скажи.

— Никогда! — Тяжелые челюсти принца упрямо сжались.

— Прекрасно! — Конан уселся на скамейку рядом. — Я подожду, пока ты не превратишься в желе, а после найду ее сам. А кстати, события можно ускорить, если кончиком меча поковырять у тебя в ухе. — И он, как бы примериваясь, приподнял клинок.

— Не надо! — Слова вдруг бурным потоком полились из пересохшей глотки принца: — Твою женщину отняла у меня Тасцела. Я всегда был лишь игрушкой в ее руках.

— Тасцела? — фыркнул Конан и сплюнул. — Что еще надо этой развратной...

— Нет-нет! — выпалил Ольмек. — Все гораздо хуже, чем ты думаешь. Тасцела стара — ей сотни лет. Но она поддерживает в своем теле жизнь и возвращает себе молодость, принося в жертву красивых юных женщин. И это одна из главных причин, почему наш клан оказался на грани вымирания. Она перельет жизненную силу Валерии в свое дряхлеющее тело и расцветет заново — свежая, сильная, прекрасная!

— Двери заперты? — деловито спросил Конан, проводя пальцем по острию меча.

— Да! Но я знаю тайный ход в Техултли. Его знаем только мы с Тасцелой, но она уверена, что я не опасен, а ты — убит. Освободи меня, и — клянусь! — я помогу тебе вызволить Валерию. Без меня тебе в Техултли не пробраться; даже если пыткой принудишь открыть тайну, — все равно один не справишься. Развяжи меня! Мы вдвоем выследим Тасцелу, незаметно подкрадемся и убьем прежде,

чем она пустит в ход свое колдовство и заворожит нас взглядом своих ведьминых глаз. Нож в спину сделает свое дело. Мне давно надо было бы ее прирезать, но я боялся, что без нее ксоталанцы быстро возьмут над нами верх. Я тоже был ей нужен — потому и жив до сих пор. Но теперь никто ни в ком не нуждается, и один из нас должен умереть. Обещаю, что когда покончим с колдуньей, ты и Валерия сможете уйти и никто не посмеет вам помешать. Когда Тасцела умрет, мои люди будут подчиняться только мне.

Наклонившись, Конан перерезал веревки, удерживающие тело принца. Тот осторожно выскользнул из-под огромного шара и поднялся, как бык встряхивая головой и со словами проклятий ощупывая пальцами изодранный затылок. Стоя плечом к плечу, эти два воина являли собой грозную картину первобытной мощи. Ольмек был одинакового с Конаном роста и немного тяжелее, но что-то в тлазитланце вызывало настороженную неприязнь: в его облике затаилось что-то зловещее, звериное, что резко отличало его от крепко сбитого, но гармонично развитого тела киммерийца. Конан еще раньше сбросил пропитанные кровью лохмотья, оставшиеся от рубашки, и сейчас стоял с обнаженным торсом, демонстрируя мощную мускулатуру. Плечи — широкие, как у Ольмека, — были очерчены четче, а огромная, выгнутая дугой грудная клетка переходила в упругую, гибкую талию, которой явно недоставало принцу с его уже обрисовавшимся брюшком. Все тело варвара, словно отлитое из бронзы, могло служить прообразом силы — примитивной и потому несокрушимой. Кожа Ольмека была темнее, но не от солнца. И если в Конане природа повторила человека, каким он был на заре своей истории, то в угрюмых, неуклюжих формах Ольмека угадывался человек мрачных, доисторических времен.

— Веди! — приказал Конан. — Шагай впереди! Я тебе не особенно доверяю, а как известно, когда имеешь дело с быком, то лучше держаться хвоста, чтобы не угодить на рога.

Повернувшись, Ольмек пошел вперед; пальцами левой руки он, как гребешком, расчесывал бороду.

Принц не повел варвара к бронзовой двери, поскольку был уверен, что Тасцела заперла ее. Вместо того он направился в одну из комнат, имеющих общую стену с Техултли.

— Секрет потайной двери сохраняли все пятьдесят лет, — сказал принц. — О существовании хода не подозревал никто из наших, не говоря уже о ксоталанцах. Техултли

сам придумал его, а после убил всех рабов, которые его строили. Дело в том, что Техултли опасался Тасцелы; он боялся, что однажды его выставят за двери собственного королевства и уже не впустят обратно: к тому времени былая страсть Тасцелы успела смениться глубокой ненавистью. Но та разгадала секрет и как-то раз, когда он удирал от погони после неудачной вылазки, закрыла дверь перед его носом. Так что ксоталанцы схватили его и содрали с живого кожу. Сам я узнал про дверь случайно: просто выслеживал Тасцелу, и она на моих глазах вошла через ход в замок.

Принц нажал на позолоченный узор в стене, панель бесшумно ушла вовнутрь, и перед ними открылись ступени ведущей вверх лестницы.

— Эта лестница поднимается по внутренней стене каменного колодца, — сказал Ольмек. — Она ведет в башню над крышей, а оттуда уже другие лестницы разбегаются по разным комнатам внизу. Пошли!

— После тебя, дружочек! — насмешливо возразил Конан, слегка качнув вперед широким мечом. Пожав плечами, Ольмек шагнул на нижнюю ступеньку, киммериец — за ним, и тотчас массивная дверь бесшумно встала на место. Где-то высоко над их головами мерцала гроздь огненных камней, заливая колодец зловещим сумрачным светом.

Они поднимались по лестнице до тех пор, пока, по расчетам Конана, не миновали четвертый ярус, и вдруг через широкий люк выбрались в круглую башню, где в центре сводчатого потолка был вмурован пучок огненных камней, освещавших лестницу. Сквозь забранные золотыми решетками окна с пластинками из небьющегося кристалла — первые нормальные окна, увиденные им в Ксухотле, — Конан пробежался взглядом по конькам, куполам и башням, чернеющим на фоне звездного неба. Перед ним простиралась крыша Ксухотла.

Ольмек не смотрел в окно. Выбрав одну из лестниц, что змеями уходили вниз, он кивнул Конану, приглашая того следовать за собой. Уже через несколько футов лестница сменялась узким коридором, который, петляя, терялся в сумерках. Он оборвался у нового пролета с крутыми ступенями. Там Ольмек остановился.

Оттуда, из глубины, едва слышный, но все-таки узнаваемый, доносился женский крик, полный ужаса, стыда и ярости. Конан вздрогнул: он узнал голос Валерии.

Вал бешенства взметнулся в душе варвара и вместе с тем — изумления: как, неужели есть на свете опасность, способная исторгнуть из груди дерзкой воительницы этот дикий вопль? Забыв обо всем, киммериец оттолкнул Ольмека и шагнул на лестницу. Но тут же в нем пробудился инстинкт — и вовремя: Ольмек выбросил вперед огромный, точно кувалда, кулак. Удар — мощный и неожиданный — был нацелен в основание черепа, но киммериец повернулся, и удар пришелся по шее. У другого человека хрустнули бы позвонки, но Конан лишь качнулся назад и в этот краткий миг, выпустив меч, бесполезный на ограниченном пространстве, успел перехватить Ольмека за руку и, падая, увлек его за собой. Плотным клубком из сплетенных рук, ног и торсов оба скатились вниз. И пока они пересчитывали ступеньки, железные пальцы варвара нащупали бычью шею принца и сомкнулись на горле.

От мощного удара громадного кулака Ольмека, вложившего в него всю силу руки в бугристых мускулах и мощь квадратных плеч, шея киммерийца вмиг онемела. Но это ни в малейшей степени не уменьшило его ярости, скорее — наоборот. Рыча, словно бульдог, он мертвой хваткой вцепился в принца. Враги молотили друг друга по камням, давили локтями и коленями, рвали зубами и наконец с такой силой врезались в дверь у основания лестницы, что та разлетелась в куски, и оба в вихре обломков и пластинок слоновой кости влетели в комнату. Но к тому времени Ольмек был уже мертв: железные пальцы сломали шею, и жизнь оставила тело принца.

Конан поднялся, стряхивая с плеч щепки и смаргивая, чтобы очистить глаза от пыли и капелек крови.

Потом огляделся. Он находился в тронном зале. Кроме него там было еще человек пятнадцать, и первой, на ком остановился его взгляд, была Валерия. Перед возвышением с троном стоял необычного вида черный алтарь. Установленные вокруг него семь черных свечей на высоких позолоченных канделябрах неторопливо испускали спирали густого зеленого дыма, терпкий запах которого волновал кровь. Эти спирали, сгущаясь под потолком в зеленое облако, образовывали над алтарем полупрозрачную арку. А на алтаре — совершенно обнаженная, растянутая в струну, — лежала Валерия; ее светлая кожа резко выделялась на фоне поблескивающего камня цвета эбенового дерева. Она не была привязана. В изголовье алтаря стоял на

коленях молодой воин: точно в тисках сжимал он запястья вытянутых над головой девушки рук. С другой стороны молодая женщина крепко держала ее за лодыжки. Распростертая на алтаре, воительница была не в силах ни подняться, ни даже шевельнуться.

Одиннадцать мужчин и женщин Техултли образовали полукруг и, молча стоя на коленях, горящими и жадными глазами наблюдали за зловещим действом.

На троне из слоновой кости в небрежной позе развалилась Тасцела. По обе стороны трона на витых подставках возвышались бронзовые чаши-курильницы. Струйки дыма гибкими ласковыми пальцами оплетали ее руки и ноги. Принцессе не сиделось на месте: она извивалась, ерзала в каком-то чувственном экстазе, словно получая неизъяснимое наслаждение от касания ее нежной кожи о гладкую поверхность трона.

Страшный грохот от разлетевшейся в щепки под натиском двух гигантов двери никак не повлиял на ход событий. Стоящие на коленях лишь мельком взглянули на труп своего принца и на человека, поднявшегося из-под обломков, и снова обратили жадные взоры на белеющее на черном алтаре прекрасное тело. Тасцела окинула варвара наглым взглядом и, усмехнувшись, откинулась на спинку трона.

— Тварь! — От ярости у Конана потемнело в глазах. Пальцы сжались в железные молоты, он шагнул вперед. Но тут же что-то громко звякнуло — и в ноги ему впились стальные зубы. Вдруг остановленный в размашистом шаге, он споткнулся, едва не упал. Челюсти железной западни сомкнулись, острые клыки глубоко ушли в тело и мертвой хваткой держали ногу. И только благодаря буграм икроножных мышц сталь не раздробила кости. Проклятая пасть выпрыгнула прямо откуда-то из-под полыхающего красным попа. Вглядевшись под ноги, Конан увидел паз, в котором она — тщательно замаскированная — поджидала его.

— Глупец! — Тасцела рассмеялась. — Неужели ты думал, что я не приму мер против твоего возможного появления? В этой комнате каждая дверь охраняется такой пастью. А сейчас стой и смотри, как я буду помогать твоей смазливой подружке выполнять ее божественное предназначение! Потом займусь тобой.

Рука Конана метнулась к поясу, но наткнулась на пустые ножны: его меч остался у вершины лестницы. Нож, не раз выручавший в трудную минуту, лежал брошенный в лесу —

там, где дракон вырвал его из своей пасти. Стальные зубы, впившиеся в его ногу, жгли, как горящие угли, но боль не грызла его так, как сводила с ума бешеная ярость, клокотавшая в груди. Он попался — угодил в ловушку, точно волк-одногодок. Будь у него в руке меч, он отрубил бы себе ногу, прополз бы по полу и убил бы Тасцелу. Глаза Валерии, не отрываясь, с немой мольбой смотрели на него, и от бессилия что-либо изменить варвар почувствовал, как на его мозг начинают накатывать красные волны безумия.

Упав на колено свободной ноги, он попытался просунуть пальцы под острые зубья в надежде, что ему удастся с помощью своей исполинской силы развести челюсти капкана. Из-под ногтей выступила кровь, но намертво сомкнувшиеся челюсти не оставили между сталью и вспоротой плотью ни малейшего зазора: идеально пригнанные друг к другу, сегменты сидели на жестких пружинах и от давления о кости и мускулы частично ушли в железное чрево ловушки. Вид обнаженного тела Валерии только сильнее разжигал ярость варвара.

Тасцела будто забыла о нем. Томно поднявшись с трона, она обвела медленным взглядом коленопреклоненные фигуры своих подданных, потом спросила:

— А где Ксамек, Зланат и Тахик?

— Они не вернулись из катакомб, принцесса, — ответил кто-то. — Они вместе со всеми переносили в склепы убитых, но так и не вернулись. Похоже, их настиг призрак Толкемека.

— Заткнись, идиот! — грубо оборвала она. — Твой призрак — это миф!

Она сошла с пьедестала, поигрывая тонким, с золотой рукояткой кинжалом. Ее глаза горели адским пламенем. У алтаря принцесса остановилась, и напряженную тишину нарушил ее голос:

— Твоя жизнь вернет мне молодость, белокожая женщина! — заговорила она. — Еще немного — и я приникну к твоей груди, прижму свои губы к твоим и медленно... ах, как медленно! погружу этот клинок в твое сердце, чтобы твоя жизнь, покидая коченеющее тело, вошла в меня, и я снова расцвела бы вечной молодостью и красотой!

Словно змея над парализованной взглядом жертвой, принцесса склонилась над алтарем и не торопясь, дюйм за дюймом, разрывая собой вьющиеся струи дыма, стала приближаться к замершей в трансе девушке, которая

расширенными от ужаса глазами смотрела прямо в пылающие зрачки колдуньи — зрачки, что с каждым мгновением становились все больше, глубже и подобно черным лунам мерцали сквозь дымовые струи.

Сжав кулаки, коленопреклоненные техултлинцы замерли, напряженно ожидая кровавой кульминации действа; и только шумное дыхание Конана, пытавшегося вырвать ногу из капкана, нарушало тишину тронного зала.

Глаза у всех были прикованы к алтарю и к распростертому на нем обнаженному телу; казалось, прогреми рядом гром — и он не разрушил бы чар. И все-таки хватило одного тихого возгласа, чтобы застывшие люди очнулись, — едва слышного вскрика, но такого, от которого волосы на голове встают дыбом. Все разом обернулись — там стоял Он!

В дверном проеме слева от возвышения с троном неясно очерченная виднелась фигура — шагнувший в реальность ночной призрак! Но это был человек: его всклокоченные седые волосы белым венцом обрамляли голову, спутанная седая борода ниспадала на впалую грудь. Рваные лохмотья не скрывали изможденного тела, голые руки и ноги казались полупрозрачными. Его кожа ничем не напоминала кожу человека: цвета пергамента, вся в отвратительных чешуйках и струпьях, она наводила на мысль о том, что существо давно уже живет в условиях прямо противоположных тем, при которых обычно зарождается и расцветает человеческая жизнь. И наконец, не было ничего от человека в тех глазах, что сверкали на людей из-под копны седых волос. Словно два диска, они не мигая рассматривали живую картину — светящиеся, белесые, без малейшего намека на живой огонь или разум. Вот потрескавшиеся губы раздвинулись, но с них не сорвалось ни единого членораздельного звука — одно визгливое хихиканье!

— Толкемек! — задохнулась Тасцела, смертельно побледиев; все остальные, накрыв головы руками, в безмолвном ужасе ткнулись в пол. — Так значит, ты не миф, не призрак! Великий Сет! И все двенадцать лет ты скитался во тьме? Двенадцать лет среди костей и трупов?! Какой же страшной пищей ты питался все эти годы! И какой жуткой должна быть жизнь там, в катакомбах, в кромешном мраке бесконечной ночи! Сейчас я понимаю, почему не вернулись... и уже никогда не вернутся оттуда Ксамек, Зланат и Тахик. Но почему ты столько выжидал, почему

не нанес удар раньше? Или что-то искал по подземельям? Какое-нибудь секретное оружие, о котором слышал раньше? И вот наконец нашел?

В ответ — лишь зловещее хихиканье. Неожиданно Толкемек прыгнул вперед и очутился в зале, благополучно миновав зубастый капкан, затаившийся перед дверью: возможно, ему помог случай, а может быть, его память цепко держала знания о ловушках Ксухотла. Он не сошел с ума, как обычно сходят с ума люди. Он так долго жил оторванный от общества, что перестал быть человеком. Одна-единственная мысль, теплящаяся в угасшем разуме, тонкой, но прочной нитью соединяла его жизнь с жизнью людей наверху — это мысль о мести. Она одна согревала его все эти годы, побуждала невидимым красться за людьми и убивать из-за угла тех, кого он смертельно ненавидел. Лишь эта нить удерживала его от того, чтобы навсегда удалиться в черные коридоры, комнаты и залы — в давно уже открытое им глубоко под землей вечное царство Мрака!

— Ты что-то искал! — прошептала Тасцела, медленно отступая от белого призрака. — И ты нашел! Ты не забыл нашей с тобой вражды! Великий Сет! После стольких лет, проведенных во мраке, ты помнишь все!

Ибо в скрюченной руке Толкемека покачивался причудливой формы с жадеитовым оттенком жезл, на одном конце которого алым пламенем полыхал набалдашник в форме граната. Призрак вытянул вперед руку с жезлом, и от алевшего плода оторвался луч красного огня. Тасцела успела отпрыгнуть в сторону, и на пути луча оказалась техултлинка, державшая Валерию за лодыжки. Пламя ударило между плеч. Послышался громкий хруст, огненная струя переметнулась с груди женщины на алтарь и там рассыпалась голубыми искрами. Женщина отвалилась в сторону, и через миг, когда тело ее коснулось пола, это была уже мумия — иссохшая и безобразная.

Валерия не растерялась: она скатилась с алтаря и, пользуясь им как прикрытием, на четвереньках, точно зверь, ломая ногти и сдирая с колен кожу, засеменила к противоположной стене. А тем временем в тронном зале мертвого принца Ольмека вырвались на свободу силы Зла.

Следующим принял смерть воин, сжимавший запястья воительницы. В ужасе он отпустил жертву и побежал, но не успел ступить и десяти раз, как Толкемек с неожиданным для его изможденного тела и потому еще более страшным

проворством обогнул тронный зал, и воин очутился между ним и алтарем. И вновь пространство прорезал огненный луч — и техултлинец, уже безжизненный, сморщенным стариком покатился по полу, а луч, ударив по алтарю, разбился голубыми шарами.

И разразилась бойня. В безумном страхе, дико вопя, метались люди по залу, натыкаясь друг на друга, отскакивая, запинаясь и падая. А между ними — то здесь, то там — сновал Толкемек, верша великое дело мести. Техултлинцы не могли выбежать в двери: как видно, металлические части порталов служили тем же, что и испещренное бронзовыми жилками ложе алтаря, — принимали на себя избыток демонической силы, подобно грому извергавшейся из колдовского жезла в руке этой тени прошлого. Каждый раз, когда белесый полутруп заставал кого-нибудь в пространстве между собой и алтарем или же дверным порталом, человек мгновенно умирал. Толкемек не намечал себе жертв. Он просто подлавливал их одну за другой, с быстротой молнии перемещаясь по залу, и лохмотья одежды на нем развевались рваными парусами, а визгливое хихиканье, жутким эхом прокатываясь под сводом, заглушало вопли обреченных на смерть людей. Тела, как осенние листья, падали вокруг алтаря и в проемах дверей. Только один воин, замахнувшись кинжалом, в безумном отчаянии бросился к Толкемеку — и упал, сраженный, в трех шагах от колдуна. Но все остальные были, как стадо на бойне: без мысли о сопротивлении и без малейшего шанса укрыться от смерти.

В ту минуту, когда пал последний техултлинец, принцесса наконец-то добралась до Конана и укрывшейся с ним рядом аквилонки. Быстро нагнувшись, Тасцела коснулась фрагмента мозаичного пола, и скрытый механизм пришел в движение. Стальные челюсти разомкнулись, освобождая кровоточащую ногу, и страшная пасть скрылась в полу.

— Убей его! — выдохнула она, вкладывая в руки киммерийца тяжелый нож. — Против его оружия мое колдовство бессильно!

С глухим рычанием варвар прыгнул вперед — разгоряченный предвкушением схватки, он едва замечал острую боль в истерзанной ноге. Толкемек неторопливо приближался — в его немигающих глазах застыла ненависть — и вдруг точно споткнулся: в руке киммерийца сверкнула сталь. И пошла жуткая, зловещая игра, в которой Толкемек

пытался загнать варвара между собой и алтарем или дверью, а Конан, всеми способами избегая ловушки, примеривался, как бы ему точнее распорядиться ножом. Затаив дыхание, подобравшись, как пантеры, обе женщины с напряженным вниманием следили за поединком.

Ничто не нарушало тишины — лишь шорох да легкое шарканье ног. Толкемек уже не метался по залу. Он понял, что столкнулся с противником куда более серьезным, чем обезумевшая от страха толпа. В стальных глазах варвара он прочел ту же первобытную жажду убивать, какая прочно завладела им самим. Они покачивались вперед-назад, вправо-влево, и когда делал движение один, его тотчас повторял другой, точно невидимые нити связывали их обоих. И в то же время Конан шаг за шагом все ближе подступал к врагу. Вот мускулы ног напряглись перед прыжком, он чуть нагнулся — и вдруг Валерия вскрикнула: колдун, киммериец, бронзовый портал — все очутились на одной прямой! Вылетел красный луч, и Конан, выгнувшись дугой, лишь в последний миг избежал удара. Но даже в этом положении он не упустил свой шанс: сталь распорола воздух — и древний Толкемек начал заваливаться на бок: в костлявой груди дрожала рукоять ножа.

Тасцела рванулась с места — не к Конану, а туда, где на полу, словно живой, посверкивал колдовской жезл. Но вместе с ней метнулась и Валерия. На ходу выдернув из мертвеца нож, воительница со всей силы закаленных в боях мускулов вонзила лезвие в спину принцессы замка Техултли, так что окровавленное острие, пройдя тело насквозь, выступило между великолепных грудей! Издав пронзительный вопль, Тасцела повалилась к ногам Валерии. Девушка презрительно ткнула носком в дрожащее в предсмертных судорогах тело.

— Я должна была это сделать... хотя бы для того, чтобы не пасть в собственных глазах, — сказала воительница, тяжело дыша и глядя на Конана поверх остывающего трупа.

— Ну что ж, вот и конец вражде, — оскалившись в усмешке, прорычал варвар. — Суматошная, однако, выдалась ночка! Интересно, где у них хранятся припасы? Я проголодался.

— Сначала надо перевязать ногу. — Оторвав от шелковой драпировки солидный кусок, девушка повязала его вокруг талии. Затем, разорвав остатки на полосы, с недюжинной сноровкой перевязала израненную ногу киммерийца.

— Я смогу идти, — заверил он ее. — Лучше поскорее убраться отсюда. Там, за стенами города, должно быть, уже светает. Сказать по правде, я сыт Ксухотлом по горло. Оно и к лучшему, что эти люди извели сами себя. Мне не нужны их драгоценности. Наверняка на них лежит заклятье древних.

— На свете и без их камней всего полно — нам хватит, — ответила она, вставая рядом, — гибкая, стройная и... такая соблазнительная.

Как и тогда, на скале, его глаза зажглись огнем, но на этот раз, сжатая в мощных объятиях, она не стала вырываться.

— До побережья путь неблизкий, — наконец сказала девушка, неохотно отводя свои губы от жарких губ Конана.

— Что с того? — Огромный варвар рассмеялся. — Вдвоем нам все под силу. Еще до того, как настанет сезон и стигийцы откроют свои порты для торговли, мы ступим с тобой на палубу корабля. А вот потом мы всем покажем, что значит настоящая морская охота!

СОКРОВИЩА ГВАЛУРА

Глава 1
ДВОРЦОВЫЕ ИНТРИГИ

Скалы, словно вставшие на дыбы каменные звери, круто уходили из джунглей прямо к небу, переливаясь в лучах восходящего солнца зелено-голубым и темно-красным; слегка изрезанная линия гор, изгибаясь, простиралась на восток и на запад, пока не терялась из виду, и об это побережье разбивались волны зеленого океана листвы. Гряда казалась неприступной — гигантский частокол отвесных, монолитных скал с редкими кварцевыми вкраплениями, ослепительно сверкавшими на солнце. Но человек, упорно прокладывавший путь наверх, одолел уже половину подъема.

Выходец из племени горцев, необычайно сильный и ловкий, он без особого труда взбирался на любую кручу. Из одежды на нем были лишь короткие, свободные штаны, сандалии, чтобы не мешали подъему, связанные вместе болтались за спиной, туда же были заброшены кинжал и меч.

Гибкий как пантера, он вместе с тем обладал мощным сложением; бронзовая от загара кожа и грубо подрезанная черная грива, схваченная у висков серебряной лентой, дополняли общую картину. Его железные мускулы, острый взгляд и отточенные движения как нельзя лучше соответствовали поставленной задаче, ибо это была проверка на высочайшую степень выносливости и мастерства скалолазания. В ста пятидесяти футах под ним колыхались волны джунглей. Примерно столько же оставалось до края скалы, очерченного утренним голубеющим небом.

В выверенных движениях чувствовалась некоторая спешка, словно человек был ограничен во времени; и несмотря на это, ему приходилось двигаться со скоростью черепахи, поминутно замирая и всем телом прижимаясь к скале. Жадно ищущие пальцы рук и ног находили крохотные

ниши и выступы, в лучшем случае — какую-нибудь покатую опору в полступни, и ему уже не раз случалось висеть над пропастью на кончиках пальцев. И все-таки, цепляясь за каждую неровность, извиваясь змеей, огибая выступы, человек упрямо отвоевывал у скалы фут за футом. Время от времени он останавливался, чтобы дать отдых ноющим мускулам и вытряхнуть из глаз капли пота; тогда, повернув голову, он пристально вглядывался в расстилающиеся под ним джунгли, методично прочесывая зеленый покров в поисках признаков присутствия человека.

Конец пути был уже близок, как вдруг в нескольких футах над головой он заметил в крутой скале расселину. Еще несколько усилий — и он оказался совсем рядом. Это была небольшая пещера сразу под срезом обрыва. И только его голова поднялась над краем основания, как человек удивленно хмыкнул. Пещера была такой крошечной, что скорее походила на большую, высеченную в камне нишу, но несмотря на малые размеры, она не пустовала. В ней сидела высохшая коричневая мумия со скрещенными ногами — руки сложены на груди, сморщенная голова опущена. Чтобы конечности не разогнулись, их привязали к телу ремнями из сыромятной кожи, давно уже сгнившими. Если тело когда-то и имело одежду, то безжалостное время задолго до того обратило ее в пыль. Но там — засунутый между скрещенными руками и впалой грудью — виднелся свиток пергамента, за бесконечные годы пожелтевший до цвета старой слоновой кости.

Человек протянул руку и, осторожно покручивая, достал свиток Не разглядывая находку, он сунул ее в поясной карман и стал быстро подниматься, пока не выпрямился в проеме ниши во весь свой огромный рост. Подпрыгнув, он ухватился цепкими пальцами за скальный выступ и, подтянувшись, перекинул тело через край пропасти.

Шагнув вперед, человек остановился тяжело дыша, окидывая взглядом открывшуюся панораму.

Под ним словно раскинулась огромная чаша с краями из обхватившей лес каменной стены. Дно чаши покрывали деревья и густой, непроницаемый подлесок, однако этот лес не был таким густым, как джунгли с наружной стороны гряды. Скалы одинаковой высоты окружали его плотным кольцом. Это был каприз природы, возможно, единственный в своем роде: величественный, естественного происхождения амфитеатр, часть лесистой равнины трех-четырех

миль в диаметре, заключенная в кольцо неприступных скал и совершенно отрезанная от остального мира.

Но человек на гребне скалы не стал восторгаться уникальным топографическим явлением. Жадным взором он обшаривал вершины деревьев и вдруг резко вдохнул воздух: среди сплошного зеленого покрова поблескивали мраморные купола. В этом не было ничего сверхъестественного, ибо под ним лежал легендарный дворец покинутого людьми города Алкменон.

Конан-киммериец, бродяга, оставивший след и у Барахских островов и на Черном побережье — везде, где жизнь приправлена смертельным риском, — пришел в Кушан, влекомый тайной надеждой заполучить сокровища, своим блеском затмевавшие богатства королей Турана.

Кешан, королевство варваров, расположилось дальше на восток от Куша, где обширные пастбища постепенно переходят в леса, подступающие к стране с юга. Высокомерная смуглокожая знать держала в повиновении прочее население, в большинстве своем состоящее из чистокровных негров. Сами властители — князьки и верховные жрецы — считали себя прямыми потомками белокожих кланов, которые, согласно преданию, в далеком прошлом правили в этих местах страной со столицей в Алкменоне. Разные сказания по-разному объясняли внезапный упадок государства и окончательный уход из города немногих оставшихся в живых жителей. Не меньшим туманом была покрыта тайна «Зубов Гвалура» — сокровищ, захороненных где-то в Алкменоне. Но даже такой легенды — расплывчатой и потому малоубедительной — хватило, чтобы Конан — через обширные равнины, испещренные потоками джунгли и горные хребты — пробрался в королевство чернокожих.

В конце концов, преодолев все тяготы пути, он отыскал Кешан, который сам по себе в странах на севере и западе считался полумифом, и здесь многочисленные слухи подтвердили его догадки насчет сокровищ, называемых аборигенами «Зубы Гвалура». Но место, где они были спрятаны, оставалось загадкой, к тому же требовалось как-то объяснить причину своего появления: дело в том, что здешние власти косо смотрели на бродяг-чужестранцев.

Но это его не смутило. Со сдержанным достоинством он предложил свои услуги напыщенной, разряженной и подозрительной знати двора, отличавшегося варварски-пышной безвкусицей. Он — воин, и его предназначение —

сражаться. Он прибыл в Кешан в поисках работы. За хорошую плату он мог бы обучить их войско искусству боя, чтобы потом повести его на Пунт — их злейшего врага, который, как он слышал, одержал недавно ряд славных побед, чем вызвал ярость невыдержанного короля Кешана.

Прозвучавшее из уст киммерийца предложение на самом деле не было столь наглым, как могло бы показаться на первый взгляд. Молва о Конане, повсюду опережавшая его, докатилась и до далекого Кешана: дерзкие набеги черных корсаров, этих безжалостных волков с южного побережья, прославили имя их предводителя — им восхищались, его боялись и мечтали заполучить в союзники во всех черных королевствах. Киммериец не отказался пройти некоторые испытания, придуманные смуглокожими лордами. Стычки вдоль всей границы происходили постоянно, так что возможностей показать себя в рукопашном бою было предостаточно. Его неукротимая ярость, помноженная на репутацию главаря, произвела должное впечатление, и казалось, перспективы намечались самые благоприятные. Все, чего втайне желал Конан, он получил: теперь, когда у него есть работа, он может открыто жить в Кешане до тех пор, пока не разузнает про место, где лежат сокровища Гвалура. И вдруг возникло непредвиденное затруднение. Оно явилось в образе Татмекри, прибывшего в Кешан из Зембабве во главе посольства.

Татмекри был стигийцем. Бродяга и искатель приключений, он благодаря смышленому уму добился расположения двух принцев-близнецов, правивших за сотню миль к востоку обширным королевством, народ которого составляли потомственные торговцы. Оба воина были знакомы еще с незапамятных времен, но относились друг к другу с холодком. Татмекри приехал к королю Кешана с аналогичным предложением: совместными усилиями покончить с Пунтом, чей король за месяц до того изгнал из своей страны всех зембабвейских купцов да еще сжег в придачу несколько пограничных крепостей своих соседей.

Возможная выгода от такого союза перевесила даже военную славу Конана. Он, Татмекри, клятвенно обещает, что уже в самое ближайшее время под его началом будет войско из черных копейщиков, шемитских лучников и вооруженных мечами наемников. С этими силами он вторгнется в Пунт с востока и поможет королю Кешана присоединить к своим владениям земли ненавистного соседа. А за свои услуги бессребреники-зембабвейцы надеются получить самую малость:

всего-то монопольное право на торговлю в Кешане и в его странах-данниках, да еще, как залог добрых отношений, несколько «Зубов Гвалура». О, пусть высокочтимые князья не беспокоятся — никто и не думает пускать их в оборот. Их отнесут в главный храм Зембабве и вместе со священными реликвиями королевства положат в раку рядом с сидящими на корточках золотыми идолами Дагоном и Деркето, чтобы тем самым скрепить договор о вечной дружбе между Кешаном и Зембабве. При последних словах плотно сжатые губы варвара скривились в жесткой усмешке.

Киммериец даже и не пытался тягаться с Татмекри и его помощником — шемитом Зархебой — по части дворцовых интрижек. Варвар прекрасно понимал, что если стигиец добьется заключения договора, — а дело к тому и шло, — то первым делом будет настаивать на высылке своего недруга. А потому для Конана оставался один путь: прежде чем король решится на сделку, найти эти «зубы» и с ними покинуть страну. Единственное, что он знал наверняка, это то, что в Кешии драгоценностей нет и никогда не было: столица государства, представлявшая собой скопление тростниковых хижин, обнесенных глиняной стеной, с дворцом из глины, камня и бамбука в центре, меньше всего походила на место, где покоятся величайшие сокровища мира.

Пока варвар в нетерпении раздувал ноздри, вперед выступил верховный жрец Горулга и заявил, что прежде чем принять окончательное решение относительно союза с Зембабве, необходимо получить на то благословение богов, ибо по договору в залог дружбы должны быть переданы святыни, вот уже тысячелетие не осквернённые ни взглядом, ни руками смертного. В общем, необходимо обратиться к прорицательнице Алкменона.

Его заявление напустило на всех страху, и языки — как во дворце, так и в тростниковых ульях — заработали с небывалой силой. За последнее столетие ни один жрец не навещал мертвый город. Шептались, что прорицательница — это сама принцесса Елайя, последняя правительница города, внезапно умершая в расцвете молодости, красоты и сил, и что ее тело, каким-то чудесным образом неподвластное разрушительному воздействию времени, вот уже века как покоится во дворце.

В былые времена жрецы довольно часто ходили в город, и прорицательница, приоткрывая перед ними завесу непо-

знанного, давала вкусить плодов истины. Только верховный жрец, что был там в последний раз, оказался нечист на руку: он замыслил недоброе — украсть прекрасные, искусно ограненные камни, известные как «Зубы Гвалура». Но в пустынном дворце его настиг злой рок. Бежавшие с заколдованного места младшие служители богов, с трудом придя в себя, порассказали такие ужасы, что надолго отпугнули жрецов и от города и от прорицательницы.

Однако Горулга как верховный жрец и как человек, уверенный в чистоте своих помыслов, объявил во всеуслышание, что готов с горсткой храбрецов возродить древний обычай предков. И вновь отовсюду понеслось жужжание, и вместе с роем бестолковых слухов до ушей Конана наконец-то долетели слова, за которыми он охотился долгие недели. Ему удалось подслушать, как перешептывались младшие жрецы, в результате чего ночью накануне исторического паломничества он, никем не замеченный, выскользнул из города.

Всю ночь, весь следующий день и следующую ночь он погонял коня, пока рано на рассвете не приблизился к скалам, скрывавшим Алкменон. Конан находился у юго-западной границы королевства, среди диких джунглей, где аборигенам под страхом смерти запрещено было селиться. Никто, кроме жрецов, не смел приблизиться к загадочной долине на расстояние меньше десяти миль. И ни один жрец за последние сто лет не входил в Алкменон.

Молва утверждала, что для простых смертных эти скалы неприступны и что только жрецы знают тайный ход в долину. Конан решил не тратить время на поиски. Кручи, перед которыми в благоговейном страхе замирали эти чернокожие — всадники, обитатели прерий и равнинных лесов, — не могли остановить человека, рожденного среди суровых гор Киммерии.

...Так он стоял на гребне скалы, глядя вниз на округлую долину и размышляя над тем, какая чума, война или сверхъестественная сила заставила древний белокожий народ покинуть свою цитадель, слиться с живущими вокруг черными племенами, чтобы в конце концов раствориться в них без остатка.

Итак, здесь они жили. В самой долине был выстроен только дворец для королевской семьи, двора и челяди. Город же находился снаружи, и зеленый океан джунглей надежно спрятал его руины. Но купола королевского дворца Алкменона, что поблескивали внизу среди листвы, слов-

но бросая вызов времени, гордо взметнули в высоту венчавшие их остроконечные башенки.

Отыскав ногой первую опору, Конан начал быстро спускаться. Внутренняя стена была изрезана сильнее и не так отвесна, как наружная. Затратив вдвое меньше времени, чем на подъем, он наконец спрыгнул на густой травяной покров.

Сжав рукоять меча, киммериец настороженно огляделся. Конечно, не было причины подвергать сомнению слова жрецов о том, что Алкменон — город заброшенный, сейчас населенный одними лишь привидениями ушедших в небытие предков. Но подозрительность и неусыпная бдительность составляли неотъемлемую часть природы варвара. Вокруг царил первозданный покой: не шелохнулся ни один листочек, ни один звук не нарушил тишины. Присев, он впился взглядом в подлесок — ничего, только правильные ряды стволов, уходящие в голубоватый сумрак.

Тем не менее варвар не потерял осторожности: сжимая обнаженный меч, он продвигался медленно, пружинящей походкой — без единого шороха, пристально вглядываясь в тени по сторонам. Повсюду ему попадались следы древней цивилизации. Мраморные фонтаны, давно умолкшие, полуразрушенные, стояли в окружении стройных деревьев, в расположении которых угадывалась симметрия — слишком явная, чтобы отнести ее на счет природы. Дикий лес и кустарник энергично вторглись в тщательно спланированную рощицу, но ее контуры все еще были различимы. Вдаль убегали широкие мощеные дорожки, меж плит которых густо проросла трава. Сквозь зелень проглядывали стены с узорчатыми гребнями и изящные, высеченные из камня решетки, похоже, в свое время ограждавшие увеселительные павильоны.

Но вот впереди среди деревьев замерцали купола, и с каждым шагом все отчетливее стало проступать массивное сооружение, служившее им опорой. Наконец, продравшись сквозь сплетение дикой лозы, он вышел на сравнительно гладкую площадку с одиноко растущими деревьями. Здесь не было заслоняющего перспективу подлеска, и в сотне ярдов от себя киммериец увидел ряды колонн дворцового портика.

Поднимаясь по широким мраморным ступеням, он обратил внимание на то, что это здание сохранилось гораздо лучше остальных, не таких крупных построек. Очевидно, толстые стены и колонны оказались настолько прочными, что сумели устоять перед временем и стихиями. У дворца,

как и повсюду в долине, господствовал тот же чарующий покой, и в тишине кошачья поступь его обутых в сандалии ног звучала необычно громко.

Он задумался. Где-то в этом дворце находится настенная роспись или статуя, которую кешанские жрецы многие века почитают как свою богиню-прорицательницу. И где-то в этом дворце — если, конечно, излишне болтливый младший жрец не завирался — спрятаны сокровища древних королей Алкменона. Конан вошел в широкий коридор с выстроившимися вдоль стен рядами высоких колонн, промеж которых чернели пасти дверных проемов — сами двери давно сгнили. Он миновал полный сумрачного, таинственного света коридор и очутился у двустворчатой бронзовой двери — чуть приоткрытой, как, может быть, она стояла уже многие века. Через нее он попал в просторную, со сводчатым потолком комнату — как видно, зал для торжественных приемов.

По форме это был восьмигранник. Похоже, в потолке, повторявшем округлую линию купола, строители прорезали какие-то невидимые хитроумные отверстия, так как в зале было гораздо светлее, чем в мрачноватом коридоре. У дальней стены возвышался пьедестал, на который вели широкие лазуритовые ступени, а на постаменте стоял массивный трон с узорными подлокотниками и высокой спинкой, когда-то, без сомнения, увенчанной балдахином. Конан издал утробное рычание, глаза его загорелись жадным огнем. Золотой трон Алкменона, точно перенесенный прямо из древних сказаний! Наметанным глазом он прикинул его вес — сам по себе уже огромное богатство... если, конечно, придумать, как его отсюда вытащить. От блеска золота у варвара разыгралось воображение, он весь сгорал от желания поскорее добраться до скрытого в недрах дворца клада. Он представлял себе, как погрузит руку в сверкающую россыпь камней, чью красоту превозносили на рыночных площадях рассказчики Кешии, сами лишь повторявшие легенды, на протяжении веков передаваемые из уст в уста; как дрожащими пальцами будет перебирать несметные сокровища, равных которым не было и нет во всем свете: рубины и изумруды, бриллианты и кровавые гелиотропы, опалы и сапфиры — бесценная добыча, которую он вырвет из истлевших рук далеких предков.

Конан ожидал увидеть сидящую на троне статую богини, но поскольку тот был пуст, то скорее всего, думал он, она находится в другой части дворца... если такая штука вообще

существует. Однако с тех пор, как он водворился в Кешане, так много мифов успели обрести реальность, что окажись вдруг перед ним сама богиня, он вряд ли удивился бы.

За троном зиял узкий сводчатый проем — наверняка в дни жизни Алкменона ту дверь скрывали драпировки. Он заглянул туда и обнаружил альков — совершенно пустой, из которого под прямым углом выходил узкий коридор. Высунув голову из проема, он огляделся и тут, слева от постамента, увидел еще одну арку, на этот раз закрытую тяжелой дверью. И дверь эта не походила ни на одну другую. Портал, выполненный из того же ценного металла, что и трон, был испещрен множеством необычных значков.

Он лишь коснулся ее — и дверь открылась с такой легкостью, точно кто-то совсем недавно тщательно смазал дверные петли. Конан шагнул вперед... и замер, пораженный.

Он находился в квадратной комнате, не очень большой; ее мраморные стены поднимались к богато украшенному, с вкраплениями золота потолку. Золотые бордюры обегали стены сверху и у основания. Других дверей, кроме той, через которую он вошел, в комнате не было. Но он лишь мельком отметил про себя эти подробности. Все его внимание приковало к себе тело, покоящееся на пьедестале, выточенном из слоновой кости.

Он ожидал увидеть изваяние, высеченное с тем древним мастерством, секрет которого за века был утрачен. И все же ни один мастер, когда-либо творивший на свете, не сумел бы передать линии и пропорции этой совершенной фигуры.

Ни камень, ни металл, ни слоновая кость — перед ним покоились останки когда-то живой женщины, и Конан мог только гадать, с помощью какого колдовства древние сумели защитить тело своей принцессы от воздействия безжалостного времени. Даже одежда на ней осталась неповрежденной. Конан нахмурился: последнее обстоятельство пробудило в нем неясные подозрения. Искусство, с помощью которого сохранили от разрушения когда-то живую плоть, вряд ли могло оказать то же воздействие и на покровы. Но все же вот они, перед его глазами: и золотой нагрудник с двумя рисунками концентрических кругов, составленных из драгоценных камней, и позолоченные сандалии, и короткая шелковая юбка, стянутая в талии поясом в блестках бриллиантов. И камни и металл — все без малейших признаков налета!

Даже в смерти Елайя носила черты холодной красоты. Алебастровое тело было хрупким и в то же время чувственным; в гладких, стянутых над головой волосах цвета ночи пылал огромный рубин.

С минуту Конан стоял, нахмурившись и размышляя, потом постучал по пьедесталу кончиком меча. Ему вдруг пришла в голову мысль, что внутри может находиться полость, где и спрятаны сокровища. В ответ — лишь глухой звук: выходит, надежды на легкую добычу не оправдались. Он повернулся и в нерешительности прошелся по комнате. Где искать? Ведь времени осталось так немного. Тот младший жрец трепался, что сокровища спрятаны где-то во дворце. Но дворец слишком велик — его не обшаришь за пару часов. Или, может быть, схорониться где-нибудь, дождаться, пока жрецы, сделав свое дело, уйдут, и тогда возобновить поиски? Но что, если они возьмут с собой не часть, а все сокровище целиком? Не иначе как этот пройдоха Татмекри подкупил Горулгу.

Конан достаточно хорошо знал Татмекри и потому мог предвидеть его действия. Варвар не ошибся, предположив, что именно Татмекри натолкнул зембабвейских королей на мысль завоевать Пунт, что в свою очередь являлось не более чем промежуточной ступенью на пути к главной цели: захват «Зубов Гвалура». Братья-короли осторожничали и, прежде чем предпринять решительные шаги, требовали веских доказательств, что сокровища — не миф и не игра воображения. Камни, выторгованные Татмекри как залог дружбы, и послужили бы таким доказательством.

А вот тогда, получив бесспорное свидетельство существования сокровищ, короли Зембабве перейдут к открытым действиям. Пунт будет атакован одновременно и с запада и с востока, но зембабвейцы позаботятся о том, чтобы основную работу за них проделали кешанцы. Затем, когда Кешан и Пунт в ожесточенной борьбе окончательно измотают друг друга, зембабвейцы, объявив войну вчерашнему союзнику, захватят Кешан и силой овладеют сокровищами... даже если для этого им придется сжечь дотла весь Кешан и замучить до смерти половину его населения.

Однако не следовало сбрасывать со счетов и такой исход: если только Татмекри доберется до клада, то, следуя своей природе, он немедленно вознамерится одурачить всех — сам украдет сокровища и, незаметно улизнув из города, оставит своих благодетелей с голыми руками.

Конан ни на миг не сомневался, что все это паломничество к прорицательнице — не что иное, как сговор, имеющий целью склонить короля Кешана к союзу с зембабвейцами и заставить его пойти на поводу Татмекри: за время службы киммериец довольно насмотрелся на Горулгу и решил, что тот такая же бестия, как и все, кто замешан в возне вокруг сокровищ. Конан вовсе не стремился пробиться в ближайшее окружение верховного жреца: он знал свои слабые места и понимал, что по части подкупа ему до стигийца далеко и что любая попытка с его стороны будет тому только на руку. Горулга, конечно, немедленно встал бы в позу оскорбленной чести, всенародно объявил бы киммерийца злодеем и тем упрочил бы свою репутацию праведника, заодно избавив Татмекри от злейшего врага. Одно не давало варвару покоя: как удалось стигийцу подкупить жреца, чем соблазнился человек, имея в полном своем распоряжении величайшие богатства мира?

В любом случае, нет сомнений, что прорицательница — понятное дело, в полном согласии с волей богов — замолвит словечко в пользу планов стигийца, а напоследок присовокупит несколько слов относительно его, Конана, дальнейшей судьбы, отчего климат в Кешии покажется ему слишком уж жарким. Впрочем, последние соображения его не особенно беспокоили: как бы ни обернулись события, он еще в ночь отъезда решил не возвращаться в столицу чернокожих.

Итак, в комнате прорицательницы ключа к сокровищам нет. Киммериец вышел обратно в огромный тронный зал и, приблизившись к трону, уперся снизу в подлокотники. Трон был тяжел и поддавался неохотно, но ему удалось заглянуть под литое основание — совершенно гладкая поверхность, постамент был выполнен из цельного куска мрамора. Тогда Конан еще раз тщательно осмотрел альков: ведь не зря же он здесь устроен — что, если сокровища где-то рядом? Дюйм за дюймом он стал простукивать стены, пока наконец не наткнулся на пустоту — как раз напротив входа в узкий коридор. Тщательно обследовав стену, киммериец обнаружил, что в одном месте зазор между мраморными плитами был чуть шире обычного. Он вставил в него острие кинжала, нажал.

Плита бесшумно ушла в сторону, и глазам варвара предстала ниша — и больше ничего. Он с чувством

выругался. Ниша была пуста и, похоже, никогда не служила тайником для сокровищ. Наклонившись вперед, он обнаружил множество узких щелок, проделанных под углом в стене на уровне рта человека. Он заглянул в них и понимающе ухмыльнулся. Ниша находилась в стене, разделяющей альков и комнату с телом богини. Конан разочарованно покрутил головой: он разгадал тайну пророчеств, но все было сработано на редкость слабо, без выдумки, даже примитивно. Так, значит, Горулга залезет в нишу — или посадит сюда преданного слугу — и будет вещать сквозь эти дырки, а доверчивые младшие жрецы — все из черных — с благоговением будут внимать живому голосу Елайи.

Вдруг, словно вспомнив о чем-то, киммериец достал свиток, взятый на груди у мумии, и, соблюдая всяческую осторожность — тот был настолько древним, что казалось, одно неловкое движение — и он рассыпется в руках, — развернул папирус и повернул его к свету. Нахмурив лоб, он напряженно вглядывался в полустертые иероглифы. За время своих бесчисленных скитаний этот могучий искатель приключений нахватался порядком всяких знаний и помимо прочего познакомился с письменной и устной речью многих языков. Не один ученый грамотей лишился бы покоя от зависти, прознай он о лингвистических способностях киммерийца. Этим догматикам было и невдомек, что в рискованных предприятиях порой знание языка способно склонить чашу весов в пользу жизни.

Варвар скрипнул зубами: на первый взгляд такие знакомые иероглифы никак не хотели поддаваться расшифровке. Наконец он понял, в чем тут дело. Иероглифы принадлежали к древнему наречию пелиштов, значительно отличавшемуся от их современного, хорошо известного варвару языка, — изменения произошли после того, как тремя столетиями раньше их страну завоевали племена кочевников. Древние письмена читались с трудом. Нужна была зацепка. Тогда из тесных рядов значков он выделил многократно повторяющееся сочетание, в котором без труда угадал имя собственное — Бит-Якин, скорее всего, имя автора манускрипта.

Сдвинув брови и шевеля губами, Конан словно на ощупь пробирался по выцветшим цепочкам иероглифов — многого не понимая, улавливая смысл оставшегося лишь наполовину.

Однако он разобрал, что автор, этот таинственный Бит-Якин, прибыл издалека вместе со слугами и что все вместе они вошли в долину Алкменона. Дальше текст запестрел незнакомыми иероглифами, и из того, что удалось расшифровать, он только понял, что прошло довольно много времени. Часто встречалось имя Елайи, а в последней части манускрипта промелькнуло, что Бит-Якин предчувствовал надвигающийся конец. Киммериец чуть поежился: выходит, мумия в пещере и есть останки составителя манускрипта — загадочного пелишта Бит-Якина. Значит, в конце концов, как он и предрекал, наступила смерть, и слуги, по-видимому, исполняя последнюю волю умершего, поместили его тело в этот открытый, вознесшийся высоко над землей склеп.

Но почему тогда имя Бит-Якина не упоминается ни в одной из легенд об Алкменоне? Или он пришел в долину уже после того, как ее покинули коренные жители, на что, кстати, указывается и в документе... хотя, с другой стороны, выглядит странным, что жрецы, в прошлые века довольно часто навещавшие прорицательницу, так ни разу не увидели ни самого пелишта, ни кого-либо из его слуг. Получается, что и мумии и манускрипту гораздо больше века. Значит, Бит-Якин обосновался здесь еще во времена, когда жрецы вовсю творили ритуалы перед мертвым телом Елайи. И все-таки о пелиште легенды молчат, повествуя лишь о безжизненном городе, населенном одними духами умерших.

Так что же делал человек в этом пустынном месте, и куда подевались слуги после того, как они обустроили труп своего господина?

Пожав плечами, Конан засунул свиток обратно в поясной карман, и вдруг по его мощному телу пробежала дрожь, в ладонях неприятно защипало, ноги обмякли: неожиданно громко, парализуя волю, сонную тишину дворца разорвал резкий удар большого гонга!

Варвар круто повернулся — чувства предельно обострены, в руке обнаженный меч, глаза впились во тьму узкого коридора, откуда, как ему показалось, исходил звук. Может быть, это прибыли жрецы из Кешии? Нет, невозможно — слишком рано. Но удар гонга — ведь это верный знак, что где-то рядом люди!

По натуре Конан был всецело человеком действия. Некоторая гибкость ума, приобретенная им за годы общения

с изнеженными цивилизацией народами, в минуты внезапной опасности мгновенно уступала место природным инстинктам. Вот и сейчас, вместо того чтобы затаиться или отступить в противоположном направлении, как сделал бы в подобной ситуации любой другой, варвар быстро зашагал по коридору — туда, где находился источник звука. Его сандалии производили не больше шума, чем бархатные лапы пантеры, глаза превратились в узкие щелки, губы раздвинулись в зверином оскале. Страх, вызванный усиленными эхом раскатами гонга, лишь на краткий миг взял верх над природным хладнокровием, и тут же в сумрачной душе варвара всколыхнулась слепая ярость — ответ на смертельную угрозу.

Пройдя извилистым коридором, он вышел к внутреннему округлому дворику. В глаза ему бросился предмет, ослепительно сверкавший на солнце. Это был гонг — огромный золотой диск, подвешенный на золотой же лапе, торчащей из стены. Рядом валялся медный молоток, а вокруг — ни звука, ни малейшего намека на присутствие человека. В стенах разинутыми пастями зияли дверные проемы. Пригнувшийся, укрытый полумраком коридора, он долгое время не решался выйти наружу. Но ничто не нарушало векового покоя огромного дворца. Наконец, исчерпав терпение, он бесшумно заскользил вдоль стены, заглядывая в каждый проем, готовый в любой миг отскочить в сторону или стремительно и точно, словно кобра, нанести удар.

Вот он у гонга. Заглянул под арку рядом — ничего нового: слабоосвещенная комната, стены в мелких трещинах и пол, усыпанный каменной крошкой. Под гонгом на гладко отполированных мраморных плитах не было никаких следов, но в воздухе чувствовался аромат — чужой, чуть неприятный терпкий запах. Он попытался вспомнить его, широко раздувая ноздри, как это делают дикие звери, — все тщетно.

Киммериец шагнул к очередной арке. Внезапно внешне такие прочные плиты пола раскрошились, и он почувствовал, что под ногами — пустота! Раскинув руки, Конан в последний миг сумел зацепиться пальцами за выступающий мрамор, но края плит обломились, и он полетел в разверзшуюся под ним пропасть. Он стремительно падал прямо в бездну и вдруг погрузился в ледяную черную воду, которая обхватила его, завертела и с бешеной скоростью понесла прочь.

Глава 2

БОГИНЯ ПРОБУЖДАЕТСЯ

В первую минуту киммериец и не пытался бороться с бурным потоком, влекущим его среди мрака неизвестно куда. Он лишь старался по возможности держаться над водой, сжимая зубами верный меч, который не выпустил даже во время падения, и не гадая попусту, куда его вынесет стремнина. И вдруг мрак впереди пронзил луч света. Варвар увидел кипящую, вздымавшуюся волнами свинцовую воду — всю словно растревоженную каким-нибудь чудовищем, скрывавшимся в ее глубинах, и отвесные каменные стены канала, переходящие в сводчатый потолок. С обеих сторон вдоль стен бежало по уступу, но слишком высоко, чтобы до них можно было дотянуться рукой. В одном месте поверхность потолка была нарушена — похоже, тот просто обвалился, — и в образовавшуюся брешь струился свет. За световым лучом стоял кромешный мрак, и варвар ужаснулся при мысли, что еще немного — и его пронесет мимо прямо в черную тьму.

И тут Конан заметил еще кое-что: через равные промежутки от уступов к воде спускались бронзовые прутья лестниц, и как раз мимо одной из них он должен был скоро проплыть. Мгновение спустя он уже бешено работал руками и ногами, стараясь побороть течение, тянущее его обратно на середину потока. Оно точно оплело человека живыми скользкими пальцами, но тот, яростно сражаясь за каждый дюйм, колотил по свинцовым волнам с отчаянием обреченного, рвал невидимые путы и все ближе продвигался к берегу. Вот он поравнялся с лестницей, последний мощный рывок — и его пальцы вцепились в нижнюю ступеньку. Обессиленный, едва не захлебнувшийся, он повис в воде, цепляясь за спасительный прут.

Но отдых длился недолго. Через несколько секунд он уже вырывался из тесных объятий стремнины, слепо положившись на сомнительную прочность древних ступеней. Камни крошились, прутья гнулись, но держали, и варвар упрямо карабкался вверх к узкому карнизу, выложенному вдоль стены ярдов на пять ниже того уровня, где стена переходила в свод. Рослому киммерийцу пришлось нагнуть голову, когда, добравшись до цели, он захотел выпрямиться в полный рост. Недалеко от лестницы в стене на высоте

уступа виднелась тяжелая бронзовая дверь. Варвар нажал плечом, но дверь не шелохнулась. Он вернул меч на место, в ножны, и сплюнул кровь: за время яростной схватки с потоком острое лезвие изрезало губы. Затем перевел взгляд на брешь в потолке.

Пожалуй, до пролома можно дотянуться. Он попробовал край на прочность — все в порядке, выдержит. В следующий миг он пролез в отверстие и очутился в просторной комнате, пребывавшей в крайней степени запустения. Большая часть потолка обвалилась, как и те несколько плит в полу, которые одновременно являлись сводом в туннеле с подземной рекой. Сквозь испещренные трещинами арки виднелись другие комнаты и коридоры — очевидно, он все еще находился в пределах огромного дворца. Конан с беспокойством подумал, сколько комнат таят несущуюся под ними стремнину и как среди сотен распознать коварные плиты, готовые расколоться у него под ногами и низвергнуть его обратно в пучину, из которой он только что выбрался.

И еще одна мысль не давала покоя: так ли уж случайно раскололись те плиты? Конечно, может статься, они просто не выдержали его веса, но что, если существует иная — гораздо менее безобидная причина? По крайней мере, ясно одно: во дворце кроме него есть живые люди. Тот гонг — он ведь ударил не сам по себе — неважно, была ли это ловкая приманка в зубах смерти или нет. Тишина дворца вдруг показалась зловещей, насыщенной скрытой угрозой.

А что, если его опередили? Он вдруг вспомнил загадочного Бит-Якина: тот заявился сюда явно неспроста. Разве не может быть, что за свое долгое пребывание в Алкменоне он отыскал-таки «Зубы Гвалура», а после смерти хозяина слуги унесли сокровище с собой? От одной мысли, что он, возможно, гоняется за несбыточной мечтой, варвар пришел в ярость.

Определив, в какой стороне должен находиться тронный зал и комната с богиней, он быстро зашагал по коридору, не забывая, однако, о разумной осторожности: перед его глазами все время стояла картина бурного, в пенных клочьях потока, стремительно несущего свои черные воды где-то у него под ногами.

В мыслях он постоянно возвращался к комнате за тронным залом, где покоилось удивительно живое на вид тело прорицательницы. Именно там нужно искать ключ к разгадке тайны сокровищ, если, конечно, оно до сих пор находится в пределах дворца.

По-прежнему все вокруг наполняла тишина, нарушаемая лишь быстрой мягкой поступью его сандалий. Залы и комнаты с просевшим или обвалившимся потолком, стены в прожилках трещин, каменная крошка, усеявшая мозаичный пол, — все носило на себе разрушительную печать времени, но по мере того, как он продвигался вперед, следы запустения становились все менее явными. Он вдруг подумал, для чего это древним понадобилось устраивать лестницы от карниза к подземной реке, но скоро, пожав плечами, отбросил эту мысль как несущественную. Вопросы быта минувших эпох, не приносящие реальной выгоды, варвара мало интересовали.

Конан уже начинал сомневаться в правильности выбранного направления, как вдруг очередной коридор вывел его прямо в тронный зал. Киммериец принял решение: бесполезно бродить по дворцу наугад — гораздо разумнее спрятаться где-нибудь здесь, дождаться кешанцев, а уж те, после того как разыграют свою сцену пророчества, сами прямой дорогой выведут его к сокровищам. Кто знает, может быть, в этот раз они возьмут всего лишь несколько камней, а он уж так и быть — удовольствуется остаточком.

Распаленный услужливым воображением, киммериец вторично вошел в комнату прорицательницы и, завороженный необычной холодной красотой, неслышными шагами приблизился к пьедесталу, где лежало тело давно умершей, почитаемой за богиню принцессы. Невероятно! Какое страшное заклинание удерживает от разложения эти прекрасные формы?

Внезапно он содрогнулся всем телом. Дыхание прервалось, коротко остриженные волосы на голове встали дыбом. Тело покоилось точно в таком же положении, без каких-либо видимых изменений, как и в тот раз, когда он вошел сюда впервые, неподвижное, все в том же золотом нагруднике с кругами из посверкивающих камней, в тех же золоченых сандалиях и в короткой шелковой юбке. И вместе с тем ощущалась едва уловимая разница. Точеные руки и ноги уже не казались окоченевшими, щеки налились слабым румянцем, губы покраснели...

Исторгнув из груди рычание, Конан выхватил меч:

— Кром всемогущий! Да она живая!

От крика варвара длинные темные ресницы дрогнули, поднялись, и немигающим взглядом снизу вверх его

пронзили глаза — блестящие, непроницаемые, цвета тьмы. Он оцепенел, глядя на них в немом ужасе.

Богиня села: в простом движении — предельная гармония, глаза — словно заглядывают прямо в душу варвара.

Он нервно облизал сухие губы и наконец обрел дар речи.

— Ты... ты Елайя? — пробормотал он, запинаясь.

— Да! Я — Елайя! — Глубокий мелодичный голос с новой силой поразил его. — Не бойся. Я не причиню тебе зла, если не станешь мне противиться.

— Как может ожить мертвец, который пробыл мертвецом столетия? — В вопросе проскользнуло недоверие: казалось, он не верит собственным глазам. В щелках зрачков киммерийца стал разгораться хитрый огонек.

С божественной грацией она подняла руку.

— Я — богиня. Тысячу лет назад на меня пало проклятие могущественных духов — духов Тьмы, обитающих по ту сторону Света. Что было смертно во мне, умерло — божественное начало живет вечно. На этом ложе я покоюсь уже многие века и просыпаюсь каждый вечер на закате, чтобы вместе с призраками, вышедшими из тени прошлого, как и в давно минувшие года, устраивать приемы при дворе. — Легкая пауза. — Человек, если не хочешь навсегда лишиться разума, если не хочешь, чтобы тебя постигло страшное заклятье, удались немедленно! Я, богиня, приказываю тебе — уходи! — Голос стал властным, чуть нетерпеливым, а изящная рука в повелительном жесте указала на бронзовую дверь.

Конан — с глазами, как горящие уголья, — вложил меч в ножны, однако выполнять божественное повеление не спешил. Точно под властью колдовских чар, он сделал шаг вперед — и вдруг совершенно неожиданно сгреб Елайю в свои медвежьи объятия! Богиня завизжала самым непотребным образом, и тут же послышался треск разрываемой материи: одним грубым рывком Конан сдернул с божественного тела шелковую юбку!

— Богиня! Ха! — В его рычании сквозило гневное презрение. Пленница извивалась, делая отчаянные попытки обрести свободу, но он словно бы не замечал их. — То-то мне показалось странным, что принцесса Алкменона говорит с коринфийским акцентом! Как только я очухался, я уже знал, что где-то раньше тебя видел. Ты Мьюрела — коринфийская танцовщица из окружения Зархебы. А вот

на бедре и родимое пятно полумесяцем. Я видел его как-то раз, когда Зархеба учил тебя плетью. Богиня! Надо же! — Он звучно шлепнул по предательскому бедру ладонью, и девушка жалобно вскрикнула. Вся ее величавость пропала. Она была уже не мистическим творением глубокой древности, а самой обычной, дрожащей от страха и унижения юной танцовщицей, каких десятками продают на невольничьих рынках Шема. И вот послышалось жалобное шмыганье, еще минута — и, потеряв всякий стыд, развенчанная принцесса ударилась в слезы. С высоты своего роста варвар бросил на пленницу торжествующий взгляд.

— Принцесса! Слишком много чести! Так, значит, ты из тех женщин, которых Зархеба привел в Кешан скрытыми под вуалью? Неужели ты всерьез надеялась обмануть меня, ты — жалкий комок перьев? Год назад я видел тебя в Акбитане вместе с этой свиньей Зархебой, а я никогда не забываю ни лиц женщин, ни их тел. Пожалуй, я...

Но тут, подстегнутая ужасом, девушка извернулась в железных объятиях варвара и тонкими руками обвила его бычью шею; по щекам побежали ручейки слез, рыдания стали быстро нарастать — она была на грани истерики.

— Умоляю, не убивай меня! Не убивай! Меня заставили! Это Зархеба привел меня сюда, чтобы я сыграла роль богини!

— Что-о?! Не кощунствуй, мерзкая ты шлюшка! — загрохотал по комнате его голос. — Или ты не боишься гнева богов? Великий Кром! Неужто на свете повывелось благочестие?

— О, умоляю тебя! — От страха она совсем потеряла голову, лишь все сильнее льнула к нему, дрожа всем телом. — Я не посмела ослушаться Зархебы. О, что мне теперь делать? Эти языческие боги... Они проклянут меня!

— Как ты думаешь, если жрецы обнаружат, что их богиня — фальшивая, что они с ней сделают? — с ухмылочкой спросил он.

При мысли об этом ноги девушки отказались ей служить; дрожащая и безвольная, Мьюрела сползла к ногам варвара и, обхватив его колени руками, прерывистым голосом взмолилась о пощаде и защите, перемежая мольбы слабыми попытками убедить его в своей невиновности и в отсутствии у нее дурных помыслов. От прежней гордой принцессы предков не осталось и следа, что было и не удивительно, ибо страх преследовал ее постоянно и, если

в прежней роли его еще удавалось как-то сдерживать, то теперь, едва ему поддавшись, она уже не смогла с ним совладать и сейчас быстро погружалась в бездну животного ужаса.

— Где Зархеба? Да прекрати ты выть, говори толком!

— Дожидается жрецов снаружи дворца! — донеслось сквозь всхлипывания.

— Сколько с ним человек?

— Никого. Мы пришли вдвоем.

— Ха! — Возглас весьма походил на довольное рычание льва на охоте. — Значит, вы покинули Кешию всего через несколько часов после меня. Вы взбирались на скалы?

Она лишь покачала головой: слезы душили ее. Нетерпеливо выругавшись, Конан впился железными пальцами в нежные плечи и встряхнул несколько раз подряд, пока девушка не открыла рот и с шумом не втянула в себя воздух.

— Ты прекратишь когда-нибудь свой рев? Отвечай, как вы попали в долину.

— Зархеба знает тайный ход, — выдохнула она. — О нем ему сказал жрец Гварунга, а еще Татмекри. Снаружи, напротив южной части долины у подножия скал есть большое озеро. Под водой в озеро открывается пещера — с берега входа в нее не видно. Мы нырнули и проникли в пещеру. Она почти сразу пошла кверху, вода кончилась, и дальше мы шли под горой. А выход из пещеры в долину скрыт густыми зарослями.

— Хм-м. А я-то взбирался на скалы с восточной стороны, — пробормотал он. — Ну да ладно, что было потом?

— Мы пришли ко дворцу, и Зархеба спрятал меня в лесу, а сам пошел искать комнату с телом прорицательницы. Он, похоже, не слишком доверяет Гварунге. Когда он ушел, мне послышалось, будто где-то ударил гонг, только я не совсем уверена. Наконец вернулся Зархеба и приказал следовать за ним. Он привел меня в комнату, где на пьедестале лежала богиня Елайя. Сняв с нее одежду и украшения, он заставил меня надеть все это, потом уложил на пьедестал в позе, в которой лежала богиня, и, оставив одну, сам отправился прятать тело и выслеживать жрецов, когда те явятся. Я очень боялась. Когда ты вошел, я готова была вскочить с пьедестала и умолять тебя забрать меня из этого проклятого места, но я страшилась мести Зархебы. А когда ты обнаружил, что я живая, то решила напугать, чтобы ты поскорее ушел.

— Что ты должна была им наговорить?

— Я должна была приказать жрецам взять «Зубы Гвалура» и некоторые из них, как и хотел Татмекри, передать ему в качестве залога, а остальные спрятать где-нибудь во дворце в Кешии. Я должна была сказать, что великие беды ожидают Кешан, если предложения Татмекри будут отвергнуты... Ах да, еще я должна была сказать, чтобы с тебя как можно скорее содрали кожу.

— Значит, Татмекри — или зембабвейцы — хотели заполучить сокровище в такое место, где его без труда можно было бы прибрать к рукам, — как бы размышляя вслух, сказал Конан; замечание насчет себя он оставил без внимания. — Ну да ладно, как только доберусь до него — вырежу печень. Горулга, конечно, тоже замешан в этом деле?

— Нет. Он искренне верит в своих богов. Он ничего не знает о планах заговорщиков и выполнит все повеления богини. Это все Татмекри — его игра. Зная, что кешанцы отправятся к прорицательнице, он подсказал Зархебе включить меня в посольство, доставить под вуалью в Кешию и до поры до времени спрятать в укромном месте подальше от любопытных глаз.

— Ну и чудеса, будь я проклят! — От удивления варвар вскинул брови. — Неподкупный жрец, который верит в волю богов! Великий Кром! Должно быть, это Зархеба и грохнул по гонгу. Интересно, знал ли он обо мне? Если так, то получается — Зархеба и заманил меня на те проклятые плиты. Где он сейчас?

— Прячется в рощице лотосовых деревьев у старой аллеи, что ведет от южной части гряды ко дворцу, — все еще с опаской отвечала она и вновь захныкала: — О Конан, сжалься надо мной! Я так боюсь здесь оставаться, этот дворец... в нем затаилось что-то злое! Лежа с закрытыми глазами, я слышала вокруг тихие, крадущиеся шаги. Умоляю, забери меня отсюда! Я знаю: как только я сыграю свою роль, Зархеба тут же убьет меня. Жрецы, если раскроют обман, тоже убьют.

Он сущий демон! Он купил меня у работорговца, а тот выкрал из каравана, увязшего в песках Пустыни. И с тех пор я — орудие в его руках: в любой своей интриге он использует меня. Конан, забери меня от него! Ты ведь не будешь со мной жесток, как этот зверь? Скажи! Ты ведь не бросишь меня здесь одну на верную смерть? Сжалься, прошу тебя!

Стоя на коленях, она собачонкой жалась к его ногам; красивое, обращенное кверху лицо было в слезах, темные

шелковистые волосы — в беспорядке рассыпаны по белым плечам.

Конан осторожно поднял девушку.

— А теперь слушай. Я избавлю тебя от Зархебы. Жрецы не узнают о твоем розыгрыше. Но взамен ты сделаешь так, как я скажу.

Прерывистым голосом девушка пролепетала слова покорности, своими слабыми руками она обхватила мускулистую шею гиганта, словно в соприкосновении с этим могучим человеком искала защиты от своих страхов.

Слегка похлопывая ее по спине, Конан продолжал:

— Так вот. Когда явятся жрецы, ты, как и хотел Зархеба, сыграешь свою роль Елайи. Будет темно, и в свете факелов подмены никто не заметит. Но скажешь им вот что: «Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псовшемитов вышвырнули из Кешана. Они предатели и воры, задумавшие обокрасть богов. Пусть „Зубы Гвалура" передадут под охрану командующего Конана. Отдать под его начало войско Кешана. Он один любимец богов»...

От этих слов девушка задрожала с новой силой, вся ее хрупкая фигурка — воплощенное отчаяние, но выбора у нее не было.

— А как же Зархеба? — всхлипнула она. — Он убьет меня!

— Насчет Зархебы не беспокойся, — рыкнул он зверем. — Его я беру на себя, а ты делай, как велю. А сейчас прибери-ка волосы, а то вон они растрепались по плечам. И рубин выпал.

Он сам водворил камень на место, взглянул, чуть отстранясь, одобрительно кивнул:

— За один этот камень можно было бы набить всю эту комнату рабами. Так, теперь надень юбку. Она немного порвана сбоку, но ничего, жрецы не станут разглядывать. Вытри лицо. Богине не пристало плакать точно девчонке после розог. Клянусь Кромом! Да ты и впрямь, как настоящая Елайя — то же лицо, фигура, волосы и все прочее! Если и перед жрецами ты разыграешь богиню не хуже, чем передо мной, то одурачишь их в два счета!

— Я постараюсь, — уже спокойнее ответила девушка, однако дрожь не утихала.

— Вот и прекрасно. Пойду поищу Зархебу.

Ее снова обуял страх.

— Нет! Не оставляй меня! Во дворце кто-то есть!

— Здесь тебе нечего бояться! — В голосе варвара слышалось нетерпение. — Разве что Зархебы, но я за ним присмотрю. Скоро вернусь. Во время обряда я на всякий случай буду неподалеку, но, думаю, если сыграешь роль как полагается, то никаких таких случаев не возникнет.

И, повернувшись, он быстро зашагал из комнаты, услышав напоследок слабый вскрик перепуганной насмерть Мьюрелы.

На долину спустилась ночь. Из углов выступили тени; комнаты, залы, коридоры потеряли четкость; бронзовые фризы тускло поблескивали сквозь толстый слой пыли. Конан двигался бесшумно, точно призрак, и все время, пока он скользил вдоль широкого коридора, его не покидало ощущение, будто из темных сгустков дверных провалов за ним внимательно следят глаза невидимых духов прошлого. Неудивительно, что девчонка чувствовала себя неуютно в такой обстановке.

Ступая мягко, как пантера, с мечом наготове, он спустился по широким мраморным ступеням. В долине царила тишина, а над грядою скал приветливо помаргивали звезды. Если кешанские жрецы уже вошли в долину, то ни шорохом, ни трепетом листвы они себя не выдали. Конан отыскал древнюю в трещинах аллею, ведущую к югу, — молодые деревца и буйно разросшиеся кусты почти скрыли из глаз ее изломанные плиты. Пригнувшийся, готовый ко всему, он начал красться по аллее, придерживаясь стороны, где заросли отбрасывали густую тень, пока не увидел стоящие в отдалении обособленной группой лотосовые деревья — необычные растения, которые в природных условиях растут лишь на землях Куша. Там, по словам девушки, скрывался Зархеба.

Конан — меч сжат в руке, чувства предельно обострены — мягко скользящей тенью растворился в зарослях.

Он приблизился к рощице окружным путем, и только едва уловимое шуршание листьев отмечало его шаги. Вот он уже у рощицы и тут, будто ткнувшись в невидимую преграду, застыл среди деревьев — в точности как замирает пантера в минуту опасности. Впереди, в неверном, тусклом свете среди плотной листвы, маячил бледный овальный предмет. На первый взгляд — один из крупных белых цветов, густо усеявших ветки деревьев; но зрение не обмануло варвара: это было лицо человека. И оно было обращено к нему! Конан отпрянул глубже в заросли. Видел ли его Зархеба? Тот ведь смотрел прямо на него! Мгновения казались

минутами. Матовое лицо оставалось неподвижным. Конан разглядел темное пятно внизу — короткая черная бородка.

Внезапно он нахмурился. Странно: Зархеба был, насколько помнится, человеком не слишком высоким. Ему, Конану, он едва доставал до плеча, а сейчас их лица примерно на одном уровне. Может, он на что-нибудь встал? Нагнувшись, Конан попытался разглядеть хоть что-нибудь на земле под матовым лицом, но мешали кустарник и толстые стволы деревьев. Похоже, кое-что он все-таки увидел, потому что вдруг напрягся: сквозь узкую брешь в подлеске виднелся ствол того дерева, под которым, предположительно, стоял Зархеба. Лицо маячило как раз на фоне ствола, и, значит, там он должен был увидеть тело Зархебы, а никак не ствол. Но тела не было.

Наконец, сжавшись в комок нервов и мускулов — более плотный, чем тот, в который сжимается следящий за добычей тигр, — Конан вошел в рощицу. Еще несколько мгновений — и, отогнув в сторону ветку, киммериец, пораженный, уставился прямо в безжизненное лицо. Именно безжизненное, ибо никогда уже эти губы не растянутся в надменной улыбке. В глубоком молчании варвар смотрел на отрезанную голову Зархебы, подвешенную к ветке за длинные черные волосы.

Глава 3

ОТВЕТ ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦЫ

Конан круто повернулся, его пытливый взгляд прощупывал каждую тень, каждый куст. Никаких следов тела убитого, лишь чуть в стороне кто-то примял высокую сочную траву да залил газон чем-то темным и липким. Варвар застыл, едва дыша, напряженно вслушиваясь в ночную тишину. Очерченные густыми сумерками, кусты и деревья в белых цветах стояли не шелохнувшись — большие, темные, зловещие.

В глубине души варвара зашевелился животный ужас. Кто побывал здесь? Жрецы Кешана? Если так, то где они? Или все-таки в гонг ударил Зархеба? В голове вновь всплыли воспоминания о Бит-Якине и его неведомо куда исчезнувших слугах. Бит-Якин умер, от него остался высохший скелет, обтянутый пергаментной кожей. Он обречен вечно,

пока не рассыпется в прах, встречать восходящее солнце из своего разверстого склепа. Но остаются еще слуги Бит-Якина. Внезапно мозг пронзила страшная догадка: нет никаких доказательств того, что они вообще ушли из долины!

Конан подумал о Мьюреле: как там она — одна в огромном мраморном дворце, без надежды на помощь. Он повернулся и по сумрачной аллее побежал обратно ко дворцу — весь как пантера: грация и пластика, даже в прыжке готовый мгновенно нанести удар клинком.

Впереди сквозь деревья затускнели купола, но его зоркие глаза отметили и другое: красноватые отблески огня на мраморных плитах. Он тут же растворился в кустах, протянувшихся по обе стороны аллеи, прокрался среди плотных зарослей и вышел к открытому пространству перед портиком. Его ушей достигли неясные голоса, в нескольких ярдах замаячили факелы, и в свете пламени он различил лоснящиеся эбеновые плечи. То прибыли жрецы Кешана.

Так, значит, они не пошли заросшей центральной аллеей, где их рассчитывал увидеть Зархеба. Очевидно, тайный ход в долину, о котором рассказала девушка, был не единственным.

Высоко подняв факелы, жрецы поднимались по широким мраморным ступеням. В голове процессии Конан увидел Горулгу — в пляске огня отчетливо выделялось его словно отлитое из бронзы лицо. Его сопровождали младшие жрецы — крупные негры, чья черная кожа отливала алым. Последним в цепочке важно вышагивал огромного роста чернокожий с необычайно злобным и коварным выражением лица. При виде его Конан сдвинул брови: это и был Гварунга, который, по словам Мьюрелы, открыл ей секрет тайного хода через озеро. «Интересно, — подумал киммериец, — насколько глубоко он увяз в этой истории?»

Конан поспешил к портику, огибая открытую площадку по краю круга, все время оставаясь в тени. Стражи у входа они не оставили. Отблески света плясали далеко в коридоре. Процессия едва успела дойти до двустворчатой двери в конце коридора, а Конан, миновав лестницу, уже вступал за ними под своды Дворца. Перебегая от колонны к колонне, он достиг двери, когда жрецы все еще шли огромным тронным залом; от огня тени съеживались и прятались глубоко в ниши. Ни один из них не обернулся. Все так же в цепочке по одному с мерно кивающими плюмажами из страусовых перьев, в туниках кожи леопарда — до нелепости

неуместных в этом окружении из мрамора и металлических арабесков — они прошли по залу и остановились у горящей золотом двери слева от постамента с троном.

Под сводами огромного пустого зала жутким эхом разнесся громкий голос Горулги; заунывные, протяжные звуки мешали притаившемуся варвару разобрать отдельные слова. Голос смолк. Верховный жрец толкнул позолоченные двери и вошел, беспрерывно кланяясь в пояс, следом вошли его спутники, точь-в-точь повторяя движения своего господина, с их факелов срывались огненные языки. Но вот золотая дверь закрылась, погасли блики, смолкли звуки — и Конан стрелой метнулся через зал в альков за троном; шорох шагов варвара был тише дуновенья ветерка.

Когда плита ушла в сторону, в глаза ему бросились лучики света, пробивавшиеся сквозь крохотные отверстия в стене. Скользнув в нишу, он припал глазами к дырочкам. Мьюрела в безупречной позе богини сидела на пьедестале — спина прямая, руки скрещены на груди, откинутая назад голова касалась стены всего в нескольких дюймах от него. Чуткими ноздрями киммериец уловил тонкий аромат, исходивший от волос девушки. Он не мог видеть ее лица, но вся поза Мьюрелы говорила о том, что ее неподвижный взгляд, скользя поверх бритых голов коленопреклоненных чернокожих гигантов, устремлен в неведомую даль. Конан одобрительно ухмыльнулся. «А у шлюшки-то природный дар дурачить простачков!» — подумал он. Само он прекрасно знал, что каждая клеточка ее тела в эти минуты трепещет от ужаса, но внешне она оставалась бесстрастной. В сполохах пламени девушка смотрелась ничем не хуже той, настоящей, богини, которая прежде лежала на этом пьедестале; оставалось лишь уверовать, что древнее колдовство вдохнуло огонь жизни в ее мертвое тело.

Горулга своим громоподобным голосом нараспев читал что-то вроде заклинания. Наречие было незнакомо варвару — скорее всего, язык древнего Алкменона, в нетронутом виде передаваемый от поколения к поколению верховных жрецов. Казалось, этому не будет конца. Конан все больше волновался: ведь чем дольше продлится церемония, тем нестерпимей станет охватившее Мьюрелу напряжение. И если она сорвется... Он придвинул острие кинжала вплотную к идущей под углом щели в стене: нельзя допустить, чтобы чернокожие подвергли девчонку своим бесчеловечным пыткам.

Но вот монотонное песнопение — низкое, скрипучее и невыносимо зловещее — в конце концов прекратилось; младшие жрецы враз что-то прокричали — первая часть обряда благополучно завершилась. Подняв голову и простерев руки к безмолвной фигуре на пьедестале, Горулга глубоким, зычным голосом, обычным для жрецов Кешана, возгласил:

— О великая богиня! Ты, равная своим величием могуществу богов царства Тьмы! Да смягчится твое сердце, да раскроются твои уста и да изольется божественная мудрость на твоего раба, чья голова — в пыли у твоих ног! Молю тебя, великая богиня священной долины, — говори! Тебе ведом предначертанный нам путь; мрак, угрожающий смертным, для тебя — лучи полуденного солнца. Пролей свет мудрости на смиренных своих слуг. Скажи нам, вестница богов: как поступить нам с Татмекри-стигийцем?

Масса высоко уложенных, гладко зачесанных волос, ловящих бронзовые отблески огня, чуть шевельнулась. Шумный вздох благоговейного страха взметнулся над группой младших жрецов. В гробовой тишине в ушах Конана отчетливо звучал голос Мьюрелы — холодный, как бы издалека, хотя, отметил про себя Конан, и с заметным коринфийским выговором:

— Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псовшемитов вышвырнули из Кешана! — Она точь-в-точь повторяла его слова. — Они предатели и воры, задумавшие обокрасть богов. Пусть «Зубы Гвалура» передадут под охрану командующего Конана. Отдать под его начало войско Кешана. Он один — любимец богов!

С последними словами в ее голосе промелькнула дрожь, и Конана прошиб холодный пот: ему почудилось, что девушка на грани срыва. Но чернокожие ничего не заметили, они даже не расслышали коринфийского акцента, поскольку никогда прежде не общались с коринфийцами. Сложив руки в молитвенном жесте, они забормотали слова покорности, благоговения и страха. В свете факелов глаза Горулги сверкнули фанатичным огнем.

— Елайя изрекла свое слово! — восторженно воскликнул он. — Такова воля богов! Давным-давно, в дни наших далеких предков, по повелению богов, которые еще на заре мира вырвали эти зубы из ужасной пасти Гвалура, властителя царства Тьмы, на сокровища было наложено заклятие. Затем по повелению богов «Зубы Гвалура» были спрятаны, по повелению богов «Зубы Гвалура» засияют вновь!

О рожденная звездой, позволь нам удалиться, чтобы немедленно исполнить твою волю: достать из тайника сокровище и по возвращении передать его любимцу богов!

— Можете удалиться! — ответствовала подставная богиня, сопроводив слова великолепным жестом, при виде которого Конан широко ухмыльнулся.

Жрецы попятились; плюмажи, факелы вновь закачались вверх-вниз, вторя бесчисленным поклонам.

Золотая дверь закрылась, и со слабым стоном богиня безвольно упала на пьедестал.

— Конан! — всхлипнув, позвала она. — Конан!

— Ш-ш-ш! — прошелестел он, приложив губы к отверстиям; потом выскользнул из ниши и вернул на место плиту. Он бросил взгляд в дверной проем: через тронный зал, покачиваясь, удалялись факелы. Однако, как ни странно, зал был полон призрачного света, и он исходил не от огня, зажженного людьми. В первый момент он растерялся, но тут же отыскал решение загадки. Взошла луна, ее свет, падавший на купол, проникал сквозь невидимые щели, и ровный, усиленный благодаря искусству древних зодчих, наполнял зал призрачным, голубоватым свечением. Выходит, сияющий купол древнего Алкменона не сказка? Возможно, в купол вкраплены те необычные, точно в белом пламени кристаллы, которые попадаются лишь в горах Черных королевств. Свет заливал тронный зал и сквозь дверные проемы просачивался в примыкающие к нему комнаты.

Но только Конан сделал пару шагов по направлению к залу, как тут же круто обернулся: из коридора, уводящего из алькова, донесся шорох. Он бесшумно подкрался к входу и взглядом впился в темноту; в его ушах будто снова прозвучал удар гонга, эхом докатившийся по этому коридору, — удар, из-за которого он угодил в ловушку и едва не погиб. Свет от купола с трудом добирался до узкого коридора, и как Конан ни старался, он ничего не увидел. И все-таки он готов был поклясться, что из глубины туннеля слышалось слабое шлепанье босых ног.

Пока он так стоял, не зная что ему предпринять, за его спиной вдруг раздался сдавленный женский крик. Быстро выглянув в тронный зал, он стал свидетелем неожиданной сцены, разыгравшейся в призрачном свете кристаллов.

Жрецы вместе со своими факелами уже покинули дворец — все, за исключением одного, Гварунги. Его зловещие черты были перекошены от ярости; сдавив своими желез-

ными пальцами горло оцепеневшей от ужаса Мьюрелы, он неистово тряс ее, не обращая внимания на хриплые мольбы о пощаде.

— Предательница! — Шипение, прорвавшееся сквозь толстые красные губы негра, казалось шипением кобры. — Что ты еще задумала? Разве Зархеба не научил тебя, что надо говорить? Да нет, не может быть — ведь Татмекри сам мне сказал! Одно из двух: или ты предала своего господина, или он с твоей помощью предает своих друзей! Грязная тварь! За твое предательство я откручу твою лживую голову, но прежде...

Взгляд расширенных глаз пленницы, вдруг устремленный поверх его плеча, предупредил огромного негра об опасности. Выпустив девушку, он круто обернулся — и в этот миг меч Конана рассек воздух. От удара чернокожий опрокинулся спиной на мраморный пол — из рваной раны в голове сочилась кровь.

Конан шагнул вперед с намерением закончить дело: негр так быстро повернул голову, что клинок ударил плашмя, но внезапно Мьюрела судорожно обхватила его руками.

— Я сделала все, как ты приказывал! — Она вся зашлась от ужаса. — Уведи меня отсюда! Умоляю тебя, уйдем поскорее!

— Еще не время! — отрезал он. — Я хочу выследить, где у жрецов спрятаны сокровища. Совсем не обязательно, что они возьмут с собой все. Ты можешь идти со мной. А кстати, где камень, что был у тебя в волосах?

— Наверное, выпал, пока я лежала на пьедестале, — неуверенно сказала она, ощупывая туго стянутые волосы. — Я так перепугалась... Когда жрецы ушли, я выбежала из комнаты, чтобы найти тебя, а этот зверь, оказывается, задержался. Он схватил меня своими лапами и если бы...

— Ладно, будет тебе. — Варвар ободряюще похлопал девушку по спине. — Поищи рубин, а я пока закончу с этим полутрупом. Этот камешек один стоит целого состояния.

Она помялась немного — похоже, ей очень не хотелось туда возвращаться, — но увидев, как деловито Конан поволок Гварунгу к алькову, оставила опасения и вошла в комнату прорицательницы.

В алькове Конан бросил бесчувственное тело на пол и поднял меч. Киммериец слишком долго жил среди дикарей, чтобы питать иллюзии относительно человеческой благодарности. Безопасный враг — обезглавленный враг. Но он

так и не ударил: от душераздирающего вопля его рука застыла в воздухе.

— Конан! Конан! Она вернулась!.. — Вопль оборвался глухим рычанием и шарканьем голых ступней.

Варвар с проклятием метнулся из алькова и, промчавшись мимо постамента с троном, с последним отзвуком вопля вбежал в комнату прорицательницы. Там он застыл — обескураженный, во все глаза глядя прямо перед собой. Мьюрела, как ни в чем не бывало, лежала, вытянувшись, на пьедестале — веки были опущены, как если б она только что задремала.

— Что за переполох ты тут устроила? — в раздражении потребовал он объяснений. — Тоже нашла время для...

Он вдруг осекся. Пристальным взглядом варвар окинул цвета слоновой кости бедро, скользнул по облегающей шелковой юбке. Он искал глазами разрыв — большой разрыв от пояса до нижней каймы... и не находил. Куда он мог подеваться? Ведь он сам, собственной рукой разодрал юбку, когда грубо стаскивал ее с бившейся в его объятиях танцовщицы. И никаких следов штопки.

Одним прыжком киммериец покрыл ярды до пьедестала, положил руку на точеное бедро — и тут же резко отдернул, точно коснулся раскаленного железа, а не окоченевшего, во власти смерти тела.

— Великий Кром! — вырвалось у него, глаза превратились в пылающие огнем щелки. — Да это не Мьюрела! Это — Елайя!

Теперь он понял причину отчаянного вопля, сорвавшегося с губ Мьюрелы, когда та вошла в комнату. Богиня возвратилась на свое место. Раньше Зархеба раздел ее, чтобы в ее одеяния облачить танцовщицу. И все же вот они: шелка и драгоценности — точная копия тех, что он увидел, когда вошел сюда впервые. Он почувствовал, как где-то под коротко остриженными волосами на затылке пробудилось и стало быстро нарастать непривычное, холодное покалыванье.

— Мьюрела! — крикнул Конан. — Мьюрела! Где ты там?

В ответ — лишь издевательское эхо. В комнату вел только один ход — через золотую дверь, и, значит, никто не мог ни войти в нее, ни выйти отсюда незамеченным. Однако факты говорили о другом: Елайю возвратили на пьедестал в то время, когда Мьюрела, выйдя из комнаты и угодив в лапы Гварунги, минуту или две билась в его когтях; кроме

того, в ушах варвара до сих пор стоял звон от отчаянного вопля девушки, несшегося из этой комнаты, и вместе с тем ее здесь нет, она будто растаяла в воздухе. Напрашивался один вывод: где-то здесь должна находиться потайная дверь. И только он так подумал, как сразу увидел ее.

На фоне внешне монолитной мраморной плиты виднелась узкая, изломанная под прямым углом щель, из которой торчал шелковый лоскуток. Еще секунда — и он склонился над находкой. Это был обрывок шелковой юбки Мьюрелы. Сомнений нет. Очевидно, в тот момент, когда неведомые похитители проносили девушку сквозь небольшой проем, закрывающаяся дверь защемила юбку, и от той оторвался лоскуток. Он-то и помешал двери слиться со стеной.

Конан вставил острие кинжала в щель и, пользуясь им как рычагом, напряг свою в канатах мускулов руку. Лезвие согнулось, но не сломалось: клинок был выкован из акбитанской стали. Он приналег всем телом — и мраморная дверь открылась. С мечом наизготовку Конан заглянул в проем — никаких признаков опасности. В слабом свете, падавшем из зала в комнату прорицательницы, он увидел несколько высеченных в мраморе ступеней. Ухватившись за край, он сколько мог оттянул на себя плиту и, вставив в расщелину пола нож, закрепил ее. Затем без тени сомнений шагнул на верхнюю ступеньку. Впереди — ни проблеска, ни звука. Дюжина шагов вниз — и лестница окончилась узким коридором, который уходил прямо во тьму.

Вдруг он остановился, застыл как изваяние, пристально глядя на испещренные фресками стены, едва различимые в таинственном сумрачном свете. Рисунки, несомненно, были выполнены в манере пелиштов: похожие он видел на стенах Асгалуна. Но изображенные здесь сцены не имели с культом пелиштов ничего общего, кроме, пожалуй, часто повторяющейся детали: худого белобородого старика с настолько ярко выраженными расовыми признаками, что невозможно было ошибиться. Похоже, действие на всех рисунках происходило в той или иной части дворца. Несколько фресок изображали одну и ту же комнату, в которой Конан узнал комнату прорицательницы с телом Елайи, распростертом на пьедестале, и с огромными чернокожими, стоящими перед богиней на коленях. А вот в нише за стеной притаился древний пелишт. Были и другие сюжеты: люди или просто шли по пустынному дворцу, или совершали обряды пелиштов, или доставали из подземной реки какие-

то непонятные предметы. Еще несколько мгновений — и Конан замер: прежде непонятные строки древнего манускрипта с ошеломляющей ясностью вдруг засияли в его мозгу. Недостающие фрагменты встали на свои места, тайна Бит-Якина уже не была тайной, исчезновение его слуг — загадкой.

По спине варвара пробежал холодок. Пристальным взглядом он впился в черный провал коридора. Спустя минуту он уже шел по мрачному туннелю, ступая мягко, словно кошка, без тени сомнений в голове; по мере того, как он удалялся от лестницы, тьма вокруг сгущалась. Воздух был насыщен запахом, который он почуял во дворике с гонгом.

Но вот он услышал легкий шорох — то ли шарканье босых ног, то ли шуршание свободных одежд о каменные плиты. В следующий миг его вытянутая вперед рука коснулась преграды, на ощупь — тяжелая металлическая дверь с гравированной поверхностью. Он приналег плечом — дверь не шелохнулась; попробовал отыскать острием меча щелочку — ни единой зацепки. Дверь стояла, как влитая. Тогда он собрал все силы: ноги в узлах напрягшихся мускулов столбами уперлись в пол, жилы на висках вздулись, на лбу выступили капли пота — все тщетно. Этот портал устоял бы и перед натиском слона.

Все еще не желая отступать, он чутким слухом вдруг уловил по ту сторону едва различимый скрип — словно в шарнире проворачивалось ржавое железо. Реакция была молниеносна: практически сам звук, мысль и ответный ход произошли одновременно. Прыжок был легок и пружинист, и не успели его ноги коснуться пола, как что-то большое, грузное обрушилось сверху; каменный пол задрожал, по коридору прокатился жуткий грохот, в тело ударил целый рой осколков. Огромный каменный блок рухнул на то место, где он стоял мгновение назад. Доля секунды на раздумье — и его раздавило бы, как муравья.

Конан прислонился к стене. Где-то там, по ту сторону металлической двери, находится плененная Мьюрела... если она до сих пор жива. Но дверь ему не взломать, а если по-прежнему торчать в коридоре, то на голову может свалиться другой блок, и кто знает, может быть, в следующий раз он будет менее удачлив. Если он превратится в кровавую лепешку, девчонке это вряд ли поможет. Ясно одно: в этом направлении продолжать поиски бессмыслен-

но. Лучше не лезть на рожон, а отыскать окольную лазейку, которая вывела бы его к цели.

Огорченно вздохнув, он заспешил к лестнице. Впереди забрезжил свет. Но только он поставил ногу на нижнюю ступеньку, как свет начал меркнуть и мраморная дверь с шумом захлопнулась. По коридору прокатилось гулкое эхо, затем все смолкло.

Что-то весьма похожее на страх охватило варвара: наглухо запертый в этом черном туннеле, отрезанный от мира, что он мог сделать? Стоя на ступеньке с мечом в руке, он пронзал свирепым взглядом тьму коридора, готовый, если потребуется, дать отпор любым силам — неважно, земные они или потусторонние. Но внизу, во мраке туннеля, все было спокойно: ни звука, ни движения. Быть может, люди по ту сторону двери — если это действительно люди — поверили, что его раздавил каменный блок, выпавший из потолка не без помощи какого-нибудь хитрого механизма?

Но почему тогда закрылась дверь в комнату прорицательницы? Отбросив бесплодные раздумья, Конан начал ощупью пробираться вверх по ступеням; по коже поползли муравьи, с каждым шагом он ожидал получить удар ножом в спину и все эти бесконечные минуты жаждал одного: утопить свой полустрах, полупредчувствие в яростном, беспощадном кровопролитии.

Поднявшись, Конан попробовал сдвинуть плиту — бесполезно. Оставалась последняя надежда — разрубить плиту. И тут, замахиваясь мечом, он левой рукой задел засов — похоже, когда дверь закрылась, тот сам вошел в паз. Киммериец вмиг отодвинул засов, и от первого же толчка дверь приоткрылась. Он вихрем ворвался в комнату; глаза — в узкие щелки, изо рта — звериное рычание: сама свирепость, кровожадность, жажда мести. Но схватки с коварным врагом не получилось: комната была пуста.

Кинжал, оставленный им в щели между плитами, пропал. Пьедестал онустел — Елайя снова исчезла.

— Великий Кром! — пробормотал киммериец. — Неужто она и вправду живая?

Он вышел в тронный зал, потоптался там немного и вдруг, пронзенный внезапной мыслью, быстро прошел за троном и заглянул в альков. На гладком мраморе — там, где он бросил бесчувственное тело Гварунги, виднелись следы крови — и все! Сам чернокожий исчез таким же таинственным образом, как и Елайя.

Глава 4

«ЗУБЫ ГВАЛУРА»

На короткое время разум Конана-киммерийца захлестнула слепая ярость: выручить Мьюрелу оказалось не менее сложным делом, чем овладеть «Зубами Гвалура». В голове вертелась одна мысль: не упустить жрецов. Быть может, непроглядный туман прояснится у тайника с сокровищами, и там он получит подсказку, где следует искать девушку? Правда, надежда была невелика, но все же это лучше, чем бессмысленное блуждание по дворцу без определенной цели.

Конан крадучись шел по широкому, в черных проемах коридору, ведущему к портику, каждый миг ожидая, что затаившиеся по сторонам и за его спиной тени вдруг оживут клыками и когтями — острыми, как стальные клинки. Но ничто, кроме частых ударов его сердца, не нарушало ночной тишины, когда, настороженный, слегка пригнувшись, он появился у входа во дворец на вершине мраморной, в пятнах лунного света лестницы.

Варвар сбежал по широким ступеням, внизу внимательно огляделся: он искал знак, который указал бы ему верное направление. И такой знак нашелся — несколько лепестков упали на газон там, где оружие или свободные одежды прошлись по усыпанной цветами ветке. Трава в том месте была примята чьими-то тяжелыми шагами. Для Конана, который в родных горах охотился по следу за волками, не составило особого труда пройти по следу кешанских жрецов.

След вел от дворца: сквозь густые заросли необычных растений — их крупные цветы в мерцающих бледных лепестках источали экзотический, терпкий аромат; сквозь тускло зеленеющие кусты, от малейшего прикосновения просыпавшихся градом цветов; сквозь узкие заросшие аллеи, пока наконец не вышел к громадной скале, точно замок великана выступавшей из кольцевой гряды в том месте, где та ближе всего подходила ко дворцу, почти невидимому за высокими деревьями и сплетениями лиан. Похоже, тот болтливый жрец все-таки ошибся, утверждая, будто «Зубы Гвалура» спрятаны во дворце. Правда, след уводил его все дальше от Мьюрелы, но с каждым шагом в варваре крепла уверенность, что из дворца во все концы долины протянулись подземные туннели.

Неслышно пробираясь по темно-фиолетовой тени разросшегося кустарника, Конан тщательно обследовал выдававшуюся поверхность скалы, дерзко обнаженную в ярком лунном свете. Склон, круто уходивший вверх, покрывали странные, высеченные в камне изображения уродливых мужчин и женщин, животных и каких-то людей, во многом схожих со зверями, — очевидно, богов или демонов. Манера исполнения, разительно отличавшаяся от всего, что он здесь успел повидать, наводила на мысль, что художник принадлежал к иной эпохе, к иной расе, исчезнувшей за многие столетия до того, как в долину пришел народ, отстроивший Алкменон, и искусство которой, шагнув через тысячелетия, осталось на этих стенах осколками давно забытого прошлого.

Среди ползучих растений в скале зиял большой темный провал — открытая дверь; там же в скале была высечена голова дракона, так что дверной проем являл собой разинутую пасть чудовища. Сама дверь, отлитая из бронзы, весила несколько тонн. Он не заметил никаких замков, лишь по краю массивного портала с внутренней стороны виднелись несколько засовов — как видно, дверь открывалась и закрывалась с помощью особого механизма, секрет которого — он в этом ни на миг не сомневался — знали одни кешанские жрецы.

След показывал, что Горулга с младшими жрецами прошел в эту дверь. Тем не менее, Конан колебался. Дожидаться их здесь? Но что, если дверь закроется перед его носом, а он не сможет найти способ, как ее открыть? С другой стороны, если последовать за ними, жрецы могут оказаться у входа раньше него и закроют его в этой пещере.

В конце концов, отбросив опасения, он проскользнул под большим порталом в пещеру. Где-то здесь, под мрачными каменными сводами, находятся сейчас жрецы, «Зубы Гвалура», а может быть, и ключ к спасению Мьюрелы. Соображения о личной безопасности еще ни разу не смогли удержать варвара от разумного риска.

Лунный свет, падая в открытую дверь, освещал несколько ярдов туннеля. Впереди себя Конан увидел слабые отблески пламени, эхо доносило оттуда обрывки заунывного песнопения. Жрецы ушли не так далеко, как он предполагал. Еще до того, как он вступил во тьму, узкий туннель расширился и превратился в правильной формы пещеру — не очень большую, но с высоким овальным сводом, инкрустированнымфосфоресцирующими кристаллами, как Конан

уже догадался — довольно распространенный способ освещения для архитектуры этого уголка света. Людей в ней не было. В призрачном полумраке киммериец различил изваяние отвратительного, сидящего на корточках полузверя-получеловека, а также черные пасти шести-семи коридоров, выходящих из пещеры. Один из них находился как раз за спиной скрюченной каменной фигуры; само изваяние своими жуткими круглыми глазами смотрело прямо на входящего. В глубине коридора плясали отблески огня. «Наверняка от факелов, — подумал он, — ведь свет от кристаллов был ровным». Доносившееся оттуда пение постепенно набирало силу.

Медленно, крадучись, он миновал пещеру, коридор и очутился у входа в новую пещеру — гораздо больше первой. В ней не было фосфоресцирующих кристаллов, но факелы в руках жрецов давали достаточно света. В центре пещеры помещался массивный алтарь, а за ним — невыразимо мерзкий, вызывающий дрожь ужаса, стоял на четвереньках, точно жаба прильнув к полу, еще один идол. Перед отвратительным божеством стояли на коленях Горулга и десять младших жрецов; распевая тягучими голосами, они били лбами о каменный пол. Конан понял, почему процессия продвигалась так медленно: очевидно, прежде чем приблизиться к тайнику с «Зубами», необходимо было тщательно соблюсти длинный, утомительный ритуал.

Весь в нетерпении, он возбужденно переминался с ноги на ногу, но наконец поклоны и пение прекратились, и, поднявшись с колен, жрецы прошли в коридор, открывавшийся в пещеру за свирепым идолом. Покачиваясь, факелы поплыли под каменными сводами, Конан — легко и бесшумно — за ними. Опасности быть обнаруженным — почти никакой. В тени он невидим, он точно порождение ночи, к тому же жрецы без остатка отдались своим ритуальным забавам. Похоже, они даже не заметили отсутствия Гварунги.

Процессия вошла в третью по счету пещеру — уже совершенно невероятных размеров; ее отлогие стены обегали ряды уступов-галерей. Обряд поклонения возобновился. На этот раз он совершался перед огромным алтарем в честь божества внешне настолько ужасающего и омерзительного, что в сравнении с этим прочие два показались киммерийцу фантазией невинного ребенка.

Конан затаился в черной пасти туннеля, пристальным взглядом обегая стены, на которых плясали огненные блики.

Он увидел вырубленную в камне лестницу — ее ступени вели от уступа к уступу; свод пещеры терялся во мраке.

Внезапно по телу варвара волной пробежала дрожь, пение оборвалось, глаза коленопреклоненных разом оторвались от пола, взгляды устремились вверх. Где-то высоко над их головами под невидимым сводом прокатился мощный нечеловеческий голос. Не поднимаясь, жрецы застыли, на их обращенные вверх лица упал зловещий голубоватый свет, вдруг вспыхнувший на неимоверной высоте у самого свода и с каждым мигом разгоравшийся нульсирующим огнем. Вот свет залил очередную галерею — и из груди верховного жреца вырвался крик, тут же подхваченный срывавшимися голосами его спутников. Там, высоко над их головами, яркая вспышка высветила хрупкую белую фигурку — от ее шелковых одежд и золотых с вкраплениями бриллиантов украшений исходило неземное сияние. Постепенно сильный свет начал гаснуть, пока не превратился в слабое то нарастающее, то вновь ослабевающее свечение; предметы потеряли четкость, и от видения на галерее осталось неясное, бледное пятно.

— Елайя!!! — пронзительно вскрикнул Горулга; его обычно смуглую кожу покрыл пепельно-серый оттенок. — За что ты нас преследуешь? Разве мы не покорны твоей воле?

Отраженный от свода, многократно усиленный и искаженный до неузнаваемости, по галереям скатился зловещий, как из потустороннего мира, голос:

— Горе неверным! Горе продажным детям Кешии! Проклятие на головы тех, кто изменяет своему божеству!

Вопль ужаса взметнулся над кучкой жрецов. Чуть поодаль в свете пылающих факелов стоял Горулга — неподвижный, словно вытянувший шею гриф.

— Я не понимаю! — запинаясь, наконец выдавил он. — Там, в комнате, ты нам сказала...

— Забудь все, что слышал в комнате! — вновь скатился сверху ужасный голос — такой мощный, что казалось, мириады глоток разом кричат, бормочут, шепчут в унисон одни слова. — Берегись ложных пророков и ложных богов! Демон в обличии богини говорил с тобой во дворце, его слова — ложь! А сейчас слушай и повинуйся, ибо я — настоящая богиня и я даю тебе только одну возможность избежать проклятия!

Возьми из тайника «Зубы Гвалура». Все до последнего! Алкменон более не обитель богов: осквернённый дыханием

язычников, он утратил былую святость. Отдай «Зубы Гвалура» стигийцу Татмекри, и пусть тот отнесет их в святилище Дагона и Деркето. Только так можно спасти Кешан от страшных бедствий, уготованных ему демонами Тьмы. Повелеваю тебе: возьми «Зубы Гвалура», немедленно возвращайся в Кешию, там передай сокровища Татмекри, потом отдай приказ схватить чужака Конана и на площади содрать с него живого кожу!

Никто и не подумал усомниться. Стуча зубами от страха, жрецы кое-как поднялись с колен и нестройной толпой, спотыкаясь на каждом шагу, побежали к открытой двери по ту сторону отвратительного идола. Впереди всех бежал Горулга. Вопя и размахивая факелами так, что пламя лизало черные спины, группа жрецов протиснулась в дверь, и скоро торопливое шарканье их босых ног замерло в отдалении.

Конан остался. Его вдруг охватило непреодолимое желание докопаться до сути загадочных явлений, свидетелем которых он стал. Была ли то сама Елайя, как подсказывала ему его природа варвара, — недаром же при звуках этого голоса тыльную часть ладоней покрыл холодный пот! Или это опять проделки Мьюрелы, переметнувшейся на сторону врага? А что, если...

Не успел в черном туннеле погаснуть последний отблеск факела, как Конан рванулся вверх по каменной лестнице. Голубоватое свечение быстро тает, но еще можно различить стоящую на уступе бледно-матовую фигуру. Вот он ступает на галерею. У человека перехватывает дыхание, леденеет в жилах кровь, но он не колеблется ни секунды. Шаг вперед, другой, третий... Весь комок нервов и мускулов, киммериец медленно приближается к богине, и вот он рядом — словно бог Смерти возвышается с занесенным мечом над загадочной неподвижной фигурой.

— Елайя! — прорычал он. — Ха! Мертва, как и всю тысячу лет!

В темном провале коридора за его спиной обозначилась неясная тень. Но чуткий слух киммерийца вовремя уловил внезапный частый топот босых ног. Он повернулся и — гибкий, точно кошка, — увернулся от нацеленного в спину смертельного удара. И только мерцающая в черной руке сталь просвистела мимо его уха, как Конан с яростью разбуженного питона сделал выпад — и его клинок, пронзив убийцу насквозь, вышел у того между лопаток на полтора фута.

— Так-то! — Конан выдернул меч, жертва — разинув рот, захлебываясь кровью, — повалилась на пол. Человек дернулся пару раз и затих. В гаснущем свете Конан увидел эбеновое тело, черное лицо, застывшие черты которого в голубоватых сумерках казались особенно зловещими: он только что убил Гварунгу.

С трупа Конан перевел взгляд на богиню. На уровне груди и колен ее мертвое тело оплетали ремни, накрепко связавшие ее с каменным столбом за спиной, а черные волосы, схваченные за столбом в узел, придавали голове горделивую посадку. Достаточно было отойти на несколько ярдов — и в сумеречном свете тонкие путы терялись из виду.

— Похоже, он пришел в себя, когда я спустился в тунель, — пробормотал Конан. — Наверное, догадался, что я там, потому и вытащил из щели нож, отчего закрылась дверь. — Нагнувшись, он выдернул из коченеющих пальцев внешне похожее оружие, мельком осмотрел и, удовлетворенно хмыкнув, сунул на место — себе за пояс. — Потом забрал Елайю, чтобы с помощью ее трупа одурачить своих братьев по вере. Он-то и прокричал им «волю богов». В пещере с таким эхом мудрено узнать знакомый голос. А что касается таинственного голубого пламени, то где-то я уже видел такой фокус. Известные штучки стигийских жрецов. Должно быть, Татмекри одолжил Гварунге своего огненного зелья.

Гварунга легко мог добраться сюда задолго до своих собратьев. Очевидно, по слухам или благодаря картам, переходившим в среде жрецов из поколения в поколение, он был неплохо осведомлен о расположении пещер и переходов. Скорее всего, вместе с телом Елайи он вошел в первую пещеру вслед за остальными, а потом окружным путем, через вырубленные в чреве скалы коридоры и комнаты, пробрался со своей ношей на галерею. Времени у него было предостаточно: Горулга с подопечными подолгу топтались в каждой пещере, творя свой бесконечный ритуал.

Сумерки сгустились еще больше, и в наступившем мраке проступил другой источник слабого сияния: входной проем одного из выходивших на эту галерею коридоров. Где-то в его глубине находилось скопление фосфоресцирующих кристаллов — Конан узнал их бледное ровное свечение. Коридор уходил в том же направлении, в котором скрылись жрецы, и он решил пойти этим путем вместо того, чтобы спускаться во тьму, заполнившую громадную пещеру. Он был уверен, что рано или поздно тот выведет его на другую

галерею в другой пещере или комнате, куда — кто знает? — быть может, и направляются жрецы. Киммериец вошел в узкий туннель. По мере продвижения вперед сияние усиливалось, он уже различал стены, пол и потолок. Где-то впереди, точно со дна колодца, вновь послышалось пение служителей Елайи.

Внезапно, очерченный ярким свечением, в левой стене показался проем, и до ушей варвара донеслись приглушенные рыдания. Он круто остановился и заглянул туда.

Его глазам открылась пещера — в отличие от прочих, созданных природой, эта была вырублена в монолитной скале руками человека. С куполообразного свода падал ровный белый свет, стены — почти невидимы под густой вязью арабесков все из того же утомлявшего глаз золота.

У дальней стены на гранитном троне, навечно обратя взор к входящему под сводчатый портал, сидел чудовищный, отвратительный до тошноты Птеор, бог пелиштов, отлитый из бронзы, с неестественно большими членами, он словно олицетворял собой все уродство самого культа. А у его ног на каменных плитах распростерлась хрупкая полуобнаженная фигурка.

— Ну и дела, будь я проклят! — пробормотал Конан, пораженный. Окинув подозрительным взглядом комнату и не заметив ни других ходов, ни признаков чьего-либо присутствия, он, бесшумно ступая, приблизился к девушке. Ее нежные узкие плечи вздрагивали от безысходного плача, лицо было спрятано в ладонях, длинные волосы растрепались. От толстых золотых колец на лодыжках идола к браслетам на запястьях девушки сбегали две золотые цепочки. Киммериец положил руку на обнаженное плечо — Мьюрела, вздрогнув, закричала и повернула к нему перекошенное, все в слезах лицо.

— Конан! — Она рванулась к варвару в попытке обнять его, прижаться к этой сильной надежной груди, но ее удержали цепочки.

Он разрубил мягкий металл, выбрав звенья поближе к запястьям, проворчал:

— Придется тебе походить с браслетами, пока я не раздобуду зубило или напильник. Да отлепись ты от меня! Очень уж ты чувствительна для гордой богини. Ну выкладывай, что с тобой стряслось.

— Когда я снова вошла в комнату прорицательницы, — заговорила девушка, едва сдерживая слезы, — я увидела,

что богиня, совсем как в тот, первый, раз лежит на пьедестале. Я крикнула тебя и побежала к двери, но вдруг что-то обхватило меня со спины. Рот зажала волосатая рука, в стене открылся ход, и меня потащили сначала по ступенькам и дальше — по темному коридору. Я ничего не видела, пока меня не протащили мимо металлической двери и я не очутилась в коридоре с потолком, усеянном светящимися камнями, совсем как здесь.

О, я чуть было не упала в обморок, когда их увидела! Настоящие нелюди! Серые, сплошь заросшие волосами, ходят, как мы, а говорят на какой-то дикой тарабарщине — ни один нормальный человек не разберет! Там они остановились, точно поджидая кого-то, вдруг слышу — на дверь с той стороны будто кто-то налег плечом. Тогда одна тварь потянула вниз рычаг в стене, и что-то там с оглушительным грохотом рухнуло.

Потом меня опять понесли по извилистым коридорам, вверх по каменной лестнице, пока наконец не втащили в эту комнату, и здесь приковали к своему ужасному идолу. До сих пор не могу опомниться. Кто они, ты не знаешь?

— Слуги Бит-Якина, — буркнул киммериец. — Ко мне попал один манускрипт, и кое-что я в нем разобрал, ну а когда наткнулся на настенные фрески, то понял и остальное. Бит-Якин был из пелиштов, он вместе со своими слугами пришел в долину уже после того, как ее оставили алкменонцы. Здесь он нашел мертвое тело принцессы Елайи и обнаружил, что кешанские жрецы регулярно навещают ее, чтобы сделать подношения: видимо, уже тогда ее почитали как богиню.

Он сделал из нее прорицательницу и сам от имени богини вещал жрецам из ниши, которую устроил в стене за ее пьедесталом из слоновой кости. Жрецы не подозревали об обмане: они никогда не видели ни самого пелишта, ни его слуг, поскольку те всегда успевали заблаговременно укрыться. Бит-Якин здесь жил, здесь он и умер, а чернокожие так ничего и не узнали. Один Кром ведает, сколько времени он пробыл в этих стенах, но думаю, не меньше нескольких столетий. Мудрецы-пелишты знают секрет, как растягивать срок жизни на века. Я сам видел кое-кого из них. Почему он навсегда остался в этой долине — один, лишь в окружении слуг, и почему взял на себя роль прорицателя — простому человеку не понять. Я полагаю, он затеял это для того, чтобы, объявив город святым местом, уберечь его от заселения

другими народами, а в конечном счете — уберечь свой покой. Сам Бит-Якин питался подношениями жрецов, которые хотели умилостивить свою богиню и не скупились на дары, а его слуги перебивались как могли. В Пантийских горах есть озеро, куда тамошние племена бросают своих мертвецов, а из озера вытекает подземная река. Так вот: эта река протекает как раз под дворцом. У них там проложены вдоль стен галереи и сделаны лестницы к воде — с них-то они и вылавливают проплывающие мимо трупы. Бит-Якин все записал в свой манускрипт и наглядно изобразил с помощью настенных фресок.

Но в конце концов он умер, и слуги, следуя предсмертной воле хозяина, забальзамировали тело и оставили в пещере в скалах. Об остальном нетрудно догадаться. Слуги, которым наверняка также известен секрет долголетия, остались здесь; и когда верховный жрец в очередной раз пришел к богине за пророчеством, то некому было удержать их в узде, и жреца просто разорвали на куски. С тех пор, вплоть до паломничества Горулги, никто не осмеливался приходить к прорицательнице.

Очевидно, слуги время от времени обновляли одежду и украшения богини, как это делал их хозяин. Где-то во дворце должна быть комната, которая запирается наглухо, и там, при соблюдении некоторых условий, можно уберечь шелк от порчи. Это слуги, обнаружив пропажу богини, нашли ее, одели и вернули на место... Да, совсем забыл: они отрезали Зархебе голову и подвесили ее за волосы среди лотосовых деревьев.

Девушка вздрогнула всем телом, и вместе с тем у нее вырвался вздох облегчения:

— Больше он не будет бить меня плетью!

— На этом свете — пожалуй, что да, — согласился Конан. — Но пойдем дальше. Заставив богиню вновь заговорить, Гварунга опрокинул все мои расчеты. И сейчас мне остается одно: следить за жрецами и, дождавшись, когда они завладеют сокровищами, отобрать у них камни. И вот еще что: впредь держись рядом. Не могу же я вечно разыскивать тебя в этом дворце!

— А как же слуги Бит-Якина? — прошептала она со страхом.

— Все равно надо попытаться. Не знаю, что там у них на уме, но пока они не выказывали намерения драться в открытую. Пошли.

Варвар взял девушку за руку, и вдвоем они вышли из комнаты. По мере продвижения по коридору пение жрецов усиливалось, вместе с ним нарастал другой звук — низкий, угрюмый шум водного потока. Наконец они вышли на галерею, протянувшуюся почти под самым сводом большой пещеры. Затаив дыхание, оба осторожно выглянули из-за края уступа на разыгравшуюся глубоко под ними зловещую и фантастическую сцену.

Прямо над их головами мерцали фосфоресцирующие огоньки, в сотне футов внизу раскинулся гладко отполированный пол пещеры. У дальней стены пол обрывался в глубокий, ревущий поток, зажатый в скалистые берега. Вся в бурунах и пене, вода неслась из непроницаемого мрака, разрезала пещеру и снова исчезала в темноте. Водовороты и валы, отражая льющийся со сводчатого потолка свет, словно в россыпях драгоценных камней, как живые, мерцали холодно-голубым, полыхали огненно-красным и переливались всеми оттенками зеленого.

Конан и его спутница стояли на одном из уступов, который короткой галереей протянулся по самому верху стены у основания свода; отсюда, к небольшому уступу в стене, вставшей по ту сторону кипящего потока, на головокружительной высоте через всю пещеру взметнулся легкий арочный мостик — ажурное творение природы. Десятью футами ниже стены пещеры соединяла другая, более широкая арка. С каждой стороны оба основания пролетов соединяли вырубленные в скале ступени.

Взгляд Конана, следуя изгибу мостика от уступа, на котором он стоял, вдруг уловил мерцание, не похожее на зловещий бледный свет от камней в потолке пещеры. На узкой площадке напротив монолитную стену нарушала брешь, сквозь которую в пещеру заглядывали звезды.

Но он лишь отметил про себя эту деталь — и тут же сосредоточил все внимание на людях внизу. Жрецы пришли к цели своего паломничества. Там, в овальном углу пещеры, стоял высеченный из камня алтарь — на этот раз без посаженного сверху идола. Находилось ли какое-нибудь изваяние за алтарем, Конан утверждать не мог: благодаря изгибу стены или игре света весь угол был погружен во мрак.

Жрецы воткнули факелы в отверстия в каменном полу, и перед алтарем на расстоянии нескольких ярдов образовался правильный огненный полукруг. Жрецы встали

полумесяцем внутри освещенного полукруга, а Горулга, воздев к своду руки, пробормотал невнятные заклинания. Затем, склонившись над алтарем, он опустил на него открытые ладони. Край каменного блока начал приподниматься, точно крышка сундука, пока не встал на обращенную к углу плоскость, открыв под собой маленький тайник.

Протянув в углубление длинную руку, Горулга извлек оттуда небольшую медную шкатулку. Вернув алтарь на место, верховный жрец установил на него шкатулку и откинул крышку. Людям на верхней галерее, впившимся жадными глазами в тусклую медь, вдруг показалось, что от его легкого движения из шкатулки во все стороны хлынули струи живого огня, — дрожа и пульсируя, он окружил алтарь сверкающим ореолом. Сердце варвара бешено заколотилось, рука сжала рукоять меча. Наконец-то! Вот они — «Зубы Гвалура»! Сокровище, владелец которого станет самым богатым человеком на земле! Дыхание с шумом прорывалось сквозь его крепко стиснутые зубы.

Внезапно он насторожился: что-то случилось с пламенем факелов и с призрачным мерцанием фосфоресцирующих камней — их свет бледнел, еще немного — и они погаснут вовсе! Отовсюду к алтарю подкрадывалась тьма, и только там, вокруг шкатулки, все усиливалось зловещее сияние «Зубов Гвалура». Чернокожие застыли, обратившись в базальтовые статуи; их неподвижные тела отбрасывали длинные уродливые тени.

Вот сияние камней залило алтарь сверху донизу, в нем резко выделялось окаменевшее от изумления лицо Горулги. И вдруг затаившаяся тьма за алтарем стала рассеиваться, и медленно, вместе с вползающим в угол светом, там проступили неясные, точно возникшие из тишины и ночи, фигуры.

На первый взгляд, серые каменные статуи — неподвижные, волосатые, похожие на человека, но вызывающие лишь отвращение и страх. Однако это были не статуи: груди медленно вздымались и опадали, в живых глазах мерцали искорки холодного огня. Вот сполохи зловещего сияния высветили звериные лица; тут же Горулга издал дикий вопль и, в ужасе вскинув длинные руки, подался назад.

Но над алтарем метнулась чья-то еще более длинная уродливая рука, и узловатые пальцы сомкнулись вокруг его горла. Упиравшегося, не переставшего кричать верховного жреца протащили поверх алтаря, на его голову

железным молотом обрушился огромный кулак — и крики оборвались. Тело — обмякшее, безвольное — распростерлось на каменной плите, из размозженного черепа медленно вытекал мозг. Вдруг будто между Тьмой и Светом прорвало плотину — то слуги Бит-Якина ринулись на пораженных ужасом черных жрецов.

И разразилась бойня — кровавая и беспощадная.

С галереи казалось, что черные тела набиты соломой, — с такой легкостью швыряли их убийцы, против нечеловеческой мощи и проворства которых кинжалы и мечи жрецов были бессильны. Конан видел, как чернокожие взлетали в воздух, как от удара об алтарь раскалывались черепа. Он увидел, как одно из чудовищ, зажав в руке пылающий факел, запихнуло горящий конец в глотку жреца, пока тот, отчаянно извиваясь, тщетно пытался высвободиться, стиснутый лапами другого. Он видел, как человека, точно цыпленка, разорвали надвое и как швырнули обе части тела через всю пещеру. Избиение — стремительное и ужасное — прокатилось по рядам жрецов, подобно урагану. Один кровавый яростный всплеск — и он угас; и лишь один несчастный, чудом избежавший лап чудовищ, с отчаянным воплем бросился по коридору, которым процессия пришла в пещеру. Следом за ним — забрызганные красным, с протянутыми к жертве окровавленными руками — устремились все порождения Ужаса и Тьмы. Беглец с преследователями пропали в черной пасти туннеля, несколько раз оттуда донеслись слабеющие вопли — и наступила тишина.

Мьюрела едва не лишилась чувств — сжавшись в комочек и обхватив руками ноги Конана, она уткнулась лицом в его колени, крепко зажмурив глаза. Ее дрожащая фигурка выражала неподдельный ужас. Варвар, напротив, был полон энергии. Быстрый взгляд на брешь с мерцающими звездами, потом взгляд вниз — туда, где на забрызганном кровью алтаре все еще излучала сияние открытая шкатулка, — и он наметил план, как можно с честью и с поживой окончить это рискованное предприятие.

— Я спущусь за шкатулкой, — отрывисто сказал он. — Жди меня здесь!

— Во имя Митры — не уходи! — В новом приступе страха она повалилась на пол и вцепилась в его сандалии. — Не уходи! Не оставляй меня одну!

— Лежи тихо и не вздумай разевать рот! — отрезал он и резким движением высвободил ноги.

Спускаться по ступеням не было времени. Не думая об опасности сломать себе шею, киммериец стал прыгать с уступа на уступ. Вот его ноги коснулись основания пещеры — вокруг все тихо. Вставленные в отверстия в полу несколько факелов по-прежнему горели желтым пламенем; со свода падал ровный бледный свет кристаллов; а волны реки — все в разноцветных блестках — словно переговаривались между собой на незнакомом языке. Загадочное сияние — предвестник появления слуг Бит-Якина — с их исчезновением померкло. И только камни в медной шкатулке переливались зловещим ярким светом.

Обеими руками Конан схватил шкатулку, одним жадным взглядом окинув ее содержимое, — необычной формы камни, горящие холодным неземным огнем. Варвар захлопнул крышку и, прижав добычу к груди, бросился к каменной лестнице — у него не было ни малейшего желания встречаться с волосатыми слугами Бит-Якина. Он достаточно на них насмотрелся, чтобы сделать заключение об этих тварях как о воинах. Одно непонятно: почему они ждали так долго, прежде чем нанесли по незваным гостям свой сокрушительный удар? Конан отбросил эту мысль: что он — здесь ни один мудрец не разгадает, что движет этими чудовищами. Они на деле показали, что они ровня людям и по уму и по сноровке. К тому же там, на каменном полу пещеры, лежат изуродованные и окровавленные свидетельства их звериной ярости.

Он застал коринфийскую танцовщицу в том же положении, как и оставил — дрожащую и на коленях. Схватив девушку за руку, он рывком поставил ее на ноги.

— Пожалуй, самое время незаметно удалиться.

Парализованная ужасом, не сознавая, что вокруг происходит, Мьюрела покорно ступила за ним на ажурный мостик. И только когда прямо под ними забурлил поток, она, вдруг посмотрев вниз, испуганно вскрикнула и, если бы не Конан, непременно сорвалась бы в пропасть. Он успел свободной рукой обхватить талию девушки и, взяв ее под мышку, потащил безвольное, слабо шевелящееся тело к бреши на другом конце мостика. Не задерживаясь для того, чтобы поставить девушку на ноги, он быстро пошел коротким туннелем, в который открывался проем в стене. Еще немного — и оба оказались на узком уступе с наружной стороны скал, опоясавших долину. Менее чем в ста футах под ними в неверном свете звезд катились волны джунглей.

Конан посмотрел вниз — и не мог сдержать шумного вздоха облегчения. Киммериец не сомневался, что даже вместе с ношей из камней и девушки он без особого труда справится со спуском; а вот подняться в этом месте, пусть одному, навряд ли удалось бы. Он поставил шкатулку — всю в пятнах крови и в ошметках мозгов верховного жреца — и уже приготовился расстегнуть пояс, чтобы привязать к спине драгоценную добычу, как вдруг застыл, сраженный шорохом — зловещим и таким знакомым, — донесшимся из глубины скалы.

— Будь здесь! — отрывисто бросил он испуганной коринфийке. — Не двигайся! — И, вытащив меч, варвар скользнул обратно в туннель. У проема он осторожно заглянул в пещеру.

На середине верхнего мостика он увидел безобразную серую фигуру. Один из слуг Бит-Якина напал на его след. Сомнений нет: тварь видела их и теперь преследует. Драться у входа в коридор, конечно, выгоднее, но дело надо кончить быстро, до того, как подоспеют остальные слуги.

Киммериец вышел на карниз, ступил на мостик. Перед ним — ни обезьяна, ни человек. Согнувшись, волоча ноги, к нему приближался сам Ужас — порождение таинственных безымянных джунглей, раскинувшихся на юге, где в ядовитых испарениях кишела неведомая жизнь, куда не проникла цивилизация, и где в деревянных храмах в честь кровожадных идолов били огромные барабаны. Как древнему пелишту удалось подчинить их своей воле да еще прожить столько времени отрезанным от остального мира — то была загадка из загадок. Впрочем, даже располагай он такой возможностью, варвар не стал бы ломать голову над поиском решения.

Человек и чудовище! Они сошлись на гребне арочного мостика, под которым на глубине ста футов несла бешеные воды черная река. И как только тварь нависла над ним своей серой, точно в проказе обсыпанной белесыми чешуйками тушей, Конан нанес удар, какой наносит раненый тигр — внезапный и стремительный, вложив в него всю силу и всю ярость варвара. Обычного человека такой удар разрубил бы надвое, но кости слуги Бит-Якина были словно из закаленной стали. И все-таки даже закаленная сталь имеет предел прочности. Ребра не выдержали, и из огромной раны заструилась кровь.

Для второго удара не осталось времени. Прежде чем киммериец успел вновь замахнуться или отскочить назад, огромная рука смахнула его вниз с такой же легкостью, с какой щелчком сбивают со стены муху. Он полетел в поток, и шум воды зазвучал в его ушах похоронным звоном; но через несколько футов его отчаянно извивающееся тело ударилось поперек арки нижнего моста. Там оно задержалось на мгновение, покачиваясь, словно в нерешительности, но пальцы левой руки уже вцепились в арочный срез, еще немного — и, подтянувшись, он выбрался на мост, как и всегда, сжимая в правой верный меч.

Вскочив на ноги, он тут же глянул вверх — истекая кровью, чудовище мчалось к узкому козырьку с явным намерением, спустившись по лестнице, соединяющей обе арки, возобновить схватку. У самого уступа тварь вдруг остановилась, поворотив голову в сторону, и Конан с ужасом увидел, что привлекло ее внимание: там, у входа в туннель, со шкатулкой в руках стояла Мьюрела, глаза девушки были широко раскрыты, тело била крупная дрожь.

С победным ревом чудовище одной лапой сгребло девушку под мышку, другой подхватило оброненную ею в страхе шкатулку и, повернувшись, неуклюже затопало обратно по мостику. Крепко выругавшись, Конан заспешил на другую сторону нижнего моста. Мозг занимала одна мысль: во что бы то ни стало догнать тварь до того, как та успеет раствориться в лабиринте переходов, изрезавших чрево скалы.

Но постепенно движения чудовища стали замедляться, словно у механической игрушки, у которой кончается завод. Кровь ручьями текла из широкой раны на груди; зверь, точно пьяный, покачивался из стороны в сторону. Вот он запнулся, начал заваливаться набок и вдруг, сорвавшись, полетел вниз головой. Девушка, шкатулка с драгоценностями выпали из онемевших рук, и в воздухе, перекрывая рычание потока, раздался душераздирающий вопль Мьюрелы.

Туша падающего зверя едва не сбила Конана с моста. Задев ногами каменную арку, чудовище рухнуло в поток; но девушка, ударившись о камень, каким-то чудом сумела зацепиться за край, шкатулка упала на срез арки футах в пяти от нее. Конан оказался между ними: с одной стороны — девушка, с другой — сокровище. Оба — на расстоянии вытянутой руки, и лишь доля секунды на раздумье:

шкатулка опасно раскачивается на самом краю, а Мьюрела висит уже на одной руке, ее лицо со страстной мольбой обращено к нему, глаза — расширены в предчувствии близкой смерти, рот — приоткрыт в немом отчаянном крике.

Конан не колебался, он даже не взглянул на шкатулку, таившую в себе богатства целой эпохи. Со стремительностью, превосходившей бег голодного гепарда, он бросился на камни и в тот миг, когда ослабевшие пальцы соскользнули с гладкого края, успел схватить девушку за руку. Затем одним мощным рывком поставил ее на ноги. Шкатулка, потеряв равновесие, перевалилась через край и, пролетев девяносто футов, с негромким всплеском вошла в воду, где незадолго до нее скрылся слуга Бит-Якина. Клочок пены, брызги и пузыри отметили то место, где навсегда от людских глаз скрылись «Зубы Гвалура».

На сожаления не было времени. Подхватив девушку, словно маленького ребенка, Конан дикой кошкой метнулся через мост и дальше — вверх по вырубленным в скале ступеням. Он уже достиг верхней арки, как вдруг низкое завывание заставило его посмотреть вниз. Из коридорного проема недалеко от алтаря в пещеру волной выкатывались слуги Бит-Якина — с оскаленных клыков каплями стекала кровь. Изрыгая злобное рычание, они ринулись вверх по лестнице, петлявшей от галереи к галерее; но Конан, не слишком церемонясь, перекинул девушку через плечо и, единым духом промчавшись по туннелю, выбежал на козырек, нависший над джунглями. С отчаянным безрассудством, сам точно обезьяна, он заскользил вниз, каким-то чутьем варвара отыскивая опоры и зацепки и ежесекундно рискуя оборваться. Но когда в бреши показались искаженные злобой и яростью морды преследователей, киммериец и девушка уже скрылись в лесу, плотной стеной подступавшему к скалам.

— Ну вот, — сказал Конан, опуская девушку на ноги под надежным зеленым покровом, — теперь можно и отдохнуть. Вряд ли эти твари осмелятся выбраться из своей долины. В любом случае меня здесь возле озерка дожидается славный конь, если, конечно, его еще не сожрали львы... Да чтоб тебе прогневить Крома! Сейчас-то ты о чем ревешь?

Мьюрела прижала к заплаканному лицу ладони, ее плечи сотрясали рыдания.

— Ты потерял свои сокровища, — сквозь всхлипывания донеслось из-под ладоней. — И все из-за меня. Если бы я послушалась тебя и дожидалась на уступе, как ты мне

сказал, тот зверь ни за что бы меня не увидел. Лучше бы ты спас сокровища, а не меня!

— Что ж, может быть, так было бы и лучше, — согласился он. — Ну да ладно, забудем. Все, что прошло, не стоит сожалений. И, будь добра, прекрати ты свой рев!.. Вот так-то лучше. А теперь идем!

— Так ты меня не бросишь? Ты возьмешь меня с собой? — с надеждой в голосе проговорила девушка.

— А что, по-твоему, мне еще остается? — Усмехнувшись, он одобрительным взглядом прошелся по ее ладной фигурке, надолго задержавшись на том месте, где порванная юбка открывала соблазнительную линию бедра цвета слоновой кости. — Ты мне понадобишься для представлений. Возвращаться в Кешию нам не имеет смысла: там уже делать нечего. Мы отправимся в Пунт. Народ Пунта поклоняется какой-то богине, выточенной из слоновой кости, и на всем протяжении реки моет для нее золото. Я им скажу, что Татмекри подговаривает кешанцев напасть на них и сделать всех своими рабами — что, кстати, чистая правда — и что боги послали меня с целью их защитить... скажем, в обмен на хижину, набитую золотом. А если мне удастся незаметно протащить тебя в храм и подменить тобой их слоновокостную богиню, то не пройдет и месяца, как мы разденем их до последней нитки!

ЗА ЧЕРНОЙ РЕКОЙ

Глава 1
КОНАН ТЕРЯЕТ ТОПОР

В лесу стояла такая первозданная тишина, что осторожная поступь обутых в мягкую кожу ног звучала необычно громко. По крайней мере так казалось одинокому путнику, хотя он шел по едва видимой тропе с уверенностью, свойственной лишь искателям приключений, кто исходил немало троп за Грозовой рекой. Это был юноша среднего роста, с открытым лицом и копной взъерошенных темно-желтых волос, не упрятанных ни под шапку, ни под боевой шлем. На нем была одежда, обычная для жителей этих мест: туника из грубой ткани, схваченная в талии ремнем, короткие кожаные штаны и сапоги из выделанной шкуры, едва не доходившие до колен. Из-за голенища торчала рукоять ножа. К широкому кожаному ремню были пристегнуты ножны с коротким тяжелым мечом и сумка из той же мягкой шкуры, что и сапоги. Глаза, скользящие по зеленой бахроме леса, плотной стеной вставшего по обе стороны тропы, смотрели спокойно и холодно. Не отличавшийся высоким ростом, он был, однако, хорошо сложен, а короткие рукава открывали сильные, в узлах мускулов руки.

Человек с уверенностью шагал вперед, хотя между ним и последним жильем, где он останавливался, пролегло уже немало миль, и по мере того, как увеличивалось это расстояние, росла смертельная опасность, точно непроницаемая тень, затаившаяся в древнем лесу.

Он шел почти бесшумно, так что страхи во многом были плодом воображения, хотя с другой стороны даже легкий шорох прозвучал бы набатным колоколом, коснись он ушей затаившегося в засаде врага. Внешняя беспечность была обманчива: глаза и уши были начеку — особенно уши, ибо

самый пытливый взгляд не пробился бы сквозь сплетение ветвей и густых листьев глубже, чем на несколько футов.

Но именно инстинкт прежде природных чувств подсказал ему — опасность! Он замер, рука метнулась к рукоятке меча. Человек неподвижно стоял посреди тропы, затаив дыхание, усиленно пытаясь понять, действительно он что-то слышал или это ему только показалось. В воздухе повисла гнетущая тишина. Ни шороха белки, ни щебета птиц. Затем его взгляд остановился на густом кустарнике, росшим у тропы за несколько ярдов впереди. В лесу было тихо, но он только что видел, как там дрогнула ветка. Коротко остриженные волосы на затылке зашевелились, мгновение он медлил в нерешительности, понимая, что малейшее движение — и из кустов к нему рванется смерть.

Вдруг в гуще листвы раздался глухой звук — как будто рубанули секачом по мясной туше. По кустам прошла неистовая дрожь, и тут же из них со свистом вылетела стрела — отскочив за ствол, путник успел заметить, как та скрылась высоко среди деревьев.

Пригнувшись за стволом, сжимая в руке меч, так что подрагивал клинок, он не отрываясь смотрел на гущу зарослей. Но вот кусты раздвинулись, и на тропу неспешно выступил широкоплечий гигант. От удивления у путника округлились глаза. В обличии обоих было много общего: те же сапоги, те же штаны, правда из шелка, а не кожаные. Но вместо туники — темная кольчуга, а на гриву черных волос был насажен шлем. Этот шлем буквально заворожил юношу: без гребешка по центру, зато по сторонам приделаны два бычьих рога. Ни один мастер из стран, облагороженных цивилизацией, не смог бы сработать такую вещь. Лицо под шлемом также не слишком походило на лицо цивилизованного человека: смуглое, в шрамах, с холодным блеском в голубых глазах, оно прекрасно вписывалось в фон, создаваемый диким, доисторическим лесом. В правой руке человек держал меч, на острие которого алела свежая кровь.

— Эй там, чего прячешься? — крикнул он с выговором, доселе неизвестным путнику. — Все в порядке. Пес был один, без дружков. Так что бояться больше некого.

Все еще нерешительно юноша показался из-за ствола и с опаской уставился на неожиданного спасителя. Рядом с незнакомцем он чувствовал себя на редкость беспомощным и слабым — настолько внушительной была у того внешность: взгляд завораживала эта широкая, точно отлитая из

железа грудь и опаленная солнцем, в буграх и узлах мускулов рука, сжимавшая окровавленный меч. В легких со скрытой угрозой движениях незнакомец напоминал пантеру; удивительно гибкий, он ничем не походил на изнеженных цивилизацией жителей городов и селений — даже тех ее форпостов, что вплотную подступали к землям дикарей.

Повернувшись, он сделал шаг назад и раздвинул ветви. По-прежнему мало что понимая, путник, однако, приблизился и заглянул в кусты. Там лежал человек — низкого роста, темнокожий, мускулистый, из одежды лишь набедренная повязка из львиной шкуры, на шее — ожерелье из человеческих зубов, вокруг запястья — медный браслет. За поясом из львиной шкуры торчала рукоять широкого меча, окоченевшие пальцы сжимали тяжелый черный лук. У человека были длинные черные волосы — и это все, что можно было сказать о его голове, поскольку разрубленный до зубов череп являл собой сплошное месиво из крови и вытекшего мозга.

— Клянусь богами — пикт! — пораженный, воскликнул путник.

Холодно мерцающие глаза испытующе посмотрели на него.

— Ты удивлен?

— Меня предупреждали в Велитриуме и еще поселенцы, живущие при дороге, что эти дьяволы время от времени просачиваются на чужую территорию, но я никак не думал встретить их так далеко от границы.

— Мы всего лишь в четырех милях к востоку от Черной реки, — пояснил положение незнакомец. — А их убивали и в миле от Велитриума. Ни один поселенец от Громовой реки до самого форта Тасцелан не может чувствовать себя в безопасности. Я взял след пса в трех милях к югу от форта этим утром и с тех пор преследовал его. Я подоспел вовремя: он уже натягивал тетиву. Еще миг — и пес пополнил бы тобою Царство мертвых. Но я расстроил его планы.

Широко раскрытыми глазами путник взирал на этого загадочного гиганта: казалось невероятным, чтобы смертный смог выследить и убить лесного дикаря, сам оставаясь незамеченным. Для этого требовалось самому слиться с лесной жизнью, раствориться в ней без остатка, что было немыслимо даже для Конаджохары.

— Ты из гарнизона форта? — наконец спросил он.

— Я не солдат. Я получаю плату и довольствие как полевой командир, но исполняю службу в лесах. Валанн

понимает, что для меня больше подходит патрулировать лес вдоль пограничной реки, чем сидеть взаперти в курятнике, именуемом фортом.

Воин небрежно отшвырнул ногой труп поглубже в заросли, выпрямил помятые кусты и, повернувшись, пошел по тропе. Юноша — следом.

— Меня зовут Балтус, — назвал он себя. — Я был в Велитриуме вчера вечером и пока не решил, что лучше: взять надел или поступить в форт на службу.

— Лучшую землю у Громовой реки уже разобрали, — усмехнувшись, сказал гигант. — Есть много хорошей земли между скалой Скальпа — ты прошел мимо нее за несколько миль отсюда — и фортом, но там опасно: река слишком близко. Пикты пробираются через границу, жгут поселения, режут людей. Бывает, нападают группами. Когда-нибудь они соберутся и выметут из Конаджохары всех поселенцев. Может быть, им это удастся... пожалуй, что так. Вся эта затея с колонизацией — чистое безумие. Ведь есть немало отличной земли к востоку от Боссонийского пограничья. Если бы аквилонцы слегка поурезали владения своих баронов, чтобы посеять пшеницу там, где сейчас охотятся на оленей, то ни к чему было бы переходить границу и отбирать у пиктов их землю.

— Странно слышать такое от человека, состоящего на службе у правителя Конаджохары.

— Дело не во мне, — резко ответил его спутник. — Я наемник. Я со своим мечом там, где больше платят. Я никогда не сеял и никогда не посею пшеницу — во всяком случае, пока найдется жатва моему мечу. Но вы, хайборийцы, вы зашли слишком далеко. Вы захватили пограничные земли, сожгли деревни, перебили людей и отодвинули границу к Черной реке; только я сильно сомневаюсь, чтобы вам удалось удержать то, что вы завоевали, и уж конечно, вам ни за что не продвинуться дальше на запад. Ваш выживший из ума король не представляет, какие здесь условия. Он жмется с отправкой сюда крупных подкреплений, а поселенцам с нашествием объединенных кланов одним не справиться.

— Но ведь среди пиктов междоусобица, — возразил Балтус. — Они никогда не выступят вместе, а с одним кланом мы всегда справимся.

— Пожалуй, даже с тремя, — согласился воин. — Но однажды появится вождь, который объединит тридцать,

сорок племен, как это случилось в Киммерии, когда много лет назад гундермены попытались отодвинуть границу к северу. Они начали колонизировать южные земли Киммерии: победили несколько слабых кланов, построили укрепленный город Венариум... да ты и сам наверняка слышал эту историю.

— Да, действительно, — вздрогнув, ответил Балтус. Память о сокрушительном поражении позорным пятном омрачала победную летопись его воинственного народа. — Мой дядя был в Венариуме, когда киммерийцы захватили стены. В числе немногих ему удалось вырваться из бойни. Он часто рассказывал нам о том черном дне. Варвары, как несметная прожорливая стая, вдруг хлынули с холмов и атаковали с такой яростью, что было невозможно выдержать их натиск. Мужчины, женщины, дети — всех перерезали. Венариум превратился в груду дымящихся развалин — там и сейчас одни руины. Аквилонцы были отброшены за приграничье и с тех пор уже не отваживались нападать на Киммерию... Но ты говоришь так, будто сам там побывал. Или я ошибаюсь?

— Нет, отчего же. — Воин усмехнулся. — Я был там — и в той прожорливой стае, что хлынула с холмов. Мне не было тогда и пятнадцати зим, но мое имя уже звучало на советах старейшин.

Балтус невольно отпрянул в сторону. Неужели человек, спокойно вышагивающий рядом с ним, один из тех вопящих кровожадных дьяволов, которые в тот давний день ворвались в город и пролили потоки крови?

— Ты что же — тоже варвар? — воскликнул он.

Тот не обиделся, а лишь кивнул:

— Я Конан-киммериец.

Страхи прошли. Балтус с живым интересом посмотрел на спутника.

— Я слышал о тебе. — Не удивительно, что пикт так ничего и не заметил — ведь он пал от руки такого же дикаря! По ярости и свирепости киммерийцы не уступали пиктам, но были гораздо смышленее и накопили кой-какие знания. Похоже, Конан немало повращался среди цивилизованных народов, хотя, судя по виду и повадкам, не стал мягче и сохранил в неприкосновенности все примитивные инстинкты. Удивление сменилось восхищением, когда Балтус заметил, как по-кошачьи легко и бесшумно киммериец ступает по земле. Смазанное вооружение ни

разу не звякнуло — в самой густой роще или в сплошных зарослях кустарника Конан мог бы скользить так же неслышно, как любой голый пикт.

— Ты не из гандеров? — скорее подтверждая собственную догадку, чем спрашивая, обратился к нему киммериец.

Балтус покачал головой.

— Я из Турана.

— В Туране есть немало добрых лесных жителей. Но боссонийцы несколько веков стояли между аквилонцами и дикарями с запада, поэтому вам не хватает выучки и жестокости.

Варвар был прав: Боссонийское пограничье с укрепленными деревнями, в которых мужское население состояло из решительных и храбрых лучников, долгое время надежно защищало Аквилонию от племен варваров. Сейчас среди поселенцев, обосновавшихся за Черной рекой, подрастало поколение, способное сражаться с варварами их же оружием, но настоящих воинов набралось бы пока немного. Большинство колонистов, как и Балтус, были скорее крестьянами, чем жителями лесов.

Солнце еще не село, но уже скрылось из виду за густой стеной леса. На тропу наползали длинные тени.

— Мы не успеем дойти до форта, как стемнеет, — обронил Конан. И вдруг: — Тише!

Он круто остановился, замер, слегка согнувшись, меч обнажен — снова дикарь, жестокий, подозрительный, готовый в любой миг крушить врага, отпрыгнуть, впиться в глотку. Балтус и сам все слышал: дикий вопль, оборвавшийся на высшей ноте, — так кричит человек в смертельном ужасе или агонии.

В следующий миг Конан уже мчался по тропе, с каждым прыжком увеличивая расстояние между собой и напрягающим все силы спутником. Балтус хрипло выругался. У себя в Туране он считался неплохим бегуном, однако Конан уходил вперед прямо-таки с оскорбительной легкостью. Но когда в уши ворвался дикий вопль — самый ужасный, какой он мог себе представить, — тут стало не до мелочных обид. Леденящий кровь, как завывание потусторонних тварей, он словно был исполнен скрытого торжества над побежденным человечеством, жутким эхом отдаваясь в темных уголках сознания.

Балтус запнулся, тело покрыл холодный пот. Но Конан не колебался: стрелой метнувшись за поворот тропы, варвар

исчез, и Балтус, вдруг с ужасом осознав, что он остался один на один с этим кошмарным воем, заполнившим весь лес зловещими отголосками, собрал волю в кулак и, взяв немыслимую скорость, помчался вслед за киммерийцем.

Аквилонец едва не налетел на варвара: тот стоял посредине тропы над изувеченным телом. Но Конан смотрел не на труп, распростертый в кроваво-красной пыли у его ног. Пылающие глаза воина прощупывали гущу зарослей по обе стороны тропы.

При виде трупа с губ Балтуса слетело страшное проклятие. Быстрым взглядом он окинул тело — маленький, толстый человечек с вызолоченными сапогами на ногах, одетый, несмотря на жару, в богатую, отороченную горностаем тунику, — как видно, зажиточный купец. На полном бледном лице застыла гримаса ужаса, толстая шея была рассечена от уха до уха, словно по ней прошлись лезвием бритвы. Короткий меч, оставшийся в ножнах, указывал на то, что нападение произошло внезапно, и путник не успел схватиться за оружие.

— Пикт постарался? — прошептал Балтус, отворачиваясь от жуткого зрелища и с опаской вглядываясь в сгущающиеся тени.

Конан покачал головой. Он выпрямился и, сдвинув брови, посмотрел на мертвеца.

— Его настигла лесная тварь. Великий Кром, вот и пятый!

— Что за тварь такая?

— Ты что-нибудь слышал о колдуне пиктов по имени Зогар Саг?

Балтус в недоумении пожал плечами.

— Он живет в Гвавеле, деревушке, ближе других подступившей к Черной реке. Три месяца назад недалеко отсюда он подстерег караван, идущий в форт, и украл несколько вьючных мулов с поклажей — кажется, чем-то опоил погонщиков. Так вот: те мулы принадлежали этому человеку, — Конан небрежно указал на труп у его ног. — Это Тиберий, купец из Велитриума. А груз состоял из бочонков с элем, и прежде чем переправиться через реку, старина Зогар изрядно приложился к одному из них. Один из лесных жителей по имени Соракт выследил его и привел Валанна и с ним трех воинов к тому месту, где в густых зарослях валялся мертвецки пьяный колдун. По настоянию Тиберия Валанн заключил Зогар Сага в тюрьму, то есть

нанес пикту смертельное оскорбление. Но тот каким-то образом перебил стражу и удрал, а после передал весточку, в которой обещал убить Тиберия и тех пятерых, что захватили его в плен, таким ужасным способом, что аквилонцы будут содрогаться не одно столетие при воспоминании о его мести.

Соракт и воины уже мертвы. Соракта убили на реке, а воинов — у самого форта. А сейчас умер и Тиберий. Ни один пикт к этим делам не причастен. У каждой жертвы, кроме Тиберия, недоставало головы — наверняка их черепа украшают сейчас алтарь бога, которому поклоняется Зогар Саг.

— Почему ты уверен, что их убили не пикты?

Конан указал на труп купца.

— Ты, верно, думаешь, что его полоснули мечом или ножом, не так ли? Но посмотри поближе и увидишь, что такую рану мог оставить только коготь. Кожа распорота, а не рассечена.

— Что если пантера... — неуверенно начал Балтус, но Конан нетерпеливо отмахнулся.

— Уж выходец-то из Турана мог бы распознать когти пантеры. Нет, здесь не обошлось без лесной твари, призванной Зогар Сагом, чтобы свершить свою месть. Для Тиберия было непростительной глупостью отправляться в Велитриум одному, да еще на исходе дня. И все жертвы, прежде чем пасть, похоже, прямо-таки цепенели от ужаса. Посмотри сам — признаки налицо! Тиберий ехал по тропе верхом на муле, не иначе как приторочив к седлу добрую связку шкурок выдры на продажу, а тварь напала сзади из кустов — вон оттуда, где сломаны ветки и примята трава.

Тиберий только и успел что вскрикнуть: ему тут же порвали горло, и он отправился торговать шкурками прямиком в царство Теней. А мул умчался в лес. Слышишь треск? Наверняка это он продирается сквозь чащу. Демону не хватило времени, чтобы забрать голову: мы его спугнули.

— Точнее сказать — ты его спугнул, — поправил Балтус варвара. — Должно быть, чудище не так ужасно, раз бросилось наутек от одного вооруженного человека. И все-таки, что если это пикт с каким-нибудь крюком вместо ножа, который, точно коготь, разрывает, а не режет ткани? Ты его видел?

— Тиберий тоже был вооружен, — глухо сказал Конан. — Если Зогар Саг может призвать себе на помощь

демонов, то почему бы ему не научить их, кого следует убить, а кого не трогать. Нет, я его не видел. Я только видел, как раскачиваются ветки зарослей. Но если тебе мало моих слов, смотри!

Прежде чем скрыться, убийца ступил в лужу крови, в которой плавал мертвец, и сейчас на суглинке у края тропы четко виднелся кровавый отпечаток.

— Что скажешь? Похож он на след человека?

В затылке Балтуса противно заколодо. Ни один человек, равно как ни одно животное из тех, что он знал, не могли оставить этот уродливый трехпалый след, чем-то напоминающий отпечаток лапы птицы или ящерицы, но, что совершенно очевидно, не принадлежащий ни тем, ни другим. Стараясь не задеть земли, он растопырил над следом пальцы и удивленно хмыкнул: след далеко выступал за кончики ногтей.

— Что это? — прошептал он. — Никогда не видел зверя, который оставлял бы такие следы.

— И никто не видел, — мрачно ответил Конан. — Это следы болотного демона — они похожи на следы гигантских летучих мышей, что обитают в топях за Черной рекой. В жаркие ночи сильный южный ветер, случается, доносит их вой — должно быть, так вопят только неприкаянные души.

— Что же делать? — спросил аквилонец, с тревогой вглядываясь в быстро сгущающиеся голубоватые тени. Его неотступно преследовала маска животного ужаса на застывшем лице мертвеца. Он терялся в догадках: что это за чудовище, если от одного вида оскаленной пасти, вдруг показавшейся среди кустов, у человека кровь стынет в жилах!

— Нет смысла преследовать эту тварь, — проворчал Конан, доставая из-за пояса трупа короткий топор — обычный спутник лесного жителя. — Я уже пробовал — после того, как он разделался с Соарктом, — но потерял след, не сделав и дюжины шагов. То ли у него выросли крылья и он улетел, то ли провалился сквозь землю прямиком в царство Тьмы — не знаю. За мулом тоже нечего стараться: тот или вернется в форт, или прибьется к чьей-нибудь хижине.

За разговором Конан не забывал орудовать топором. У самого края тропы он срубил пару молоденьких деревцев, каждое длиной футов десять, и несколькими ударами очистил их от веток. Затем отсек кусок дикой лозы, точно змея вытянувшейся среди кустарника, и, обвязав ею одну жердь

в пару футов от края, обмотал вокруг другой и так, перекидывая с жерди на жердь, в несколько минут соорудил грубые, но прочные носилки.

— Уж я позабочусь, чтобы тварь не добралась до головы Тиберия, — прорычал он. — Отнесем тело в форт. Это не больше трех миль. Мы с толстяком всегда недолюбливали друг друга, но я не допущу, чтобы проклятые пикты проделывали всякие гадости с головами белых людей.

К слову сказать, сами пикты, хотя и были смуглокожи, но принадлежали к той же белой расе, однако жители пограничья никогда не считали их за белых.

Конан бесцеремонно бросил на носилки труп бедняги купца, Балтус взялся за один конец, варвар — за другой, и оба быстрым шагом заторопились к форту. С увесистой ношей Конан шагал так же бесшумно, как если бы крался налегке. Завязав ремень купца петлей, он затянул ею обе жерди и сейчас в одной руке нес носилки, в то время как другая сжимала обнаженный меч. Его пытливый взгляд без устали обшаривал мрачные зеленые стены по обе стороны тропы. Тени сгущались. Голубоватый туман скрадывал очертания кустов и деревьев. Лес наполняли сумерки, и с ними словно пробуждались от спячки обитавшие под его покровом таинственные, неведомые создания.

Они отшагали уже больше мили, и крепкие мышцы на руках Балтуса начинали побаливать, как вдруг из чащи леса донесся отчаянный крик.

Конан вздрогнул всем телом, а Балтус от неожиданности едва не выронил носилки.

— Это женщина! — воскликнул он. — Великий Митра, это был голос женщины!

— Просто жена какого-нибудь поселенца заблудилась в лесу, — проворчал Конан, опуская носилки. — Может быть, искала корову, ну и... подожди меня здесь. — И, словно волк на охоте, он скользнул в стену зарослей.

У Балтуса волосы встали дыбом.

— Ждать одному в компании с трупом, когда в лесу рыщет эта тварь?! — воскликнул он. — Нет уж, я с тобой!

И недолго думая, он нырнул вслед за киммерийцем. Конан бросил на него взгляд через плечо, однако возражать не стал, но и не сбавил шага, чтобы подстроиться под своего товарища. Балтус только напрасно сбивал дыхание, кляня на чем свет стоит легкую поступь варвара, — тот будто призрак уходил все дальше, неясной тенью мелькая

среди деревьев. И вдруг Конан очутился на сумрачной прогалине; он остановился, сразу весь подобравшись — зубы оскалены, меч наизготовку.

— Чего стоим? — тяжело дыша, подкатился Балтус; он помотал головой, вытряхивая из глаз капли пота, в правой руке он сжимал рукоять короткого меча.

— Крик шел с прогалины или откуда-то неподалеку, — ответил Конан. — Я всегда точно определяю источник звука, даже в лесу. Но где же тогда...

Внезапно крик повторился, уже у них за спиной, со стороны тропы. Жалобный и пронзительный, он забирался все выше — крик женщины, зажатой в тисках смертельного ужаса, — и вдруг оборвался, сменившись оглушительным издевательским хохотом, который мог вырваться не иначе как из пасти мерзкого чудовища — порождения Тьмы.

— О милосердный Митра... — Мертвенно-бледное лицо Балтуса матовым пятном маячило в сумерках.

Страшно выругавшись, Конан метнулся обратно сквозь заросли; аквилонец, спотыкаясь, ничего не соображая, следом. На полпути, полуослепший, он налетел на вдруг остановившегося киммерийца и отскочил от него, как от железной статуи. Хватая воздух, Балтус услышал свистящее дыхание, прорывавшееся сквозь стиснутые зубы варвара. Тот словно застыл, впившись взглядом в темноту.

Аквилонец выглянул из-за плеча киммерийца — и волосы зашевелились у него на голове. В кустах, плотной стеной подступивших к тропе, что-то двигалось — оно не летело, не ступало ногами, скорее ползло, как змея. Но эта была не змея. Сумерки скрадывали очертания, но было видно, что существо выше человеческого роста и не слишком крупное. От него исходило призрачное свечение, похожее на слабое голубое пламя. Собственно, только это свечение и можно было различить — словно пламя, приняв некую расплывчатую форму, двигалось по мрачному лесу к какой-то заданной цели.

Конан с проклятием метнул топор. Но существо, словно не замечая, скользило дальше. Они наблюдали его всего несколько мгновений — высокое, неопределенных очертаний, точно сгусток призрачного пламени, плывущего среди кустарника. Затем оно скрылось с глаз, и в лесу вновь установилась мертвая тишина.

Издав приглушенное рычание, Конан ринулся сквозь сплетения зарослей к тропе. Пробираясь за ним, Балтус

отметил про себя, что на этот раз проклятия варвара гораздо изощреннее и идут от души. Наконец он увидел киммерийца, стоявшего над носилками с телом Тиберия. Головы у тела больше не было.

— Тварь одурачила нас! — бушевал Конан, в ярости размахивая над головой мечом. — И я-то хорош! Попался как последний дурак! Теперь Зогар украсит свой алтарь всеми пятью головами!

— Но что это за существо, которое кричит как женщина, хохочет точно демон и светится во мраке колдовским огнем? — неуверенным голосом проговорил Балтус, отирая бледное лицо.

— Болотный дьявол, — угрюмо ответил Конан. — Ладно, берись за палки. Доставим в форт то, что осталось. По крайней мере, нести будет легче.

И с этой мрачноватой философской выкладкой он взялся за кожаную петлю и зашагал по тропе.

Глава 2

КОЛДУН ИЗ ГВАВЕЛЫ

Форт Тасцелан стоял на восточном берегу Черной реки, воды которой плескались у самого основания бревенчатой стены. Как и стены, все здания внутри форта, включая главную башню (которую называли так в особо торжественных случаях), были выстроены из бревен. В башне располагался штаб гарнизона, высотой она превосходила стены, и с нее открывался прекрасный вид на окрестности. За рекой лежал огромный и непроходимый как джунгли лес, подступавший к болотистым берегам. На стенах по деревянному парапету день и ночь вышагивали часовые, наблюдая за густой прибрежной зеленью. Изредка среди кустов мелькала фигура человека, но часовые не поднимали тревоги: они знали, что из-за реки за ними тоже непрерывно наблюдают чужие глаза — горящие ненавистью, безжалостные, полные первобытной злобы. Непосвященному лес показался бы безжизненной пустыней, на самом же деле в нем кипела жизнь: под зеленым покровом обитали птицы, змеи, звери и самый свирепый из плотоядных — человек.

Там, в форте, обрывалась цивилизация. Являясь форпостом могущественных гиборейских народов, форт Тасцелан был в то же время крайним оплотом цивилизованного мира на западе. За черной рекой в лесном полумраке царила первозданная тишина: там, в плетеных хижинах, скалились насаженные на шесты человеческие черепа; в деревнях, обнесенных обмазанным глиной частоколом, полыхал ночной костер и грохотали барабаны, а угрюмые люди со спутанными черными волосами и глазами голодных змей молча точили острия копий. Эти глаза нередко с холодным блеском разглядывали из кустов часовых форта. Когда-то на месте форта стояли их хижины — хижины темнокожих; их деревни были разбросаны и там, где сейчас раскинулись поля с бревенчатыми домами светловолосых поселенцев, и дальше до самого Велитриума, пограничного городка с вечно сумбурной жизнью, поднявшегося на берегу Громовой реки, и вдоль берегов реки, очертившей с запада Боссонийское пограничье. К ним наведывались и купцы, время от времени туда забредали босоногие нищие служители Митры, и большинство их умерло там страшной смертью, но вслед за этими пришли солдаты, потом люди с топорами, и наконец в запряженных быками повозках прибыли женщины и дети. Огнем и мечом аборигенов оттеснили сначала за Громовую, а со временем — и за Черную реку. Но темнокожие никогда не забывали, что когда-то Конаджохара принадлежала им...

У восточных ворот Конана и аквилонца окликнула стража. Сквозь частые прутья решетки было видно, как дрожащее пламя факела отражается от гладкой поверхности стального шлема и в темных глазах воина, настороженно оглядывавшего поздних гостей.

— Открывай ворота! — рыкнул Конан. — Своих не узнаешь? — Тупое исполнение приказа неизменно раздражало варвара.

Ворота медленно открылись вовнутрь, и Конан со своим спутником вошли в крепость. Балтус огляделся. Он увидел, что с каждой стороны ворота снабжены башней, выступающей над стенами. Он также обратил внимание на узкие амбразуры, сквозь которые лучники во время штурма могли пускать стрелы, сами оставаясь в безопасности.

При виде зловещей ноши стражники что-то пробурчали и поспешили закрыть ворота. Они так торопились, что древки копий в их руках глухо брякнули друг о друга, и Конан раздраженно спросил:

— Вы что, никогда не видели безголовых мертвецов?

В свете факелов лица воинов казались мертвенно-бледными.

— Это Тиберий! — выпалил один. — Только у него была такая богатая туника. Валерий, ты мне должен пять лунов. — Тут же, довольный, пояснил: — Я говорил ему, когда Тиберий выезжал из ворот на муле, что тот наверняка слышал вой сумасшедшего, потому как глаза у купца были точно стеклянные. Тогда и поспорил, что если он и вернется, то не иначе как без головы.

Загадочно усмехнувшись, Конан сделал знак Балтусу опустить носилки и направился к казармам, аквилонец не отставал ни на шаг. Юноша возбужденно озирался по сторонам, примечая черты незнакомой военной жизни: ряды бараков вдоль стен, конюшни, и лавчонки купцов, и массивный блокгауз, и прочие дома, обступившие площадку, где днем муштровали солдат и где сейчас весело полыхал огонь, вокруг которого развалились свободные от службы воины. Но и они, оставив отдых, присоединились к толпе, быстро собиравшейся вокруг носилок. Стройные тела аквилонских копейщиков и лесных лазутчиков смешались с приземистыми, коренастыми фигурами боссонийских лучников.

Балтус почти не удивился тому, что комендант форта лично принял их обоих. Общество, в котором нерушимо соблюдались законы иерархии, осталось далеко к востоку. Валанн был еще довольно молод и крепко сбит, его лицо с правильными, точно чеканными чертами смотрело холодно и рассудительно — свидетельство упорного труда и немалой ответственности.

— Мне передали, что ты вышел из форта еще до рассвета, — сказал он Конану. — Я уже начал опасаться, что пикты добрались и до тебя.

Варвар недобро усмехнулся.

— Когда настанет время коптить над костром мою голову, об этом будут знать по обоим берегам реки. Вой пиктских женщин, оплакивающих мертвецов, долетит и до Велитриума... Я ходил на разведку и держал уши открытыми. Сегодня целый день за рекой били в барабаны.

— Они каждую ночь бьют, — отозвался комендант, но, посмотрев в глаза киммерийца, нахмурился. Он давно понял, что пренебрегать чутьем этого дикаря — непростительная глупость.

— Прошлой ночью они били по-другому, — проворчал Конан. — И так с тех пор, как Зогар Саг убрался за реку.

— Нам надо было отправить его с подарками домой, а еще лучше — повесить. — Валанн глубоко вздохнул. — Ты ведь советовал, да только...

— Да только, вы гиборийцы, никак не усвоите порядки дикарей, — перебил его Конан. — Ладно, чего сейчас об этом, но знай, что до тех пор, пока жив Зогар, пока он помнит, как потел в вашей тюрьме, мира на границе не будет. Я выследил воина, который пробрался на эту сторону за свежими зарубками на своем луке. А после наткнулся вот на этого парня по имени Балтус, он пришел из Турана вам на подмогу.

Валанн одобрительно окинул сильное тело юноши, отметив про себя выражение его честного, открытого лица.

— Рад приветствовать тебя. Хотелось бы побольше таких. Нам нужны люди, привычные к лесной жизни. Многие солдаты и даже кое-кто из поселян — выходцы из восточных провинций и мало знакомы с лесными обычаями или с сельским трудом.

— «Многие» — не то слово, — проворчал Конан. — Эта крепость битком набита одними неженками. Но сейчас не об этом. Валанн, мы с аквилонцем нашли на тропе мертвого Тиберия. — И в нескольких словах он рассказал об ужасном происшествии.

Валанн побледнел.

— Я не знал, что он вышел из форта. Должно быть, он сошел с ума!

— Так оно и было, — ответил Конан, — как, впрочем, и с остальными. Каждый, когда наступал его черед, сходил с ума и мчался в лес навстречу смерти — совсем как кролик, который сам лезет питону в пасть. Что-то позвало их из глубины леса, все они слышали то, что за неимением других слов прозвали здесь «зов безумного», причем слышат его только обреченные на гибель. Зогар Саг прибегнул к чарам, которые не в силах преодолеть цивилизованные аквилонцы.

Валанн не нашелся, чем ответить на выпад. Он нервно вытер со лба пот.

— Солдаты знают об убитом?

— Мы оставили труп у восточных ворот.

— Лучше бы вы зарыли его где-нибудь в лесу — люди и так как на иголках.

— Они бы все равно узнали. Если бы я спрятал тело, его доставили бы в форт, как это было с трупом Соракта: привязали бы снаружи к воротам, а утром его обнаружила бы стража.

Валанн вздрогнул. Отвернувшись, он подошел к узкому окну и стал молча смотреть на черные воды реки, слабо мерцающие под ночным звездным небом. За рекой непроницаемой стеной встали джунгли. Тишину нарушил отдаленный вой пантеры. Ночь непомерной тяжестью давила на плечи, грудь, виски, приглушая говор солдат на плацу и яркое пламя костра. В ветвях шептался ветер, теребя гладь воды. Он приносил с собой глухие, мерные удары — зловещие, как мягкая поступь леопардовых лап.

— А собственно, — заговорил Валанн, как бы размышляя вслух, — что мы вообще знаем — да и не только мы — о том, что скрывают в себе джунгли? До нас доходят лишь неясные слухи о гиблых болотах и мутных реках, о бесконечном лесе, который, через горы и равнины, простирается до самого побережья Западного океана. Даже представить себе невозможно, какие твари могут обитать на этих пространствах между Черной рекой и побережьем. Из белых, что дерзнули углубиться в джунгли, ни один не вернулся, так что узнать не от кого. Мы со своими знаниями достигли многого, но на западном берегу все наши премудрости не стоят ломаной монеты. И кто знает, какие силы — земные или сверхъестественные — затаились во мраке за чертой тусклого круга наших знаний?

Мы можем лишь догадываться, каким богам поклоняются в этом доисторическом лесу, какие дьявольские твари выползают из жижи топей. Да и земные ли они создания — обитатели этой черной страны? Над Зогар Сагом в восточных городах немало потешались, принимая его заклинания за бормотания заезжего факира, однако он необъяснимым образом довел до безумия и убил вот уже пятерых. Порой я начинаю сомневаться, человек ли он.

— Если я выйду на него на расстояние броска топора, то, думаю, сумею разрешить твои сомнения, — прорычал Конан, изрядно угостившись вином и протягивая кубок с остатками Балтусу; тот, украдкой посмотрев на коменданта, нерешительно принял кубок.

Отвернувшись от окна, Валанн бросил на варвара задумчивый взгляд.

— Странно. Солдаты, которые не верят ни в привидения, ни в дьявола, на грани паники от страха. А ты, верящий в духов, упырей, гоблинов и прочую бесовщину, похоже, не боишься никого из них.

— Да потому что я уверен, что перед холодной сталью все равны, — ответил Конан. — Я метнул в демона топор, а тому хоть бы что. Но в сумерках я мог и промахнуться, или какая-нибудь ветка помешала. Я не собираюсь бросить все и заняться охотой на дьяволов, но уж если кто из них и попадется, то будь уверен — своего не упущу.

Валанн поднял голову и встретил открытый взгляд варвара.

— Конан, ты даже не представляешь, как много от тебя зависит. Тебе известны местные условия и связанные с ними сложности — все от того, что наша провинция узким клином врезается в первобытную дикость. Ты знаешь, что жизни людей, поселившихся к западу от пограничья, зависят от этого форта. Если он падет, красные топоры вопьются в ворота Велитриума раньше, чем всадник покроет пограничье. Его величество, или же советники Его величества, оставили без внимания мою просьбу о подкреплении. Они понятия не имеют, насколько трудна здешняя жизнь, и потому предпочитают тратить деньги на что угодно, но только не на укрепление границы. Так что судьба пограничья сейчас целиком зависит от нас.

Ты знаешь, что большую часть войска, завоевавшего Конаджохару, отозвали обратно. Ты знаешь также, что имеющихся под моим началом сил совершенно недостаточно для надежной охраны границы, особенно с тех пор как Зогар Саг ухитрился отравить колодец и у нас за один день умерли сорок человек. Из оставшихся в живых одни больны, других укусила змея, а третьим досталось от дикого зверья, которым так и кишат окрестности форта. Дошло до того, что солдаты начали верить похвальбе Зогара, будто по одному его слову лесные твари могут убить всех его врагов.

У меня сейчас три сотни копейщиков, четыреста боссонийских лучников и человек пятьдесят таких, как ты, лесных лазутчиков. Каждый из вас стоит десятка обычных воинов — беда в том, что вас слишком мало. Нет, правда, Конан, положение ухудшается с каждым днем. Солдаты подбивают друг друга на дезертирство, они совсем пали духом, уверенные, что это Зогар Саг натравил на них своих

демонов. К тому же колдун пригрозил напустить на форт черную чуму — ужасную черную смерть, обитающую в непроходимых болотах. Всякий раз, когда я вижу больного солдата, я холодею от ужаса: что, если вот сейчас, прямо на моих глазах, он почернеет, иссохнет и умрет?

Конан, если на нас напустят чуму, здесь не останется ни одного солдата! Граница останется незащищенной, и тогда ничто не сможет удержать темнокожие племена от набегов на Велитриум, а может быть, и дальше в глубь страны! И если мы, солдаты пограничья, не сумеем отстоять форт, то как они смогут удержать город?

Конан, Зогар Саг должен умереть, иначе нам не удержать Конаджохару. Больше медлить нельзя. Ты дальше других забирался в дикий лес, ты знаешь, где находится Гвавела и кое-какие тропы по ту сторону реки. Я дам тебе людей. Выступишь этой же ночью. Попробуй захватить колдуна в плен, а не получится — убей. Понимаю, что мое предложение — чистое безумие. Существует не больше одного шанса из тысячи, что вам удастся вернуться живыми. Но если мы не покончим с ним, нам всем конец. Можешь взять столько воинов, сколько пожелаешь.

— В подобном предприятии от дюжины больше проку, чем от полка, — ответил Конан. — Пяти сотням в Гвавелу не пробиться, а дюжина сможет незаметно подкрасться к деревне и позже ускользнуть от погони. Я хочу сам выбрать воинов. Мне не нужны случайные люди.

— Возьми меня! — горячо воскликнул Балтус. — У себя на родине я всю жизнь охотился на оленей.

— Хорошо. Валанн, мы будем есть за столом, где собираются лазутчики, там и отберу людей. Из форта выйдем в течение часа. Спустимся по реке ниже деревни и подкрадемся к ней лесом. Если останемся живы, вернемся до рассвета.

Глава 3

СКОЛЬЗЯЩИЕ ВО ТЬМЕ

Река неясной лентой вилась между черных стен. Лопасти весел уходили в воду бесшумно, как клювы цапель, и длинная лодка, скрытая густой тенью деревьев, быстро

продвигалась вдоль восточного берега. В плотных сумерках широкие плечи сидящего перед ним человека казались Балтусу окрашенными в лиловый цвет. Он знал, что в окружавшей их тьме даже зоркие глаза застывшего на носу лодки варвара видят вперед не дальше, чем на несколько футов. Конан прокладывал путь, целиком положившись на инстинкты и на свое знание жизни на реке.

Все молчали. Балтус успел хорошо присмотреться к будущим спутникам еще до того, как все незаметно выскользнули за стену и спустились к реке, где для них было приготовлено каноэ. Они были из тех, кто вырос в суровом мире пограничья, кого жестокая необходимость заставила накрепко усвоить законы леса. Все до последнего аквилонцы, они имели в своем облике много общего. Одеты были одинаково: кожаные штаны, рубашка из оленьей шкуры, схваченная в поясе широким ремнем с заткнутым топором и ножнами для короткого меча, на ногах — мягкой кожи мокасины; тела — поджарые, исполосованные шрамами и мускулистые; все молчаливые, с тяжелым взглядом.

В известном смысле тоже дикари, их, однако, отделяла от Конана огромная пропасть. Изначально дети цивилизации, аквилонцы вернулись к полуварварскому состоянию в силу обстоятельств, в то время как Конан был прямым потомком тысячи поколений варваров. Они приобрели повадки дикаря со временем — он обладал ими с рождения. Он выделялся среди них гибкостью и отточенностью движений. И если аквилонцы были сродни волкам, то сам Конан — тигру.

Балтус не переставал восхищаться и аквилонцами и их предводителем, он был в восторге от того, что его приняли как равного. Юноша с гордостью отметил, что ступает так же бесшумно, как и его товарищи. По крайней мере, в этом он оказался на высоте, хотя мастерство охотников Турана не шло ни в какое сравнение с мастерством лазутчиков из пограничья.

Чуть ниже по течению река образовывала широкую излучину. Огни форпоста скоро скрылись из виду, но каноэ продолжало плыть еще с милю, с непостижимой легкостью обходя коряги и плавающие бревна.

Затем в тишине послышалась глухая команда, нос лодки повернулся, и она быстро заскользила к противоположному берегу. После непроницаемой тени от кустов, густой бахромой росших у уреза воды, появление на открытой со всех сторон стремнине на первый взгляд выглядело безумием:

казалось, еще миг — и они будут обнаружены! Но скоро Балтус успокоился: если кто в ту минуту и наблюдал за рекой, то в тусклом свете звезд даже самый пытливый глаз не смог бы рассмотреть пересекающее реку каноэ.

Волна качнула каноэ под разросшиеся у самого берега кусты. Ощупью найдя торчащий из воды корень, Балтус вцепился в него руками. Никто не проронил ни слова. Каждый получил необходимые указания еще до того, как отряд лазутчиков покинул форт. Словно огромная пантера, Конан бесшумно скользнул за борт и исчез в кустах. Вслед за ним, также ничем не нарушая тишины, последовали еще девять человек. Юный аквилонец, не выпускавший из рук коряги, не верил своим ушам: казалось невероятным, чтобы в таком сплетении зарослей без единого звука смогли бесследно раствориться десять воинов.

Он приготовился ждать. С ним — еще один воин, оба сидели не шелохнувшись, не раскрывая рта. Отсюда, примерно в миле к северо-западу, окруженная непроходимыми лесами, стояла деревня Зогар Сага. Балтус четко усвоил отданное ему распоряжение: вместе с еще одним воином дожидаться возвращения команды лазутчиков. Если Конан с остальными не вернется к началу рассвета, эти двое должны изо всех сил грести обратно в форт и там сообщить, что лес в очередной раз взял свою жатву. Вокруг стояла гнетущая тишина. Лес, невидимый за черной громадой нависших кустов, не издавал ни звука. Барабаны смолкли. Балтус вдруг понял, что они молчат вот уже несколько часов. Не сознавая того, он все время щурился, пытаясь проникнуть за плотную завесу мрака. Ночная сырость от реки и влажные лесные испарения будили в его душе тревожные предчувствия. Где-то, совсем рядом, плеснула вода, словно большая рыба, ударив хвостом, ушла на глубину. Похоже, рыба даже задела борт: ему почудилось, что по лодке пробежала легкая дрожь. Корма, чуть покачиваясь, начала отходить от берега. Должно быть, его напарник умудрился выпустить из рук корягу. Повернув голову, Балтус шепотом выразил свое недовольство; в двух футах от него виднелся размытый сгусток черной тени — его товарищ.

Тот ничего не ответил. Подумав, что тот просто-напросто уснул, Балтус вытянул руку и коснулся плеча воина. К его удивлению, от легкого прикосновения тело воина качнулось и безвольно осело на дно каноэ. Сердце юноши

бешено заколотилось. Он осторожно повернул воина на бок и быстро пробежал по нему кончиками пальцев. Вот его пальцы коснулись шеи — и лишь мгновенно стиснутые зубы удержали рвущийся из горла крик! Пальцы наткнулись на страшную кровавую рану: шея напарника была перерезана от уха до уха.

Объятый ужасом, Балтус хотел было вскочить, но вдруг из мрака возникла мускулистая рука и, оплетя пальцами его шею, со страшной силой сдавила горло. Крик замер, не родившись. Лодка неистово раскачивалась. В руке Балтуса очутился нож, каким-то чудом выхваченный из-за голенища; и он ударил — вслепую, яростно! Он ощутил, как сталь пронзила ткани тела, и в тот же миг его оглушил звериный вопль, подхваченный десятком глоток. Тьма вокруг словно ожила. Оглушительно заплескала вода, и тут же в него вцепились сразу несколько рук. Под массой карабкающихся тел каноэ резко качнулось, но прежде чем аквилонец слетел в воду, что-то с силой ударило его по голове. На краткий миг его ослепили вспышки разноцветных молний, и сразу навалилась тьма, в которой не осталось места даже звездам.

Глава 4

ЗВЕРИ ЗОГАР САГА

По мере того как прояснялось сознание, перед глазами снова заплясал огонь. Он зажмурился, помотал головой. От ярких вспышек разболелись глаза. В ушах нарастал неясный шум, который постепенно разбился на отдельные голоса. Он приподнял голову и, с трудом разлепив веки, тупо посмотрел по сторонам. Вокруг него, очерченные языками пламени, застыли темные фигуры.

Память и понимание происходящего острой иглой вонзились в мозг. Он стоял, привязанный к столбу, в окружении каких-то ужасных, свирепого вида существ. За кольцом неподвижных фигур горели костры, поддерживаемые обнаженными темнокожими женщинами. Дальше утоптанной площадки виднелись крытые тростником хижины со стенами из прутьев, обмазанных глиной. За хижинами встал частокол с широкими воротами. Но он лишь мельком отметил про себя эти подробности. Даже темнокожие силуэты женщин с

причудливо сбитыми волосами не привлекли его внимания. Он не сводил глаз с жутких фигур с горящими как угли глазами, обступивших его плотным кольцом.

Небольшого роста, широкоплечие, со впалой грудью и узкими бедрами, они были совершенно голые, если не считать набедренной повязки из львиной шкуры. В свете костров аквилонец видел, как играли узлы мускулов, выступающие под смуглой кожей. Темные лица сохраняли неподвижность, но в щелках глаз пылал огонь, какой пылает в глазах следящего за жертвой тигра. Черные гривы волос были схвачены на затылках лентами цвета меди. Пальцы сжимали мечи и топоры. Руки и ноги некоторых из них были обмотаны тряпьем. Как видно, совсем недавно они побывали в схватке — жестокой и кровавой.

Не в силах вынести огонь горящих, точно угли, зрачков, он опустил глаза — и едва не закричал от ужаса! В нескольких футах от столба возвышалась невысокая зловещая пирамида из окровавленных человеческих голов. Мертвые, остекленевшие глаза смотрели в черное небо. Среди обращенных в его сторону голов он с ужасом увидел лица воинов, сопровождавших Конана. Он не мог сказать наверняка, была ли в той пирамиде голова самого киммерийца. Ему были видны лишь несколько лиц. Похоже, что там было по меньшей мере голов десять-одиннадцать. Юношу охватила слабость. К горлу подступила тошнота. Рядом с пирамидой лежали тела полдюжины пиктов. Все стало ясно: лес собрал новую жатву.

Отвернувшись от страшного зрелища, он вдруг увидел неподалеку другой столб — тоже черный, как и тот, к которому он был привязан. Там на веревках висело тело человека в одних кожаных штанах, в котором Балтус узнал одного из лазутчиков Конана. Из его рта стекала струйка крови, бок был обезображен рваной раной. Приподняв голову, он облизал синевато-багровые губы и, с трудом перекрывая зловещий ропот толпы пиктов, хрипло произнес:

— Значит, ты тоже попался!

— Они подкрались по воде и перерезали горло напарнику. Мы так ничего и не услышали, пока на нас не накинулись. Великий Митра! Они ходят неслышно, будто призраки!

— Они — сущие дьяволы! — прохрипел воин. — Похоже, они нас заметили, когда мы выплыли на середину

реки, и потом уже не выпускали из виду. Мы угодили в западню. Не успели опомниться, как нас утыкали стрелами. Большинство умерло на месте. Трое или четверо вломились в кусты и схватились врукопашную. Но врагов было слишком много. Жаль, что меня не прикончили сразу — так было бы гораздо лучше. Конану, кажется, удалось скрыться. Во всяком случае, его головы здесь нет. Я на него не в обиде. В другое время нам удалось бы подкрасться незаметно. Обычно так далеко от форта они за берегом не наблюдают. Скорее всего, мы напоролись на большой отряд, который возвращался вдоль берега с юга. Милые шуточки судьбы. Но откуда здесь столько пиктов? Я вижу, здесь дикари не только из Гвавелы, но еще из племен на западе, с верховьев и с низовьев реки.

Балтус медленно огляделся. Он мало что знал о жизни пиктов, но тоже вдруг с удивлением обнаружил, что вокруг сгрудилось гораздо больше воинов, чем обычно приходится на одну деревню. Хижин на всех явно не хватало. Приглядевшись, он обнаружил некоторые различия в боевой раскраске — в зависимости от того, к какому племени принадлежал тот или иной дикарь.

— Вот увидишь, не иначе как затевают какое-нибудь грязное действо, — проговорил воин у соседнего столба. — Должно быть, это они собрались полюбоваться на колдовство своего Зогара. А тот уж, будь уверен, не упустит случая показать на нас свое могущество. Я всегда знал, что на границе не приходится рассчитывать на смерть в постели, но право жаль, что мы не последовали за остальными вовремя.

Внезапно волчье урчание сменилось единодушным воем, и по волнению в рядах дикарей, по их неистовому восторгу и телодвижениям Балтус понял, что появилась важная персона. Чуть не свернув себе шею, он обнаружил, что столбы стояли перед длинной хижиной, гораздо больше прочих, крышу которой украшали человеческие черепа. В широких дверях хижины кружилась в танце нелепо разодетая фигура.

— Зогар! — выдохнул лазутчик, его окровавленные черты заострились, в напрягшееся тело впились веревки. Балтус увидел худого человечка среднего роста, почти невидимого за множеством страусовых перьев, привязанных к доспехам из кожи и меди. Из гущи перьев выглядывало злобное, уродливое лицо. Балтус был озадачен. Он знал,

что такие перья привозят с юга, чуть ли не с другого конца света. Колдун подпрыгивал и приседал, а вместе с ним зловеще колыхались и шуршали перья.

Неистово отплясывая свой дикий танец, колдун вошел в кольцо темнокожих фигур и закружился перед замершими, безмолвными пленниками. Будь это кто другой, его прыжки показались бы нелепыми — обычное кривлянье выжившего из ума шамана. Но злобное лицо, горящие ненавистью глаза придавали разыгравшейся сцене мрачный оттенок. Такое лицо могло принадлежать лишь порожденью Зла — и никому другому!

Внезапно колдун остановился, замер как статуя; перья, взлетев в последний раз, разом опали. Вой оборвался, в воздухе повисла тишина. Зогар Саг — прямой и неподвижный — стоял перед пленниками; казалось, он растет и ширится прямо на глазах. Балтусу вдруг почудилось, что пикт, возвышаясь над ним, презрительно усмехается с высоты своего огромного роста, хотя — он это знал наверняка — шаман едва ли достигал его плеча. Усилием воли он сбросил с себя наваждение.

Шаман забормотал; его голос — хриплый, гортанный — вместе с тем походил на шипение кобры. Вот его голова на тонкой, длинной шее задергалась у самого лица раненого воина, глаза заполыхали красным, точно лужицы крови в свете факелов. Не сдержав отвращения, аквилонец плюнул прямо в маячившее перед ним мерзкое лицо.

С пронзительным воплем колдун подпрыгнул на месте — над толпой дикарей взметнулся к небесам яростный рев! Все ринулись к столбу, но шаман взмахом руки остановил соплеменников. Он прорычал несколько слов, и четверо дикарей помчались к воротам. Распахнув створы, они так же быстро вернулись и растворились в толпе. Людское кольцо разомкнулось; давя друг друга, дикари в спешке отступали в стороны. Балтус увидел женщин и голых детей, в панике бегущих к хижинам. Укрывшись за стенами, они украдкой выглядывали из дверей и окон. От столбов к открытым воротам пролегла широкая полоса, за которой черной стеной встал лес; таившийся в его глубинах мрак ворвался в брешь ворот и темными сгустками расползся по углам.

В воздухе повисла напряженная тишина. Повернувшись к лесу, Зогар Саг привстал на цыпочки и исторг из груди нечеловеческий, зловещий вопль, многоголосым эхом прока-

тившийся во мраке ночи. Откуда-то из самой глубины чащи раздался низкий ответный рев. Балтус вздрогнул. Такой рев мог принадлежать кому угодно, только не человеку. Он вспомнил слова Валанна о том, что Зогар похвалялся, будто может подчинить своей воле любого, даже самого свирепого зверя. Окровавленное лицо воина стало мертвенно-бледным. Он судорожно облизал пересохшие губы.

Поляна затаила дыхание. Зогар Саг стоял, не шелохнувшись, в ореоле чуть вздрагивающих перьев. И вдруг в воротах возникла чья-то тень.

Вздох ужаса пронесся по деревне, люди в страхе подались назад; давя друг друга, они пытались укрыться за стенами хижин. Балтус почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. В открытых настежь воротах стоял зверь — живое воплощение ночного кошмара. Он был необычного белесого цвета, из-за чего казался полупрозрачным призраком. Но низко посаженная голова чудовища с длинными, кривыми клыками, поблескивающими в языках огня, меньше всего походила на голову призрачного существа. Бесшумно ступая на мягких лапах, он приближался к пленникам — фантом, явившийся из сумрачного прошлого. Это был выходец из далеких времен, ужас многих легенд — огромных размеров саблезубый тигр-людоед. Вот уже несколько веков, как ни один охотник Гибореи не встречал на тропе это доисторическое создание. Древние мифы наградили этих животных сверхъестественной силой, по-видимому, за жуткий цвет их шкуры и не сравнимую ни с чем свирепость.

Зверь, скользящей походкой подступавший к аквилонцам, был несравненно крупнее обычного полосатого тигра — почти как медведь. Невероятно развитые плечи и массивные передние лапы придавали ему неустойчивый вид, хотя задняя часть туловища была гораздо мускулистее туши льва. Огромная пасть и грубой формы голова говорили о неразвитом мозге. В нем не нашлось места другим инстинктам, кроме инстинкта разрушения. Это был зловещий каприз природы, уродливое отклонение в эволюционной цепи плотоядных, выродившееся в кровожадный кошмар из клыков, зубов и когтей.

Зогар Саг вызвал из леса одно из своих чудовищ! Балтус больше не сомневался: так, значит, шаман и в самом деле обладает магической силой! Ибо только темные силы могли подчинить себе волю этого зверя с крошечным мозгом и

несокрушимой мощью. В глубине сознания смутной тенью всплыло имя давно забытого древнего бога Тьмы и Ужаса, которому в первобытные времена были подвластны и люди и животные, и чьи последыши — как о том ходили упорные слухи — до сих пор обитают в недоступных уголках мира. И ярость в глазах юноши, устремленных на Зогар Сага, сменилась страхом.

Вот зверь миновал распростертые на земле трупы и пирамиду из окровавленных голов — казалось, он их даже не заметил. Как видно, он не питался мертвечиной. Его притягивала только жизнь, в агонии которой был весь смысл его существования. В немигающих зеленых глазах горел вечный голод — голод не столько пустого желудка, сколько ненасытной потребности убивать! Из раскрытой пасти стекала слюна. Сделав шаг назад, шаман указал рукой в сторону раненого воина.

Огромная кошка присела на задние лапы, и тут Балтус вдруг вспомнил услышанный еще в детстве рассказ о наводящей суеверный ужас свирепости зверя: как во время охоты на слона тот, запрыгнув на исполина, так глубоко вонзает свои клыки-сабли в череп животного, что уже не может их вытащить и в конце концов, прикованный к своей жертве, умирает голодной смертью... В этот миг колдун что-то резко выкрикнул, и с оглушительным рычанием чудовище прыгнуло к жертве.

Балтус никогда прежде не видел такого прыжка: ему показалось, будто в воздух взметнулся чудовищный сгусток железных мускулов с острыми как бритва когтями — само воплощение всеразрушающей силы. Всей своей мощью зверь обрушился на грудь воина; от удара столб треснул, сломался у основания и с грохотом рухнул на утоптанный плац. Слабо рыкнув, саблезубое чудовище направилось к воротам, волоча по земле кровавые ошметки — все, что осталось от человека. Парализованный ужасом, юноша смотрел вслед уходящему зверю, мозг отказывался воспринимать то, что видели глаза.

Прыжок был настолько мощным, что зверь не только переломил толстый столб, но и оторвал привязанную к нему жертву. Острые когти, лишь коснувшись, вспороли тело раненого — едва не рассекли его надвое, — а огромные клыки срезали полголовы с такой же легкостью, как если бы они вошли не в кость, а в мясо. Широкие сыромятные ремни порвались, как бумажные ленты, а там, где уцелели, не вы-

держали кости и плоть. Балтуса вырвало. За свою недолгую жизнь он поохотился и на пантер и на медведей, но у него и в мыслях не было, что еще обитают звери, способные в мгновение ока превратить живого человека в кровавое месиво.

Саблезубый гигант исчез за воротами, и минуту спустя лес огласило низкое, постепенно удаляющееся рычание. Перепуганные насмерть пикты подались глубже в тени за хижинами, один шаман стоял неподвижно, обратившись лицом прямо к черной пасти открытых ворот.

Внезапно кожу юноши покрыл холодный пот. Какой зверь войдет сейчас в эти ворота? Какая тварь превратит в падаль его молодое сильное тело? Разум захлестнула волна паники, он весь напрягся, тщетно пытаясь разорвать ремни. За чертой света затаилась ночь — таинственная, угрожающая. Пламя костров, отбрасывая зловещие блики, казалось пламенем ада. Он чувствовал устремленные на него глаза пиктов — сотни голодных, жестоких глаз, в которых — он знал это — не отражалось ни одной мысли — одна лишь жажда убийства. Они меньше всего походили на людей; скорее порождения Тьмы, заселившие эти мрачные джунгли, — такие же бесчеловечные, как и те твари, к которым обращал свои вопли изверг, разряженный в страусовые перья.

И вновь в ночи прозвучал зов колдуна — ни в чем не похожий на первый, он был полон зловещего шипения и свиста. Балтус похолодел: он понял, какую смерть уготовил ему Зогар Саг. Если бы змея могла шипеть так же громко, она издавала бы точно такое шипение.

Черный лес безмолвствовал; поляна затаила дыхание, лишь в ушах юноши тяжелым молотом билось сердце. Но вот в гробовой тишине послышался шорох — нарастающее шуршание сухих листьев, от которого пленника бросило в холодный пот, — и в воротах показалась новая тварь.

И снова Балтус узнал чудовище древних легенд. Там, на границе света и мрака, оторвав от земли треть туловища, раскачивалась огромная змея. Он как-то видел на рисунке и эту сплюснутую голову, не уступающую в размерах лошадиной, и слабо светящееся, свернувшееся кольцами тело, и этот злобный взгляд змеиных глаз. Раздвоенный язык появлялся и исчезал с быстротой молнии, на ослепительно-белых ядовитых зубах играли блики костров.

Балтус застыл, парализованный мыслью об ожидавшей его страшной смерти. Это была рептилия, которую далекие предки называли «змей-призрак». В незапамятные времена

этот мерзкий ужас Тьмы вползал по ночам в хижины людей и пожирал целые семьи. Подобно питону, он душил свои жертвы, но кроме того, обладал ядом, вызывающим сумасшествие и смерть. Его тоже давно считали вымершим, но Валанн говорил правду: ни один белый не мог с точностью сказать, какое зверье скрывалось в бескрайнем лесу за Черной рекой.

Чудовище двинулось вперед. Оно приближалось медленно, стлалось по земле, не поднимая головы, лишь чуть отогнув ее назад, готовясь для броска. Балтус, как завороженный, не сводил глаз с белесого опавшего брюха, которое через минуту, когда змея заглотнет его, сразу раздуется, станет гладким и толстым. Но страха не было — все вытеснило чувство омерзения и тошноты.

И вдруг, брошенный из-за хижин, в воздухе промелькнул длинный предмет; и в тот же миг огромная рептилия судорожно ударила длинным телом и в ярости кольцами завертелась по земле. Словно во сне, аквилонец увидел дротик, засевший в шее змеи под широко раскрытой пастью, — спереди торчало древко, стальное острие вышло напротив.

Дротик не задел позвоночника, он лишь пронзил мускулы мощной шеи. Свиваясь в кольца и узлы, обезумевшее от злобы чудовище оказалось рядом с толпой дикарей, те в ужасе отпрянули, но — поздно! Яростно извивающийся хвост выкашивал за раз десяток, челюсти рвали плоть, брызги яда, попадая на кожу, жгли точно жидкий огонь. Вопя и завывая, люди отчаянно пытались ускользнуть от смерти: прятались в хижинах, бежали прочь, сбивая друг друга с ног, топча тела упавших. Но вот огромная змея накрыла своей тушей костер, в воздух взлетел сноп искр — и в приступе незнакомой жгучей боли чудовище с новой силой обрушилось на ненавистных двуногих!

Ослепленные страхом, дикари мчались прямо в огонь, разбрасывая направо и налево горящие бревна. На краткий миг пламя взметнулось вверх, но тут же опало; и только пылающие угольях давали багровый свет, в котором и разыгралось продолжение ужасной драмы.

Балтус стоял отрешенный, готовый к смерти, как вдруг ему почудилось, будто кто-то дергает его за запястья. В следующий миг он каким-то чудом оказался на свободе, его схватили за руку и быстро толкнули за столб. Пораженный, он узнал Конана и только тогда почувствовал на своей руке железную хватку киммерийца.

Кольчуга варвара была в крови, на обнаженном мече — капли засохшей крови; в багровых сполохах неясно вырисовывалась его гигантская фигура.

— За мной, пока они не очухались!

В руке Балтуса очутилась рукоятка топора. Зогар Саг исчез. Конан до тех пор тащил за собой юношу, пока с того не спало оцепенение и его ноги не заработали сами собой. Выпустив руку аквилонца, варвар вбежал в дом с черепами. Балтус — за ним. Внутри в глаза ему бросился каменный алтарь — в неверном свете, падавшем снаружи, на нем зловеще ухмылялись пять человеческих голов. Взгляд приковала одна из них — на вид недавно срезанная. Он вгляделся — и едва не закричал! То была голова купца Тиберия! Сразу за алтарем помещался идол — в полумраке его уродливые размытые формы отдаленно напоминали человеческие. И снова у Балтуса перехватило дыхание от ужаса: внезапно то, что казалось высеченной статуей, медленно приподнялось с корточек и, лязгая цепями, воздело длинные, в мерзких наростах руки к высокому потолку!

Меч Конана, описав дугу, разрубил кости и мясо. Киммериец потащил Балтуса вкруг алтаря мимо косматой, вздрагивающей на полу кучи к двери в задней стене хижины. Через нее они вывалились наружу — и снова внутри ограды! Но в нескольких ярдах перед ними смутно маячил частокол.

Позади хижины с алтарем было темно. Спасаясь от чудовища, пикты обегали хижину с идолом по сторонам. У стены Конан остановился, подхватил юношу и легко, как перышко, приподнял на вытянутых руках. Балтус ухватился за острия бревен, торчащие из высохшей на солнце глины, и, не обращая внимания на впивавшиеся в кожу щепки, вскарабкался на гребень. Он уже протянул руку киммерийцу, как вдруг из-за угла хижины выбежал пикт. Он круто остановился, во все глаза глядя на человека на стене, — в сполохах догорающих костров четко выделялась белая кожа аквилонца. Конан метнул топор — без промаха, но пикт уже раскрыл рот, чтобы предупредить своих; над общим гамом взвился его крик — и сразу оборвался: с раскроенным черепом дикарь повалился на землю.

Слепой ужас не мог подавить всех природных инстинктов дикарей. Едва раздался этот дикий крик, как на мгновение повисла тишина, но тут же разорвалась яростным воплем сотни глоток, и воины понеслись на зов, чтобы сообща отразить опасность.

Высоко подпрыгнув, Конан схватил руку Балтуса — не за запястье, а едва не у плеча — и, раскачавшись, забросил свое тело на гребень частокола. Юноша стиснул зубы, но еще миг — и киммериец оказался рядом. Перевалившись через гребень, беглецы спрыгнули на землю и пропали в темноте.

Глава 5

ДЕТИ ДЖЕББАЛЬ САГА

— В какой же стороне река? — нерешительно спросил Балтус.

— Я думаю, к реке нам лучше не соваться, — ответил Конан. — Через минуту лес между деревней и рекой будет кишеть врагами. Скорей! Мы пойдем туда, где им в голову не придет нас искать, — на запад!

Ныряя в густые заросли, Балтус оглянулся: весь гребень стены был густо усеян черными точками — головами дикарей. Пикты явно пребывали в замешательстве. Они подоспели слишком поздно и не видели, как беглецы перелезали через стену. Воины примчались по тревоге, готовые дать отпор, но вместо врага обнаружили только труп соплеменника. Враг исчез.

Балтус решил, что, скорее всего, дикари пока не знают о бегстве пленника. Из деревни слышались беспорядочные возгласы и резкий, отрывистый голос Зогар Сага: под руководством шамана воины добивали змею из луков — на чудовище уже не действовали колдовские чары. И вдруг характер криков изменился: в ночь выплеснулся мощный рев звериной ярости.

Конан мрачно рассмеялся. Он вел товарища на запад по узкой тропке, то и дело теряющейся в плотном подлеске, однако варвар ступал так уверенно, словно находился на прекрасно освещенной центральной улице города. Балтус, спотыкаясь, шел следом; его не оставляло чувство, что он продирается между глухими стенами.

— Должно быть, нас уже ищут. Наверняка Зогар обнаружил пропажу, к тому же он прекрасно знает, что моей головы в той пирамиде не было. Грязный пес! Будь у меня второй дротик, я бы сначала продырявил его, а уж потом угостил бы змею. Старайся ступать по тропе. С факелами

им нас не выследить, а от деревни отходит не меньше дюжины троп. Для начала они пойдут теми, что ведут к реке, обшарят берег на целые мили, понаставят дополнительные кордоны — думают, что мы будем пробиваться к форту прямо сквозь их чащобы. Но мы не полезем в бурелом без крайней необходимости. Нас пока что вполне устраивает эта тропинка. Ну, а сейчас, приятель, забудь обо всем и беги так, как не бегал никогда в жизни!

— Однако быстро же они справились с паникой, чтоб им... — пропыхтел Балтус, припуская вслед за киммерийцем.

— Они дикари и не способны бояться подолгу, — донеслось в ответ.

Какое-то время оба молчали. Все силы, все внимание были отданы бегу. С каждой минутой росла пропасть между беглецами и цивилизацией, и с каждой минутой они все глубже проникали в мир первозданной дикости. В душе Балтуса росла тревога, но он ни о чем не спрашивал. Наконец Конан, урвав время, внес некоторую ясность:

— Когда отойдем достаточно далеко, то повернем обратно и в обход деревни выйдем к реке. Вокруг Гвавелы на несколько миль нет ни одного поселения. В ней собрались никты со всей округи. Мы сделаем большой круг. До рассвета они нас не выследят. Утром, понятно, возьмут верный след, но до тех пор мы оставим тропу и углубимся в лес.

Они быстро продолжали путь. Вопли сзади постепенно стихли. Меж зубов Балтуса со свистом прорывался воздух. В боку нарастала боль, бег становился пыткой. Он то и дело натыкался на купы кустов, вставшие по обеим сторонам тропы. Внезапно Конан остановился; круто повернувшись, он впился взглядом в уходящую в сумерки тропу.

Где-то вставала луна; ее тусклый беловатый свет заползал в самые темные уголки.

— Пора сворачивать в лес? — тяжело дыша, спросил Балтус.

— Дай топор, — едва слышно прошептал Конан. — За нами кто-то крадется!

— Может, лучше свернуть?

Покачав головой, Конан увлек товарища в сплетение зарослей. Луна поднялась еще выше, и на тропе чуть прояснило.

— Но нам не одолеть целого племени! — прошептал Балтус.

— Ни один двуногий не смог бы отыскать нашу тропу так быстро и в любом случае — не догнал бы, — тихо сказал Конан. — Молчи и не шевелись.

Воздух заполнила напряженная тишина, но Балтусу казалось, что биение его сердца слышно за мили. И вдруг, совершенно неожиданно, без малейшего шороха, из мрака на тропу высунулась звериная голова. Сердце подкатило к горлу юноши, на миг он отвел глаза, боясь узнать в ней жуткую голову саблезубого тигра. Но эта оказалась значительно меньше и уже — на тропе, скаля пасть и кровожадно урча, стоял леопард. К счастью, ветер дул в сторону людей и относил их запах. Зверь опустил морду, принюхиваясь, затем нерешительно двинулся вперед по тропе. По спине Балтуса пробежал холодок: последние сомнения исчезли — зверь их выслеживал.

Хищник был осторожен. Пройдя футов пять, он остановился и поднял голову; в полумраке сверкнули две огненные точки — глаза твари. Послышалось низкое рычание — и в этот миг Конан метнул топор!

Вся сила руки и мощь плеча ушли в этот бросок. Точно серебряная лента промелькнула в сумерках — и прежде чем Балтус успел понять, что это было, он увидел леопарда, бьющего лапами в предсмертной агонии: из раскроенного надвое узкого черепа торчком стояла рукоять топора.

Оставив укрытие, Конан подошел к зверю и выдернул из его головы топор. Затем оттащил безвольное тело с тропы в лес и спрятал среди деревьев подальше от случайного взгляда.

— А сейчас — за мной, и быстро! — отрывисто бросил он, сворачивая с тропы к югу. — За кошкой наверняка появятся и пикты. Я думаю, как только до Зогара дошло, что к чему, он послал зверя выследить нас. Воины должны идти следом за леопардом, но, думаю, он оставил их далеко за собой. Прежде чем напасть на след, леопард покружил около деревни, а как вышел на нашу тропу, то уж, поверь мне, не стал мешкать. Дикари не могли держаться за его хвостом, но уже сообразили, в какой стороне нас искать. Должно быть, напрягают сейчас слух — ждут воя своей кошки. Пусть себе тужатся, но скоро они обнаружат на тропе кровь, обыщут заросли и найдут труп зверя. Вот тогда, скорее всего, погони не избежать. Осторожнее ступай.

Сам Конан без труда уклонялся от низко нависших веток, в каком-то дюйме он огибал жесткий кустарник с

цепкими колючками; с удивительной легкостью, не задевая стволов, скользил среди деревьев, каждый раз опуская ногу в точно рассчитанное место, где оставалось меньше всего следов. Однако для аквилонца все обстояло значительно сложнее.

Сзади не было слышно ни звука. Они прошли уже больше мили, когда Балтус спросил:

— А что, Зогар ловит щенков и натаскивает их, как собак?

Конан помотал головой:

— Он вызвал этого леопарда из леса.

— Но послушай, — продолжал упорствовать юноша, — если он может приказать одному зверю, то почему он не натравит на нас всех зверей сразу? В лесу полно леопардов, что он мелочится?

Какое-то время Конан молчал, а когда заговорил, голос его звучал несколько отчужденно:

— Он не имеет власти над всеми животными — только над теми из них, кто помнит Джеббаль Сага.

— Джеббаль Сага? — Балтус с сомнением повторил древнее имя. За всю свою жизнь он слышал его не более трех-четырех раз.

— Когда-то ему поклонялись все живые твари. То было очень давно, когда звери и люди говорили на одном языке. С тех пор люди о нем забыли, забыли и почти все звери, а тех, что помнят, остались единицы. Так вот: люди и звери, что сохранили память о Джеббаль Саге, остались братьями и, как и прежде, говорят на одном языке.

Балтус ничего не ответил. Он побывал у столба смертников и своими глазами видел, каких чудовищ извергал ночной лес из своих глубин по призыву шамана.

— Цивилизованные люди надо всем этим посмеиваются, — продолжал Конан, — но пока что ни один из них толком не объяснил мне, как удается Зогар Сагу вызывать из чащи леса питонов, тигров, леопардов и заставлять их быть послушными его воле. Они обвинили бы меня во лжи... если бы посмели. Обычная манера всех цивилизованных. Когда вы не можете что-либо объяснить своими ущербными мозгами, вы просто заявляете, что этого не может быть.

Жители Турана по своему развитию стояли ближе к природе, чем остальное население Аквилонии; они все еще были подвержены различным суевериям, корни которых терялись в глубокой древности. К тому же Балтус видел

то, от чего по его телу все еще временами пробегала дрожь. И потому он предпочел поверить на слово во все, о чем ему поведал Конан.

— Говорят, где-то здесь должна быть роща, которую Джеббаль Саг считал священной, — сказал варвар. — Не знаю, сам я ее не видел. Но тех зверей, что помнят Джеббаль Сага, в этом лесу обитает больше, чем во всем остальном мире.

— Тогда нас могут выслеживать и другие?

— Они нас и выслеживают, — спокойным тоном ответил киммериец, отчего у Балтуса отнюдь не улучшилось настроение. — Зогар всегда действует наверняка.

— И что же нам делать? — нервно спросил юноша, хватаясь за топор и со страхом вглядываясь в сумрачные зеленые арки над головой. По коже поползли мурашки, ему вдруг почудилось, что в каждой тени затаились клыки и когти, готовые в любую секунду вонзиться в его тело.

— Постой-ка!

Варвар остановился и, присев на корточки, острием ножа принялся рисовать на рыхлой земле какой-то знак. Нагнувшись, Балтус заглянул ему через плечо, и — непонятно почему — по его спине пробежал холодок. Воздух был недвижим, но листья над ними зашуршали, и оттуда донесся вой — зловещий и протяжный. Конан бросил вверх через плечо загадочный взгляд и, встав на ноги, мрачно воззрился на символ.

— Что это? — прошептал Балтус. Знак выглядел древним и потому был совершенно незнаком. Он подумал, что, может быть, ему просто не хватает знаний, а символ принадлежит к какой-нибудь древней культуре? Но даже будь он самым знающим художником на свете, он ни на дюйм не приблизился бы к разгадке.

— Я однажды видел такой, — пробормотал Конан, — высеченный на стене в пещере, в которую за последние миллион лет не заглядывал ни один человек. Я наткнулся на нее в необитаемых горах за морем Вилайет за тысячи миль отсюда. Позже я видел, как этот знак рисовал на песке у безымянной реки чернокожий колдун. Он-то и приоткрыл мне его тайну — это священный символ Джеббаль Сага и всех существ, которые его почитают. Вот, смотри!

Оба отступили на несколько ярдов в глубь плотных зарослей и замерли в напряженном ожидании. Где-то на

западе послышался приглушенный бой барабанов; спустя минуту им ответили барабаны с востока и с севера. Балтус вздрогнул, хотя и знал, что от угрюмых барабанщиков, отбивающих на своих древних инструментах вступление к кровавой драме, его отделяют несколько миль мрачного леса.

Сам того не замечая, юноша затаил дыхание. Внезапно чуть дрогнули листья, расступились кусты, и на тропу выскользнула грациозная пантера. В пятнах лунного света лоснилась черная шерстка, под которой поигрывали великолепные мускулы.

Влажная почва хорошо держала запах. Опустив голову, пантера двинулась в сторону людей. Но вдруг остановилась, словно застыла, почти касаясь мордой таинственного символа. Долгое время она стояла без движения. Затем сильное тело расслабилось, и животное растянулось на земле, положив голову перед рисунком. Балтус почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове: поза грозного хищиика выражала благоговейный трепет и слепое обожание.

Наконец пантера поднялась и медленно, на полусогнутых лапах начала пятиться в кусты у обочины тропы. И только она скрылась в них наполовину, как, круто повернувшись, словно объятая смертельным ужасом, метнулась прочь, не разбирая дороги!

Балтус вытер дрожащей рукой пот со лба и искоса посмотрел на киммерийца.

В глазах варвара мерцали огоньки, какие аквилонец никогда не видел у людей, впитавших в себя идеи цивилизованного общества. Бок о бок с ним стоял настоящий дикарь, похоже, начисто забывший о своем товарище. Его горящий взор пробудил в голове юноши смутные образы — неведомые и пугающие; в мозгу зашевелились полустершиеся воспоминания о простой, бесхитростной жизни, какую вели люди на заре истории человечества и от которой они отказались, выродившись в изнеженную расу господ и рабов.

Но вот лицо варвара обрело прежнее выражение, и, встряхнувшись, Конан молча направился в глубь леса.

— Зверей можно больше не бояться, — сказал он через некоторое время, — но мы оставили примету, на которую могут наткнуться люди. Сейчас нас выследить гораздо труднее, а если пикты не найдут мой знак, то так и не будут до конца уверены, где нас искать — на юге или где еще.

А если и найдут, то без зверей, одним, им придется изрядно повозить по земле носами. Но в любом случае в лесу к югу от тропы будет полно воинов и на день лучше затаиться, чтобы не напороться на какой-нибудь отряд. Найдем укромное местечко и там переждем день, а ночью выйдем к реке. Надо предупредить Валанна, а вряд ли ему будет легче, если мы сгинем в этом лесу.

— Предупредить Валанна? О чем?

— Кром всемогущий! Ты что, так ничего и не понял? Прибрежный лес прямо-таки кишит пиктами! Поэтому нас и обнаружили. На этот раз Зогар готовит большую войну, а не набег, как раньше. Он сделал то, чего на моей памяти не делал ни один пикт: объединил в один кулак по меньшей мере пятнадцать кланов. Думаю, здесь не обошлось без его славы колдуна: пикты куда охотнее пойдут в бой под началом колдуна, чем опытного военачальника. Ты видел — их в деревне целое сборище, но то была малая часть, еще несколько сот наверняка прячутся в зарослях вдоль берега. И на подходе другие из дальних деревень. У него будет по меньшей мере три тысячи воинов. Я затаился в кустах и слышал разговоры, когда мимо проходил отряд. Они намерены напасть на форт; когда, точно не знаю, но, думаю, Зогар не станет медлить. Он распалил их ярость, и если не поведет в битву немедленно, то дикари скоро перессорятся друг с другом. Они точно взбесились — так жаждут напиться крови!

Я не уверен, смогут ли они овладеть фортом, но все равно: мы должны переправиться через реку и предупредить своих. Поселенцам, которые обосновались при дороге на Велитриум, надо как можно скорее или укрыться в форте, или вернуться в Велитриум. Пока главные силы пиктов будут осаждать форт, их летучие отряды будут рыскать вдоль дороги и могут проникнуть далеко на восток — может быть, даже за Громовую реку в густо населенные земли за Велитриумом.

Конан говорил на ходу, с каждым шагом все глубже забираясь в дикие дебри. Наконец он довольно хмыкнул. Они вышли к местности, где кустарник был довольно редкий, зато повсюду виднелись протянувшиеся к югу скальные обнажения. Ступив на скалу, Балтус приободрился: на голых камнях ни один пикт не сможет разглядеть их следы.

— Как ты остался жив? — наконец спросил он.

Конан постучал кончиками пальцев по кольчуге и по шлему.

— Если бы воины пограничья носили такие штуки, то на хижине с идолом было бы гораздо меньше их черепов. Но беда в том, что наши люди не способны ходить с оружием бесшумно. Дикари затаились по обе стороны тропки. А когда пикт стоит не шелохнувшись, его не заметит даже проходящий рядом лесной зверь. Они видели, как мы переплываем реку, и приготовились к встрече. Если бы они становились по местам после того, как мы вошли в прибрежные заросли, я бы еще, пожалуй, что-нибудь да заметил бы. Но нас уже поджидали, и ни один лист не дрогнул. Сам демон ничего бы не заподозрил. И лишь когда я услышал, что вроде бы где-то о лук трется стрела, тогда только закрались подозрения. Я бросился на землю и крикнул остальным, но те растерялись и действовали вяло.

Большинство пали после первого же залпа, накрывшего нас с обеих сторон. Несколько стрел, перелетев через тропу, поразили пиктов, стоявших напротив. Я слышал, как они выли. — Он усмехнулся с мрачным удовлетворением. — Те, кто остался цел, вломились в заросли и схватились с дикарями врукопашную. Когда я увидел, что все, кроме меня, уже не двигаются, то расшвырял насевших на меня размалеванных дьяволов и скрылся в темноте. Они были повсюду. Я и бежал, и полз, и крался, и, бывало, лежал на брюхе под кустами, пока они обтекали меня по бокам.

Потом сунулся к берегу, но их там оказалось, что муравьев в муравейнике — ждали, что я именно так и поступлю. Я все равно рискнул бы — пробился к берегу и попытался бы переплыть реку, — но тут услышал со стороны деревни бой барабанов и понял, что кого-то взяли живым.

Все были так поглощены шаманством Зогар Сага, что я без труда перелез через стену за длинной хижиной. Там должен был находиться часовой, но тот, сидя на корточках и выглядывая из-за угла, во все глаза следил за церемонией. Я подкрался сзади, и не успел тот сообразить что к чему, как я свернул ему шею. Его-то дротик и засел в змее, а топор — у тебя за поясом.

— А что это... что это была за тварь, которую ты убил в хижине с алтарем? — спросил Балтус, содрогнувшись при воспоминании об уродливом чудище.

— Один из богов Зогара. Он из детей Джеббаль Сага, но потерял память, и потому его приковали к алтарю. Это самец огромной обезьяны. Пикты поклоняются этим обезьянам,

поскольку думают, что их отметил сам Великий-Волосатый-который-живет-на Луне — Бог-горилла, раб большого бога по имени Гулла.

Уже светает. Вот подходящее местечко, где можно спрятаться, пока не выяснм, удалось ли дикарям напасть на след. Здесь переждем день.

За разговором прошли еще миль пять. Неподалеку высился невысокий холм, густо поросший деревьями и кустарником. Чуть ниже гребня из склона в беспорядке торчали обломки скал, прикрытых плотной зеленью. Укрывшись за ними, можно было, не обнаруживая себя, наблюдать за джунглями. Место годилось не только для наблюдения, но и для обороны. Балтус не слишком верил, что пикты смогут отыскать следы на каменистой почве, но он по-прежнему боялся зверей Зогар Сага. Несмотря на уверенность варвара, его вера в непонятный знак за время пути успела пошатнуться.

Прошло еще с полчаса. Под сенью сплетенных ветвей с каждой минутой становилось все светлее. Розовые лоскутки неба наливались голубым. Юноша почувствовал муки голода — хорошо еще, что они некоторое время шли по ручью и ему удалось утолить жажду. Вокруг царил полный покой, изредка нарушаемый щебетом птицы. Барабанов больше не было слышно. Расслабившись, Балтус обратился в мыслях к драме, разыгравшейся перед ритуальной хижиной этой ночью.

— Я видел на Зогаре перья страуса, — сказал он. — Такими же были украшены шлемы баронов, которые приезжали с востока к нам в пограничье. Но ведь в этих лесах страусы не водятся?

— Их привезли сюда из Куша, — ответил Конан. — За много переходов к западу лежит океанский берег. Зингарские купцы время от времени привозят на кораблях оружие, вино и украшения, чтобы обменять их у прибрежных племен на шкуры, медную руду и золотой песок. Иногда они торгуют и страусовыми перьями, которые получают из Стигии, куда, в свою очередь, они попадают из чернокожих племен Куша, расположенного к югу от Стигии. Шаманы пиктов за них хорошо платят. Но в такой торговле есть много риска. Пикты никогда не прочь завладеть кораблем силой. Да и само побережье опасно для мореплаванья. Я как-то плыл вдоль того берега, когда ходил под одним парусом с пиратами с Барахских островов.

Балтус бросил на товарища восхищенный взгляд.

— Я и раньше слышал, что ты на границе недавно. Ты назвал сейчас несколько стран. Наверное, много путешествовал?

— Да, поскитался по свету. Я побывал там, где до меня не был никто из моего народа. Я видел все большие города гиборийцев, шемитов, стигийцев и гирканийцев. Я забирался в неизведанные джунгли к югу от черных королевств Куша и в пустыни восточнее моря Вилайет. Я был капитаном наемников, пиратом, хозяром, бродягой без медяка за душой и генералом — Кром всемогущий! — кем я только не перебывал! Пожалуй, только королем в какой-нибудь цивилизованной стране, но, может быть, до смерти успею побывать и королем. — Варвар едва заметно усмехнулся — как видно, мысль пришлась ему по душе. Затем, пожав плечами, он растянулся на камнях. — По-моему, в такой жизни нет ничего зазорного. Я вот не знаю, останусь ли на вашей границе еще на неделю, месяц или год. Мне не сидится на месте. Просто для меня здешняя жизнь, как и везде, — ничем не лучше и не хуже.

Усевшись поудобнее, Балтус принялся наблюдать за лесом. Каждую минуту он ожидал, что вот сейчас из листьев высунется свирепое, в боевой раскраске лицо. Так проходил час за часом, но ни шорох веток, ни хруст камешков под осторожно ступающими ногами не нарушали разлитую в воздухе тишину. Может быть, пикты потеряли след и отказались от поисков? Тогда почему беспокоится Конан?

— Странно, что до сих пор не появились рыскающие по лесу отряды, — проворчал киммериец. — Если они махнули на нас рукой, значит, затевается по-настоящему крупная игра. Похоже на то, что дикари собирают силы, чтобы форсировать реку и штурмовать форт.

— Стали бы они так забираться к югу, если бы вдруг потеряли след?

— Понятно, что они его потеряли, иначе давно свалились бы нам на головы. В другое время пикты прочесали бы лес вокруг деревни на десяток миль, и с холма мы их обязательно заметили бы. Видимо, они все-таки готовятся к переправе. Что ж, придется рискнуть... Мы идем к реке!

Все время, пока они крадучись спускались с холма, у Балтуса по спине ползали противные мурашки: каждый миг он ожидал услышать свист тучи стрел, выпущенных из крон

деревьев. Юноша боялся, что пикты давно их обнаружили и устроили засаду. Однако Конан был уверен, что врагов поблизости нет, и как выяснилось, киммериец был прав.

— Мы зашли слишком далеко к югу, — хмуро сказал Конан. — Поэтому пойдем напрямик. Не знаю, насколько они продвинулись вниз по реке, но будем надеяться, что выйдем к берегу ниже их отрядов.

С быстротой, казавшейся Балтусу безрассудством, они зашагали на восток. Жизнь в лесу словно вымерла. Варвар полагал, что все пикты собрались в Гвавеле, если не предположить самого худшего — что переправа уже началась. Хотя вряд ли дикари посмели бы плыть через реку днем.

— Они не дураки и понимают, что кто-нибудь из береговых лазутчиков наверняка их заметит и сразу поднимет тревогу, — терпеливо объяснял он юноше. — Нет, они переправятся ниже и выше форта — так, чтобы их не увидела стража со стен, — а оставшаяся часть с рассветом рассядется по каноэ и начнет штурм стены, выходящей к реке. И как только они начнут атаку, те, что укрылись на восточном берегу, ринутся на штурм с суши. Они раз сделали такую попытку, но тогда им повышускали кишки. Но сейчас у них достаточно сил, чтобы овладеть фортом.

Оба быстро скользили среди зарослей; Балтус время от времени бросал по сторонам жадные взгляды: в ветвях мелькали белки, и он мог бы сбить любую одним броском топора. Юноша со вздохом затянул ремень. Эта вечная тишина и постоянные лесные сумерки действовали на него угнетающе. Он поймал себя на мысли о том, что с тоской думает о светлых, в солнечных пятнах рощицах Турана, о его просторных лугах; об искрящемся веселье, царившем в дни праздников в отцовском доме со стенами из тесаного камня и крытого соломой; о тучных коровах, щиплющих густую, сочную траву, и об искренней дружбе между загорелыми, сильными пахарями и пастухами.

Юноша чувствовал себя одиноко, хотя был не один. Но Конан был так же слит с этим первозданным миром, как Балтус — чужд ему. Киммериец мог провести годы в крупнейших городах мира, мог есть за одним столом с верховными правителями цивилизованных стран, мог даже осуществить свою бредовую идею — самому стать королем в одной из этих стран. Почему бы нет? В мире случались вещи и более невероятные. Но при этом он всегда оставался и останется варваром. Его интерес не заходил дальше жизнен-

ных основ. Тепло привычной домашней обстановки, простые человеческие чувства и милые сердцу пустячки, так много значащие в жизни цивилизованного человека, для него — пустой звук. Волк — это волк, даже если волею случая ему приходится одно время бежать в одной стае с гончими. Кровопролитие, насилие и свирепость были неотъемлемой частью жизни, которую он знал; он никогда не понимал и не поймет тех тихих радостей, которые так дороги людям цивилизованного общества.

Тени уже удлинялись, когда они вышли к реке и, затаившись в прибрежных зарослях, внимательно оглядели местность. Река просматривалась примерно на милю вверх и вниз по течению. Угрюмый поток нес свои воды — открытый и пустынный. Конан бросил хмурый взгляд на противоположный берег.

— Придется рискнуть еще раз. Сейчас мы милях в шести к югу от Гвавелы. Лучше всего переплыть реку здесь. Пока не ясно, успели пикты переправиться или нет. Лес на том берегу может кишеть ими, как запаршивевшая голова вшами. Но другого пути у нас нет.

Вдруг варвар резко пригнулся — и тут же Балтус услышал звон спущенной тетивы. Полоса яркого света прочертила воздух — стрела! В следующий миг Конан, сделав мощный прыжок, пропал в зарослях. Над кустами сверкнула сталь — и в тишину ворвался вопль смертельной муки! Аквилонец не стал медлить: забыв обо всем, он влюмился в заросли вслед за киммерийцем.

На земле, с раскроенным черепом, судорожно сжав в скрюченных пальцах пук травы, лежал лицом вниз никтский воин. Еще с полдюжины — с топорами и мечами наизготовку — роем вились вокруг Конана. Их луки, бесполезные в ближнем бою, валялись поодаль. Нижние челюсти дикарей были окрашены белым, резко выделяясь на общем фоне смуглых лиц; рисунок, украшавший мускулистые грудные клетки, был совершенно незнаком аквилонцу.

Один из них, метнув в Балтуса топор, бросился к юноше с ножом. Пригнувшись, Балтус успел перехватить руку, сжимавшую нацеленный на горло клинок, и, потеряв равновесие, оба тесным клубком покатились по земле. Пикт нападал с яростью дикого зверя, его мышцы стальными тросами ходили под кожей.

Вцепившись в руку дикаря, Балтус старался пустить в ход свой топор, но схватка была настолько яростной и

стремительной, что ни один удар не достиг цели. В попытках высвободить руку пикт извивался дикой кошкой, рычал, брызгал слюной; хватаясь за топор, он в то же время коленями уперся в пах аквилонца. Наконец он попытался перехватить нож в свободную руку, и в этот момент Балтус, привстав на колено, размахнулся и со всей силы опустил топор на размалеванную голову дикаря.

Вскочив на ноги, Балтус повел вокруг пылающим взглядом, ожидая увидеть своего товарища поверженного численностью врага, и тут только он осознал всю силу, ярость и искусство киммерийца. Варвар уже успел покончить с двумя пиктами — раскинув руки, те валялись рядом, едва не разрубленные надвое. В следующий миг Конан отбил клинок короткого меча и, с кошачьей ловкостью легким прыжком в сторону уйдя от топора, вдруг очутился рядом с дикарем, нагнувшимся за луком. Пикт не успел выпрямиться, как окровавленный широкий меч метнулся вниз и разрубил смуглое тело от плеча до грудной кости, где и застрял. Оставшиеся два воина с двух сторон бросились на варвара. Балтус, примерившись, бросил топор — и от двоих остался лишь один, а Конан, бросив попытки вызволить свой меч, повернулся и встретил врага голыми руками. Коренастый воин, на голову ниже киммерийца, подпрыгнув, обрушил на того топор, другой рукой яростно ткнув его ножом в живот. Нож сломался о кольчугу, а топор, подрагивая, остановился в воздухе: выбросив руку вверх, Конан сомкнул железные пальцы на смуглом запястье. Громко хрустнула кость, и Балтус увидел, как дикарь, сморщившись от боли, пошатнулся. Пинком в лодыжку пикта сбили с ног, две сильные руки подняли его высоко в воздух, секунду подержали там — и швырнули отчаянно извивающегося воина головой оземь с такой силой, что его тело, отскочив от земли, рухнуло вновь и осталось лежать — неподвижное, скрюченное, с неестественно вывернутыми конечностями, что было верным признаком раздробленных костей и сломанного позвоночника.

— Вперед! — Конан рывком освободил свой меч и подхватил топор. — Хватай лук, охапку стрел — и за мной! Придется снова положиться на ноги. Наверняка тот вопль услышали. Через минуту здесь будет целый клан. Если переплывать сейчас, то не успеем добраться до стремнины, как нас утыкают стрелами!

Глава 6

КРАСНЫЕ ТОПОРЫ ГРАНИЦЫ

Конан не стал углубляться в лес. За несколько сот ярдов от реки он изменил направление и побежал вдоль берега. Балтус понял причину: охота в лесу может затянуться, а варвар решительно был настроен переправиться через реку и предупредить форт об опасности. За их спинами нарастал вопль бешенства отряды дикарей выбежали к прогалине с трупами. Судя по новой волне воплей, дикари всем скопом устремились за ними в лес: удирая, они оставили за собой такую тропу, что ни один пикт не сбился бы со следа.

Конан прибавил скорость; стиснув зубы, Балтус тоже наддал ходу, хотя чувствовал, что его сердце готово разорваться на кусочки. Казалось, прошли века с тех пор, как он что-то клал себе в рот. Кровь так стучала в ушах, что он даже не сообразил, когда же стихли вопли их преследователей.

Внезапно Конан остановился. Балтус, тяжело дыша, прислонился к дереву.

— Все, отвязались! — хмуро бросил киммериец.

— А вдруг... крад... крадутся! — порывисто выпалил юноша.

Конан покачал головой:

— Когда они наступают на пятки, как сейчас, то орут не переставая. Нет, они вернулись. К тому же за несколько секунд до того, как стали стихать вопли, я вроде бы слышал чей-то окрик. Их отозвали к реке. Для нас это — удача, но для людей в форте — хуже не придумаешь. Это значит, что воинов собирают для решительного штурма. Те пикты, на которых мы напоролись, были из племени с низовьев реки. Они, конечно, шли в Гвавелу, чтобы вместе со всеми участвовать в штурме. Кром всемогущий! Прошло столько времени, а мы только и делаем, что удираем все дальше и дальше! Все, хватит! Пора переправляться.

Свернув на восток, варвар, не таясь, быстро зашагал к реке. Балтус поспешил следом; глубокие отметины, оставленные зубами пикта на плечах и на груди, давали о себе знать острой, пульсирующей болью. Он продирался сквозь густые кусты, росшие по берегу, когда Конан, вдруг круто обернувшись, толкнул его обратно в заросли. Послышались ритмичные всплески, и, заглянув сквозь листву, юноша увидел идущую снизу каноэ-долбленку, ее одинокий гребец

изо всех сил работал веслом, борясь с течением. Это был крепкого сложения пикт; за ленту цвета меди, схватывающую грубо остриженную у плеч черную гриву, было воткнуто белое перо цапли.

— Он из Гвавелы, — шепнул Конан. — Посол Зогара. Это видно по белому перу. Он вел переговоры о мире с нижними племенами, а сейчас торопится обратно, чтобы тоже принять участие в резне.

Одинокий посол почти поравнялся с затаившимися воинами, как вдруг произошло нечто такое, отчего Балтус чуть было не выпрыгнул из собственной кожи! Прямо под ухом у него раздалась характерная хрипловато-гортанная речь пиктов! Не сразу до него дошло, что это Конан окликнул посла на родном языке дикаря. Вздрогнув от неожиданности, человек в лодке уставился на кусты, потом отрывисто проговорил несколько слов и бросил испуганный взгляд на противоположный берег. Нагнувшись как можно ниже, пикт направил лодку к западному берегу. Ничего не понимая, Балтус увидел, что киммериец берет лук, подобранный на прогалине, и вкладывает стрелу.

Подогнав каноэ ближе к берегу, пикт поднял весло; затем поднял глаза к кустам и снова что-то сказал. Ответ последовал незамедлительно: зазвенела тетива, и стрела, прочертив в воздухе короткую прямую, по самые перья вошла в широкую грудь дикаря. Коротко вскрикнув, тот осел набок и свалился в прибрежное мелководье. В мгновение ока Конан скатился по невысокому откосу и, войдя в воду, подхватил относимую течением лодку. Балтус — несколько неуверенно — спустился следом и забрался в каноэ. Усевшись на низкую скамью, Конан схватил весло и мощными гребками направил утлое суденышко к восточному берегу. Балтус с восхищением и завистью следил, как играют мускулы под загорелой кожей киммерийца. Варвар был точно железным: казалось, ему было неведомо чувство усталости.

— Что ты сказал пикту? — спросил Балтус.

— Чтобы греб к берегу. Сказал еще, что заметил на том берегу белого охотника, который уже взялся за лук.

— Мне кажется, ты поступил не совсем честно! — осмелился возразить юноша. — Ведь он принял тебя за друга. Оно и понятно: ты говорил, как настоящий пикт.

— Нам нужна была его лодка, — спокойно ответил Конан, не переставая грести. — Другим способом нельзя

было подманить его к берегу. Что хуже: обманом убить пикта, который с удовольствием содрал бы с нас живьем кожу, или обмануть надежды белых с восточного берега, чьи жизни сейчас зависят от нашей расторопности?

Балтус не долго размышлял над моральной стороной вопроса. Пожав плечами, он спросил:

— Как далеко мы от форта?

Конан указал на устье речки за несколько сот ярдов ниже по течению, впадающей в Черную реку с востока.

— Это Южная речка; от ее устья до форта десять миль. Она служит южной границей Конаджохары. За ней пограничье совершенно дикое. Оттуда нападать некому. Девятью милями выше форта Северная речка образует другую границу. Местность там такая же дикая. Так что нападения можно ждать только из-за Черной реки. Конаджохара вонзилась в пиктские земли, как копье с острием шириной в девятнадцать миль.

— Почему бы нам не остаться в лодке и не доплыть по реке?

— Потому что пришлось бы лавировать против течения да еще огибать излучины. Пешком мы доберемся быстрее. К тому же вспомни — Гвавела находится к югу от форта, и если пикты уже начали переправу, мы угодим прямо к ним в лапы.

Сгущались сумерки, когда они ступили на восточный берег. Не отдохнув ни секунды, Конан зашагал на север с такой легкостью, что уже через сотню ярдов крепкие ноги Балтуса дали о себе знать.

— Валанн предлагал построить два форта: в устьях Северной и Южной речек, — проворчал киммериец. — Тогда можно было бы весь участок реки держать под постоянным наблюдением. Но правительство решило иначе.

Толстопузые дурни, развалившиеся на мягких подушках, с голыми девками под боком, которые, стоя на коленях, протягивают им кубки с ледяным вином, — я хорошо знаю эту породу. Они не способны видеть дальше дворцовой стены. Дипломатия — идиотизм! Они считают, что вместо оружия они могут победить пиктов своей теорией территориальной экспансии! И вот таким олухам должен подчиняться Валанн со своими воинами! Им больше не удастся отхватить ни ярда пиктской земли — здесь повторится та же история, что и с Венарием. Даже хуже — если дела и дальше так пойдут, то в один прекрасный день варвары полезут на стены восточных городов!

Еще неделю назад Балтус поднял бы на смех автора подобного предположения. Сейчас же он не нашелся, что ответить, ибо своими глазами видел неукротимую ярость тех, кто обитал в лесу западнее границы.

Аквилонец поежился. Он то и дело с опаской поглядывал на гладь реки, видную сквозь кустарник, на зеленые арки деревьев, вплотную подступивших к воде. Ему не давала покоя мысль, что пикты, должно быть, уже переправились через реку и расставили вокруг форта засады. Тем временем быстро спускалась ночь.

Легкий шорох — и тут же сердце у Балтуса подкатило к горлу, а меч Конана сверкнул в воздухе. Он опустил его, когда из кустов выскользнул пес — огромный, поджарый, иссеченный шрамами зверь — и, остановившись, вывалив язык, уставился на людей.

— Это пес одного поселенца, — сказал Конан. — Парень построил дом на берегу реки несколькими милями южнее форта. Однажды ночью к нему наведались пикты — самого, понятно, убили, а дом сожгли. Мы нашли его мертвого среди остывающих угольев; чуть в стороне лежал вот этот пес — оглушенный, едва не порезанный на куски, — а рядом — трупы трех пиктов с порванными горлами. Мы взяли его в форт, перевязали раны, выходили, но только он поправился, как сбежал в лес и одичал... Ну что, Секач, опять охотишься за теми, кто убил твоего хозяина?

Крупная голова зверя покачивалась из стороны в сторону, в глазах горел зеленоватый огонь. Он не рычал и не лаял. Бесшумно, как привидение, пес приблизился к людям.

— Пусть идет с нами, — пробормотал Конан. — Он учует двуногих тварей раньше, чем мы их заметим.

Балтус улыбнулся и, думая приласкать пса, положил руку ему на голову. В тот же миг пасть зверя оскалилась, обнажив два ряда белых острых клыков; затем, опасливо опустив голову, пес нерешительно дернул хвостом, словно с трудом вспоминая давно забытое тепло человеческой руки. Балтус мысленно сравнил это большое, поджарое, сильное тело с гладкими, упитанными собаками, с визгом и лаем резвящимися на скотном дворе возле отцовского дома. Юноша вздохнул. Для животных граница явилась не менее суровым испытанием, чем для людей. За время одиночества бедняга-пес почти забыл, что значили для него раньше преданность и дружба с человеком.

Секач поднял голову, и Конан пропустил его вперед. Последние следы сумерек растаяли в ночной тьме. Под размеренным, неутомимым шагом быстро бежали миля за милей. Казалось, у Секача навсегда пропал голос. Внезапно он остановился и, весь подобравшись, навострил уши. Мгновение спустя то, что услышал пес, услышали и люди: слабый как шепот, жуткий, демонический вопль сотен глоток где-то впереди вверх по реке.

Конан страшно выругался.

— Они напали на форт! Мы опоздали! Вперед!

Он ускорил шаг, полностью положившись на чутье собаки. В приливе возбужденного ожидания Балтус забыл и о голоде и об усталости. По мере продвижения к форту вопли становились все громче, к визгу пиктов примешивались низкие выкрики солдат. И только Балтус подумал, что вот сейчас они выбегут прямо на вопящую толпу дикарей, как Конан, свернув в сторону от реки, пошел широким полукругом, пока перед ними не оказалась низкая вершина, с которой, однако, можно было окинуть взглядом лес. Взбежав наверх, они увидели форт в кольце факелов, выставленных за паранет на длинных кольях. Факелы отбрасывали на поляну вокруг форта дрожащий, слабый свет, а там, внизу, вдоль бахромы леса, бесновались толпы голых, размалеванных человечков. Гладь реки бороздили десятки каноэ. Пикты взяли форт в кольцо!

Из леса и с реки на стены форта нескончаемым потоком полетели стрелы. Над воплями поднялся многократно усиленный низкий звон спущенной тетивы. Наконец, завывая волками, несколько сот голых воинов выбежали из-под деревьев и с топорами в руках устремились к Восточным воротам. До цели оставалось не меньше ста пятидесяти ярдов, как вдруг со стен на них обрушился губительный дождь стрел; в минуту землю усеяли трупы, а уцелевшие волной откатились под защиту деревьев. Тут же ударили веслами гребцы каноэ, но были встречены залпом из катапульт и небольших баллист, установленных на башнях по краям обращенной к реке стены. Камни и бревна, со свистом пронесясь по воздуху, разбили в щепки полдюжины каноэ, поубивав находящихся в них воинов; прочие лодки поспешили выйти из зоны обстрела. И тогда мощный рев торжества скатился со стен, в ответ на который со всех сторон взвился злобный звериный вой!

— Будем прорываться? — дрожа от нетерпения, спросил юноша.

Конан покачал головой. Скрестив на груди руки, он стоял, чуть наклонив голову, погруженный в мрачные раздумья.

— Форт обречен, — глухо сказал киммериец. — Пикты помешались от крови и теперь не отступят, пока их не перебьют всех до единого. А в форте для такой задачи слишком мало солдат. Нам не прорваться, а если бы и прорвались, то смогли бы разве что умереть вместе с Валанном.

— Так что же, будем спасать свои шкуры?

— Да. Надо предупредить поселенцев. Знаешь, почему пикты не подожгли форт горящими стрелами? Им ни к чему большой огонь, который мог бы предупредить остальных об опасности. Они хотят поскорее покончить с фортом, чтобы потом, пока никто не узнал о его падении, устремиться дальше на восток. Так, переправившись через Громовую реку, дикари смогут взять Велитриум прежде чем его жители поймут, что же случилось. И в любом случае, они уничтожат все живое между фортом и Громовой рекой.

Нам не удалось предупредить Валанна, но, как я понимаю, ему это все равно не помогло бы. В форте слишком мало людей. Еще несколько атак — и пикты заберутся на стены и разобьют ворота. Но еще можно предупредить поселенцев при дороге на Велитриум. Мы снаружи кольца, которым пикты обложили форт, и сейчас главное — не обнаружить себя. За мной!

Широким полукругом они стали огибать форт; вопли то взлетали волной, то опадали, отмечая новые атаки и отступления пиктов. Воины форта держались, но ярость дикарей от этого только усиливалась. Пронзительные крики постепенно перерастали в резкий визг, в котором угадывалась уверенность в скорой победе.

И вдруг, совершенно неожиданно для Балтуса, они вышли к дороге, ведущей на восток.

— Теперь — бегом! — отрывисто бросил Конан. Балтус стиснул зубы. До Велитриума было девятнадцать миль, до речки Скальпа, за которой начинались поселения, — добрых пять. Аквилонцу начинало казаться, что их бегству и стычкам с дикарями не будет конца. Но нервное возбуждение, разгонявшее в жилах молодую кровь, пробуждало к жизни исполинские силы.

Секач с опущенной к земле головой бежал впереди. Вдруг пес тихонько рыкнул — впервые за все это время он издал какой-то звук.

— Впереди — пикты! — прошептал Конан. Встав на колено, он дюйм за дюймом осмотрел небольшой участок дороги. Наконец, озадаченный, помотал головой: — Не пойму, сколько их. Может быть, летучий отряд из тех нетерпеливых, что не стали дожидаться падения форта, а отправились вперед, чтобы перерезать белых прямо в постелях. За мной!

Скоро впереди между деревьями сверкнуло пламя, и они услышали свирепые голоса, распевающие какую-то дикую, полную ненависти песню. Дорога здесь делала поворот. Свернув в сторону, они заскользили напрямик через заросли, и спустя несколько секунд уже смотрели на открывшуюся их глазам зловещую сцену. На дороге стояла телега, нагруженная убогим домашним скарбом. Все было в огне; запряженные в телегу быки лежали с перерезанными горлами. Чуть поодаль посреди дороги скорчились два тела — мужчины и женщины. обнаженные и жестоко израненные. А вокруг, размахивая окровавленными топорами, отплясывали в неудержимом веселье свой жуткий танец пятеро пиктов; один из них крутил над головой женское платье, густо испачканное алым.

При виде расправы глаза Балтуса застлал красный туман. Подняв лук, он прицелился в пляшущую фигурку, черным пятном выделяющуюся на фоне огня. Зазвенела тетива — и дикарь, вдруг подпрыгнув, рухнул на землю со стрелой в сердце. В следующий миг перед пораженными пиктами, точно разгневанные духи леса, предстали двое белых и огромный пес. Конаном двигала его душа воина, его извечная готовность к бою и старинная, корнями уходящая в далекое прошлое расовая ненависть; но Балтус весь так и кипел от ярости.

Первого пикта, вставшего у него на пути, он сразил мощным ударом топора; раскрашенный череп развалился надвое, и, перепрыгнув через труп, юноша бросился к остальным. Но Конан уже успел покончить с одним из двух, что он наметил для себя, а ко второму аквилонец не поспел: только он занес топор, как грудь воина пронзил широкий меч, и враг повалился на землю. Балтус с надеждой повернулся к пятому — над тем стоял Секач, из пасти пса каплями стекала кровь.

Балтус в глубоком молчании посмотрел на две жалкие фигурки, лежащие на дороге ярдах в пяти от горящей повозки. Оба были молоды, особенно женщина — на вид не больше двадцати. По непонятной причине пикты не изуродовали ее лица, и даже жестокие предсмертные муки не смогли исказить его красивые черты. Но прекрасное юное тело было все исполосовано ножами. На глаза юноши навернулись слезы, к горлу подступил комок. На мгновение он потерял контроль над собой. Ему захотелось пасть ничком и плакать, плакать, спрятав лицо и впиваясь в землю зубами.

— Какая-то молодая парочка. — Конан говорил бесстрастно, вытирая меч о траву. — Ехали в форт, тут пикты их и встретили. Парень, наверное, хотел поступить на службу в гарнизон, а может быть, взять землю. И то же ожидает всех мужчин, женщин и детей по эту сторону от Громовой реки, если мы не поможем им как можно скорее добраться до Велитриума.

Колени Балтуса дрожали, когда он шел вслед за Конаном. Но в легкой, уверенной походке киммерийца не было и намека на слабость. Между ним и огромным поджарым зверем, скользящим рядом, установилось некое подобие родства. Секач больше не ворчал, хотя по-прежнему принюхивался к земле. Дорога перед ними была свободна. Вопли с реки постепенно стихали, но Балтусу хотелось верить, что форт еще держится. Внезапно Конан с проклятием остановился.

Он указал на узкую дорогу, которая сворачивала с дороги на север. Дорога была старая, местами заросшая свежей молодой травой, и по этой траве недавно проехало колесо! Балтус скорее понял это шестым чувством, чем разглядел, хотя варвар, похоже, видел во тьме, как кошка. Киммериец показал, где широкие колеса телеги, сворачивая с большой дороги, оставили в мягкой лесной почве глубокий след.

— Поселенцы отправились на солончаки за солью, — с тревогой в голосе сказал он. — Они у самого края пограничья, примерно за десять миль отсюда. Проклятье! Их отрежут и перебьют всех до последнего! Сделаем так: предупредить людей при дороге можно и одному. Это за тобой: буди всех подряд и гони в Велитриум. Я найду тех, кто пошел за солью. Они должны разбить лагерь возле солончаков. На дорогу не вернемся, будем пробираться лесом.

Не вдаваясь в подробности, Конан свернул с дороги и быстро зашагал по едва различимым следам; а Балтус, проводив варвара взглядом, направился дальше по дороге.

Пес остался с юношей и сейчас бесшумно скользил у его ног. Они прошли ярдов сорок, как вдруг Секач глухо зарычал. Круто повернувшись, Балтус впился взглядом во тьму и застыл, пораженный: в направлении, которым ушел Конан, удалялся бесформенный сгусток призрачного зеленоватого света. В рычании пса послышался хрип, шерсть на его шее встала прямо; в темных зрачках заискрились зеленые огоньки. Юноша вспомнил мрачное видение, унесшее голову купца Тиберия, — это случилось где-то здесь, неподалеку, — и заколебался. Было ясно, что тварь преследовала Конана. Но с другой стороны, гигантский киммериец уже не раз доказывал свою способность позаботиться о себе, и Балтус решил, что долг обязывает его предупредить мирно спящих поселенцев, волею судьбы оказавшихся на пути кровавого урагана. Перед глазами встала жуткая картина — два мертвых, изуродованных пыткой тела около объятой пламенем повозки — и опасения за Конана вытеснил ужас за судьбу ничего не подозревающих людей.

Он побежал дальше по дороге, перешел вброд речку Скальпа и увидел первый дом поселенцев — длинное приземистое сооружение из отесанных бревен. В следующий миг аквилонец уже барабанил в дверь. Заспанный голос спросил, что ему нужно.

— Проснитесь! Пикты на этом берегу!

Ответ последовал незамедлительно. В доме послышался слабый вскрик, дверь распахнулась, и перед юношей предстала женщина в короткой ночной сорочке. Ее волосы в беспорядке разметались по плечам, в одной руке она держала горящую свечу, в другой сжимала рукоять топора. В перекошенном лице не было ни кровинки, в широко раскрытых глазах застыл ужас.

— Входите! — крикнула она. — Запремся в доме!

— Нет! Надо бежать в Велитриум! Их тысячи! Форт долго не продержится. Может быть, он уже пал. Одеваться некогда, берите детей и — бежим!

— Но как же муж... он ушел с другими за солью! — запричитала женщина, заламывая руки; из-за ее спины, щуря глаза, с опаской выглядывали три взъерошенных мальчугана.

— Их предупредит Конан. Он выведет их в безопасное место. У нас нет времени — надо успеть предупредить остальных.

Из груди женщины вырвался вздох облегчения.

— Хвала Митре! — воскликнула она. — Раз за ними пошел киммериец, значит, они спасены... если только это под силу смертному!

Страхи пропали — в ней проснулась энергия. Подхватив на руки младшего, она вытолкала старших перед собой в дверь. Балтус затоптал свечу, прислушался. Темный лес молчал.

— У вас есть лошадь?

— В конюшне, — простонала она. — Это там — скорее!

У сарая женщина дрожащей рукой отомкнула засов. Нетерпеливо отстранив ее, Балтус вошел в конюшню и вывел лошадь; затем, усадив детей на спину животного, велел им держаться за гриву и друг за друга. Несмотря на малый возраст, они серьезными глазами, без единого звука смотрели на нежданного гостя. Взяв лошадь под уздцы, женщина быстрым шагом пошла по дороге. В руке она по-прежнему сжимала топор, и Балтус знал, что в случае опасности она будет биться с яростью загнанной в угол пантеры.

Он задержался, напрягая слух. Наверняка форт уже пал, и значит, темнокожие орды, обезумевшие после резни и опьяневшие от запаха крови, мчатся сейчас с прытью голодных волков по дороге на Велитриум.

Наконец впереди показались неясные очертания еще одного дома. Женщина пронзительно закричала, предупреждая об опасности, но Балтус остановил ее. Подбежав к двери, он негромко постучал. Ответил слабый голос. В двух словах юноша рассказал о нападении, и тут же из дома лавиной выбежали его обитатели: старуха, четверо детей и две молодые женщины. Оказалось, что их мужья, не подозревая о близкой опасности, днем раньше тоже отправились за солью. Сраженная страшным известием, одна из них впала в транс, другая от отчаяния забилась в истерике. Но старуха — суровый старожил пограничья — грубым окриком привела обеих в чувство; затем помогла Балтусу вывести из загона за домом двух оседланных лошадей и усадить на них ребятишек. Балтус настаивал, чтобы она ехала вместе с детьми, но та только помотала головой, усадив вместо себя молодую женщину.

— Она ждет ребенка, — проворчала старуха. — А я еще могу ходить... и драться, если до того дойдет.

Они уже вышли на дорогу, когда шагавшая рядом женщина спросила Балтуса:

— Незадолго до сумерек мимо проехала молодая пара. Мы им советовали заночевать у нас, но они торопились попасть в форт до наступления темноты. Они... они...

— Они встретили пиктов, — коротко бросил аквилонец, и женщина всхлипнула в ужасе.

Едва дом скрылся из виду, как с той стороны, приглушенный расстоянием, донесся протяжный резкий вопль.

— Волк! — воскликнул кто-то из взрослых.

— Волк, — согласился Балтус, — только размалеванный и с топором в руке. Езжайте вперед! Будите всех и забирайте с собой. Я — следом.

Не сказав ни слова, старуха, как опытный пастух, погнала перед собой ватагу подопечных. Караван уже скрылся во тьме, и там маячили лишь бледные овалы — обращенные к нему личики детей. Балтус вспомнил родных, оставшихся в Туране, и на него нахлынула непривычная слабость. Поддавшись чувствам, он опустился на корточки, положил руку на мускулистую шею пса, и тут же почувствовал, как его лица коснулся влажный и теплый собачий язык.

Юноша через силу улыбнулся.

— Ну что, дружище, — пробормотал он, вставая. — Вот и для нас нашлась работа.

Среди деревьев мелькнул и начал быстро разгораться красный свет: пикты подожгли брошенный дом. Он усмехнулся. Уж и побесится Зогар Саг, когда узнает, что его воины не смогли совладать со своими дикарскими наклонностями. Этот пожар поднимет на ноги многих, а значит, люди проснутся и успеют собраться еще до того, как к их домам подъедут беглецы. Однако лицо аквилонца оставалось серьезным. Женщины идут медленно, лошади перегружены. Быстроногие пикты нагонят их через какую-нибудь милю, если только...

Место для засады он выбрал за грудой поваленных деревьев у обочины дороги. Участок к западу был освещен горящим домом, и когда показались пикты, он их увидел первым — крадущиеся черные фигурки на фоне полыхающего за деревьями пожара.

Прицелившись в одну из голов, Балтус пустил стрелу, и дикарь мешком повалился на землю. Остальные немедленно растворились в лесу по обе стороны дороги. Секач тихонько заскулил — ему не терпелось убивать. Но вот у кромки леса возникла неясная тень и бесшумно скользнула через дорогу к упавшим деревьям. Вновь зазвенела тетива,

никт завопил и, ковыляя, отступил в тень: стрела пронзила его бедро. Секач обогнул груду деревьев и, подкравшись сбоку, прыгнул в заросли. По кустам словно пронесся ураган; затем все стихло, и скоро пес ткнулся носом в руку юноши — на морде зверя алела кровь.

Больше никто не появлялся, и Балтус уже начал опасаться, что враг, сделав большой крюк, просто обошел его засаду, как вдруг слева от него раздался слабый шорох. Он тут же пустил наугад стрелу и выругался, услышав глухой звук: наконечник вонзился в дерево. И снова Секач скользнул в темноту; послышался треск, горловое бульканье, и бесшумно, как привидение, пес показался из зарослей. Своей крупной, в алых пятнах головой он потерся о бедро Балтуса. Из раны на плече пса сочилась кровь, но с той стороны больше не донеслось ни звука.

Остальные воины, скрывавшиеся в придорожных зарослях, как видно, кожей почувствовали, какая смерть настигла их товарища, и потому решили, что лучше уж атаковать в открытую, чем угодить в лапы ужасного зверя-невидимки. К тому же они, возможно, поняли, что за стволами — всего один человек. Внезапно выбежав на дорогу, они с двух сторон помчались к поваленным деревьям. Трое упали, пронзенные стрелами, еще двое замялись. Один развернулся и помчался прочь; зато другой, оскалив зубы и замахнувшись топором, ринулся на укрепление. Балтус вскочил, но поскользнулся — это спасло ему жизнь. Топор, чиркнув по голове, сбрил добрую прядь волос; и дикарь, потеряв равновесие, скатился вниз. Прежде чем он успел подняться, Секач разорвал его горло.

Затем наступило напряженное ожидание. Балтус терялся в догадках: был ли струсивший воин единственным, кто уцелел в отряде дикарей, или в зарослях затаились другие? Может быть, это была всего лишь банда грабителей, которые не стали задерживаться у форта? А что, если это отряд, посланный на разведку впереди главных сил? Но в любом случае с каждой минутой растут шансы на спасение женщин и детей, которые спешат сейчас по дороге на Велитриум.

Внезапно над укрытием аквилонца со свистом пронесся настоящий вихрь стрел. Из придорожного леса вырвался дикий боевой клич. Это означало одно из двух: или уцелевший воин вернулся с подмогой, или подоспела другая банда грабителей. К тому времени дом уже догорел и рассыпался грудой углей, но света было достаточно. И вот

враг показался: призрачные черные тени, мелькающие между деревьями по ту сторону дороги. Выпустив последние три стрелы, Балтус отбросил бесполезный лук. Словно чувствуя его отчаянное положение, дикари приближались медленно, уже не вопя, но сохраняя гробовое молчание; и только частый топот босых ног нарушал тишину.

Юноша обхватил руками голову огромного, глухо рычащего пса, прошептал: «Ничего, дружище, — мы им покажем!» — и, вскочив на ноги, сжал рукоять топора. А потом... потом через край хлынул поток коренастых, смуглых тел — и завертелся вихрь из топоров, ножей и яростных клыков, рвущих живую плоть!

Глава 7

БОЛОТНЫЙ ДЬЯВОЛ

Сворачивая с дороги на Велитриум, Конан полагал, что до солончаков не меньше девяти миль, а потому сразу припустил что было духу. Но не успел он пробежать и четырех, как услышал впереди шум бегущих ног. Судя по оглушительному топоту, это были белые. Он их окликнул.

— Кто там? — раздался в ответ грубый голос. — Стой где стоишь, пока тебя не разглядим, не то получишь стрелу.

— Ты в таком мраке и в слона не попадешь, — нетерпеливо отмахнулся Конан. — Хватит дурить, это я — Конан. Пикты переправились через реку.

— Я так и думал. — Вперед выступил старший группы, за ним другие — все рослые, мускулистые мужчины с суровыми обветренными лицами; у каждого в руках был лук. — Один из наших ранил антилопу и шел по ее следу до самой Черной реки. Он слышал их вопли ниже по реке и сразу примчался в лагерь. Мы бросили и соль и повозки, выпрягли быков и побежали обратно так быстро, как могли. Ведь если пикты осадили форт, значит, их банды рыщут по дороге и очень скоро они доберутся до наших домов.

— Ваши семьи в безопасности, — сказал Конан. — Мой товарищ позаботится, чтобы они добрались до Велитриума. Но если мы сейчас выйдем на большую дорогу, то, скорее всего, напоремся на орды дикарей. Поэтому возьмем к югу напрямик через чащу. Идите впереди, я буду прикрывать.

Убеждать не пришлось. Через пару секунд вся ватага уже мчалась на юг. Конан следовал за беглецами — медленнее, однако в пределах слышимости. Он выругался про себя: эти поселенцы лезут напролом, как стадо слонов; ровно столько же пиктов или киммерийцев, двигаясь через чащу, подняли бы не больше шума, чем легкий ветерок, запутавшийся в ветвях.

Варвар только что пересек небольшую прогалину, как вдруг природный инстинкт, которому он чутко следовал и который никогда его не обманывал, приказал ему — оглянись! Круто повернувшись, он замер, вслушиваясь в ночные шорохи. Шум от бегущих постепенно стих. Внезапно с той стороны, откуда он шел, донеслось слабое:

— Конан! Конан! Подожди меня, Конан!

— Балтус? — Сбитый с толку, киммериец выругался, но, быстро придя в себя, осторожно позвал: — Я здесь!

— Подожди, Конан! — Голос звучал уже более отчетливо.

Выступив из-за кустов, Конан гневно зарычал:

— Какого дьявола ты сюда приплелся?! Разве я не сказал тебе... Кром всемогущий!

Он чуть пригнулся, по спине пробежала холодная волна. На той стороне прогалины Балтуса не было. Там, за деревьями, разгорался зловещий свет. Вот жуткое видение показалось из зарослей и двинулось вперед, к человеку — сгусток зеленоватого колдовского огня, в действиях которого, однако, угадывались определенная цель и намерение.

На расстоянии нескольких футов от варвара оно остановилось; расширенными от ужаса глазами Конан, не отрываясь, смотрел на видение, пытаясь угадать в зеленоватых переливах хоть какие-то формы. Было ясно, что ядро у сгустка плотное — пламя являлось не более чем покровом, под которым скрывалось живое, источающее зло существо; но как киммериец ни пытался, он не мог разглядеть его очертания. И вдруг из центра огненного столба раздался голос:

— Варвар, почему ты стоишь, как овца под ножом мясника?

Слова были знакомые, но голос — резкий и вибрирующий — не мог принадлежать ни одному из людей.

— Как овца? — Волна ярости подавила минутный страх. — Неужели ты думаешь, что я испугаюсь какого-то болотного дьявола пиктов? Я здесь, потому что меня позвал друг.

— Это я звал тебя его голосом, — прозвучало в ответ. — Те, кого ты сопровождаешь, принадлежат моему брату; я не стану лишать его удовольствия выпустить им кровь. Но ты, варвар, ты — мой. Жалкий гордец! Ты пришел сюда с далеких серых гор Киммерии — и все для того, чтобы найти в лесах Конаджохары свою смерть.

— Ты мог бы явиться ко мне и раньше, — презрительно бросил Конан. — Почему же до сих пор не убил?

— Тогда мой брат еще не выкрасил череп черным и не бросил его в незатухающее пламя черного алтаря бога Гуллы. Он не шепнул твоего имени мрачным духам, летающим над холмами царства Тьмы. Но вот из-за гор Мертвецов прилетела летучая мышь и нарисовала кровью твое лицо на белой тигровой шкуре, что висит перед длинной хижиной, в которой спят Четверо Братьев Ночи. Их ноги обвивают огромные змеи, а в волосах, как светлячки, мерцают россыпи звезд.

— За что боги Тьмы приговорили меня к смерти? — прорычал киммериец.

Что-то — рука ли, лапа или коготь — Конан не понял — протянулось от огня к земле и быстрыми штрихами начертило знак. Конан опустил глаза — и невольно вздрогнул: у его ног, на рыхлой лесной почве, пламенел таинственный символ; еще миг — и он погас, но варвар разглядел все до последней линии.

— Ты осмелился начертить знак, который доступен лишь жрецам Джеббаль Сага. Гром прокатился по черным горам Мертвецов, и ветер с залива Призраков разметал хижину с алтарем бога Гуллы. Полярная гагара, что служит вестником у Четырех Братьев Ночи, прилетела как молния и прошептала мне твое имя. Твой народ побежден. А ты... ты уже мертв! И скоро твой череп украсит ритуальную хижину моего брата, а тело склюют остроклювые, чернокрылые дети Джаббаля.

— Может быть, скажешь наконец, кто твой брат? — вызывающе бросил Конан. В его правой руке поблескивал обнаженный меч, левой он потихоньку вытаскивал из-за пояса топор.

— Ты знаешь его. Это — Зогар Саг, потомок Джеббаль Сага, который до сих пор время от времени бывает в своих священных рощах. Однажды в одной из них он застал спящую женщину из Гвавелы. Ее ребенок — Зогар Саг. Я тоже сын Джеббаль Сага, моя мать — женщина огненного народа

из далекого мира. Зогар Саг призвал меня к себе. С помощью чар, заклинаний и собственной крови он облек меня в плоть людей вашей планеты. Связанные невидимыми нитями, мы сейчас — единое целое. Его мысли — мои мысли; если ударят его, я тоже чувствую боль. Если я ранен, у него будет такая же рана, которая будет так же кровоточить... Но хватит, я сказал достаточно. Скоро твой дух встретит духов царства Тьмы, и те поведают тебе о древних богах, которые не умерли, но спят во внешних пространствах, лишь изредка просыпаясь, чтобы напомнить о себе.

— Хотел бы я посмотреть на твое подлинное обличье, — пробормотал Конан, вытаскивая весь топор. — Что ты за тварь такая, если не оставляешь на земле следов, горишь, как огонь, и вдобавок еще говоришь человеческим голосом.

— Увидишь, — донеслось из огненного сгустка, — увидишь и унесешь воспоминание обо мне с собою в царство Тьмы.

Языки пламени взметнулись вверх — и сразу опали, огонь съежился, померк. В ярком свете начали проступать неясные черты. Сначала Конан подумал, что это сам Зогар Саг стоит перед ним в одеянии из зеленого огня. Однако лицо находилось фута на два выше его собственного, и в нем было что-то демоническое. Конан давно обратил внимание на уродство Зогар Сага: на его заостренные уши, косые глаза, по-волчьи тонкие губы, но в этом зеленом чудище отталкивающие черты колдуна были многократно усилены. В глазах, красных как угли, полыхал живой огонь.

Постепенно фигура обретала четкость: гибкое сухопарое тело в змеиной чешуе чем-то напоминало человека, худые руки росли от пояса вверх; длинные журавлиные ноги оканчивались трехпалой стопой, как у огромной птицы. По всем конечностям чудовища перебегали голубые огоньки. Легкий мерцающий туман окутывал его формы.

И вдруг, совершенно неожиданно, видение очутилось рядом с ним. Длинная рука — он только сейчас заметил на ней кривые острые когти — потянулась к его шее. Конан яростно зарычал, наваждение пало — и, пригнувшись, он метнул топор. Но демон, с невероятным проворством откинув назад узкую голову, уклонился от топора и снова навис над человеком; варвар услышал, как чешуйчатую кожу с шипением обвивают языки зловещего пламени.

Но если прежние жертвы чудовища были скованы животным ужасом, то Конан не испытывал ни малейшего

страха. Он четко усвоил, что холодной стали податливо любое, облаченное в осязаемую плоть существо — будь оно даже самой мерзкой, самой жуткой наружности.

Длинный, как серп, коготь сбил с головы варвара шлем. Чуть ниже — и Конан остался бы без головы. Но тут же его захлестнул дикий восторг: меч, пробив кожу, вонзился меж ребер врага. Отскакивая от удара лапой, он одновременно выдернул клинок. Когти прошлись по груди, разрывая стальную кольчугу, словно шелк. И сразу — ответный выпад, стремительный и точный, как прыжок голодного волка. Доля секунды — и Конан уже промеж шарящих в воздухе рук, еще миг — и он погружает свой меч глубоко в брюхо чудовища! Но тут же его обхватили страшные руки, и он услышал скрежет раздираемой поперек спины кольчуги; на него обрушился град ударов, глаза ослепил голубой, холодный как лед огонь. Наконец, яростно рванувшись, он оторвался от быстро слабеющих рук, и его меч описал в воздухе широкую дугу.

Демон качнулся и неуклюже повалился набок — его голова висела на лоскуте кожи. Языки пламени, скрывающие чудовище, взметнулись вверх и налились красным, как свежепролитая кровь. В ноздри варвара ударил запах паленого мяса. Помотав головой, чтобы вытряхнуть из глаз капли крови и пота, Конан повернулся и, запинаясь, побежал в чащу леса. По ногам его стекала кровь. Где-то далеко, за несколько миль к югу, он увидел слабый свет — еще одна горящая хижина. За его спиной, со стороны дороги, поднимался и рос дикий вой, отчего силы Конана множились с каждой минутой.

Глава 8

КОНАДЖОХАРЕ — КОНЕЦ

И была битва на Громовой реке — жестокая и беспощадная, у самых стен Велитриума. Топоры и факелы прошлись вдоль ее берегов, и не один дом мирных поселенцев обратился в пепел, прежде чем размалеванные орды откатились обратно в свои мрачные леса.

За ураганом наступил непривычный покой. Собравшись вместе, люди обсуждали последние события, привычно

приглушая голоса. По всем тавернам сидели воины с кровавыми повязками и молча, кружку за кружкой, пили эль.

В одном из таких заведений к Конану-киммерийцу, мрачно потягивающему вино из огромного стеклянного кубка, подсел сухопарый воин-лазутчик; голова его была затянута белой, с кровавым пятном тряпкой, правая рука — на перевязи. Он единственный уцелел из всего гарнизона форта Тасцелан.

— Ты ходил с воинами к руинам форта? — спросил он.

Конан кивнул.

— А я так и не смог, — тихо сказал воин. — Был бой?

— Нет. Пикты убрались за Черную реку. У них вдруг отчего-то сдали нервы; хотя только один дьявол — их прародитель — знает, в чем тут дело.

Воин взглянул на перевязанную руку и вздохнул.

— Говорят, там даже некого было хоронить.

Конан покачал головой:

— Был пепел. Перед переправой пикты стащили трупы в форт и подожгли его. Сгорели все — и дикари и воины Валанна.

— Валанн погиб в числе последних в рукопашной схватке, когда пали ворота, — тихо сказал воин. — Дикари хотели взять его живым, но Валанн дрался отчаянно и вынудил пиктов убить себя. Нас, десяток оставшихся в живых, взяли в плен, когда уже совсем не осталось сил. Они прикончили уже девять воинов. И если бы не внезапная смерть Зогар Сага, мне ни за что не удалось бы вырваться на свободу.

— Так Зогар Саг мертв? — воскликнул Конан.

— Да. Я видел его конец. Потому-то на Велитриум пикты наседали не так яростно, как на форт. Да-а. Странная это была смерть: ведь во время штурма колдун не получил ни одной царапины. Он плясал среди убитых, размахивая топором, которым только что раскроил череп последнему из моих товарищей; наконец, завывая волком, стал подступать ко мне, как вдруг точно споткнулся, выронил топор и завертелся на месте, вопя так страшно, как не кричит, наверное, ни один зверь и уж точно — ни один человек. Он упал как раз между мной и костром, на котором меня собирались поджаривать, — глаза из орбит, у рта пена — дернулся и будто разом окоченел. И тут же все пикты завопили, что их шаман помер. Поднялась жуткая суматоха, про меня забыли, и тогда я потихоньку развязал веревки — и со всех ног припустил к лесу.

Я хорошо разглядел его в свете факелов. Его не коснулись ни стрела, ни клинок, однако на теле были кровавые следы, как будто раны от ударов мечом — меж ребер, на животе и на шее — там такая обширная, что голова буквально висела на ниточке. Что это было, как ты думаешь?

Конан ничего не ответил, и воин, знакомый со сдержанным отношением варваров к некоторым вещам, продолжал:

— Он жил своей магией и умер от магии. Именно тайна его смерти лишила пиктов их безрассудной храбрости. Ни один из тех, кто видел его конец, не бился под Велитриумом. Те сразу убрались обратно за Черную реку. Сражавшиеся на Громовой реке ушли из-под форта раньше, чем умер Зогар, и их оказалось слишком мало, чтобы взять город.

Я шел по дороге за их главными силами и точно знаю, что за моей спиной никого не было. Потом прокрался сквозь их расположения в город. Тебе удалось провести по Пограничью поселенцев-мужчин, но их женщинам и детям, когда перед ними открывали ворота, размалеванные дьяволы так и дышали в затылки. Если бы юный Балтус и старина Секач не задержали дикарей, те перерезали бы всех женщин и детей Конаджохары. Я проходил мимо того места, где Балтус и пес держали свой последний рубеж. Они лежали посреди кучи мертвых пиктов — я насчитал семерых с раскроенными черепами и с разорванными горлами, а на дороге лежали еще несколько, убитые стрелами. О боги! Вот это был бой!

— Он был настоящим мужчиной, — сказал Конан. — Я пью в честь его духа и духа пса, не знавшего, что такое страх. — Одним глотком варвар осушил кубок на четверть и, странным, языческим жестом вылив остаток вина на пол, вдребезги разбил бокал о каменную плиту. — Десять пиктов заплатят своими головами за смерть юноши, еще семь — за смерть пса, который стоит больше любого воина-человека.

И, заглянув в голубые, теплящиеся жестоким огоньком глаза варвара, воин понял, что обещание свое тот сдержит.

— Форт восстановят?

— Нет. Конаджохара для Аквилонии потеряна. Граница отодвинута. Новой границей станет Громовая река.

Воин вздохнул и, опустив глаза, посмотрел на свою огрубевшую руку, годами сжимавшую рукоять меча или топора. Конан потянулся через весь стол к кувшину с вином. Глядя на огромного варвара, воин сравнивал его с теми, кто окружал их в ту минуту, с теми, кто напрасно

погиб на берегах потерянной Черной реки, сравнивал и с дикарями, обитавшими за этой рекой. Конан, похоже, не замечал его испытующего взгляда.

— Похоже, варварство — естественное состояние для человечества, — наконец сказал воин, по-прежнему мрачно глядя на киммерийца. — Цивилизация для нас — излишество, гримаса природы. И варварство всегда и всюду возьмет свое.

Глава 1
СПЯЩИЙ, ПРОБУДИСЬ!

Дрогнуло пламя длинных тонких свечей. По стенам заметались черные тени. Всколыхнулись бархатные занавеси, потревоженные неосязаемым дуновением. Четверо мужчин стояли у стола из черного дерева, на котором покоился зеленый саркофаг, отблескивавший подобно нефриту. В четырех воздетых руках горели зловещим зеленоватым огнем черные свечи. Снаружи была ночь, слышался стон ветра, заблудившегося меж голых деревьев...

Напряженная тишина царила в чертоге, лишь тени беззвучно перемещались по стенам. Четыре пары горящих глаз приникли к саркофагу, на поверхности которого корчились таинственные иероглифы, казалось, оживавшие в неверном блеске свечей.

Человек, стоявший в изножье саркофага, склонился над ним и повел свечой, словно пером, чертя в воздухе мистический символ. Затем он вставил свечу в подсвечник черненого золота, стоявший подле саркофага, и, пробормотав некую формулу, недоступную слуху сообщников, опустил широкую белую руку в складки своей мантии, отороченной мехом. Когда он извлек руку, всем показалось, будто он держал на ладони сгусток живого огня.

Трое других приглушенно ахнули.

— Сердце Аримана!.. — прошептал темноволосый, мощного сложения мужчина, стоявший в головах саркофага. Державший камень тотчас вскинул руку, призывая всех к тишине.

Где-то далеко тоскливо завыла собака, по ту сторону надежно запертых дверей послышались крадущиеся шаги. Но ни один из четверых не отвел взгляда от крышки саркофага, над которой человек в отделанной горностаями мантии водил

в воздухе огромным пламенеющим камнем, вполголоса произнося заклинание. Это заклинание было древним еще в те времена, когда море сомкнулось над Атлантидой. Сияние камня слепило глаза; никто не понял, что именно произошло, но резная крышка саркофага с внезапным грохотом разлетелась на части, ни дать ни взять раздробленная чудовищной силой, рвавшейся изнутри. Четверо мужчин тотчас склонились над саркофагом, с жадностью разглядывая то, что лежало внутри, — сморщенную, иссохшую мумию. Сквозь истлевшие повязки виднелась бурая кожа, туго обтянувшая кости. Руки и ноги мумии походили на ветви мертвого дерева.

— И ты хочешь оживить *это*?.. — Коротышка, стоявший по правую руку, сопроводил свои слова коротким язвительным смешком. — Да оно же рассыплется от прикосновения! Мы глуп...

— Тихо!.. — повелительно прошипел тот, что держал сияющую драгоценность. Его глаза были расширены, на высоком бледном лбу выступил пот. Он наклонился и, не прикасаясь руками, опустил на грудь мумии пламенеющий камень. Потом отступил назад, не сводя с нее напряженного, почти яростного взгляда. Его губы шевелились, беззвучно произнося слова волшебства...

Огненный шар, мерцая, сверкал на безжизненной, иссохшей груди... Но вот смотревшие изумленно втянули воздух сквозь плотно сжатые зубы. Ибо прямо на глазах у них началось жуткое преображение. Мумия начала расти, наливаться, обретая плоть. Повязки рвались на ней, рассыпаясь коричневой пылью. Распрямлялись съежившиеся члены. Постепенно светлела бурая кожа...

— Во имя Митры! — прошептал стоявший слева высокий желтоволосый мужчина. — По крайней мере, он не был стигийцем! Хотя бы в этом мы не ошиблись...

И вновь воздетый палец, дрожа, призвал к тишине. Собака снаружи больше не выла. Она скулила, словно ей приснился дурной сон; потом стих и этот звук, зато желтоволосый явственно расслышал скрип двери — так, словно с той стороны на нее навалилась неодолимая сила. Он уже начал было поворачиваться, протягивая руку к мечу...

— Остановись! — прошипел человек в горностаевой мантии. — Не разрывай цепи! И не подходи к двери, если тебе дорога жизнь!

Пожав плечами, желтоволосый повернулся обратно — и замер, потрясенный увиденным. В нефритовом саркофаге

лежал живой человек — высокий, хорошо сложенный, нагой мужчина. У него была белая кожа и темные волосы и борода. Он лежал неподвижно, открытые глаза были бессмысленны, точно у новорожденного. Камень искрился и пылал у него на груди.

Человек в горностаях слегка пошатнулся, точно сбрасывая с плеч непосильную тяжесть.

— О Иштар! — выдохнул он. — Это в самом деле Ксальтотун! И он действительно ожил! Валерий, Амальрик, Тараск!... Вы видите? Видите?.. Вы сомневались во мне, но я сумел справиться! Да, нынче мы вплотную приблизились к раскрывшимся вратам Преисподней, силы тьмы дышали нам в спину — о, они до последнего следовали за ним... И все-таки мы сделали это! Мы вернули к жизни величайшего из волшебников...

— И, несомненно, обрекли свои души на вечную муку, — пробормотал смуглый коротышка Тараск.

Желтоволосый Валерий рассмеялся резким, неприятным смехом:

— Какие муки могут быть горше этой жизни?.. Считай, все мы прокляты с колыбели... Да и кто откажется продать свою жалкую душонку за трон?..

— В его взгляде нет разума, Ораст, — сказал здоровяк.

— Он долго пролежал мертвым, — ответил Ораст. — Он похож на только что разбуженного. Его разум еще пуст после долгого сна... какое там сна — ведь он был мертв! Мы вызвали его дух из бездны тьмы и забвения... Надо поговорить с ним.

Он наклонился над саркофагом и, вперив взгляд в широко раскрытые темные глаза лежавшего внутри, медленно произнес:

— Пробудись, Ксальтотун!

Губы воскрешенного дрогнули и шевельнулись.

— Ксальтотун? — повторил он неуверенным шепотом, словно ощупывая перед собою дорогу.

— Ты — Ксальтотун! — проговорил Ораст, подобно гипнотизеру, вводящему свою жертву в транс. — Ты — Ксальтотун из Пифона, что в Ахероне.

Далекое пламя встрепенулось в темных глазах...

— Я тот, кто был Ксальтотуном, — послышался шепот. — Я мертв.

— Ты — Ксальтотун! — вскричал Ораст. — Ты не мертв более. Ты — жив!

— Я — Ксальтотун, — жутко прошелестело в ответ. — Но я умер. Там, в Стигии, в городе Кеми, в своем доме.

— И отравившие тебя жрецы забальзамировали твое тело, не тронув ни единого органа! — воскликнул Ораст. — Велико было их черное искусство, но теперь ты снова живешь! Сердце Аримана вернуло тебе жизнь, возвратив твой дух из пустых пространств вечности...

— Сердце Аримана! — Огонек воспоминания разгорелся ярче — Варвары похитили его у меня...

— Память возвращается к нему, — пробормотал Ораст. — Поднимите его из саркофага!

Остальные повиновались после некоторого колебания. Нехотя прикоснулись они к ими же воссозданному человеку. Их пальцы ощутили твердую, мускулистую плоть, пышащую полнокровной жизнью, но легче от этого никому почему-то не стало. И все-таки они усадили ожившего. Ораст же обрядил его в темно-фиолетовую мантию, усыпанную золотыми звездами и полумесяцами, а потом повязал ему на голову златотканую ленту, перехватив волнистые черные пряди, падавшие на плечи. Оживший не воспротивился им ни словом, ни жестом; молча дал он усадить себя в высокое кресло, напоминавшее трон с высокой спинкой черного дерева, серебряными подлокотниками и ножками в виде когтистых позолоченных лап. Он сидел неподвижно, лишь в темных глазах медленно разгорался пробудившийся разум. Казалось, два затонувших светоча всплывали со дна бездонных колодцев, наполняя странным свечением полонившую их тьму.

Ораст исподтишка покосился на своих сообщников, с болезненным интересом вглядывавшихся в своего удивительного гостя. У этих людей были железные нервы: они выдержали испытание, способное свести с ума человека менее закаленного. Что ж, Ораст знал с самого начала: он сговаривался не с какими-то слабаками, но с воинами, чье проверенное мужество не уступало способности ко злу, которая таилась в их душах, и необузданному властолюбию, способному смести любые законы... Ораст вновь обратил взгляд на человека, занявшего черный трон. Как раз в это время тот наконец заговорил.

— Я помню... — произнес он сильным, звучным голосом по-немедийски, со странным архаичным акцентом. — Я — Ксальтотун. Я был верховным жрецом Сэта в городе Пифон, что в Ахероне. Сердце Аримана... мне приснилось, будто оно снова обретено. Где оно?

Ораст вложил кристалл ему и руку, и великий маг глубоко вздохнул, вглядываясь в глубины камня, пылавшего у него на ладони страшным огнем.

— Давным-давно Сердце было похищено у меня, — проговорил он. — Алое Сердце ночи, властное спасти или проклясть. Издалека прибыло оно, из дальних времен... Никто не мог противостоять мне, пока оно было у меня. Но его похитили, и пал Ахерон, я же изгнанником бежал в мрачную Стигию. Я мнóгое помню, но многое и позабыл... Я пребывал в далеком краю, за непроницаемыми туманами, за безбрежными океанами мрака. Какой теперь год?

— Завершается год Льва, — ответил Ораст, — со времени падения Ахерона минуло три тысячи лет,

— Три тысячи лет! — пробормотал маг. — Так долго!.. Но кто вы такие?

— Я — Ораст, бывший когда-то жрецом Митры. Это — Амальрик, барон Тора, что в Немедии, это — Тараск, младший брат немедийского короля, а этот высокий молодой человек — Валерий, законный наследник престола Аквилонии.

— Зачем вы вернули меня к жизни? — спросил Ксальтотун. — Что вам от меня нужно?

Теперь не могло быть никакого сомнения в том, что он воистину жив: пристальный взгляд говорил о деятельной работе ясного, бодрствующего ума. Да и в поведении его не осталось и намека на неуверенность и сомнение. Его вопрос был прям: должно быть, он хорошо знал — люди не склонны давать что-либо даром. Ораст ответил ему с той же прямотой:

— Сегодня мы отворили врата Преисподней и, освободив твою душу, вернули ее в тело, ибо нам нужна твоя помощь. Мы хотим, чтобы Тараск взошел на трон Немедии, а Валерий завладел короной Аквилонии. Твое искусство некроманта должно нам помочь.

Но цепкий ум Ксальтотуна не пропускал ни единой мелочи.

— Ты, Ораст, и сам наверняка не новичок в нашем искусстве, раз уж сумел меня воскресить. Как вышло, что жрец Митры умело пользуется Сердцем Аримана и заклинаниями Скелоса?

— Я более не жрец Митры, — ответил Ораст. — Занятия черной магией послужили причиной моего изгнания из Ордена. Если бы не присутствующий здесь Амальрик, меня, всего вероятнее, сожгли бы как колдуна. Лишение жречес-

кого сана, однако, развязало мне руки, и я приступил к дальнейшим занятиям. Я объехал Замору, Вендию и Стигию, я прошел населенные призраками джунгли Кхитая. Я читал книги Скелоса, переплетенные в железо, спускался в глубочайшие колодцы, чтобы побеседовать с незримыми существами. Безликие видения говорили со мной в смрадной черноте джунглей. Наконец во внутренней Стигии, в посещаемых демонами подземельях гигантского храма Сэта, мне попался на глаза твой саркофаг. Я изучил искусство, способное вдохнуть жизнь в твое иссохшее тело. Изъеденные плесенью манускрипты поведали мне о Сердце Аримана... Целый год потратил я на его поиски — и вот оно здесь!

— Тем непонятнее, зачем тебе понадобилось возиться со мной. — Ксальтотун не сводил с Ораста пронизывающего взгляда. — Почему ты сам не использовал силу, заключенную в Сердце?

— Потому, — ответствовал жрец, — что сегодня его секретов не знает никто. Даже легенды прошлого ни единым намеком не говорят о том, как пробудить его мощь. Я знал лишь, что оно способно возвратить жизнь, но большие откровения мне недоступны. Я смог использовать его лишь для того, чтобы воскресить тебя. Нам нужны твои познания, Ксальтотун. Лишь ты знаешь Сердце и его жуткие тайны!

Ксальтотун покачал головой, задумчиво вглядываясь в рдеющие глубины камня.

— Мои некромантические познания в самом деле превосходят познания всех прочих людей, вместе взятых, — сказал он наконец. — Но и я в полной мере не овладел силой кристалла. В прежней моей жизни я и не пытался взывать к Сердцу — лишь хранил его, чтобы оно не было использовано против меня. Когда же по прошествии лет его все-таки похитили, то в руках убранного перьями шамана дикого племени оно развеяло всю мою магическую мощь... Потом Сердце исчезло неведомо куда, я же был отравлен стигийскими жрецами, так и не успев его отыскать.

— Оно хранилось в пещере под храмом Митры в Тарантии, — сказал Ораст. — Найдя твои останки в подземном храме Сэта, я одолел еще немало извилистых путей, прежде чем мне удалось его обнаружить. Заморийские воры, отчасти защищенные моими заклятиями, — лучше не упоминать, где я их вычитал, — выкрали твой саркофаг из самых когтей тех, что приставлены были охранять его во мраке. Долго путешествовал он с караваном верблюдов,

на галере, на повозке, запряженной быками, и прибыл наконец сюда, в этот город. Те же воры — вернее, те из них, что уцелели в исполненном ужасов путешествии, — похитили и Сердце Аримана из охраняемой демонами пещеры под храмом Митры. Вся их ловкость, все могущество моих заклинаний едва не оказались бессильны... Лишь один сумел выбраться живым из проклятого подземелья. Из рук в руки передав мне камень, он умер в мучениях, пытаясь в предсмертном бреду рассказать о том, что предстало его глазам... Во всем свете нет людей, столь же верных данному слову, как заморийские воры! И даже с помощью моих заклинаний никто, кроме них, не был способен выкрасть Сердце из тайника, в котором демоны тьмы стерегли его три тысячи лет со дня падения Ахерона!..

Откинув львиную голову, Ксальтотун уставился немигающим взглядом в пространство, словно пытаясь прозреть минувшие века.

— Три тысячи лет! — повторил он. — Во имя Сэта! Поведайте же мне, что переменилось в мире!

— Варвары, уничтожившие Ахерон, основали новые королевства, — начал рассказывать Ораст. — На развалинах империи возникли три державы — Аквилония, Немедия и Аргос, называемые так по основавшим их племенам. Древние королевства Офира, Коринфии и западного Кофа, подчинявшиеся когда-то ахеронским владыкам, с распадом империи вновь обрели независимость...

— Что же сталось с ахеронским народом? — спросил Ксальтотун. — Когда я бежал в Стигию, Пифон лежал в руинах и сандалии варваров попирали залитые кровью города Ахерона — великие города!

— В горах еще живут разрозненные племена, которые похваляются, будто ведут свой род от ахеронцев, — ответил Ораст. — Все остальные были сметены с лица земли моими предками-варварами. Видишь ли, они — мои предки — достаточно натерпелись в свое время от королей Ахерона...

Жестокая и жуткая улыбка искривила губы пифонца.

— О да! Множество варваров — мужчин и женщин, — крича от ужаса, умерло на алтарях под этой самой рукой! Я видел, как на главной площади Пифона складывались пирамиды из их голов, когда короли возвращались из походов на запад, везя добычу и ведя толпы нагих пленников...

— О да, — кивнул головою Ораст. — И когда настал день возмездия, мечи не ведали отдыха. Итак, Ахерон пал,

а Пифон с его пурпурными башнями стал всего лишь полузабытой легендой. Но на руинах родились и возвысились юные королевства. И вот мы вызвали тебя из прошлого, чтобы ты помог нам управлять этими королевствами. Быть может, ты не найдешь в них чудес древнего Ахерона, и все-таки они могучи, богаты и вполне заслуживают того, чтобы сражаться за них. Смотри! — И Ораст развернул перед магом карту, с немалым искусством нарисованную на тонком пергаменте.

Ксальтотуну хватило одного взгляда, чтобы в изумлении встряхнуть головой:

— Я смотрю, изменились самые очертания земли! Так нечто знакомое иной раз видишь во сне неузнаваемо искаженным...

— И тем не менее, — указывая пальцем, продолжал Ораст, — вот Бельверус, столица Немедии, где мы ныне находимся. А вот здесь пролегли границы Немедии. На юге и юго-востоке лежат Офир и Коринфия, к востоку — Бритуния, а на западе — Аквилония.

— Это карта мира, который мне совсем незнаком, — еле слышно прошептал Ксальтотун. Но от Ораста не укрылся зловещий огонек ненависти, промелькнувший в темных глазах.

— Это карта мира, который ты поможешь нам изменить, — сказал он магу. — Для начала нам требуется посадить Тараска на трон Немедии. Мы хотели бы достичь этого без борьбы и таким образом, чтобы даже тени подозрения не пало на нашего ставленника. Нам не нужна гражданская война, которая опустошила бы страну. Наоборот — силы следует сберечь для завоевания Аквилонии. Если король Немедии и его сыновья умрут естественной смертью — скажем, от чумы, — Тараск, будучи ближайшим наследником, взойдет на трон без какого-либо сопротивления...

Ксальтотун молча кивнул, и Ораст продолжал:

— Следующая наша задача много трудней. Невозможно возвести Валерия на аквилонский трон без войны. Между тем эта страна очень грозный противник. Она населена воинственным и стойким народом, закаленным в постоянной борьбе с пиктами, зингарцами и киммерийцами. Пятьсот лет Аквилония и Немедия то и дело воюют между собой, и последнее слово неизменно оставалось за аквилонцами. Теперешний же их король — самый знаменитый воин западных стран. Это чужестранец, обычный

искатель приключений, силой захвативший корону во время народной смуты. Он собственными руками задушил короля Нумедида прямо на троне. Его имя Конан. Говорят, в бою перед ним не может выстоять ни один человек. Истинным наследником аквилонского трона остается Валерий: он состоит в родстве с прежней династией, но был сослан Нумедидом и много лет прожил в изгнании. Тем не менее многие аквилонские бароны втайне приветствовали бы свержение Конана, ибо в нем нет ни капли благородной крови, не говоря уже о королевской. Увы, простые люди и дворянство внешних провинций верны Конану беззаветно. И все-таки, если войска Конана будут разгромлены в неизбежном сражении, а сам он убит, полагаю, сделать Валерия королем будет нетрудно. Ведь Конан не принадлежит к какой-либо династии — это всего лишь авантюрист-одиночка!

— Хотел бы я взглянуть на этого короля, — задумался Ксальтотун, поглядывая на серебристое зеркало, вставленное в стенную панель. В зеркале этом ничего не отражалось, но, судя по выражению лица Ксальтотуна, он прекрасно понимал его назначение. Ораст кивнул головой с гордостью ремесленника, удостоившегося похвалы великого мастера.

— Постараюсь показать его тебе, — сказал он. И, усевшись перед зеркалом, принялся вглядываться в его недра, где через некоторое время замаячила смутная тень.

Со стороны это могло показаться чудом, но Ксальтотун знал, что зеркало всего лишь отражало мысль Ораста — точно так же, как магический кристалл воплощает идею волшебника.

Расплывчатая тень неожиданно обрела удивительно ясные очертания. Взглядам смотревших предстал широкоплечий гигант, разодетый в шелка и бархат, как и положено королю: царственные львы Аквилонии горели золотом у него на груди, а густую гриву черных волос венчала корона. Но под шелками перекатывались железные мышцы, и громадный меч у бедра подходил ему гораздо больше, нежели королевские аксессуары. Под широким лбом горели неукротимым пламенем ярко-синие глаза. Его лицо было лицом воина: смуглое, иссеченное шрамами, оно выглядело достаточно зловеще, а бархатные одежды не могли скрыть грозной, стремительной мощи.

— Этот человек не принадлежит к хайборийской расе! — воскликнул Ксальтотун.

— Нет. Он киммериец, один из тех дикарей, что живут на севере, на окутанных мглою горах.

— Когда-то мне приходилось сражаться с его предками, — пробормотал Ксальтотун. — Даже короли Ахерона не сумели их покорить...

— Они и по сей день остаются сущим проклятием для южных соседей, — ответил Ораст. — Конан же — истинный сын своего народа. До сих пор его никто не мог победить.

Ксальтотун промолчал. Он смотрел вниз, в алое пламя, трепетавшее и бившееся у него на ладони. Снаружи опять завыла собака — протяжно, с безысходной тоской...

Глава 2

ДУНОВЕНИЕ ТЬМЫ

Начало года Дракона ознаменовалось войной, мором и смутой. Тень смерти бродила по улицам Бельверуса, не щадя ни купца за прилавком, ни раба в его хижине, ни рыцаря за пиршественным столом. Лекари беспомощно разводили руками, в народе же говорили, что адское наказание ниспослано свыше — за грехи прелюбодеяния и гордыни. Болезнь разила по-змеиному смертоносно и быстро. Тело жертвы покрывалось лиловыми пятнами, затем быстро чернело. Несколько минут — и человек валился наземь в агонии и, прежде чем смерть уносила прочь душу, успевал ощутить смрад гниения собственного тела. Жаркий южный ветер завывал над страной, в полях иссыхал урожай, скот падал и не мог больше подняться.

Люди в слезах призывали Митру, бога солнечной справедливости, и шепотом винили во всем короля. Ибо по Немедии прошел слух, будто в ночной тиши дворца Нимед совершал запретные обряды и предавался отвратительным оргиям. А потом смерть, ухмыляясь, вступила и во дворец, и жуткие испарения клубились у ее ног. В одну ночь умерли король Нимед и трое его сыновей, и грохот траурных барабанов заглушил мрачное позвякивание колокольчиков на тележках, что тащились по улицам, подбирая разлагающиеся трупы...

В ту же ночь, перед самым рассветом, губительный ветер, дувший несколько недель кряду, наконец перестал

зловеще шуршать шелковыми занавесками. С севера примчался ураган и с ревом обрушился на городские башни. Молнии слепили глаза, чудовищный гром сотрясал землю и небо, стеной надвигался ливень. Утро, однако, занялось чистое, умытое и зеленое; обожженная зноем земля на глазах укутывалась травой, жаждущие хлеба напились и воспряли, и — самое главное — прекратился мор: могучий ураган бесследно развеял заразу.

По мнению народа, Боги удовлетворились гибелью нечестивого Нимеда и его потомства. И когда Тараск, младший брат покойного, венчался на царство в громадном коронационном зале, башни Бельверуса содрогались от восторженных криков толпы. Немедийцы были счастливы — теперь у них был король, на котором пребывала милость Богов.

Вихрь праздничного веселья и воодушевления прокатился из конца в конец по стране; не следует удивляться, когда следом за подобными вспышками разражается завоевательная война. Никто и не удивился, когда король Тараск отменил перемирие, которое его предшественник заключил с западным соседом, и начал собирать войска для нападения на Аквилонию. Глашатаи на всех перекрестках кричали о благородных целях этой войны. Король Тараск намеревался заступиться за Валерия, объявляя его единственным законным престолонаследником. Не врагом, но другом шел он на Аквилонию, желая спасти народ от тирании узурпатора, к тому же чужестранца.

Кое-кто, конечно, криво усмехался, выслушивая подобное; кое-где передавался из уст в уста некий слушок, касавшийся закадычного королевского друга Амальрика, чье немереное личное богатство, похоже, щедрой рукой лилось в изрядно-таки поиздержанную казну дворца... Но таков был почти религиозный восторг черни, боготворившей Тараска, что мало кто обращал внимание на подобные разговоры. А если иные умные головы и посещала грешная мысль — уж не Амальрик ли истинный правитель Немедии?.. — у таких умников хватало осторожности не высказываться вслух. Так что подготовка к войне шла своим чередом при полном одобрении народа.

Собрав союзников, король двинулся на запад во главе пятидесятитысячного войска. Сверкали рыцарские доспехи, развевались над гордыми шлемами цветные султаны, мерно шагали арбалетчики в кожаных куртках и копейщики в нагрудниках и стальных касках... Вступив в аквилонские

пределы, они взяли пограничный замок и сожгли три деревеньки в горах. Но всего в десяти милях от границы, в долине реки Валкии, перед ними стеной встали войска Конана, короля Аквилонии, — сорок пять тысяч рыцарей, лучников и простых солдат, цвет и слава аквилонского оружия. Лишь рыцари Пуантена, ведомые графом Троцеро, еще не подоспели из отдаленного юго-западного угла королевства, где лежали их земли. Тараск ударил без предупреждения: нашествие последовало сразу за его воззваниями к народу, без объявления войны.

Два войска расположились друг против друга в обширной неглубокой долине, окаймленной отвесными скалами. Берега обмелевшей реки, извивавшейся по дну долины, заросли ивами и тростником. Слуги и повара с обеих сторон, идя за водой, выкрикивали оскорбления и кидались камнями через реку.

Последние лучи солнца играли на золотом знамени Немедии с вышитым на нем алым драконом, что развевалось на вечернем ветру у палатки короля Тараска на холмике возле утесов, ограничивавших долину с востока. Но тень западных скал широким пурпурным покровом окутала шатры аквилонцев и черный с золотым львом стяг, реявший над палаткой их короля.

Ночью по всей долине горели костры, а ветер нес зов боевых труб, лязганье оружия и резкие оклики часовых, которые шагом разъезжали туда и сюда вдоль заросших плакучими ивами берегов.

Содрогнувшись всем телом, проснулся король Конан и с коротким криком вскинулся на постели, хватаясь в предрассветном мраке за меч. Полководец Паллантид, вбежавший в шатер, обнаружил своего короля сидящим на ложе — а ложе это, правду сказать, представляло собою всего лишь шелк и меха, брошенные на деревянный топчан. Ладонь Конана сжимала рукоять меча, на необычно побледневшем лице блестели капли пота.

— Государь!.. — воскликнул Паллантид. — Что-нибудь случилось?..

— Что там в лагере? — спросил Конан. — Часовых выставили?

— Пятьсот всадников не спускают глаз с реки, государь, — ответствовал полководец. — Немедийцы не пробо-

вали воспользоваться темнотой. Как и мы, они ждут рассвета.

— Во имя Крома, — пробормотал Конан. — Я проснулся с таким чувством, точно злой рок готов был свершиться надо мною в ночи...

И он поднял глаза к огромному золотому светильнику, что заливал мягким сиянием ковры и бархатные занавеси, составлявшие убранство большого шатра. Они с Паллантидом были одни — никакой паж или слуга не спал на коврах возле королевского ложа. Но глаза Конана горели тем особым огнем, что вспыхивал в них в минуты величайшей опасности, а меч подрагивал в могучей руке.

— Прислушайся! — прошипел король. — Слышишь? Крадущиеся шаги...

— Семь рыцарей охраняют твой шатер, государь, — сказал Паллантид. — Никто не сможет приблизиться к нему незаметно.

— Снаружи — да, — проворчал Конан. — Но, по-моему, шаги раздавались внутри!

Изумленный Паллантид быстро обежал глазами шатер. По углам его бархатные занавеси тонули в густой тени, и тем не менее, если бы там прятался кто-нибудь лишний, полководец его неминуемо разглядел бы. Он покачал головой:

— Здесь никого нет, господин мой. Да и откуда бы? Ты спишь посреди верного тебе войска...

— Я видел, как смерть поразила короля посреди тысячной толпы, — пробормотал Конан. — Нечто, крадущееся незримо...

— Должно быть, государь, тебе что-то приснилось, — в немалом смущении сказал Паллантид.

— Вот именно, — буркнул Конан. — И дьявольски страшен был этот сон. Нынче ночью я заново прошагал весь тот долгий и трудный путь, что привел меня к аквилонской короне...

Он умолк. Паллантид смотрел на него, не решаясь заговорить. Король был живой загадкой для полководца, как, впрочем, и для большинства своих цивилизованных подданных. Паллантид знал: много странных и страшных дорог было в его бурной, богатой приключениями жизни. Кем только он ни был, прежде чем каприз Судьбы усадил его на аквилонский престол!..

— Я вновь видел поле битвы, на котором родился, — задумчиво подперев огромным кулаком подбородок, заго-

ьорил Конан. — Я видел себя в набедренной повязке из шкуры пантеры, мечущим копье в горного зверя. Я снова был наемником, гетманом казаков с реки Запорожки, корсаром, опустошавшим берега Куша, пиратом с Бархских островов и вождем горцев Химелии... Все эти люди, которыми я когда-то был, прошли передо мною в ночи, и шаги их отбивали мне похоронный марш по гулкой земле. И клубились, летя сквозь мой сон, ужасные призраки, и далекий голос издевался надо мной... Под конец же я увидел себя лежащим на этой самой постели, а надо мной склонилась бесформенная фигура, закутанная в покрывало. Я не мог шевельнуться... и вот откинулся капюшон, и ухмыляющийся череп уставился мне в лицо. Тогда-то я и проснулся!

— Недобрый сон, государь, — поневоле содрогнувшись, сказал Паллантид. — Но это всего лишь сон, и не более!

Конан покачал головой, не отрицая, но и не соглашаясь. Он происходил из варварекого народа и, соприкоснувшись с цивилизацией, отнюдь не утратил инстинктов и суеверий, унаследованных от предков.

— Я видывал немало дурных снов, — сказал он, — и большинство их было бессмысленно. Но, клянусь Кромом, нынешний был не таков! Хотелось бы мне, чтобы скорей началась и кончилась эта битва, и кончилась победоносно. Дурное предчувствие снедает меня с тех самых пор, как от черного мора скончался король Нимед. Почему с его смертью прекратился мор?

— Люди говорят, его непотребства...

— Люди, как обычно, глупы, — перебил Конан. — Если бы мор поразил всех, кто грешил — именем Крома, некому было бы пересчитывать уцелевших! Жрецы внушают нам, что Боги справедливы — так если мор был послан в наказание королю, с какой бы стати Богам поражать пять сотен крестьян, купцов и дворян прежде, чем добраться до Нимеда? Или они разили вслепую, подобно воинам, угодившим в туман? Клянусь Митрой! Если бы я действовал так же, у аквилонцев давно уже был бы новый король!.. Нет, Паллантид, черный мор не был обыкновенной заразой. Я знаю: он таится во тьме стигийских гробниц, и лишь маги способны его вызывать. Я был воином в армии принца Эльмарика и участвовал в его стигийском походе. Из тридцати тысяч солдат пятнадцать тысяч пали под стигийскими стрелами, а остальных унес точно такой же мор, налетев-

ший с юга на крыльях черного ветра. Я был единственным, кто остался в живых.

— Но в Немедии умерло всего лишь пять сотен, — возразил Паллантид.

— Тот, кто вызвал мор, сумел и остановить его по своей воле, — ответил Конан. — Я уверен, за всем этим таится какой-то план, какая-то дьявольщина. Кто-то распространил мор, а затем прекратил его... когда дело было сделано, когда Тараск благополучно взошел на трон, приветствуемый как избавитель страны от гнева Богов! Кром!.. Нет, здесь не обошлось без могучего и насквозь черного разума. Скажи-ка мне, что говорят о том чужестранце, с которым, по слухам, все время советуется Тараск?

— Его лицо покрыто вуалью, — отвечал Паллантид. — Говорят, он в самом деле чужестранец, прибывший из Стигии...

— Из Стигии! — хмурясь, повторил Конан. — Я бы сказал скорее, из Преисподней... Э, а это еще что такое?

— Трубы немедийцев! — вскричал Паллантид. — А теперь и наши трубят! Наступает рассвет, государь, полководцы выстраивают войска для битвы! Да пребудет над нами благословение Митры, ибо многие уже не увидят, как солнце опустится за хребты...

— Оруженосцев ко мне! — Конан быстро вскочил на ноги, сбрасывая бархатный халат; близость боя, казалось, рассеяла мрачные предчувствия короля. — Иди к войску и проследи, все ли готово. Я подойду, как только надену доспехи.

Цивилизованные люди, которыми он повелевал, никак не могли объяснить себе иные привычки своего короля — в частности, его настойчивое стремление ночевать одному в покое или шатре. Паллантид вышел, лязгая доспехами, которые, проспав лишь несколько часов, он надел еще в полночь. Быстрым взглядом окинул он пробудившийся лагерь: повсюду звякали кольчуги, меж длинных рядов палаток шевелились неясные тени людей. Звезды еще украшали западную половину неба, но на востоке уже трепетали розовые знамена рассвета, и на их фоне вздымались и опадали шелковые складки немедийского флага с вышитым на нем драконом.

Покинув Конана, Паллантид направился к небольшой палатке поблизости, в которой ночевали королевские оруженосцы. Разбуженные трубами, они один за другим

выскакивали наружу. Паллантид как раз собирался поторопить их... но не успел. Из шатра короля послышался яростный крик и тотчас же — звук тяжелого удара, а потом — шум падения сраженного тела... и негромкий, медленный смех, от которого кровь заледенела в жилах отважного полководца.

Эхом отозвавшись на крик, Паллантид крутанулся на месте и кинулся обратно в шатер. Новый крик вырвался у него, когда он увидел могучее тело своего государя беспомощно распростертым на коврах. Громадный двуручный меч короля лежал у самой ладони: шатровый столб, перерубленный пополам, красноречиво говорил о том, куда был направлен удар. Паллантид на всякий случай выхватил из ножен свой собственный меч и тщательно осмотрел все углы. Однако шатер был пуст — так же пуст, как и тогда, когда он из него выходил.

— Государь!.. — Паллантид бросился на колени подле сраженного великана.

Глаза Конана были широко раскрыты. Он узнал верного полководца, губы его шевельнулись... но не смогли издать ни звука. И, похоже, он был не в состоянии пошевелиться.

Снаружи донеслись голоса. Паллантид быстро поднялся и шагнул к дверной занавеске. Перед ней в ожидании стояли королевские оруженосцы и один из рыцарей, охранявших шатер.

— Мы слышали какой-то крик, — извиняющимся тоном обратился к Паллантиду рыцарь. — Надеюсь, с королем ничего не случилось?

Паллантид смерил его пристальным взглядом:

— Ты уверен, что ночью никто не входил в шатер и не выходил из него?

— Никто, кроме тебя, господин мой, — отвечал рыцарь. У Паллантида не было причин сомневаться в его честности.

— Король споткнулся и выронил меч, — коротко сообщил он. — Отправляйся на место.

Когда рыцарь удалился, полководец незаметно поманил к себе шестерых оруженосцев и, впустив их вовнутрь, плотно задернул вход. Юноши, как один, побледнели при виде распростертого на полу короля. Быстро вскинув руку, Паллантид заставил их сдержать готовые вырваться восклицания.

Сам он вновь склонился над Конаном. Тот страшным усилием сумел оторвать голову от земли. Жилы вздулись

на висках и на шее, но все-таки он проговорил, вернее, невнятно пробормотал:

— Тварь... тварь, там, в углу!

Паллантид в ужасе огляделся. Но пламя светильника озарило лишь бледные лица оруженосцев, разбрасывая по углам шатра бархатные тени... Пусто!

— Там ничего нет, государь, — сказал Паллантид.

— Оно было... там, в углу, — с трудом выговорил король, мотая головой в тщетной попытке подняться. — Человек.. или что-то похожее на человека... весь в повязках, как мумия... в истлевшем плаще с капюшоном... Я видел только его глаза... он прятался там, в темном углу. Я и его сначала принял за тень, но успел разглядеть глаза. Они были как два черных алмаза!.. — Речь короля постепенно становилась яснее. — Я бросился на него, занося меч, но промахнулся вчистую — одному Крому известно, как это могло произойти! — и снес этот столб. На миг я потерял равновесие, и он перехватил мое запястье... его пальцы жгли, как раскаленное железо... Вся сила тотчас покинула меня, а пол взметнулся навстречу и ударил меня, точно дубиной. Он исчез... я остался лежать... будь он проклят, я не могу пошевелиться! Я парализован!..

Паллантид поднял бессильную руку исполина, и мурашки побежали у него по спине. На запястье короля синели отметины длинных, тонких пальцев. Что за рука могла оставить подобный след на этом ширококостном, мускулистом запястье? Паллантид припомнил жуткий, медленный смех, который послышался ему, когда он вбегал в шатер... и капли холодного пота выступили на лбу полководца. Смеялся не Конан!

— Дьявольщина... — дрожа, прошептал один из оруженосцев. — Люди говорят, дети тьмы сражаются на стороне Тараска...

— Тихо! — сурово прервал его Паллантид.

Снаружи меркли звезды, уступая рассвету. С гор потянул легкий ветерок и донес согласный клич тысячи труб. При этом звуке жестокая судорога прошла по телу поверженного гиганта. Вновь мучительно вздулись жилы на висках — Конан силился разорвать невидимые оковы, но не было сил.

— Наденьте на меня латы... привяжите меня к седлу! — прошептал он. — Я еще поведу вас в атаку!..

Паллантид покачал головой:

— Господин. — Кто-то из оруженосцев коснулся его одежды. — Если все узнают о том, что стряслось с государем, мы пропали. Только он мог повести нас сегодня к победе...

— Помогите мне перенести его на постель, — сказал полководец.

Юноши повиновались. Заботливо опустили они беспомощного исполина на меховое ложе и укрыли его шелковым плащом. Тогда Паллантид повернулся к шестерым оруженосцам и долго вглядывался в их бледные лица, прежде чем заговорить.

— Запечатаем наши уста печатью молчания: никто не должен узнать о том, что произошло здесь, в шатре, — сказал он наконец. — Ибо от этого зависит судьба Аквилонского королевства! А теперь пусть один из вас приведет сюда Валанна, предводителя пеллийских копейщиков...

Оруженосец, к которому он обращался, поклонился и поспешил вон. Паллантид остался у постели короля. Между тем снаружи ревели трубы, грохотали барабаны, взлетал к рассветному небу гомон многих тысяч людей... Спустя некоторое время вернулся оруженосец и привел с собой человека, о котором говорил Паллантид, — высокого, широкоплечего воина, могучим сложением напоминавшего самого короля. У него даже были такие же густые черные волосы, но тем сходство и ограничивалось: в отличие от Конана, Валанн был сероглаз и совершенно не походил на него чертами лица.

— Внезапная болезнь сразила короля, — кратко пояснил ему Паллантид. — Тебе оказана великая честь: ты наденешь его доспехи и поскачешь в них во главе войск. Никто из воинов не должен знать, что не сам король ведет их вперед!

— За подобную честь и жизнь не жалко отдать, — потрясенно заикаясь, пробормотал Валанн. — Коли будет на то воля пресветлого Митры... А я уж не подведу!

И вот на глазах поверженного короля, в горящем взгляде которого мешались бессильная ярость и унижение, раздиравшие ему сердце, оруженосцы сняли с Валанна шлем, поножи и кольчугу, чтобы взамен того обрядить его в Конановы вороненые латы и рыцарский шлем с забралом и черным плюмажем, венчавшим навершие, сделанное в виде крылатого дракона. Поверх лат накинули шелковую мантию с золотыми королевскими львами, вышитыми на груди, и в завершение опоясали Валанна широким мечом с доро-

гими камнями на рукояти, что висел в парчовых ножнах на ремне с золотой пряжкой.

Слаженно трудились оруженосцы, а за стенами шатра перекликались трубы, звенело оружие и разносился низкий гортанный рев: полк за полком выстраивался для боя...

И вот уже полностью снаряженный Валанн преклонил колена и склонил увенчанную плюмажем голову перед королем, недвижно лежавшим в постели.

— Государь мой, — сказал он, — да не попустит Митра, чтобы я обесчестил доспехи, доверенные мне нынче!

— Принеси мне голову Тараска, и я сделаю тебя бароном! — прозвучало в ответ.

Страдание сорвало с Конана тонкий налет цивилизованности, обнажив истинные черты. Он яростно скрипел зубами, глаза его кровожадно горели — сущий варвар, только что спустившийся с киммерийских холмов.

Глава 3

И СОДРОГНУЛИСЬ УТЕСЫ...

Когда из королевского шатра появился исполин в черной броне, аквилонское войско уже стояло в полной готовности — длинные, плечом к плечу сомкнутые шеренги пеших копейщиков и всадников, закованных в блестящую сталь. Когда же он вскочил в седло вороного жеребца, с трудом удерживаемого четверкой оруженосцев, войско разразилось восторженным ревом, от которого вздрогнули горы. Рыцари в позолоченных латах, копейщики в кольчугах и шлемах, лучники в кожаных камзолах, с длинными луками, зажатыми в левой руке, — все они, потрясая оружием, громовым кличем приветствовали своего воинственного короля.

Войско на другом берегу тем временем не спеша спускалось по отлогому склону к реке. Пряди утреннего тумана завивались вокруг копыт, и мерцала сквозь туман стальная броня.

Аквилонское войско так же не спеша двинулось навстречу врагу. Размеренный шаг покрытых панцирями коней сотрясал землю. Утренний ветер расправлял шелковые складки знамен; длинные пики щетинились, словно густой лес; пестрели флажки, развевавшиеся у наконечников.

Королевский шатер осталось охранять лишь несколько суровых воинов, закаленных битвами и умевших держать язык за зубами. Остался с Конаном и юный оруженосец: он стоял у двери, выглядывая наружу сквозь узкую щелку. Кроме горстки посвященных, о том, что на громадном жеребце во главе полков скакал вовсе не Конан, во всем многотысячном войске не ведала ни одна живая душа.

Силы аквилонцев были выстроены в обычном для них порядке. В середине помещался ударный кулак — тяжеловооруженные рыцари, по бокам двигались конные латники, усиленные копейщиками и стрелками. Стрелками в аквилонской армии были боссонцы из западных провинций страны — невысокие крепкие люди в кожаных куртках и железных шлемах.

Немедийцы двигались подобным же строем. Два войска приближались к реке, постепенно выдвигая фланги вперед. В центре аквилонского войска, над головой рослого всадника, закованного в вороненую сталь, трепетало и билось королевское знамя — золотые львы на черном поле...

Сам же король Конан стонал от душевной муки на постели в своем шатре, и языческие проклятия сыпались с его языка.

— Войска сходятся, государь, — глядя в щелку, рассказывал ему оруженосец. — Слышишь, трубы гремят? Восходящее солнце слепит мне глаза, отражаясь от шлемов и наконечников копий... Река кажется алой, и, видит Небо, ей в самом деле суждено покраснеть еще до вечера!.. Вот вступили на берег... тучи жалящих стрел закрывают солнце, государь! Отлично, лучники! Верх за боссонцами! Слышишь, как кричат?

И действительно, перекрывая рев труб и лязг доспехов, издалека долетел слитный грозный крик, с которым боссонцы одновременно натягивали и спускали тетивы.

— Их арбалетчики пытаются отвлечь наших стрелков и прикрыть своих рыцарей, ибо те уже въезжают в реку, — продолжал оруженосец. — Берега здесь отлогие; я вижу, как боевые кони ломятся сквозь кусты... Клянусь Митрой, наши стрелы не пропускают ни единой щелочки в их броне! Падают люди, и кони бьются, пытаясь выбраться из воды. Там неглубоко и течения особого нет, но они тонут в тяжелых доспехах, затоптанные мечущимися конями... А теперь двинулись наши! Аквилонские рыцари вступили в реку и рубятся с немедийскими! Вода

бурлит, достигая брюха коней, оглушительно гремит меч о меч...

— Кром!.. — в муке выдохнул Конан. Жизнь мало-помалу возвращалась в его тело, но подняться с постели по-прежнему не было сии.

— Фланги сошлись, — рассказывал оруженосец. — Копейщики и меченосцы врукопашную бьются в воде, а лучники, стоя позади, стреляют, стреляют... Во имя Митры, немедийским арбалетчикам приходится нелегко! А боссонцы, государь, берут прицел повыше, чтобы стрелы падали в глубине вражеских рядов! Их центр не может продвинуться ни на фут, а битва на флангах идет уже на том берегу!

— Кром! Имир и Митра!.. — метался на постели король. — Боги и дьяволы!.. Чего бы я не отдал только за то, чтобы оказаться там — пусть даже для того, чтобы погибнуть после первого же удара!..

Битва бушевала и гремела до самого вечера того долгого и жаркого дня. Склоны долины содрогались от топота атак и контратак, от посвиста стрел, треска копий и щитов. Аквилонское войско стояло насмерть. Лишь один раз его принудили было откачнуться от берега, но ответный удар рыцарей под королевским черным знаменем, летевшим над гривой вороного коня, быстро восстановил равновесие. Ни дать ни взять — железная крепость высилась на правом берегу речного потока; и наконец охрипший от волнения оруженосец сказал королю, что немедийцы начали отступать.

— Их фланги в смятении, а рыцари уклоняются от рукопашной. Что я вижу? Твое знамя двинулось вперед! Рыцари въехали в воду! Во имя Митры — Валанн ведет войско на тот берег!..

— Глупец! — простонал Конан. — Это может быть и ловушкой! Ему следовало бы просто удерживать позицию, а на рассвете Просперо подоспел бы сюда с пуантенскими ополченцами...

— Рыцарей встретил шквал стрел, но они не дрогнули, государь! — возбужденно выкрикивал оруженосец. — Они несутся вперед... они уже на том берегу! Скачут вверх по склону! Паллантид бросил фланги через реку, следом за ними, больше он ничего сделать не может... Знамя со львами плещется и вьется над схваткой... Немедийские рыцари, кажется, решили остановиться и дать отпор... но нет, не

выдержали, повернули коней. Их левое крыло беспорядочно отступает, наши копейщики добивают их на бегу! Я вижу Валанна — как он рубится, государь! Никто больше не обращает внимания на Паллантида — все следуют за Валанном. Людям кажется, что это ты, государь, ведь он не поднимает забрала... Но он дерется не так самозабвенно, как может кому-нибудь показаться! Вот он созвал к себе пять сотен рыцарей, цвет нашего войска. Он видит то же, что я отсюда: основные силы немедийцев в панике отступают, но в скалах, что прикрывают их справа, есть теснина, по которой можно выйти к ним в тыл! И всего-то горстка копейщиков прикрывает вход в это ущелье! Вот наши прорвались сквозь их реденькую цепочку и скачут прямо туда...

— Засада!.. — в бешенстве зарычал Конан, шаря по постели руками и пытаясь хотя бы сесть.

— Нет, государь! — захлебывался восторгом юный оруженосец. — Я отлично вижу все немедийское войско! Они попросту забыли про эту теснину! Откуда им было знать, что их оттеснят так далеко? Дурень, дурень Тараск, это ж надо так оплошать! Я вижу флажки на пиках наших рыцарей, показавшихся с той стороны, за спинами немедийцев. Сейчас они ударят на них сзади и втопчут их в пыль... О Митра! О Митра, *что это*?..

Он пошатнулся, с трудом устояв на ногах; ходуном заходили стены шатра. Издали, сквозь гром сражения, докатился низкий, неописуемо зловещий гул.

— Утесы колеблются, государь! — испуганно завопил оруженосец. — Боги мои, что там? Река вспенилась и вышла из берегов! Качаются горные пики! Земля уходит из-под ног, опрокидывая людей и коней... Скалы! Скалы рушатся, государь!..

Чудовищный рокот катящихся глыб заглушил его голос. Ощутимо задрожала земля. Крики смертельного ужаса достигли ушей короля...

— Скалы обрушились, государь! — Лицо юноши было мертвенно бледно. — Обвалились прямо в ущелье и раздавили все живое, что там находилось... Черное знамя мелькнуло меж падающих валунов... исчезло... Слышен победный клич немедийцев, ну да, ведь они уничтожили пятьсот лучших рыцарей Аквилонии... А это что за крик?..

И Конан внятно разобрал многоголосое, отчаянное:

— Король пал! Король пал! Бегите, бегите! Король пал!

— Ложь! — Конан задохнулся от ярости. — Собаки, трусы, скоты!.. Ох, Кром, если бы я мог встать!.. На четвереньках, с мечом в зубах доползти до реки!.. Что там, мальчик? Неужели бегут?..

— Да, государь! — всхлипнул оруженосец. — Мчатся обратно к реке, шпоря коней! Они сломлены, они как пена, несомая ураганом... Государь, Паллантид пытается остановить их, но его сминают... затаптывают! Они бросаются в воду; рыцари, копейщики, лучники — всех уравняло и перемешало безумное бегство... Немедийцы висят на плечах и косят их, косят...

— Пусть же дадут отпор, выйдя на этот берег! — зарычал король. Кое-как он сумел приподняться на локтях: от страшного усилия пот ручьями потек у него по вискам.

— Нет, государь, они уже не могут! — плакал оруженосец. — Они сломлены... Это разгром! О Боги, Боги, и зачем я дожил до этого дня!.. — Но тут он вспомнил о своем долге и окликнул воинов, что непоколебимо стояли охраной вокруг шатра короля, наблюдая за битвой, которую вели их товарищи: — Живо приведите коня и помогите мне усадить в седло государя! Мы не должны здесь задерживаться!

Но прежде чем воины успели выполнить его приказание, волна бегущих накатила на лагерь. Рыцари, лучники и копейщики опрокидывали палатки, спотыкались о короба и веревки — а между ними, рубя направо и налево, неслись конные немедийцы. Падали смятые шатры, сразу в сотне мест вспыхнул огонь, и, конечно, без промедления начался грабеж. Суровые воины, сторожившие королевский шатер, отчаянно отбиваясь, умерли под градом ударов там же, где и стояли, и копыта коней победителей промчались по их изуродованным телам.

Но оруженосец плотно задернул дверпую занавеску, и в безумии всеобщей резни никому не пришло в голову, что внутри еще есть кто-то живой. Вверх по долине унеслась кровавая клокочущая волна, и выглянувший наружу оруженосец заметил небольшую группу людей, целеустремленно двигавшуюся прямо к шатру.

— Государь! — прошептал юноша. — Сюда идет сам король Немедийский с четырьмя спутниками и оруженосцем! Он хочет сам принять твою сдачу, мой государь...

— К дьяволу сдачу!.. — заскрипел зубами король.

С величайшим трудом он заставил себя сесть. Спустил ноги с ложа — и встал, качаясь как пьяный. Оруженосец кинулся на помощь, но Конан отпихнул его прочь.

— Дай лук!.. — прохрипел он, указывая на длинный лук и колчан со стрелами, висевшие на столбе.

— Но, государь... — в величайшем смятении осмелился возразить оруженосец. — Ведь битва проиграна! Тебе надлежит сдаться с достоинством, приличествующим человеку королевских кровей...

— Я не королевских кровей! — зарычал Конан. — Я варвар и сын кузнеца!

Выхватив у юноши лук и стрелу, он кое-как доплелся до выхода из шатра. Он был почти обнажен, если не считать коротких кожаных штанов и рубахи без рукавов, распахнутой на широченной волосатой груди. Но из-под спутанной гривы черных волос страшным огнем горели синие глаза. Таким грозным мужеством веяло от короля, что оруженосец попятился: благоговея перед своим господином, он боялся его больше, нежели всего немедийского войска.

Шатаясь и широко расставляя ноги, чтобы не упасть, Конан рванул дверную занавеску и вышел наружу, под тент. Король Немедии и его спутники, как раз сошедшие с коней, замерли на месте, с изумлением взирая на неожиданно представшее перед ними видение.

— Я здесь, шакалы! — услышали они рык киммерийца. — Я — король! Попробуйте-ка взять меня, сукины дети!

И прежде чем они успели опомниться, он натянул лук и спустил тетиву. Оперенное древко затрепетало в груди рыцаря, стоявшего подле Тараска.

— Проклятие этой трясущейся руке! — выругался Конан. — Ну? Берите меня, если посмеете!

Покачнувшись на непослушных ногах, он привалился спиной к столбу и обеими руками поднял перед собой меч.

— Клянусь Митрой, это действительно король! — вырвалось у Тараска. Быстро оглядевшись вокруг, он рассмеялся: — Тот, другой, был просто одет в его доспехи! Живо вперед, псы! Принесите мне его голову!

Трое солдат — судя по их эмблемам, королевские стражники — ринулись на Конана. Один из них походя взмахнул булавой, замертво уложив беднягу оруженосца. Двоим другим повезло меньше. Первый, подскочивший к аквилонскому королю, едва успел занести меч: Конан встретил его страшным ударом наотмашь. Его клинок разрубил

звенья кольчуги, как полотно, и отсек руку немедийца вместе с плечом. Тело рухнуло вперед, угодив под ноги товарищу. Тот споткнулся... выпрямиться ему уже было не суждено: меч Конана пронзил его насквозь.

Запаленно дыша, Конан высвободил клинок. Его сотрясала дрожь, широкая грудь тяжело вздымалась, по лицу и по шее ручьями тек пот. Но свирепые глаза вдохновенно горели:

— Иди сюда, бельверусская гнида! Мне до тебя не дотянуться! Подойди и умри!..

Тараск замешкался, поглядывая то на уцелевшего воина, то на своего оруженосца — худого и мрачного человека в черной кольчуге... Потом все-таки шагнул вперед. Он намного уступал гиганту киммерийцу силой и статью, но на нем был полный доспех, а искусство Тараска как фехтовальщика было известно во всех западных королевствах.

Оруженосец удержал его за руку:

— Не рискуй жизнью понапрасну, мой повелитель. Я позову лучников, и они расстреляют этого варвара, точно дикого льва.

И никто из них не заметил колесницу, которая подъехала во время схватки и остановилась чуть позади. Один Конан видел ее, и странный холодок пробежал у него по спине. Даже в вороных конях, что были впряжены в колесницу, смутно угадывалось нечто нездешнее. Но не кони приковали взгляд короля, а человек, стоявший на колеснице.

Это был высокий, превосходно сложенный муж, облаченный в длинное, ничем не украшенное шелковое одеяние. Складки шемитского головного убора скрывали черты лица — видны были лишь темные магнетические глаза. В белых руках угадывалась немалая сила: они твердо держали вожжи, смиряя вздыбливавшихся коней. Чем дольше глядел Конан на незнакомца, тем более внятно предупреждал его первобытный инстинкт. Он явственно ощущал недобрую мощь, исходившую от человека на колеснице. Так высокая трава, волнующаяся в безветренный день, говорит о приближении опасной змеи.

— Привет тебе, Ксальтотун! — обернувшись, воскликнул Тараск. — Смотри, вот аквилонский король! Оказывается, он не погиб под обвалом, как мы полагали...

— Знаю, — ответил Ксальтотун. И, не позаботившись объяснить, откуда он это знает, спросил: — И что ты намерен с ним делать?

— Позову лучников, и пусть расстреляют, — сказал немедиец. — Покуда он жив — он слишком опасен!

— И все-таки даже пес бывает полезен, — проговорил Ксальтотун. — Возьмите его живым.

Конан хрипло рассмеялся.

— Иди сюда и попробуй, — предложил он ахеронцу. — Если б не мои несчастные ноги, я бы выкорчевал тебя из этой колесницы, как дровосек дерево. Живым ты меня не получишь!

— Боюсь, он говорит правду, — вставил Тараск. — Это же варвар, бессмысленный и свирепый, точно раненый тигр. Я позову лучников...

— Смотри и учись, — сказал Ксальтотун.

Его рука нырнула в складки одежд и извлекла наружу нечто блестящее — какой-то полированный шарик. Внезапным движением Ксальтотун метнул его в Конана. Киммериец с презрением отмахнулся мечом... но шарик, едва коснувшись клинка, с громким треском взорвался. Полыхнуло слепящее белое пламя, и Конан без сознания рухнул на землю.

— Он мертв? — В тоне Тараска было скорее утверждение, а не вопрос.

— Нет, — ответствовал Ксальтотун. — Всего лишь оглушен. Он очнется через несколько часов. Прикажи своим людям связать его по рукам и ногам и бросить в мою колесницу.

Тараск кивнул, и воины исполнили приказание, ворча на неподъемную тяжесть. Ксальтотун набросил на безжизненное тело бархатный плащ, полностью укрыв его от случайного взгляда, и собрал вожжи.

— Я еду в Бельверус. Передайте Амальрику, что я буду с ним, если понадоблюсь. Но, поскольку Конан устранен, а его войско разгромлено, я полагаю, для завершения завоевания хватит и простого оружия смертных. Вряд ли Просперо приведет сюда более десяти тысяч воинов: прослышав о нынешней битве, он, несомненно, отступит к Тарантии. Ни Амальрику, ни Валерию о нашем пленнике не говорите. Пусть думают, что Конана раздавили рухнувшие скалы!

Тут он уставился на королевского стражника и смотрел на него так долго и пристально, что воин принялся нервно переминаться.

— Что это там у тебя на животе? — спросил наконец Ксальтотун.

— Как что? Пояс, с твоего позволения, господин... — ошеломленно выдавил стражник.

— Лжешь! — Смех Ксальтотуна был безжалостен, точно разящий клинок — Это ядовитая змея. Глупец, ты подпоясался змеей!

Тот наклонил голову, недоуменно тараща глаза... и, к его ужасу, пряжка ремня ощерила истекающие ядом клыки и зашипела ему в лицо. Вместо ремня тело воина опоясывал отвратительный гад. С диким криком стражник ударил ладонью по его оскаленной морде, почувствовал, как входят в тело клыки... и, застыв в столбняке, тяжело повалился наземь.

Тараск смотрел на него безо всякого выражения. Он видел простой кожаный ремень и пряжку с острым язычком, впившимся в руку солдата. Ксальтотун обратил свой гипнотический взор на оруженосца Тараска... тот затрясся, серея лицом, но король вмешался.

— Не надо. Этому человеку можно доверять.

Чародей натянул вожжи, разворачивая коней:

— Во всяком случае, пусть это останется тайной. Если я буду нужен, пусть Альтаро, слуга Ораста, вызовет меня, как я его научил. Я же буду в твоем дворце в Бельверусе.

Тараск приветственно поднял руку, но выражение его лица, пока он глядел вслед удалявшейся колеснице, было не из приятных.

— Почему он пощадил киммерийца? — прошептал до смерти напуганный оруженосец.

— Я и сам могу лишь предполагать, — проворчал Тараск.

Невнятный шум продолжавшейся битвы скоро стих в отдалении. Закатное солнце венчало утесы пламенеющей алой каемкой, и скоро колесница затерялась в синей тени, надвинувшейся с востока.

Глава 4

«ИЗ КАКОЙ БЕЗДНЫ ТЫ ВЫПОЛЗ?»

Долгая поездка на колеснице Ксальтотуна прошла мимо сознания Конана. Он лежал, точно мертвец, и не слышал, как бронзовые колеса лязгали о камни горных дорог, затем

шуршали в густой траве плодородных долин и как наконец, одолев изломанные хребты, эти колеса равномерно застучали по широкой, вымощенной белым камнем дороге, что вьется среди роскошных лугов до самых стен Бельверуса.

Лишь перед рассветом жизнь начала понемногу возвращаться к нему. Он услышал невнятный шум голосов и тяжелый скрип громадных петель. Сквозь разрез бархатного плаща, которым он был накрыт, проник неверный факельный свет. Конан разглядел громадную черную арку ворот и бородатые лица воинов. Пламя факелов играло на их шлемах и наконечниках копий.

— Господин! Как кончился бой? — с живым интересом спросил кто-то по-немедийски.

— Хорошо, — был краткий ответ. — Король Аквилонии убит, а войско его разбежалось.

Стражники взволнованно зашумели, но все голоса заглушил гром колес, быстро покатившихся по каменным плитам. Бронзовые ободья высекали снопы искр: хлеща кнутом, Ксальтотун погнал своих скакунов под арку ворот. И все-таки Конан расслышал, как один из воинов пробормотал:

— От самой границы до Бельверуса между закатом и рассветом! И кони почти не вспотели! Во имя Митры, они...

Однако голоса отдалились, и снова был только цокот копыт и стук колес по безлюдной ночной мостовой.

Конан запомнил услышанное, но ни одной мысли оно в нем не породило. Он был подобен бессмысленной кукле, которая все видит и слышит, но не способна понять. Свет и звук ничего не значили для него. Потом он вновь впал в глубокую летаргию и лишь смутно почувствовал, что колесница наконец остановилась посередине окруженного высокими стенами двора, что множество рук подняло его и понесло куда-то сначала по винтовой каменной лестнице, затем по длинному полутемному коридору. Шепот, осторожные шаги, какие-то непонятные шорохи раздавались кругом... но далеко, далеко, и он был совершенно к ним безразличен.

А потом он пришел в себя окончательно — сразу, толчком, с полной ясностью в голове. Он прекрасно помнил битву в горах и ее исход и вполне представлял себе, где оказался.

Он лежал на бархатном диване. На нем была та же одежда, что накануне. Но руки и ноги отягощали цепи,

которых даже он не мог разорвать. Комната, в которой он находился, была убрана с мрачной роскошью: на стенах красовались черные бархатные шпалеры, на полу — толстые фиолетовые ковры. Ни окон, ни дверей не было заметно. Лампа резного золота, подвешенная к высокому потолку, неживым светом заливала чертог.

В этом свете фигура человека, сидевшего против Конана в серебряном кресле, похожем на трон, казалась не вполне реальной; прозрачная шелковая накидка придавала ей некую расплывчатость очертаний, но бородатое лицо вырисовывалось ясно и четко, что тоже казалось неестественным в мертвом сиянии лампы. Казалось, странный нимб играл вокруг головы человека, заставляя рельефно выделяться черты, делая их единственной реальностью в таинственном, призрачном покое.

И лицо это было великолепно — точеное, классически прекрасное. Впрочем, в его безмятежном спокойствии угадывалось нечто тревожащее: некий намек на сверхчеловеческие познания и такую же сверхчеловеческую уверенность в себе. И пугающее чувство узнавания шевельнулось в глубине сознания Конана. Нет, он хорошо знал, что никогда прежде не видел этого человека. Тем не менее его черты кого-то — или что-то — напоминали. Похоже было, как если бы Конан наяву повстречал видение из своих худших кошмаров...

— Кто ты? — с угрюмым вызовом спросил король и попытался сесть, несмотря на вес кандалов.

— Люди зовут меня Ксальтотуном, — был ответ. Сильный, звучный голос звенел, как золотой колокол.

— И где это мы? — поинтересовался киммериец.

— В одном из чертогов дворца короля Тараска, в Бельверусе.

Конан не удивился; Бельверус, столица Немедии, был и самым крупным среди городов, лежавших близ границы.

— А где Тараск?

— С войском.

— Что ж, — проворчал Конан, — если собрался меня убивать, давай.

— Я не для того спас тебя от королевских стрелков, чтобы прикончить здесь, в Бельверусе, — сказал Ксальтотун.

— Что ты там сделал со мной? — спросил Конан.

— Лишил тебя сознания, — прозвучало в ответ. — Каким образом — этого ты все равно не поймешь. Можешь, если хочешь, назвать это черной магией.

Конан и сам пришел к такому же выводу и раздумывал уже совсем над другим.

— Кажется, я понимаю, зачем ты меня пощадил, — сказал он. — Амальрик, видно, собрался стращать мной Валерия — в том случае, если произойдет невозможное и этот молодчик станет-таки королем Аквилонии. Все хорошо знают, что за попыткой посадить Валерия на мой трон стоит барон Торский! Насколько я знаю Амальрика, он предназначает Валерию роль пешки, не больше. Так же, как сегодня — Тараску!

— Амальрик о твоем пленении и не подозревает, — ответил Ксальтотун. — Как и Валерий. Оба уверены, что ты погиб в битве при Валкии.

Глаза Конана сузились, он пристально посмотрел на своего собеседника.

— Я чувствовал за всем этим чью-то мощную волю, — пробормотал он, — но думал, что это воля Амальрика. Однако, похоже, Амальрик, Тараск и Валерий — всего лишь марионетки, а нитки дергаешь ты. Кто ты?

— Какая разница? Даже если я расскажу, ты мне вряд ли поверишь. Ответь лучше — что, если бы я предложил снова посадить тебя на аквилонский престол?

Конан смотрел на него, точно волк, угодивший в клетку.

— Назови цену!

— Повиновение мне.

— Ну и катись в Преисподнюю со своим предложением! — зарычал Конан. — Я тебе пешкой не буду! Я добыл свою корону мечом! А кроме того, не в твоей власти покупать или продавать трон Аквилонии. Королевство еще не завоевано — одна битва не решает исхода войны!

— Ты забыл, что тебе противостоят не только воины с их жалким оружием, — ответил Ксальтотун. — Или меч смертного поразил тебя в твоем собственном шатре еще до начала сражения? О нет: то было порождение мрака, скиталец, явившийся из внешних пространств по моему слову. Его пальцы пылали вечным морозом межзвездных черных пустот. Этот-то холод оледенил твою кровь и лишил мышцы силы. Холод, обжегший твое тело, подобно железу, раскаленному добела!.. Или, может, ты скажешь, что человек, надевший твои доспехи, по чистой случайности повел рыцарей в ту теснину? Случайность, благодаря которой на них обрушились скалы?..

Конан молча смотрел на него, и по спине гулял холодок. Мифология его варварского племени изобиловала легендами о чародеях и колдунах. К тому же, глядя на Ксальтотуна, любой дурак мог сказать, что это — человек не обычный. Конан явственно ощущал нечто неизъяснимое, отличавшее его от всех остальных, — некую ауру чужого Времени и Пространства, некое веяние зловещей, немыслимой древности. И все-таки упрямый дух Конана отказывался признать поражение.

— Обвал мог быть и случайностью,— процедил он сквозь зубы. — А бросок в ущелье — так это каждый бы на его месте предпринял!

— Вовсе нет. Ты, например, ни за что не сунулся бы туда. Ты бы сразу заподозрил ловушку. Для начала, кстати, ты и через реку бы не пошел, не убедившись, что немедийцы действительно разгромлены. И потом, даже в безумии битвы гипнотическое внушение не могло бы внедриться в твое сознание и заставить слепо ринуться в расставленную западню, как поступил тот простак, выряженный тобою.

Конан никак не мог распроститься с сомнениями:

— Но если все было подстроено, чтобы разгромить мое войско, почему же твой межзвездный скиталец не прикончил меня прямо в шатре?

— Потому что я желал заполучить тебя живым. Я и без волшебства мог предсказать, что Паллантид велит другому надеть твои латы. Ты был нужен мне живым и не искалеченным, ибо ты можешь пригодиться для осуществления моих планов. В тебе есть жизненная сила, которая стоит больше, чем все искусство и вся хитрость тех, кто считает себя моими союзниками. Ты — упорный враг, из тебя может получиться отменный вассал.

Услышав это, Конан плюнул, но Ксальтотун, не обращая внимания на его ярость, взял со стола хрустальный шар и поместил перед ним. Он ни на что не положил его и не стал никак укреплять. Тем не менее шар повис в воздухе, словно уложенный на подставку. При виде этого чуда Конан лишь фыркнул, хотя, по правде сказать, некоторое впечатление оно на него произвело.

— Хочешь посмотреть, что делается в Аквилонии? — спросил Ксальтотун.

Конан не ответил, но то, как он замер, напрягшись всем телом, выдавало его отчаянное желание узнать.

— Сейчас вечер следующего дня после битвы при Валкии, — вглядываясь в туманную глубину шара, заговорил Ксальтотун. — Основная часть немедийского войска заночевала у реки, и лишь рыцарские отряды продолжали громить отступавших аквилонцев. На рассвете армия свернула лагерь и двинулась через горы на запад. Просперо, который всю ночь гнал свои десять тысяч пуантенцев быстрым маршем, надеясь поспеть к началу сражения, был еще за много миль оттуда, когда ему начали попадаться бегущие. Не в силах собрать остатки разбитого войска, он отступил к Тарантии. Он примчался туда после отчаянной скачки, заменяя измученных коней отобранными у крестьян. Я вижу его рыцарей — усталых, в покрытых пылью доспехах, с обреченно повисшими плюмажами; из последних сил понукают они лошадей, пересекая равнину... Вижу я и улицы Тарантии. В городе неспокойно: каким-то образом сюда уже дошел слух о поражении и гибели короля Конана. Чернь сходит с ума от ужаса. «Король погиб! — повторяет она со слезами. — Кто теперь поведет нас на немедийцев?..» Исполинские тени надвигаются на Аквилонию с востока, а небо ее черно от стервятников...

Конан замысловато выругался.

— Пустые слова! Любой уличный оборванец мог бы напророчить не хуже! Если ты хочешь сказать, что разглядел все это в стекляшке, так ты не только негодяй — в чем, кстати, я и не сомневался, — но еще и лжец, каких мало. Просперо соберет баронов и удержит Тарантию. Страной же в мое отсутствие правит Троцеро, граф Пуантенский, и уж он-то заставит немедийских собак с воем разбежаться по конурам! Что такое эти несчастные пятьдесят тысяч вашего войска? Да Аквилония проглотит их и не подавится! Не видать им не то что Тарантии, даже и Бельверуса! При Валкии была разбита не Аквилония, а всего только Конан!

— Аквилония, — невозмутимо ответствовал Ксальтотун, — обречена. Копье, секира и огонь заставят ее покориться. А не заставят — что ж, я призову против нее из тьмы веков иные силы. Точно так же, как рухнули скалы над Валкией, обрушатся по моему слову стены городов, а понадобится — и сами горы. Реки выйдут из берегов и затопят целые провинции. Так что лучше бы сталь и тетива сделали свое дело без дальнейшей помощи моего искусства, ибо могучие заклятья способны стронуть силы, грозящие поколебать равновесие Вселенной!

— Из какой бездны ты выполз, пес тьмы?.. — пробормотал Конан, не сводя с него глаз. Невольная дрожь потрясла могучего киммерийца: он чувствовал перед собой нечто неправдоподобно древнее и исполненное столь же неправдоподобного зла...

Тут Ксальтотун приподнял голову, словно прислушиваясь к шепоту, долетавшему из-за края мира. Казалось, он позабыл о пленнике. Затем он нетерпеливо тряхнул головой и рассеянно глянул на Конана.

— Что?.. Я уже говорил, ты все равно не поверишь, даже если я тебе расскажу... Однако разговор с тобой меня утомил. Увы, легче уничтожить укрепленный город, нежели облечь мои мысли в слова, доступные пониманию безмозглого варвара...

— Будь мои руки свободны, — заметил Конан, — я бы мигом сделал безмозглый труп из тебя.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь. Вот потому-то я и не дал тебе такой возможности. — И Ксальтотун хлопнул в ладоши.

Его поведение разительно изменилось: в нем сквозило нетерпение и, пожалуй, даже нервозность. Впрочем, Конан был далек от мысли, что это как-то связано с ним.

— Поразмысли над моими словами, варвар, — сказал Ксальтотун. — Времени у тебя будет в достатке. Я еще не определил твою участь: все зависит от обстоятельств, еще не успевших сложиться. Запомни одно: если я надумаю использовать тебя в своей игре, лучше подчиниться добровольно, чем испытать мой гнев!

Конан тут же послал его весьма и весьма далеко, но в это время занавеси распахнулись, обнаружив спрятанную за ними дверь, и в комнату вошли четыре чернокожих гиганта. На них не было иной одежды, кроме шелковых набедренных повязок, перехваченных поясами; у каждого на поясе висел внушительных размеров ключ.

Ксальтотун нетерпеливым жестом указал неграм на пленного короля, сам же отвернулся, как бы потеряв к нему всяческий интерес. Конан обратил внимание на то, как странно подергивались его пальцы. Из резной нефритовой шкатулки извлек он щепоть блестяще-черного порошка и бросил в курильницу, стоявшую на золотом треножнике у его локтя. Хрустальный шар, о котором, похоже, он позабыл, упал на пол, лишившись своей незримой опоры.

Тут негры подняли Конана и понесли его прочь, потому что сам он, опутанный цепями, идти не мог. Но прежде чем затворилась за ними позолоченная тиковая дверь, Конан бросил взгляд назад. Ксальтотун, откинувшись и скрестив на груди руки, полулежал в своем кресле, похожем на трон, а над жаровней завивалась тонкая струйка дыма. Конан почувствовал, как волосы на голове становятся дыбом. В Стигии, древнем царстве зла, лежавшем далеко на юге, ему приходилось уже видеть порошок, который воскурил Ксальтотун. Это была пыльца черного лотоса, дающая сон, похожий на смерть и исполненный чудовищных сновидений. Конан знал, что лишь жуткие чародеи Черного Круга, достигшие последних бездн зла, по своей воле ищут кошмаров черного лотоса и даже черпают из них новые силы для своего колдовства...

Для большинства жителей западных стран Черный Круг был всего лишь страшной сказкой, но Конан-то хорошо знал, до чего он реален. В мрачных подземельях Стигии, под сводами, никогда не знавшими света, все еще творились отвратительные обряды и полночные оргии, посвященные Тьме...

Конан еще раз оглянулся на позолоченную дверь и содрогнулся при мысли о том, что за нею происходило.

Он не мог сказать, какое было время суток — день или ночь. Казалось, дворец короля Тараска был погружен в вечные сумерки, казалось, кто-то не хотел впускать внутрь солнечный свет. И воплощением тьмы и теней, окутавших дворец, был — Конан чувствовал это — чужестранец Ксальтотун.

Негры пронесли Конана по извилистому коридору, столь скупо освещенному, что выглядели они, скорее, четырьмя черными призраками, несущими мертвое тело. Потом была винтовая каменная лестница, бесконечно струившаяся вниз, вниз... факел в руке одного из негров отбрасывал на стены громадные бесформенные тени: ни дать ни взять демоны спускались в Преисподнюю, таща мертвеца.

Лестница привела их в длинный прямой коридор. По одну сторону в сплошной стене там и сям зияли сводчатые проходы, за которыми виднелись лестницы, уводящие вверх. По другую сторону через каждые несколько футов следовали запертые двери, забранные надежными решетками.

Остановившись возле очередной двери, один из негров поднял висевший на поясе ключ и повернул его в замке.

Решетчатая дверь отворилась. Негры и узник оказались в небольшой камере: стены, пол и потолок были каменные, а напротив виднелась вторая такая же дверь. Конан понятия не имел, что за ней находилось, но подумал, что вряд ли там был еще один коридор: свет факела уходил меж прутьев неизвестно куда и терялся в беспредельной тьме, чуть слышно откликавшейся эхом.

В одном углу камеры, возле двери, через которую они вошли, с толстого железного кольца, вмурованного в стену, гроздьями свисали ржавые цепи. В цепях болтался скелет человека. Конан невольно задержал на нем взгляд, удивившись тому, что кости в большинстве своем были переломаны, а то и расщеплены. Череп же, отвалившийся от позвоночника, был расплющен ударом ужасающей силы...

Один из чернокожих тюремщиков — не тот, что открывал дверь, — своим поясным ключом отомкнул тяжелый замок и флегматично оттащил в сторону и ржавые цепи, и раздробленные кости. Затем они пристегнули кандалы Конана к освободившемуся кольцу, и третий негр своим ключом — тоже третьим по счету — попробовал замок дальней двери и удовлетворенно хмыкнул, убедившись, что она была как следует заперта.

Какое-то время они молча смотрели на Конана — черные великаны с узкими глазами и лоснящейся кожей, блестевшей в факельном свете.

Затем тот, что носил на поясе ключ от ближней двери, гортанно произнес:

— Вот каков теперь твой дворец, белый король-собака! Никто не знает, где ты, только наш хозяин и мы. Весь дворец спит, а мы не болтливы. Ты будешь жить здесь, а может, здесь и умрешь. Как он! — Негр презрительно пнул расколотый череп, который со стуком покатился по каменному полу.

Конан не снизошел до ответа, и тюремщик, наверное, уязвленный молчанием узника, пробормотал ругательство, нагнулся — и плюнул в лицо королю. Но эта было ошибкой. Конан сидел на полу: цепи, охватившие его тело, запястья и лодыжки, были примкнуты к кольцу, он не мог ни встать, ни отодвинуться от стены более чем на длину руки. Но в ручных кандалах была изрядная слабина; Конан незаметно собрал всю цепь в ладонь — и, прежде чем негр успел выпрямиться, обрушил ее на заостренное темя противника. Чернокожий свалился, точно зарезанный бык. Его

товарищи разинули рты: кожа на голове была рассечена, из носа и ушей потекла кровь.

— Ну? — поигрывая окровавленной цепью, зарычал Конан. — Кто еще?..

Приблизиться тюремщики не отважились. Бормоча что-то на своем гортанном наречии, они подняли оглушенного собрата и вынесли наружу, точно мешок. Они заперли дверь ключом, который так и не сняли с золотой цепочки, прикрепленной к ремню. Унесли они и факел, и, когда они удалялись по коридору, темнота, точно живое существо, кралась следом за ними. И вот наконец стих шорох шагов, скрылись последние отблески факела. Тьма и тишина безраздельно завладели подвалом...

Глава 5

УЖАС ПОДЗЕМЕЛИЙ

Конан лежал неподвижно, перенося тяжесть цепей и безнадежность своего положения со всем стоицизмом истинного сына диких киммерийских просторов. Он не шевелился, потому что звяканье цепей, сопровождавшее каждое движение, казалось непростительно громким в мертвой тишине подземелья. Между тем инстинкт варвара, наследие бесчисленных поколений, предостерегал: не можешь как следует за себя постоять — притаись. Логические рассуждения были здесь ни при чем. Конан лежал тихо вовсе не потому, что подозревал во тьме присутствие неведомых и грозных существ, способных его обнаружить. Ксальтотун заверил его, что никакого ущерба ему не нанесут, и Конан полагал, что тот в самом деле не был заинтересован в его погибели — во всяком случае, пока. Но инстинкт дикаря, тот же самый, что еще ребенком заставил Конана лежать неподвижно и молча, пока дикие звери рыскали кругом его убежища, — этот инстинкт не дремал и теперь.

Даже острое зрение Конана не могло пронизать густую тьму. И все-таки по прошествии некоторого времени — хотя сколько именно времени минуло, он нипочем не смог бы сказать — он различил едва заметное сияние, нечто вроде косого луча серого света. Этот луч позволил Конану смутно увидеть прутья входной двери у своего локтя, а

затем даже и контуры дальней решетки. Сперва это озадачило его, но потом он понял, в чем дело. Конан знал, что находится глубоко под землей, в катакомбах под королевским дворцом. Тем не менее кому-то понадобилось устроить колодец наверх таким образом, что в него иногда заглядывала поднявшаяся луна. Конан сразу подумал о том, что сможет, вероятно, следить с его помощью за сменой ночи и дня, отсчитывая время. Возможно даже, днем через отверстия будет проникать солнечный свет... если только колодец не закроют там, наверху, с наступлением дня. Чем не изощренная пытка — время от времени позволять узнику видеть лунный или солнечный свет?..

Конан снова обратил взгляд на осколки костей, смутно белевшие в противоположном углу. Он не стал предаваться болезненным раздумьям о том, кем мог быть при жизни этот несчастный и за что ему выпала подобная участь. Его внимание привлекло состояние костей. Он видел, что переломаны они были не на дыбе. И еще одна весьма неаппетитная деталь открылась внимательному взгляду: берцовые кости были расколоты вдоль. Объяснение этому могло быть только одно — кто-то расщепил их, чтобы полакомиться костным мозгом. Но кто, кроме человека, добывает мозг из костей?.. Уж не говорили ли эти немые останки о жуткой трапезе какого-нибудь бедняги, доведенного голодом до людоедства?.. «Может, кто-нибудь однажды будет так же разглядывать и мои кости, висящие в ржавых цепях...», — подумал Конан, с немалым усилием подавляя приступ слепого животного ужаса.

Киммериец не сыпал проклятиями, не плакал и не бушевал, как, вероятно, поступили бы на его месте многие цивилизованные люди. Однако его боль и душевное смятение были нисколько не меньше оттого, что прорывались они наружу лишь дрожью, временами сотрясавшей его могучее тело. Где-то там, далеко на западе, немедийское войско огнем и мечом прокладывало себе путь к сердцу его королевства. Маленький отряд пуантенцев не сможет их остановить: Просперо в Тарантии продержится несколько недель, в лучшем случае — месяцев; но если не придет помощь, сыграет свою роль численный перевес немедийцев. Без сомнения, бароны поспешат на выручку Просперо, объединяясь против захватчиков... Но он-то, Конан, обречен беспомощно лежать в темном каземате, пока другие ведут его воинов на врага и отвоевывают королевство!..

В бессильном бешенстве король заскрипел зубами... и тотчас замер, расслышав со стороны дальней двери крадущиеся шаги. Напрягая зрение, он кое-как различил неясную фигуру, скрючившуюся по ту сторону решетки. Скрежетнул металл по металлу, потом раздался щелчок, как если бы ключ повернулся в замке, и фигура растаяла во мраке, скрывшись из глаз. «Какой-нибудь стражник приходил проверить замок», — рассудил Конан. Спустя некоторое время откуда-то издали послышался такой же металлический щелчок, а следом — звук открывающейся двери и быстрый, пугливый топот ног, обутых в мягкие башмаки.

И вновь неподвижная тишина установилась в подвале...

Конан продолжал напряженно прислушиваться: ему казалось, минуло довольно долгое время, но он сам знал, что обманывается: луна все еще светила сквозь невидимый колодец. Ни звука! В конце концов он переменил положение тела. Громко лязгнули цепи... и почти сразу по ближнему коридору, через который его втащили в камеру, просеменили легкие шаги. Еще миг — и в сером полусвете обозначился хрупкий, тоненький силуэт.

— Король Конан! — позвал дрожащий девичий голос. — Государь мой, ты здесь?..

— А где ж мне еще быть, — ответил он сдержанно и вывернул шею, пытаясь получше разглядеть незнакомку.

Это в самом деле была девушка, и она стояла совсем рядом с ним, обхватив пальчиками прутья решетки. Слабый свет луны обрисовывал ее изящное тело, перехваченное в бедрах клочком шелковой ткани, и смутно играл на украшенных самоцветами пластинах, прикрывавших грудь. Большие испуганные глаза мерцали во мраке, нежное тело, казалось, слегка светилось, точно алебастровое. Длинные волосы ниспадали темной волной; они роскошно блестели даже в полумраке колодца.

— Вот ключи от твоих оков и от дальней двери!.. — прошептала она, и белая узенькая рука просунулась сквозь решетку, чтобы действительно уронить три предмета, звякнувшие подле Конана об пол.

— Что за игру ты ведешь? — спросил он угрюмо. — Ты говоришь по-немедийски, а в Немедии у меня нет друзей. Что еще за дьявольщину выдумал твой хозяин? Послал тебя поиздеваться надо мной?..

— Я не издеваюсь, господин мой! — Девушка чуть не плакала и дрожала так, что браслеты и нагрудные плас-

тины звенели о прутья решетки, которые она сжимала обеими руками. — Клянусь Митрой, я украла ключи у чернокожих тюремщиков! Они — хранители подземелий, и каждый имеет при себе ключ лишь от одного вида замков. Я напоила их... всех, кроме одного, того, которому ты разбил голову, — его унесли к лекарю, и его ключ достать я не смогла. Но остальные — здесь, у тебя! Молю, не медли!... За этими темницами таится страшное подземелье — там, во тьме, врата Преисподней!..

Если она притворялась, то притворялась здорово. Все же Конан попробовал ключи с немалым сомнением, ожидая лишь неудачи и издевательского смеха девчонки. Однако, к его радостному изумлению, один из ключей вправду отомкнул его цепи, подойдя не только к замку у кольца, но и к тем, что запирали кандалы на руках и на ногах. Мгновение — и он поднялся во весь рост, охваченный яростным восторгом нусть относительной, но свободы. Быстрый шаг к двери — и его пальцы охватили железный прут вместе с тоненьким девичьим запястьем. Она, впрочем, и не пыталась вырваться и убежать. Подняв голову, она прямо и смело взглянула в его свирепые глаза.

— Кто ты, девочка? — спросил он требовательно. — Почему ты взялась мне помогать?

— Я всего лишь Зенобия, — прошептала она, и дыхание у нее перехватило, словно от страха. — Всего лишь рабыня, купленная в сераль короля...

— И все-таки, — настаивал Конан, — не вижу, с какой бы стати тебе отдавать мне ключи... если только это не какой-нибудь подвох!

Она опустила темноволосую голову, но потом вновь вскинула ее и вновь прямо встретила подозрительный взгляд киммерийца. Слезы алмазными звездами мерцали на пушистых ресницах.

— Я всего лишь рабыня, купленная в сераль короля, — повторила она, и Конан различил в ее голосе гордость, боровшуюся с унижением. — Но король ни разу даже не посмотрел на меня и, может быть, никогда не посмотрит. Я — ничтожнее псов, что гложут кости в его пиршественном зале. Но я — не раскрашенная игрушка! Я дышу, ненавижу, боюсь, радуюсь... и люблю. И я полюбила тебя, король Конан, с того самого дня, когда ты навещал короля Нуму несколько лет назад. Я видела, как во главе своих рыцарей ты проезжал по улицам Бельверуса, и сердце мое

рвалось из груди, мечтая упасть в дорожную пыль, под копыта твоего коня...

Жаркая краска залила ее щеки при этих словах, но она не отвела глаз, Конан помедлил с ответом... в глубине души он так и остался необузданным дикарем, и все же мужчина должен быть уже совершенным скотом, чтобы не испытать невольного трепета и смущения, когда женщина раскрывает перед ним свою душу.

Тут Зенобия склонила голову, и нежные губы прижались к его пальцам, стиснувшим ее запястье. Но ужас их положения тотчас же с новой силой отразился в широко раскрытых темных глазах.

— Поспеши! — отчаянно прошептала она. — Уже минула полночь! Беги, государь!

— А с тебя не сдерут шкуру за то, что ты утащила ключи?

— Они никогда не дознаются. Даже если утром негры припомнят, кто дал им вино, они нипочем не посмеют сознаться, что напились и потеряли ключи. Я только не смогла заполучить тот, что отпер бы эту дверь... ты должен проложить себе путь к свободе через те подземелья, мой государь! Какие ужасы таятся там во мраке, я не решаюсь даже гадать. Знаю только, что участь твоя будет еще страшнее, если ты останешься здесь. Ибо король Тараск возвратился...

— Что? Тараск?

— Да, причем возвратился тайно. Некоторое время назад он спустился сюда, в подземелье, а когда вышел обратно, весь дрожал и был смертельно бледен, как человек, страшно испытывающий судьбу. Я слышала, как он шепнул Аридею, своему оруженосцу, что, несмотря на запрет Ксальтотуна, ты все-таки умрешь...

— А что Ксальтотун? — пробормотал Конан. И почувствовал, как она содрогнулась.

— Не говори о нем! — был едва слышный ответ. — Демоны часто являются туда, где произносят их имена... Рабы говорят, он лежит в своем чертоге, за крепко запертой дверью и внимает сновидениям черного лотоса. Мне кажется, даже Тараск втайне боится его, не то бы он расправился с тобою открыто. Но он спускался в подземелья нынешней ночью... и одному Митре известно, что он там делал!

— Уж не Тараск ли возился под дверью... — задумался Конан.

— Вот кинжал! — Зенобия протянула что-то сквозь решетку, и его пальцы жадно сомкнулись на знакомом предмете. — Когда выйдешь в ту дверь, — продолжала она, — поворачивай налево и иди вдоль камер, пока не доберешься до каменной лестницы. Не удаляйся от камер, если тебе дорога жизнь!.. Отвори дверь наверху лестницы — один из ключей должен подойти. Я буду ждать тебя за ней... и да не оставит нас Митра!..

И с этими словами она растворилась во тьме, лишь шелковые туфельки прошуршали по каменным плитам.

Конан пожал плечами и повернулся к дальней решетке. Мысль о возможности коварно подстроенной Тараском ловушки по-прежнему не покидала его. Что ж, очертя голову броситься в западню? А хотя бы и так! Это все же лучше, чем сидеть на цепи, беспомощно дожидаясь неведомой участи. Конан осмотрел кинжал, врученный ему Зенобией, и мрачная улыбка тронула его губы. Что бы там ни представляла собою девчонка, оружие в руке киммерийца свидетельствовало о ее практичном уме. Это не был какой-нибудь изящный стилетик, выбранный ради дорогих камней в рукояти и золотой крестовины и годный разве что для изящного убийства в дамском будуаре. В ладони Конана было настоящее оружие воина, с широким, обоюдоострым пятнадцатидюймовым лезвием, плавно сбегавшим к острию алмазного закала и остроты.

Удовлетворенное ворчание вырвалось у Конана. Ощущение рукояти в руке подбодрило его, уверенность теплом разбегалась по жилам. Какие бы паутины заговоров ни сплетались вокруг, какими бы сетями измены и коварства ни пытались опутать его, — эта сталь была настоящей. Мощные мускулы на правом плече короля вздулись, предвкушая убийственные удары...

Держа наготове ключи, он тронул дальнюю дверь и обнаружил, что она была открыта. В то же время он помнил, как запирал ее негр. Стало быть, та скрюченная, крадущаяся тень не была тюремщиком, вздумавшим еще раз проверить запоры. Наоборот — тот человек отпер дверь! Все это поневоле наводило на нехорошие мысли, но Конан задумываться не стал. Без колебаний распахнул он решетку и, покинув темницу, ступил во тьму.

Как он и думал, помещение по ту сторону не было коридором. Каменные плиты пола уходили неизвестно куда,

теряясь во мраке, ряд камер тянулся налево и направо, но каковы были размеры подземелья, в которое он угодил, ни малейшего понятия Конан не имел. Ни потолка, ни другой стены не было видно. Лунный свет просачивался лишь сквозь решетчатые двери камер, темнота была почти абсолютной. Кто-нибудь менее зоркий, нежели киммериец, вряд ли различил бы мутно-серые пятна на полу перед дверьми...

Повернув налево, он со всей возможной быстротой скользнул вдоль решеток. Босые ноги короля беззвучно ступали по каменному полу. Проходя мимо, он бросал короткий взгляд в каждую камеру. Все были пусты и заперты. Несколько раз взгляд Конана ловил отблеск нагих белых костей. Камеры эти были наследием более мрачной эпохи, когда Бельверус был скорее крепостью, а не городом. Однако и в нынешние времена камеры явно использовались куда чаще, чем думали люди...

Когда впереди замаячили очертания лестницы, круто уходившей вверх, Конан понял, что добрался до цели. И в тот же миг ощущение близкой опасности заставило его обернуться назад и низко пригнуться, прячась в непроглядной тени у подножия ступеней.

Где-то там, позади него, во мраке двигалось нечто — нечто громадное, но осторожное, и мягкие лапы его не были человеческими ступнями. Конан скользнул глазами вдоль длинного ряда камер, перед каждой из которых лежал на полу сероватый прямоугольник даже не то чтобы света — просто менее густой тьмы... и увидел, как что-то не спеша приближалось к нему, пересекая эти прямоугольники. Что это было, Конан не взялся бы сказать. Громадное, тяжелое, оно тем не менее передвигалось с ловкостью и быстротой, до которых далеко было человеку. Неясный силуэт его то возникал на фоне пятен серого света, то пропадал в черноте промежутков. И веяло жутью от этой крадущейся поступи...

Конан слышал, как скрипели прутья решеток, когда неведомая тварь одну за другой пробовала их отворить. Наконец она достигла камеры, которую он только что покинул, — и эта дверь, единственная из всех, распахнулась. Мелькнула темным пятном и снова скрылась огромная туша: существо вошло в камеру. Лоб и ладони Конана взмокли от пота. Теперь он знал, зачем подкрадывался к его двери Тараск и почему удрал так поспешно. Король отомкнул дверь его камеры, а потом, где-то в дьявольской глубине подземелий, выпустил из клетки чудовище...

И вот оно покинуло бывшую Конанову темницу и заспешило дальше вдоль ряда дверей, опустив уродливую морду к самому полу. Оно больше не дергало запертые решетки. Оно шло по свежему следу.

Теперь Конан видел его лучше. Серый свет обрисовывал гигантское тело, напоминавшее человеческое, только неимоверно массивней и толще. Ссутулившись, тварь ковыляла на задних ногах, и косматый густой мех ее отливал серебром. Длинные руки, вернее сказать, передние лапы свисали почти до земли, а морда была жуткой пародией на человеческое лицо.

Конан наконец узнал этот ужас подземелий и понял, что означали раздробленные, расщепленные кости. Перед ним была серая обезьяна-людоед из тех, что водятся в горных лесах восточного побережья моря Вилайет. Страшные эти обезьяны, великаны животного мира, убийцы, таящиеся в ночных джунглях, вызвали к жизни жуткие легенды о гоблинах, которыми хайборийцы пугали детей...

Конан видел, что обезьяна его учуяла. Теперь она быстро шла, почти бежала вперед: бочкообразное тело покачивалось на коротких кривых могучих ногах. Конан еще раз покосился на лестницу. Тварь догонит его прежде, чем он успеет добежать до двери там, далеко наверху. Больше Конан не думал о бегстве. Он встретит чудовище здесь — лицом к лицу.

Он шагнул вперед, становясь в ближайший промежуток лунного света: он знал, что тварь видела в темноте гораздо лучше него, и нытался обеспечить себе хоть какое-то преимущество. Обезьяна тут же заметила его и ощерила желтые клыки, но не издала ни звука. Серые чудовища с моря Вилайет, порождения ночной тишины, были безгласны. Но на его морде, на этом извращенном подобии человеческих черт, отразился людоедский восторг.

Конан стоял наготове, бестрепетно наблюдая за приближением страшилища. Он знал, что жизнь или смерть его будет зависеть от одного-единственного удара. У него не хватит времени ни на то, чтобы ударить еще, ни даже на то, чтобы отскочить. Если он хотел выжить в неравной схватке, его первый удар должен был сразить обезьяну, и сразить наповал. Он смерил взглядом короткую толстую шею, сытое волосатое брюхо и могучую грудь, напоминавшую два сдвинутых вместе щита. Нет, бить надо в сердце. Уж лучше пойти на риск и надеяться, что клинок не со-

скользнет, ударившись о прочное ребро зверя, чем ударить в какое-нибудь другое, не столь жизненно важное место...

Прекрасно понимая неравенство сил, Конан готовился противопоставить верный глаз и силу послушных разуму мышц тупой животной мощи и ярости косматого людоеда. Итак, грудь на грудь... смертельный удар... и будем надеяться, что крепкое тело сумеет выдержать чудовищные объятия, избежать которых не удастся уже наверняка.

Когда обезьяна ринулась к нему, широко распахивая страшные лапы, Конан нырнул под них и нанес удар с силой, удесятеренной отчаянием. Он почувствовал, как его клинок до рукояти ушел в мохнатую грудь, и немедленно, разжав пальцы, пригнул голову, сворачиваясь в один комок напряженных мышц. Упираясь коленом в брюхо зверя, он еще попытался перехватить лапы чудовища, не дать им сомкнуться и переломать ему кости...

На какой-то безумный миг Конану показалось, будто землетрясение выворачивает ему суставы, раздирая тело на части... и вдруг все кончилось, и он лежал лицом вниз, невредимый, а под ним, закатив красные глаза, содрогалась в последней муке страшная обезьяна. В ее груди торчала рукоять кинжала: удар достиг цели.

Конан и сам дрожал всем телом, тяжело дыша, точно после долгого боя. Ему казалось, у него была вывихнута половина костей, из глубоких рваных царапин, оставленных когтями чудовища, бежала кровь. Измятые мускулы и сухожилия немилосердно болели. Проживи обезьяна секундой дольше, она точно разорвала бы его. Но жизненная сила в который раз помогла Конану выстоять в испытании, немыслимом для обычного человека. Ибо даже предсмертных конвульсий издыхающей обезьяны вполне хватило бы, чтобы оторвать кому угодно другому и руки, и ноги.

Глава 6

УДАР КИНЖАЛА

Нагнувшись, Конан выдернул кинжал из груди обезьяны и быстро зашагал вверх по ступеням. Он понятия не имел о том, какие еще ужасы могли таиться во тьме, и выяснять не собирался. Даже ему, гиганту киммерийцу, вовсе не улыба-

лась еще одна подобная схватка. К тому же и свет, проникавший в невидимые колодцы, постепенно меркнул, сгущалась непроглядная тьма. Одним словом, что-то подозрительно близкое к паническому ужасу все быстрее гнало Конана по лестнице. Он вздохнул с большим облегчением, когда кончились ступени и пришло время пустить в ход третий ключ. Приоткрыв дверь, Конан осторожно выглянул наружу, ожидая, что на него тут же бросится человек — а может, и зверь.

Но перед ним был пустой, скупо освещенный каменный коридор. И — все та же точеная девичья фигурка, которую он впервые увидал сквозь прутья решетки.

— Государь мой!.. — В тихом, дрожащем голосе мешались радость и страх. Девушка подбежала было к королю, но тут же в смятении отпрянула: — Ты весь в крови!.. Ты ранен!..

Он нетерпеливо отмахнулся:

— Ерунда, эти царапины не повредили бы и ребенку... Впрочем, твоя зубочистка неплохо мне послужила, так что спасибо. Если б не она, Тарасков питомец сейчас хрустел бы моими косточками, разыскивая мозг... Ну, так что, теперь-то куда?

— Пойдем, — прошептала Зенобия. — Я выведу тебя за городскую стену, там у меня припрятана лошадь.

И она повернулась идти, но тяжелая рука Конана легла на ее обнаженное плечо.

— Иди-ка лучше рядом, — приказал он вполголоса, придерживая ее за талию. — Покамест у меня нет причины сомневаться в тебе, но, видишь ли, я дожил до этого дня в основном потому, что никогда особо не доверялся ни мужчинам, ни женщинам. В общем, вздумаешь шутить — учти: смеяться над шуткой тебе уже не придется.

Она не испугалась ни окровавленного кинжала, ни прикосновения его мускулистой руки.

— Убей меня безо всякой жалости, если я тебя предам, — сказала она. — Объятие твоей руки, даже угрожающее, — это ли не исполнение мечты?

Сводчатый коридор вывел их к двери. Зенобия отворила ее. За дверью лежал еще один чернокожий — здоровяк в тюрбане и шелковой набедренной повязке. На каменном полу возле его ладони валялся кривой меч. Чернокожий не двигался.

— Я дала ему вино, сдобренное дурманом, — обходя лежащего, шепнула Зенобия. — Это последний, внешний

страж подземелий. Никто еще не убегал отсюда и тем более не стремился проникнуть извне, потому-то и ведают подземельями лишь эти четверо негров. И только они — из всех слуг дворца — знали, что король Конан был привезен на колеснице Ксальтотуна как пленник. А еще о том знала я, ибо я бессонно следила из окошечка в башне за всем, что делалось во дворе, пока другие девушки спали... Я слышала, что на западе происходит — или уже произошла — битва. Я страшилась за тебя... Я видела, как негры несли тебя во дворец, и узнала твое лицо при факельном свете. Дождавшись вечера, я проскользнула в это крыло дворца, и вовремя — тебя тащили в подземелье. А перед тем ты целый день пролежал в покоях Ксальтотуна, опоенный или околдованный. Я не смела спуститься за тобой до темноты... Но поспешим, государь, ибо сегодня во дворце происходит что-то воистину странное! Рабы говорят — Ксальтотун спит, воскурив пыльцу стигийского лотоса: он часто делает это. Однако вернулся Тараск — вернулся безвестно, через потайной ход, и плащ короля был покрыт пылью дальней дороги. С ним был только его оруженосец — молчаливый тощий Аридей. Я не очень поняла, что к чему, но мне стало страшно!..

Поднявшись вместе с Конаном по узкой винтовой лестнице, Зенобия открыла неприметную дверцу, и они вышли. Девушка тщательно притворила дверцу, вновь сделав ее неотличимой частью богато разукрашенной стены. Этот коридор был просторнее прежних, пол его устилали ковры, по стенам красовались шпалеры, а масляные лампы, подвешенные к потолку, распространяли золотое сияние.

Конан напряженно прислушивался, но во всем дворце господствовала ничем не нарушаемая тишина. Конан не знал, в какой части дворца они находились и в каком направлении помещался чертог Ксальтотуна. Дрожа всем телом, Зенобия повела его по коридору и остановилась перед стенной нишей, укрытой атласной занавесью. Отдернув ее, она жестом пригласила Конана вступить в нишу и прошептала:

— Подожди здесь! Там, дальше, днем и ночью нередко снуют евнухи и рабы. Я схожу посмотрю, нет ли кого...

Конан мгновенно ощетинился:

— Хочешь в ловушку меня завести?..

Темные глаза наполнились слезами. Упав на колени, Зенобия схватила его руку

— О мой король, не сомневайся во мне!.. — В дрожащем голосе была настойчивость, вызванная отчаянием. —

Если ты промедлишь, мы оба погибли! И неужели я вывела бы тебя из подземелий только затем, чтобы предать?..

— Ладно, — буркнул он, — придется поверить... хотя Кром видит, как нелегко расстаться с многолетней привычкой! И потом... знаешь, я тебя пальцем не трону, хоть ты все немедийское войско сюда приведи. Если б не ты, Тарасков людоед нашел бы меня безоружным и закованным в цепи... Поступай, девочка, как знаешь!

Поцеловав его руку, она легко вскочила на ноги и убежала по мягким коврам коридора, чтобы скрыться за прочными двойными дверьми.

Конан проводил ее взглядом, гадая, чем обернется для него такая доверчивость. Потом передернул могучими плечами и поплотнее сдвинул атласные занавеси. Его не особенно удивило, что юная красавица рада была рискнуть жизнью ради него; такое случалось с ним не однажды. Многие женщины дарили ему свою благосклонность и во дни его странствий, и позже, когда он стал королем...

Не в его натуре было сидеть неподвижно, дожидаясь возвращения девчонки. Чисто инстинктивно он решил обследовать нишу — нет ли другого выхода. И выход нашелся. За шпалерами обнаружилась узкая щель, которая привела Конана к резной двери, едва видимой в луче тусклого света, проникавшего из коридора. Покуда Конан ее разглядывал, за нею хлопнула еще какая-то дверь, потом донесся приглушенный гул голосов. Один из этих голосов был Конану определенно знаком, и на загорелом лице короля появилось зловещее выражение. Не раздумывая, скользнул он в узкий проход и затаился у двери, точно пантера, подкарауливающая добычу. Дверь оказалась не заперта. Действуя умело и очень осторожно, Конан чуть-чуть ее приоткрыл.

С той стороны тоже висели плотные занавеси, но сквозь щель меж бархатных штор можно было заглянуть в комнату, освещенную пламенем единственной свечи, горевшей на эбеновом столике. В комнате находились двое. Один — покрытый шрамами, злодейского вида оборванец в кожаных штанах и видавшем виды плаще. Вторым был Тараск, король Немедийский.

Тараску было явно не по себе. Он был бледен и беспрестанно оглядывался, как будто страшась услышать какой-нибудь звук или приближающиеся шаги.

— Отправляйся тотчас же и не мешкай в пути, — говорил Тараск. — Он глубоко погружен в дурманные сновидения, но откуда знать, когда его угораздит проснуться.

— Вот уж не ждал я услышать из уст Тараска слова, исполненные страха, — пробурчал его собеседник. Голос у него был низкий и грубый.

Король нахмурился:

— Ты прекрасно знаешь, что обычных людей я не боюсь. Но когда я увидел, как при Валкии рушились скалы, я убедился: мы воскресили не какого-то шарлатана, а сущего дьявола. И я боюсь его силы, потому что не знаю, сколь далеко она простирается. Я понял только одно: она как-то связана с этой проклятой штуковиной, которую я у него выкрал. Она вернула его к жизни, и, видно, на ней-то и зиждется все его колдовство. Недаром он так надежно спрятал ее! Но я дал одному из рабов тайный наказ проследить за чародеем, и раб подсмотрел, как он клал эту вещь в золотую шкатулку и убирал шкатулку в тайник. Но я ни за что не осмелился бы похитить ее, если бы Ксальтотун не заснул сном черного лотоса... Итак, эта вещь — основание его могущества. С ее помощью Ораст вернул его к жизни. А он, опять же с ее помощью, сделает нас всех своими рабами, если мы не убережемся. Так что возьми-ка ее и выброси в море, как я велел. Только смотри сделай это подальше от берегов, чтобы шторм или прилив не вынесли ее снова на сушу. И помни, что я тебе хорошо заплатил.

— Это верно, — ответствовал негодяй. — Сказать по правде, король, не в одном золоте дело: за мной долг благодарности. Даже воры умеют быть благодарными...

— Когда бросишь эту штуку в море, — сказал Тараск, — можешь больше не считать себя моим должником, в чем бы ни заключался твой долг.

— Я поеду в Зингару и в Кордаве сяду на корабль, — пообещал вор. — Я не смею показаться в Аргосе из-за убийства одного тамошнего...

— Мне все равно, так что договорились, — перебил король. — Вот, возьми. Конь ждет тебя во дворе. Ступай же — и поторопись!

Что-то перешло из рук в руки — что-то, больше всего похожее на частицу живого огня. Конан лишь мельком успел заметить его... Вор надвинул на глаза широкополую шляпу, завернулся в плащ и поспешно вышел из комнаты.

Дверь едва успела закрыться за ним, когда ярость и жажда отмщения взметнули Конана в стремительном, смертоносном прыжке. Он сдерживался, пока мог, но всему есть предел. От близости заклятого врага кровь варвара заклокотала в жилах, начисто смыв всякую осторожность.

Тараск уже направился ко внутренней двери, но Конан, разметав занавески, кровожадной пантерой ринулся в комнату. Тараск обернулся, но кинжал Конана вонзился в него еще прежде, чем он успел разглядеть, кто же напал.

Однако смертельного удара не получилось, Конан понял это тотчас. Его ступня угодила в складки портьеры и подвела его в прыжке. Клинок вошел Тараску в плечо и пропахал по ребрам. Король Немедии отчаянно закричал.

Страшный удар и тяжесть обрушившегося тела швырнули Тараска прямо на столик, тот опрокинулся, и свечка погасла. Оба противника рухнули на пол и запутались в портьерах. Конан вслепую наносил удар за ударом и никак не мог попасть в Тараска, который вопил во все горло от боли и ужаса. Страх придал немедийскому королю сверхчеловеческие силы — вырвавшись, он убежал в темноту с криком:

— Спасите!.. Стража!.. Аридей, ко мпе! Ораст! Ораст!..

Конан поднялся, отшвырнув занавесь. И, ругаясь на чем свет стоит, пинком отбросил обломки стола. Что может быть горше неудавшейся мести! Вопли Тараска еще слышались в отдалении; во дворце начинался переполох. Немедиец удрал в темноте, и Конан не мог сообразить, в какую сторону он скрылся, а главное, куда следовало теперь бежать ему самому. Плана дворца Конан не знал. Необдуманная месть сорвалась: оставалось попробовать спасти свою шкуру — если получится...

Понося последними словами постигшую его неудачу, Конан тем же проходом вернулся в свою нишу, и сейчас же к нему подбежала Зенобия.

— Что случилось? — вскрикнула девушка. Ее глаза были круглыми от ужаса. — Дворец так и гудит! Но, клянусь, я не предавала тебя! Я...

— Нет, это я разворошил осиное гнездо, — проворчал он. — Хотел тут сквитаться с одним, да не получилось. Как бы поскорее выйти наружу?

Она схватила его за руку и во всю прыть помчалась по коридору. Но добежать до двери онн не успели: та уже сотрясалась от ударов — в нее ломились с другой стороны. Зенобия, всхлипнув, заломила руки:

— Мы отрезаны! Возвращаясь, я заперла эту дверь... через нее ведет путь к тайному ходу... Сейчас они ворвутся сюда!

Конан оглянулся: с другого конца коридора слышались невнятные крики, и, еще не видя врагов, киммериец понял, что опасность была не только впереди, но и за спиной.

— Сюда! Скорее сюда! — Девушка пересекла коридор и распахнула перед ним дверь какой-то комнаты. Конан последовал за нею и вдвинул в ушки золоченый засов. Он стоял в прихотливо убранном покое, где, кроме них двоих, не было никого. Зенобия тянула его за руку, увлекая к окошку. Сквозь позолоченную решетку виднелись кусты и деревья.

— Ты сильный, — задыхаясь, вымолвила Зенобия. — Ты еще можешь спастись, если сломаешь решетку. В саду полно стражи, но кусты там густые, ты спрячешься. Южная стена сада — это и городская стена. Переберись через нее, и ты на свободе. Там, возле дороги, ведущей на запад, в нескольких сотнях шагов от фонтана Траллоса тебя ждет конь, спрятанный в чащобе. Ты знаешь, как добраться туда?

— Знаю, но что будет с тобой? Я думал забрать тебя отсюда...

Радость озарила ее лицо, сделав его еще краше.

— О Боги, чаша счастья моего переполнена... Но я не задержу твоего бегства. Если я обременю тебя, ты погибнешь! Не страшись за меня, они никогда не заподозрят, что я помогала тебе по собственной воле. Спеши же! Слова, которые я только что слышала, долгие годы будут наполнять светом всю мою жизнь...

Он вдруг схватил ее в железные объятия, с силой прижал к себе тоненькое затрепетавшее тело и принялся неистово целовать ее глаза, щеки, шею и губы. Зенобия едва не лишилась сознания от его жадных ласк и от счастья, грозившего разорвать сердце.

— Я уйду, — зарычал Конан. — Но, во имя Крома, когда-нибудь я вернусь за тобой!

Обхватив ладонями золоченые прутья, он одним яростным усилием выдернул их из гнезд. Перекинул ногу через подоконник и быстро спустился вниз, цепляясь за лепные украшения стены. Спрыгнул наземь — и тотчас растворился, как тень, в сплошной гуще высоких розовых кустов и раскидистых деревьев. Оглянувшись через плечо, он еще раз увидел Зенобию. Стоя у окна, она протягивала руки в немом жесте прощания и самоотречения...

Стража — рослые воины в начищенных кирасах и полированных бронзовых шлемах — мчалась ко дворцу, откуда все громче доносились суматошные крики и топот. Броня и оружие стражников поблескивали в свете звезд, шаги были слышны издалека. Конану, выросшему в диких лесах, эти вояки казались стадом быков, бестолково ломившимся сквозь кусты. Кое-кто из них, не подозревая того, пробежал в считанных футах от киммерийца, распластавшегося в тени зарослей. Они бежали ко дворцу и ничего не замечали вокруг. Когда они промчались с криками мимо, Конан поднялся и заскользил через сад в другую сторону, двигаясь бесшумно, точно охотящаяся пантера.

Быстро добрался он до южной стены и взбежал по ступенькам к самому парапету: стена была неприступна снаружи, но отнюдь не изнутри. Никаких часовых не было видно. Перед тем как проскользнуть между зубцами, Конан обернулся в последний раз и окинул взглядом громадный дворец, вздымавшийся над вершинами кипарисов. Свет горел в каждом окне; туда-сюда носились тени людей, напоминавшие Конану кукол, которых дергают за незримые нити. Ощерившись, Конан на прощание погрозил дворцу кулаком и, выбравшись на ту сторону, повис на руках.

Невысокое дерево, росшее в нескольких шагах от стены, приняло его тело. Беззвучно свалившись на его ветви, мгновением позже он уже мчался сквозь ночь размашистым шагом горца, что неутомимо пожирает долгие мили.

Стены Бельверуса были окружены парками и загородными виллами состоятельных жителей. Ленивые рабы, спавшие в обнимку с копьями, не замечали стремительной тени, которая перемахивала ограды, скользила по аллеям под сомкнутыми кронами деревьев, неслышно пересекала виноградники и фруктовые сады. Одни лишь сторожевые псы просыпались полаять на эту легкую тень, которую они наполовину чуяли, наполовину угадывали во тьме, — и замолкали, когда она исчезала.

Во дворцовом покое король Тараск стонал и сыпал проклятиями, корчась на испятнанном кровью диване под ловкими, быстрыми пальцами Ораста. За дверью, трепеща, толпились перепуганные слуги, но в комнате, где лежал король, кроме него самого и растриги жреца не было никого.

— Так ты уверен, что он еще спит?.. — снова спросил Тараск, скрипя зубами: травяные снадобья, которыми Ораст

умащивал глубокую и длинную рану на его плече и боку, причиняли невыносимую боль. — Иштар, Митра и Сэт!.. Жжет, словно кипящая смола Преисподней...

— ...в которой ты, без сомнения, уже сейчас бы варился, если бы тебе повезло хоть чуточку меньше, — невозмутимо заметил Ораст. — Кем бы ни был владелец ножа, он бил насмерть. Да, Ксальтотун по-прежнему спит. Я тебе говорил и могу повторить. Но почему это так тебя беспокоит? Он-то здесь при чем?

— Что тебе известно о том, что произошло нынче ночью здесь, во дворце? — Тараск не сводил с лица Ораста пристального, горящего взгляда.

— Ничего, — был ответ. — Как ты знаешь, вот уже несколько месяцев я занимаюсь тем, что перевожу рукописи для Ксальтотуна — перевожу тома эзотерического знания с современных языков на древние, чтобы он мог их прочесть. Он прекрасно владел всеми языками и видами письменности, существовавшими в его эпоху, однако новые, появившиеся с тех пор, изучить еще не успел. Вот он для быстроты дела и велел мне перевести для него кое-какие труды: он хочет выяснить, что нового появилось в магии за три тысячи лет. Даже о его возвращении прошлой ночью я узнал лишь тогда, когда он послал за мной и рассказал о сражении... после чего я вернулся к своим занятиям и не покидал кельи, пока во дворце не начался переполох! Я не знал даже о том, что ты вернулся...

— И о том, что Ксальтотун привез во дворец пленного короля Аквилонии, тоже не знал?

Ораст покачал головой, но, похоже, не особенно удивился.

— Ксальтотун сказал только, что Конан больше не будет нам мешать. Я предположил, что он пал, но о подробностях не расспрашивал.

— Я собирался прикончить его, — зарычал Тараск, — но Ксальтотун спас ему жизнь. Я сразу понял зачем! Он собирался держать Конана в плену живым и пугать им нас всех — Амальрика, Валерия и меня! Покуда Конан жив — он опасен. Он способен объединить Аквилонию. А значит, с его помощью нас можно принудить вести такую политику, на которую мы бы в ином случае никогда не согласились. Ох, не доверяю я этому воскресшему пифонцу! И скажу тебе больше — последнее время он попросту внушает мне страх!.. Когда после битвы он отправился на восток, я выждал несколько часов, а потом последовал за ним. Я хотел

выяснить, что он собирается делать с Конаном. Я узнал, что он заточил его в подземелье. Я решил пойти против воли Ксальтотуна и умертвить варвара. И я его...

Осторожный стук в дверь прервал речь короля.

— Это Аридей, — пробормотал Тараса — Впусти его.

Дверь отворилась — вошел угрюмый оруженосец. Глаза его блестели от сдерживаемого волнения.

— Ну что, Аридей? — воскликнул Тараск — Поймал ли ты того, кто на меня напал?

— Успел ли ты разглядеть его, государь? — спросил Аридей, словно бы желая еще раз подтвердить некое уже известное ему обстоятельство. — Ты не узнал его?

— Нет. Все произошло очень быстро, и потом, свеча сразу погасла — я уж решил, что это Ксальтотун своей магией напустил на меня какого-то демона...

— Пифонец спит, заперевшись на все замки и засовы... Дело в том, что я спускался в подземелье! — И Аридей нервно передернул тощими плечами.

— Говори же! — нетерпеливо потребовал Тараск. — Что ты там увидел?

— Пустую камеру, — прошептал оруженосец. — И дохлую обезьяну!

— Что?! — Тараск вскинулся на диване. Кровь снова хлынула из открывшейся раны.

— Да, государь, — повторил Аридей. — Людоед мертв — кто-то пырнул его точно в сердце. А Конан — сбежал!

Лицо Тараска посерело. Безвольно подчинился он Орасту, который уложил его обратно на диван и занялся раной.

— Конан! — твердил король. — Там должен был валяться его растерзанный труп. А вместо этого он... он сбежал! Это не человек, а сам дьявол! Я-то думал, что за нападением на меня стоит Ксальтотун... Но теперь я знаю, кто это был! Боги и дьяволы! Это Конан пырнул меня!.. Аридей!

— Да, мой король!

— Осмотри каждый уголок во дворце. Быть может, он рыщет по темным коридорам, подобно голодному тигру! Загляни в каждую нишу... только будь осторожен. Помни, что ты охотишься не за цивилизованным человеком, но за кровожадным варваром, свирепым и сильным, точно дикий зверь! Обыщи хорошенько дворцовый парк, нет, весь город! Вели поставить оцепление у стен! Если окажется, что он уже скрылся из города — а это вполне возможно, — возьми отряд конников,

и за ним! Ты должен выследить его, как выслеживают волка в холмах! Поспеши, и тебе еще удастся его схватить!..

— В этом деле нам пригодился бы сверхчеловеческий разум, — сказал Ораст. — Не посоветоваться ли с Ксальтотуном?

— Нет! — порывисто воскликнул Тараск. — Пусть воины догонят Конана и расправятся с ним. Ксальтотун не сможет ничего возразить, если мы убьем сбежавшего пленника!

— Что ж, — сказал Ораст, — я, конечно, не чета ахеронцу, но тоже владею кое-каким искусством и повелеваю некоторыми духами, заключенными в материальную оболочку. Я постараюсь помочь.

Фонтан Траллоса находился примерно в миле от городских стен, недалеко от дороги. Дубовая роща окружала его плотным кольцом. Конан издалека расслышал мелодичное журчание его струй, переливавшихся в тишине звездной ночи. Утолив жажду его студеной водой, Конан без промедления направился к югу, где виднелись плотные заросли. Обойдя их, он заметил крупного белого коня, привязанного в кустах. Удовлетворенно и глубоко вздохнув, Конан уже шагнул к коню, когда насмешливый хохот, раздавшийся позади, заставил его стремительно обернуться.

Из непроглядной тени вышел человек, одетый в тускло поблескивавшую кольчугу. Это был не какой-нибудь дворцовый стражник в полированном нагруднике и шлеме со страусиным плюмажем. Перед Конаном стоял высокий, крепкий мужчина в боевом шлеме и серой кольчуге. Он принадлежал к особому классу странствующих воинов, которых можно было встретить лишь в Немедии. Их ряды пополнялись теми, кто не сумел обрести рыцарское достоинство и соответствующий достаток либо утратил его; это были закаленные воины, посвятившие жизнь войне и поиску приключений. Между ними существовали свои отношения, иногда они возглавляли войска, но сами не признавали над собой никого, кроме короля.

На более опасного врага напороться было мудрено.

Быстрый взгляд, брошенный вокруг, убедил Конана, что его противник был один. Конан вздохнул полной грудью, подбираясь всем телом в ожидании схватки.

— Я ехал в Бельверус по поручению Амальрика, — осторожно приближаясь, говорил тем временем воин.

Звездный свет играл на огромном двуручном мече, который он держал перед собой, вынув из ножен. — Слышу, конь мой перекликается с чьим-то чужим, спрятанным в чаще. Дай, думаю, посмотрю, кому бы это понадобилось оставить в таком месте лошадь? Решил подождать — и, вижу, не прогадал!

Эти люди зарабатывали себе на жизнь мечами.

— Я узнал тебя, — пробормотал немедиец. — Ты — Конан, король Аквилонии. Я думал, что ты погиб при Валкии под обвалом, но теперь ви...

Договорить не пришлось: Конан прыгнул вперед, как раненый тигр. Немедиец был опытным воином, но не учел быстроты, на которую в решительный миг способен был варвар. Конан застал его врасплох; тот не успел ни рубануть тяжелым мечом, ни отразить стремительного удара. Кинжал короля вошел ему в горло, над шейным вырезом кольчуги, и, скользнув вниз, остановил сердце. Издав булькающий звук, воин зашатался и рухнул. Он еще не успел упасть, когда Конан безжалостно выдернул кинжал. Белый конь громко фыркнул, шарахаясь от запаха крови, от вида окровавленного клинка.

Покрытый потом, со страшным кинжалом в руке, Конан замер, как статуя, вслушиваясь в голоса ночи. В лесу было тихо, если не считать сонного чириканья разбуженных птиц. Но потом со стороны города, далеко-далеко, резко прокричала труба.

Конан склонился над убитым и быстро обыскал его. Если этот человек и вез какое-то сообщение, оно, вероятнее всего, было устным.

Король не стал медлить: до рассвета оставалось всего несколько часов. Очень скоро белый конь мчался галопом по дороге на запад, а всадник его был одет в серую кольчугу странствующего воина-немедийца.

Глава 7

ЗАВЕСА РАЗДВИНУЛАСЬ

Конан знал: если он хотел спастись, нужно было уходить, и уходить быстро. У него не возникло и мысли о том, чтобы спрятаться где-нибудь вблизи Бельверуса и от-

сидеться, пропустив погоню мимо себя. Он был уверен, что сверхъестественный союзник Тараска без труда его выследит. Отсиживаться и выжидать было не в его натуре: открытая схватка, открытая погоня — это подходило ему куда больше. Он знал, что отрыв для начала был неплохой. И уж он погоняет их, пробираясь к границе.

Зенобия подобрала ему замечательного коня: белый жеребец был крепок, силен и отменно вынослив. Девчонка неплохо разбиралась в конях, оружии и, не без самодовольства сказал себе Конан, в мужчинах. Он скакал на запад, оставляя позади милю за милей.

Спящая страна расстилалась вокруг. Конан видел деревни, укрытые зеленью рощиц, и окруженные белыми стенами виллы, раскинувшиеся среди фруктовых садов и просторных полей. Чем дальше на запад, тем меньше их становилось.

Местность постепенно делалась все суровей и пересеченней. Со скалистых высот хмурились крепости, без слов говорившие о столетиях пограничной войны. Но никто не окликал с их стен одинокого всадника, никто не выезжал наперерез. Хозяева замков были в походе под знаменем Амальрика, и вымпелы, реявшие обычно над башнями, развевались теперь над равнинами Аквилонии.

Когда осталась за спиной последняя деревушка, дорога свернула на северо-запад, к далеким перевалам, и Конан оставил ее. Дорога привела бы его к пограничным башням, где все еще стояли вооруженные гарнизоны, и уж там-то его нипочем не пропустили бы без расспроса. К тому же с рассветом, по всей вероятности, там появятся обозы с ранеными и кавалькады возвращающихся солдат. Зато вдали от дорог и застав пограничные пустоши вряд ли так кишели разъездами, как в обычное время...

Бельверусский большак был единственной дорогой через границу на добрых пятьдесят миль с севера на юг. Дорога вилась между холмами, а слева и справа раскинулись дикие, малонаселенные горы. Конан по-прежнему ехал только на запад, намереваясь пересечь границу в самом сердце глухих гор, несколько южней перевалов. Короткий путь был намного трудней, но вместе с тем и безопасней для преследуемого беглеца. Армия застряла бы здесь, одинокий же человек на коне надеялся проскользнуть.

К рассвету, однако, Конану не удалось достичь гор, синевших у горизонта. Он заехал в такие места, где не было ни ферм, ни деревень, ни вилл, мерцающих белизной

сквозь зелень садов. Утренний ветер колебал высокую жесткую траву, высохшую на корню. В отдалении, на невысоком холме, виднелась сторожевая крепость. Аквилонцы нередко тревожили степное приграничье набегами, оттого-то поселения были здесь не так часты, как дальше к востоку.

Казалось, рассвет поджег степь. В небе над головой Конана с заунывным криком пролетел на юг запоздалый косяк диких гусей. Спустившись в болотистую низину, Конан спешился и расседлал коня. В течение нескольких часов он гнал его немилосердно; скакун тяжело поднимал бока, белая шерсть потемнела от пота. Конан дал ему от души повалять-ся и попастись, сам же взошел на невысокий подъем и залег там, глядя на восток.

Там, вдалеке, виднелась дорога, белой ленточкой протянувшаяся к склону холма. На ней не было заметно никакого движения. Конан присмотрелся к сторожевому замку. Похоже, и там на одинокого путника не обратили внимания.

Минул час, все было тихо по-прежнему. Конан не замечал вокруг никаких признаков жизни. Лишь однажды между зубцами крепостных бастионов на солнце блеснула сталь. Да еще ворон безостановочно кружился над степью, то снижаясь, то снова взмывая, — ни дать ни взять что-то высматривал. Конан оседлал коня и вновь поскакал на запад, уже без той спешки, что прежде.

Но едва он выехал из ложбины, как над головой раздалось злорадное карканье. Конан вскинул голову: там, высоко в небе, трепетали черные крылья. Конан поехал дальше, и ворон последовал за ним, держась над его головой и поганя ясное утро хриплым, назойливым криком. Отогнать его Конану не удалось.

Так продолжалось несколько часов; в конце концов Конан дошел до последней степени раздражения и готов был отдать полкоролевства только за то, чтобы свернуть эту мерзкую черную шею.

— Дьяволы Преисподней!.. — взревел он в бессильной ярости, грозя наглому созданию закованным в сталь кулаком. — Ты что, взялся с ума меня свести своим карканьем? Прочь, черное отродье погибели! Лети лучше поищи пшеницы в крестьянских полях!

Его конь тем временем уже взбирался в предгорья; Конан неприятно удивился, когда на вопли ворона сзади как будто откликнулось эхо. Обернувшись, он увидел вторую черную точку, повисшую в синеве. А еще дальше после-

полуденное солнце играло на полированной стали. Это могло означать лишь одно — воинов. И скакали они не по большаку — тот давно уже скрылся за горизонтом. Они преследовали беглеца.

Мрачнея, вновь посмотрел он на кружившуюся над ним птицу, и по спине пробежал озноб.

— Так, значит, это не просто прихоть безмозглой твари, — пробормотал он. — Всадники не могут тебя разглядеть, адское ты создание, но та другая птица видит тебя, а они видят ее. Она следует за тобой и ведет их. Кто ты на самом деле? Отлично обученное пернатое создание или демон в облике птицы? Уж не Ксальтотун ли пустил тебя по моему следу? Или ты сам — Ксальтотун?..

В ответ раздался зловещий, пронзительный крик, только теперь Конану слышался в нем отзвук злобной насмешки.

Он не стал больше тратить силы на перебранку с проклятым предателем. Мрачно стиснув зубы, он больше не позволял ему себя отвлекать. Скачка по холмам, лежавшим впереди, обещала быть долгой и трудной. Конан не решался особенно понукать коня, не успевшего толком передохнуть возле болотца. Преследователи были еще далеко, но он знал, что его нынешнее преимущество скоро сойдет на нет. Они ведь почти наверняка сменили коней в замке, мимо которого он проезжал.

Дорога делалась все трудней. Круглые травянистые холмы сменились крутыми, заросшими густым лесом горными склонами. Конан, скорее всего, ушел бы здесь от погони... если бы не чертова птица, продолжавшая кружиться над ним и беспрерывно вопить. Петляя меж скал, Конан потерял из виду преследователей, но знал, что они по-прежнему шли по пятам, безошибочно ведомые своими крылатыми союзниками. Черная тень над головой все больше казалась Конану демоном, посланным гнаться за ним по всем кругам Преисподней. Камни, которые он с проклятиями швырял вверх, пролетали мимо или падали вниз, не причинив твари вреда. А ведь в юности ему случалось сбивать ястребов на лету!

Конь быстро выбился из сил, и Конан понял, что положение его сделалось безнадежным. Более того: он ощущал за всем этим неумолимую руку судьбы. Спасения не было. Он и теперь оставался таким же пленником, каким был в бельверусских подвалах. Однако Конан не был сыном Востока, готовым безропотно склониться перед

неизбежным. Может, он и не сумеет бежать, но, по крайней мере, прихватит с собой в Вечность некоторое количество врагов... Конан присмотрел на горном склоне густые пушистые лиственницы и направился к ним, собираясь принять здесь свой последний бой.

И в это время впереди послышался крик — человеческий, но очень странного тембра. Конан раздвинул зеленые ветви и сразу увидел кричавшую. Там, внизу, на неширокой поляне, четверо солдат в немедийских кольчугах надевали петлю на шею худой древней старухе в крестьянской одежде. На земле валялась охапка сухих веток, перехваченная веревкой. Должно быть, женщина собирала хворост, когда попала в руки солдат.

Негодяи уже подтаскивали старуху к дереву, сучьям которого, раскинутым невысоко над землей, по всей видимости, предназначалась роль виселицы. От этого зрелища в сердце Конана медленно закипела смертоносная ярость. Около часа назад он пересек границу и теперь стоял на своей земле, и что же? На его глазах собирались расправиться с одним из его подданных!

Между тем бабка отбивалась отчаянно, проявляя неожиданную силу. Конан увидел, как она подняла голову: снова раздался тот же удивительный и жутковатый, далеко слышный зов. Ворон, мелькавший между вершинами деревьев, насмешливо передразнил ее крик. Солдаты захохотали, один из них ударил старуху по лицу.

Конан спрыгнул с усталого жеребца и съехал вниз по каменной круче. Его кольчуга лязгнула, когда он приземлился на траву, и все четверо оглянулись разом, выхватывая мечи. У них так и отвисли челюсти при виде гиганта в кольчуге, стоявшего перед ними с обнаженным клинком в могучей руке.

Конан хрипло расхохотался.

— Подонки! — сказал он, и голос его был спокоен и беспощаден. — Стало быть, немедийские шакалы нынче заделались палачами и вешают моих подданных по своему усмотрению? Нет уж, сперва снимите голову их королю. Я здесь, благородные господа, и я к вашим услугам!

И он шагнул вперед. Солдаты смотрели на него, не вполне понимая, что происходит.

— Кто этот сумасшедший? — проворчал в бороду один из негодяев. — Кольчуга на нем немедийская, а говорит с аквилонским акцентом.

— Какая разница? — отозвался другой. — Прикончим его, а потом вздернем старую ведьму.

Сказав так, он побежал навстречу Конану, замахиваясь на ходу. Но ударить не успел: просвистел громадный меч короля, раскроив и шлем, и череп под шлемом. Немедиец упал, но остальные оказались закаленными рубаками. Рыча, точно волки, обступили они великана в серой кольчуге, и скоро крики сражающихся и звон стали заглушили даже неумолчное карканье ворона, кружившего вверху.

Конан бился молча. Его губы кривила безжалостная улыбка, глаза превратились в два синих огня. Двуручный меч крушил и сверкал, устремляясь то влево, то вправо. При всей своей богатырской стати Конан был ловок, как кот, и двигался с таким проворством, что удары, сыпавшиеся с трех сторон, чаще всего рассекали лишь воздух. Когда же он рубил сам, удары были страшны и смертоносны. Вот и еще двое свалились в траву и испустили дух, а четвертый получил не менее полдюжины ран и пятился, спотыкаясь и едва поспевая отмахиваться мечом.

И в это время шпора Конана запуталась в накидке одного из убитых. Конан запнулся... и прежде чем он успел вновь обрести равновесие, немедиец, подхлестнутый отчаянием, атаковал его так, что Конан не удержался на ногах. Немедиец издал хриплый крик торжества и прыгнул вперед, двумя руками занося меч и пошире расставляя ноги для решительного удара... и тут что-то большое и мохнатое перелетело через поверженного короля и молнией обрушилось солдату на грудь: крик торжества сменился предсмертным воплем — и стих.

Вскочив на ноги, Конан увидел, что его противник был мертв. Он лежал на земле с разорванным горлом, а над ним стоял громадный серый волк и, опустив голову, обнюхивал кровь, лужей растекавшуюся в траве.

Король обернулся, услышав голос старухи. Он обратил внимание, что она была высокого роста и держалась прямо. И хотя наряд ее был беден, точеные, орлиные черты лица и пронизывающий взгляд черных глаз говорили о том, что перед Конаном стояла не простая крестьянка. Вот она позвала волка, и громадный зверь подбежал, точно послушный пес, и ласково потерся мускулистым плечом о колено старухи, глядя на Конана умными зелеными глазами. Старуха рассеянно опустила руку на мощную шею зверя; оба стояли неподвижно, глядя на короля Аквилонии. И хотя

смотрели они совсем не враждебно, Конану под их взглядами стало несколько не по себе.

— Люди говорят, король Конан погиб, задавленный землей и камнями, когда рухнули скалы при Валкии, — низким, звучным голосом проговорила старуха.

— Говорят, — буркнул он в ответ. Спорить ему не хотелось, он думал о конных латниках, нагонявших его с каждым мгновением. Ворон снова пронзительно закричал, и Конан невольно глянул вверх, раздраженно скрипнув зубами.

Выше по склону, над скалами, устало свесив голову, стоял белый конь. Старуха внимательно посмотрела на него, потом на ворона... и вновь прозвучал таинственный крик вроде тех, что Конан слышал уже дважды. Как бы узнав этот клич и испугавшись его, ворон вдруг замолчал и, развернувшись в воздухе, помчался к востоку. Но далеко улететь не успел. Большая тень накрыла его: откуда-то снялся орел и, быстро набрав высоту, скользнул к черному вестнику. Удар могучих когтей — и мерзкий голос предателя умолк навсегда.

— Кром!.. — проворчал Конан, во все глаза глядя на старуху. — Никак ты тоже волшебница?

— Я — Зелата, — был ответ. — Жители долин называют меня ведьмой. Значит, это отродье ночи вело по твоему следу вооруженных людей?

— Да, — сказал Конан. И отметил про себя, что старуха нисколько не удивилась. — Похоже, они уже недалеко.

— Возьми коня и следуй за мной, король Конан, — коротко велела она.

Конан без пререканий полез на скалу и сошел на поляну обходным путем, ведя коня в поводу. Он видел, как вернувшийся орел лениво спустился с небес и на миг коснулся плеча Зелаты, простирая громадные крылья и словно боясь сокрушить своей тяжестью хрупкие кости старухи.

Зелата молча зашагала вперед, громадный волк бежал у ноги, орел парил над головой. Конан долго шел за ней то непроглядными чащобами, то извилистыми карнизами, нависшими над бездной. Наконец узкая тропа, тянувшаяся вдоль обрыва, привела их к необычному жилищу, затерявшемуся в путанице хребтов и ущелий. Оно было частью сложено из камня и представляло собой наполовину дом, наполовину пещеру. Сверху нависал огромный утес. Орел взлетел на вершину утеса и застыл там на страже, недвижный, как изваяние.

По-прежнему молча Зелата устроила коня в соседней пещере, пододвинув ему большие охапки травы и молодых листьев; в глубине пещеры журчал тоненький ручеек.

Проведя короля в домик, она указала ему на деревянную лавку, покрытую шкурами, сама же присела на низенькую скамеечку возле крохотного очага. Развела огонь, подбросила в него тамарисковых поленьев и приготовила немудреный ужин. Волк дремал подле нее, положив на лапы тяжелую голову и обратив морду к огню. Волку что-то снилось: его уши подрагивали и шевелились во сне.

— И не страшно тебе сидеть в доме у ведьмы? — нарушив наконец молчание, спросила старуха.

Конан не ответил, лишь передернул плечами, обтянутыми серой кольчугой. Зелата протянула ему деревянное блюдо, на котором лежали сушеные фрукты, сыр, ячменный хлеб и стоял вместительный горшок хмельного горского пива, что варят из ячменя, выросшего в заоблачных долинах.

— Задумчивая тишина полян и ущелий милей шума и суеты городских улиц, — сказала Зелата. — А дети лесов — добрей детей человеческих... — Ее рука легонько погладила жесткую шерсть спящего волка. — Сегодня мои дети были далеко от меня, а не то в твоем мече, мой король, не было бы нужды. Они услышали мой зов и спешили ко мне...

Конан спросил ее:

— Чего от тебя добивались эти немедийские выродки?

— Солдаты сбегают из вторгшейся армии и разбойничают по всей стране, от границ до самой Тарантии, — отвечала она. — Крестьяне, живущие в долинах, наболтали им, будто у меня где-то припрятан золотой клад. Эти глупцы надеялись отвлечь таким образом их внимание от своих погребов и амбаров. Солдаты требовали у меня выдать сокровища; мои ответы привели их в ярость... Но здесь тебя не найдут ни разбойники, ни преследователи, ни даже ворон.

Конан покачал головой, жадно заглатывая пищу:

— Я поеду в Тарантию.

Тут уж настал ее черед качать головой.

— Ты лезешь прямо в пасть дракону, король. Лучше будет, если ты скроешься из страны. Твое королевство лишилось сердца.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. — В прежние времена бывало и так, что война начиналась с поражения, а оканчивалась победой. Один проигранный бой — это еще не потеря королевства!

— Значит, ты хочешь поехать в Тарантию?

— Да. Просперо ее Амальрику не отдаст.

— Ты уверен?

— Дьяволы Преисподней, женщина! — воскликнул он гневно. — А как же иначе?..

Она снова покачала головой:

— Я чувствую, что дело обстоит не так, как тебе кажется. А впрочем, давай посмотрим. Нелегко раздвинуть завесу, и все-таки я постараюсь сделать это и показать тебе столицу.

Конан не разглядел толком, что она метнула в огонь. Однако волк тявкнул во сне, а домик наполнился густыми клубами зеленого дыма. Конану показалось, что стены и потолок начали отступать и наконец ушли в бесконечность; так или иначе, дым не давал ничего рассмотреть. Но потом в нем начали появляться и пропадать какие-то образы, постепенно обретая предельную ясность.

Конан видел знакомые башни и улицы Тарантии, запруженные кричащей толпой. И в то же время каким-то образом он различал вдали немедийские знамена, неудержимо ползущие к западу, а за ними — пожары и пепелища разоренной страны. На главной площади Тарантии бесновался народ. Люди кричали о том, что король пал в бою, что бароны вот-вот начнут делить Аквилонию между собой и что власть короля — даже такого короля, как Валерий, — все же лучше безвластия. Вот к народу выехал в сияющих латах Просперо. Тщетно пытался он успокоить людей, призывая их довериться графу Троцеро и встать на стенах, помогая его рыцарям удерживать город. Но страх толпы искал выхода в гневе, и слепой гнев этот обратился против Просперо. В рыцарей полетели отбросы и камни, люди обзывали Просперо пуантенским наймитом и врагом хуже Амальрика...

Ясная картина несколько замутилась — это, видимо, означало пропуск некоторого времени, — и глазам Конана предстал Просперо, покидающий Тарантию во главе своих рыцарей. Выезжая из ворот, они поворачивали к югу и давали шпоры коням. Позади них в городе творилось нечто несусветное...

— Дурачье!.. — хрипло пробормотал Конан. — Дурачье! Не поверить Просперо!.. Вот что, Зелата, если ты надумала морочить мне голову...

— Я показала тебе то, что было, — ответствовала она сурово и невозмутимо. — Вечером минувшего дня Просперо выехал из Тарантии, выехал почти на глазах у Амальрика.

Со стен уже было видно, как горели окрестные села... Так я прочитала в дыму. На закате, не встретив сопротивления, немедийцы вступили в Тарантию. Смотри же! Вот что сейчас происходит в королевском зале Тарантии...

И Конан неожиданно увидел перед собой громадный зал. Валерий, облаченный в горностаевую мантию, стоял на тронном возвышении, Амальрик же, так и не снявший пропыленных, испачканных кровью доспехов, возлагал на его желтые кудри сверкающий золотой обруч — корону Аквилонии! Толпа, ликуя, рукоплескала; молча стояли длинные ряды закованных в сталь немедийских солдат. Вельможи, бывшие при Конане в немилости, прохаживались с развязным и напыщенным видом, и у каждого на рукаве красовался герб Валерия.

— Кром!.. — Конан вскочил с яростным криком, сжимая огромные кулаки. На висках вздулись жилы, судорога исказила лицо. — Чтобы немедиец короновал изменника аквилонской короной!.. В королевском зале Тарантии!..

Как бы развеянный этой бешеной вспышкой, дым поблек и пропал, и Конан встретил взгляд черных глаз Зелаты, поблескивавших в полутьме.

— Ты сам видел — жители твоей столицы оказались недостойны свободы, которую ты завоевал для них потом и кровью. Они сами отдались в руки работорговцам и палачам. Они показали, что не верят в свое предназначение. И на этих-то людей ты хочешь опереться, отвоевывая королевство?

— Они думали, что я мертв, — проворчал он, беря себя в руки. — Сына у меня нет, а люди не склонны хранить верность памяти... Ну и что с того, что немедийцы взяли Тарантию? Еще остались провинции и тамошние бароны... остался народ! Валерий добыл всего лишь мимолетную славу...

— Ты упрям, как и подобает бойцу. Я не властна показать тебе ни будущее, ни все прошлое полностью. На самом деле я вовсе ничего тебе не показываю. Я лишь помогаю тебе увидеть, как неизреченные силы раздвигают завесу. Не хочешь ли поискать в минувшем ключа к тому, что происходит сегодня?

— Хочу! — Конан вновь сел.

И опять заклубился зеленый дым. Снова замелькали видения. На сей раз королю оставалось только гадать, какое отношение они имели к происходившему. Он увидел громадные, вздымающиеся черные стены и окутанные тенями пье-

десталы, на которых громоздились отвратительные изваяния звероголовых Богов. В тенях двигались люди — жилистые, смуглокожие люди в набедренных повязках из красного шелка. Они уносили в гигантские черные коридоры зеленый нефритовый саркофаг. Но пока киммериец размышлял о смысле увиденного, картина переменилась. Перед Конаном предстала пещера — обитель мрака, логово безымянного ужаса. На алтаре, вытесанном из черного камня, стоял странной формы золотой сосуд, сработанный в виде раковины морского гребешка. Конан видел, как проникли в пещеру люди — такие же смуглые и жилистые, как те, что несли саркофаг. Они схватили сосуд... и тотчас кругом них заклубились тени, — Конан не мог с уверенностью сказать, что там произошло. Он успел только разглядеть в вихре тьмы некое сияние; источник сияния показался ему комком живого огня.

А потом дым стал всего лишь обычным дымом, что поднимался, рдея и становясь прозрачным, с тамарисковых поленьев.

— Но что означает все это? — спросил Конан недоуменно. — То, что касалось Тарантии, мне понятно. Но при чем здесь заморийские воры, крадущиеся переходами стигийского подземного храма Сэта? И эта пещера — сколько ни странствовал я по свету, ни о чем похожем не слышал. Я видел какие-то разрозненные обрывки, которые мало что значат сами по себе. Но раз уж ты смогла мне их показать, почему ты не можешь приоткрыть мне будущее?

Зелата долго молчала, ворошила угли.

— Эти вещи подчинены непреложным законам, — сказала она наконец. — Я не могу тебе объяснить. Я и сама не вполне понимаю — а ведь я бессчетные годы училась мудрости в тишине горных вершин. Если бы я могла, я бы спасла тебя, но этого мне не дано. У последней черты человек должен сам трудиться во имя своего спасения. Возможно, однако, мне что-нибудь откроется в сновидении, и утром я смогу подсказать тебе ключ к тайне...

— К какой тайне? — спросил Конан.

— К той, что противостоит тебе и уже лишила тебя королевства, — ответила она. Потом расстелила овчину на полу перед очагом. — Спи!

Не сказав ни слова, Конан растянулся на овчине и погрузился в беспокойный, но все же глубокий сон. Чудовищные тени склонялись над ним, молчаливые призраки крались сквозь его сновидения, а потом на фоне пурпурного

бессолнечного горизонта предстал силуэт невидимого и великого города. Этого города не было на дневном лике Земли. Громадные колонны и тонкие минареты, казалось, доставали до звезд. А над ними, точно мираж, плыло бородатое лицо Ксальтотуна.

Конан открыл глаза в зябких предрассветных сумерках и сразу увидел Зелату, склонившуюся перед крохотным огоньком. Он ни разу не проснулся в течение ночи, хотя шаги выходившего, а затем вернувшегося волка должны были бы его разбудить. Волк сидел у очага. На мохнатой шубе его блестели капли росы — и не только росы. В густом меху запеклась кровь, на плече была рана.

Зелата кивнула, не оборачиваясь: казалось, мысли царственного гостя были ей открыты.

— Он охотился перед рассветом, и кровавой была его добыча, — сказала старуха. — Человек, вздумавший выслеживать короля, никогда уже не будет охотиться, ни на человека, ни на животное.

Конан завороженно смотрел на громадного зверя... Зелата протянула королю плошку с едой.

— Когда я снова сяду на трон, я ни о чем не забуду, — сказал он коротко. — Ты здорово выручила меня... во имя Крома, я уж и не помню, когда это я ложился спать, полностью доверившись гостеприимству мужчины или женщины, как нынешней ночью!.. Но что там насчет загадки, которую ты сулилась истолковать мне поутру?

Последовало долгое молчание, нарушаемое лишь потрескиванием поленьев в огне.

— Разыщи Сердце своего королевства, — наконец проговорила Зелата. — В нем заключено твое поражение — или победа. В этой битве ты сражался не только со смертными. И тебе не бывать больше на троне, если ты не разыщешь Сердце своего королевства!

— Ты имеешь в виду город? Тарантию? — спросил он.

Она покачала головой:

— Я всего лишь пророчица, чьими устами вещают тебе Боги. И они же налагают на мои уста печать, дабы я не открыла тебе слишком многого. Ты должен отыскать Сердце своего королевства — это все, что я могу тебе сказать. Боги отверзают мои уста, Боги их и замыкают.

Рассвет едва серебрил горные пики, когда Конан снова пустился в путь. Оглянувшись через плечо, он увидел Зелату, стоявшую у двери домика. Лицо старухи, как всегда, было непроницаемо, огромный волк сидел у ноги...

Над горами висело серое небо, холодный, стонущий ветер пел о близкой зиме. Побуревшие листья медленно слетали с оголенных ветвей, падая на плечи короля, обтянутые кольчугой.

Весь день ехал он по горам и холмам, держась подальше от деревень и дорог. Незадолго до темноты он начал спускаться в предгорья и наконец увидел широкие равнины Аквилонии, расстилавшиеся впереди.

Здесь, с западной стороны хребта, деревни и фермы примыкали к самому подножию гор, ибо вот уже полстолетия аквилонцы гораздо чаще тревожили набегами немедийцев, чем наоборот. Но теперь лишь угли и пепел позволяли угадать, где стояли раньше дома земледельцев и виллы вельмож.

Конан медленно ехал вперед в сгущавшейся темноте. Ему не слишком хотелось быть узнанным как недругами, так и друзьями, но опасаться этого не приходилось. Двигаясь на запад, немедийцы в полной мере приномиили соседям старые счеты, и Валерий даже не пытался сдерживать своих союзников. На то, чтобы завоевать любовь простого народа, он и не рассчитывал. Потому-то к западу от предгорий через всю страну протянулась широкая полоса пожарищ и разрушений. Конан ругался сквозь зубы, пересекая черные пепелища, бывшие когда-то тучными нивами, а в стороне вздымались к небесам остовы сгоревших домов. Земли вокруг были пусты и безлюдны, и Конан казался себе самому призраком, явившимся из давно забытого прошлого.

Скорость, с которой здесь двигалось неприятельское войско, свидетельствовала о том, сколь мало было встреченное им сопротивление. И все-таки, если бы сам Конан возглавлял своих аквилонцев, захватчикам пришлось бы жизнью и кровью покупать каждый фут этой земли. «Если бы за мной стояла династия! — с горечью думал король. — Но я — всего лишь одинокий искатель приключений, волею судеб вознесенный на трон. Даже та толика королевской крови, которой хвастается Валерий, оказывает больше влияния на умы людей, чем память о Конане, давшем этой стране ее мощь и свободу...»

Отряд, гнавшийся за ним в Немедии, так и не пересек горы. Конан озирался в поисках отбившихся от своих или возвращавшихся немедийских солдат, но не встретил ни одного. Мародеры поспешно убирались с дороги, принимая его в доспехах за одиого из завоевателей. Земли к западу от гор изобиловали речками и рощицами — было где спрятаться и отсидеться.

Так он и ехал по разграбленной, разоренной стране, останавливаясь только затем, чтобы дать отдых коню и самому подкрепиться пищей, что собрала ему в дорогу Зелата. И вот наконец однажды утром, схоронившись на речном берегу, густо заросшем ивами и дубами, он разглядел вдали, за полями и перелесками, голубые с золотом башни Тарантии.

Вымерший край остался позади — здесь жизнь била ключом. Конан был вынужден двигаться медленно и осторожно, прячась в густых лесах и держась нехоженых троп. В поздних сумерках подъехал он к имению Сервия Галанна...

Глава 8

УГЛИ ГАСНУЩЕГО КОСТРА

Местность кругом Тарантии счастливо избежала погрома, который пришлось пережить восточным провинциям. Сломанные заборы, вытоптанные поля, ограбленные амбары — все это было и здесь, но огонь и клинки все же не бушевали так, как в других местах.

Лишь одна угрюмая груда пепла и почерневших камней невольно притягивала взгляд. Конан помнил, что тут когда-то стояла прекрасная вилла одного из его самых убежденных сторонников...

Король не решился в открытую приблизиться к ферме Галанна, лежавшей всего в нескольких милях от города. Долго ехал он в сумерках по обширному лесу, пока между деревьями не показалась сторожка. Спешившись и привязав коня, он подошел к двери домика, намереваясь послать за Сервием сторожа. Откуда знать, какие враги могли засесть в доме? Войск поблизости не было видно, но кто поручится, что они не расквартированы по всем окрестным поместьям?.. Однако, приблизившись, он увидел, как растворилась дверь хозяйского дома, выпустив плотно сбитого

человека в облегающих шелковых штанах и расшитом камзоле. Человек свернул на тропинку, уводившую в лес...

— Сервий!..

Услышав негромкий оклик, хозяин усадьбы издал испуганное восклицание и обернулся. Его рука метнулась к короткому клинку, висевшему у бедра. Он шарахнулся прочь от высокого, облитого серой сталью силуэта, возникшего перед ним в темноте...

— Кто ты такой? — спросил он. — Кто твой... О Митра!.. — Он ахнул, и бледность расползлась по румяным щекам. — Изыди! — вырвалось у него. — Зачем ты вернулся из серых долин смерти и пугаешь меня? Пока ты ходил по земле, я всегда был тебе верен...

— Я и в дальнейшем рассчитываю на твою верность, — ответствовал Конан. — Да не трясись ты так! Я из плоти и крови!

Взмокший Сервий нерешительно подошел, вглядываясь в лицо одетого в кольчугу гиганта... а потом, убедившись, что перед ним и вправду не дух, упал на колено и сдернул с головы украшенный перьями берет.

— О государь!.. Это чудо, превосходящее всякую веру!.. Главный колокол цитадели отзвонил по тебе много дней назад... Люди говорят, ты умер при Валкии, задавленный грудами земли и камней...

— В моих доспехах был другой, — проворчал Конан. — Но поговорим об этом потом. Если, положим, у тебя на столе найдется кусочек мяса...

— Прости, государь! — вскакивая, воскликнул Сервий. — В твою кольчугу въелась пыль дальней дороги, а я держу тебя здесь и кормлю разговорами. Во имя светлого Митры! Теперь я и в самом деле вижу, что ты живой, но, клянусь, когда я повернулся и увидел в потемках этакое серое привидение, коленки мои готовы были подломиться. Встретить вечером в лесу человека, в чьей смерти был убежден, — это ли не страх?..

— Пусть сторож позаботится о моем жеребце, он привязан вон за тем дубом, — попросил Конан, и Сервий, кивнув, увел короля в сторону от тропинки. Придя в себя после пережитого испуга, вельможа явно занервничал.

— Лучше я пришлю слугу из дома, — сказал он. — Сторож сейчас у себя, но можно ли в нынешние времена доверять хотя бы и собственным слугам? Будет лучше, если о твоем возвращении не узнает никто, кроме меня...

Подойдя к большому дому, смутно белевшему за деревьями, Сервий свернул на дорожку, которой пользовались нечасто: она вилась среди дубов, посаженных вплотную друг к другу, так что переплетенные ветви смыкались над головой, не пропуская слабый свет сгущавшихся сумерек. Сервий шел поспешно и молча, с явным трудом одолевая снедавший его страх. Он провел Конана в дом маленькой боковой дверью, за которой тянулся узкий полутемный коридор. Все так же тихо и быстро они пересекли его и оказались в просторном покое с дубовым потолком и стенами, отделанными породистым деревом. В большом камине пылали целые бревна, ибо осенний воздух дышал ранним морозцем, а на столе из красного дерева аппетитно дымился в каменном противне мясной пирог. Сервий запер тяжелую дверь и погасил свечи, горевшие в серебряном подсвечнике на столе. Теперь комнату освещали лишь блики пламени камина.

— Прости, государь, — принялся извиняться вельможа. — Нынче опасно: повсюду бродят шпионы. Вовсе незачем, чтобы кто-нибудь заглянул в окно и признал тебя. Пирог, однако, прямо из печи: я собирался переговорить со сторожем и, вернувшись, поужинать. Если, государь, ты снизойдешь...

— Света мне хватит, — буркнул Конан, садясь к столу и без особых церемоний вытаскивая кинжал.

Жадно набросился он на ароматный пирог, запивая его вином со знаменитых виноградников Сервия. Казалось, он и думать забыл обо всякой опасности, но Сервий так и ерзал на скамье у огня, нервно перебирая пальцами золотую цепь, висевшую на груди. Беспрестанно косился он на фигурные стекла окна, поблескивавшие в свете огня, а то, вслушиваясь, оборачивался к двери, как бы ожидая услышать за нею чьи-то шаги...

Покончив с едой, Конан поднялся и пересел поближе к огню.

— Я не стану подвергать тебя лишней опасности своим присутствием, Сервий, — сказал он без обиняков. — Рассвет застанет меня далеко от твоих владений.

— Государь!.. — Сервий умоляюще вскинул руки, но Конан лишь отмахнулся.

— Твоя верность и твое мужество мне отлично известны. И то и другое превыше всяких похвал. Но если мой трон захвачен Валерием, укрывать меня для тебя — верная смерть.

— У меня нет сил для открытого неповиновения, — признался Сервий. — Жалкие полсотни воинов, которых я мог бы вывести в битву, — что солома на ветру против их войска... Ты видел руины владений Эмилия Скавона?

Конан угрюмо кивнул.

— Ты же знаешь, он был самым могущественным вельможей этой провинции, — продолжал Сервий. — Он наотрез отказался присягнуть на верность Валерию. Немедийцы за это сожгли его в собственном доме. Тогда мы, уцелевшие, поняли бессмысленность сопротивления, тем более что и жители Тарантии не стали сражаться. Мы покорились, и Валерий оставил нам жизнь, хотя и обложил налогом, который наверняка разорит многих. Но что нам оставалось делать, государь? Мы ведь думали — тебя больше нет. Многие бароны погибли, другие томятся в плену. Армия разогнана и разбита, а наследника у тебя нет. Нас некому было возглавить...

— А куда смотрел Троцеро, граф Пуантенский? — резко спросил Конан.

Сервий беспомощно развел руками:

— Правду сказать, его полководец Просперо встал во главе небольшого войска и принял бой... Отступая перед Амальриком, Просперо безуспешно побуждал жителей встать под свое знамя. Увы, государь, после твоей кончины всем сразу вспомнились прежние свары и междоусобные распри. Вспомнили и о том, как Троцеро со своими пуантенцами когда-то прошелся по этим землям не хуже Амальрика — с огнем и мечом. Бароны не пожелали признать главенства Троцеро. Какие-то люди — не иначе, шпионы Валерия — кричали на улицах, что граф Пуантенский, дескать, сам подумывает об аквилонской короне. Все разом принялись сводить старые счеты... Если бы у нас был хоть один наследник династии, мы бы немедля короновали его и пошли за ним на немедийцев. Но такого человека не нашлось... Бароны, сохранившие тебе верность, нипочем не желали избрать из своей среды короля: каждый мнил себя ничем не хуже соседа, каждый опасался честолюбия остальных. Прости, государь, но ты был для них чем-то вроде веревки, удерживающей вместе вязанку хвороста. Не стало веревки — и развалилась вязанка. Если бы у тебя был сын, бароны сплотились бы вокруг престолонаследника. Но вышло так, что их любовь к родине не обрела зримого символа... Что же до купцов и простого народа —

они более всего страшились безвластия и опасались, как бы не вернулись прежние дни раздробленности и усобиц, когда каждый барон устанавливал у себя свои собственные законы. Эти люди ратовали за то, что, мол, скверный король все же лучше, чем вообще никакого, — даже Валерий, который худо-бедно в родстве с прежней династией. Потому-то никто и не преградил ему путь, когда он подъехал к городским стенам во главе войска, закованного в стальные латы, и ударил пикой в ворота Тарантии, и алый дракон Немедии реял над его головой... Вообрази, государь: люди тотчас распахнули ворота и бросились перед ним на колени! Они отказались помочь Просперо и не заперлись в городе. Они сказали: Валерий будет лучшим королем, чем Троцеро. Они утверждали — и так оно и есть, государь, — что бароны навряд ли подчинятся Троцеро, зато Валерия многие из них примут охотно. Они решили переметнуться к Валерию, чтобы таким образом избегнуть и ужасов междоусобной войны, и ярости немедийцев. Просперо уехал на юг с десятью тысячами своих рыцарей, а всего через несколько часов в город вступила немедийская конница. Немедийцы не погнались за Просперо. Они заняли Тарантию и короновали Валерия...

— Стало быть, дым старой ведьмы показывал правду, — пробормотал Конан, и по спине в который раз пошел гулять холодок. — А что, уж не Амальрик ли короновал Валерия?

— Да, в большом королевском зале, и говорят, что кровь после резни едва высохла у него на руках.

— И как же процветает народ при его милосердном правлении? — с гневной насмешкой поинтересовался король.

— Валерий живет как завоеватель в покоренной стране, — с горечью ответил Сервий. — При дворе полно немедийцев, из них же составлены дворцовые войска, в цитадели стоит крупный гарнизон немедийских солдат. Воистину, государь, наступил Час Дракона! Немедийцы гуляют по улицам развязной походкой господ. Они бесчестят женщин и ежедневно грабят купцов, а Валерий то ли не хочет, то ли не может их приструнить. Нет, он всего только пешка, он марионетка, а за ниточки дергает кто-то другой. Умные люди с самого начала предвидели, что так оно и случится, а теперь и народ стал понимать, что к чему. Амальрик с сильной армией отправился по внешним провинциям — ус-

мирять непокорных баронов. Увы, единства между баронами как не было, так и нет. Они боятся и ненавидят друг друга больше, чем Амальрика. Вот он и раздавит их поодиночке, одного за другим. Во многих замках и городах сразу поняли это и сдались без боя. Тем, кто сопротивляется, приходится плохо. Немедийцы рады утолить свою давнюю ненависть. К тому же их ряды постоянно пополняются аквилонцами, которых гонит к ним голод, жадность или нужда. Чего, собственно, и следовало ожидать...

Конан печально кивнул, глядя, как багровые отсветы пламени играют на дубовых панелях, покрытых замысловатой резьбой.

— Итак, в Аквилонии есть король: безвластия, которого все так боялись, удалось счастливо избежать, — помолчав, проговорил Сервий. — Валерий и не думает защищать подданных от своих союзников-немедийцев. Сотни людей, которым не удалось заплатить назначенный выкуп, уже проданы кофийским работорговцам...

Конан резко вскинул голову, синие глаза вспыхнули смертоносным огнем. Подобно железным молотам, сжались его кулаки, он витиевато выругался.

— Да, — сказал Сервий, — белые мужчины и женщины продаются в рабство, как во времена усобиц. Им суждено влачить жизнь рабов и рабынь во дворцах Турана и Шема. Да, Валерий стал королем, однако единения, на которое так надеялся народ, нет и в помине. К тому же Гендерланд на севере и Пуантен на юге еще не покорены, да и на западе держатся некоторые провинции, чьи бароны заручились поддержкой боссонцев. Но эти провинции далеки и серьезной угрозы для Валерия не представляют. Если им сильно повезет, они смогут отстоять свою независимость, но в наступление не перейдут. Здесь, в центре страны, Валерий и его чужеземные рыцари гораздо сильнее...

— Пусть радуется, пока может, — мрачно сказал Конан. — Ему недолго осталось. Народ скоро прослышит, что я жив, и поднимет восстание. Мы отобьем Тарантию еще прежде, чем подоспеет со своими армиями Амальрик. Мы выметем эту падаль из королевства поганой метлой...

Сервий молчал. Тишину нарушало только потрескивание дров.

— Ну? — воскликнул Конан нетерпеливо. — Что сидишь, повесив голову, и смотришь в огонь? Ты не согласен с тем, что я говорю?

Сервий не отважился посмотреть ему прямо в глаза.

— Ты сделаешь все, что под силу смертному человеку, мой государь, — отвечал он. — Я бывал с тобой в битвах и знаю, что перед твоим мечом склоняется любое существо из плоти и крови...

— Что ты этим хочешь сказать?

Сервий поплотнее запахнул подбитый мехом камзол и содрогнулся, хотя у огня было тепло.

— Поговаривают, — прошептал он, — будто причиной твоего падения послужила черная магия...

— Ну и что с того?

— Как что, государь? Разве под силу смертному человеку бороться против магии? Кто этот скрывающий свое лицо чужестранец, с которым Валерий и его приспешники, по словам верных людей, совещаются чуть не каждую ночь? Тот, что появляется и исчезает столь таинственно? До меня дошли слухи, будто это — страшный волшебник, умерший тысячи лет назад и возвратившийся из пучин смерти, дабы свергнуть короля Аквилонии и восстановить на троне династию, наследником которой является Валерий...

— Какая разница? — гневно вырвалось у Конана. — Я ушел из лап демонов, что слоняются по бельверусским подвалам, а потом — от дьявольщины в горах. Если народ поднимется...

Сервий покачал головой:

— Твои вернейшие сподвижники в восточных и центральных провинциях перебиты, бежали или томятся в застенках. Гандерланд на севере и Пуантен на юге отсюда слишком далеки. Боссонцы отступили в свои западные пределы. Понадобятся долгие недели, чтобы собрать и сосредоточить силы. Прежде чем ополченцы соединятся, Амальрик уничтожит их порознь...

— Но неужели восстание в центральных провинциях не склонит в нашу пользу чашу весов? — воскликнул Конан. — Захватив Тарантию, мы продержались бы в ней до подхода гандеров и пуантенцев, Амальрик там или не Амальрик!

Сервий помедлил, потом выговорил, понизив голос:

— Ходит слух, что ты не только погиб, но и был проклят. Будто бы человек, чье лицо скрыто, навел чары, которые сгубили тебя и привели войско к разгрому. По тебе отзвонил колокол в цитадели. Люди уверены, что короля Конана больше нет. Но даже если в центральных провинциях прослышат о том, что ты жив, народ не под-

нимется. Он не посмеет. Чародейство погубило тебя в битве при Валкии, чародейство же и принесло вести в Тарантию, ибо в тот самый вечер на улицах уже кричали о поражении. А потом на улицы вышел немедийский жрец и обратил черные силы против тех, кто еще сохранил тебе верность. Я сам видел это! Вооруженные люди падали, точно мухи, и умирали на мостовой, и невозможно было понять, какая смерть их уносила. А тощий жрец смеялся и приговаривал: «Я — просто Альтаро, ничтожный ученик Ораста, который сам — всего лишь скромный послушник того, чье лицо скрыто. Эта сила — не моя: я — только проводник ее...»

— Ну, так что, — резко произнес Конан, — неужели не лучше с честью погибнуть, чем жить в бесчестии? Неужели смерть хуже, чем угнетение, рабство и каждодневный позор?..

— Страх перед колдовством гонит прочь разум, — ответствовал Сервий. — Этот страх в центральных провинциях настолько силен, что люди не восстанут даже ради тебя. Внешние провинции, надо думать, решатся на битву, но те же чары, что поразили твое войско при Валкии, поразят его вновь. Немедийцы мертвой хваткой держат самые обширные, богатые и населенные области Аквилонии; с теми силами, которые тебе, быть может, удастся собрать, их не освободить. Ты лишь принесешь ненужную жертву, сгубив верных тебе людей... Горько вымолвить, но это так: государь мой Конан, ты — король без королевства...

Конан смотрел в огонь, не торопясь отвечать. Вот рассыпалось, не дав даже искр, насквозь прогоревшее полено. Не так ли рассыпалось прахом и его королевство?

И вновь Конану померещилась за внешним обликом событий некая неосязаемая, но вполне реальная сила. Вновь ощутил он неумолимый ход безжалостной судьбы... отчаяние и ужас загнанного в ловушку... багровую ярость, неистовое желание пустить в ход меч, крушить, убивать...

— Где сановники моего двора? — спросил он наконец.

— Паллантид был тяжело ранен при Валкии и угодил в плен, но семья выкупила его. Сейчас он у себя, в своем замке в Атталусе, залечивает раны. Счастье, если он сможет когда-нибудь снова сесть на коня. Канцлер Публий бежал переодетым, никто не знает куда. Совет разогнан: кто в ссылке, кто за решеткой. Многие верные тебе люди преданы смерти. В частности, не далее как нынешней ночью под топором палача умрет юная графиня Альбиона...

Конан вздрогнул, и такая ярость вспыхнула в его синих глазах, что вельможа отшатнулся помимо собственной воли.

— За что? — спросил Конан.

— За то, что не пошла к Валерию в наложницы. Ее земли отобраны, слуги проданы в рабство, и сегодня в полночь в Железной Башне скатится на плаху ее голова. Осмелюсь посоветовать тебе, мой король, — ибо для меня ты навеки король — беги, покуда тебя не узнали! Время такое, что никому верить нельзя. Всюду кишат соглядатаи, готовые объявить малейший проступок, любое недовольное слово изменой и подстрекательством к восстанию! Если ты откроешься подданным, государь, тебя непременно схватят и казнят. В твоем распоряжении я сам, люди, которым я доверяю, и быстрые кони. К рассвету мы будем далеко от Тарантии, а там рукой подать до границы. Я не могу помочь тебе вернуть королевство, но по крайней мере буду в изгнании рядом с тобой...

Конан покачал головой. Он молча смотрел в огонь, подперев огромным кулаком подбородок. Пламя бросало красноватые блики на стальные звенья кольчуги, зажигало в глазах волчьи зловещие огоньки. И Сервий, в невольном беспокойстве взиравший на Конана, с особой остротой ощутил, что его король был существом поистине из иного мира. Могучее, закаленное тело под серой кольчугой не принадлежало цивилизованному человеку, в глазах полыхали огни первобытных стихий. Все, что было в короле варварского, выступило на передний план; у последней черты с него сползла тонкая оболочка внешней цивилизованности, обнажив суть. Конан вновь становился варваром, которым был от рождения. Он действовал не так, как действовал бы в тех же обстоятельствах цивилизованный человек, его мысль летела иными путями, и невозможно было ее предсказать. Поистине один шаг отделял короля Аквилонии от одетого в шкуры воина с киммерийских холмов...

— Я поеду в Пуантен, если получится, — сказал наконец Конан. — Поеду один. Но прежде того мне, как королю Аквилонии, нужно сделать еще одно дело.

— О чем ты, государь? — Предчувствие бросило Сервия в дрожь.

— Сегодня я иду в Тарантию за Альбионой, — ответил король. — Вышло так, что я не смог защитить своих подданных... Но если они срубят голову ей, пусть рубят заодно и мою.

— Это безумие!.. — Сервий вскочил и поднял руки к горлу, как бы уже ощущая захлестнувшую его петлю.

— В Башню ведут потайные ходы, о которых знают немногие, — сказал Конан. — В любом случае я буду последним дерьмом, если позволю казнить Альбиону за то, что она сохранила мне верность. Пусть я буду королем без королевства, но не мужчиной без чести!

— Мы все погибнем! — обреченно выдохнул Сервий.

— Погибну только я, если потерплю неудачу. Ты и так достаточно рисковал, принимая меня. Я пойду один, и немедля. А у тебя попрошу вот что: повязку на один глаз, посох и одежду путешественника...

Глава 9

«ЭТО КОРОЛЬ ИЛИ ЕГО ПРИЗРАК!»

Множество народа проходило под аркой громадных ворот Тарантии в часы между закатом и полночью: припоздниившиеся странники, чужеземные купцы, ведущие вереницы тяжело груженных мулов, работники с окружающих виноградников и ферм. Теперь, когда власть Валерия в центральных провинциях до некоторой степени упрочилась, не было нужды обыскивать всякого, кого постоянная людская река вносила сквозь тяжелые ворота. Строгости военного времени были отменены: на страже стояли полупьяные немедийцы, высматривавшие в толпе разве что смазливых молоденьких крестьянок да богатых торговцев, которых можно было заставить раскрыть кошелек. Им было не до того, чтобы обращать внимание на каждого рабочего с фермы или запыленного путника — даже если этот путник на голову выше большинства других людей и поношенный плащ не в силах скрыть очертаний мощного тела.

Этому человеку была свойственна прямая осанка и грозная воинская стать, притом что он сам не осознавал ее, а значит, и не пытался скрывать. Широкая повязка прикрывала один глаз, кожаная шапка, надвинутая на самые брови, не давала рассмотреть черты лица. Сжимая загорелой рукой тяжелый толстый посох, он не спеша миновал арку, где, треща и плюясь брызгами смолы, горело несколько факелов,

и, напутствуемый равнодушными взглядами подвыпивших стражников, вышел на улицы Тарантии.

Улицы города были широки и хорошо освещены. Как обычно, толпы людей сновали по своим делам туда и сюда, мастерские и ларьки были открыты, на прилавках красовался товар. Лишь одна примета наступивших перемен бросалась в глаза. Там и сям можно было заметить немедийских солдат, где группками, где поодиночке. Развязно и нагло, с видом хозяев проталкивались они сквозь толпу. Женщины спешили в сторонку, стараясь не попадаться им на пути, мужчины отступали прочь, темнея лицом и стискивая кулаки. Аквилонцы были гордым народом, а вражда с немедийцами тянулась из глубины веков.

Пальцы странника, сжимавшие посох, побелели от напряжения, но он, как и прочие, безропотно отступил, пропуская одетых в кольчуги завоевателей. В своей линялой, пропыленной одежде он мало чем выделялся среди пестрого многолюдья. Лишь однажды, проходя мимо лавки оружейника и попав в полосу яркого света, лившегося из дверей, он ощутил чей-то пристальный взгляд, быстро обернулся и заметил какого-то человека в коричневой куртке работника, который внимательно приглядывался к нему. Человек поспешно отвел глаза и затерялся в толпе. Конан, однако, тут же свернул в узкий проулок и прибавил шагу. Возможно, это было любопытство праздного зеваки, не более. Но рисковать попусту он не собирался.

Угрюмая Железная Башня стояла поодаль от цитадели, посреди путаницы узеньких улочек и беспорядочно расположенных домишек. Это место было в центральной части города, где полагалось бы селиться богатым. Однако состоятельные горожане сторонились зловещего места: так и разрослись убогие кварталы в месте, вовсе для них не предназначенном. Сама же Башня в действительности была настоящим замком. Громадные древние стены были сложены из тяжелых каменных глыб, скрепленных почерневшим железом: когда-то, в минувшем столетии, здесь была тарантийская цитадель.

Неподалеку от нее, затерявшись между купеческими складами и доходными домами, частью покинутыми, стояла старинная сторожевая башня, до того заброшенная и позабытая, что вот уже более ста лет ее даже не считали нужным наносить на планы города. Для какой цели она служила прежде, никто уже не знал. Последнее время мало кому

доводилось бросить даже случайный взгляд на старую башню и на замок, что висел на ее двери, дабы покинутое здание не сделалось прибежищем воров и нищих. А между тем замок, внешне выглядевший дряхлым и ржавым, на самом деле был нов, исключительно крепок и донельзя хитро устроен, а ржавчина и грязь лишь призваны были это скрыть. Что ж, во всем королевстве за все времена едва набралось бы полдюжины людей, знавших тайны, которые охранял этот замок.

В его тяжелом, обросшем зеленью корпусе не было даже скважины для ключа. Однако умелые пальцы Конана быстро нашли несколько выпуклостей, незаметных для случайного взгляда, и надавили их в определенном порядке. Дверь беззвучно отворилась вовнутрь, и король ступил в темноту, столь плотную, что ее, казалось, можно было пощупать. Войдя, он прикрыл дверь за собой. Будь у Конана светильник, он увидел бы, что башня внутри была совершенно пуста: голый каменный цилиндр, и более ничего.

Уверенно пошарив в знакомом углу, Конан ощупал одну из плит пола. Быстро подняв и отодвинув ее, он без долгих раздумий спустился в открывшуюся дыру. Под ногами были каменные ступени; Конан знал, что они вели в узкий тоннель и далее прямо в подвал Железной Башни, стоявшей через три квартала отсюда.

Гулко ударил большой колокол цитадели — тот, что бил только в полночь или когда народу объявляли о кончине монарха. Внутри Железной Башни открылась дверь скудно освещенной комнаты, и в коридор вышел человек. Изнутри, надо сказать, Железная Башня выглядела столь же безрадостно, как и снаружи: голые, грубо обработанные каменные стены, каменные плиты пола, глубоко истертые спотыкающимися шагами бесчисленных узников, а над ним — сводчатый каменный потолок, едва озаренный слабым пламенем факелов, чадивших в нишах стен.

Человек, шедший тяжелой походкой по этому мрачному коридору, как нельзя лучше соответствовал всему, что его окружало. Он был высокого роста, мускулистое тело плотно обтягивал черный шелк. Голову покрывал черный же капюшон, спадавший на плечи; он был снабжен двумя отверстиями для глаз. За спиной колыхался широкий черный плащ, а на плече покоился тяжелый топор. Достаточно

было взглянуть на этот топор один раз, чтобы понять: он не был ни оружием воина, ни орудием мастерового.

Навстречу, с другого конца коридора, ковылял сутулый кислолицый старик, горбившийся под тяжестью фонаря и копья.

— Твой предшественник был точнее тебя, господин палач, — проворчал старик. — Только что пробило полночь, и те, в масках, пошли в камеру госпожи. Ты заставляешь их ждать!

— Эхо от колокола еще гуляет среди башен, — ответил заплечных дел мастер. — Это верно, я не так проворно кидаюсь бежать по приказу аквилонцев, как тот выродок, что служил здесь до меня. Но они смогут убедиться, что мой удар не хуже. Занимался бы ты лучше своими делами, старик, и не совал нос в мои. Право же, моя работа лучше твоей. Клянусь Митрой! Ты бродишь холодными коридорами, пялясь на ржавые решетки темниц, а я нынче срублю самую прекрасную голову во всей Аквилонии!

Сторож, хромая и ворча, удалился по коридору, палач же не спеша отправился дальше. Еще через несколько шагов, свернув за угол коридора, он краем глаза приметил слева от себя чуть-чуть приоткрытую дверь. Если бы он немного подумал, он бы догадался, что дверь приоткрыли уже после того, как ее миновал сторож. Однако думать палач не привык и прошел мимо двери, а потом размышлять сделалось поздно.

Чей-то мягкий тигриный шаг и шелест плаща предостерегли его в последний момент, но обернуться он уже не успел. Могучая рука, протянувшаяся сзади, охватила его шею, не дав закричать. В тот краткий миг, что ему еще оставался, палач успел с ужасом осознать страшную силу нападавшего и то, сколь беспомощны были перед нею его собственные хваленые мышцы. Не видя взмаха кинжала, он ощутил над собой занесенное острие...

— Немедийская скотина! — прошипел ему в ухо хриплый от ярости голос. — Больше ты не срубишь ни одной головы аквилонца!

И это было последнее, что слышал в своей жизни палач.

В сыром подземелье, тускло освещенном единственным факелом, трое мужчин окружили юную девушку, стоявшую на коленях на каменном полу, присыпанном соломой. Тело

ее едва прикрывала изорванная сорочка, роскошные золотые волосы разметались по белым плечам, грубая веревка стягивала за спиной руки, в глазах стоял ужас. Даже неверный факельный свет, даже смертельная бледность и тюремные лохмотья не могли скрыть ее замечательной красоты. Она молчала, лишь взгляд огромных глаз скользил по лицам мучителей. Все они были в масках и плащах. Деяния, подобные нынешнему, полагалось совершать в масках, хотя бы и в покоренной стране. Несмотря на это, Альбиона, конечно, без труда узнала их всех; но минует ночь — и это ее знание не повредит уже никому.

— Наш повелитель в своем милосердии дает тебе еще одну возможность, графиня, — сказал самый высокий из троих. По-аквилонски он говорил без акцента. — Он велел мне сказать тебе: смягчи свой гордый, мятежный дух, и он по-прежнему готов будет раскрыть тебе объятия. Если же нет... — И он указал рукой на зловещего вида колоду, стоявшую посередине темницы. Она была покрыта пятнами и вся в глубоких зарубках, причиненных, надобно думать, отточенным лезвием, которое раз за разом рассекало нечто уступчивое и с силой входило в плотное дерево.

Содрогнувшись, Альбиона отшатнулась прочь и побледнела еще сильней. Каждая жилка ее молодого, полного сил тела так и молила о жизни. Валерий тоже был молод и очень красив. Альбиона твердила себе, что его любили и находили привлекательным многие женщины... но тщетно. Она так и не смогла выговорить заветное слово, которое спасло бы ее нежное тело от плахи и окровавленного топора. В чем дело — она плохо понимала сама. Она знала одно: при мысли об объятиях Валерия все ее существо сотрясала дрожь отвращения, и это отвращение пересиливало даже страх смерти. Альбиона отрицательно покачала головой.

— Значит, и говорить больше не о чем! — нетерпеливо воскликнул другой вельможа, и в его голосе явственно слышался немедийский акцент. — Где там палач?

И точно в ответ, беззвучно растворилась дверь подземелья. Огромная тень появилась в проеме — ни дать ни взять черный дух из Преисподией.

При виде этого мрачного силуэта у Альбионы невольно вырвался тихий вскрик, да и остальные какое-то время могли только молча смотреть на него — таким безотчетным ужасом веяло от молчаливого гиганта в черном капюшоне с двумя прорезями. В прорезях неистовым огнем горели

синие глаза; они по очереди остановились на каждом, и у каждого пробежал по спине холодок.

Потом рослый аквилонец грубо схватил девушку и поволок ее к плахе. Она отчаянно закричала и, сходя с ума от ужаса, пыталась вырваться из его рук. Но он безжалостно швырнул ее на колени и прижал золотоволосую голову к плахе, покрытой запекшейся кровью.

— Что ты медлишь, палач? — спросил он раздраженно. — Делай свое дело!

В ответ прозвучал смех — низкий и неописуемо грозный. Все, бывшие в подвале, так и застыли, глядя на палача, — двое в плащах и тот, что склонился над Альбионой. И даже она, как могла, вывернула шею, пытаясь взглянуть.

— Что еще за веселье, собака? — спросил аквилонец. Ему было не по себе.

И тут палач сорвал с головы капюшон и швырнул его наземь. И прислонился спиной к запертой двери, поднимая топор.

— Узнаете меня, ублюдки? — прогремел он. — Узнаете?

Гробовую тишину, последовавшую за этими словами, прорезал крик Альбионы.

— Король Конан!.. — закричала девушка и вырвалась наконец из ослабевшей хватки мучителя. — Благословен будь Митра!.. Король!..

Трое мужчин стояли как статуи. Когда аквилонец наконец раскрыл рот, у него был вид человека, усомнившегося в собственных ощущениях.

— Это Конан!.. — вырвалось у него. — Это действительно король!.. Или его призрак! Что за дьявольское наваждение?

— Дьявольское наваждение — чтобы одурачить дьяволов! — насмешливо отозвался Конан. Губы его улыбались, но в глазах полыхало адское пламя. — Ну, кто первый, господа? При вас — мечи, при мне — вот этот колун. Топор мясника — именно то, что требуется, а?

— Вперед! — зарычал аквилонец и выхватил меч. — Убьем его — или он убьет нас!

Словно очнувшись, немедийцы обнажили клинки и разом кинулись на короля.

Неуклюжий тяжеловесный топор палача не предназначен для битв, но Конан орудовал им так ловко и легко, словно это была обычная боевая секира. С невероятным

проворством он прыгал туда и сюда, отскакивая и нападая, сводя на нет их численное преимущество.

Первый же удар немедийского меча он отразил обухом и тут же, не дав ни отступить, ни защититься, жестоким ударом наотмашь проломил грудь негодяю. Второй немедиец с силой размахнулся, но задеть Конана не сумел и, так и не успев восстановить равновесие, рухнул с расколотым черепом. В следующий миг аквилонец был загнан в угол. Он едва поспевал отбивать сокрушительные удары. Конан не давал ему даже малейшей передышки, чтобы позвать на помощь.

Неожиданно левая рука короля метнулась вперед и сорвала с него маску, обнажив побелевшее лицо.

— Дерьмо! — заскрипел зубами король. — Так и думал, что это ты! Даже этот топор слишком хорош для твоей гнусной башки. Подыхай смертью вора, предатель!

Лезвие описало безжалостную дугу, и аквилонец с диким воплем упал на колени, хватая левой рукой обрубок правой, из которого струей хлынула кровь. Срезав руку по локоть, топор глубоко врезался в бок — так, что из раны показались внутренности.

— Валяйся здесь, пока не истечешь кровью, — сказал ему Конан и с отвращением швырнул топор на пол. — Пойдем, графиня!

Нагнувшись, он перерезал кинжалом веревку, стянувшую ее запястья. Поднял девушку, как ребенка, и понес вон. Она отчаянно рыдала, обхватив руками его могучую шею.

— Ну, ну, девочка, — проворчал он. — Надо еще выйти отсюда. Если мы сумеем добраться до каземата, где тайная дверь, ведущая в тоннель... А, чтоб им!.. Хоть и толстые стены, все-таки услыхали!

Звяканье доспехов, топот и крики бегущих людей неслись откуда-то спереди, отдаваясь под сводами потолка. Из-за поворота, высоко поднимая фонарь, появился хромой сторож. Яркий свет облил Конана и девушку. Король с проклятием ринулся к нему, но старик бросил фонарь и копье и с неожиданной прытью умчался по коридору, надтреснутым голосом призывая подмогу. Послышались ответные крики...

Конан быстро повернулся и побежал назад. Они с Альбионой были отрезаны от тайного хода, которым он проник в Железную Башню и которым надеялся покинуть ее. Впрочем, Конан не отчаивался. Он неплохо знал это мрачное здание: прежде чем стать королем, он был его узником.

Он свернул в боковой ход и скоро оказался в другом, более широком коридоре, который шел параллельно первому. Здесь не было еще никого. Пробежав всего несколько шагов, киммериец кинулся в другой ход и вернулся назад, в только что покинутый коридор, попав как раз туда, куда и хотел. В считанных футах виднелась дверь, заложенная тяжелым засовом, а перед нею — бородатый немедиец в латах и шлеме. Он стоял к Конану спиной, глядя внутрь коридора, где все слышнее был шум и беспорядочно мелькали отсветы фонарей.

Конан не раздумывал долго. Он выпустил девушку и бесшумно подбежал к стражнику сзади, держа в руках меч. В последний миг тот обернулся, заорал от неожиданности и испуга и вскинул копье, но прежде чем он успел хотя бы замахнуться, меч обрушился на его шлем с силой, которая уложила бы и быка. Удара не выдержал ни шлем, ни череп под ним — стражник рухнул замертво.

В мгновение ока Конан отодвинул массивный засов, с которым обычный человек не справился бы в одиночку.

— Альбиона!

Пошатываясь, она подбежала к нему. Конан подхватил ее одной рукой, выскочил за порог и растворился во тьме.

Они попали в узкий проулок, где было темно, как в дымоходе. С одной стороны высилась сама Башня, с другой — глухие каменные стены каких-то домов. Спеша вперед со всей скоростью, какую позволял кромешный мрак, Конан выискивал окна, но не находил ни одного.

Позади громыхнула тяжелая дверь, наружу с ревом хлынули стражники. Нагрудники лат и обнаженные мечи блестели в факельном свете. Воины оглядывались, не зная, куда подевались беглецы, — пламя факелов рассеивало непроглядную тьму едва на несколько шагов. В конце концов они наобум пустились по переулку — в противоположном направлении от Конана и Альбионы.

— Сейчас они поймут, что ошиблись, — пробормотал он и прибавил шагу. — Хоть бы трещинка была в проклятой стене... Дьявол! Уличная стража!..

— Кто идет? — долетел крик, и Конан скрежетнул зубами, уловив ненавистный немедийский акцент.

— Держись позади, — велел он Альбионе. — Надо прорваться, пока те не вернулись и не захлопнули мышеловку!

Занося меч, он помчался вперед, навстречу приближавшимся воинам. Он в полной мере воспользовался внезап-

ностью и тем, что уличный свет позволял ему отлично видеть противников, между тем как сам он, выскочивший из темноты, был почти невидим для них. Они еще не вполне поняли, что происходит, а он уже был среди них, разя налево и направо с молчаливой яростью раненого льва.

Он знал, что должен прорубить себе путь, пока они не опомнились. Но их было не меньше десятка, все в доспехах, все закаленные ветераны пограничных битв, привыкшие в подобных случаях повиноваться не разуму, а безошибочному воинскому инстинкту. Трое свалились на мостовую, так и не успев понять, что на них налетел один-единственный человек. Зато остальные отреагировали мгновенно. Оглушительно загремела сталь; меч Конана высекал искры, гуляя по кольчугам и шлемам. Он по-прежнему видел их лучше, чем они его. Он был для них неясной, быстро мелькающей тенью. Их удары рассекали воздух или отскакивали от его клинка. Зато сам он разил со смертоносной яростью урагана.

Но сзади нарастали крики и топот тюремной стражи, готовой вот-вот выбежать из проулка, а ему все не удавалось пробиться: дорогу по-прежнему загораживали воины в кольчугах, размахивающие мечами. С мужеством отчаяния Конан бросился вперед, понимая, что сейчас будет настигнут... Как вдруг за спинами стражников из ниоткуда появилось десятка два каких-то темных фигур. В потемках сверкнула сталь, закричали люди, которых убивали ударами в спину. Кто-то в черном плаще метнулся навстречу Конану, и тот, приметив блеск клинка, замахнулся мечом, но остановил удар, поскольку в руке, протянувшейся к нему, оружия не было.

— Сюда, государь! — шепнул человек. — Скорее!

Конан подхватил на руки Альбиону и поспешил следом за неожиданным спасителем, изумленно ругаясь вполголоса. Когда за тобой гонится три десятка тюремных стражников, особо раздумывать недосуг.

В окружении таинственных спутников поспешил он в переулок, неся измученную девушку, точно дитя. Темные плащи с капюшонами не давали ему как следует разглядеть неведомых избавителей. Сомнения и подозрения роились у него в голове... но эти люди, кем бы они ни были, только что перебили его врагов — так почему бы и не последовать за ними?..

Словно прочитав его мысли, вожак легонько коснулся его руки и сказал:

— Тебе нечего опасаться, король Конан: мы — твои верные подданные.

Голос был незнакомый, но, судя по выговору, принадлежал аквилонцу родом из центральных провинций.

Стражники позади них подняли яростный крик — они наткнулись на изрубленные тела, валявшиеся в грязи. Неясные силуэты людей, удалявшихся по направлению к освещенной улице, подсказали им, где враг. Но люди в плащах повернулись к глухой с виду стене, и Конан увидел в ней раскрытую дверь. Сколько раз он проходил здесь прежде при свете дня и мог бы поклясться, что никакой двери не было и в помине. Тем не менее они вошли внутрь, и дверь закрылась за ними. Щелкнул замок. Конану все это не слишком понравилось, но его спутники знай спешили вперед. Видимо, им был отлично знаком этот ход. То рука, то локоть касались короля, подсказывая, куда идти. Ему казалось, они попали в тоннель. Он чувствовал, как дрожало тоненькое тело Альбионы у него на руках. А потом впереди забрезжил выход — сумрачная арка чуть светлее окружающей тьмы. Они прошли под нею один за другим и оказались в нескончаемом лабиринте мрачных дворов, переулков и извилистых коридоров. Миновав наконец последний поворот, они вступили в просторный чертог, местоположение которого Конан при всем своем первобытном чувстве направления не взялся бы определить.

Глава 10

МОНЕТА ИЗ АХЕРОНА

Не все, пришедшие с Конаном, вступили в чертог. Когда дверь затворилась, Конан увидел перед собой всего одного человека. Это был худощавый, стройный мужчина в черном плаще с капюшоном. Капюшон упал на плечи, открыв бледное спокойное лицо с тонкими правильными чертами.

Король поставил Альбиону на ноги, но она пугливо прижалась к нему, оглядываясь вокруг. Покой был обширный, с мраморными стенами, частью укрытыми черными бархатными занавесями. На мозаичном полу раскинулись толстые, пушистые ковры. Бронзовые светильники заливали чертог мягким золотым светом.

Конан все еще держал руку на рукояти. Кровь запеклась на его ладони и на ножнах меча; вытереть клинок не было времени.

— Где мы? — спросил он.

— В храме Асуры, государь, — ответствовал незнакомец с глубоким поклоном, в котором подозрительный король не усмотрел ни намека на иронию.

Альбиона слабо вскрикнула и еще крепче прижалась к Конану, с ужасом глядя на черную арку дверей и ожидая, что оттуда вот-вот выползет какое-нибудь жуткое порождение тьмы.

— Не страшись ничего, госпожа моя, — сказал их проводник. — Суеверное заблуждение ложно: здесь тебе ничто не грозит. Уж если сам король убедился в чистоте нашей религии и тем оградил ее от преследований невежд, тебе, графиня, сомневаться в том не пристало.

— Сам-то ты кто? — спросил Конан.

— Я — Хадрат, жрец Асуры. Один из моих учеников узнал тебя, когда ты входил в город, и сообщил мне.

Конан шепотом выругался.

— Больше никто не понял, кто ты такой, — заверил его Хадрат. — Чужая одежда обманула всех, кроме последователя Асуры, ибо путь нашей веры — путь познания сути, скрытой под видимой оболочкой. Мы шли за тобой до самой сторожевой башни. Кое-кто из моих людей последовал за тобою в тоннель, чтобы помочь тебе, если ты будешь выбираться тем же путем. Прочие, в том числе и я, окружили Железную Башню. Располагай нами, король Конан. Здесь, в храме Асуры, ты по-прежнему король.

— Вы рисковали жизнью ради меня, — сказал Конан. — Зачем?

— Пока ты сидел на троне, ты был нашим другом, — ответил Хадрат. — Ты защитил нас, когда жрецы Митры посягали бичами изгнать нас из страны.

Конан с любопытством оглядывался. Он не только не бывал никогда прежде в храме Асуры, но даже не был уверен, есть ли вообще таковой в его столице. Жрецы этой религии обладали сверхъестественным умением прятать свои святыни от посторонних глаз. Культ Митры почти безраздельно господствовал среди хайборийских народов; тем не менее культ Асуры упорно продолжал существовать, несмотря на гонения со стороны властей и нелюбовь черни. Конан в свое время наслушался жутких историй о глубоко

запрятанных храмах, где над черными алтарями непрерывно поднимается густой дым, о том, что жрецы Асуры то и дело похищают людей и приносят их в жертву громадному, свитому в кольца змею, что вечно раскачивает в зловещем мраке страшной чешуйчатой головой...

Постоянные преследования заставляли приверженцев Асуры все искуснее укрывать свои храмы и налагать покров тайны на отправлявшиеся в них службы. В свою очередь, такая таинственность порождала еще более чудовищные подозрения и невероятные россказни.

Конан, однако, отличался религиозной терпимостью, присущей варварам. Он покончил с гонениями и запретил своим подданным преследовать приверженцев Асуры — ведь все обвинения против них зиждились на весьма шатких доказательствах вроде ничем не подтвержденных сплетен и слухов. «Если они — злые волшебники, почему позволяют вам себя обижать? — говорил Конан. — А если нет, так и трогать их не за что. Во имя дьяволов Крома — да пусть на здоровье веруют в таких Богов, какие им нравятся!»

Хадрат почтительно пригласил короля сесть. Конан опустился в кресло, отделанное слоновой костью, и жестом указал Альбионе на второе такое же, но она предпочла золоченую скамеечку у его ног и тесно прижалась к его колену: только рядом с ним она чувствовала себя в безопасности. Она была правоверной митраиткой и с самого детства наслушалась всяческих ужасов о кровавых жертвах нечеловеческим Богам в сумраке таинственных храмов. Юная графиня до смерти боялась поклоняющихся Асуре, ей было не по себе.

Хадрат остался стоять перед ними, склонив непокрытую голову:

— Приказывай, государь!

— Для начала — еды, — проворчал Конан, и жрец ударил серебряным жезлом в золотой гонг.

Мелодичный звон еще метался меж мраморных стен, когда из-за портьер появились четверо в капюшонах и внесли приличных размеров серебряный столик, уставленный хрустальными сосудами и блюдами, над которыми курился ароматный пар. С поклоном поставили они столик перед королем. Конан вытер руки узорчатым полотенцем и с нескрываемым удовольствием причмокнул губами.

— Остерегись, государь! — шепнула ему Альбиона. — Говорят, они едят человечину...

— Ставлю свое королевство, что это всего лишь добрая жареная говядина, и не более, — ответил Конан. — Ешь, девочка! Небось изголодалась на тюремной похлебке!

Альбиона вняла этому совету, а пуще того — живому примеру человека, чье слово было для нее непреложным законом. Она принялась есть — очень изящно и с очень большим аппетитом. Сидевший рядом с ней король Аквилонии рвал мясо зубами и большими глотками пил вино так, как будто ел последний раз несколько дней назад, а не минувшим вечером.

— Ваши жрецы, Хадрат, проницательны и умны, — сказал он с набитым ртом, держа в руках кость. — Буду рад, если вы мне поможете отвоевать королевство.

Но Хадрат покачал головой, и кость с грохотом обрушилась на стол.

— Кром и дьяволы! Да что за напасть такая сразила мужей Аквилонии? Сначала Сервий, а теперь еще ты! Вы что, только и можете мотать своими пустыми башками, когда я рассуждаю о том, как бы дать под зад коленом этим скотам?..

Хадрат вздохнул и медленно выговорил:

— Горькими будут мои слова, государь. Я и рад был бы произнести нечто иное, но, увы, со свободой Аквилонии покончено навсегда. Более того — свобода всего нашего мира, похоже, доживает свой век. Эпоха сменяет эпоху; история открывает страницу рабства и ужаса. Так бывало и в прежние времена...

— О чем ты? — невольно понизив голос, спросил король. Хадрат сел и опустил локти на колени, глядя в пол.

— О том, что против тебя сговорились не только мятежная знать Аквилонии и немедийские завоеватели, — сказал он. — Здесь замешано волшебство — жуткая черная магия, пришедшая в сегодняшний день из далеких и зловещих времен. Страшная тень восстала из глубин прошлого, и нет никого, кто был бы способен ей противостоять...

— О чем ты? — повторил Конан.

— О Ксальтотуне из Ахерона, что умер три тысячи лет назад, а теперь вновь разгуливает по земле.

Конан довольно долго молчал. Некий образ всплыл в его сознании — спокойное нечеловечески прекрасное лицо, обрамленное темной бородой и густыми волнистыми волосами. Жутковатое ощущение — где я видел его раньше?.. — вновь

накатило на короля. Ахерон!.. Память смутно откликнулась на это слово, рождая неясные обрывки воспоминаний...

— Ахерон, — пробормотал он. — Ксальтотун из Ахерона! А ты не спятил, жрец? Ахерон — это миф, которому я не знаю сколько веков! Никто не знает, существовал ли он когда-либо вообще...

— Он существовал, — ответил Хадрат. — Империя черных магов, погрязших в таком зле, какого нам теперь и не представить. Ее разрушили хайборийские племена, пришедшие с запада. Волшебники Ахерона занимались гнусной некромантией и самой низменной тавматургией, которой обучили их демоны. И величайшим среди чародеев проклятого королевства был Ксальтотун из Пифона...

— Ну и как же все-таки удалось его свергнуть? — спросил Конан скептически.

— Он ревностно хранил и берег источник космической мощи. Но этот источник был у него украден и обращен против него же. А теперь он ему возвращен, и чародей снова непобедим.

Альбиона куталась в черный плащ палача и смотрела то на жреца, то на короля, не вполне понимая их беседу. Вот Конан сердито тряхнул головой и проворчал:

— Болтовня это все. Если Ксальтотун пролежал мертвым три тысячи лет, каким образом он...? Какой-нибудь негодяй присвоил его имя, и только!

Хадрат наклонился к столику из слоновой кости и раскрыл стоящую на нем маленькую золотую шкатулку. Что-то тускло блеснуло в его руке, и он протянул Конану крупную золотую монету очень древней чеканки.

— Ты видел Ксальтотуна в лицо? Вот, взгляни. Ее отчеканили в Ахероне незадолго до его падения. Это черное царство было так насыщено колдовством, что магическая сила присуща даже монете...

Конан взял золотой кружок и хмуро уставился на него. За годы грабежей через руки Конана прошло немало всевозможных монет, так что он неплохо в них разбирался. Края были сношены до тонкости, надписи истерты так, что их стало почти невозможно прочесть. Но изображение, оттиснутое на одной стороне, было, как прежде, ясным и четким. И Конан, вглядевшись, с шипением втянул в себя воздух. В комнате было тепло, но на него вдруг повеяло ледяным холодом, от которого поднялся дыбом каждый волосок. С монеты смотрело

бородатое, непроницаемое, нечеловечески прекрасное мужское лицо...

— Клянусь Кромом, это он! — пробормотал Конан. Теперь он понимал, почему черты Ксальтотуна с самого начала показались ему так странно знакомыми. Когда-то давно в далекой стране он уже разглядывал такую монету. — Совпадение! — проворчал он, передернув плечами. — Совпадение — или у того, кто присвоил себе имя забытого чернокнижника, хватило ума подделать и внешность...

Но в голосе короля не было убежденности. Вид монеты потряс его до глубины души. Привычный, реальный мир рушился у него под ногами, падая в бездну колдовства и иллюзий. Чародея он еще мог понять, но такая бесовщина попросту не лезла в сознание!

— У нас нет сомнений, что это действительно Ксальтотун из Пифона, — сказал Хадрат. — Это он с помощью заклинаний подчинил себе духов земной стихии и обрушил скалы при Валкии. И он же незадолго до рассвета подослал в твой шатер порождение тьмы...

Конан сдвинул брови:

— Откуда ты знаешь?

— Последователи Асуры владеют тайными способами получать нужные сведения... впрочем, это неважно. Важно иное — понимаешь ли ты, что вотще пожертвуешь своими подданными, безуспешно пытаясь вернуть себе корону?

Конан подпер кулаком подбородок, невесело глядя в пространство. Альбиона смотрела на него с беспокойством, силясь постичь загадку, с которой столкнулся ее король.

— А нет ли в мире, — спросил он наконец, — чародея, способного потягаться в магии с Ксальтотуном?

Хадрат покачал головой:

— Если бы такой был, мы, асуриты, наверняка знали бы о нем. Люди называют наш культ пережитком древнего стигийского змеепоклонства. Это ложь: наши предки пришли из Вендии, что лежит за морем Вилайет и голубыми горами Химелии. Мы — сыны Востока, а не Юга и осведомлены обо всех магах Востока, которые много сильнее чернокнижников Запада. Но перед черной мощью Ксальтотуна любой из них — что соломинка на ветру...

— Но ведь когда-то его победили! — настаивал Конан.

— Да, — кивнул Хадрат. — Но уж теперь-то он позаботится, чтобы источник космической силы не был снова похищен.

— Что же это за источник, будь он трижды неладен? — воскликнул Конан раздраженно.

— Его называют Сердцем Аримана. Когда пал Ахерон, шаман первобытного племени, что похитил его у Ксальтотуна и обратил против него, укрыл Сердце в заколдованной пещере и воздвиг над ним небольшой храм. Впоследствии тот храм трижды перестраивали, делая его все больше и краше, но всякий раз — на месте прежней святыни, хотя никто уже не знал почему. Память о погребенной реликвии покинула людские умы, сохранившись лишь в жреческих книгах да фолиантах, посвященных эзотерическим знаниям. Откуда явилось Сердце, неведомо никому. Одни говорят, что это воистину сердце какого-то Бога, другие считают его звездой, давным-давно упавшей с небес. Три тысячи лет ничей взгляд не касался его — до тех пор, пока оно не пропало. Когда волшебство митраитских жрецов оказалось бессильно против чар Альтаро, ученика Ксальтотуна, они вспомнили древнюю легенду о Сердце. И тогда верховный жрец с одним из учеников спустился в ужасное, лишенное света подземелье под храмом; три тысячи лет туда не сходил ни один жрец. Ибо старинные книги в железных переплетах, написанные тайным языком символов, рассказывали не только о Сердце, но и о порождении тьмы, приставленном жрецами древности его охранять. И вот далеко внизу, в чертоге, чьи двери вели в беспредельную тьму, учитель и ученик нашли черный каменный алтарь, тускло мерцавший каким-то потусторонним светом. На алтаре лежал золотой сосуд в форме двустворчатой раковины и, казалось, приросший к темному камню. Сосуд был открыт — и пуст! Сердце Аримана исчезло! И пока они стояли, пораженные ужасом, чудовищный страж подземелья напал на них и смертельно ранил верховного жреца. Но ученик сразился с бессмысленным выходцем из Преисподней и прогнал его прочь. Он сумел выбраться наружу по бесконечным каменным лестницам и вынести умирающего учителя. И тот, прежде чем умереть, поведал младшим жрецам обо всем, что с ними произошло, завещав им склониться перед силой, которую они не в состоянии победить. Однако жрецы шептались между собой, так что через некоторое время слух долетел и до нас,

— Значит, Ксальтотун черпает свою силу из этого символа? — спросил Конан. Он все еще сомневался.

— Нет. Его сила приходит из пропастей тьмы, а Сердце Аримана рождено в далекой вселенной, полной света и

огня. Попади оно в руки сведущего человека — и тьма будет повержена. Сердце подобно мечу. Ксальтотун не способен разить им, но сам может быть им поражен. Сердце дает жизнь, но может и отнять. Ксальтотун прибрал его к рукам не для того, чтобы обратить против врагов, — затем лишь, чтобы с его помощью они не погубили его самого...

— Значит, золотой сосуд в виде раковины на черном алтаре в глубокой пещере... — пробормотал Конан, силясь припомнить ускользающий образ. — Когда-то я видел... или слышал о чем-то похожем. Но все-таки, во имя Крома, хотелось бы знать, что представляет собой твое знаменитое Сердце?

— Внешне оно напоминает огромный драгоценный камень, похожий на рубин, только полыхает ослепительным светом, какого ни один рубин не знал никогда. Оно, как живой огонь...

Конан внезапно вскочил на ноги и в избытке чувств ударил кулаком по ладони.

— Кром! — загремел он. — Нет, какой же я дурень! Сердце Аримана!.. Сердце моего королевства! «Разыщи Сердце своего королевства», — сказала мне Зелата. Клянусь Имиром! Я видел этот камень в зеленом дыму! Тот самый, что Тараск слямзил у Ксальтотуна, пока тот дрых без задних ног, нанюхавшись черного лотоса...

Хадрат тоже вскочил в величайшем волнении, спокойствие слетело с него, точно сброшенный плащ.

— Что ты сказал? Сердце украдено у Ксальтотуна?

— Да! — гремел Конан. — Тараск до судорог боится Ксальтотуна и надумал подрезать ему крылья, тоже решив, что Сердце и есть основа его могущества. Может, он даже думал, что чернокнижник без него сразу ноги протянет. Во имя Крома, я... — Но тут лицо Конана исказила бессильная ярость, а воинственно сжатый кулак медленно опустился. — Эх, я же совсем забыл... Тараск отдал Сердце какому-то ворюге и велел бросить в море. Сейчас негодяй, верно, уже подъезжает к Кордаве. Пока я туда доберусь, он сто раз сядет на корабль, и Сердце окажется в океанской пучине...

— Море не удержит его! — дрожа от возбуждения, воскликнул Хадрат. — Ксальтотун сам давно забросил бы его в самое глубокое место, если бы не знал, что первый же шторм снова выкинет его на сушу. Но вот на каком далеком, неведомом берегу это произойдет?..

— Погоди, жрец! — Конан быстро справился с унынием, обычная уверенность вернулась к нему. — Лично у меня нет особой уверенности, что вор в самом деле бросит наш камушек в воду. Уж я-то знаю воров! И если я что-нибудь понимаю — а это так, ибо в юности я и сам промышлял в Заморе воровством, — так вот, он его не выбросит. Продаст какому-нибудь купцу побогаче — да откуси я собственную голову, если не так!.. Кром!.. — Конан стремительно шагал по комнате взад и вперед. — А ведь, ей-же-ей, стоит его поискать! Зелата велела мне разыскать Сердце моего королевства, так? Все остальное, что она мне показывала, подтвердилось! Неужели наша победа над Ксальтотуном в самом деле зависит от красного камушка?

— Клянусь жизнью! — воскликнул Хадрат. Лицо его просветлело, глаза так и горели. Он сжал кулаки: — Дай мне Сердце — и я брошу вызов Ксальтотуну во всем его темном могуществе! Клянусь тебе, государь! Вернется Сердце — вернется к тебе и корона, а захватчики позабудут путь к нашим порогам! Ибо страшнее всего для Аквилонии не мечи немедийцев, но черное искусство Ксальтотуна...

Довольно долго Конан молчал; жар, с которым говорил Хадрат, произвел на него впечатление.

— Все это напоминает мне погоню, какая, бывает, происходит в дурном сне, — сказал он наконец. — Но твои слова — точно эхо дум старой Зелаты, а она говорила мне правду. Надо искать Сердце!

— В нем — судьба Аквилонии, — повторил Хадрат убежденно. — Я пошлю с тобой своих людей...

— Не надо! — нетерпеливо откликнулся король. Еще не хватало ему на шею жрецов, пусть сколь угодно сведущих в тайных науках. — Это дело для воина, и я поеду один. Сначала в Пуантен, оставлю Альбиону у Троцеро. Затем в Кордаву, а там и в море, если понадобится. Даже если ворюга надумает выполнить Тарасков наказ, ему, чего доброго, не сразу подвернется подходящий корабль...

— Как только ты найдешь Сердце, — продолжал Хадрат, — я начну торить путь к свободе здесь, изнутри страны. Тайными путями разнесу я по всей Аквилонии весть о том, что ты жив и возвращаешься с магией, превосходящей все чары Ксальтотуна. Когда ты вернешься, люди готовы будут восстать. И они восстанут! Ибо будут уверены, что есть сила, способная защитить их от Ксальтотуна... А кроме того, я помогу тебе проделать хотя бы часть пути.

Он поднялся и снова ударил в гонг.

— Потайной ход ведет из этого храма за городские стены. Ты отправишься в Пуантен в лодке паломника, чтобы никто не осмелился тебе досаждать.

— Как скажешь, — проворчал Конан. Перед ним снова была ясная цель; он сгорал от нетерпения, он жаждал немедленно действовать. — Давай только шевелись побыстрее!

Тем временем в городе, вне храмовых стен, события разворачивались столь же стремительно. В дворцовый покой, где веселился с танцовщицами Валерий, ворвался запыхавшийся гонец. Упав на колено, он разразился довольно бессвязным рассказом о кровавом нападении на тюрьму и о том, что граф Феспий, которому было поручено присмотреть за казнью Альбионы, лежит при смерти и непременно хочет сообщить Валерию нечто важное перед кончиной.

Торопливо накинув плащ, Валерий поспешил вслед за гонцом. Извилистые переходы привели их в покой, где лежал Феспий. Вне всякого сомнения, он умирал. Он трудно дышал, и при каждом вздохе на губах выступала кровавая пена. Обрубленную руку ему перетянули жгутом, остановив кровотечение, но рану в боку залечить было невозможно.

Оставшись наедине с умирающим, Валерий вполголоса выругался.

— Во имя Митры! — сказал он. — Я думал, только один человек на свете способен наносить такие удары...

— Валерий! — сипло выдохнул Феспий. — Он жив! Конан!..

— Что?.. — вырвалось у правителя. — Что ты сказал?

— Клянусь Митрой!.. — Феспий захлебывался кровью, но продолжал говорить: — Это он спас Альбиону от топора! Это был не призрак, поднявшийся из Преисподней... Он жив, он из плоти и крови и еще страшнее, чем прежде! В переулке за Башней полно мертвецов. Берегись, Валерий... он вернулся... чтобы убить... всех нас...

Жестокая судорога потрясла окровавленное тело, и душа графа Феспия отлетела.

Валерий хмуро поглядел на умершего, потом окинул быстрым взглядом чертог — не прячется ли кто — и наконец, шагнув к двери, распахнул ее внезапным движением. Гонец

и немедийская стража стояли в нескольких шагах от двери. Валерий удовлетворенно пробормотал что-то сквозь зубы.

— Все ли ворота закрыты? — спросил он затем.

— Да, государь.

— Утроить стражу немедля. Никто не должен входить или выходить из города без самого тщательного досмотра. Пусть прочешут улицы и обыщут каждый дом. Важный узник сбежал из тюрьмы с помощью аквилонского мятежника... Кто-нибудь из вас успел его узнать?

— Нет, государь. Старик сторож видел его, но мельком, и может только сказать, что это был великан, одевшийся в черный наряд палача, а сам палач, зарезанный, валяется голым в одной из камер...

— Этот человек очень опасен, — сказал Валерий. — Не пытайтесь взять его живым. Как выглядит графиня Альбиона, вы все знаете. Ищите ее. Если найдете, убейте на месте и ее, и того, кто будет с ней. Исполняйте!

Вернувшись во дворец, Валерий вызвал к себе четверку людей странной и явно чужеземной наружности. Все они были рослыми и худыми, с желтоватой кожей и неподвижными лицами. Они были очень похожи один на другого и чертами, и одеждой — все в длинных черных хламидах, из-под которых едва виднелись обутые в сандалии ноги. Черные капюшоны бросали тень на их лица. Они стояли перед Валерием, спрятав в широких рукавах скрещенные руки. Валерий немало путешествовал по свету и повидал разные народы. Он смотрел на этих четверых без особого удовольствия.

— Когда я нашел вас в джунглях Кхитая изгнанными из своего королевства и умирающими с голоду, вы поклялись вечно служить мне, — начал он без предисловий. — И вы неплохо держали слово... хотя и отвратительны были ваши дела. Сослужите же мне еще одну службу, и я разрешу вас от клятвы... Я узнал, что киммериец Конан, прежний король Аквилонии, еще жив — несмотря на чары Ксальготуна... а может быть, и благодаря им, это мне неизвестно. Мрачный ум воскрешенного демона превыше разумения смертного человека. Я знаю одно: пока жив Конан — я в смертельной опасности. Народ принял меня как меньшее из двух зол — они ведь думали, что Конан погиб. Но стоит ему объявиться, и я моргнуть не успею, как трон зашатается у меня под ногами!.. Я даже думаю, что союзники мои одобрят такую смену правителей, если решат, что свое дело

я сделал. Откуда мне знать? Но этот мир слишком мал: двум королям Аквилонии в нем не ужиться. Итак, я велю разыскать киммерийца! Пустите в ход все свои способности и выследите его, где бы он ни прятался, куда бы ни бежал. В Тарантии у него много друзей. Кто-то помог ему, когда он похищал Альбиону! Один человек — даже Конан — не мог учинить такого побоища в проулке за Железной Башней... Однако довольно. Берите посохи — и в путь! Я не знаю, куда приведет вас его след. Но вы должны его разыскать. А когда разыщете — убейте его!

Четверо кхитайцев одновременно поклонились. И, так и не произнеся ни единого слова, повернулись и мягким шагом неслышно вышли из комнаты.

Глава 11

РЫЦАРИ ЮГА

Рассвет, занявшийся над вершинами далеких холмов, окрасил паруса небольшой лодки, спускавшейся по реке. Река — могучий Хорот — текла примерно в миле от тарантийских стен, затем поворачивала к югу. Надо сказать, эта лодка весьма сильно отличалась от большинства других суденышек, сновавших по широкой глади Хорота. Она не принадлежала ни рыбаку, ни купцу, везущему богатый товар. Она была длинной и узкой, с высоким загнутым носом и черная, точно из черного дерева, а по бортам белели нарисованные черепа. Посередине виднелась крохотная каюта с плотно занавешенными окошками. Другие суда далеко обходили зловещий кораблик: все знали, что в этой «лодке паломника» лежало тело умершего поклонника Асуры, отправившегося в последнее путешествие на юг, туда, где, далеко за горами Пуантена, Хорот вливался наконец в синий океан. Вся река отлично знала, как выглядели «лодки паломников», и никто, даже наиболее ревностные митраиты, не смел касаться их и чинить препятствия их печальному странствию.

Куда стремились эти суденышки, не ведал никто. Одни говорили — в Стигию, другие — к безымянному острову, невидимому за горизонтом, третьи верили, что умершие обретали последнее пристанище в Вендии, таинственной и

прекрасной восточной стране. Но все это были только догадки и домыслы. Умершие последователи Асуры отправлялись вниз по великой реке в лодке, направляемой громадным рабом, и больше никто никогда не видел ни тела, ни лодки, ни раба. А может, правы были те, кто утверждал, будто на веслах всегда сидит один и тот же раб?..

...Человек, гнавший лодку по залитому утренним солнцем Хороту, был велик ростом и темнокож. Одетый в кожаную набедренную повязку и сандалии, он ловко правил и с необыкновенной силой орудовал веслами. Дотошный глаз мог бы заметить, что цветом кожи он был обязан тщательно наложенной краске. Но вплотную к погребальной лодке не смел приблизиться никто. Все знали, что над асуритами тяготело проклятие, а «лодки паломников» охраняла могущественная и недобрая магия. Рулевые встречных суденышек спешили переложить руль и прошептать охранительное заклинание, понятия не имея, что тем самым способствуют побегу своего короля и графини Альбионы!

Странным было их путешествие в узкой черной лодке по великой реке. Где-то там, двумя сотнями миль ниже по течению, Хорот круто сворачивал к востоку, обходя Пуантенские горы. А пока с обеих сторон разворачивалась, постоянно меняясь, панорама берегов. Днем Альбиона, как и подобает умершему, смирно лежала в каюте, а Конан греб. Девушка выбиралась наружу только в ночные часы, когда реку покидали прогулочные суда с разодетыми бездельниками, отдыхавшими на шелковых подушках, а суетливые рыбачьи лодки ожидали рассвета у берегов. Тогда Альбиона садилась к рулю, чтобы Конан мог поспать хотя бы несколько часов. Но король не нуждался в длительном отдыхе. Нетерпение подгоняло его, а выносливое тело могло одолеть и не такие труды.

Лодка шла к югу без остановки.

Зима осталась на севере: днем ласково светило золотое солнце, а по ночам гладь реки отражала мириады сверкающих звезд. Проплывали мимо города, залитые морем огней, проплывали гордые виллы и тучные пастбища. И вот засинели впереди Пуантенские горы — хребты громоздились один на другой, подобно бастионам, выстроенным руками Богов. С разбегу ударившись в громадные скалы, великая река прокладывала себе путь между холмами, с ревом и грохотом обрушиваясь водопадами и вскачь летя по порогам.

Внимательно осмотрев берег, Конан повернул рулевое весло и направил лодку к мысу, где высилась серая, странной формы скала, окруженная правильным кольцом елей.

— И как это лодки проходят пороги, ревущие там, впереди? Не пойму! — проворчал он. — Хадрат говорил, как-то проходят... Ну да нам все равно соваться туда ни к чему. Жрец обещал, здесь нас будет ждать человек с лошадьми. Я, правда, никого что-то не вижу. И каким образом весть о нашем прибытии могла обогнать нас самих?

Мощным взмахом весел он выгнал лодку на низкий берег и привязал к толстому корню, торчащему из земли. Потом окунулся в воду и смыл краску, возвращая своей коже естественный цвет. Достав из каюты аквилонскую кольчугу, раздобытую для него Хадратом, он натянул одежду и доспехи, Альбиона же облачилась в костюм для верховой езды по горам. Застегнув последнюю пряжку, Конан вновь оглянулся на берег... и вздрогнул, а рука метнулась к мечу. Ибо на берегу, под деревьями, стоял человек в черном. Он держал под уздцы изящную белую лошадку и гнедого боевого коня.

— Кто ты? — спросил король.

Человек низко поклонился ему:

— Я асурит. Я получил приказание и исполнил его.

— Как это «получил»? — поинтересовался Конан, но, тот лишь поклонился еще раз:

— Я пришел, чтобы проводить вас через горы до первой крепости пуантенцев.

— Проводник, — сказал Конан, — мне не нужен, я хорошо знаю эти места. Спасибо тебе за коней, друг, но мы с графиней привлечем меньше внимания, если поедем одни.

Человек вручил Конану поводья и забрался в лодку. Оттолкнувшись от берега, он направил ее вниз по течению, туда, где гремели вдали невидимые перекаты. Конан в недоумении покрутил головой. Потом посадил графиню в седло, сам сел на гнедого, и оба поскакали к горам, чьи зубчатые вершины казались башнями, подпиравшими небо.

Холмистая местность у подножия хребтов была теперь своего рода пограничьем и переживала темные и смутные времена. Каждый барон был сам за себя, повсюду беспрепятственно бродили ватаги разбойников. Пуантен еще официально не объявил о своем отделении от Аквилонии, но фактически превратился в самостоятельное королевство, управляемое наследным графом Троцеро. Предгорья номинально подчинялись Валерию, но он и не пытался

штурмовать заоблачные перевалы с их твердынями, над которыми вызывающе развевалось малиновое знамя с леопардом.

Стоял тихий вечер. Король и его прекрасная спутница поднимались все выше по склону. И чем выше они взбирались, тем шире расстилались перед ними всхолмленные равнины предгорий, покрытые лиловыми тенями отгоревшего дня, украшенные мягким блеском рек и озер, золотом плодородных полей и белизной далеких сторожевых башен. А впереди, высоко-высоко, виднелась первая из пуантенских твердынь: суровая крепость, нависшая над узким ущельем, и малиновое знамя вилось над ней в чистой синеве неба.

Крепость была еще не близко, когда из-за деревьев появился отряд рыцарей в начищенных латах. Рыцари были настоящими южанами: высокими, темноглазыми, с воронеными кудрями.

— Остановись, почтенный, — сказал Конану предводитель. — Зачем и по какому делу едешь ты в Пуантен?

— С каких это пор людей в аквилонских доспехах здесь останавливают и допрашивают, точно чужестранцев? — пристально глядя на него, спросил Конан. — Или Пуантен восстал?

— Самые разные люди едут нынче из Аквилонии, — хмуро ответил рыцарь. — Что же до восстания — если назвать этим словом неподчинение узурпатору, то да, тогда Пуантен восстал. Мы согласны служить памяти мертвого мужа, но не живому псу!

Тут-то Конан сорвал с себя шлем и, откинув густую черную гриву, прямо поглядел в глаза говорившему. Пуантенец отшатнулся и стал бледен как смерть.

— Силы небесные! — задохнулся он. — Это король! Он жив! Жив!..

Его спутники недоуменно вгляделись... и разразились ревом изумления и восторга. Плотно окружив Конана, они выкрикивали боевой клич и в избытке чувств размахивали мечами. Шумное ликование пуантенских воителей могло насмерть перепугать несмелого человека.

— Троцеро заплачет от радости, увидев тебя, государь! — крикнул один из них.

— И Просперо! — добавил другой. — На нашего полководца с тех самых пор как будто и солнце не светит. Только знай клянет себя день и ночь за то, что не подоспел вовремя к Валкии и не погиб рядом со своим королем!

— Теперь мы вернем королевство! — заорал третий, вращая над головой громадным мечом. — Да здравствует Конан — король Пуантена!..

Восторженные крики и лязг блистающей стали спугнули птиц, и они пестрой тучей снялись с ветвей ближних деревьев. В жилах рыцарей кипела горячая южная кровь, они жаждали лишь одного: скорее бы счастливо обретенный король вновь повел их к победам и славе.

— Приказывай, государь!.. — кричали они. — Позволь, кто-нибудь из нас поскачет вперед и доставит в Пуантен весть о твоем возвращении! Пусть над башнями развеваются флаги, пусть розы ложатся под копыта твоего коня! Пусть красота и доблесть Юга окажут тебе почести, подобающие твоему...

Но Конан непреклонно покачал головой.

— Кто подвергает сомнению вашу верность? — сказал он. — Дело только в том, что ветер, разносчик вестей, невозбранно летит через горы — и не только в дружественные страны. А им пока совсем ни к чему знать о том, что я жив. Проводите меня к Троцеро, но смотрите никому не открывайте, кто я такой.

Рыцари мечтали о триумфальном шествии, а получилось что-то вроде тайного побега. Ехали спешно, скрытно и молча — разве только шептали словечко-другое старшинам крепостей на очередном перевале. Конан ехал меж спутников, не поднимая забрала.

Горы были почти безлюдны: жили здесь только солдаты в сторожевых замках да беглые разбойники, объявленные вне закона. Пуантенцы не видели нужды в том, чтобы в трудах и муках добывать скудное пропитание, возделывая суровые скалы. К их услугам были прекрасные и щедрые земли, простиравшиеся южнее гор до самой реки Алиманы, за которой лежала Зингара.

За горами, в Аквилонии, зимняя стужа оголила ветви деревьев, а здесь зеленели травами роскошные луга, в которых паслись табуны коней и стада скота — гордость и слава Пуантена. Пальмовые и апельсиновые рощи радовались ласковому солнцу, великолепные пурпурные, золотые, малиновые башни богатых городов так и сияли. Это была страна изобилия и тепла, прекрасных женщин и неустрашимых воителей. Не только суровые земли способны рождать храбрецов. Жадные соседи издревле зарились на Пуантен, и сыны его были закалены беспрестанными войнами.

С севера страну прикрывали хребты гор, но на юге лишь Алимана отделяла пуантенские равнины от равнин Зингары, и воды ее сотни раз окрашивались кровью. К востоку лежал Аргос, а за ним — Офир, и оба отличались высокомерием и алчностью. Мечи пуантенских рыцарей ограждали страну, и праздные минуты редко им выпадали.

И вот Конан прибыл в замок графа Троцеро...

Конан сидел на шелковом диване в богато убранном чертоге. Теплый ветер шевелил прозрачные шторы на окнах. Троцеро ходил по комнате туда и сюда, точно пантера по клетке. Это был гибкий, нервный мужчина с талией девушки и плечами бойца. Прожитые годы почти не оставили на нем отпечатка.

— Разреши нам провозгласить тебя королем Пуантена! — уговаривал он Конана. — Пусть эти ничтожные северяне влачат ярмо, в которое сами сунули шеи. Юг — по-прежнему твой! Живи здесь и правь нами среди цветов и пальмовых рощ...

Конан покачал головой:

— Пуантен благороден, как ни одна другая страна. Но и ей, при всем мужестве ее сынов, не выстоять в одиночку.

— Мы поколениями оборонялись в одиночку, — возразил Троцеро с ревнивой гордостью, присущей его народу. — Мы не всегда были частью Аквилонии!

— Я знаю, — сказал Конан. — Но в те времена все королевства были раздроблены на мелкие владения, без конца воевавшие друг с другом. Теперь все по-другому. Дни герцогств и вольных городов миновали, грядет эпоха империй. Правителям снятся завоевания, и защититься можно только в единстве.

— Так давай присоединим Зингару к Пуантену, — предложил Троцеро. — Там теперь не менее полдюжины принцев, и все рвут глотки друг другу. Мы легко завоюем ее, одну провинцию за другой, и присоединим к твоим владениям. Потом с помощью зингарцев покорим Аргос и Офир. Уж если кто создаст империю, так это мы!

И вновь Конан отрицательно покачал головой:

— Об империях пускай мечтают другие, я же хочу лишь сохранить принадлежащее мне. Я не стремлюсь к тому, чтобы править империей, сколоченной огнем и мечом... Одно дело — когда народ вручает тебе трон и сам соглашается, чтобы ты им правил. И совсем другое — захватить чужую

страну и властвовать с помощью страха. Чтобы я превратился во второго Валерия?.. Нет, Троцеро. Я намерен править всей Аквилонией — и не более. Или ничем!

— Тогда веди нас через горы, и мы выгоним немедийцев!

Свирепые глаза Конана благодарно потеплели. Но...

— Это стало бы напрасной жертвой, Троцеро, — сказал он. — Я уже объяснял тебе, что именно я должен сделать, чтобы вернуть королевство. Я должен разыскать Сердце Аримана...

— Но это же сумасшествие! — возмутился Троцеро. — Бредни еретического жреца!.. Бормотание свихнувшейся ведьмы!..

— Не был ты в моем шатре перед Валкией, — мрачно ответил Конан и невольно покосился на свое правое запястье, где еще виднелись синие пятна. — Ты не видел, как обрушились скалы и погребли цвет моей армии. Нет, Троцеро, это не бред, и я в том убедился. Ксальтотун — не простой смертный, и противостоять ему можно только с Сердцем Аримана в руках. Так что я все-таки поеду в Кордаву. И притом один.

— Это слишком опасно... — не сдавался Троцеро.

— А жить не опасно? — проворчал король. — Но я поеду не как аквилонский владыка и даже не как нуантенский рыцарь. Я буду простым странствующим наемником, как в прежние годы. Это верно, к югу от Алиманы у меня полно врагов и на суше, и на море. Многие, понятия не имея о короле Аквилонии, вспомнят Конана — вождя барахских пиратов. Или Амру — предводителя черных корсаров. Но хватает у меня и друзей, а кроме того, есть люди, которые по некоторым причинам будут рады мне помочь...

Воспоминания заставили его слегка улыбнуться.

Троцеро уронил руки, отчаявшись убедить короля, и повернулся к Альбионе, сидевшей на соседнем диване.

— Я понимаю твои сомнения, господин мой,— сказала она.— Но я тоже видела монету в храме Асуры и помню слова Хадрата о том, что ее отчеканили за целых пятьсот лет до падения Ахерона! Если, как утверждает государь, на монете изображен именно Ксальтотун, то значит, что в прежней своей жизни он не был обычным волшебником. Его век измерялся столетиями — разве простому смертному это под силу?

Ответить Троцеро не успел: в дверь почтительно постучали, и чей-то голос произнес:

— Повелитель! Мы поймали какого-то человека, прокравшегося в замок. Он говорит, что хотел бы сообщить нечто твоему гостю. Как прикажешь с ним поступить?

— Аквилонский шпион!.. — прошипел Троцеро и схватился за кинжал, но Конан возвысил голос:

— Откройте дверь! Я сам посмотрю, что это за птица.

Приказание было исполнено: на пороге появился худощавый мужчина в темной куртке с капюшоном. Двое суровых стражников держали его за руки.

— Ты поклоняешься Асуре? — спросил Конан.

Мужчина кивнул, и могучие стражники потрясенно уставились на Троцеро.

— К нам на юг пришло слово, — сказал асурит. — За Алиманой мы уже не сможем тебе помогать: наше влияние распространяется отсюда не к югу, а лишь на восток, вдоль русла Хорота. Но вот что я вызнал: вор, которому Тараск поручил Сердце Аримана, до Кордавы так и не добрался. В Пуантенских горах его убили разбойники. Сердце досталось их вождю, который о его истинной природе и не догадывался. Вскоре пуантенские рыцари уничтожили его шайку, и он, оставшись ни с чем, продал Сердце кофийскому купцу по имени Зорат...

— Ха! — Конан вскочил, как подброшенный. — И что этот Зорат?..

— Четыре дня назад он пересек Алиману, направляясь в Аргос. С ним были вооруженные слуги.

— Глупец! Нынче пересекать Зингару небезопасно, — заметил Троцеро.

— Верно, за рекой неспокойно. Но Зорат смел и по-своему безрассуден. Он торопится в Мессантию, надеясь там найти покупателя. Возможно, он даже догадывается, что именно попало ему в руки, и хочет продать Сердце стигийцам. Во всяком случае, едет он прямиком через восточную Зингару, кратчайшим путем, пренебрегая более протяженной дорогой вдоль границ Пуантена...

Конан так грохнул по столу кулаком, что тяжелая столешница задрожала.

— Во имя Крома! Неужто удача наконец-то надумала мне улыбнуться? Коня, Троцеро! Скорее коня и доспехи вольного наемника! Зорат, конечно, опередил меня, но уж не настолько, чтобы я не смог его догнать — хотя бы на краю света!

Глава 12

КЛЫК ДРАКОНА

На рассвете Конан верхом переправился через мелководную Алиману и поскакал по широкой караванной тропе, что вела на юго-восток. А на покинутом им берегу молча сидел в седле граф Троцеро, окруженный закованными в сталь рыцарями, и малиновое знамя с леопардом Пуантена трепетало на утреннем ветру над его головой. Темноволосые люди в блестящих доспехах хранили молчание, пока синяя дымка расстояния окончательно не поглотила их короля...

Конан ехал на громадном вороном жеребце, которого подарил ему Троцеро. На плечах короля больше не было аквилонской кольчуги; если верить доспехам, он был наемником из Вольного Братства, члены которого, как известно, принадлежали ко всем народам земли. На голове Конана был простой шлем, помятый в боях, тело прикрывала видавшая виды броня, а красный плащ, развевавшийся за плечами, был изрядно поношен и не особенно чист. Словом, Конан с головы до пят выглядел именно тем, за кого себя выдавал, — наемным рубакой, познавшим все гримасы и капризы судьбы: сегодня — богатая добыча, а завтра — ветер в кошельке и затянутый потуже ремень.

Конан не только выглядел наемником, он себя им и ощущал. Старые воспоминания проснулись в нем и властно заговорили. Вновь встали перед глазами безумные, далекие и славные времена, когда ему и не снилась корона, когда он странствовал и сражался, бражничал и бесчинствовал, думать не думая о завтрашнем дне. Если он тогда о чем и мечтал, так только о пенистом кубке, об алых девичьих устах да остром клинке, который обошел бы с ним бранные поля целого мира.

Сам не сознавая того, он все более возвращался к прежним повадкам. Развязность появилась в его поведении, в посадке на лошади — щегольство. Полузабытые ругательства сами собой слетали с его губ. Покачиваясь в седле, он мурлыкал старые песни — те самые, что они с друзьями хором ревели когда-то в тавернах, на пыльных дорогах, на полях кровавых сражений...

Опытный глаз его примечал, что в Зингаре вправду было неспокойно. Конные отряды, обычно разъезжавшие вдоль реки на случай набега из Пуантена, подевались

неизвестно куда. Междоусобная грызня оголила границы. Пустынная дорога белела от горизонта до горизонта. Не позвякивали колокольцами караваны груженых верблюдов, не катились, постукивая колесами, повозки, не мычали стада. Конану попадались лишь редкие группы всадников, одетых в кожу и сталь, с жестокими глазами и ястребиными лицами. Они скакали стремя в стремя и держались настороженно. Обшарив Конана взглядами, они ехали прочь: с этого одинокого путника было явно нечего взять, зато схватка с ним обещала быть страшной.

Опустевшие деревни лежали в развалинах, поля стояли непахаными, луга заросли. Усобицы и налеты из-за реки почти выкосили здешний народ, времена были такие, что лишь храбрейшие дерзали путешествовать с места на место. А ведь в мирные дни эта дорога так и кишела купцами, спешившими из Пуантена в Аргос, в город Мессантию, и назад. Теперь большинство торговцев предпочитало другой путь, тот, что вел пуантенскими землями на восток и лишь потом сворачивал к югу, в Аргос. Та дорога была много длинней, зато безопасней. Только отчаянный смельчак отважился бы рисковать товарами и самой жизнью, пересекая Зингару.

У южного горизонта ночами стояло зарево, днем к небу вздымались шаткие столбы дыма: в городах и весях юга гибли люди, рушились троны, горели великолепные замки. Временами Конана брало дотянувшееся из прошлого искушение: а не повернуть ли коня, не ринуться ли очертя голову в битвы и грабежи, как когда-то?.. И на что ему в таких трудах и муках отвоевывать свое право властвовать над народом, который успел уже его позабыть? Зачем гнаться за блуждающим огоньком, стремясь к утраченной навеки короне? Почему бы ему не забыться, не затеряться в кровавом водовороте войны, как прежде бывало?.. А королевство — да неужели он нового себе не создаст?..

Мир, думалось Конану, вступал в век железа, войн и имперских устремлений, и сильный человек вполне мог подняться над руинами наций, как новый завоеватель. Почему бы ему не стать таким человеком?

Так нашептывал ему знакомый бес-искуситель, а перед внутренним оком кружились призраки его кровавого и беззаконного прошлого. Но Конан так и не свернул с пути. Он ехал вперед и вперед, неустанно стремясь к цели, которая казалась чем дальше, тем все менее ясной, порою напоминая несбыточный сон.

Со всей возможной скоростью гнал он вороного жеребца по белой дороге, простиравшейся от горизонта до горизонта. Зорат и вправду намного его обогнал, но Конан знал, что едет наверняка быстрее, чем обремененный товарами купец. И спустя некоторое время дорога привела его к замку графа Вальбросо, что высился, подобно гнезду стервятника, на голом холме. Вальбросо сам выехал из ворот во главе своих молодцов. Это был смуглый худой человек с блестящими глазами и хищным носом, похожим на клюв. На нем были черные латы, а позади скакали три десятка копейщиков — черноусые ястребы пограничных войн, такие же алчные и безжалостные, как и их хозяин. Оскудевшие караваны давно не приносили добычи, и Вальбросо клял на чем свет стоит бесконечные усобицы, из-за которых дороги стали пустынны, — впрочем, эти же благословенные усобицы дали ему повод для безнаказанной расправы с соседями...

Одинокий путник, замеченный с башни, выглядел не слишком лакомым кусочком, но Вальбросо привык извлекать барыш из всего. Многоопытным взглядом окинул он Конанову потрепанную кольчугу и темное, в шрамах, лицо и сделал тот же вывод, что и всадники, с которыми киммериец разминулся ранее: тяжелый меч и пустой кошелек.

— Куда едешь, мошенник? — спросил граф.

— В Аргос, — ответил Конан. — Я — наемник. А как звать, неважно.

— Справные наемники нынче держат путь не туда, а оттуда, — проворчал Вальбросо. — Теперь все веселье на юге: и сражения, и добыча. А может, вступишь в мой отряд? С голоду не помрешь, это я тебе обещаю. На большой дороге, правда, совсем не осталось жирных купцов, которых стоило бы пощипать, но я со своими парнями думаю вскоре перебраться на юг и наняться к тем, кто ближе к победе!

Конан ответил не сразу. Он знал: стоит прямо заявить «нет», и Вальбросо тут же натравит на него своих головорезов. Зингарец же, не дождавшись ответа, сказал еще:

— Вы, вольные наемники, знаете уйму способов развязать язык самому упрямому человеку. А у меня как раз пленник — последний перехваченный мною купец, ибо я, клянусь Митрой, уже несколько недель не видел ни одного. Так вот, у негодяя была с собой железная шкатулка, и мы не сумели ни вскрыть ее, ни заставить упрямца выдать секрет. Во имя Иштар! Я-то думал, нет средств убеждения, которыми бы я не владел, но, может быть, ты, бывалый

наемник, знаешь что-нибудь такое, что неведомо мне? Поехали в замок, посмотрим, не получится ли у тебя!

Эти слова возымели действие тотчас: Конан кивнул головой. В самом деле, пленником графа вполне мог оказаться и Зорат. Конан не был знаком с ним, но человек, у которого хватило духу пуститься в такое время по зингарским дорогам, мог, чего доброго, устоять и под пыткой...

Конан повернул коня и поехал рядом с Вальбросо по извилистой тропе, поднимаясь на холм, где угрюмо высился замок. Вообще-то ему, как простому воину, полагалось бы ехать позади графа, но сила привычки взяла свое, а Вальбросо не обратил внимания. Годы, прожитые на границе, напрочь отучили его от этикета, уместного при блестящем королевском дворе. Он хорошо знал, как горды и независимы наемники, чьи мечи возвели на трон не одного короля...

Высохший ров был местами до половины забит мусором. Копыта коней простучали по подъемному мосту, и отряд въехал в ворота. С мрачным лязгом упала сзади решетка. Пустынный двор зарос кое-где чахлой травой, посередине виднелся колодец. Вдоль стен ютились покосившиеся лачуги воинов графа, из дверей выглядывали женщины: одни — неряхи неряхами, другие — увешанные безвкусными украшениями. Стражники в ржавых кольчугах резались в кости, сидя под арками на каменной мостовой... Сущее разбойничье гнездо, а не замок дворянина!

Вальбросо спешился и жестом пригласил Конана за собой. Войдя в дверь, они миновали длинный сводчатый коридор и натолкнулись на хмурого человека в кольчуге, спускавшегося навстречу по лестнице. Конан пригляделся к шрамам на его лице и решил, что это, скорее всего, был капитан стражи.

— Ну что, Белосо? — спросил граф. — Заговорил?..

— Упрям, как черт, — буркнул Белосо, бросая на Конана подозрительный взгляд исподлобья.

Грязно выругавшись, владелец замка в ярости затопал по винтовой лестнице вверх. Конан и капитан последовали за ним.

Чем выше они поднимались, тем слышней делались стоны человека, терпящего ужасные муки. Пыточный застенок в замке Вальбросо располагался не в подземелье, как обычно, а, напротив, высоко над двором. Внутри застенка сидел на

корточках волосатый, звероподобный мужик в кожаных штанах и, чавкая, обгладывал говяжью кость. А вокруг громоздились дыбы, крючья, тиски и прочие приспособления, изобретенные человеческим разумом для того, чтобы рвать плоть, дробить кости, выворачивать суставы и сухожилия...

На дыбе висел нагой человек, и Конан с первого взгляда понял, что страдать ему осталось недолго. Его руки, ноги и само тело были страшно растянуты, что говорило об исковерканных суставах и многочисленных внутренних разрывах. Смуглое лицо человека было умным и тонким, но глаза налились кровью и остекленели от муки, капли смертного пота стекали со лба, а рот был перекошен оскалом.

— Вот шкатулка, о которой я говорил. — Вальбросо зло пнул небольшой, но увесистый железный сундучок, стоявший поблизости на полу. Его покрывал замысловатый узор из крохотных черепов и сплетающихся драконов, но Конан не заметил никаких признаков замка, запиравшего крышку. Было видно, что сундучок жгли огнем, рубили топором и зубилом, но едва смогли оцарапать. — Этот пес держит там свои драгоценности, — зло продолжал Вальбросо. — Весь Юг знает Зората и его железную шкатулку, но что в ней — одному Митре известно. Не открывает секрета, хоть тресни!

Зорат!.. Итак, перед Конаном был человек, которого он так долго искал. Сердце короля забилось у горла, но, когда он склонился над мучеником, о его истинных чувствах догадаться было невозможно.

— Ослабь веревки, скотина! — резким голосом приказал он палачу. Вальбросо с капитаном уставились на него в некотором недоумении: забывшись, Конан заговорил привычным повелительным тоном. Палач же инстинктивно повиновался. В голосе незнакомца слышался металл, он явно не шутил, и заплечных дел мастер отпускал веревки постепенно — резкая слабина причинила бы разорванным суставам такую же муку, как и дальнейшее растягивание.

Схватив кубок вина, стоявший неподалеку, Конан поднес его ко рту несчастного. Зорат судорожно глотнул, проливая вино на тяжело вздымавшуюся грудь. Потом в налитых кровью глазах затеплился огонек узнавания. Шевельнулись губы, покрытые запекшейся пеной. Задыхаясь и всхлипывая, Зорат заговорил по-кофийски:

— Значит, я умер? Значит, кончились наконец эти пытки?.. Передо мной король Конан, погибший при Валкии: я среди мертвых...

— Еще нет, — сказал Конан. — Но ты умираешь. Больше тебя не будут пытать, это я обещаю. Но и помочь тебе я уже ничем не могу. Зорат! Скажи, как открыть твой сундучок?

— Мой сундучок, — пробормотал Зорат, соскальзывая в бредовое беспамятство. — Железный сундучок, выкованный в адовом пламени огненных гор Хроша... ни одно зубило его не возьмет. Какие сокровища возил я в нем по всему свету! Но равного тому, что лежит там теперь, еще не бывало...

— Скажи, как открыть, — тормошил его Конан. — Тебе оно уже не пригодится, а мне может помочь!

— Да, ты — Конан... — невнятно бормотал кофиец. — Я видел тебя на престоле в тронном зале, в Тарантии... со скипетром в руках, с короной на голове... Ты мертв: тебя убили при Валкии. Стало быть, умер и я...

— Что там несет эта падаль? — нетерпеливо спросил Вальбросо, не понимавший по-кофийски. — Скажет он наконец, как отпирается чертов ящик?

Голос мучителя словно раздул в измученной груди искорку жизни. Зорат обратил налитые кровью глаза в сторону говорившего.

— Одному Вальбросо открою я тайну... — прошелестел он по-зингарски. — Я умираю... Нагнись ко мне, Вальбросо!

Граф не заставил себя упрашивать: отвратительная алчность была написана у него на лице. Угрюмый Белосо придвинулся вплотную к хозяину.

— Надави один за другим семь черепов по краю, — с трудом выдохнул Зорат. — А потом — голову дракона, изваянного на крышке. И наконец — шарик в лапах дракона. Потайная пружина...

— Живо ящик сюда! — заорал Вальбросо, добавив ругательство.

Конан поднял сундучок и поставил на лавку. Граф толкнул его плечом, оттирая в сторону. Белосо шагнул вперед...

— Позволь, я открою...

Вальбросо разразился такими проклятиями, что капитан отшатнулся. Черные глаза графа горели жадностью.

— Никто, кроме меня!

Конан, успевший инстинктивно протянуть руку к мечу, покосился на Зората. Стекленеющие глаза страдальца были с пристальным вниманием устремлены на Вальбросо... Конану померещилась даже тень зловещего торжества, искри-

вившая усмешкой губы Зората. Лишь осознав, что умирает, кофиец согласился выдать секрет... Конан повернулся к Вальбросо и стал ждать, что же будет.

По краю крышки ларца были вырезаны сплетенные ветви какого-то дерева и между ними — семь черепов. Сверху, среди фантастических узоров, красовался инкрустированный дракон. Трясущимися от нетерпения руками Вальбросо торопливо надавил черепа, затем прижал большим пальцем резную голову дракона... и вдруг, выругавшись, отдернул руку и раздраженно встряхнул ею.

— Какой козел не загладил резьбу? — прорычал он. — Так и руки недолго попортить...

Он тронул золотой шарик, что дракон держал в коготках, и крышка неожиданно отскочила. Золотое пламя ослепило глаза! Казалось, шкатулка была полна брызжущего огня, который переливался через край и разбрасывал по всей комнате трепетные искры. Белосо вскрикнул, а Вальбросо с шумом втянул в себя воздух. Онемевший Конан стоял неподвижно, околдованный невероятным сиянием...

— Митра!.. Вот это камень!.. — Волосатая лапа Вальбросо нырнула в сундук, чтобы извлечь наружу большой алый шар, исходивший пульсирующим светом. В этом свете Вальбросо почему-то выглядел как покойник, зато снятый с дыбы умирающий внезапно разразился хохотом, диким и жутким.

— Глупец! — крикнул он. — Ты получил камень, и вместе с ним — смерть! Ты думаешь, что уколол палец?.. Приглядись к голове дракона, Вальбросо!..

Обернулся не только граф — все, бывшие в комнате. Что-то маленькое и блестящее торчало из оскаленной металлической пасти...

— Клык дракона! — надрывался Зорат. — Я смазал его ядом черного стигийского скорпиона!.. Глупец, ты взялся за мой ларец без перчатки! Ты мертв, Вальбросо! Ты мертв!..

Кровавая пена хлынула из уст купца — душа его отлетела.

— О Митра, я горю!.. — взвизгнул Вальбросо и зашатался. — Огонь мчится по жилам!.. Рвутся суставы!.. Это смерть, смерть!..

И, покачнувшись, он рухнул на пол. Жуткие судороги скрутили его тело немыслимыми узлами; так он и застыл, глядя вверх бессмысленными глазами, обнажая в оскале почерневшие десны.

— Мертв, — пробормотал Конан и нагнулся подобрать камень, выкатившийся из скрюченной ладони Вальбросо. Сердце Аримана трепетало на полу, точно живой кусочек заката...

— Мертв, — повторил Белосо. Взгляд его был безумен. Он метнулся вперед...

Завороженный сиянием Сердца, Конан не ждал подвоха. Он понял намерение Белосо лишь тогда, когда нечто тяжелое обрушилось сверху на его шлем. Золотой свет камня сменился кровавым туманом, Конана бросило на колени...

Он услышал топот и животный рев убиваемого человека. Конан был оглушен, но сознания не потерял и успел понять, что Белосо огрел его, нагнувшегося, железной шкатулкой. Добрый боевой шлем спас короля. Пошатываясь, он поднялся, выхватил меч и затряс головой, пытаясь остановить стены комнаты, плясавшие перед глазами. Дверь была распахнута; торопливые шаги уже стихали, удаляясь по винтовой лестнице. Звероподобный палач испускал дух, валяясь на полу со страшной раной в груди.

Сердце Аримана исчезло.

Конан на нетвердых ногах выбрался из застенка наружу. Он держал в руке меч, по лицу из-под шлема бежала кровь. Качаясь, как пьяный, он сбежал вниз по ступеням. Со двора донесся звон стали, крики, затем отчаянный топот копыт. Пронзительно визжали женщины. Вывалившись во двор, Конан увидел суматошно мечущихся воинов. Задние ворота были раскрыты, поперек выхода, все еще сжимая копье, лежал с разрубленной головой мертвый солдат. По двору с испуганным ржанием бегали кони, с которых никто не позаботился снять уздечки и седла. Был среди них и Конанов вороной жеребец.

— Он сошел с ума! — ломая руки, истошно кричала какая-то женщина. — Выскочил из замка, точно бешеный пес, и ну рубить направо и налево! Говорю вам, Белосо спятил! Где граф Вальбросо, наш господин?..

— Куда делся Белосо? — взревел Конан.

Все разом замолчали и обернулись, пяля глаза на окровавленного незнакомца с мечом в руках.

— Ускакал в задние ворота! — ответил женский голос.

— А это еще кто? — заорал какой-то воин.

— Белосо зарубил графа! — крикнул Конан и, прыгнув, поймал за гриву своего жеребца. Он не собирался ждать, пока неуверенно переминавшиеся молодцы на него

нападут. И он не ошибся: они отреагировали на его сообщение именно так, как он и ожидал. Поднялся ужасный гвалт. Никому не пришло в голову запереть ворота, взять Конана в плен или броситься в погоню за убийцей и отомстить за вождя. Этих волков объединял лишь страх перед Вальбросо. Не стало его — и каждый был сам за себя.

По всему двору загремели, сшибаясь, мечи, женский визг надрывал слух. Среди всеобщего смятения никому и дела не было до Конана, который, вскочив на коня, вылетел из ворот и умчался вниз по склону холма. Перед ним расстилалась широкая равнина, караванная же дорога за холмом раздваивалась: одна ее ветка уходила на юг, другая на восток. По восточной дороге, низко пригнувшись в седле, стремительно уносился всадник, отчаянно шпоривший коня. Ровная степь покачивалась у Конана перед глазами, багровый туман временами застилал солнечный свет. Король пошатывался в седле, хватаясь за гриву. Кровь капала на кольчугу. Мрачно стиснув зубы, Конан знай понукал жеребца.

За его спиной из замка на холме повалил густой дым. Там, внутри, труп графа Вальбросо так и валялся неприбранным рядом с телом замученного купца. Солнце садилось; на фоне страшиого, кровавого неба мчались одна за другой две черные крохотные фигурки...

Вороной жеребец начинал уставать — как, впрочем, и лошадь Белосо. Но копыта могучего жеребца мелькали по-прежнему стремительно. Конан не утруждал больную голову рассуждениями о том, почему зингарец спасается бегством от одного-единственного преследователя. Быть может, Белосо поддался безрассудной панике, околдованный безумием, таившимся в сиянии камня?.. Солнце скрылось. Белая дорога едва мерцала в призрачных сумерках, впереди сгущалась лиловая тьма.

Тяжело дышал измученный жеребец. Даже в потемках было заметно, как менялась местность вокруг. Голую степь оживляли дубовые рощи и заросли ольхи. Невысокие холмы поднимались вдали. Появились первые звезды... Жеребец пошатывался на бегу. Но Конан разглядел впереди густой лес, тянувшийся по холмам до горизонта, а между собою и лесом — смутный силуэт беглеца. И снова послал вперед едва живого коня: он видел, что расстояние между ним и Белосо сокращалось ярд за ярдом, медленно и неуклонно. Сквозь стук копыт из непроглядных теней на обочине

послышались какие-то странные крики, но ни преследуемый, ни преследователь даже ухом не повели.

Когда лошади внесли их под деревья, смыкавшиеся кронами над дорогой, их разделяли считанные шаги. Яростный крик сорвался с губ Конана: он занес меч. Белосо обратил к нему бледное, еле различимое в темноте лицо и тоже занес смутно блеснувший клинок, ответив, точно эхо, на боевой клич короля... Но тут измотанный Конанов жеребец охнул и покатился кувырком, споткнувшись впотьмах. Вылетев из седла, Конан врезался больной головой в камень... и непроглядная тьма погасила для него звезды.

Долго ли он пролежал без чувств, Конан не знал. Сначала он почувствовал, что его волокут, схватив за руку, по каменистой земле, напролом сквозь густые кусты. Потом кто-то грубо швырнул его оземь, и от этого толчка сознание начало возвращаться.

Шлем укатился неизвестно куда, голову раскалывала тошнотворная боль, в волосах было полно запекшейся крови. Но Конан обладал жизненной силой дикого зверя, и едва успел проясниться перед глазами туман, как киммериец начал озираться и соображать, куда его занесло.

Большая красноватая луна светила сквозь ветви деревьев, и он понял, что полночь давно миновала. Видимо, Конан провалялся оглушенным несколько часов: вполне достаточно, чтобы оправиться и от удара, которым наградил его Белосо, и от падения с лошади. Голова теперь была определенно яснее, чем во время той сумасшедшей погони...

Тут Конан с удивлением отметил, что лежит вовсе не на обочине белой дороги, как ему сперва показалось. Дороги совсем не было видно. Конан лежал на траве посреди небольшой поляны, огороженной черной стеной древесных стволов и путаницей ветвей. Лицо и руки короля были изодраны и исцарапаны, словно его в самом деле волокли сквозь заросли ежевики. Конан приподнялся на локте... и тотчас отшатнулся. Сидя на корточках, над ним склонился некто. Вернее, нечто.

Сперва Конан усомнился в собственном рассудке: больно уж эта тварь напоминала видение прямиком из кошмарного бреда. Неподвижному серому существу, что смотрело

на Конана глазами, в которых не чувствовалось души, быть реальным просто не полагалось.

Какое-то время Конан молча разглядывал его, почти ожидая, чтобы оно растаяло, точно дурной сон. Но потом в глубине сознания шевельнулось что-то полузабытое, и король содрогнулся, ощутив, как противный холодок пополз по спине. Недаром, знать, люди шепотом передавали из уст в уста пугающие слухи о серых тенях, что таились в безлюдных лесах по холмам на границе Зингары и Аргоса! Вурдалаки, пожиратели человечины, семя тьмы, потомство нечестивой похоти, толкнувшей давно забытое племя в объятия демонов Преисподней!.. Вот, значит, кто бродил в здешних первобытных лесах, прячась в проклятых руинах древнего города...

Не сводя глаз с уродливой башки нависшего над ним чудища, Конан осторожно потянулся к кинжалу, висевшему у бедра... И как раз в это время с ужасающим воплем, который невольно повторил человек, вурдалак прянул к его горлу.

Конан вскинул правую руку — собачьи клыки его противника тут же сомкнулись на ней, вдавливая в тело звенья кольчуги. Руки, похожие на человеческие, искали его горло, но Конан увернулся и левой рукой выдернул из ножен кинжал.

Они покатились по траве, вцепившись друг в друга. Под трупно-серой кожей вздувались мускулы, подобные стальным канатам; обычного человека они смяли бы без труда. Но мышцы Конана тоже были выкованы из стали, а кольчуга надежно защищала его от лязгающих клыков и когтей, стремящихся разорвать тело. Раз за разом всаживал он кинжал в вурдалака... живучесть человекообразного монстра казалась неисчерпаемой, вдобавок каждое прикосновение скользкого, холодного тела вызывало у короля дрожь омерзения. Гадливость и невыносимое отвращение направили руку киммерийца — острие наконец отыскало сердце врага, и чудовище забилось в предсмертных муках, потом вытянулось и затихло.

Конан поднялся, борясь с тошнотой. Он стоял посреди поляны с кинжалом в руках, пытаясь понять, куда же идти. Древний инстинкт по-прежнему безошибочно указывал ему, где север, где юг. Но вот дорога... Конан понятия не имел, куда затащил его вурдалак. Мрачным взглядом обвел он молчаливый, посеребренный луной черный лес, окружав-

ший его со всех сторон... и помимо воли покрылся холодным потом. Он был один, без коня, затерянный в этих колдовских лесах... и дохлая тварь, валявшаяся у ног, внятно свидетельствовала, что в лесах этих, быть может, водилось еще кое-что похлеще. Конан даже задержал дыхание, напрягая слух: не хрустнет ли сучок, не зашуршит ли трава?..

И наконец звук раздался, да такой, что киммериец едва не подскочил. Ночную тишину прорезал отчаянный визг насмерть перепуганного коня! Это был голос его жеребца. Наверное, на него бросилась лесная пантера, или... или вурдалаки жрали не только людей!

Конан пронзительно свистнул и помчался на крик, сокрушая кусты и подлесок. Пробудившаяся ярость мгновенно выжгла в нем страх. Погибнет конь — как он тогда настигнет Белосо и отнимет у него камень?.. Жеребец вновь завизжал, на сей раз немного поближе. Конь явно с кем-то сражался: Конан услышал удар копыта, пришедшийся во что-то податливое.

Неожиданно выскочив на широкую белую дорогу, он увидел своего коня. Облитый ярким светом луны, жеребец вставал на дыбы, метался и бил передним копытом. Его уши были прижаты, зубы злобно ощерены. Вокруг него, уворачиваясь, прыгала серая тень. Минуло какое-то мгновение, и, окружая Конана со всех сторон, возникли новые тени — мерзкие, скользкие, алчные. Потянуло трупным запахом, точно из склепа...

Но взгляд короля уже уловил некий блик: лунные лучи играли на лезвие его меча, полузасыпанного палыми листьями. Выругавшись, Конан метнулся к оружию, подхватил — и пошел рубить налево и направо! Разверзались слюнявые клыкастые пасти, гнусные лапы тянулись к нему, пытаясь схватить, — и все-таки он прорубил себе путь, схватил поводья жеребца и прыгнул в седло. Его меч вздымался и падал — морозная радуга, отражавшая серебряный свет. Кровь разлеталась черными кляксами из расколотых черепов вурдалаков, из рассеченных надвое отвратительных тел. Жеребец бил копытами, лягался и кусал. Наконец они вырвались из кольца и бешеным галопом понеслись прочь по дороге. Какое-то время по обе стороны, силясь догнать, мчались серые тени. Потом они отстали. Жеребец Конана взлетел на вершину поросшего лесом холма, и король увидел впереди голые склоны, возносившиеся вверх и вверх...

Глава 13

«ТЕНЬ ЯВИЛАСЬ ИЗ ПРОШЛОГО...»

Солнце едва успело подняться, когда Конан пересек границу Аргоса. Ему так и не попался на глаза не то что сам Белосо — даже его след. Видать, успел унести ноги, покуда король лежал без сознания... если только вурдалаки не слопали его в зингарских лесах. Но следов расправы над ним Конан опять-таки не заметил. Скорее даже наоборот: по-видимому, чудовища сперва увлеклись погоней за Белосо — вот потому-то и прошло несколько часов, прежде чем они занялись Конаном. Но если Белосо жив, значит, он скакал по той же дороге, опережая Конана на некоторое расстояние. В этом король был уверен вполне. Если бы похититель Сердца не стремился в Аргос, он для начала вообще не свернул бы на юго-восток, на эту дорогу.

Стражники, стоявшие на границе, не стали спрашивать Конана ни о чем. Кто требует бумаги у одинокого странствующего наемника, особенно если доспехи его не украшены ничьим гербом, а значит, он ни у кого на службе не состоит?..

Дорога вела Конана невысокими, заросшими травой холмами, где в кружевной тени дубрав лепетали ручьи. То вверх, то вниз шла дорога, убегая вперед по горам и долам, до затянутого голубой мглой горизонта. Очень, очень древним был этот путь, ведущий из Пуантена к морю...

В Аргосе царил мир. Запряженные быками повозки рокотали колесами по мощеной дороге. Загорелые, сильные люди трудились в садах и полях, привольно раскинувшихся вдоль обсаженного деревьями большака. Перед гостиницами, под сенью раскидистых дубов, сидели на скамьях почтенные старцы и приветствовали проезжающих мимо...

Конан чуть не каждого расспрашивал о Белосо: пахарей в полях, разговорчивых стариков в трактирах, куда он заглядывал промочить горло объемистым бурдюком пенящегося эля, и востроглазых купцов, одетых в шелка, что встречались ему по дороге.

Сведения были противоречивы, но постепенно Конан выяснил следующее. Где-то впереди него, очевидно, направляясь в Мессантию, в самом деле двигался по большаку тощий, жилистый, по-западному усатый зингарец с опасным блеском в черных глазах. Мессантия? Конан не удивился. Во всех морских портах Аргоса, в отличие от внутренних

провинций, обитало весьма пестрое население, а Мессантия, пожалуй, была наиболее многоязычной. В ее гавани покачивались корабли, приходившие из всех мыслимых и немыслимых стран; город служил прибежищем бродягам и отщепенцам всех мастей. Ибо Мессантия жила и процветала морской торговлей, и в своих сделках с моряками горожане давно утратили невыгодную чистоплотность. Не только честные купцы торговали в Мессантии — рекой текли сюда и пираты, и контрабандисты. Все это Конан знал отлично, ибо и сам в прежние дни, будучи барахским пиратом, не раз под покровом ночи входил в этот порт, имея в трюме порою весьма странные грузы. Более того, многие пираты с тех же Барахских островов, затерявшихся в море к юго-западу от зингарского побережья, сами были аргосскими моряками. И покуда их алчное внимание было посвящено судам иных держав, аргосские власти проявляли весьма широкое понимание морских законов...

Беда, однако, заключалась в том, что Конан в свое время плавал не только с барахцами. Он имел дело и с зингарскими морскими разбойниками, и — самое скверное — с чернокожими корсарами, что являлись с далекого Юга опустошать северные берега. Это однозначно ставило его вне закона. Стоит кому-нибудь узнать его в любом порту Аргоса — и Конану не сносить головы. Тем не менее киммериец упрямо ехал в Мессантию, останавливаясь лишь затем, чтобы дать передышку коню да самому ненадолго смежить глаза.

Он въехал в город незамеченным и затерялся в толпе, кишевшей на улицах и площадях. В Мессантии не было стен: море и корабли надежно охраняли эти торговые врата Юга...

Вечерело. Конан неторопливо ехал по улицам, спускавшимся к самой воде. В конце улиц виднелись набережные и за ними — мачты и паруса кораблей. Сколько лет минуло с той поры, когда Конан последний раз вдыхал соленый запах моря, слышал гул ветра в снастях и скрип мачт, видел белые венцы волн и край земли, отступающей за корму?.. И вновь шевельнулась в сердце тяга к дальним странствиям и неведомым землям...

Но к причалам Конан не поехал. Он повернул коня и, одолев большие, вытертые каменные ступени, выбрался на широкую улицу. Богато отделанные белые особняки смотрели с нее на море и порт. Здесь жили те, кого обогатила

нелегкая морская добыча: несколько старых капитанов, сумевших поднакопить денег по чужим берегам, и великое множество перекупщиков и торговцев, ни разу не ступавших на палубу корабля, не говоря уж о морских сражениях и лютых штормах.

Конан направил коня к хорошо знакомым ему, отделанным позолотой воротам и въехал во двор, где негромко звенел фонтан и голуби перелетали с мраморных парапетов на мраморные же пороги. Навстречу выбежал паж, одетый в шелковые штаны и камзол, обрезанный снизу зубцами. Паж смотрел удивленно: мессантийским купцам приходилось иметь дело с самыми разными типами, зачастую грубыми и странными, но обычно они были как-то связаны с морем. С какой бы стати воину-наемнику этак по-хозяйски въезжать во двор известного торгового воротилы?

— Здесь живет купец Публио? — спросил Конан. Впрочем, это было скорее утверждение, чем вопрос, а в голосе, произнесшем эти слова, звучало нечто такое, отчего паж мигом сдернул шапку с пером и ответил с поклоном:

— Здесь, мой капитан.

Конан покинул седло. Паж позвал слугу, и тот, подбежав, принял поводья жеребца.

— Хозяин дома? — продолжал Конан, стаскивая латные рукавицы и выколачивая дорожную пыль из плаща и кольчуги.

— Да, мой капитан. Как прикажешь о тебе доложить?

— Я сам о себе доложу, — проворчал Конан. — Я знаю, куда идти, так что постой-ка здесь.

Властный тон не допускал возражений, и паж не посмел двинуться с места — так и остался смотреть вслед Конану, шагавшему по отлогой мраморной лестнице. Какие дела с его хозяином могли быть у этого великана воина, похожего на варвара с севера?.. Пажу оставалось только гадать...

Слуги, спешившие по делам, останавливались и глазели вслед киммерийцу. Конан пересек широкую тенистую террасу и вступил в коридор, по которому гулял свежий морской ветерок. Пройдя примерно половину, он услышал, как поскрипывает перо, и отворил дверь в обширную комнату, множеством широких окон смотревшую на гавань.

Публио сидел за резным тиковым столом и водил золотым перышком по дорогому пергаменту. Он был невысокого роста, большеголовый, с быстрыми темными глазами. На нем были голубые одежды из тончайшего муарового шелка,

отделанного парчой, на пухлой белой шее красовалась тяжелая золотая цепь.

Купец раздражению вскинул глаза на вошедшего... и недовольно поднятая рука так и замерла в воздухе. Полураскрыв рот, он смотрел на Конана, точно на тень, восставшую из прошлого. Он не мог поверить собственным глазам — и не мог скрыть боязни.

— Ну так что? — спросил Конан. — Что скажешь хорошенького, Публио?

Тот облизнул пересохшие губы.

— Конан!.. — прошептал он потрясенно. — Во имя Митры!.. Конан!.. Амра...

— А то кто же еще? — Конан расстегнул плащ и вместе с латными рукавицами бросил его на стол. — Слушай, — продолжал он нетерпеливо, — у тебя уже и стакана вина для меня не найдется промочить глотку с дороги?

— Д-да, конечно, вина... — завороженно повторил Публио. Привычно потянулся к гонгу, но тут же отдернул руку, точно обжегшись, и содрогнулся. Конан наблюдал за ним с угрюмой насмешкой в глазах. Суетливо вскочив, купец бросился запирать дверь и при этом перво-наперво выглянул в коридор — не болтаются ли поблизости какие-нибудь рабы. Вернувшись, он принес золотой кувшин с вином и хотел было наполнить узкий бокал, но Конан отобрал у него кувшин, поднес двумя руками ко рту и долго с наслаждением пил.

— И в самом деле Конан, — пробормотал Публио. — Уж не сошел ли ты с ума?..

— Клянусь Кромом, Публио, — сказал Конан, отрываясь от кувшина, но не выпуская его из рук, — ты живешь теперь совсем не так, как в прежние времена. Да, нужно быть аргосским купцом, чтобы обрасти такой роскошью, начав с крохотной портовой лавчонки, провонявшей тухлой рыбой и дешевым вином...

— Те времена давно миновали. — Публио кутался в свои шелка, силясь унять невольную дрожь. — Я отбросил прошлое, точно сношенный плащ...

— Что ж, — сказал Конан, — я не старый плащ, так что от меня тебе не отделаться. Мне, правду сказать, нужно немногое, но уж будь добр, расстарайся. Да смотри не вздумай отказывать. Слишком много дел мы вели с тобой в прежние дни. Думаешь, я совсем уж дурак и не понимаю, что этот особняк выстроен моим потом и кровью? Сколько грузов с моих кораблей прошло через твои руки?

— В Мессантии нет купца, который время от времени не имел бы дела с морскими бродягами... — трясущимися губами выговорил Публио.

— Но не с черными корсарами! — неумолимо ответствовал Конан.

— Во имя Митры, тише!.. — вырвалось у Публио. На лбу торговца выступил пот, пальцы нервно дергали золотую кайму одеяний.

— Я, собственно, хотел всего лишь освежить твою память, — сказал Конан. — Да не трясись ты так! Помнится, ты умел рисковать, когда содержал лавчонку и пытался выжить и разбогатеть. И дружил, как рука с перчаткой, со всеми пиратами и контрабандистами от Мессантии до Барахских островов! Или разбогател и вовсе хватку утратил?

— Я стал... почтенным человеком... — начал было Публио.

— То есть попросту чертовски богатым, — фыркнул Конан. — А все почему? Почему ты так быстро разбогател? Не приходилось ли тебе торговать слоновой костью и перьями страуса, медью и кожами, жемчугом, чеканным золотом и еще всякой всячиной из страны Куш? И где, позволь спросить, ты скупал все это по дешевке, когда другие купцы за то же самое таскали стигийцам серебро мешками? Напомнить? Ты покупал у меня. И гораздо дешевле, чем следовало. А я брал свои товары у племен Черного Берега, я грабил стигийские корабли — я и мои черные корсары!

— Во имя Митры, довольно! — взмолился Публио. — Я ничего не забыл. Скажи лучше, что ты здесь делаешь? Я — единственный на весь Аргос, кто знает, что король Аквилонии был когда-то Конаном-пиратом. Потом до нас дошли вести о завоевании Аквилонии и гибели короля...

— Если верить слухам, враги уже сотню раз меня убивали, — проворчал Конан. — Однако вот он я, сижу живехонек и лакаю кирросское вино... — Кувшин вновь оказался у его губ. Почти опустошив его, Конан сказал: — Я уже говорил, что не потребую от тебя слишком многого, Публио. Мне известно, что ты знаешь обо всем, происходящем в Мессантии. Так вот, я хочу выведать, нет ли в городе зингарца по имени Белосо, или как еще там он себя теперь называет. Он высокий, тощий и смуглый, как все его племя. Вероятно также, что он хочет продать некий редкостный камень.

Публио покачал головой:

— Не видал такого и даже не слышал. Но через Мессантию проходят тысячи людей, и, если он здесь, мои люди скоро его обнаружат.

— Отлично. Вот и пошли их, пускай ищут. А пока пусть твои слуги позаботятся о моем коне да принесут мне поесть сюда, в эту комнату.

Публио многословно обещал тотчас все исполнить. Конан допил вино, небрежно отбросил кувшин в угол и подошел к ближайшему окну, невольно расправляя грудь навстречу соленому ветру. Внизу расстилался лабиринт припортовых улочек. Конан оценивающе оглядел корабли, что стояли в гавани. Потом откинул голову, и взгляд его устремился прочь от берега, в синюю даль, где сходились море и небо. Его память уже летела за горизонт, к золотым морям юга, к пламенеющему солнцу, под которым не существовало законов. Случайный запах пряности будил воспоминания о чужих берегах, где росли мангры и гремели барабаны... о кораблях, сцепившихся абордажными крючьями... палубы в крови, дым и пламя, крики дерущихся...

Задумавшись, он даже не обернулся, когда Публио потихоньку вышел из комнаты.

Подобрав шелковые одежды, купец чуть не бегом поспешил по коридору и наконец вошел в комнату, где склонился над пергаментом высокий, худой человек со шрамом на виске. Было, однако, в этом человеке нечто столь мирному занятию не соответствующее.

— Конан вернулся! — безо всяких предисловий выдохнул Публио.

— Конан? — Человек рывком вскинул голову, перо выпало из руки: — Тот самый корсар?

— Да!

Смертельная бледность залила впалые щеки.

— Он что, свихнулся? Если его обнаружат, мы пропали! На виселице очутится и корсар, и все, кто его укрывал или торговал с ним! Что, если правитель дознается о наших прежних с ним связях?

— Не дознается, — зловеще ответил Публио. — Пошли своих людей в порт и на рынки. Пускай разведают, нет ли в Мессантии зингарца по имени Белосо. Конан говорит, у того при себе драгоценный камень, который он не прочь

бы продать. Значит, можно будет выяснить у ювелиров. И вот еще что. Подбери с дюжину отчаянных негодяев, притом таких, которые, убрав человека, не станут потом трепать языками. Понял?

— Понял. — Человек со шрамом медленно и очень серьезно кивнул.

— Не затем я крал, изворачивался и обманывал, выбираясь с обочины жизни, чтобы призрак явился из прошлого и все пустил насмарку! — пробормотал Публио, и его лицо сделалось таким угрожающе-мрачным, что богатые вельможи и дамы, покупавшие жемчуг и шелка в его многочисленных лавках, немало удивились бы, доведись им лицезреть его в этот момент. Но когда спустя краткое время он вернулся к Конану и своими руками поставил перед ним большое блюдо с мясом и фруктами, незваный гость не увидел на его лице ничего, кроме доброжелательства.

Конан все еще стоял у окна, разглядывая пурпурные, малиновые, темно-красные, алые паруса галеонов, галер, каракк и дромонов.

— Если я еще не ослеп, вон та галера — стигийская, — заметил он, указывая на длинное, узкое, стройное черное судно, стоявшее на якоре поодаль от остальных, у широкого песчаного пляжа, плавной дугой убегавшего к далекому мысу. — Стало быть, между Стигией и Аргосом нынче мир?

— Так и раньше случалось, — ответил Публио и поставил блюдо на стол, не сдержав вздоха облегчения: тяжесть была порядочная, ибо он давно знал своего гостя. — Стигийские порты, — продолжал он, — временно открыты для наших судов, а наши — для их. Но не допусти Митра, чтобы какому-нибудь моему кораблю довелось встретиться в открытом море с одной из этих проклятых галер! Та, что стоит там на якоре, прибыла в порт нынешней ночью. Что здесь нужно ее хозяевам, понятия не имею. Покамест они ничего не продавали и не покупали. Ох, не верю я этим дьяволам смуглокожим! Если есть родина у предательства, так уж, верно, в их земле оно родилось!

— В свое время я их заставил повыть, — небрежно бросил Конан, отворачиваясь от окна. — Помнится, как-то моя галера с командой сплошь из черных корсаров подкралась ночью к самым бастионам омываемых морем замков Кеми — города с черными стенами... Мы пожгли тогда все галеоны, стоявшие в гавани. А что касается предательства... не в службу, а в дружбу, любезный хозяин, отведай-ка

этих яств да пригуби вина, просто ради того, чтобы я знал, с какой стороны у тебя сердце!

Публио повиновался с такой готовностью, что подозрения Конана немедленно улеглись. Усевшись, он без дальнейших раздумий принялся расправляться с едой, которой хватило бы на троих.

Он еще ел, а по рынкам и набережным Мессантии уже засновали люди. Они искали зингарца, продающего дорогой камень или стремящегося на корабль, который идет в далекие страны. А высокий человек со шрамом на виске сидел, положив локти на пятнистый от вина стол в гнусном погребке, озаренном единственным латунным светильником, свисавшим с продымленной балки над головами. Человек вел беседу с десятью отпетыми мерзавцами, чьи рожи и лохмотья говорили сами за себя.

А когда засияли первые звезды, их лучи осветили четверку весьма странных всадников, скакавших в Мессантию с запада по белой дороге. Рослые, изможденные, они были одеты в черные одежды с капюшонами. Они не разговаривали друг с другом и лишь безжалостно погоняли коней, столь же тощих, как всадники, и вконец измотанных долгим путешествием и бешеной скачкой...

Глава 14

ЧЕРНАЯ ЛАДОНЬ СЭТА

Конан пробудился от крепкого сна мгновенно и полностью, точно кот. И по-кошачьи вскочил на ноги, выхватив меч, еще прежде, чем коснувшийся его человек успел хотя бы отшатнуться.

— Какие новости, Публио? — спросил Конан, узнав хозяина дома. Золотой светильник мягко освещал толстые занавеси и богатые покрывала дивана, где только что отдыхал Конан.

Публио оправился от испуга, вызванного столь бурным пробуждением его грозного гостя.

— Зингарца нашли, — доложил он Конану. — Приехал вчера на рассвете. Несколько часов назад он пытался продать шемитскому купцу большой, необычного вида камень, но шемит не пожелал с ним связываться. Люди говорят,

даже сквозь черную бороду было видно, как он побледнел, когда увидел драгоценность. Закрыл лавку и удрал, точно от нечистого духа!

— Похоже, это вправду Белосо, — пробормотал Конан, чувствуя, как кровь быстрее побежала по жилам от нетерпения. — Ну, так где он сейчас?

— Спит у Сервио в доме.

— Этот крысиный угол я хорошо помню, — буркнул Конан. — Надо спешить, пока какой-нибудь портовый воришка не перерезал ему глотку, позарившись на камень...

Взяв свой плащ, он накинул его на плечи, потом надел шлем, добытый для него Публио.

— Пусть мой конь ждет под седлом во дворе, — велел он купцу. — Не исключено, что мне придется спешно отбыть. И я не позабуду того, что ты для меня нынче сделал, Публио.

Через несколько минут Публио стоял у задней двери дома и смотрел в спину королю, удалявшемуся по темной улице.

— Прощай, корсар, — тихо приговаривал торговец. — Должно быть, этот камень стоит того, чтобы за ним охотился человек, только что утративший королевство. Да, надо было наказать моим молодцам, чтобы сперва дали ему завладеть безделушкой... Хотя, с другой стороны, из-за этого что-нибудь могло и сорваться... Нет уж, пускай Аргос окончательно забудет, кто такой Амра, а там пыль забвения покроет и мои прежние делишки. Очень скоро и не далее как в переулке за домом Сервио Конан перестанет быть для меня угрозой!

Дом Сервио — отвратительная конура с еще более отвратительной репутацией — стоял рядом с набережной, у самой воды. Неуклюжее строение было сложено из камня и толстых корабельных балок. К нему вел узкий загаженный переулок. Пройдя его почти весь, у самого дома Конан ощутил за собой слежку. Пристально вглядывался он в густые потемки между облезлыми постройками, но так ничего и не разглядел. Лишь однажды его слуха коснулся невнятный шорох одежды. Что ж, ничего необычного: по ночам в переулках кишели воры и нищие. Вряд ли они решатся напасть. Это люди опытные — им хватит одного взгляда на рослого вооруженного незнакомца...

Тут впереди распахнулась какая-то дверь, и Конан поспешно укрылся в тени под аркой. Кто-то вышел из двери

и двинулся переулком, не то чтобы крадучись — скорее, с врожденной бесшумностью хищника джунглей. Когда же этот человек проходил мимо подворотни, где прятался Конан, бледный свет звезд очертил его профиль. Стигиец! Даже в потемках невозможно было не признать ястребиные черты, бритую голову и плащ, накинутый на широкие плечи. Стигиец шел к берегу, и в какой-то миг Конану показалось, будто он прятал под одеждой фонарь — во всяком случае, Конан успел уловить отблеск света, когда человек уже исчезал за углом.

Но киммериец тотчас позабыл о нечаянной встрече, приметив, что дверь, из которой тот появился, так и осталась раскрытой. Вообще говоря, Конан собирался войти в дом с парадного входа и силой принудить Сервио показать ему комнату, где спал зингарец. Но если предоставился случай проникнуть внутрь, не привлекая ничьего внимания, грех им не воспользоваться!

Несколько быстрых шагов — и Конан был уже у двери. Коснулся рукой замка... и едва сдержал восклицание. Его пальцы, чуткие пальцы бывалого заморийского вора, тотчас ощутили, что замок был взломан. Какая-то жуткая сила высадила его ударом извне, погнув тяжелый запор и расшатав самые петли. Конан не представлял себе, как можно проделать подобное, не переполошив весь квартал. И тем не менее он был уверен, что взломщик орудовал здесь нынешней же ночью. Привыкнув жить среди воров и головорезов, Сервио ни за что не оставил бы сломанный замок без починки!

Конан вошел крадучись, держа кинжал наготове и соображая, каким образом он станет разыскивать комнату Белосо. Начал было шарить в кромешном мраке... и замер. Он почуял в комнате смерть, как чует ее дикое животное. Нет, самому ему смерть не грозила. Просто где-то рядом лежало мертвое — только что убитое — тело. Конан отдернул ногу, коснувшуюся податливой плоти. Предчувствие заставило его ощупью разыскать стенную полочку и на ней — латунную лампу, рядом с которой лежали трут, кремень и кресало. Несколько мгновений — вспыхнул трепещущий огонек, и Конан смог оглядеться.

Деревянный лежак возле грубой каменной стены, голый стол и единственная скамья — другого убранства в убогой комнатке не было. Внутренняя дверь была заперта на все замки и засовы. А на утоптанном земляном полу лежал Белосо.

Лежал, запрокинув голову, и, казалось, внимательно созерцал прокопченный, обросший паутинами потолок. Зубы зингарца щерились в застывшем оскале. Рядом валялся меч, так и не вынутый из ножен. Рубаха Белосо была разорвана, а на коричневой мускулистой груди виднелся черный отпечаток пятерни. Каждый палец был отчетливо различим...

Конан молча смотрел на него, чувствуя, как сзади на шее встают дыбом тонкие волоски.

— Кром!... — вырвалось у него. — Черная ладонь Сэта!

Ему приходилось видеть такие следы, следы смертоносных прикосновений жрецов Сэта, чей мрачный культ процветал в таинственной Стигии. И тут-то он вспомнил вспышку странного света из-под плаща вышедшего из этой самой двери стигийца.

— Во имя Крома, это было Сердце! — пробормотал Конан. — Так вот что он прятал за пазухой! Это жрец Сэта: он магией выломал дверь и убил Белосо, чтобы завладеть Сердцем!

Быстрый осмотр подтвердил по крайней мере часть его выводов. Камень у зингарца действительно похитили. Конан не мог отделаться от мысли, что за цепью кажущихся случайностей проглядывал умысел. И даже таинственная стигийская галера пришла в порт не просто так, но с вполне определенной целью. Откуда было жрецам Сэта знать, что Сердце прибыло на юг?.. Впрочем, это выглядело не более невероятным, чем прикосновение ладони, способное уложить наповал вооруженного мужчину...

Осторожные шаги снаружи заставили его оглянуться. В один миг потушил он лампу и выхватил меч. Слух говорил ему, что оттуда, из темноты, подкрадываются люди, и точно: когда глаза привыкли к неожиданной темноте, в дверном проеме замаячили какие-то фигуры, обступившие вход. Кто это такие, Конану оставалось только догадываться. Тем не менее он поспешил перехватить инициативу и внезапным прыжком вылетел за порог, не дожидаясь, пока они нападут.

Он застал головорезов врасплох. Он услышал и почувствовал, как с разных сторон на него кинулись люди, разглядел перед собой какого-то типа в маске и обрушил на него меч. Убийцы, как оказалось, и соображали, и действовали куда медленнее киммерийца: Конан вырвался из кольца и убежал переулком, прежде чем кто-либо успел его задержать.

На бегу он услышал негромкое поскрипывание уключин, донесшееся откуда-то спереди, и разом позабыл о

возможной погоне. От берега отчаливала лодка! Конан скрипнул зубами и помчался вдвое быстрей, но тщетно. Еще не достигнув набережной, он различил плеск воды и шорох весел отходящего корабля...

Звезды притаились в тяжелых тучах, катившихся с моря. Конан опрометью вылетел на берег. Перед ним колыхались черные волны, и что-то удалялось во тьму — длинный, низкий, стремительный силуэт. Черная галера набирала скорость. Равномерно вздымались и падали длинные весла... Уходила галера и уносила с собой камень, который означал для Конана трон Аквилонии.

Яростно выругавшись, Конан шагнул навстречу волнам, вкатывавшимся на мокрый песок: долой кольчугу, скорее плыть следом за кораблем... Но сзади скрипнул песок, выдавая чье-то присутствие, и Конан обернулся. Он успел позабыть о напавших на него убийцах.

Снова темные силуэты взяли его в кольцо. Первый, кто приблизился, пал под мечом киммерийца, но остальных это не смутило. Клинки замелькали в темноте, со скрежетом задевая кольчугу. Жестокий удар снизу вверх — раздался вопль, и прямо на руку Конана хлынула кровь и выпавшие внутренности. Чей-то голос, показавшийся ему смутно знакомым, приглушенно подбадривал нападавших. Конан стал продираться на этот голос. Нападавшие пытались схватить его, осыпали ударами... Тучи ненадолго разошлись, и Конан увидел высокого, худощавого человека с длинным мертвенно-белым шрамом на виске. Мгновенный прыжок — и меч Конана расколол его череп, словно перезрелую дыню.

Чей-то топор, занесенный вслепую, обрушился на шлем короля так, что искры посыпались из глаз. Он пригнулся и сделал выпад, и предсмертный вопль был ему наградой. Но тут же Конан сам потерял равновесие, споткнувшись о труп, и удар дубинки сшиб помятый шлем с его головы. Следующий удар пришелся прямо по незащищенному черепу...

— Срубим ему голову, — предложил кто-то.

— Не стоит, — ответил другой голос. — С раскроенной башкой не живут. Прилив его унесет... Помогите-ка лучше мне перевязать раны, пока я тут кровью не истек!

— Надо раздеть его, — сказал третий. — Кольчугу можно будет продать за пару монет. И поторопимся! Тиберио мертв, а сюда идут матросы: слышите, как поют? Давайте-ка сматываться!

Началась поспешная возня в темноте, потом прошуршали удаляющиеся шаги. Пьяные голоса, оравшие матросскую песню, раздавались все ближе...

Публио нервно ходил туда и сюда по своей комнате, выходившей окнами на порт, погруженный во тьму, когда что-то заставило его оглянуться. Он хорошо помнил — дверь была заперта изнутри, но что это? Она распахнулась настежь, и в комнату друг за другом входили четверо. При виде их Публио покрылся гусиной кожей. Он видел на своем веку немало страшных созданий, но таких — еще никогда. Они были рослыми, тощими, в черных одеждах, под капюшонами смутно угадывались желтые лица. Публио не мог разглядеть их черты, да в глубине души и не хотел к ним присматриваться. У каждого был в руке длинный посох, испещренный странным рисунком...

— Кто вы? — спросил Публио, и голос сорвался. — Что вам здесь нужно?

— Где Конан, прежний король Аквилонии? — вопросом на вопрос ответил самый высокий. Его бесстрастный глухой голос заставил Публио содрогнуться. Так звонили колокола в храмах Кхитая...

— Я н-не знаю, о к-ком вы говорите... — начал заикаться купец. Всегдашняя выдержка изменила ему, уж слишком страшны были неожиданные гости. — Я не знаю его!

— Он был здесь, — ровным голосом промолвил кхитаец. — Во дворе стоит его конь. Скажи, где он, и не вынуждай нас причинять тебе вред.

— Гебал! — отчаянно завопил Публио, отступая перед ними и прижимаясь к стене. — Гебал!..

Четверо смотрели на него так же невозмутимо.

— Если ты позовешь раба, он умрет, — предупредил один из них, но это лишь перепугало Публио еще больше.

— Гебал! — кричал он. — Проклятье, Гебал, где ты? Твоего хозяина убивают грабители!..

Быстрые шаги раздались в коридоре, и в комнату ворвался Гебал — невысокий, но невероятно мускулистый шемит. Он держал в руке меч с клинком, похожим на длинный лист, курчавая иссиня-черная борода воинственно топорщилась. Гебал уставился на четверых пришельцев в туповатом недоумении. Откуда они здесь появились? Потом он смутно припомнил, как сон ненадолго сморил

его прямо на лестнице, которую ему было велено охранять: наверное, вот тогда-то они и прошли. Никогда прежде он не засыпал на посту... Хозяин истерически кричал, указывая на чужаков. Гебал по-бычьи пригнул голову и ринулся вперед. Мускулистая рука взвилась в смертельном замахе... но удара так и не нанесла.

Навстречу Гебалу метнулась из широкого черного рукава другая рука — тонкая, желтокожая. Длинный посох коснулся могучей груди шемита и тотчас отдернулся. Удар его был до жути похож на бросок ядовитой змеи.

И точно незримая стена остановила Гебала: он замер посередине разбега, голова поникла на грудь, пальцы выпустили меч... и шемит поник на пол так, словно в его теле разом растворились все кости. Публио вырвало.

— Не зови больше никого, — посоветовал рослый кхитаец. — Твои слуги крепко спят, но если ты их разбудишь, они умрут и с ними — ты сам. Где Конан?

— Он пошел к дому Сервио, что у набережных. Он разыскивает зингарца Белосо, — выдохнул Публио, разом лишившийся присутствия духа. Купец не был трусом, но эта четверка вселяла в него неописуемый ужас. Он вздрогнул всем телом, заслышав на лестнице торопливые шаги, неестественно громкие в зловещей тишине, окутавшей дом.

— Еще слуга? — спросил кхитаец.

Публио молча замотал головой: язык не повиновался ему.

Один из кхитайцев сдернул с дивана шелковое покрывало и набросил на труп, и все четверо скрылись за стенной занавесью, лишь вожак, обернувшись, приказал:

— Поговори с идущим сюда и побыстрее отошли его прочь. Если выдашь нас, ни ты, ни он живыми отсюда не выйдете. Не вздумай даже знаком показать ему, что ты не один!

Погрозил посохом — и исчез.

Публио задохнулся, с трудом подавляя новый приступ тошноты. Быть может, всему виной освещение, но ему упорно казалось, будто посохи порой шевелились сами по себе, ни дать ни взять наделенные какой-то чудовищной жизнью...

Кое-как взяв себя в руки, Публио сумел спокойно встретить оборванного негодяя, влетевшего в комнату.

— Дело сделано, господин! — громко объявил головорез. — Варвар валяется мертвым на песке у края воды.

Публио уловил спиной некое движение за шпалерой и от ужаса едва не умер на месте. Наемный убийца ничего не заметил.

— Твой секретарь Тиберио погиб, — продолжал он. — Кроме него, варвар зарубил еще четверых. Мы унесли их тела. При варваре не было ничего ценного, лишь несколько серебряных монет. Какие будут приказания, господин?

— Никаких! — белыми губами выдохнул Публио. — Убирайся!

И негодяй с поклоном поспешил прочь, удивляясь про себя тому, как немногословен Публио и какой у него, оказывается, слабый желудок.

Четверо кхитайцев вышли из-за шпалеры.

— О ком говорил этот человек? — спросил рослый предводитель.

— О чужестранце, который мне навредил, — выдавил Публио.

— Лжешь, — спокойно ответил кхитаец. — Я вижу по твоему лицу, что речь шла о короле Аквилонии. Сядь на диван, не двигайся и молчи. Я побуду здесь, а трое моих товарищей пойдут искать труп.

Публио сел и трясся от страха, поглядывая на своего безмолвного стража, пока не вернулись остальные трое и не сообщили, что тела Конана нигде не видать. Публио не знал, горевать ему или радоваться.

— Мы нашли место, где они дрались, — сказал один из троих. — Песок в крови, но короля там нет.

Четвертый принялся чертить своим посохом какие-то символы на ковре. При свете лампы Публио примерещилась на посохе блестящая чешуя...

— Вы прочли что-нибудь на песке? — спросил предводитель.

— О да, — был ответ. — Король жив. Он отплыл на корабле, идущем на юг.

Высокий кхитаец поднял голову и посмотрел на Публио, который под его пристальным взглядом начал обильно потеть.

— Чего вы от меня хотите? — пробормотал он запинаясь.

— Нам нужен корабль, — ответил кхитаец. — Корабль с командой, пригодной для дальнего путешествия.

— Насколько дальнего? — спросил Публио. Ему и в голову не пришло отказать.

— Может статься, до края Вселенной, — сказал кхитаец. — До расплавленных морей Преисподней, кипящих за чертою рассвета!

Глава 15

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРСАРА

Когда начало проясняться сознание, Конан первым делом почувствовал движение. И ощутил, что лежал не на тверди: что-то размеренно вздымалось и опускалось под ним. Потом он услышал, как гудел ветер в снастях, и, еще не открывая глаз, понял, что находится на корабле. Слышалось неразборчивое бормотание чьих-то голосов. Конана окатили водой, отчего разум очистился полностью и мгновенно. Выругавшись, киммериец вскочил и свирепо огляделся кругом. Его встретил взрыв грубого хохота; пахло давно не мытыми человеческими телами.

Он стоял на кормовой палубе длинной галеры, шедшей под парусом. Северный ветер туго наполнял широкое полосатое полотнище. Солнце только-только вставало, мир вокруг переливался золотом, зеленью и синью. По левому борту смутной лиловой тенью виднелся берег. Справа простирался открытый океан. Все это Конан охватил первым же взглядом, хотя больше всего его интересовал, конечно, корабль.

Это было типичное торговое судно южных побережий: узкое, длинное, с высоко поднятым носом и такой же кормой, с каютами на обоих концах. Конан поглядел на открытый промежуток между палубами, откуда и поднималась тошнотворная, отвратительная вонь. Запах этот был ему знаком давно: запах гребцов, прикованных к скамьям. Их там сидело человек по сорок с каждой стороны, все — негры. Каждый был перехвачен поперек тела цепью, прикрепленной к толстому кольцу в продольном брусе, уложенном от одной палубы до другой. Конан знал: жизнь раба-гребца на аргосской галере была пострашнее всякого ада...

Корабль ходко шел по ветру, и негры отдыхали от гребли. Большинство их было из страны Куш. Но около тридцати чернокожих, чьи глаза были с праздным любопытством устремлены на новичка, явно вели свой род с далеких островов Юга, исконного гнезда корсаров. Конан сразу отметил и выделил их стройные, мускулистые тела и правильные черты лиц. И даже узнал несколько человек: эти люди следовали за ним в прежние времена.

Конан оглядел море, корабль и гребцов в один миг, гораздо быстрее, чем можно про то рассказать. И повер-

нулся к морякам, стоящим вокруг. Теперь он крепко стоял на широко расставленных ногах, кулаки его гневно сжимались. Матрос, окативший его, нагло ухмылялся, держа в руках ведро. Конан выругался и непроизвольно потянулся к мечу. Оказалось, однако, что он был безоружен и почти гол, если не считать кожаных коротких штанов.

— Что это за вшивая лохань? — рявкнул он. — И как я сюда попал?

Моряки — все как один коренастые бородатые аргосцы — вновь разразились хохотом. Один из них, в ком властные повадки и важный вид выдавали капитана, сложил на груди руки и высокомерно ответил:

— Мы нашли тебя валяющимся на песке. Кто-то треснул тебя по черепу и раздел. Мы решили взять тебя на корабль, потому что у нас не хватает матроса.

— Что это за корабль? — повторил Конан.

— «Смельчак» из Мессантии, с грузом зеркал, шелковых плащей, щитов, мечей и позолоченных шлемов. Собираемся продать все это шемитам за медную и золотую руду. А я — Деметрио, капитан корабля и твой хозяин отныне!

— Ладно, и мне примерно туда же, — пробормотал Конан, пропустив мимо ушей последнее замечание капитана. Корабль быстро шел к югу, следуя плавному изгибу аргосского побережья. Торговые корабли никогда не отваживались уходить от берега далеко. И где-то там, впереди, летела на юг черная галера стигийцев...

— Не попадалась ли вам на глаза стигийская галера... — начал было Конан, но капитан, дородный мужчина с грубой физиономией, возмущенно выпятил бороду: с какой это стати он должен был отвечать на вопросы какого-то пленника? В самом деле, пора поставить нахального оборванца на место!

— А ну, за работу! — взревел он. — Скажи спасибо, что я вообще на тебя время потратил! Я и так оказал тебе слишком много чести, пригласив на ют для знакомства, да еще и отвечал на твои дурацкие вопросы! Живо марш отсюда — и за работу, если хочешь отработать проезд!

— Да я куплю твое корыто... — начал Конан и осекся, вспомнив, что здесь он всего лишь нищий босяк. Но слова его были услышаны: матросы грубо заржали, капитан же побагровел, усмотрев в происходящем насмешку над своей драгоценной персоной.

— Что? Бунтовать, свинья?.. — зарычал он, угрожающе шагнув вперед и хватаясь за поясной нож. — За работу, пока я не приказал тебя выпороть! Да придержи свой поганый язык, не то, клянусь Митрой, тебя посадят на весло и прикуют среди черномазых!

Долготерпением Конан не отличался никогда. И никто из тех, кто осмеливался говорить с ним таким тоном, не оставался в живых — даже в те времена, когда Конан еще не был королем.

— Заткнись, паскуда! — рявкнул он, и голос его был подобен гулу свирепого шторма. Онемевшие моряки изумленно разинули рты. — Только попробуй вынуть из ножен эту игрушку, — продолжал Конан, — и я скормлю тебя рыбам!

— Да что ты из себя корчишь, ты?.. — вырвалось у капитана.

— Сейчас увидишь! — И взбешенный киммериец прыгнул к козлам, где висело оружие.

Капитан выхватил нож и с ревом кинулся наперерез, но ударить не успел — Конан перехватил его руку и одним рывком выдернул плечо из сустава. Капитан завопил от боли и кувырком покатился по палубе, ибо киммериец пренебрежительно отшвырнул его прочь. Схватив тяжелый топор, Конан мгновенно обернулся навстречу подоспевшим матросам. Они обложили его, точно неуклюжие псы, между тем как сам он был сродни разъяренной пантере. Они едва успели замахнуться ножами, когда Конан снова прыгнул вперед и, оказавшись в самой их гуще, принялся раздавать удары с такой скоростью, что глаз не успевал уследить. Хлынула кровь, разлетелись мозги... два трупа повалились на палубу.

Ножи полосовали пустое место. Вырвавшись из толпы, Конан взлетел на узкий мостик, тянувшийся с кормы на нос над головами гребцов. Команда, обозленная и напуганная смертью товарищей, с оружием в руках подступала к нему сзади и спереди.

Взмахнув топором, Конан вгляделся в обращенные к нему черные лица. Ветер развевал его густые волосы.

— Кто я такой? — прокричал он. — Протрите глаза, недоноски! Эй вы, Айонга, Ясунга, Ларанга! Кто я такой?

И снизу раздался ответный крик, тотчас перешедший в ликующий рев:

— Амра! Это Амра!.. Лев возвратился!..

Матросня тоже услышала и поняла этот крик и подалась назад, белея от страха. Неужто стоявший перед ними белокожий дикарь — и вправду тот самый ужас южных морей, что так таинственно исчез много лет назад, оставшись лишь в кровавых легендах?.. Тем временем черные гребцы положительно сходили с ума: дружно гремя цепями и силясь их разорвать, они с пеной у рта выкрикивали имя Амры, как заклинание. Даже кушиты, никогда прежде не видавшие Конана, подхватили крик. Рабы, занертые под кормовой палубой, с воплями колошматили в переборку.

Деметрио привстал на колени, упираясь в палубу здоровой рукой. Вывихнутое плечо причиняло ему жестокую боль.

— Вперед! — завизжал он. — Убейте его, дурачье, пока не расковались рабы!..

Это было поистине самое страшное, что может произойти на галере. Моряков точно подстегнули. С обеих сторон хлынули они на мостик... но Конан был для них слишком быстр. Львиным прыжком кинулся он вниз и по-кошачьи встал на ноги в проходе между скамьями гребцов.

— Смерть хозяевам!.. — загремел его голос. Взвился топор и, обрушившись на ближайшую цепь, разрубил ее, точно гнилушку. Освобожденный невольник с криком вскочил и принялся ломать весло, превращая его в дубину. Матросы суматошно метались по мостику, но остановить безумие рабов было уже превыше их сил. Секира Конана взлетала и падала без перерыва, круша цепь за цепью, и каждый взмах освобождал чернокожего великана, ревущего от ненависти, жажды мести и упоения возвращенной свободой.

Моряки, которые спрыгнули вниз с намерением прикончить Конана или по крайней мере задержать его, были тут же схвачены и разорваны рабами, еще сидевшими на цепи. А те, что уже были освобождены, ринулись вверх безумным черным потоком, вопя, точно стадо демонов. Обрывками цепей и обломками весел крушили они перед собой все живое, пуская в ход и ногти, и зубы. В самый разгар схватки невольники, запертые под кормовой палубой, сломали наконец переборку и вырвались наружу. Освободив с полсотни гребцов, Конан снова выскочил на мостик, и к дубинам негров добавился его иззубренный о железо топор.

Бой скоро превратился в резню. Аргосские моряки были сильны и бесстрашны, как все, прошедшие жестокую морскую школу. Но что они могли поделать против могучих разъяренных рабов, ведомых гигантом варваром, похожим

на тигра? Долгие годы страданий и унижений требовали кровавой отплаты... Смертоносный вихрь бушевал по всему кораблю... Когда же он улегся, на палубе «Смельчака» стоял один-единственный белый человек. Обезумевшие от радости негры бросались перед ним ниц и бились головами об окровавленные доски, готовые почитать его, как божество.

Конан еще тяжело дышал после битвы, пот тек по могучей груди, а с лезвия топора, зажатого в мускулистой руке, падали густые красные капли. Откинув за спину гриву черных волос, он озирался, точно какой-нибудь первобытный вождь, возглавивший пещерное племя на самой заре времен. В этот миг он не был королем Аквилонии — он снова стал вожаком черных корсаров, прорубившим себе путь наверх сквозь пламя и кровь...

— Амра! Амра! — распевали, точно молясь, уцелевшие негры. — Лев возвратился! Теперь стигийцы завоют, точно собаки в ночи, и черные псы Куша станут вторить их вою! Пламя охватит деревни, пойдут на дно корабли! Ойя!... Заплачут женщины, загремят копья...

— Довольно тявкать, дворняги! — Голос Конана перекрыл хлопанье паруса. — Десять человек — вниз, освободите тех, кто еще прикован. Остальные — на весла, к шкотам и фалам! Во имя дьяволов Крома! Вы что, не видите, что нас отнесло к берегу, пока дрались? Хотите сесть на мель и снова попасть в руки аргосцам? Мертвецов — за борт! Да шевелитесь, бездельники, если шкура вам дорога!

Со смехом, воплями и дикими песнями кинулись негры исполнять приказание Амры. Мертвые тела, белые и черные, полетели в воду, где уже резали волны треугольные плавники...

И вот Конан стоял на корме, сложив на груди могучие загорелые руки и хмуро глядя на негров, ожидавших дальнейших распоряжений. Ветер трепал его волосы, отросшие за время странствий. Мало кто из аквилонских придворных узнал бы своего короля в этом диком и свирепом корсаре — диком и свирепом даже по меркам пиратов...

Наконец он возвысил голос:

— В трюме полно еды и оружия — этот корабль вез мечи и шлемы шемитам, торгующим на побережье. Нас здесь достаточно — хватит и для сражений, и для того, чтобы управиться с кораблем. Вы гребли в цепях для аргосских собак — станете ли грести для Амры свободными?

— Да!.. — слитно вырвалось из десятков глоток. — Мы — твои дети! Веди нас, куда пожелаешь!..

— Тогда — за дело! — приказал Конан. — Вымыть нижнюю палубу: свободным людям не пристало работать в подобной грязи. Трое — со мной: достанем из кормового трюма еду. Во имя Крома! Еще до конца плавания у вас нарастет на ребрах жирок!

Последовал новый взрыв восторженных воплей. Негры засновали, дружно впрягаясь в работу. Вновь наполнился парус, с гулом выгибаясь под ветром. Ветер свежел — там и сям на волнах закипали пенные гребни. Конан цепко стоял на качавшейся палубе, глубоко дыша соленым воздухом и расправляя могучие плечи. Будет ли он вновь королем Аквилонии — неизвестно. Но вот королем синего океана он был по-прежнему!

Глава 16

ГОРОД ЧЕРНЫХ СТЕН — КЕМИ

«Смельчак» стрелой несся к югу: теперь на его веслах сидели свободные люди, работавшие не за страх, а за совесть. По ходу дела галера превратилась из мирной купеческой в боевую, насколько вообще это было возможно. На курчавых головах гребцов красовались золоченые шлемы, при бедре у каждого висел меч. Вдоль бортов появились щиты, возле мачты лежали наготове копья, луки и стрелы. Казалось, Конану помогали даже стихии. День за днем дул ровный северный ветер и наполнял широкий пурпурный парус; в гребле почти не было нужды.

Конан сутками напролет держал на макушке мачты впередсмотрящего... Однако длинная, узкая, низкобортная галера, торопившаяся к югу где-то там, впереди, так им и не показалась. Вокруг было только пустынное синее море. Рыболовные суда разлетались прочь, как перепуганные птицы, при виде щитов на бортах. Других кораблей не было видно: торговый сезон почти завершился.

Появившийся наконец парус мелькнул на севере, а не на юге. У далекого горизонта возникла быстроходная галера, она мчалась, во всю ширь развернув парус. Но напрасно негры уговаривали Конана перехватить и ограбить

ее — он только покачал головой. На юг, на юг, к стигийским портам спешила стройная черная галера... Вечером, перед самым наступлением темноты, матрос видел быстроходное судно у северного горизонта: на рассвете оно оставалось все там же — далекая темная точка, казалось, повисла у них на хвосте. Конан только гадал, уж не гнались ли за ними, хотя разумному объяснению такая возможность поддавалась с трудом. Впрочем, Конану было наплевать. Чем дальше к югу продвигался «Смельчак», тем жарче делалось снедавшее его нетерпение. Сомнений Конан не ведал. Сердце Аримана похитил жрец Сэта, и это было так же верно, как то, что солнце вставало утром, а садилось вечером. И куда было жрецу Сэта с ним ехать, если не в Стигию?

Чернокожие чувствовали его состояние и, понятия не имея о цели своего вождя, работали так, как никогда не работали под кнутом. Они видели впереди кровь и добычу и были довольны. Мужчины с южных островов не ведали никакого иного занятия; кушиты же, с характерной для них черствостью, рады были грабить собственный народ. Кровное родство для них значило мало. Удачливый вождь и личная выгода — чего еще надо?

Побережье постепенно менялось. Больше не было отвесных утесов, не синели вдали холмы. От самой воды начинались широкие низменные луга, простиравшиеся до горизонта. Здесь было мало гаваней и еще меньше портовых городов. Шемитские города стояли поодаль от берега; там, среди зеленых равнин, уменьшенные расстоянием, вздымались к небу белые зиккураты.

Многочисленные стада бродили по пастбищам. Их охраняли приземистые, широкоплечие всадники в цилиндрических шлемах, с иссиня-черными бородами. Такова была страна Шем — страна городов-государств, каждое из которых насаждало свои собственные законы. Конан знал, что далеко на востоке луга сменялись пустыней, где совсем не было городов — одни шатры кочевнических племен.

Мимо, мимо страны зеленых саванн торопился быстрый корабль, и постепенно берег вновь начал изменяться. Гуще стали пальмовые рощи, появились заросли тамаринда. Потом вдоль моря потянулась сплошная полоса зеленых кустов и деревьев, позади которых высились голые песчаные холмы. К морю бежали речки и ручейки; растительность буйствовала на их влажных берегах.

Наконец галера миновала устье крупной реки, и впереди, у южного горизонта, показались гигантские черные стены и высокие башни. Кеми!.. Река же, впадавшая в море, была не что иное, как Стикс, естественная граница Стигии. Кеми был самым крупным портом и важнейшим стигийским городом тех времен. Король жил в древнем Луксоре, зато в Кеми правило жречество. Впрочем, если верить слухам, главный жрец их темной религии располагался далеко в глубине страны, в таинственном заброшенном городе на берегу мрачного Стикса. Никто не знал, откуда текла эта река. Людям было известно лишь то, что она текла с юга на север целую тысячу миль, потом поворачивала на запад и еще через несколько сот миль изливала свои воды в океан...

Погасив все огни, «Смельчак» глухой ночью прокрался мимо города и еще до рассвета бросил якорь в маленькой бухте несколькими милями южнее. Бухту окружала топь, зеленое кружево мангровых зарослей, путаница пальм и лиан, повсюду кишели змеи и крокодилы. Что ж, зато корабль навряд ли кто обнаружит. Конан хорошо знал эту бухту: здесь он не единожды отсиживался, когда был корсаром.

Пока они шли мимо города, мимо громадных черных бастионов на острых мысах по обе стороны гавани, они видели факелы, горевшие мертвенным светом, а до слуха доносился приглушенный грохот барабанов. В этом порту, не в пример аргосским, не было толкотни кораблей. Власть и величие Стигии зиждились не на флотах. У стигийцев были и купеческие корабли, и боевые галеры, но сухопутная мощь страны далеко превосходила морскую. К тому же большинство кораблей сновало вверх и вниз по течению великой реки, не выходя в море.

Стигийцы были очень древним народом, смуглокожим и непостижимым, безжалостным и могучим. Власть их когда-то простиралась далеко на север, за Стикс, за равнины Шема, охватывая плодородные нагорья, где жили теперь племена Кофа, Офира и Аргоса. В те времена Стигия непосредственно граничила с Ахероном. Но зловещий Ахерон пал, и предки хайборийских народов, варвары в рогатых шлемах и волчьих шкурах, устремились на юг, изгоняя прежних правителей. С тех пор минули тысячи лет, но стигийцы ничего не забыли.

Весь день «Смельчак» стоял на якоре в крохотной бухте, надежно укрытый от посторонних глаз живыми стенами

зелени. В путанице ветвей прихотливо переплетались лианы, мелькали ярко оперенные, звонкоголосые птицы, пробирались не менее яркие, но молчаливые змеи. Ближе к вечеру спустили и отправили вдоль берега маленькую лодку. Конан велел своим людям поймать какого-нибудь стигийского рыбака, вышедшего в море на своей плоскодонке, и добыча вскоре попалась.

Негры втащили на палубу «Смельчака» высокого, стройного, смуглого малого, серого от страха перед похитителями, которых все побережье почитало за людоедов. Он был почти наг, если не считать шелковых штанов: в Стигии, как и в Гиркании, шелк носили даже простолюдины и рабы. В лодке нашелся еще широкий плащ из тех, что рыбаки накидывают на плечи, спасаясь от ночной прохлады.

Бедняга повалился перед Конаном на колени, ожидая пыток и смерти...

— Вставай, парень, и хватит трястись, — нетерпеливо проговорил киммериец, не в силах понять его беспричинного страха. — Никто не тронет тебя. Скажи только: не возвращалась ли в последние дни из Аргоса такая черная быстроходная галера?

— Да, господин, — ответил рыбак. — Вчера на рассвете из далекого плавания на север возвратился жрец Тутотмес. Люди говорят, он ездил в Мессантию...

— Что же он привез из Мессантии?

— О, господин, откуда мне знать...

— А зачем он ездил в Мессантию, не знаешь? — допытывался Конан.

— Не гневайся, господин, я всего лишь бедный рыбак... Кто я такой, чтобы постичь замыслы служителей Сэта? Я способен говорить лишь о том, что видел сам или слышал на пристани. Поговаривают, будто с севера к нам дошли немыслимой важности новости... хотя какие именно, помилуй, не знаю... и господин Тутотмес тотчас же со всей поспешностью велел снарядить свою черную галеру. И вот он вернулся, но что он делал в Аргосе и какой груз доставил оттуда с собой — неведомо никому, даже морякам с галеры. Еще говорят, будто он разошелся с Тот-Амоном, верховным жрецом Сэта, живущим в Луксоре... По слухам, Тутотмес ищет тайных познаний, стремясь низложить Величайшего. Но кто я таков, чтобы судить? Когда ссорятся жрецы, простому смертному вроде меня остается лишь пасть ниц и надеяться, что ни те, ни другие не втопчут его в пыль...

Конан только фыркнул — такая рабская философия до глубины души его возмущала — и повернулся к своим молодцам:

— Я отправляюсь в Кеми, разыскивать этого воришку Тутотмеса. Я пойду один. Рыбака посадить под замок, но не трогать... Во имя дьяволов Крома, да прекратите же этот вой! Вы что, воображаете, будто мы прямо так войдем в гавань и возьмем город штурмом? Нет, лучше будет, если я отправлюсь один.

Отмахиваясь от возражений, он скинул одежду и облачился в шелковые штаны и сандалии, позаимствованные у пленника. Он взял даже его головную повязку, презрев лишь короткий нож рыбака. Стигийским простолюдинам носить оружие не дозволялось, накидка же была недостаточно просторна, чтобы спрятать под ней длинный меч киммерийца. И Конан пристегнул к поясу гханатский нож — оружие свирепого народа пустыни, жившего южнее стигийцев. Это был широкий, тяжелый, слегка изогнутый клинок из великолепной стали, отточенный, как бритва, и достаточно длинный, чтобы кому угодно выпустить кишки.

Оставив стигийца под охраной корсаров, Конан перебрался через борт и спустился в рыбацкую лодочку.

— Ждите меня до рассвета, — сказал он. — Если к тому времени я не вернусь, значит, не вернусь вообще, а стало быть, можете отправляться на юг, в родные места.

Негры подняли жалобный вой, так что Конан вновь высунул голову над бортом и выругал их, приказав немедля заткнуться. Спрыгнув наконец в лодку, он схватил весла — и крохотная скорлупка полетела по волнам гораздо быстрее, чем когда-либо при прежнем владельце...

Глава 17

«ОН УБИЛ СВЯЩЕННОГО СЫНА СЭТА!»

Гавань Кеми лежала между двумя длинными мысами, далеко вдававшимися в океан. Конан обогнул южный мыс, на котором рукотворным холмом высился черный замок, и вошел в гавань в сумерках. Он подгадал время так, чтобы меркнущий свет дня позволил страже узнать лодочку и накидку рыбака, но лишних деталей рассмотреть не дал.

Никто не остановил Конана, пока он осторожно пробирался между громадными боевыми галерами, что с погашенными огнями в молчании стояли на якорях. Добравшись до широких каменных ступеней, спускавшихся к самой воде, Конан привязал лодку к железному кольцу, оставив ее среди множества других таких же. Никому, кроме рыбака, подобное суденышко все равно не могло пригодиться, а рыбаки друг у друга лодок не угоняли.

Никто не удостоил Конана лишним взглядом, пока он поднимался по длинной лестнице, скромно избегая света факелов, что горели над тихо плескавшей черной водой. Подумаешь, еще один рыбак вернулся ни с чем, посвятив целый день бесплодным трудам в море! Конечно, если бы к нему присмотрелись попристальнее, кто-нибудь мог бы заметить, что шаг его был слишком пружинист, а осанка слишком уверенна и горделива для бедного рыбака. Но Конан держался в тени и быстро покинул причал, а простые стигийцы были горазды на умозаключения нисколько не более, нежели простолюдины иных, менее экзотических племен.

Телосложением Конан отчасти напоминал мужчин из стигийских воинских каст, людей высоких и мускулистых. Его бронзовая, загорелая кожа была почти такой же смуглой, как и у них, а густая черная грива, подстриженная над бровями и схваченная медной полоской, только усиливала сходство. Отличался он разве что походкой, чужеземными чертами лица и, конечно, синими глазами.

Переодевание, однако, оказалось удачным. Конану осталось только держаться в тени да отворачивать голову, когда кто-нибудь из местных подходил к нему слишком близко.

Конан знал, что ведет отчаянную игру и обман рано или поздно будет раскрыт. Слишком несхож был Кеми с портовыми городами хайборийских стран, где кишели представители всех мыслимых рас и народов. Здесь единственными инородцами были рабы — шемиты и негры, на которых он походил еще меньше, чем на стигийцев. В городах Стигии не жаловали чужестранцев, допуская к себе только послов и купцов, приобретших торговую привилегию. Но даже им не разрешалось сходить на берег после наступления темноты...

Конан не заметил в гавани ни одного хайборийского корабля. Зато ощутил, что над городом витало некое смутное беспокойство, некое оживление древних надежд и притязаний, гулял некий шепоток, внятный лишь тем, кто шептал. Конан не особенно понимал, в чем тут дело, но

обостренный инстинкт варвара подсказывал: что-то не так! Держи ухо востро!..

Если его поймают, судьба его будет незавидной. Его могут убить уже за то, что он чужестранец; но если они узнают в нем Амру, предводителя корсаров, огнем и мечом опустошавшего их берега... Конан передернул широкими плечами, содрогнувшись помимо воли. Он не боялся двуногих врагов, не боялся и смерти от рук человека. Но это была черная страна колдовства, обитель безымянного ужаса. Поговаривали, будто сам Сэт, Старый Змей, изгнанный с севера хайборийцами, еще скрывался во тьме таинственных храмов, где у подножия мрачных святынь совершались загадочные и жуткие деяния.

Конан покинул припортовые улицы, ступенчато спускавшиеся к воде, и вступил в полутемные кварталы центральной части Кеми. И опять — ничего похожего на хайборийские города. Здесь и в помине не было яркого сияния светильников и факелов, не было нарядной, смеющейся толпы, которая гуляет по мостовой мимо настежь открытых мастерских и лавок, полных товара.

Здесь все закрывалось с наступлением темноты. Улицы освещались лишь считанными факелами, дымно чадившими на порядочном расстоянии один от другого. Немногочисленные пешеходы молча торопились куда-то: чем позже час, тем меньше их становилось. По мнению Конана, все вокруг выглядело исключительно мрачно и отдавало чем-то нереальным: молчание, необъяснимая спешка... и высоченные черные стены, вздымавшиеся по сторонам улиц. Стигийская архитектура отличалась мрачной громоздкостью; она подавляла человека, производя гнетущее впечатление.

Огней почти не было — только в верхних частях зданий. Конан знал, что большая часть жителей проводила вечера на плоских крышах домов, под звездами, среди пальм своих висячих садов. Откуда-то негромко доносилась странная музыка. Время от времени, рокоча колесами по мостовой, проезжала бронзовая колесница, везущая какого-нибудь вельможу с ястребиным лицом, закутанного в шелковый плащ, с золотым обручем на волосах в виде вздыбившейся змеи. Нагие чернокожие колесничие напрягали узловатые мышцы, с трудом сдерживая свирепых стигийских коней...

Пешеходы же были все больше простолюдины — рабы, блудницы, работники, — и чем дальше, тем реже попадался Конану кто-либо навстречу. Он двигался к храму Сэта, ибо

там, вероятнее всего, можно было разыскать нужного ему жреца. Оставалось надеяться, что он сумеет узнать Тутотмеса, чье лицо всего раз мелькнуло перед ним в полутьме мессантийского переулка. А в том, что это был именно Тутотмес, Конан не сомневался. Лишь маги высокого посвящения, члены пресловутого Черного Круга, наделены были властью «черной руки» — способностью убивать простым прикосновением ладони. И только такой человек решился бы противопоставить себя Тот-Амону, которого западный мир знал лишь по исполненным безотчетного ужаса мифам...

Улица сделалась шире, и Конан понял, что добрался до храмовой части города. Громадные черные здания устремлялись к тускло мерцающим звездам, свет редких факелов придавал им неописуемо мрачный и угрожающий вид. Неожиданно Конан услышал, как на другой стороне улицы и чуть впереди него тихо вскрикнула женщина — нагая куртизанка, чью замысловатую прическу венчал высокий плюмаж, знак ее ремесла. Она пятилась, прижимаясь к стене, и с ужасом смотрела на что-то, еще невидимое для Конана. Заслышав ее крик, немногочисленные пешеходы так и застыли, и в тот же миг Конан расслышал тихое, но весьма зловещее шуршание, доносившееся откуда-то спереди. Потом из-за угла дома, к которому он как раз подходил, появилась омерзительная клиновидная голова, а за ней, виток за витком, поползло чешуйчатое лоснящееся тело.

Киммериец отшатнулся, мигом вспомнив россказни, которых в свое время наслушался, — эти змеи были посвящены Сэту, стигийскому Богу-Змею. В храмах Сэта держали немало подобных чудовищ; когда они чувствовали голод, их выпускали прямо на улицы за добычей. Жуткие змеиные трапезы считались жертвоприношением чешуйчатому Божеству...

Стигийцы, окружившие Конана, — мужчины и женщины — падали на колени, безропотно ожидая своей участи. Сейчас громадная змея изберет среди них одного, чтобы обвить его упругими кольцами, раздавить в кровавое месиво и проглотить, как полоз проглатывает мышь. Другие останутся жить. Это была воля Богов...

Но только не Конана! Между тем питон полз прямо к нему, привлеченный, возможно, тем обстоятельством, что он единственный не спешил преклонить колена. Конан сунул руку под накидку, к ножу, все еще надеясь, что адова тварь минует его. Но змея остановилась прямо перед

ним, собралась в кольца и высоко подняла голову. Взгляд холодных глаз, исполненный древней змеиной жестокости, скрестился со взглядом человека, раздвоенный язык так и мелькал. И вот удав выгнул шею, собираясь ударить, но мгновением раньше Конан выхватил нож и полоснул им со скоростью молнии. Широкое лезвие рассекло клиновидную голову и глубоко врезалось в толстую шею.

Высвободив нож, Конан проворно отскочил прочь, а громадное тело забилось в судорогах, бешено свиваясь и хлеща могучим хвостом. Какое-то мгновение Конан завороженно наблюдал за агонией чудовища, а вокруг было тихо — лишь свистел и гулко бил о камни чешуйчатый хвост...

Но мгновение минуло, и потрясенные свидетели разразились ужасающим криком:

— Святотатство! Он убил священного сына Сэта! Смерть ему! Смерть! Смерть!..

В Конана полетели камни. Обезумевшие стигийцы истерически закричали и бросились на него. Другие выскакивали из домов, присоединяясь к погоне. Выругавшись, Конан со всех ног кинулся в темный переулок. Он бежал, ведомый более чутьем, нежели зрением, а позади слышалось шлепание босых ног по мостовой и яростные крики преследователей, эхом отдававшиеся от каменных стен. Нащупав левой рукой какую-то щель, Конан юркнул туда и оказался в другом переулке, еще более узком. С обеих сторон вздымались гигантские черные стены, лишь высоко над головой виднелась узенькая полоска звездного неба. Конан знал, что стены, между которыми он спрятался, были стенами храмов. Тем временем погоня миновала его — преследователи промчались впотьмах мимо устья переулка, истошные крики понемногу стихли вдали. Конан пошел вперед, хотя перспектива столкнуться в темноте еще с одним «сыном Сэта» вселяла в него невольную дрожь.

Спустя некоторое время впереди возник слабый движущийся отблеск — ни дать ни взять светлячок. Конан остановился и вжался в стену, нащупывая рукоятку ножа. Он знал, что это за свет: ему навстречу, неся факел, шел человек. Вот он приблизился уже настолько, что Конан различил смуглую руку и смутный овал лица. Еще несколько шагов — и человек тоже увидит его. Конан подобрался, точно тигр перед прыжком... но факел внезапно остановился. Пламя осветило дверь. Человек повозился с ней, отворил и вошел. Кромешная темнота вновь поглотила

переулок... Было что-то зловещее в этой смутной фигуре, прокравшейся во тьме переулком и исчезнувшей в потайной двери. Не иначе, это жрец возвращался к себе в храм, исполнив какое-нибудь недоброе поручение!

Конан ощупью добрался до двери. Вслед за первым факелоносцем сюда вполне могли последовать и другие. Убраться назад тем же путем означало хорошую возможность вновь напороться на толпу, от которой он только что удрал. Чего доброго, они еще вернутся, заметят переулок и с воем ринутся на ускользнувшую было жертву... Конану стало не по себе меж этих отвесных, неприступных стен, захотелось выбраться отсюда — даже если выбраться означало проникнуть внутрь одного из неведомых зданий.

Тяжелая бронзовая дверь оказалась не запертой. Приоткрыв ее, Конан заглянул в щель. Перед ним была большая квадратная комната, облицованная все тем же черным камнем. В стенной нише тлел факел. Комната была пуста. Конан проскользнул внутрь и притворил за собой лакированную дверь.

Его обутые в сандалии ноги бесшумно ступали по черному мрамору пола. Заметив впереди еще одну дверь — на сей раз из тикового дерева, — Конан миновал ее и с ножом в руках вступил в огромное полутемное помещение, высокий потолок которого терялся во мраке. Влево и вправо тянулись черные стены, прорезанные арками. Зал освещали бронзовые лампы невиданной формы, едва разгонявшие тьму. Каменными карнизами нависали над головой затененные галереи...

Конан содрогнулся: стало быть, он залез в храм какого-то стигийского Бога — если не самого Сета, то какого-нибудь в том же роде. И в святилище было не пусто. Посреди громадного зала высился черный каменный алтарь — массивный, мрачный, не украшенный даже резьбой, — а на нем, свернувшись, лежала одна из громадных священных змей. Змея не шевелилась, лишь радужные кольца переливались в свете масляных ламп. Конан припомнил, что жрецы якобы опаивали змей время от времени каким-то дурманом. Он нерешительно шагнул вперед... и тотчас шарахнулся обратно, — но не в комнату, из которой только что вышел, а в нишу, завешенную бархатной шторой. Его слуха коснулся звук мягких шагов, раздавшийся где-то вблизи.

Из черной арки появился высокий крепкий мужчина в сандалиях и шелковой набедренной повязке. Широкая на-

кидка окутывала его плечи. Лицо и всю голову скрывала чудовищная маска, в которой были смешаны воедино звериные и человеческие черты. Венчало маску колеблющееся облако страусовых перьев.

В подобных масках стигийские жрецы совершали некоторые ритуалы... Конан очень надеялся, что тот не обнаружит его, но стигийца предостерег какой-то инстинкт. Направившись поначалу к лестнице, он вдруг повернул прямо к нише. Но едва он отдернул бархатную занавесь, как из темноты метнулась рука и, не дав закричать, схватила за глотку и втянула внутрь ниши, где жрец и напоролся на нож.

Дальнейшие действия Конана были подсказаны логикой. Он снял с головы жреца ухмыляющуюся маску и надел ее сам. Прикрыв тело убитого одеянием рыбака, он натянул на могучие плечи жреческую накидку. Судьба подарила ему личину — отчего ж не воспользоваться? Пускай теперь хоть весь Кеми гоняется за святотатцем, осмелившимся поднять руку на священного гада. Но кому придет в голову заглянуть под маску жреца?

Конан смело покинул альков и направился к первой же приглянувшейся арке. Но не успел сделать и дюжины шагов, как обостренный нюх на опасность вновь заставил его обернуться.

Вниз по лестнице один за другим спускались люди в масках, наряженные в точности так же, как он. Застигнутый на открытом месте, Конан заколебался, не зная, что делать, и остался стоять неподвижно, хотя по лбу и рукам покатились капли холодного пота. Жрецы не произнесли ни единого слова. Точно призраки, вереницей спускались они в зал и шли мимо Конана к одной из арок. Предводитель нес посох из черного дерева, на котором красовался белый ухмыляющийся череп. Конан понял, что перед ним была ритуальная процессия, недоступная пониманию чужестранца, но тем не менее игравшая важную — и зачастую зловещую — роль в стигийской религии. Шедший последним слегка повернул голову в маске к неподвижно стоявшему киммерийцу, как бы приглашая его следовать за собой. Что делать? Не выполнить того, чего от тебя ждут, — значит навлечь неминуемые подозрения... И Конан пристроился в затылок последнему, приноравливая свой шаг к их мерной походке.

Они шли темным сводчатым коридором, и Конану сделалось очень не по себе, когда он заметил, что череп на

посохе начал светиться неестественным фосфорическим светом. Животная паника шевельнулась в глубине его существа, понуждая выхватить нож, искромсать потусторонние силуэты вокруг — и бежать, бежать из этого жуткого храма! Все-таки Конан удержал себя в руках, подавив ужас, родившийся в недрах сознания и готовый населять кошмарными тенями все темные углы. И все-таки, когда они миновали громадную двустворчатую дверь и вышли под звездное небо, он едва не испустил вздох облегчения.

Некоторое время Конан раздумывал, не исчезнуть ли потихоньку в каком-нибудь переулке. Однако они шли и шли вереницей по длинной улице, и люди, попадавшиеся навстречу, поспешно отворачивались и удирали. К тому же процессия держалась довольно далеко от стен: внезапный прыжок в сторону навряд ли останется незамеченным...

Пока Конан в бессильной ярости крыл про себя жрецов на все корки, шествие приблизилось к невысоким воротам в южной стене и вышло наружу. Впереди и вокруг жались друг к другу низенькие глинобитные домики, в звездном свете смутно виднелись пальмовые рощи. Теперь или никогда, подумалось Конану. Самое время расстаться с его молчаливыми спутниками!

Но как только за ними закрылись ворота, все их молчание как рукой сняло. Они принялись возбужденно переговариваться вполголоса. Оставили они и ритуальный размеренный шаг, предводитель бесцеремонно сунул посох с черепом себе под мышку, и вся компания, смешав ряды, поспешила вперед. Поспешил с ними и Конан. Ибо в приглушенный шепот жрецов вкралось слово, заставившее его немедля насторожиться. И это слово было — «Тутотмес!»

Глава 18

«Я — ЖЕНЩИНА, НЕ ЗНАВШАЯ СМЕРТИ...»

Со жгучим интересом всматривался Конан в своих укрытых масками спутников. Либо один из них и был Тутотмес, либо все они шли на встречу с человеком, который был так нужен Конану. Когда же за кронами пальм в темном небе возникла треугольная черная тень гигантской постройки, Конан сообразил, куда все идут.

Жрецы мнновали облезлые домишки и рощицы; может, кто и видел процессию, но на глаза предпочел не показываться. Нигде не было ни огонька. Черные башни Кеми угрюмо вздымались к звездам, отражавшимся в водах гавани. Впереди, уходя в непроглядную тьму, расстилалась пустыня. Откуда-то доносилось тявканье шакала. Обутые в сандалии ноги бесшумно ступали по песку. Казалось, призраки спешат к гигантской пирамиде, возвышавшейся над темной пустыней...

При виде мрачной громады, заслонявшей звездное небо, сердце Конана заколотилось быстрее. Он был готов сойтись с Тутотмесом лицом к лицу и схватиться с ним, если придется, но к его нетерпению примешивался страх. Любого человека, приблизившегося к этому сооружению из черных камней, поневоле одолевали предчувствия. Самое имя его было у северных народов символом чего-то отвратительного и ужасного. Легенды намекали, что пирамиды не были выстроены стигийцами, что они уже стояли здесь в незапамятно древние времена, когда смуглолицый народ только-только поселился у великой реки...

Подходя к пирамиде, Конан заметил у ее основания пятнышко неяркого света. Постепенно вырисовался дверной проем, по обе стороны которого задумчиво возлежали каменные львы с женскими головами, таинственные, непостижимые, — кошмарный сон, воплощенный в камне. Предводитель процессии направился прямо ко входу, и Конан разглядел какой-то темный силуэт там, в глубине. Вот с ним поравнялся предводитель, приостановился на миг — и исчез во тьме внутри пирамиды. Один за другим за ним последовали и остальные. При этом таинственный страж останавливал всякого вступавшего в темный портал, и что-то совершалось между ними, какой-то жест или слово — Конан тщетно силился разобрать. Отчаявшись, он намеренно замешкался и, наклонившись, сделал вид, что возится с ремешками сандалий. И только когда последний носитель маски благополучно исчез, Конан выпрямился и пошел вперед.

Ему было не по себе: в голову назойливо лезли когда-то слышанные байки, он всерьез гадал, был ли страж храма человеком. Однако волновался он зря. Бронзовый светильник, горевший за порогом, позволял видеть часть узкого длинного коридора, уходившего в темноту, и человека в широком черном плаще, молча стоявшего у входа. Больше

никого не было видно. Жрецы в масках, надо думать, удалились по коридору.

Нижняя часть лица стигийца была скрыта плащом, но глаза так и впились в Конана пронизывающим взглядом. Вот он сделал левой рукой какой-то странный жест. Положившись на удачу, Конан повторил его. Но тотчас понял, что от него ожидали чего-то другого. Правая рука стигийца вылетела из-под плаща, сверкнула сталь. Последовал убийственный удар, который, вне сомнения, пронзил бы сердце обычного человека...

Но перед стигийцем был воин, обладавший стремительной реакцией лесного кота. Тусклый свет едва успел отразиться от лезвия, когда Конан перехватил смуглое запястье, и тотчас же его правый кулак обрушился на челюсть стигийца. Голова стража запрокинулась и ударилась о камни стены с хрустом, который ясно говорил о проломленном черепе.

Конан на миг замер над ним, чутко прислушиваясь. Светильник догорал, отбрасывая бесформенные тени. Впереди, во тьме коридора, ничто не шевелилось, но Конану показалось, будто где-то там, глубоко внизу, едва различимо пропел гонг.

Нагнувшись, киммериец оттащил мертвое тело за дверь, а потом осторожно и быстро пошел по коридору вперед, даже не гадая о том, какая судьба могла его там ожидать.

Пройдя совсем немного, он озадаченно остановился. Коридор разветвлялся, и в какую сторону отправились жрецы, Конану неоткуда было знать. Наугад выбрал он левый проход... Пол слегка понижался и был гладок, точно отполированный множеством ног. Там и сям чадили факелы, разливая вокруг жутковатый трепетный полусвет. Поневоле Конан задумался, зачем и в какую из позабытых эпох были сооружены эти каменные громады. Древней, чудовищно древней была эта земля! Никто не знал, сколько веков глядели на звезды стигийские черные храмы...

Узкие арки открывались то справа, то слева, но Конан держался главного коридора — хоть и приходил все более к убеждению, что свернул не туда. Иначе он давно уже поравнялся бы со жрецами, ведь они не так сильно его обогнали. Конан начал нервничать. Тишину, казалось, можно было пощупать; тем не менее ему все время мнилось,

что он был не один. Не раз, торопливо минуя темную арку, он ощущал чей-то пристальный взгляд, устремленный на него из глубины. Конан замедлил шаг, почти решив вернуться туда, где коридор раздвоился... потом резко обернулся, сжимая в руке нож.

У входа в боковой тоннель стояла девушка — стояла и смотрела на киммерийца. Кожа цвета слоновой кости говорила о ее принадлежности к какому-то древнему стигийскому роду. Как все знатные стигийки, она была высокой, гибкой и чувственно прекрасной. Роскошные волосы ниспадали черной вспененной волной, и среди них мерцал искристый рубин. На ней не было никакой одежды, кроме бархатных сандалий и широкого пояса, усеянного самоцветами.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась она.

Ответить — значило выдать свое чужеземное происхождение. Конан молчал и не двигался — темная зловещая фигура в маске, увенчанной страусовыми перьями. Зоркие глаза его осматривали тени за спиной девушки. Никого не было видно. Но как знать, сколько воинов сбежится тотчас же, если она позовет?

Она тем временем пошла к нему — безо всякого страха, но подозрительно вглядываясь.

— Ты не жрец, — сказала она. — Ты воин, это видно даже под маской. Ты отличаешься от жрецов, как мужчина от женщин. О Сэт! — воскликнула девушка, внезапно остановившись, и глаза ее округлились. По-моему, ты даже не стигиец!

Его рука метнулась вперед так стремительно, что глаз не успел бы уследить, пальцы почти ласково обхватили нежную шею.

— Попробуй только пискни, — пробормотал он.

Ее гладкая кожа показалась ему холодной, как мрамор. Но в бездонных черных глазах, как и прежде, не было страха.

— Не бойся, я не выдам тебя, — ответила она спокойно. — Скажи лучше, не безумен ли ты — чужепленник и чужестранец, вошедший в запретный храм Сэта?

— Я разыскиваю жреца Тутотмеса, — ответил Конан. — Он здесь?

— А зачем он тебе нужен? — парировала она.

— При нем... нечто, украденное у меня.

— Я тебя к нему провожу, — предложила она с такой готовностью, что в нем вновь проснулись подозрения.

— Не играй со мной, девочка, — заворчал он.

— А я и не играю с тобой. Я не люблю Тутотмеса.

Конан помедлил, потом все же решился. В конце концов, он был в ее власти настолько же, насколько и она — в его.

— Иди рядом, — приказал он и, выпустив шею, схватил ее запястье. — И хорошенько думай, что делаешь. Если попробуешь шутить...

Она повела его по коридору — все вниз и вниз, пока не скрылись позади последние факелы, и он зашарил рукой по стене, не видя, лишь ощущая и чувствуя женщину, идущую рядом. Когда он ей что-то сказал, она повернула к нему голову, и он вздрогнул, заметив, что ее глаза светились во тьме, точно два золотистых огня. Смутные сомнения и еще более смутные, чудовищные подозрения зародились в его душе... и все-таки он продолжал идти. Она же вела его через такой лабиринт, через такую путаницу черных тоннелей, что даже его первобытное чувство направления было бессильно. Мысленно Конан сто раз обозвал себя недоумком за то, что последовал за нею в это мрачное прибежище тайн... так или иначе, поворачивать назад было поздно. К тому же он вновь ощущал в темноте вокруг себя жизнь и движение, ощущал чье-то опасное, голодное нетерпение неподалеку... И если слух его не подвел, он расслышал даже смутный скользящий шумок, который затем удалился, повинуясь приказу, который шепотом отдала девушка.

В конце концов она привела его в покой, освещенный таинственным светом семи черных свечей, горевших в канделябрах невиданной формы. Конан понял, что они находились глубоко под землей. Комната была квадратной, со стенами и потолком из полированного черного мрамора. Она была обставлена в древнестигийском духе: Конан увидел ложе из эбенового дерева, обтянутое черным бархатом, а рядом, на черном каменном возвышении, стоял резной саркофаг.

Конан нетерпеливо переминался, поглядывая на черные арки: в комнату сходилось сразу несколько коридоров. Но девушка не пошла дальше. С кошачьей грацией растянулась она на ложе и закинула за голову руки, глядя на Конана из-под длинных загнутых ресниц.

— Ну? — спросил он нетерпеливо. — В чем дело? Где Тутотмес?

— А куда нам спешить? — отозвалась она. — Что значит час... или день... или, если на то пошло, год или столетие? Сними маску, я хочу увидеть твое лицо.

С раздраженным ворчанием Конан стащил с себя громоздкий головной убор. Девушка окинула взглядом его темное, в шрамах лицо, горящие глаза и одобрительно кивнула:

— Я вижу в тебе силу... огромную силу. Ты мог бы задушить вола!

Конан беспокойно вглядывался в темноту проходов, держа руку на рукояти ножа. Его подозрения все возрастали.

— Если ты завела меня в ловушку, пеняй на себя, — сказал он. — Любоваться результатом тебе уже не придется. Может, слезешь наконец с дивана и сделаешь что обещала? Или мне тебя...

Он не договорил. Случайный взгляд, брошенный на саркофаг, упал на посмертную маску, исполненную из слоновой кости со всей дотошностью давно забытого искусства. В чертах резной маски Конану померещилось нечто знакомое, нечто внушавшее смутное беспокойство... Потом он потрясенно осознал, в чем дело. У маски и у девушки, растянувшейся на ложе, было одно и то же лицо! Сперва он решил, что девушка послужила скульптору моделью — но ведь саркофагу было самое меньшее несколько столетий!.. Архаичные иероглифы были начертаны на его лакированной крышке. Конан принялся рыться в памяти, выискивая обрывки познаний, которых он в течение своей бурной жизни успел-таки поднабраться. Один за другим узнавал он древние письмена и наконец прочитал:

— Акиваша!

— Ты слышал что-нибудь о принцессе Акиваше? — спросила девушка.

— Кто же про нее не слыхал, — буркнул Конан. Имя древней принцессы, столь же прекрасной, сколь и греховной, еще жило в легендах и песнях, которые помнил весь мир, — и это при том, что уже десять тысячелетий миновало с тех пор, как дочь Тутхамона веселилась и пировала в черных залах старинного Луксора...

— Ее единственный грех — это то, что она любила жизнь во всех ее проявлениях, — сказала стигийка. — Она приняла любовь Смерти, чтобы получить Жизнь. Ей невыносима была мысль о старости и морщинах, о том, чтобы умереть ссохшейся и поблекшей. Она отдалась Тьме и

получила в подарок жизнь, жизнь, неподвластную старости и увяданию. Она укрылась во мраке, обманув смерть...

Конан свирепо взглянул на нее сузившимися глазами. Повернувшись, он сорвал крышку с саркофага. Там было пусто. От смеха девушки, прозвучавшего за спиной, кровь застыла у него в жилах. Конан резко обернулся к ней, чувствуя, как сзади на шее шевелятся волоски.

— Ты — Акиваша!

Она вновь рассмеялась, тряхнула блестящими волосами и раскинула руки:

— Да, я — Акиваша! Я — женщина, никогда не знавшая ни смерти, ни старости. Та, которую глупцы считают вознесшейся на небо к Богам, покинувшей землю во всем цвете юности и красоты, чтобы вечно царствовать в какой-нибудь небесной стране! О нет! Лишь во тьме могут смертные достигнуть бессмертия. Десять тысяч лет назад я умерла, чтобы жить вечно. Люби же меня, могучий варвар!

Гибко вскочив, она подбежала к нему, приподнялась на цыпочки и обняла его за шею. Глядя сверху вниз в ее прекрасное запрокинутое лицо, Конан ощутил пугающее влечение — и ледяной страх.

— Люби же меня, — шептала она, откинув голову, смежив глаза и приоткрыв губы. — Дай мне крови, чтобы обновить мою юность и поддержать вечную жизнь! Я и тебя могу сделать бессмертным. Я дам тебе мудрость всех веков, открою тебе тайны, эон за эоном хранившиеся во мраке храмовых подземелий. Я сделаю тебя королем призрачных орд, что пируют меж древних могил, когда ночь окутывает пустыню и летучие мыши резвятся в лунном луче. Мне надоели жрецы, маги и пленницы, которые так истошно кричат у порога смерти. Мне нужен настоящий мужчина... Люби же меня, варвар!

Она склонила темноволосую голову на его могучую грудь... и он ощутил острый укол в основание шеи, у горла. Выругавшись, Конан оторвал девушку от себя и швырнул прочь, на ложе:

— Будь ты проклята, упыриха!

Кровь тонкой струйкой сочилась из крохотной ранки.

Акиваша взметнулась на ложе, точно змея, изготовившаяся укусить. Желтое адово пламя горело в ее огромных глазах. Ее губы раздвинулись, обнажив острые белые зубы.

— Глупец! — выкрикнула она. — Ты думаешь спастись от меня? Ты кончишь свою жизнь здесь, со мной, в темноте!

Я завела тебя глубоко в подземелья, и одному тебе отсюда не выбраться. Ты не сумеешь одолеть или миновать тех, кто стережет эти тоннели. Если бы не я, сыпы Сэта давно уже набили бы твоей плотью утробы. Я еще напьюсь твоей крови, глупец!

— Прочь, пока я не изрубил тебя на куски! — зарычал Конан, и по его телу пробежала дрожь отвращения. — Может, ты и вправду бессмертна, но я тоже не шутки шучу!

Он попятился к арке прохода, сквозь который они вошли... и тут свет неожиданно погас. Все свечи потухли одновременно, хотя каким образом, Конан так и не понял: Акиваша их не касалась. Он услышал за собой смех упырихи, сладкий, как яд, как музыка Преисподней. Конан зашарил по стене в поисках выхода, покрываясь потом и чувствуя, что пропал. Нащупав наконец отверстие, он ринулся наружу, не особенно разбираясь, та ли это арка, которую он искал, или другая. Единственная мысль билась у него в голове: скорее покинуть зловещий чертог, где столько веков обитала прекрасная и омерзительная живая покойница.

Точно в дурном сне, мчался он вперед и вперед по темным закоулкам извилистых подземных тоннелей. Сзади и по сторонам то и дело слышались шорохи ползущих тел, а однажды вновь донеслось эхо сладостного и жуткого смеха, что он слышал в покоях Акиваши. На каждый звук, примерещившийся или реальный, Конан отвечал яростным взмахом ножа. Один раз его клинок вспорол нечто податливое и тонкое — паутину?.. В отчаянии Конан чувствовал, что с ним играют, завлекая его все глубже и глубже в беспредельную ночь, где его наконец разорвут клыки и когти чудовищ...

Но к ужасу киммерийца примешивалась тошнотворная горечь открытия, которое он сделал. Древняя легенда об Акиваше повествовала не только о зле и пороке, но еще и о юности, бессмертии и красоте. Для многих и многих мечтателей, поэтов и влюбленных Акиваша не просто была недоброй принцессой стигийских сказаний — она представала символом вечной молодости и красоты, сияющей в далеких чертогах Богов... И вот какова оказалась отвратительная правда. Вечная жизнь была в действительности мерзостным извращением. К физической гадливости, которую испытывал Конан, примешивалось жестокое разочарование. Рухнула мечта, которой так долго поклонялись мужчины. Сверкающее золото на поверку оказалось слизью и вселенской гнусностью. И волной накатила безысходность:

а не тщета ли все? Не тщетны ли все мечты и надежды людей?

...Теперь он точно знал, что слух его не обманывал: за ним гнались, и преследователи подбирались все ближе. Во тьме звучали шорохи, каких никогда не производили звериные лапы, тем более человеческие ноги. Или в подземном мире была своя, особая животная жизнь?.. Конан повернулся лицом к наседающим тварям и стал медленно пятиться, не видя ничего и никого. И вдруг все шорохи разом умолкли, Конан обернулся и разглядел в другом конце длинного коридора слабенький огонек.

Глава 19

В ЗАЛЕ МЕРТВЫХ

Конан осторожно крался в направлении огонька, чутко прислушиваясь к тому, что делалось за спиной. Звуков погони больше не было слышно, хотя он нутром чувствовал: там, во тьме, так и кишело что-то жадное, охочее до человеческой плоти.

Огонек между тем не стоял на месте — он плыл вперед, слегка подпрыгивая. Потом Конан разглядел его источник. Тоннель, которым он пробирался, пересекал другой, более широкий. И по нему двигалась странная процессия — четверо рослых, изможденных людей в черных одеяниях с капюшонами. Каждый опирался на посох, а предводитель нес в руке факел, горевший неестественно ровно. Точно призраки, миновали они затаившегося киммерийца, оставив после себя лишь меркнущий отсвет. Неописуемой жутью веяло от этой четверки. Они не были стигийцами; подобных им Конан никогда не видал и даже усомнился, принадлежали ли они вообще к роду людскому. Гораздо более походили они на духов, бродящих в заколдованных подземельях...

Конану, впрочем, терять было нечего. Не дожидаясь, пока вновь сомкнется тьма и сзади зашуршат нечеловеческие шаги, он ринулся по коридору вперед. Выскочив в широкий тоннель, он снова увидел таинственную четверку — она была далеко и двигалась прочь, окруженная сиянием факела. Конан беззвучно поспешил следом, но почти сразу был вынужден распластаться по стене — ос-

тановившись, они сбились в кучку и, казалось, начали совещаться о чем-то. Неожиданно они повернули назад, и Конан торопливо нырнул в ближайший проход. Он успел привыкнуть к темноте, хотя ночного зрения ему не было дано. Пошарив перед собой, он обнаружил, что тоннель изгибался. Конан спрятался за ближайшим поворотом, не желая попасться на глаза тем четверым.

Стоя там, он услышал где-то позади себя негромкий гул — ни дать ни взять нестройные человеческие голоса. Пройдя немного по коридору в том направлении, он убедился, что слух его не подвел. Конан сразу оставил свое первоначальное намерение следовать за призрачной четверкой, шедшей неизвестно куда, и начал пробираться на голоса.

Вот впереди забрезжил свет, и новое пересечение коридоров позволило Конану увидеть широкую арку, выходившую в какое-то освещенное помещение. И тут по левую руку от себя Конан приметил узкую каменную лестницу, уводившую вверх; звериная осторожность направила его к ней.

Голоса, которые он слышал, доносились из залитой светом арки. Пока он взбирался по лестнице, бормотание отдалилось, но затем он миновал низкую дверь и выбрался на галерею.

С галереи, окутанной спасительной тенью, Конану открылся гигантский, скудно освещенный зал. Он понял, что это был Зал Мертвых, редко посещаемый кем-либо, кроме молчаливых стигийских жрецов. Вдоль черных стен ярусами стояли резные раскрашенные саркофаги; каждый помещался в отдельной нише темного камня, ряды ниш поднимались вверх, постепенно теряясь во мгле. Тысячи резных масок бесстрастно взирали на группу людей, стоявших посередине зала и казавшихся неприметными и ничтожными среди такого скопища мертвых.

Десять человек, стоявших внизу, были жрецами — они сняли маски, но Конан узнал тех, за кем шел к пирамиде. Перед ними, подле алтаря, на котором покоилась мумия в истлевших повязках, стоял высокий мужчина с ястребиным лицом. А сам алтарь, казалось, был погружен в недра живого огня, что пульсировал и сверкал, бросая на черные камни трепетные золотые блики. Это сиял огромный алый кристалл, возложенный на алтарь, и в его свете лица жрецов казались пепельно-мертвенными. Глядя вниз, Конан разом ощутил все бесконечные лиги, все долгие дни и бессонные ночи изматывающей погони... Он задрожал от безумного

желания ринуться вниз на безмолвных жрецов, могучими ударами клинка проложить себе путь и схватить алый камень нетерпеливыми пальцами... Но железная воля помогла ему совладать с собой и подавить этот порыв. Конан затаился в густой тени каменной балюстрады. Он заметил, что с галереи в зал вдоль стены вела лесенка, также скрытая тенью. Конан обводил сумеречный зал пристальным взглядом, высматривая других жрецов или свидетелей. Но, похоже, здесь были только те, что стояли у алтаря.

Глухой голос стоявшего рядом с мумией гулко разносился по залу:

— ...и таким образом к нам на юг пришла эта весть. Ее нашептывал ночной ветер, вороны сообщали ее друг другу, каркая на лету, летучие мыши рассказывали ее совам и змеям, таящимся в древних руинах. Ее разнесли оборотни, вампиры и черные демоны, крадущиеся в ночи. Спящая Ночь Мира шевельнулась и встряхнула тяжелой гривой, в черных безднах забили барабаны, и эхо далеких жутких криков стало пугать ночных пешеходов. Ибо Сердце Аримана вернулось в мир, вернулось исполнить свое непостижимое предназначение... Не спрашивайте, каким образом я, Тутотмес из Кеми, слуга Ночи, получил эту весть прежде Тот-Амона, что зовет себя королем всех волшебников мира. Есть тайны, не предназначенные даже для ваших ушей. Скажу лишь, что Тот-Амон — не единственный владыка Черного Круга. Восприняв весть, я выехал навстречу Сердцу, двигавшемуся на юг. Смерть за смертью оставляло оно за собой, несомое вперед рекой человеческой крови. Ибо кровь притягивает и питает его, а наибольшую силу придают ему окровавленные руки убийцы, вырвавшие Сердце у прежнего обладателя. Где сияет Сердце Аримана, там льется кровь, рушатся королевства и буйствуют слепые силы природы... И все же то, что должно было свершиться, свершилось — наконец-то я стою здесь перед вами как повелитель и господин Сердца. Я тайно призвал сюда вас, немногочисленных верных, чтобы разделить с вами власть над черным королевством грядущего. Сегодня вы увидите, как рухнут цепи рабства, наложенные на нас Тот-Амоном, как зародится империя!.. Но кто такой я — даже я, Тутотмес, — чтобы познать и покорить силы, дремлющие в этих алых глубинах? Три тысячи лет хранило оно забытые тайны... но я их узнаю. Мне расскажут — они!

И взмахом руки он обвел безмолвные силуэты, застывшие в каменных нишах.

— Они спят, глядя на нас сквозь свои скульптурные маски, — продолжал Тутотмес. — Короли, королевы, полководцы, жрецы, чародеи, все династии, вся знать Стигии за десять тысяч лет! Прикосновение Сердца пробудит их ото сна. Долго, долго пылало и билось Сердце здесь, в Стигии, здесь был его дом в течение долгих столетий, пока его не перевезли в Ахерон. Древним была известна его полная сила, и, когда моя магия пробудит их к жизни, они расскажут мне обо всем! Я заставлю их для меня потрудиться. Воскресив их, я выведаю позабытую мудрость, познания, скрытые ныне в этих высохших черепах. С помощью мертвых поработим мы живых! О да! Ибо короли, полководцы и волшебники древних станут нам помогать, и кто тогда устоит перед нами? Взгляните! Вот эти иссохшие, скрюченные останки на алтаре звались когда-то Тотмекри, верховным жрецом Сэта; он умер три тысячи лет назад. Он был посвященным Черного Круга. Он знал Сердце. Он научит нас, как пользоваться его силой!

Подняв лучистый кристалл, Тутотмес возложил его на бесплотную грудь мумии и, воздев руки, запел заклинание. Но завершить его ему не пришлось. Он замер на полуслове, вглядываясь во что-то за спинами учеников, и те разом обернулись туда, куда указывал его взгляд.

Сквозь темную арку в зал один за другим вошли четверо изможденных созданий в черных плащах. Тени надвинутых капюшонов едва позволяли различить желтые овалы их лиц.

— Кто вы? — резко спросил Тутотмес, и его голос предвещал опасность не меньшую, чем шипение кобры. — Не безумны ли вы, вторгшиеся в священную обитель Сэта?

Самый высокий из чужаков ответил ему голосом бесцветным, точно звук кхитайского храмового колокола:

— Мы пришли за Конаном, киммерийцем.

— Его нет здесь, — ответил Тутотмес и сдвинул плащ с правого плеча движением пантеры, выпускающей когти.

— Лжешь, — прозвучало в ответ. — Он здесь, в храме. Мы нашли труп за бронзовой дверью и пошли по следу сквозь путаницу коридоров. Потом мы натолкнулись на это сборище. Мы пойдем дальше, но сперва отдайте нам Сердце Аримана.

— Смерть — удел безумных, — пробормотал Тутотмес, понемногу придвигаясь к говорившему. Следом, окружая чужаков, крались его жрецы, но те четверо как будто не замечали.

— Кто способен взглянуть на него и не возжелать? — продолжал кхитаец. — Мы слышали о нем еще у себя на родине. Оно даст нам власть над народом, изгнавшим нас. Ужас и слава дремлют в его алых глубинах. Отдайте его нам и не вынуждайте вас убивать...

С яростным воплем кто-то из жрецов метнулся вперед, в его руке мелькнула сталь. Но ударить он не успел: взвился чешуйчатый посох и коснулся его груди, и жрец упал, как падает только мертвый. В следующий миг равнодушные мумии стали свидетелями жуткого, кровавого боя. Сверкали и обагрялись кривые ножи, мелькали похожие на змей посохи, и люди, которых они касались, с криком падали и умирали.

Как только был нанесен первый удар, Конан вскочил на ноги и помчался вниз по ступенькам. Он лишь мельком видел тот дьявольский бой. Он видел, как один из кхитайцев, изрубленный почти что в куски, все еще стоял на ногах, раздавая смерть, пока наконец Тутотмес не ударил его в грудь раскрытой ладонью, и только тогда кхитаец свалился: сталь не в силах была побороть его колдовскую живучесть.

К тому времени, когда Конан перепрыгнул последнюю ступеньку, сражение почти завершилось. Трое кхитайцев лежали на полу мертвыми, плоть их была иссечена в клочья, внутренности выпали. Но и среди стигийцев в живых остался один лишь Тутотмес.

Вот он бросился на уцелевшего кхитайца, простирая, как оружие, пустую ладонь, и ладонь эта была черна. Но еще быстрее метнулся вперед посох высокого кхитайца — метнулся и, казалось, сам собой удлинился в хозяйской руке. Острие коснулось груди Тутотмеса, и тот зашатался, но устоял; посох ударил еще и еще раз, и Тутотмес покачнулся и рухнул замертво. По его лицу быстро расползлась чернота, теперь он был весь так же темен, как его заколдованная рука.

Тогда кхитаец повернулся к драгоценному камню, что пылал на груди мумии, — и увидел перед собой Конана.

Некоторое время они молча смотрели один на другого, стоя среди кровавого побоища, под взглядами тысяч мумий.

— Долго же мы следовали за тобою, о аквилонский король, — проговорил кхитаец спокойно. — По большой

реке, через горы, через Пуантен и Зингару, по холмам Аргоса и, наконец, морем. В Тарантии мы с трудом взяли твой след, ибо жрецы Асуры хитроумны. Мы вновь потеряли его в Зингаре, но затем отыскали шлем, брошенный тобой в лесу у подножия пограничных холмов, там, где ты сражался с лесными вурдалаками. И сегодня, в этих лабиринтах, мы едва не сбились со следа...

И Конан подумал о том, как ему повезло, — ведь он выбрался из покоев упырихи не тем путем, которым пришел. Иначе он прямо налетел бы на желтых демонов. А так он сумел издалека разглядеть, как они, подобно двуногим ищейкам, вынюхивают его след... вынюхивают его, пуская в ход какой-то жуткий сверхъестественный дар.

Кхитаец слегка покачал головой, словно прочитав его мысли.

— Все это, впрочем, неважно, — сказал он, — ибо долгий путь окончится здесь.

— Зачем вы выслеживали меня? — спросил Конан, готовый метнуться в любую сторону с быстротой спущенной пружины.

— Мы возвращали долг, — ответил кхитаец. — От тебя, обреченного смерти, бессмысленно что-либо скрывать. Мы служили Валерию, нынешнему королю Аквилонии. Долгой была наша служба, но теперь она кончена: братьев моих освободила гибель, меня же освободит исполнение клятвы. Я вернусь в Аквилонию, везя сразу два сердца: Сердце Аримана — для себя и сердце Конана — для Валерия. Один поцелуй посоха, вырезанного из живого Дерева Смерти...

Удар посоха был подобен броску гадюки, однако нож в руке Конана мелькнул мгновением раньше. Посох распался на две половины, и половины эти начали корчиться; новый взмах отточенного клинка — и голова кхитайца покатилась по полу.

Повернувшись, Конан протянул руку к Сердцу... и отпрянул. Волосы зашевелились у него на голове, кровь в жилах так и застыла.

То, что лежало на алтаре, больше не было ссохшейся мумией. Камень пылал и переливался на широкой груди живого мужчины, лежавшего обнаженным среди истлевших повязок. Но был ли он в самом деле жив?.. Конан не взялся бы утверждать. Во всяком случае, глаза его были неподвижным черным стеклом, в котором мрачно тлел нечеловеческий пламень.

Держа камень на ладони, воскрешенный поднялся и встал во весь рост у алтаря — нагой, смуглокожий, с лицом, похожим на застывшую маску. Молча протянул он Конану алый кристалл, исходивший пульсирующим огнем, точно настоящее сердце. Конан взял его, испытав жутковатое чувство — подарок из рук мертвеца! Он догадывался, что не все заклинания были пропеты, обряд не доведен до конца: жизнь вернулась в тело, но не вполне.

— Кто ты? — спросил киммериец.

— Я тот, кто был Тотмекри, — прозвучал голос, подобный монотонному падению капель со сталактита в подземной пещере. — Я мертв.

— Ну, так будь добр, выведи меня из этого проклятого храма, — попросил Конан, внутренне содрогаясь.

Размеренным шагом двинулся мертвый к черной арке. Конан последовал за ним. Оглянувшись, он в последний раз увидел громадный темный зал, ряды саркофагов и мертвые тела вокруг алтаря. Отсеченная голова кхитайца все еще пялилась вверх, в наползавшую тьму...

Сверкающий камень озарил черные коридоры, словно какая-нибудь волшебная лампа. Блики золотого света метались по стенам. Однажды Конану померещился в потемках отсвет тела цвета слоновой кости, но упыриха, которую когда-то звали Акивашей, попятилась перед сиянием Сердца. Нечисть и нежить разбегались с дороги, прячась во тьме.

Мертвец шел прямо вперед, не глядя по сторонам, шаг его был ровен и неизменен, точно судьба. Конан обливался холодным потом, терзаясь сомнениями. Почем знать, к свободе ли ведет его этот жуткий проводник, восставший из прошлого? С другой стороны, в одиночку Конан нипочем бы не выбрался из колдовской путаницы тоннелей и коридоров. Ему ничего не оставалось, кроме как следовать за мертвым сквозь тьму, что неохотно расступалась перед ними и вновь смыкалась позади, полная крадущихся теней, ненадолго разогнанных ослепительным пламенем Сердца...

А потом впереди показалась бронзовая дверь. В лицо Конану дохнул ночной ветер пустыни. Он увидел звезды в небе, и освещенную ими пустыню, и рассекавшую ее необъятную тень пирамиды. Тотмекри молча вытянул руку, указывая в пустыню, затем повернулся и беззвучно зашагал обратно во мрак. Конан провожал его взглядом, пока он не растворился в черноте, все теми же мерными шагами

идя то ли навстречу известной и неотвратимой погибели, то ли к вечному сну...

Словно очнувшись, Конан с проклятием отскочил от двери и так помчался через пески, словно за ним гнались демоны. Он не оглядывался ни на пирамиду, ни на черные башни Кеми, смутно вырисовывавшиеся вдали. Он бежал на юг, к берегу, бежал со всей скоростью, на которую были способны его длинные ноги. Предельное усилие мышц вымело из его сознания черные паутины, чистый ветер пустыни развеял кошмары, а ужас и отвращение сменились яростным восторгом. И вот пустыню сменила болотная сыроеть, заблестела сквозь заросли черная гладь воды, и Конан увидел «Смельчака», стоявшего на якоре.

Он проложил себе путь сквозь влажную чащу, до бедер увязая в трясине. Потом бросился в воду и поплыл, думать не думая ни об акулах, ни о крокодилах. Он подплыл к галере и, счастливый и мокрый, полез на борт по якорной цепи, и только тут его заметили вахтенные.

— Просыпайтесь, псы! — проревел он во все горло, небрежно отмахиваясь от копья, которое перепуганный черный матрос нацелил было ему в грудь. — Поднять якорь! Живо на весла! Дать рыбаку полный шлем золота и отпустить его на берег! Скоро восход, а еще до рассвета мы должны влететь в ближайший зингарский порт!..

И он торжествующе размахивал над головой огромным сияющим камнем так, что по всей палубе катились волны золотого огня.

Глава 20

И ВОССТАНЕТ АХЕРОН ИЗ ПРАХА

В Аквилонию снова пришла весна. Зазеленели молодой листвою ветви деревьев, проклюнувшаяся трава радовалась теплому южному ветру. Но много полей стояло невспаханными, и лишь кучи золы и головешек указывали, где прежде стояли гордые виллы или процветающие города. Волки, не прячась, бродили по заросшим травой большакам, в лесах же таились шайки готовых на все людей, не знающих над собой господина. Только в Тарантии происходили пиры один пышнее другого и царил показной блеск.

Правление Валерия отмечено было безумством. Даже те из баронов, кто поначалу рад был приветствовать его восшествие на престол, теперь возмущались в открытую. Сборщики налогов не давали житья ни богатым, ни бедным. Все богатства ограбленного королевства стекались в Тарантию, которая все менее походила на столицу державы и все более — на осажденную крепость захватчиков в завоеванной стране. Ее купцы богатели, но даже и богатеть было опасно. Каждого в любой миг могли под каким-нибудь дутым предлогом обвинить в измене, конфисковать нажитое, а самого бросить в тюрьму или вовсе отправить на плаху.

Валерий не делал даже попыток снискать любовь и доверие подданных, предпочитая опираться на немедийских солдат и отчаянно храбрых наемников. Он прекрасно знал, что является марионеткой в руках Амальрика. Знал он и то, что правит лишь с молчаливого согласия немедийца. Валерий понимал, что ему никогда не удастся объединить вокруг себя аквилонцев и сбросить это ярмо, ибо внешние провинции будут сопротивляться ему до последнего человека. Да и немедийцы мигом сбросят его с трона, вздумай он начать сплачивать королевство. Он попался в собственные силки. Отрава униженной гордости разъедала его душу — и Валерий пустился в разврат, предпочитая жить сегодняшним днем, не думая и не заботясь о дне завтрашнем.

Но безумие его содержало в себе и некую хитрость — хитрость столь тонкую, что даже Амальрик не сумел ее разгадать. Быть может, долгие годы ссылки наделили ум Валерия горечью, недоступной обычному пониманию, а отвращение к нынешнему положению дел превратило эту горечь в род безумия? Как знать! Во всяком случае, им владело единственное желание — губить все и всех, так или иначе связанных с ним.

Он знал, что его правлению придет конец, как только Амальрик решит, что он выполнил свою роль. Еще он знал: покуда он жестоко угнетает родную страну, немедийцы будут терпеть его на престоле, ведь Амальрик желал окончательно поставить Аквилонию на колени, уничтожить последние ростки независимости и неповиновения. Вот тогда-то он сам возьмет власть, расстегнет кошелек, переделывая страну по себе, и использует ее людскую силу и природные богатства, чтобы отобрать у Тараска корону Немедии. Глав-

ной целью Амальрика был императорский трон, и Валерий об этом знал. Он не знал только, догадывался ли Тараск. По крайней мере, его безжалостное правление немедийский король одобрял. Тараск ненавидел Аквилонию застарелой ненавистью, подкрепленной прежними войнами, и всей душой жаждал уничтожить западного соседа.

Что ж, Валерий и собирался разорить Аквилонию так, чтобы даже богатства Амальрика не помогли ей подняться. Он ненавидел барона не меньше, чем аквилонцев, и только мечтал дожить до того дня, когда страна придет уже в полное запустение, а Амальрик с Тараском сцепятся в междоусобной войне, которая и от Немедии не оставит камня на камне.

Он полагал, что завоевание все еще не покоренных провинций — Гандерланда и Пуантена, а с ними и Боссонских Пределов — поставит на его правлении точку. Его роль будет исполнена, и Амальрик просто отделается от него. Поэтому Валерий тянул с покорением этих провинций, ограничивая свою деятельность бессмысленными грабежами, а от Амальрика, понуждавшего его к выступлению в поход, он отговаривался, как только мог.

Жизнь Валерия состояла из сплошных оргий и разгульных пиров. В его дворец свозили прекраснейших девушек королевства — в основном силой. Он богохульствовал и пьяным валялся на полу пиршественных залов прямо в золотой королевской короне, марая царственный пурпур разлитым вином. А когда у него случались приступы кровожадности, на виселицах, установленных на рыночной площади, гроздьями повисали тела, топоры палачей купались в крови, а по стране мчались немедийские конники, грабя и сжигая все на своем пути. Доведенные до отчаяния аквилонцы то тут, то там поднимали беспорядочные восстания, которые подавлялись со зверской жестокостью. Валерий грабил, насиловал и разрушал так упоенно, что даже Амальрик возмущался и предостерегал его, что, мол, еще немного — и обнищавшая страна уже не сможет отстроиться. Откуда мог он знать, что именно таков и был замысел короля!

В Немедии и Аквилонии вовсю шептались о вероятном безумии короля, а в Немедии — еще и о Ксальтотуне, человеке с покрытым лицом. Немногие видели его на улицах Бельверуса. Поговаривали, будто все больше времени он проводит в горах, среди одичавших наследников древней расы — немногословных, смуглолицых, чьи предки когда-то владели обширным королевством. Ходили слухи, будто

среди спящих холмов ночами бьют барабаны, горят во тьме костры, а ветер разносит странные песнопения — песнопения и заклинания, утратившие смысл столетия назад, но упрямо повторяемые у очагов горных деревень, чьи обитатели столь разительно отличались от жителей долин.

Смысла этих ночных бдений не ведал никто — ну, может, разве Ораст, нередко сопровождавший нифонца. И было замечено, что на лицо Ораста все чаще набегала тень беспокойства.

Но с расцветом весны гибнущее королевство обежал новый слух, буквально возродивший его к жизни. Ни дать ни взять шепчущий ветер налетел с юга, пробуждая отчаявшийся, ко всему безразличный народ. Впрочем, где именно зародились эти слухи, никто так и не понял. Кто-то рассказывал соседям о странной, нелюдимой старухе, спустившейся с гор: дескать, ветер развевал ее седые волосы, а рядом, подобно послушному псу, бежал громадный серый волк. Кто-то прослышал о жрецах Асуры, возникавших, как неуловимые призраки, там и сям от Гандерланда до пуантенских границ, от Тарантии до боссонских лесных деревень...

Как бы то ни было, слух расползался, а с ним ширилось и восстание, пожаром охватившее приграничья. Восставшие штурмовали окраинные крепости немедийцев, вырезали отряды сборщиков дани. Весь запад страны вышел из повиновения столице, и это восстание было не чета прежним: уже не отчаяние чувствовалось в нем, а свирепая решимость и вдохновенный гнев освобождения. Поднимались не только простолюдины. Бароны укрепляли свои замки, заявляя о неподчинении управителям провинций. А по ту сторону границы были замечены отряды боссонских стрелков — решительных, кряжистых воинов в чешуйчатых панцирях и стальных шлемах, с длинными луками. Отчаявшаяся, отупевшая, загнанная страна совершенно неожиданно для завоевателей наливалась грозными и яростными токами жизни. Амальрик со всей поспешностью сообщил об этом Тараску, и тот явился с армией.

Двое королей и Амальрик вели речь о восстании, сидя в тарантийском дворце. Они не посылали за Ксальтотуном, с головою ушедшим в какие-то тайные приготовления в немедийских горах. Со дня кровавой битвы при Валкии они ни разу не обращались к нему за магической помощью,

и он жил своей жизнью, мало общаясь с ними и не проявляя к их замыслам видимого интереса.

Не посылали и за Орастом; жрец пришел сам — бледный, точно морская пена, гонимая штормом. Когда он вступил в раззолоченные покои, где держали совет короли, всем бросился в глаза его измученный вид и полный ужаса взгляд. Никто из них еще не видел в глазах Ораста подобного страха.

— Ты выглядишь усталым, Ораст, — сказал Амальрик. — Присядь на диван, а я пошлю раба за вином. Поездка утомила тебя...

Но Ораст вскинул руку:

— Я насмерть загнал трех коней, торопясь сюда из Бельверуса. Я не смею ни отдыхать, ни наслаждаться вином, пока не скажу того, что должен сказать.

Он заходил по комнате, словно сжигаемый неким внутренним огнем, не дававшим ему стоять неподвижно. Потом обратился к недоумевающим слушателям.

— Когда мы использовали Сердце Аримана, чтобы вернуть жизнь в мертвое тело, — начал он без обиняков, — задумывались ли мы о последствиях, которые повлечет наша возня в черной пыли прошлого?.. Моя в том вина, мой грех. Мы лелеяли собственные честолюбивые планы и думать не думали, какие замыслы может взлелеять воскрешенный нами чародей. Так вот, мы выпустили в наш мир демона, исчадие Преисподней, недоступное человеческому рассудку. Сам я погряз во зле глубже некуда, но есть предел, которого не переступит ни один человек нашего времени. Мои предки были чистыми людьми, не занятнавшими себя служением демонам; в бездну зла погрузился лишь я один, но и я способен грешить лишь в пределах, мне отмеренных. А за Ксальтотуном стоят тысячи веков черной магии и демонских культов, вся сила древней религии зла! Он вне нашего разумения не только потому, что сам он волшебник, он — наследник целой расы чернокнижников!.. Путешествуя с ним, я видел такое, что перевернуло мою душу. Я видел, как в сердце спящих гор Ксальтотун беседовал с душами мертвых и вызывал древних демонов забытого Ахерона. Я видел, как проклятые последыши проклятой империи поклонялись ему и провозглашали его своим верховным жрецом. И я понял, что у него на уме. Слушайте же: он задумал ни больше ни меньше, как возродить древнее, черное, жуткое королевство — Ахерон!

— О чем ты? — изумился Амальрик. — Ахерон давно превратился в прах, а последышей, как ты их назвал, отнюдь не достаточно для возрождения империи. Даже Ксальтотуну не под силу пробудить прах, которому три тысячи лет!

— Плохо же ты знаком с его черным могуществом, — мрачно ответствовал Ораст. — Я видел, как самые горы меняли свои очертания и под звуки его заклинаний становились такими, какими были когда-то. Я видел, как сквозь реальность проступают тени долин, лесов, озер и горных хребтов, явившиеся из прошлого. Мне показалось, я даже заметил, как поднимались в закатном тумане пурнурные башни позабытого Пифона... И вот в нашей последней поездке, когда загремели барабаны, а звероподобные почитатели Ксальтотупа завыли, катаясь в пыли, до меня дошел наконец смысл его колдовства. Говорю вам еще раз: он возродит Ахерон, подкрепив свою магию кровью гигантских жертвоприношений, подобных которым еще не было под луной. Поработив мир, он потоками крови смоет с лица земли настоящее и возродит прошлое!

— Ты сошел с ума!.. — вырвалось у Тараска.

— Сошел с ума? — Измученный взгляд Ораста обратился на короля. — Да может ли сохранить рассудок увидевший то, что довелось увидеть мне?.. Нет, я сказал вам правду. Он задумал вернуть Ахерон — с его башнями, городами и королями, со всеми его ужасами. Потомки ахеронцев послужат ему фундаментом... но известностью и камнем для строительства станет кровь и плоть ныне живущих. Каким образом — этого я вам сказать не могу. Но я видел!.. Видел своими глазами! Ахерон вновь станет Ахероном, и даже леса, реки и горы примут тот же облик, что в древности. Почему бы и нет?.. Уж если даже я, с моими ничтожными познаниями, сумел оживить человека, пролежавшего мертвым тридцать веков — с какой бы стати величайшему волшебнику мира не воскресить королевство, рухнувшее когда-то? Придет час — и восстанет Ахерон из праха по его слову!

— Можем ли мы помешать ему? — спросил потрясенный Тараск.

— Есть лишь один путь, — ответил Ораст. — Нужно похитить у него Сердце Аримана.

— Но я... — помимо собственной воли начал Тараск и торопливо прикусил язык. Этого никто не заметил, и Ораст продолжал: — Сердце Аримана — сила, которая может

быть использована против него. Дайте его мне в руки — и я, пожалуй, решусь противостоять Ксальтотуну. Но как похитить его? Чародей прячет Сердце в каком-то тайнике, до которого навряд ли сумеют добраться даже заморийские воры. Я бессилен его отыскать. Если бы только он вновь заснул сном черного лотоса... но в последний раз это было после битвы при Валкии, когда ворожба отняла у него много сил, и...

Дверь, закрытая на все замки и запоры, беззвучно растворилась. На пороге стоял Ксальтотун. С обычным своим безмятежным спокойствием поглаживал он роскошную бороду, но глаза горели адским огнем.

— Слишком многому я тебя научил, — сказал он ровным голосом. Его палец, точно перст судьбы, указывал на Ораста. И прежде чем кто-либо успел шевельнуться, он бросил на пол к ногам замершего, как статуя, жреца горсточку пыли. Она вспыхнула и затлела, выпустив струйку синеватого дыма, который обвил Ораста тонкой спиралью. Поднявшись выше плеч, дым с внезапностью кусающей змеи обвился вокруг его горла. Вопль Ораста сменился бульканьем и затих. Он вскинул руки к шее... но глаза уже вылезли из орбит, язык вывалился изо рта. Дым душил его, как веревочная петля; потом он рассеялся и исчез, а Ораст мертвым рухнул на пол.

Ксальтотун хлопнул в ладоши. Вошли двое, которых часто видели с ним, — низкорослые, с красными косыми глазами и острыми крысиными зубами, с кожей отталкивающего темного цвета. Не произнося ни слова, они подняли и вынесли тело.

Движением руки покончив со всем происшедшим, Ксальтотун опустился за стол из слоновой кости, вокруг которого сидели побледневшие короли.

— Почему вы собрались? — спросил он.

— Аквилонцы восстали на западе, — ответил Амальрик, первым пришедший в себя от страшного потрясения, вызванного гибелью Ораста. — Эти глупцы верят, будто Конан остался в живых и якобы возвращается во главе пуантенского войска освобождать королевство... Если бы он появился сразу после разгрома при Валкии, если бы тогда прошел слух о том, что он жив, центральные провинции не решились бы подняться, столь велик был их страх перед волшебной силой, которая тебе повинуется. Но бездарное правление Валерия довело их до такого состояния, что люди готовы пойти против

нас за кем угодно, лишь бы скорая смерть избавила их от мучений и нищеты... Разумеется, слух о том, будто Конан при Валкии не погиб, все время гулял по стране, но народ как следует поверил только сейчас. Из Офира вернулся изгнанник Паллантид, он клянется, что в тот день король лежал в своем шатре, сраженный болезнью, а в его доспехах сражался простой воин. Россказням Паллантида вторит мальчишка-оруженосец, едва оправившийся от удара булавы, которым его наградили при Валкии. Еще по стране бродит какая-то бабка с ручным волком и тоже болтает, будто король Конан жив и скоро придет за своей короной. А с некоторых пор и проклятые жрецы Асуры поют эту же песню. Они возвещают, что некоторым таинственным образом якобы получили «слово» о возвращении Конана. Покамест мне не удается поймать ни жрецов, ни старуху, но все это, без сомиения, козни Троцеро. Шпионы доносят мне, что пуантенцы явно собираются вторгнуться в Аквилонию. И я думаю, что Троцеро, скорее всего, потащит с собой какого-нибудь парня, объявляя его королем Конаном...

Тараск засмеялся, но смех его прозвучал неуверенно. Он тайком пощупал шрам под одеждой и вспомнил карканье воронов, помогавших выследить беглеца. Вспомнил он и труп Аридея, своего оруженосца, которого нашли в пограничных горах чудовищно изувеченным волчьими клыками — так, по крайней мере, утверждали напуганные солдаты. Еще он вспомнил об алом камне, вынутом из золотого ларца, пока спал чародей... но об этом не стоило упоминать.

А Валерий вспомнил умирающего вельможу и жуткий рассказ, вырвавшийся у него вместе с последними вздохами. И четверых кхитайцев, отбывших на юг да так и не возвратившихся. И тоже придержал язык, ибо ненависть к союзникам глодала его, подобно червю, заставляя мечтать лишь о том, чтобы и восставшие, и немедийцы поскорее отправились на тот свет, вцепившись в глотки друг другу.

Но вот Амальрик воскликнул:

— Какая чушь — верить, будто Конан жив!

Вместо ответа Ксальтотун бросил на стол свиток пергамента. Амальрик взял его и развернул, и невнятный яростный крик сорвался с его уст. Вот что было написано на пергаменте:

«Ксальтотуну, главному фокуснику Немедии. Ахеронский ублюдок! Я возвращаюсь в свое королевство и собираюсь развесить твою шкуру на кусте ежевики. Конан».

— Подделка! — выкрикнул Амальрик.

Но Ксальтотун покачал головой:

— Письмо подлинное. Я сравнивал его с подписями на государственных документах, хранящихся в библиотеке дворца. Эти каракули невозможно подделать.

— Значит, — пробормотал Амальрик, — если он и впрямь жив, нынешнее восстание будет совсем не таким, как прежние. Конан — единственный, кому под силу как следует сплотить аквилонцев. Но, — возразил он сам себе, — на Конана это мало похоже. С какой бы стати ему выдавать себя подобным хвастовством? Я бы скорее предположил, что он ударит внезапно и без предупреждения, как чаще всего и делают варвары...

— Мы и так предупреждены, — заметил Ксальтотун. — Ты сам говорил о шпионах и о том, что Пуантен готовит войну. Он все равно не сумел бы пересечь горы незамеченным. Вот он и посылает мне вызов, причем в свойственном ему вкусе.

— Почему же тебе? — спросил Валерий. — А не мне или Тараску?

Ксальтотун обратил к королю непроницаемый лик.

— Потому, — сказал он, помолчав, — что Конан умнее вас и понял то, чего вы, короли, никак не возьмете в толк. А именно: не ты, Тараск, не ты, Валерий, и даже не ты, Амальрик, суть повелители западных народов. Их хозяин — я, Ксальтотун!

Никто не произнес ни слова; все трое молча смотрели на чародея, потрясенно осознавая, что это была сущая правда.

— Мне пристала одна дорога — имперская, — продолжал меж тем Ксальтотун. — Но для начала надо раздавить Конана. Я не знаю, каким образом он спасся от меня в Бельверусе; мне не дано знать, что происходит, пока я сплю сном черного лотоса. Но так или иначе — он на юге, и он готовит удар. Это его отчаянный, последний удар, ставший возможным лишь благодаря ярости народа, натерпевшегося от Валерия. Что ж, пусть поднимаются: все их судьбы лежат у меня на ладони. Мы подождем, пока он двинется нам навстречу, и тогда сокрушим его — раз и навсегда! После чего сомнем Пуантен, Гандерланд и глупых боссонцев. Затем придет черед Офира, Аргоса, Зингары, Кофа — все народы мира сплавим мы вместе, выковав мою империю! Вы станете моими сатрапами и тем обретете большее величие, чем ныне, когда вас зовут королями. Я не-

победим — ибо Сердце Аримана спрятано так, что ни один человек более не сумеет использовать его против меня!

Тут Тараск поспешно отвел глаза, дабы Ксальтотун, чего доброго, не прочитал его мыслей. Значит, волшебник не заглядывал в золотой ларец, на крышке которого спали змеи, казавшиеся живыми, — не заглядывал с тех самых пор, как положил туда Сердце Аримана! Как ни удивительно, Ксальтотун по сей день не подозревал о похищении Сердца. Видимо, странный камень был превыше его черного знания и не подчинялся ему; во всяком случае, сверхъестественные таланты мага не подсказали ему, что ларчик был пуст. К тому же Тараску не верилось, чтобы Ксальтотун полностью представлял себе весь смысл откровений Ораста: то-то пифонец говорил не о возрождении Ахерона, а лишь о создании новой земной империи. И Тараск пришел к выводу, что Ксальтотун еще не был до конца уверен в собственных силах. Им троим необходима была его помощь, но и он в них нуждался не меньше. В конце концов, магия тоже до некоторой степени зависела от ударов мечей и рыцарских пик. Король перехватил взгляд Амальрика, брошенный исподтишка, и уловил его смысл. Пусть маг применит свое искусство, помогая им избавиться от опаснейшего врага. Позже они еще выберут время, чтобы ополчиться против него. И уж как-нибудь да превозмогут темную силу, которую сами же пробудили...

Глава 21

БАРАБАНЫ В ТУМАНЕ

Война началась, когда пуантенская армия в десять тысяч человек под развернутыми знаменами, точно стальная река, стекла с южных перевалов на аквилонские равнины. Шпионы божились, будто во главе войска ехал гигант в черных доспехах, с королевским львом Аквилонии, вышитым золотой нитью на груди его шелковой накидки. Итак, Конан был жив! Король возвращался! Теперь никто уже в этом не сомневался, ни друзья, ни враги.

Одновременно с южным нашествием пришли недобрые вести и с севера. Всадники, примчавшиеся на запаленных конях, сообщили, что из Гандерланда в Аквилонию тоже

двигалось войско, причем бароны северо-запада и северные боссонцы спешили присоединиться к нему.

Тараск немедленно выступил с армией в тридцать одну тысячу воинов к городу Галпарану, что на реке Ширке: если гандеры направлялись к городам, еще удерживаемым немедийцами, они должны были переправиться именно здесь. Ширка была быстрой и бурной рекой, мчавшейся на юго-запад сквозь сплошные теснины и труднопроходимые каньоны. Нелегко было переправить целую армию через этот поток, вздувшийся от весеннего половодья. И поскольку вся страна восточнее Ширки была еще в руках немедийцев, логичным выглядело предположение, что гандеры попробуют переправиться либо у Галпарана, либо у Танасула, лежавшего южнее. Со дня на день ждали подкреплений из Немедии, но вместо подкреплений пришла весть, что южным границам страны угрожает Офир, и выслать дополнительные войска — значит оголить Немедию и спровоцировать вторжение с юга.

Амальрик и Валерий вышли из Тарантии с двадцатипятитысячной армией, оставив в городе большой гарнизон для предотвращения возможных волнений. Их целью было встретить и разгромить Конана прежде, чем он успеет соединиться с мятежными аквилонцами.

Однако король и его пуантенцы, спустившись с гор, внезапно исчезли неизвестно куда. Они не ввязывались в сражения, не осаждали крепостей и городов. Оставалось только предполагать, что они повернули на запад, в дикие, малонаселенные холмы, и ушли в Боссонские Пределы, обрастая по пути добровольцами. Амальрик и Валерий с их войском, состоявшим из немедийцев, аквилонских изменников и свирепых наемников, в раздражении и гневе рыскали по стране, ища врага, но враг не спешил появляться.

Амальрику приходилось довольствоваться лишь смутными слухами о передвижениях армии Конана. Отряды разведчиков таинственным образом исчезали, едва выехав из лагеря. Соглядатаев нередко находили распятыми на дубах. Страна била захватчиков по-крестьянски: жестоко, скрытно — и насмерть. Все, что удалось достоверно выведать Амальрику, — это то, что севернее его войска, за Ширкой, двигался большой отряд гандеров и северных боссонцев, а Конан с пуантенцами и южными боссонцами находился где-то на юго-западе. Но вот где?..

Амальрик начал бояться, что, если они с Валерием еще больше углубятся в здешние дебри, Конан может вовсе обойти их и проникнуть в центральные провинции у них за спиной. Амальрик отступил от Ширки и встал лагерем на равнине, в одном дне езды от Галпарана, опасаясь, что Конан заманивает его на юг, желая пропустить гандеров в королевство через северный брод...

Ксальтотун прибыл в лагерь Амальрика на своей колеснице, запряженной странными, не знающими устали скакунами. И вошел в шатер, застав барона с Валерием над картой, разложенной на походном столике из слоновой кости.

Карту Ксальтотун скомкал и отшвырнул прочь.

— Сведения, которых никак не могут добыть ваши соглядатаи, приносят мне мои, — сказал он. — Хотя, по правде сказать, их сообщения странно расплывчаты и не полны, как если бы против меня действовали незримые, но весьма могучие силы... Так вот, Конан движется вдоль реки Ширки с десятью тысячами пуантенцев, тремя тысячами южных боссонцев и баронскими дружинами Юга и Запада, общим числом около шести тысяч. Им навстречу с севера идет тридцатитысячное войско гандеров и северных боссонцев. Они обмениваются тайными посланиями с помощью проклятых жрецов Асуры, которые посмели противопоставить себя мне — *мне*! — и которых, клянусь Сэтом, я скормлю змеям после сражения!.. Оба войска направляются к бродам у Танасула, но не думаю, чтобы гандеры стали переправляться; скорее уж Конан перейдет на тот берег и присоединится к ним.

— А зачем ему переправляться? — спросил Амальрик.

— Затем, что ему выгодно оттягивать битву. Чем дольше он прождет, тем больше сил к нему соберется, наше же положение только будет становиться опасней. Холмы за рекой так и кишат людьми, готовыми голову за него положить, — всеми теми, кого изгнала из родных мест жестокость Валерия. Со всей страны, поодиночке и группами, к Конану сбегаются люди. А у нас что ни день гибнут отряды, угодившие в крестьянские засады! В центральных провинциях неспокойно, того и гляди открыто восстанут. Одними гарнизонами там не обойтись, а немедийских подкреплений пока ждать не приходится. Что же до возни на офирской границе, я усматриваю здесь руку Паллантида: у него в Офире родня... Одним словом, если мы не пере-

хватим и не раздавим Конана в самое ближайшее время, у нас за спиной вспыхнет бунт. Придется отступать в Тарантию, чтобы хоть удержать однажды захваченное, и при этом прорываться с боями. А Конан подоспеет следом и заставит нас отсиживаться в городе, где тоже хватает врагов... Нет, мчать нам нельзя. Надо уничтожить Конана прежде, чем его армия как следует разрастется, прежде, чем восстанут центральные провинции. Как только люди увидят над воротами Тарантии его голову, сам собой утихнет и мятеж.

— Но коли так, почему бы тебе не околдовать его армию и не уложить всех одним заклинанием? — не без насмешки осведомился Валерий.

Ксальтотун воззрился на аквилонца так, словно провидел не только насмешку, но и безумие, тлевшее в капризном взгляде правителя.

— Тебе не о чем беспокоиться, — сказал он, помолчав. — Мое искусство в конце концов сокрушит Конана, точно ящерицу под каблуком. Но даже колдовству должны помочь пика и меч!

— Если он перейдет реку и встанет в Горалийских холмах, его не так-то просто будет выковырнуть оттуда, — заметил Амальрик. — Но если мы перехватим его по эту сторону, в долине, мы сотрем его в порошок. Далеко ли Конан от Танасула?

— Если он будет двигаться с той же скоростью, что и теперь, он достигнет бродов завтра к вечеру. Его люди выносливы, и гонит он их без остановки. Он прибудет туда, опередив гандеров самое большее на день.

— Отлично! — Амальрик решительно грохнул по столу кулаком. — Я доберусь до Танасула прежде него. Скорее отправить к Тараску гонца, чтобы выступал немедля туда же! К тому времени, когда он подоспеет, я отрежу Конана от переправы и разобью его наголову. А потом вместе с Тараском мы перейдем на ту сторону и расправимся с гандерами...

Но Ксальтотун только покачал головой:

— Это был бы неплохой план, если бы перед тобой стоял не Конан. Однако твоих двадцати пяти тысяч воинов отнюдь не достаточно, чтобы покончить с его девятнадцатью до подхода гандеров. Они будут сражаться, как раненые пантеры! А если в разгар битвы подоспеют еще и гандеры? Ты окажешься между двух огней и будешь уничтожен к

приходу Тараска. Как бы он ни спешил, выручить тебя он не успеет.

— Ну так что же нам делать, по-твоему? — хмуро спросил Амальрик.

— Нужно идти на Конана объединенными силами, — ответствовал ахеронец. — Пошли всадника к Тараску, пусть двигается сюда. Дождемся его, потом вместе выступим на Танасул.

— Но пока мы будем ждать, Конан уйдет за реку и соединится с гандерами! — возразил Амальрик.

— Конан не сможет перейти реку, — заверил его Ксальтотун.

Вскинув голову, Амальрик прямо взглянул в бездонные глаза мага:

— К чему ты клонишь?

— Предположим, далеко на севере, в верховьях Ширки, разразятся проливные дожди, а значит, река у Танасула вспухнет так, что переправа сделается невозможной. Тогда мы сможем без лишней спешки собрать войска, прижать Конана к берегу и раздавить, как жука. А потом, когда полая вода схлынет, — я полагаю, это произойдет уже на другой день — мы перейдем реку, чтобы прикончить и гандеров. Таким образом, дважды наша полная сила будет использована против меньших отрядов.

Валерий расхохотался, как всегда, когда недалека была чья-нибудь гибель, — все равно, друга или врага, — и беспокойно, резким движением пригладил непослушные желтые кудри. Амальрик взирал на ахеронца со смесью ужаса и восхищения.

— Если мы загоним Конана в долину Ширки таким образом, чтобы по правую руку у него были отроги холмов, а слева — бешеная река, наши с Тараском армии вправду оставят от него мокрое место, — проговорил он. — Значит, ты думаешь — ты уверен, что возможны такие дожди?

— Я пойду в свой шатер, — вставая, сказал Ксальтотун. — Некромантия не совершается одним взмахом жезла. Отправьте к Тараску гонца. И чтобы никто не смел приближаться к моему шатру!

Без этого последнего приказа вполне можно было обойтись. Ни один солдат во всем войске ни за какие деньги не подошел бы к таинственному шатру из черного шелка, входные занавеси которого были всегда плотно задернуты.

Туда никогда не входил никто, кроме самого Ксальтотуна; тем не менее из шатра часто слышались загадочные голоса, полотнища стен трепетали при полном безветрии, раздавалась жутковатая музыка. А иногда, в глухой полуночный час, черный шелк подсвечивало изнутри багровое пламя, а по стенам начинали метаться бесформенные тени...

В ту ночь, лежа в своей палатке, Амальрик слышал бормотание барабана, доносившееся из шатра Ксальтотуна. Барабан гремел и гремел во тьме, и немедиец мог бы поклясться, что ему время от времени вторил низкий каркающий голос. Амальрик содрогался, ибо знал, что голос принадлежал не Ксальтотуну. Словно дальний гром, звучал барабан, и Амальрик, выглянув из палатки под утро, заметил у северного горизонта багровые сполохи молний; в иных сторонах света и над головой по-прежнему горели большие белые звезды. Сполохи мелькали почти беспрерывно, словно блики огня на блестящем клинке...

На другой день, на закате, явился с войском Тараск — пропыленный, измотанный дальним переходом; пешие воины на несколько часов отстали от конных. Тараск встал лагерем возле Амальрика, и уже на рассвете объединенная армия двинулась к западу.

Амальрик выслал вперед множество разведчиков и с нетерпением ждал вестей о пуантенцах, беспомощно топчущихся на берегу взбесившейся Ширки. Но вот наконец вернулись разведчики и сообщили, что Конан перешел реку!

— Что?.. — Амальрик не верил своим ушам. — Значит, он управился до наводнения?

— Никакого наводнения не было, — отвечали сбитые с толку соглядатаи. — Вчера поздно вечером он подошел к Танасулу и перебрался на ту сторону безо всяких помех...

— Как не было наводнения? — воскликнул Ксальтотун. Вид у мага был ошеломленный — впервые за все время, что Амальрик его знал. — Невозможно! В верховьях Ширки и позавчера, и вчера бушевал ливень!

— Может, и так, о повелитель, — ответствовал разведчик. — Вода в реке и впрямь мутная, и жители Танасула говорят, что вчера она поднималась примерно на фут. Но для того, чтобы остановить Конана, этого, видать, не хватило.

Волшебство Ксальтотуна не сработало!.. Эта мысль, точно молот, стучала в висках у Амальрика. С той ночи в

Бельверусе, когда он увидел своими глазами, как бурая засохшая мумия наливается плотью и становится человеком, его страх перед этим человеком все возрастал. Гибель Ораста лишь подтвердила худшие опасения немедийца. В глубине души его зрело жуткое убеждение: этот волшебник — или демон — непобедим. А теперь перед ним было зримое свидетельство неудачи!

Но, может быть, думал барон Торский, нынешняя неудача случайна? Даже величайший из магов время от времени допускает ошибки... Как бы то ни было, еще не время становиться поперек пути ахеронцу. Ораст вон попробовал — и угодил один Митра знает в какой круг Преисподней... Амальрик понимал: его меч навряд ли вырвет победу там, где оказалась бесполезна черная сила бывшего жреца...

В конце концов, ужасы и непотребства, задуманные Ксальтотуном, были делом отдаленного и еще неясного будущего. Зато Конан с его войском был близкой и вполне реальной угрозой. Почему бы не использовать против него магию Ксальтотуна? А там поглядим!

Они прибыли в Танасул — небольшое укрепленное поселение, близ которого естественная россыпь скал составляла как бы природную дамбу через реку, непроходимую разве что во время сильнейшего паводка. Разведчики, снова высланные вперед, сообщили, что Конан занял позицию в Горалийских холмах, отстоявших от реки примерно на милю. А к исходу дня в его лагерь прибыли гандеры.

Стояла ночь. Амальрик поглядывал на Ксальтотуна: в ярком свете факелов таинственный маг казался существом из другого мира.

— Что же нам делать теперь? — спросил барон. — Твоя магия не сработала, Конан стоит перед нами с войском, почти равным нашему, да еще и занял выгодную позицию. Нужно выбрать меньшее из двух зол: либо встать здесь и ждать, когда он нападет, либо отходить к Тарантии и ждать подкреплений!

— Промедление для нас — гибель, — отвечал Ксальтотун. — Переходите реку и разбивайте лагерь у берега. Мы нанесем удар на рассвете.

— Но у него настолько выгодная позиция... — начал Амальрик.

— Глупец! — Ксальтотун впервые сбросил маску извечного спокойствия. — Уже позабыл, что было при Валкии? Ты усомнился в моем могуществе из-за того лишь, что некий слепой природный закон помешал наводнению? Я желал, чтобы с врагом покончили ваши копья, но страшиться тебе нечего: мое искусство сокрушит его войско. Конан в ловушке. Он не увидит завтрашнего заката. Переходите реку!

Переправлялись при факельном свете. Кони цокали копытами по мокрым камням и с плеском одолевали мелководья. Пламя факелов отражалось в нагрудниках и щитах, бросая на черную воду зловещие кровавые блики. Скальная перемычка была довольно широкой, и тем не менее войско расположилось на отдых лишь после полуночи. Издалека, с возвышенностей, светил огоньками неприятельский лагерь. Конан собирался дать решительный бой в Горалийских холмах; не одному аквилонскому государю послужили они последним оплотом...

Покинув палатку, Амальрик беспокойно прохаживался по лагерю. Он видел загадочный свет, исходивший из шатра Ксальтотуна. Вновь раздавалось глухое бормотание барабана — на сей раз скорее шорох, чем гром, — и вопли демонов, время от времени прорезавшие сдержанный гул.

Ночь и волнение обострили инстинкты Амальрика; он чувствовал: Ксальтотуну противостояло нечто большее, нежели физическая мощь вражеских войск. И сомнения в могуществе колдуна вновь одолели барона. Он обвел взглядом огни, горевшие по высотам, и угрюмые морщины прорезали лицо. Он сам и его армия находились посреди враждебной страны. А там, в холмах, засели те, в чьих душах и сердцах давно выгорели все чувства, кроме беспощадной ненависти к захватчикам и безумной жажды отмщения. Поражение будет означать для немедийцев погибель, ибо отступление через враждебную, кровожадно настроенную страну ничем иным обернуться не может. С рассветом Амальрику предстояло бросить свою армию против величайшего воина западных стран и его войска, утратившего страх смерти. И если Ксальтотун со своими чарами опять их подведет...

В это время из глубоких потемок возникло с полдюжины солдат. Отсветы огня плясали по их нагрудникам и навершиям шлемов. Солдаты не то вели, не то волокли изможденного человека в драных лохмотьях.

— Государь, — отсалютовав барону, заговорили воины. — Этот человек сам вышел к лагерю. Он говорит,

ему позарез надо сказать что-то важное королю Валерию. Он аквилонец.

Правду сказать, походил он больше на волка — на волка, оставившего лапу в капкане. На лодыжках и запястьях виднелись застарелые язвы, причинить которые могли только кандалы. Клеймо, нанесенное каленым железом, уродовало лицо. Он упал на колени перед бароном, и тот видел только глаза, горевшие из-под спутанных грязных волос.

— Кто ты, смердящий пес? — спросил немедиец.

— Зови меня Тиберием, — ответил тот и судорожно лязгнул зубами. — Я пришел рассказать тебе, как подстроить Конану ловушку...

— Своих предаешь? — зарычал барон.

— Я слыхал, у тебя много золота, — дрожа в своих лохмотьях, продолжал человек. — Поделись со мной! Дай мне золота, а я покажу, как победить короля!

Его глаза горели безумием, руки, простертые ладонями вверх, больше походили на когтистые лапы...

Амальрик с отвращением передернул плечами. Впрочем, он никогда не гнушался и самыми низменными средствами — лишь бы они вели к победе.

— Если ты говоришь правду, тебе дадут золота больше, чем ты в состоянии унести, — сказал он. — Если же выяснится, что ты лжец и шпион, тебя распнут вниз головой. Ведите его за мной!

Явившись к Валерию, барон указал ему на перебежчика, который скорчился перед ним на земле, зябко кутаясь в рванье.

— Он уверяет, что якобы может помочь нам в завтрашней битве. И эта помощь будет не лишней, особенно если у Ксальтотуна опять что-нибудь не заладится. Говори, пес!

По телу оборванца прошла судорога, слова хлынули невнятным потоком:

— Конан разбил лагерь в верхней части Львиной долины... Она имеет форму веера: с обеих сторон крутые холмы. Если вы ударите завтра, вам придется атаковать прямо в лоб — холмы по сторонам неприступны. Но если король Валерий снизойдет до моих услуг, я проведу его тайной тропой меж холмов и покажу, как выйти королю Конану в тыл. Но для этого нужно выехать немедленно. Путь займет много часов... Придется долго ехать на запад, потом на север... потом повернуть на восток.. но зато мы

войдем в Львиную долину с тыла — так же, как прошли туда гандеры...

Амальрик в немалом сомнении мял рукой подбородок. В нынешние времена не так уж редки стали люди, готовые душу продать за горстку монет.

— Если заведешь меня куда-нибудь, будешь убит, — сказал Валерий. — Надеюсь, тебе это известно?

Оборванца опять затрясло, но горящий взгляд не дрогнул.

— Если я обману, убей меня!

— Конан не решится разделить свое войско, — вслух размышлял между тем Амальрик. — Ему понадобятся все силы, чтобы отразить нашу атаку. Не думаю, чтобы в горах ждали заставы... С другой стороны, этот малый знает, что в случае чего ему несдобровать. А чтобы такое ничтожество пожертвовало собой... нет, немыслимо. Я думаю, этот человек не обманывает, Валерий.

— Обманывает, и еще как: хочет продать своего освободителя, — засмеялся Валерий. — Что ж, хорошо. Посмотрим, куда приведет меня этот пес. Сколько воинов ты мне дашь?

— Пожалуй, пяти тысяч будет достаточно, — ответил Амальрик. — Неожиданная атака с тыла смешает их ряды, и нам этого хватит. Я буду ждать твоего появления около полудня!

— Я думаю, ты сразу заметишь, когда я появлюсь, — сказал Валерий.

Вернувшись к себе, Амальрик с удовлетворением убедился, что Ксальтотун еще пребывал в своем шатре — судя по нечеловеческим воплям, от которых то и дело вздрагивала ночь. Потом слуха барона коснулся лязг стальных доспехов и звяканье сбруи. Амальрик с мрачным удовлетворением улыбнулся во тьме. Валерий, пожалуй, ему был больше не нужен... Конан, как раненый лев, даже в агонии будет рвать и крушить. Будем надеяться, когда Валерий ударит Конану в спину, киммериец успеет уложить его прежде, чем будет убит сам. Пускай Валерий вымостит своими костями немедийцам путь к победе, после этого можно будет обойтись и без него.

Пять тысяч всадников, отряженные с Валерием, большей частью были отпетые аквилонские перебежчики. В бледном сиянии звезд выехали они из спящего лагеря, следуя западному изгибу гряды высоких холмов, чьи

гигантские тени чернели на небосводе. Валерий скакал первым, а рядом с ним ехал Тиберий. Ременная петля охватывала пояс предателя; другой конец ремня крепко держал воин, ехавший по другую сторону. Остальные всадники прижимались друг к другу, держа мечи наголо.

— Попробуешь обмануть — умрешь немедля, — еще раз предупредил Валерий. — Я не знаю этих холмов до последней тропинки, но в каком направлении ехать, чтобы выйти сзади к Львиной долине, уж как-нибудь разберусь. Так что смотри!

Тиберий втянул голову в плечи и, клацая зубами, принялся многословно убеждать короля в своей искренней верности. При этом он с самым дурацким видом поглядывал на знамя, реявшее над головой. На знамени была вышита золотая змея — эмблема прежней династии.

Обойдя отроги холмов, прикрывавших Львиную долину, отряд направился к западу. Еще через час всадники повернули на север и углубились в труднопроходимую, дикую местность, пробираясь извилистыми, едва различимыми тропами. Рассвет застал их в нескольких милях к северо-западу от позиции Конана. Здесь проводник повернул на восток и повел отряд сквозь путаницу ущелий. Валерий находил взглядом знакомые вершины и удовлетворенно кивал. Он неплохо представлял себе, куда они едут, и знал, что покамест все правильно.

И вдруг, безо всякого предупреждения, с севера стала наползать волокнистая масса тумана. Она растекалась по долинам, окутывая склоны. Вот скрылось солнце; мир превратился в серое ничто, дальше нескольких ярдов ничего невозможно было разобрать. Теперь отряд двигался чуть не ползком, с трудом нащупывая дорогу. Валерий сыпал проклятиями. Туман скрыл вершины, служившие ему ориентирами. Поневоле приходилось полностью довериться проводнику. Знамя с золотой змеей обвисло в безветренном воздухе...

Валерию показалось, что и Тиберий был в замешательстве: он остановился, неуверенно оглядываясь.

— Заблудился, собака? — резко спросил Валерий.

— Слушай! — ответил тот.

Где-то впереди едва слышно забили барабаны.

— Это барабаны Конана! — воскликнул аквилонец.

— Если мы подошли так близко, что слышны даже барабаны, — сказал Валерий, — то где же шум сражения? Ведь оно наверняка уже началось!

— Эхо в ущельях способно сыграть любую шутку, — стуча зубами, ответил Тиберий. Его бил жестокий озноб — удел всякого, много времени проведшего в сырости подземных казематов. — Слушай!..

И в самом деле, вскоре до слуха донесся глухой рев.

— Бой идет вон там, в долине! — закричал Тиберий. — А барабаны бьют на холмах! Поспешим же!..

С этими словами он поскакал прямо на гул далеких барабанов; замешательства как и не бывало. Валерий поехал следом, проклиная туман. Потом ему пришло в голову, что туман поможет им приблизиться скрытно. Конан их не заметит. Прежде чем полуденное солнце разгонит туман, они окажутся как раз за спиной киммерийца!

Теперь Валерий не имел уже вовсе никакого понятия о том, что лежало по сторонам: кручи, теснины или зеленые чащи. Барабаны все еще били, звук, приближаясь, делался громче. Валерий утратил всякое чувство направления и даже вздрогнул, когда в густых прядях тумана слева и справа выросли серые скальные стены: стало быть, они проезжали узким ущельем. И хотя проводник держался с полным спокойствием, Валерий облегченно вздохнул, когда стены расступились и исчезли из виду. Если бы их ожидала засада, ее устроили бы в самой теснине.

В это время Тиберий снова остановился. Барабанный бой сделался громче, но Валерий никак не мог решить, откуда слышался звук: слева или справа, спереди или сзади. Сидя на боевом коне, он раздраженно оглядывался. Кругом плавал туман, на доспехах оседали капельки влаги. Позади него длинная вереница закованных в латы всадников уходила во мглу, напоминая шествие призраков.

— Что медлишь, собака? — спросил он проводника.

Тот, казалось, прислушивался к невидимым барабанам. Но вот он медленно выпрямился в седле и повернулся к Валерию. Он улыбался, и страшна была его улыбка.

— Туман редеет, Валерий, — сказал он совсем другим голосом, костлявый палец указывал вверх: — Смотри же!

Барабаны внезапно умолкли. Туман быстро рассеивался. Из серых облаков выступили сначала вершины утесов, и почему-то дрожь брала от их вида. Ниже, ниже стлался туман, рассеиваясь и редея... И Валерий привстал в стременах, испустив крик, на который эхом откликнулись его воины. Впереди не было ничего похожего на широкую,

ровную долину, которую они ожидали увидеть. Ущелье кончалось тупиком. Со всех сторон высились отвесные скалы в сотни футов высотой. Сюда можно было попасть лишь узкой теснины, которую они только что миновали.

— Ублюдок!.. — стиснув кольчужный кулак, Валерий с размаху ударил Тиберия по зубам. — Что еще за шутки?

Тиберий выплюнул кровь изо рта и засмеялся — жутко и грозно:

— Скоро в мире станет одной мразью меньше... Смотри внимательнее, ты, мразь!

И Валерий вскрикнул опять — не от страха, больше от ярости.

Вход в ущелье перегородили какие-то люди, стоявшие неподвижно и молча. Оборванные, заросшие, страшные люди, сжимавшие в руках копья. Их там были многие сотни. А высоко на скалах уже возникали другие — тысячи других — истощенные, свирепые, меченные огнем, железом и голодом.

— Хитрость Конана!.. — бешено крикнул Валерий.

— Конан и не знает об этом, — засмеялся Тиберий. — Это заговор тех, кто по твоей милости все потерял и превратился в зверей. Прав был Амальрик: Конан не разделил своего войска. Мы — сброд, следовавший за ним, мы — волки, скрывшиеся в холмах, люди без крова и без надежды. Мы сами задумали это, а жрецы Асуры помогли нам, вызвав туман. Посмотри, посмотри на нас, Валерий! На каждом — твое клеймо, если не на теле, так на душе! Посмотри на меня!.. Ты не узнаешь меня, верно? Твой палач выжег этот рубец у меня на лице. А ведь когда-то ты меня знал. Я был владетелем Амилия... я тот, чьих сыновей ты казнил, чью дочь обесчестили и убили твои наемники. Ты по-прежнему уверен, что я не принесу себя в жертву, заманивая тебя в ловушку? Всемогущие Боги!.. Да будь у меня хоть тысяча жизней, я все бы их отдал, только чтобы сжить тебя со свету! И я сделал это!.. Смотри, смотри на погубленных тобою людей, на тех, кого ты считал мертвецами... Они все-таки дождались своего часа! Ты стоишь в могиле, Валерий! Попробуй взберись на скалы! Они круты и высоки!.. Попробуй вырвись отсюда — копья остановят тебя, а сверху обрушатся валуны! Я подожду тебя в Преисподней, ублюдок!..

Откинув голову, он захохотал так, что меж скал родилось эхо. Привстав в седле, Валерий сплеча рубанул его

громадным двуручным мечом. Лезвие рассекло плечо и глубоко вошло в грудь. Тиберий осел наземь, захлебываясь кровью, но продолжая смеяться.

Гортанный гром барабанов вновь огласил ущелье. Сотрясая землю, покатились вниз огромные валуны. Крики гибнущих мешались со свистом стрел, тучами полетевших с утесов...

Глава 22

ДОРОГА В АХЕРОН

Небо на востоке едва начинало светлеть, когда войско Амальрика вошло в устье Львиной долины. По сторонам ее поднимались невысокие, но очень крутые холмы, дно же, начиная от устья, постепенно повышалось, образуя несколько природных террас неправильной формы. На самой верхней из них и стояла, ожидая врага, армия Конана. И надо сказать, что отряд, пришедший к нему из Гандерланда, состоял не из одних только копейщиков. С ними явились еще семь тысяч боссонских стрелков, а кроме того, баронские дружины западных и северных провинций: четыре тысячи конных воинов, пополнившие ряды кавалерии.

Копейщики тесным клином выстроились в дальнем, суженном конце долины. Их было девятнадцать тысяч — большей частью гандеры, лишь около четырех тысяч пришли из других аквилонских провинций. С каждой стороны пеший клин прикрывало по пять тысяч боссонских стрелков. А позади копейщиков, держа наготове длинные пики, неподвижно сидели в седлах конные рыцари: десять тысяч пуантенцев и девять тысяч аквилонцев, не считая баронских дружин.

Позиция, занятая Конаном, была превосходна. Ее нельзя было обойти с флангов: никто не смог бы преодолеть лесистые кручи холмов под градом стрел метких боссонцев. Лагерь же располагался непосредственно позади войска, в узкой, сжатой крутыми скальными стенами ложбине — естественном продолжении Львиной долины, лишь чуть выше расположенном. Удара в спину Конану незачем было бояться. Он знал, что холмы позади него кишат бездомными

беглецами, отчаянными людьми, в чьей верности сомневаться не приходилось.

Лишь один недостаток имела позиция аквилонцев: в случае поражения отступить было почти невозможно. Львиная долина была не только природной крепостью, но и ловушкой для тех, кто держал в ней оборону: выбраться из нее можно было единственным узким ущельем. Только тот отважился бы принять здесь решительный бой, кто намерен был победить — или погибнуть.

Ксальтотун поднялся на холм, что стоял у широкого устья долины, по левую руку. Этот холм господствовал над остальными; назывался он Алтарем Королей, но почему — не помнил уже никто. Помнил лишь Ксальтотун, но ведь его память хранила тысячелетия.

Он был не один. С ним шли двое приближенных, те самые, красноглазые, волосатые, темнокожие. Они тащили юную аквилонскую девушку, связанную по рукам и ногам. Взойдя на вершину, они положили девушку на древний камень, и в самом деле похожий на жертвенник. Много веков точили его дожди, солнце и ветер, так что ныне живущие видели в нем лишь удивительное творение природы. Но Ксальтотун знал, чем в действительности был этот камень и почему он здесь стоял. Вот удалились слуги, сутулые, точно молчаливые гномы, и Ксальтотун остался один. Он стоял у каменного алтаря, глядя в долину, и утренний ветер развевал его темную бороду.

Отсюда было хорошо видно извилистое русло Ширки и холмы позади Львиной долины. Ксальтотун видел стальной клин, изготовившийся для боя, видел шлемы стрелков, поблескивавшие среди кустов и камней, видел неподвижных рыцарей, молча сидевших на боевых скакунах. Ветер трогал плюмажи на шлемах, пики топорщились, точно иглы ежа...

А с другой стороны стеной надвигались сплоченные ряды немедийцев. За их спинами равнина до самой реки пестрела яркими шатрами предводителей и линялыми палатками простых солдат.

Точно река расплавленной стали, вливались немедийцы в долину, и алый дракон Немедии плыл по ветру над их головами. Самыми первыми двигались арбалетчики: стрелы лежали на тетивах, пальцы — на спусковых крючках. Следом шли копейщики, а за копейщиками — главная ударная сила армии, конные рыцари. Они ехали под развернутыми

знаменами, подняв пики, громадные кони выступали торжественным шагом, как на смотру.

Аквилонская армия, изрядно уступавшая числом, ждала их в мрачном молчании.

Немедийских рыцарей было тридцать тысяч. По обычаю всех хайборийских народов, решить исход битвы предстояло именно им; пешее войско должно было лишь расчистить дорогу. Пеших — копейщиков и стрелков — было двадцать одна тысяча.

Арбалетчики принялись стрелять на ходу; стрелы с гудением и визгом уходили с тетив, но либо падали наземь, не долетев, либо отскакивали от сомкнутых щитов гандерских пехотинцев. Боссонские стрелки не дали немедийцам безнаказанно подойти на убойное расстояние: из-за камней, из кустов ударили длинные стрелы.

Довольно скоро арбалетчики начали пятиться, а затем и отступать в беспорядке. Их самострелы не могли равняться с боссонскими луками, а доспехи были слишком легки. К тому же они сознавали, что их всего лишь используют для того, чтобы расчистить рыцарям дорогу; легко догадаться, что повышению боевого духа это отнюдь не способствовало.

Смешав ряды, арбалетчики расступились и пропустили вперед пеших копейщиков. Эти были все больше наемники: их хозяева безо всяких угрызений совести приносили их в жертву. Они должны были отвлечь внимание от рыцарей, давая тем подойти поближе. Разойдясь по флангам, арбалетчики продолжали стрелять, между тем как копейщики двинулись мерным шагом навстречу вихрю стрел. Позади них ехали рыцари.

Наемники уже готовы были дрогнуть под убийственным градом, летевшим на них с высоты, но тут пропела труба, пешие отряды подались в стороны, и закованные в железо рыцари рванулись вперед.

Им пришлось скакать сквозь жалящее облако смерти. Длинные стрелы безошибочно находили каждую щелку лат, каждое отверстие конских доспехов. Едва взобравшись на очередную террасу, иные лошади вставали на дыбы и скатывались вниз, унося с собой седоков. Неподвижные тела в стальных латах усеяли склоны. Рыцарская атака захлебнулась и повернула назад.

Амальрик перестраивал ряды, отступив к устью долины. Тараск с обнаженным мечом дрался под своим флагом, но

боем командовал барон Торский. Амальрик бешено ругался, глядя на неподвижный лес пик, хорошо видимый над шлемами гандеров. Он так надеялся, что его отход заставит аквилонских рыцарей броситься за ними вниз по склону и погибнуть под стрелами арбалетчиков, под ударами превосходящих сил конницы. Но — проклятие! — они так и не сдвинулись с места. Слуги сбивались с ног, таская в бурдюках воду из реки, рыцари снимали шлемы и освежали потные головы. Раненые, оставшиеся на склонах, тщетно просили пить. Зато у аквилонского войска были под рукой родники, так что, несмотря на жаркий весенний день, от жажды они не страдали.

Ксальтотун наблюдал за ходом битвы, стоя на вершине Алтаря Королей у резного древнего камня. Вот, опустив пики, снова рванулись вперед рыцари с развевающимися султанами на шлемах. На сей раз они прорвались сквозь свистящее облако стрел и, подобно волне, с громом обрушились на живую стену щитов. Над пернатыми шлемами взлетали и падали топоры, снизу вверх били копья, валя и всадников, и коней. Честь гандеров рыцарской не уступала. Таких воинов не посылают на убой, чтобы господа могли снискать себе славу. Это была лучшая в мире пехота, и давняя традиция делала ее боевой дух непоколебимым. Короли Аквилонии с незапамятных пор ценили ее по достоинству. Не дрогнули гандеры и теперь. Знамя со львом развевалось над их стальными рядами, а в самой вершине клина вздымал окровавленный топор гигант в вороненых доспехах, с равной легкостью сокрушая и кости, и стальную броню.

Немедийцы были отважными воинами и сражались упорно, как велел им рыцарский долг. Но железный клин сломать так и не удалось, а с лесистых круч, высившихся слева и справа, дождем сыпались стрелы, производя в их тесно скученных рядах страшное опустошение. Арбалетчики здесь ничем помочь не могли, а копейщикам не под силу было одолеть крутизну и добраться до боссонцев. Нехотя отступили упрямые рыцари, и гандеры проводили их торжествующим криком. Защитники долины сомкнули ряды, заступая место павших товарищей. Пот катился из-под стальных шлемов; крепко сжимая копья, гандеры ждали новых атак, и сердца их наполнялись гордостью оттого, что среди них, как простой воин, рубился сам король. Аквилонские рыцари, сидевшие в седлах позади копейщи-

ков, так и не пошевелились. Неподвижные, угрюмые, они молча ожидали своего часа.

Вот рыцарь на взмыленном коне взлетел на вершину Алтаря Королей. С горечью и гневом глянул он на Ксальтотуна.

— Амальрик велел передать: пришло время пускать в ход твою магию, чародей, — сказал он. — Мы мрем, как мухи, в этой проклятой долине! Мы не можем проломить их ряды!..

Ксальтотун, казалось, стал еще выше ростом и шире в плечах, весь облик его дышал жутким величием.

— Возвращайся к Амальрику, — сказал он. — Скажи ему: пусть строит своих людей для атаки, но повременит, пока я не дам сигнала. И прежде чем будет дан этот сигнал, он увидит такое, чего ему не забыть до смертного ложа!

Рыцарь отсалютовал ему без особой охоты и сломя голову умчался вниз по склону холма.

Ксальтотун стоял возле темного алтарного камня, глядя в долину — на мертвых и раненых, густо усеявших террасы, на угрюмых, окровавленных аквилонцев, на пыльные отряды латников, перестраивавшихся внизу. Потом он возвел глаза к небу... и наконец обратил взор на тоненькое девичье тело в белом платье, распростертое на алтаре. Подняв кинжал, сплошь усеянный архаическими письменами, Ксальтотун повел незапамятно древнее заклинание:

— О Сэт! Бог тьмы, чешуйчатый повелитель теней! Кровью девственницы и семикратным символом призываю я из черных недр земли твоих сыновей! Дети глубин, спящие под красной и черной землей, пробудитесь и встряхните своими ужасными гривами! Пусть дрогнут холмы, обрушивая на моих врагов лавины камней! Пусть небеса потемнеют над ними, а земля уйдет из-под ног! Пусть ветер, вырвавшийся из глубин, опутает их ноги, выпьет силы, иссушит и...

...Он так и замер с занесенным кинжалом в руке. Стало тихо, лишь ветер доносил из долины нестройный гул множества людей. Перед Ксальтотуном, по другую сторону алтаря, стоял человек в черном плаще. Капюшон бросал тень на его бледное, с тонкими чертами лицо и спокойные, задумчивые глаза.

— Собака асурит! — подобно рассерженной змее, зашипел Ксальтотун. — Безумец, уж не за смертью ли ты явился сюда? Эй, Баал, Хирон, живо ко мне!

— Зови, зови громче, ахеронец! — ответил человек и засмеялся. — Им, должно быть, нелегко расслышать тебя из Преисподней!

В это время из чащи, окаймлявшей вершину холма, показалась высокая старуха в крестьянской одежде. Ее седые волосы развевал ветер, а по пятам бежал большой волк.

— Жрец, ведьма и волк, — с презрительным смешком пробормотал Ксальтотун. — Глупцы! Что значат ваши жалкие фокусы по сравнению с моей силой! Движением руки смету я вас со своего пути...

— Сила твоя — что подхваченная ветром солома, ничтожный пифонец, — отвечал асурит. — Как ты думаешь, почему река не вспухла потоком и не заперла Конана на том берегу? Я разгадал твой умысел, приметив ночную грозу, и мои заклятия разогнали собранные тобой облака, не дав им пролиться дождем. А ты и не понял, что твоя магия так и не вызвала ливня...

— Лжешь! — закричал Ксальтотун, однако уверенность его была поколеблена. — Я ощущал, что против меня действует могущественное колдовство. Но магию дождя может рассеять лишь тот, кому подвластно самое сердце волшбы! Тебе ли это под силу?

— Но ведь наводнение, задуманное тобой, так и не произошло, — проговорил жрец. Взгляни на своих союзников, пифонец! Ты привел их сюда на погибель! Ловушка захлопнулась, и ты уже не властен помочь. Смотри!

Тонкая рука Хадрата указывала вниз. Из ущелья, из верхней долины за спинами пуантенцев, галопом вылетел всадник. Он бешено размахивал над головой чем-то блестящим. Бесстрашно промчался он вниз по склону, между расступившимися гандерами, и те с торжествующим ревом принялись бить копьями в щиты, наполнив громом долину. Выскочив на террасу, разделявшую два войска, взмыленный конь завертелся на месте, взвиваясь на дыбы. Седок кричал не своим голосом, продолжая размахивать рукой. Это был обрывок алого знамени: солнце играло и переливалось на чешуе золотой змеи, украшавшей полотнище.

— Валерий мертв! — зазвенел голос Хадрата. — Барабаны в тумане привели его к гибели! Я собрал этот туман, ничтожный пифонец, я же и развеял его с помощью своей магии, которая куда сильнее твоей!

— Что мне до Валерия? — возвысил голос Ксальтотун. На него было страшно смотреть: глаза горели, судорога коверкала черты. — Мне больше не нужен этот глупец! Я сокрушу Конана и без помощи смертных людишек...

— Так что же ты медлишь? — насмешливо осведомился Хадрат. — Чего ради ты позволил стольким своим сторонникам умереть под стрелами и на копьях?

— Потому что для великого колдовства нужна кровь! — загремел Ксальтотун, и скалы содрогнулись от его голоса. Мертвенное сияние переливалось вокруг его головы. — Потому что ни один волшебник не тратит сил попусту! Потому что я сохранил свою мощь для великих дел будущего, не желая расходовать ее ради какой-то потасовки в холмах! Но теперь, клянусь Сэтом, я дам ей полную волю! Смотри же, пес, бессильный жрец давно умершего Бога, смотри, и рассудок навсегда оставит тебя!

Но Хадрат откинул голову и рассмеялся, и было в его смехе обещание ада:

— И ты смотри, черный демон Пифона!

Его рука нырнула под плащ и извлекла нечто, затмившее даже яркий солнечный свет. Всю вершину холма объяло пульсирующее золотое сияние, и Ксальтотун вдруг сделался похож на мертвеца.

Он вскрикнул, словно ощутив смертельную рану:

— Сердце! Сердце Аримана!..

— Да! — был ответ. — И тебе не превозмочь его силу!

Казалось, Ксальтотун начал стариться и усыхать: бороду и волосы на глазах усыпала седина.

— Сердце!.. — повторил он невнятно. — Ты украл его, собака... вор...

— Нет, я не крал его. Оно побывало далеко в южных странах, и долгим было его путешествие. Но теперь оно у меня в руках, и против него тебе не поможет вся твоя черная сила. Сердце воскресило тебя — оно же и отбросит тебя обратно во тьму, из которой ты был вызван. Отправляйся же в Ахерон по темной дороге, сквозь сумрак и тишину. Пусть черная империя, которую ты хотел возродить, навеки пребудет лишь страшной легендой и затеряется в памяти человечества. Конан снова будет править страной, а Сердце Аримана вернется домой — в пещеру под храмом Митры. Тысячу лет оно будет гореть там как символ могущества Аквилонии!

Ксальтотун взмахнул кинжалом и с нечеловеческим криком бросился на Хадрата, огибая алтарь. Но в это время

откуда-то — то ли с небес, то ли из самого камня, сиявшего на ладони Хадрата, — ударил слепящий голубой луч. Он вонзился прямо в грудь Ксальтотуну, и громовой раскат эхом раскатился в холмах. Ахеронский волшебник рухнул на землю, но, еще не коснувшись ее, его тело претерпело жуткие изменения. Не труп только что убитого лежал возле алтаря — иссохшая, сморщенная мумия, скорчившаяся внутри истлевших повязок.

Зелата задумчиво смотрела на то, что лежало у ее ног.

— Он и не жил по-настоящему, — сказала она. — Сердце придало ему пустую видимость жизни, так что он и сам обманулся. А я всегда видела в нем лишь мумию!

Хадрат склонился над алтарем и освободил девушку, лежавшую без чувств. И в это время из-за деревьев появилось нечто странное: колесница Ксальтотуна, влекомая демоническими конями. Медленным шагом подошли они к алтарю и остановились. Бронзовое колесо почти касалось того, что уже не было человеком. Хадрат поднял высохшие останки и положил их в колесницу. Тотчас же тронулись с места волшебные кони и поскакали на юг, вниз по склону холма. Хадрат, Зелата и волк долго следили за тем, как они удалялись. Перед ними лежала долгая дорога в Ахерон, недоступная глазам смертного человека.

А внизу, в долине, Амальрик так и замер в седле при виде безумного всадника, что гарцевал между армиями, размахивая окровавленным клоком знамени с золотой змеей. Потом некое чувство заставило его вскинуть голову и обернуться к холму, звавшемуся Алтарем Королей... и раскрыть рот в изумлении. Вся долина увидела то же, что и барон: с вершины холма взвился луч слепящего света, окутанный брызгами золотого огня. Высоко над головами людей вспыхнуло такое сияние, что даже солнце, казалось, на миг побледнело.

— Сигнал Ксальтотуна!.. — взревел барон.

— Нет! — крикнул Тараск. — Это сигнал аквилонцам! Гляди!..

Там, наверху, наконец-то шевельнулся доселе неподвижный рыцарский строй. Долина огласилась густым, низким ревом множества глоток.

— Ксальтотун подвел нас!.. — в ярости вырвалось у Амальрика. — И Валерий! Мы в ловушке! Проклятие

Митры на голову Ксальтотуна — это он привел нас сюда! Трубач! Труби отступление!..

— Поздно! — завопил Тараск. — Слишком поздно!..

Дрогнул, опускаясь, железный лес пик. Ряды гандеров раздвинулись, точно занавес, отхлынув влево и вправо. С ураганным гулом ринулись вниз по склону рыцари Аквилонии.

Ничто не могло противостоять этой атаке. Стрелы, выпущенные перепуганными арбалетчиками, отскакивали от щитов и шлемов. Развевались цветные султаны, сеяли смерть склоненные пики... Дрогнувшие копейщики немедийцев были сметены в один миг, и стальная лавина понеслась дальше.

Срывая голос, Амальрик выкрикнул приказ, и его рыцари, пришпорив коней, с отчаянным мужеством устремились навстречу. Они все еще имели численный перевес, но это были усталые воины на усталых конях, к тому же скакавшие вверх по склонам, между тем как их противники впервые за весь день обнажили мечи. Они неслись вниз с силой и яростью бури — и, подобно буре, смяли они немедийцев, смешав их ряды, расчленив строй. Опрокинули — и погнали уцелевших к устью долины.

А за ними бегом поспешали пешие гандеры, жаждущие вражеской крови. С круч кувырком скатывались боссонцы и на ходу выпускали в неприятеля стрелу за стрелой...

Вниз, вниз, с террасы на террасу катился кровавый поток и нес с собой ошарашенных, сломленных немедийцев. Арбалетчики бросали оружие и разбегались. Копейщики, пережившие сокрушительную рыцарскую атаку, были вырезаны гандерами безо всякой пощады.

Миновав устье долины, битва выплеснулась в чистое поле. По всей равнине туда и сюда мчались воины, удирая, преследуя и убивая. Кто-то сходился один на один, кто-то, подняв коня на дыбы, разил двуручным мечом. Немедийцы еще дрались, но были уже не способны хоть как-то сомкнуть ряды и дать отпор. Целые сотни их покидали сражение и мчались к реке. Многим удалось достичь ее, выбраться на тот берег и ускакать на восток. Но огонь восстания уже охватил всю страну, жители охотились на бывших захватчиков, как на волков. До Тарантии добрались единицы.

Окончательно подорвала дух немедийцев гибель Амальрика. Бросив безуспешные попытки собрать и построить

своих, барон устремился на вражеских рыцарей, следовавших за исполином в вороненых доспехах: царственный лев украшал его плащ, а над головой вилось черное аквилонское знамя с золотым львом и рядом с ним — малиновый леопард Пуантена. Высокий воин в сверкающих латах опустил пику и поскакал навстречу Амальрику. Они столкнулись с грохотом. Пика немедийца, угодив противнику в шлем, сорвала ремни и застежки: шлем слетел, обнаружив черты Паллантида. Пика аквилонца пробила и щит, и нагрудник, и сердце барона, сбросив его мертвое тело с седла, и под тяжестью пронзенного тела переломилась.

Поднялся отчаянный крик, сопротивление немедийцев было сломлено бесповоротно. Так приливная волна наконец прорывает и сносит подмытую дамбу. В слепом ужасе побежденные толпами устремились к реке... Кончился Час Дракона!

Тараск не побежал с поля сражения. Амальрик пал, погиб знаменосец, и королевское знамя Немедии было втоптано в кровавую грязь. Большая часть ее рыцарей скакала прочь, по пятам преследуемая аквилонцами. Тараск понимал, что битва проиграна, и с горсткой черных воинов метался по равнине, одержимый лишь одной мыслью — встретиться с Конаном. И наконец он встретил его.

К тому времени отряды успели окончательно рассыпаться и перемешаться. Пернатый шлем Троцеро сверкал в одном конце поля, шлемы Просперо и Паллантида — в другом. Конан был один. Тараск тоже был один: все его люди погибли. Два короля сошлись в поединке.

Они уже ринулись друг на друга, но тут конь Тараска захрипел и осел наземь. Конан тоже покинул седло и побежал навстречу противнику. Тараск поднялся, с трудом выпутавшись из сбруи. Ослепительно сверкнули клинки и встретились с лязгом, разбрызгивая синие искры... потом загремели доспехи: Тараск растянулся на земле, сбитый с ног страшным ударом Конанова меча.

Киммериец поставил латный башмак на грудь врагу и снова занес меч. На нем уже не было шлема; он встряхнул густой черной гривой, синие глаза горели прежним огнем:

— Сдаешься, ты..?

— Ты хочешь меня пощадить? — удивленно спросил немедиец.

— Да, хочу. Хотя ты, собака, меня в свое время и не думал щадить. Живи! И пусть живут все твои, кто бросил

оружие. А уж как чешутся руки раскроить тебе башку... — добавил киммериец.

Тараск, как мог, вывернул шею и оглядел поле. Остатки немедийского войска удирали по каменной дамбе. Победоносные аквилонцы висели у них на плечах, рубя со всей яростью сбывшейся мести. Гандеры и боссонцы наводнили вражеский лагерь, раздирая палатки в поисках поживы, ловя пленников, вспарывая тюки и переворачивая повозки...

Тараск грязно выругался и передернул плечами — насколько он вообще мог это сделать, прижатый к земле.

— Что ж, выбора у меня нет... Каковы твои условия?

— Ты отдашь все, чем успел завладеть в Аквилонии. Пусть твоя солдатня сложит оружие и выметается изо всех замков и городов, да поживее. Ты выкупишь и вернешь на родину всех аквилонцев, проданных в рабство. А потом, когда мы в полной мере подсчитаем убытки, нанесенные войной, ты их возместишь. И будешь сидеть у меня заложником, пока это все не будет исполнено!

— Хорошо, — сдался Тараск. — Мои гарнизоны оставят города и замки без боя... и все прочее, как ты сказал. Ну, а за мою шкуру какой выкуп назначишь?

Конан засмеялся и убрал ногу с груди врага, а потом одним рывком поставил его на ноги, взяв за плечо. Он хотел что-то сказать, но заметил шедшего к ним Хадрата. Жрец, как обычно невозмутимый, осторожно пробирался между грудами мертвых тел, конских и человеческих.

Окровавленной рукой Конан утер с лица пыль и пот. Он бился весь день: сначала — пешим, среди гандерских копейщиков, потом пересел в седло и возглавил рыцарскую атаку. Он лишился плаща, залитые кровью доспехи были измяты ударами множества мечей, булав и секир. Он стоял во весь рост посреди ужасного побоища, похожий на языческого героя древней легенды.

— Ты хорошо поработал, Хадрат! — загремел он весело. — Во имя Крома, как я обрадовался, разглядев твой сигнал! Мои рыцари с ума сходили от нетерпения, уж очень хотелось им взяться поскорей за мечи. Еще немного, и я не смог бы их удержать... А что там наш чародей?

— Он отправился путем мрака обратно в свой Ахерон, — ответил Хадрат. — Мне же пора вернуться в Тарантию... Здесь я больше не нужен, зато в храме Митры меня ждет одно неотложное дело. Все мы совершили здесь,

что могли... На этом поле мы спасли Аквилонию, и не только ее. Твое возвращение в столицу станет триумфальным шествием по шальной от счастья стране. Вся Аквилония выйдет приветствовать возвращение своего короля! Итак, до встречи в Тарантии, в тронном зале дворца!

Конан молча проводил глазами жреца. Со всех сторон к нему уже спешили верные рыцари. Он разглядел Паллантида, Троцеро, Просперо и Сервия Галанна в политых кровью доспехах. Шум битвы постепенно смолкал, сменяясь многоголосым ликующим ревом. Все взгляды, горящие яростью и восторгом выигранной битвы, устремились к исполинской черной фигуре короля, руки в латных рукавицах потрясали обагренными клинками. Отовсюду несся могучий, громовой крик, подобный гулу морского прибоя:

— Слава Конану, королю Аквилонии!.. Слава!..

— Ты еще не назвал моего выкупа, — мрачно буркнул Тараск.

Рассмеявшись, Конан со стуком вдвинул меч в ножны. Расправив плечи, он провел пятерней по волосам, словно бы ощущая на них отвоеванную корону.

— В твоем серале, — сказал он, — есть одна девушка. Ее имя Зенобия.

— Да... да, кажется, есть.

— Вот и отлично. — Король улыбнулся, словно вспомнив о чем-то очень хорошем. — Она станет твоим выкупом, больше мне ничего не надо. Я приеду за ней в Бельверус, как и обещал. В Немедии она была рабыней, а в Аквилонии я сделаю ее королевой!

СОДЕРЖАНИЕ

«Мир Хайборийской эры». *С. Трощкий* 5

Письмо Роберта Говарда 14

Хайборийская эра 18

СЛОНОВЬЯ БАШНЯ *(пер. Е. Хаецкой)*

Глава 1 44

Глава 2 48

Глава 3 63

БОГ ИЗ ЧАШИ *(пер. Е. Хаецкой)* 72

БАГРЯНЫЙ ЖРЕЦ *(пер. Е. Хаецкой)*

Глава 1 93

Глава 2 99

Глава 3 102

В ЗАЛЕ МЕРТВЕЦОВ *(пер. Е. Хаецкой)* 121

РУКА НЕРГАЛА *(пер. Е. Хаецкой)*

Глава 1. Черные тени 145

Глава 2. Поле битвы 149

Глава 3. Ильдико 152

Глава 4. В доме Атамиса 155

Глава 5. Рука Нергала 159

Глава 6. Сердце Таммуза 163

Глава 7. Сердце и Рука 166

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЕМОН *(пер. Е. Кравцовой)*

Глава 1 170
Глава 2 173
Глава 3 178
Глава 4 181
Глава 5 188
Глава 6 193

АЛЫЕ КОГТИ *(пер. А. Циммермана)*

Глава 1. Череп на скале 206
Глава 2. В мерцании зеленых камней 226
Глава 3. Народ, живущий ненавистью 245
Глава 4. Аромат черного лотоса 259
Глава 5. Двадцать красных гвоздей 264
Глава 6. Взгляд Тасцелы 277
Глава 7. Тот, кто вышел из Тьмы 285

СОКРОВИЩА ГВАЛУРА *(пер. А. Циммермана)*

Глава 1. Дворцовые интриги 297
Глава 2. Богиня пробуждается 311
Глава 3. Ответ прорицательницы 320
Глава 4. «Зубы Гвалура» 330

ЗА ЧЕРНОЙ РЕКОЙ *(пер. А. Циммермана)*

Глава 1. Конан теряет топор 347
Глава 2. Колдун из Гвавелы 358
Глава 3. Скользящие во тьме 364
Глава 4. Звери Зогар Сага 367
Глава 5. Дети Джеббаль Сага 376

Глава 6. Красные топоры границы 389
Глава 7. Болотный дьявол 401
Глава 8. Конаджохаре — конец 405

ЧАС ДРАКОНА *(пер. Г. Трубицыной)*
Глава 1. Спящий, пробудись! 409
Глава 2. Дуновение тьмы 418
Глава 3. И содрогнулись утесы 427
Глава 4. «Из какой бездны ты выполз?» 435
Глава 5. Ужас подземелий 444
Глава 6. Удар кинжала 452
Глава 7. Завеса раздвинулась 463
Глава 8. Угли гаснущего костра 476
Глава 9. «Это король! Или его призрак!» 485
Глава 10. Монета из Ахерона 494
Глава 11. Рыцари Юга 505
Глава 12. Клык дракона 513
Глава 13. «Тень явилась из прошлого...» 525
Глава 14. Черная ладонь Сэта 532
Глава 15. Возвращение корсара 540
Глава 16. Город черных стен — Кеми 545
Глава 17. «Он убил священного сына Сэта» 549
Глава 18. «Я — женщина, не знавшая смерти...» 556
Глава 19. В Зале Мертвых 564
Глава 20. И восстанет Ахерон из праха 571
Глава 21. Барабаны в тумане 580
Глава 22. Дорога в Ахерон 593

Литературно-художественное издание

Роберт Говард
КОНАН ИЗ КИММЕРИИ

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Разработка карты
Сергея Троицкого

Художественный редактор
Илья Кучма

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Ольга Карпеева
Галина Мартьянова
Людмила Ни

Верстка
Вера Романенко

ЛР № 071177 от 05.06.95.
Подписано в печать с оригинал-макета 10.11.96.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».
Тираж 40 000 экз. Усл. печ. л. 32.
Изд. № 181. Заказ № 184.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА
С
З
В
Ю
МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАРД
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
КИММЕРИЯ
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ГАНДЕРЛАНД
НЕМЕДИЯ
БРИТУНИЯ
ЗАМОРА
ЗИНГАРА
ДЕБРИ ПИКТОВ
АКВИЛОНИЯ
КОРИНФИЯ
ЗАПАДНЫЕ ГОРЫ
ЗАПАДНЫЕ ПУСТЫНИ
ОФИР
КОФЕТСКИЕ ГОРЫ
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
АРГОС
ШЕМ
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
ЗЕМБАБВЕ
ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА
ВЕНДИЯ
ИРАНИСТАН
КИТАЙ
Халога
Галларан
Велитриум
Танасул
Бельверус
Нумалия
Султанапур
Шадизар
Карпашские горы
Аренджун
остров Железных Идолов
Тарантия
Шамар
Ианта
Кордава
Хоршемиш
Анит
Аграпур
Самарра
Шангара
Замбула
Хорезм
Кутхемес
остров Кеапур
Мессантия
Асгалун
Эрук
Кеми
Луксур
Птейон
Суэмет
остров Сиптака
Черный остров
Аламут
Кешла
Ксутал
Ксухотл
Кассали
р. Черная
р. Громова
р. Ширка
р. Хорот
р. Тайбор
р. Красная
р. Стикс
р. Зархеба
р. Зеленая
горы Кезанкия
Рабиринские горы

CONAN

И вот перед вами еще одна книга непревзойденного Мастера фэнтези, первого летописца Хайборийской эпохи

РОБЕРТА ИРВИНА ГОВАРДА

Жизнь Мастера была коротка, но до сих пор поклонников литературы «меча и колдовства» поражают подвиги Короля Кулла и Соломона Кейна, Кормака МакАрта и Брана МакМорна. Однако самым великим из всех героев, созданных Робертом Говардом, стал

КОНАН ИЗ КИММЕРИИ

Жизнь, полная приключений, выпала на долю мальчика-северянина. Кем он только не был: наемником, рабом, пиратом. Лишь стальной клинок и отважное сердце помогли ему взойти на трон одного из царств, существовавших на земле в ту далекую Хайборийскую эпоху.

И в этой книге собрано несколько самых удивительных фрагментов Саги о Благородном Варваре.

4 600202 000653

CONAN — зарегистрированная торговая марка Conan Properties, Inc.
Использована по лицензии.